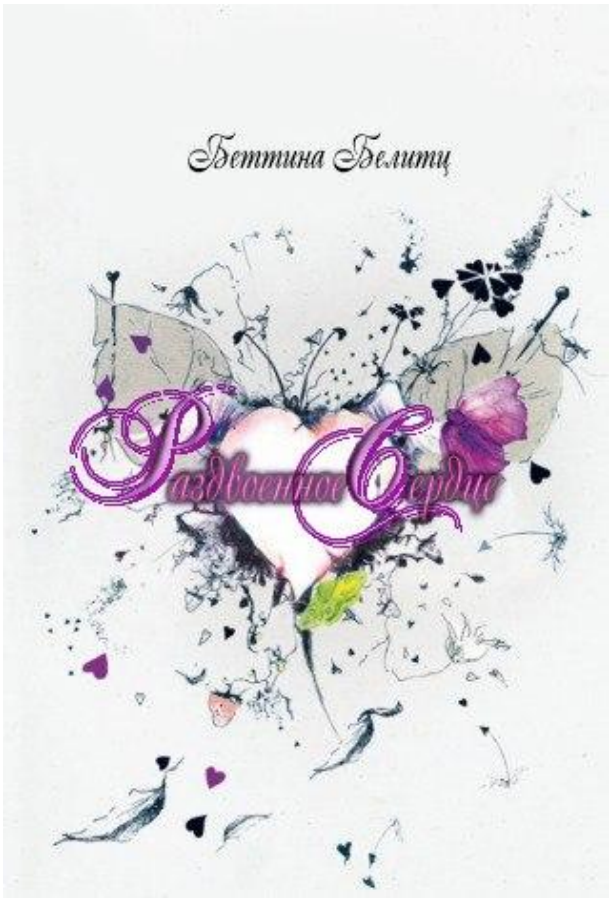
Беттина Белитц - Раздвоенное сердце



Переведено специально для группы
˜”*°•†Мир фэнтези†•°*”˜
http://vk.com/club43447162

Переводчики:
lena68169, Julia85, VarvaraFedotova, Rozario_agro14, CrYzA

Рекдактор:
Татьяна Матина

Аннотация

Лишь по одной причине Елизавета Штурм не хочет возвращаться из деревни в Кёльн, и эта причина — Колин. Высокомерный, неприступный, но, к сожалению, также сильно привлекательный Колин, остаётся для неё загадкой. И хотя она из-за всех сил старается, она не может противится его обаянию. Вскоре Эли узнает, что он связан с её семьёй больше, чем она могла себе представить. Её отец Лео скрывает тайну, которая делает его и Колина непримиримыми противниками и ведёт Эли к смертельной опасности. То, что её странные ночные сны это ключ к разгадке Эли понимает лишь, когда её чувства к Колину грозят уничтожить всё, что она любит.

Оглавление

Пролог 4
Весна 5
Глава 1. Потеряв голову 5
Глава 2. Городское создание 11
Глава 3. Дьявол и его лошадь 20
Глава 4. Глупые сплетни 28
Глава 5. Самурайская лихорадка 32
Глава 6. Проблеск надежды 42
Глава 7. Мимикрия 51
Начало лета 55
Глава 8. Полет вниз 55
Глава 9. Шепот лошадей 59
Глава 10. Мотылек 63
Глава 11. Голубой лед 72
Глава 12. Задета за живое 80
Глава13. Ночные мысли 84
Глава 14. Море слёз 87
Глава 15. Ночной танец теней 93
Глава 16. Братья по крови 104
Глава 17. Заражение 109
Глава 18. Блины с яблоками 124
Глава 19. Луна в июне 131
Лето 132
Глава 20. Сомнительное предприятие 132
Глава 21. Правила верховой езды 137
Глава 22. Выздоровление 142
Глава 23. Бунт 144
Глава 25. Метаморфоза 171
Глава 26. Хоровод 183
Глава 27. Последний вызов: Ибица 192
Глава 28. Одна-одна 194
Глава 29. Апокалипсис 199
Глава 30. В пылу охоты 205
Глава 31. Ночная вахта 214
Глава 32. Дала волю рукам 219

Глава 33. Махинации 228
Глава 34. Любовники 234
Глава 35. Голые факты 237
Глава 36. Нет никаких новостей 245
Глава 37. Бабье лето. Террор чёрной вдовы 248
Глава 38. Предупреждения 255
Глава 39. Испытание 260
Глава 40. Сладких снов 268
Глава 41. Бойня 275
Глава 42. Отсрочка 289
Глава 43. Рассвет 298

Пролог

Что-то изменилось. Я чувствую это.

Воздух стал мягче, лес зеленее, ночное небо темнее. Луна будто плачет. Появилась новая душа. Она мечется, как загнанная в клетку птица. Она беспокойная, отчаянная, капризная. Она нежная и дикая одновременно. Она колючая. И на вкус она восхитительна. Это душа девушки.

Я сижу наверху своей горы, смотрю вниз, в темноту, и чувствую голод. Я борюсь с ним, прикладывая все свои силы. Час за часом, минута за минутой, я буду дальше продолжать бороться, пока душа не станет старой и бесчувственной и не умрёт.

Я борюсь. Борюсь. И проигрываю.

Весна

Глава 1. Потеряв голову

Сейчас. Наконец-то это случилось. Мое тело сразу вжалось в мягкий матрас, и я опустилась немного ниже, совсем на несколько миллиметров, но этого было достаточно, чтобы мои веки стали тяжелыми. Мои мысли разлетелись в разные стороны, и ярость смягчилась. Я была еще достаточно бодра, чтобы радоваться чему-то, но достаточно уставшая, чтобы грустить. Вероятно, меня ждали даже сны. Утешающие сны. Что-то, что на короткое время сделало бы меня другим человеком. Но перед тем как у них появился шанс проникнуть в мое сознание, я услышала приближающееся шаги.

— Елизавета! Пожалуйста!

Я недовольно заворчала. Еще несколько вдохов, и папа нашел бы меня крепко спящую. Одно мгновение я ненавидела его за то, что напугал меня. Мое сердце болезненно билось в груди.

— Нет, позже, — ответила я ворчливо и натянула одеяло на голову.

Разве нельзя просто спокойно полежать в постели и ни о чем не думать? Да, был только ранний вечер, но сегодня воскресенье. И если и есть какой-нибудь день в неделе, когда можно проспать весь день, так это как раз он и есть.

Я точно знала, чего хотел от меня мой папа. Он пригрозил мне этим сразу же после нашего прибытия в Никуда. Он хотел, чтобы я таскала коробки с вещами, осмотрела дом, помогла ему убрать на место книги. И он хотел, чтобы я разнесла карточки с приветствием нашим соседям. Теперь он снова стоял перед моей кроватью и махал пачкой конвертов перед моим скрытым лицом. Значит, он исполнил свои угрозы. Так же как он сделал, переехав из города Кельна в эту пустынную местность и купив этот дом в Вестервальде.

Я смеялась, когда он сообщил мне о своем решении, так как думала, что это плохая шутка. Папина частная практика работала хорошо, но он хотел проводить больше исследований, а психиатрическая клиника в Риддорфе нуждалась в новом главном враче. Если бы папа хотя бы выбрал дом в Риддорфе. Но нет. Если уж переезжать в деревню, так в самую глушь. В этом захолустье ничего не было. Совсем ничего. Даже булочной. Почти 400 человек, из которых добрую половину можно поселить в доме престарелых.

Мне даже не хотелось произносить имя этого захолустья. Кауленфельд. Звучало как забитые животные. Маме сразу понравилась идея папы. Она выглядела почти счастливой после того, как он подписал договор купли-продажи. И до сегодняшнего момента ничего не изменилось. Уже в течение нескольких недель они вели себя как подростки на первой школьной поездке. Я же, напротив, все чаще пряталась в своей комнате и ревела. Но теперь папа не желал, чтобы я пряталась. Краем глаза я взглянула в окно поверх подушки. Снаружи было еще светло.

Хотя уже наступали сумерки - серый цвет медленно уступал сиреневому -, меня все еще можно будет увидеть и принять за чужую. Но я не хотела, чтобы меня видели и обсуждали. Никто и ничто. Папа вздохнул и скривился. Локон его волос упал между бровей и образовал темную S на его лбу. «У него просто возмутительно прекрасные волосы для мужчины», - подумала я в сотый раз. Это несправедливо. Женщины должны иметь такие волосы. У меня должны были быть такие.

- Елизавета, у меня нет настроения обсуждать это. Ты все эти недели не помогала нам с ремонтом. Хорошо, это мы приняли. То, что ты сегодня снова целый день лежишь в кровати, хотя у нас столько работы, ладно. Но сейчас мы тебя просим всего лишь разнести приветственные открытки нашим соседям. И я не знаю, что...

- Я сделаю это, - закричала я злобно и бросила подушку.- Я не утверждала, что отказываюсь от этого. Я хочу всего лишь немного отдохнуть.

- Отдохнуть, - повторил папа. Его левый уголок губ скривился в полуулыбке. - От чего?

- Через час, - проигнорировала я его вопрос.

Я отвернулась, но его взгляд, казалось, пронзал меня насквозь. Он точно знал, что нельзя быть уже более отдохнувшей, чем я была в этот момент – до того отдохнувшей, что мои ноги нервозно покалывало. Ведь я не только сегодня после обеда пролежала в кровати, но также всю субботу и воскресенье. Мне всего лишь нужно было дождаться, когда же сон возьмет своё, и я засну. Мои голова и мысли чувствовали усталость, но моему телу надоело всё время лежать.

Надеюсь, что я правильно рассчитала и что через час точно уже будет темно. Я хотела пробраться через деревню незамеченной. Чужой здесь сразу выделяется. Самым лучшим раскладом для меня будет то, что весь этот отвратительный последний год в гимназии меня никто не заметит. Но мама и папа думают иначе. Они вбили себе в голову установить как минимум родственные отношения с жителями деревни. Как будто моих родителей когда-то интересовали соседями и наоборот.

Даже если бы сам Иисус жил бы рядом, и тогда бы мой папа просто помахал бы рукой через забор. Все же обстановка была довольно напряженной, и у меня не было никакого желания обсуждать с родителями их отсутствующий круг друзей. Хорошо, у мамы он был, по крайней мере, она звонила подругам, писала им или посещала их время от времени.

Но все равно мы никогда никого не видели. «Им обоим было достаточно, что они есть друг у друга», - подумала я во внезапном порыве завести и коротко фыркнула.

- Елиза, - голос папы звучал уже не так весело и приветливо. - Не накаляй обстановку.

Легкий ветерок на моем лице подсказал мне, что он снова махал конвертами, но я не повернулась к нему. Был довольно большой риск, что он уговорит меня сделать это сразу.

Уже до этого занавески на окнах соседей шевелились, когда мы выходили из машины, и я стояла, замерзая на ветру, пока мама наконец не нашла правильный ключ.

- Ну, хорошо. Один час. Мне всё равно, - сдался папа, уронил конверты на мою кровать и вышел.

С громко колотящимся сердцем я осталась лежать. Я пыталась ни о чем не думать, пока небо из антрацита не стало сине-черным, и перед домом не зажглась уличная лампа нездоровым оранжево-розовом светом. Мне было действительно плохо от голода. С вечера пятницы я практически ничего не ела, и когда я стала подниматься, комната перед глазами начала вращаться.

Но я все же быстро поднялась на затекшие ноги, натянула полусапожки на высоком каблуке, не обращая внимания на ноющие пальцы, и накинула вязаное пальто. Если я упаду от слабости и горя, а папа найдет меня без сознания и к тому же тяжело пораненную, то возможно родители поймут, что притащили меня в ошибочное место, и возвратят всё назад. У этой мысли была своя прелесть. Хотя бы теоретически увидеть Гришу ещё раз... только ещё раз на него посмотреть. Даже если он меня не видит.

Но здесь я никогда больше не встречусь с ним. Осталось только мечтать о нем. Нет. Хватит. Никаких мыслей о Грише. Теперь Гриша был прошлым, и, вероятно, в этом принудительном переезде было что-то рациональное. Я не увижу его снова. Ни Тобиаса, ни Гришу. Ни в реальности, ни в мыслях.

"Только не падай духом, Элли", — наставляла я саму себя. Я уже давно запретила себе мечтать.

Это приводило к тому, что чувства путались, и реальность была еще безжалостней. Мечты о Грише были тем более запрещены. Они не улучшали ситуацию, а делали только хуже, так как пропасть между моими мечтами и тем, что было действительно, каждый раз жестоко поглощало меня и разбивало на мелкие кусочки. Теперь я уже не могла ясно видеть, потому

мешали слезы. Я прижала кулак ко рту, чтобы не заплакать, и медленно повернулась вокруг себя.

Сразу после нашего прибытия я бросилась на кровать, практически ничего не видя, и прогнала маму. Она была так горда и хотела все показать мне, и теперь я поняла почему. Комната была огромной. Студия под крышей, по меньшей мере, в четыре раза больше моей старой комнаты в Кёльне. По трём сторонам большие окна, вместе шесть штук, с видом на всю жалкую, маленькую деревню. Кровать стояла под скосом стены, но я могла справа и слева смотреть на улицу.

Там же стоял шкаф для одежды, на другом конце комнаты находилась стереосистема, маленький диван, под двумя окнами мой письменный стол. И между ними было достаточно места, чтобы поместилась танцевальная площадка. Мне правда казалось все это прекрасным. Хоть и слишком пусто и слишком просторно, но было в этом что-то домашнее. Мои шаги не были слышны, наверное, из-за наклоненных стен и старого, толстого пола, который закрывали мягкие, пестрые ковры.

И всё-таки я все еще не могла поверить, что они действительно сделали это, что вырвали меня из моей жизни и затащили сюда в деревню и что это теперь моя новый дом - этого просто не должно было быть.

Не за год до окончания школы. Они могли бы подождать. Только этот один год. От этого бы никто не умер.

Одно лето. Одна зима. И еще одна, возможно слишком холодную, весна. Потом я смогу сбежать отсюда. Мне надо пройти как-нибудь через это. Возможно, мне следует позвонить Николь. Или Дженни. Я не думала, что они заметили мое отсутствие; они уже давно знали, что я переезжаю, и на прошлой неделе казалось, будто они уже с этим смирились. У меня всегда было скверное настроение, и поэтому они виделись без меня. Но все же.

Знакомый голос - просто сказать привет. Я вытащила мобильный из джинсовой куртки. "Нет связи" - высветилось на экране. Нет связи?

-Черт, - ругнулась я и бросилась в другой угол студии. Все еще нет связи. Ни одной даже маленькой палочки на антенне. Я была отрезана от внешнего мира. В один короткий, полный боли момент я подумала о Тобиасе, который в один из выходных вдруг посмотрел на меня тоскливо, а потом попросил мой номер телефона - эх, между нами всё равно ничего не могло бы быть: я здесь, он в Кёльне, оба без машины.

В первый раз парень действительно заинтересовался мною, и что получилось? Я переехала в Дункельхаузен. В ссылку. И теперь отец заставляет меня любезно представиться другим изгнанникам. Я взяла связку писем в дрожащую руку и спустилась тихо, насколько возможно, по скрипучей лестницы. Из маминой и папиной комнаты раздался слишком счастливый смех и хлопанье чемоданов.

- Я ушла! - крикнула я и захлопнула тяжелую входную дверь, не дождавшись ответа. Если они вообще меня заметили.

Было темно. Слишком темно для моих глаз, привыкших к свету. Хотя уличный фонарь и светил уже светло-жёлтым, но отбрасывал лишь матовый круг на мокром асфальте. Я почти сразу же промокла под мелким моросящим дождем. Была мертвая тишина - так тихо, что я подумала, будто слышу, как течет по венам моя кровь. Ветер утих. Ни один лист, ни один куст не шевелился. Неподвижно возвышался огромный дуб рядом с проселочной дорогой, которая вилась рядом с нашим садом прямо к холму.

Его ветки блестели влажностью в бледном сиянии последнего фонаря до тех пор, пока темнота полностью не поглощала дорогу. Это дерево сразу после нашего приезда бросилось мне в глаза, и оно вызывало гнетущее ощущение – безутешность, смешанная с любопытством. Одна толстая ветка торчала горизонтально и была почти свободна от дальнейшего разветвления.

- Не хочу знать, кто лишился жизни на этом дереве, - заметил папа, когда мама восхищённо дотронулась до корявой коры дуба, облокотилась на его массивный ствол, и я начала уже начала волноваться, что она начнет обнимать его или даже танцевать вокруг него. Это было необычное дерево.

Раньше это было дерево для исполнения судебного приговора. На нем вешали воров и убийц. Сегодня же под деревом стояла лавочка, обветшалая спинка которой наполовину скрывалась за высокой травой. Пожертвованная обществом благоустройств. Папа не мог себя сдержать, чтоб ни рассказать ужасную историю - не сказать, что бы я хотела ее услышать. Какой-то глуповатый священник повесился на этой ветке, потому что влюбился в одну девушку и обрюхатил её, и он якобы до сих пор бесчинствует в виде безголового всадника.

Так, по крайней мере, рассказывают в деревне. «Здесь просто нечем больше заняться», - цинично подумала я. Хорошо, не очень-то приятно представлять, что на этом дереве когда-то болтались трупы. Но это было столетия назад. Сейчас, во всяком случае, здесь отдыхают путешественники. И темные личности не околачиваются вблизи. Я видела только 2 овец с ужасно грязной слипшейся шерстью, пасущихся на ближнем лугу, где они жевали свою серо-зеленую траву. Наконец-то я немного привыкла к темноте.

Я запахнула пальто потуже вокруг живота и начала искала нужные дома по адресам на конвертах. Все в непосредственной близости, они выглядели так, как будто там жили старые люди. Я была окружена стариками. У меня не получилось найти быстро только последний адрес.

— Это в самом конце Садовой улицы, — сказал папа, как я сейчас вспомнила. Что за прекрасное название для такой неряшливой улицы? Большинство домов выглядели пустыми. Заросшие сады, кусты, задевавшие мои плечи.

Особенно вредная ветка зацепилась за мое пальто и вырвала нитку. Я ненадолго закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Неужели нельзя расчистить улицы? Вот наконец и последний адрес и обитель цивилизации. Лампа, работающая на солнечной батареи, освещала синих бабочек из телевизионного магазина ("Вы просто обязаны это купить!"), которые парили над опрятными грядками, а все окна были аккуратно украшены рюшами и шторами. Итак, тоже старики.

Окостеневшая рука проскользнула между занавесками. Поспешно я просунула конверт с открыткой в почтовый ящик.

Если бы я сразу не исчезла, они бы открыли дверь и втянули бы меня в беседу. А мне не хотелось разговаривать. Я дернула за садовые ворота, которые только что закрылись за мной. Моя рука соскользнула и ударилась о деревянный забор. Щеколда входной двери медленно опускалась вниз. Я еще раз схватилась за ворота и твердо нажала на них. Шарнир открылся.

— Привет, молоденькая девушка! — хриплый, несомненно старый мужской голос прозвучал за моей спиной. Я сделала вид, что ничего не услышала, и пустилась в бегство.

Я убегала от соседей, которым разносила приветственные карточки от семьи Шторм.

Жар прилил к лицу, и мое сердце бешено колотилось, когда я бежала вдоль по улице, пока я не свернула и не упала на лесную дорогу. Деревня осталась позади меня.

Я боялась, что старик с его светящимися бабочками терпеливо ждал, пока я пойму, что совершаю безумие, чтобы я позволить похитить себя в завешенную занавесками империю и навязать мне пирог с чаем.

Мне нужно было потянуть время. Я закрыла глаза, прислонилась к дереву и позволила моросящему дождю капать на мое пылающее лицо. Неожиданно странный шум вернул меня в реальность. Удивленно я посмотрела на себя вниз. Мои щеки были мокрыми, пальто свисало на мне и овечий воротник вокруг моих плеч.

Как я могла промокнуть до нитки? Как долго я здесь стояла? Теперь я снова услышала это: тихое, постоянное бульканье и чавканье, а между тем кваканье, создания, которые тогда двигались по дороге передо мной и Паулем Фрюлинг, у бабушки в Оденвальд. Жабы. Конечно.

Это были жабы, которые искали место, чтобы отложить икру, и носили друг друга на спине. Вооруженные ведрами мы разошлись вдоль дороги, чтобы спасать жабу от слишком быстро едущих машин, и были расстроены до слез, если не удавалось никого найти. Все же иногда мы находили их дюжинами и переходили улицу снова и снова туда-сюда, пока бабушка озабоченно ждала нас.

С тех пор я больше ни разу не видела жаб, не говоря уже о том, чтобы прикасаться к ним. Несмотря на то, что последнее я оставляла моему брату, который принципиально интересовался слизистыми объектами нашей планеты. Здесь должно быть тысячи жаб, которые искали нерест. Их пение нарастало и снова стихало. Я направила взгляд в темноту, пока они не начали слезиться, и в самом деле через несколько минут смогла узнать призрачную окрестность вокруг. Наш влажный биотоп на школьном дворе в Кёльне был шуткой по сравнению с тем, что я могла увидеть здесь: далеко простирающийся ландшафт болот.

В поглощающем образе метровый камыш заполнял черную, сверкающую воду. Не подумав, я приблизилась к нему. Земля, подо мной чавкая, провалилась, и тина крепко засосала мои подошвы. "Не двигайся", — здравый смысл. - "Ты испачкаешься. Уже поздно. Холодно. Это опасно для жизни".

"Иди", — говорил внутренний голос. — "Посмотри хотя бы на одну жабу".

Я предполагала, что взгляд на жабу может утешить меня. Все же я ни одной не увидела.

Они по-прежнему пели для меня свою немузыкальную песню, но между камышом и гниющими пнями я могла рассмотреть только неопределенные бугорки и фикомицеты. Но там что-то поблескивало над тягучей водой, синеватое и дрожащее, затем оно останавливалось и исчезало. Исчезало? Одно я знала: жабы прыгали лениво, не быстро и не дрожа. И уж ни в коем случае они не светились синим. Ну и прежде всего они не исчезали. Кто-то хотел сильно меня напугать?

Это что, деревенский обычай - наводить на приезжих городских страх? Может быть, даже мама и папа спрятались в кустах, и чертовски радуются шутке с приветственными открытками? Вот ещё один - дрожащий голубой огонёк, который с тихим шипением осветил поверхность воды и сразу погрузился в темноту ночи. "Хорошо, успокойся", - предостерегла я себя, хотя как раз возле меня тревожно близко и громко чавкнуло.

Сейчас я повернусь, исчезну отсюда и вернусь, как можно скорее, домой. Я приподняла мою левую ногу - хорошо, я могла её ещё без труда вытащить из грязи. Значит, болото не засосало меня. Ведь это был биотоп в середине Германии, а не шотландское верховое болото. Всё-таки я не могла оторвать свой взгляд от воды. И снова замерцало голубым, в этот раз сзади, возле кромки леса, и снова я не могла пошевелиться.

Что, черт возьми, это было? Я смотрела распахнутыми глазами на поверхность воды и замерла. Нет. Этого не может быть. Такого не бывает. Нет, Елизавета, ты этого не видишь. Но мои глаза не хотели отрываться от тёмного силуэта, который поднялся между скелетов деревьев из трясины. Огоньки заскользили ему навстречу, и он засверкал тёмно-голубым, прежде чем на болото опустилась полная темнота и не поглотила силуэт.

Меня охватила внезапная дрожь, и мои зубы застучали, такой звук как громыхание гнилых костей. Потом стало так тихо, что я могла слышать, как в грязи булькают и бродят газовые пузырьки. Жабы замолчали. Раздавался только постоянно булькающий шёпот болота, который застрял у меня в ушах. Я вытащила мои тонущие ноги из клокочущей земли. Двумя неуклюжими шагами назад я снова нашла дорогу. Галька успокаивающе вдавилась острыми краями в тонкую резиновую подошву моих сапог.

Я ни разу не обернулась. Только когда я, с окоченевшими пальцами и промокшая до костей, открыла входную дверь и погрузилась в теплоту дома, я разрешила себе подумать об ужасной картине, которая появилась между мерцающих голубых огней болота. Только тень матово-чёрная на фоне туманно-серого - фигура на лошади, с головой, но всё-таки беззвучная, и, по-моему, довольно призрачная. Я облокотилась на заштукатуренную стену коридора.

Здесь уже была видна мамина рука, и коридор производил привычное и надёжное впечатление, так что один момент я не знала плакать мне или смеяться. Везде весели картины из дома в Кёльне, красивые, разноцветные картины, которые папа когда-то купил на Карибских островах. Между ними на стене мама повесила подсвечники, запятнанные зеркала и странные, привезённые из путешествий, штучки, которые собирались на протяжении многих лет. Даже взъерошенный норвежский тролль, который мне не нравился ещё в Кёльне, пристально смотрел на меня из угла над вешалкой.

И действительно, всё выглядело знакомым больше, чем я думала. Это было прекрасно и в тоже время больно. Если они декорируют дом так же, как в Кёльне, почему мы не могли там и остаться? Здесь всё выглядело как в Кёльне. Но это был не Кёльн. Это был Дункельхаузен. Я сняла мокрое пальто с онемевших замёрзших плеч, бросила комом в угол и стащила с ног все вымазанные коркой грязи сапоги.

- Я снова здесь, - крикнула я в сторону гостиной, где слышалось, как стаканы с вином побрякивают друг о друга.

Вот они сидят и радуются их новой восхитительной жизни, в то время как их дочь от чистого стресса и горя видит галлюцинации. Я была не в себя. Всадник в ночи. Да, конечно. Мне было уже достаточно лет для того, чтобы папины истории о приведениях не производили на меня такого впечатление. "Как папа это назовет, то, что со мной случилось?" - язвительно спросила я себя. Деревенский психоз? Но когда я тихо съела булочку с сыром, согрелась под душем и зарылась в свою кровать, видение всплыло ещё раз и прошло беззвучно перед моими закрытыми глазами.

Танцующие голубые огни, чёрная вода и развевающаяся грива на месте топчущегося коня. Я ужасно боюсь лошадей. Я уже почти заснула, когда мой мозг мне напомнил, что сегодня вечером не было ни одного дуновения воздуха. Днём - да, было ветрено. Ночью нет. Но грива коня шевелилась. Как тонкие змеи, которые извивались в тёмной пустоте.

Это должно было меня встревожить. Но я была благодарна за окончательное доказательство того, что я что-то видела, что-то, чего не существует. Чёрных всадников не бывает. С головой или без. Всадника не было. Удовлетворённо вздохнув, я повернулась на другую сторону. И мои сны перенесли меня назад в город.

Глава 2. Городское создание

— Поешь, Эли, — мягко сказала мама.

Она сидела, утомленная после бессонной ночи, в халате за столом и завтракала, в то время как папа суетливо упаковывал свою сумку.

Обычно мама не встает к завтраку, это мое и папино время. Если честно, больше всего я люблю проводить это время одна. Чаще всего это удается сделать летом: папа встаёт очень рано и уезжает на работу.

Видимо, мама подумала, будто её присутствие немного облегчит мою участь.

- Нет аппетита, - пробормотала я.

- Здесь действительно красиво, не правда ли? - спросила мама, зевая.

Я вздохнула и оглянулась. Да, зимнего сада у нас в Кёльне не было. И да, наверное, это было особенное место для завтрака, раз даже мама жертвует сном ради трапезы.

Хотя другие люди, наверное, оценили бы это место. Если только они не скучают по дому, как я.

Первые лучи солнца вспыхнули в нашем саду. Папа подошёл к нам, стоя, сделал один глоток воды и отвернулся, щуря глаза.

-Занавески будут скоро готовы, ещё один-два дня, - сказала мама и погладила папу по руке.- Кроме того, я заказала жалюзи.

Я воздержалась от ехидного комментария. В конце концов, не очень вежливо насмехаться над болезнью других людей. Но папа с его мигренью – это те вещи, к которым я никогда не смогу привыкнуть. Добавьте к этому еще то, что в наших комнатах постоянно царил полумрак.

Меня удивило, что он не снёс зимний сад сразу. Папа посмотрел на мою пустую тарелку.

- Элиза, съешь хоть что-нибудь, - заметил он, прежде чем мама смогла его остановить.

- У меня нет аппетита, - возразила я упрямо.

Пожав плечами, папа направился в коридор, насвистывая про себя. У меня действительно не было аппетита. Я нервничала и беспокоилась. К тому же, в три часа ночи я проснулась из-за пугающей тишины и больше не смогла уснуть.

Такое чувство, будто дом был живой. Он везде трещал и скрипел, а на улице, наоборот, было пугающе тихо. За всё это время ни одна машина не проехала через деревню. Вместо этого, на краю леса снова и снова кричала птица - это был странный тоскующий, мучительный крик, который проник мне в голову. Мою усталость как рукой сняло.

Когда начало рассветать, птицы устроили настоящий концерт, и на то, чтобы поспать хоть немного, шансов не осталось. Вместо этого я ломала голову над вопросом, что же мне надеть. Похоже, я начинаю возвращаться к нормальной жизни.

Моя вечерняя вылазка на утро показалась мне событием из далекого прошлого. Мне вдруг стало стыдно из-за своего видения. Ну, какой там мог быть всадник? Даже если он и был, то он явно перепутал век: верховая езда давно осталась в прошлом. Во всяком случае, я решила поскорее забыть эту вылазку. А сейчас лучше вернемся к проблеме выбора одежды.

Когда, наконец, в шесть утра прозвенел мой будильник, я была еще сонная. Поэтому я схватила первое, что попалось под руку: обтягивающий шерстяной пуловер и джинсы, на ноги - высокие сапоги на каблуках. На лицо минимум макияжа: крем-пудра и туш для ресниц. Готово.

- Я подвезу тебя сегодня до школы, - крикнул папа из коридора. – А домой можешь вернуться на автобусе.

- Отлично, - ответила я с облегчением. Хоть что-то хорошее.

По крайней мере, в машине папы я чувствовала себя уютно. Я молчала, притворяясь, что рассматриваю местность. На самом деле, смотреть здесь было мало на что: кругом одна зелень. Одни деревья сменялись на другие, иногда попадались луга с высокой травой. Ни дорог, ни домов, ни улиц. Только узкая асфальтовая дорога, по которой мы ехали.

Все вокруг было зеленое и непривлекательное. Я судорожно вздохнула, отгоняя тошноту. Интересно, как на меня отреагируют новые одноклассники? Сейчас Кёльн казался мне раем, хотя и там вначале было нелегко.

В конце концов, я приспособилась: поняла, что надо говорить, как одеваться и чем интересоваться. Из-за чего можно тревожиться, из-за чего нет. И что лучше не радоваться хорошим оценкам, достаточно просто произнести "пф". Лучше просто сказать, что списала, а не то, что справилась сама.

- Будь собой, - сказала мама на прощание.

Но я не знала, как это – быть собой. Я ведь даже не знаю, что мне надеть!

По крайней мере, хотя бы одно преимущество в переезде в деревню быть должно. Надеюсь, здесь никто не даст мне прозвище Лесси, как в Кёльне. Как я это ненавидела! Я же не собака.

- Посмотри, там – клиника, а там – школа, - сказал папа, вырывая меня из моих мрачных воспоминаний.

"Центральная школа. Психиатрическая клиника. Стрелковое общество" - гласила вывеска на перекрёстке.

"Хорошая комбинация", - подумала я цинично.

- Может, ты сможешь записать в спортивный клуб, - мимоходом заметил папа, поворачивая к школе.

- Ты хочешь, чтобы я занялась спортом? – весело спросила я.

Папа знает, что с восьми лет я пыталась заниматься разными видами спорта. Их насчитывалось около семнадцати. Ни в одном я не блистала успехами.

Не думайте, что у меня нет таланта. Я просто боялась рассердить тренера, поэтому повторяла за другими участника. Но в итоге, я делал больше ошибок, чем "попаданий". Из-за этого надо мной издевались и насмехались.

- Почему бы и нет? – спросил папа. – Поспрашивай, чем занимаются твои одноклассники. А теперь выходи. Представься в секретариате – они о тебе знают. Удачи, малышка.

- Пока, папа.

Я вышла из машины и неожиданно увидела современное здание. Здесь, стало быть, я закончу школу, а потом смогу поступить в университет. А так как здесь нет университетов, то это будет хороший предлог, чтобы уехать в большой город.

Может быть в Гамбург, как это сделал мой брат, с которым я постоянно ссорилась и которого мне сейчас страшно не хватало. Ему хорошо. Ему 23, и он может делать всё, что захочет. А я? У меня даже нет надежды, что здесь что-то изменится, и Павел приедет к нам в гости. Он не сделал этого в Кёльне, почему должен сейчас? Как всегда, стоило мне подумать о брате, как моё горло сжалась. В семнадцать лет разругаться с родителями - хорошо.

В этом не было ничего особенного. Но забыть так же и собственную сестру? Да, мы ссорились. Но не так сильно. И когда он мне писал, казалось, что это был кто-то чужой. Как будто кто-то его заставил со мной связываться.

Никто не обращал на меня внимания, когда я шла по вестибюлю и искала секретариат. Ах. Вот он. С подкашивающимися коленями я облокотилась на стойку.

- Елизавета..., - мой голос оборвался.

Я прочистила горло и попробовала ещё раз.

- Елизавета Штурм. Я новенькая - в двенадцатом классе. Усиленная биология, химия и французский.

- О. Это глупо, - услышала я возмутительно наглый голос возле меня.

Я посмотрела в карие глаза над сморщенным носом, которые принадлежали парню, моему ровеснику. Его джинсы были спущены чуть ли не до колен. Видимо, известие, что в моде снова были узкие штаны, ещё не добралось до этого леса.

- Биология, химия и французский, - сказал он и посмотрел на меня, ухмыляясь.

- Твои трусы видно, - вырвалось у меня, и он начал звонко смеяться. Секретарша в ужасе посмотрела на меня. Я покраснела. Вот чёрт. Это была одна из причин, почему в Кёльне я сначала нигде не принимала участия. Мой не контролируемый язык.

- Госпожа Штурм, это Бенни, ваш консультант. Он проводит вас в ваш класс и покажет вам всё. Он префект и староста, - сказала секретарь, не скрывая своего неодобрения. - А так же он сын мэра,- добавила она многозначительно.

- Ну, отлично, - сказала я чопорно и повернулась к нему. – Будь, пожалуйста, кратким. Я все равно не хотела сюда попасть и никому из вас здесь не понравлюсь. Мне просто нужно закончить школу и все.

Это ли мама имела в виду, говоря "будь собой"? Была это я? Если да, то это была чертовски плохая идея, быть самой собой, а не исполнять роль. Спасибо, мама.

Бенни продолжал ухмыляться, но его глаза стали серьёзными.

- Ты та, что из Кёльна?

- Да.

Он вёл меня по коридорам, искусно уворачиваясь от идущих нам на встречу младшеклассникам.

- Я могу дать тебе совет: не хвастайся сильно тем, что ты городское создание. Нам это здесь не нравится.

- Это было не городское создание, - отрезала я. - Это было чистое отчаянье.

- Ты думаешь, все мы живём здесь в чёрном отчаянье? Это не так. Я, во всяком случае, нет.

Видимо, я его оскорбила.

- Я не это имела ввиду. Я только думала, что я - ах всё равно. Забудь, - я чувствовала, что вот-вот заплачу, поэтому нервно заморгала. Я всё испортила, в первые три минуты. – И извини меня.

- Вот твоё расписание. А это класс для твоего первого двойного урока химии сегодня утром.

Я осторожно заглянула в класс, в котором сидели почти одни парни и с любопытством смотрели на меня. Я автоматически испугалась.

- Будь немного сдержанной вначале. Здесь народ сам к тебе подойдёт. Тебе для этого ничего не надо делать, - сказал Бенни тихо.

- Ты, значит, эксперт в деревенской жизни? - спросила я кисло. Зазвенел звонок.

- Примерно так, - ответил он, но его ухмылка исчезла.

- Тогда ты мне точно можешь сказать, существует ли в чаще всадник без головы, - выпалила я.

"Эли, что ты делаешь? ", - спросила я про себя.

Бенни посмотрел на меня растерянно.

- Да конечно, каждый вечер, минимум один, появляется, если ты не съедаешь всё до конца, и забирает тебя, и закапают в лесу, - ответил он немного жалостливо.

Я чувствовала себя паршиво, когда пробралась в класс и села на свободную двухместную скамейку.

- Привет, - сказала я ломким голосом в сторону смотрящих на меня парней и опустила глаза вниз. Я никому не хотела смотреть в лицо. Чтобы и они меня не видели. Как и в прошедший вечер. Ещё никогда я так не радовалась появлению учителя, как в это утро.

По окончанию шестого урока я невыносимо устала. Я могла бы на месте уснуть. Само обучение давалось мне легко. В этом не было ничего нового. Это было всегда, с самой начальной школы. Но если я быстро поднимала голову, то у меня кружилась голова, и глаза постоянно закрывались.

На перемене Бенни подошёл ко мне ещё раз и показал мне дорогу к школьному киоску. Он относился ко мне любезно, но холодно. Я бы извинилась, но у меня не нашлось ни мужества, ни подходящих слов.

- Здесь есть где-нибудь спокойное место, где можно побыть одной? – наконец, спросила я его.

-Хм, нет. Почему ты спрашиваешь? Тебе плохо? Если да, то ты можешь пойти в медицинский кабинет, там есть кушетка, чтобы прилечь.

- Нет, мне не плохо. Забудь об этом, - сказала я.

Я осталась во дворе среди болтающих между собой учеников. Думаю, уже все знают, что я оскорбила сына мэра, старосту и префекта, а тем самым и весь поселок. По этой причине я буду здесь одинока. И не важно, найду ли я спокойное место или буду находиться среди людей.

Но сегодня школьный день прошел, и вряд ли станет еще хуже. Тяжелыми шагами я пошла к автобусной остановке. Я достала свой телефон. В школе был запрет на мобильные, но сейчас-то я не в школе. Я ожидала увидеть хоть какое-нибудь сообщение, но ни Николь, ни Дженни мне не написали.

Следующий автобус должен приехать через полчаса. Этого времени хватит, чтобы осмотреть близкую к школе местность. Но здесь опять были бесконечные пастбища, луга, леса, поля.

Деревья аллеи отражались в лужах на дороге, которая вела к автобусной остановке. Мне приходилось обходить их, чтобы не запачкать свои сапоги.

Здесь пахло так… ну, как обычно пахнет на фермах: сеном и прочим. Хотя здесь пахло лучше, чем в Кёльне, это я должна признать: я никогда не любила вонь от машин.

Городское создание... Замечание Бенни все еще бесило меня. Если бы он знал. Я не была городским растением. Я выросла в Оденвальде, в маленьком деревенском пригороде Хайдельберга.

Только когда мне исполнилось десять, мои родители переехали в Кёльн, потому что папа мог получить в городе частную практику. Но тогда я должна была перейти в гимназию - и в Кёльне или Хайдельберге, не играло большой роли.

"Хорошо, Эли, будь честной", - сказала я строго сама себе, когда приблизилась к автобусной остановке, становясь всё более нерешительной. Конечно, это играло роль. Мне было адски тяжело, тогда тоже. Я боролась целых пять лет, чтобы привыкнуть к Кёльну, и потом наслаждалась этим каких-то жалких два года. Всё было бесполезно.

Осторожно я заглянула за угол в убогое, исписанное изнутри, укрытие. Хорошо. Никого нет. Не смотря на это, я хотела быть готовой к побегу, поэтому не села. Но тишина окрестностей действовала на меня успокаивающе. Длинные, нескончаемые уроки потихоньку исчезли из моих мыслей.

Я снова почувствовала усталость, поэтому мне пришлось сесть на одну из трех пластиковых скамеек. Головная боль от напряжения, вызванная страхом, стрессом, напряжением, - констатировала я. Чтобы хоть как-то облегчить боль, я прислонилась лбом к прохладному металлу скамейки.

Потом у меня возникло чувство, будто за мной наблюдают. Мне не удавалось открыть глаза. Это было похоже на сон, из которого хочется проснуться, только чтобы снова очутиться в ещё более страшном сне, пока, наконец, не посчастливиться стряхнуть его с себя.

Но даже после того, как я с усилием открыла глаза, понадобилось несколько секунд, чтобы взгляд сфокусировался. Я увидела только, что огромная чёрная машина завернула за угол. Я её не слышала - неужели я погрузилась в такой глубокий сон по среди дня? Неприятное чувство, что за мной наблюдают, не оставляло меня, хотя ни одного человека не было по близости.

Неужели мои нервы сдают, после одного несчастного дня в новой школе, в новом доме? Я фыркнула. Дом... Это место никогда не станет моим новым домом.

Солнце проглядывало сквозь низко висящие облака. Я вся вспотела. Беспокойно, я задвигалась туда-сюда на жестком пластиковом сидении. На мне было слишком много одежды. У меня было такое чувство, будто я покрыта крошечными водяными капельками.

Тайком я понюхала мой пуловер. Нет, запаха пота нет. Мой дезодорант сдержал свои обещания. Где же проклятый автобус? Или он только ездит, если тут ждёт больше людей, чем одинокая школьница? Я снова встала и стала раздражённо ходить туда-сюда. Это подходило. Ужасный первый день в школе, и единственное транспортное средство, которое могло привезти меня в единственную безопасную гавань - мою сильно большую, с огромным количеством окон комнату на чердаке - не приехал.

Я жаждала лечь в мою кровать и просто смотреть на потолок или на небо. Звук гудящего мотора заставил меня развернуться. Тяжёлые, толстые шины захрустели на гальке остановки, когда автомобиль внезапно остановился. Это был, конечно, не автобус. А если я не перепутала, это была чёрная машина, которая проехала ранее. Через затемнённые стёкла я никого не могла разглядеть, но я увидела, как со стороны водителя потихоньку открывается дверь, и высовывается носок сапога.

Разгневанная, я подбежала к транспортному средству. Внезапно я разозлилась по необъяснимой причине.

— Здравствуйте! Вы знаете, когда приедет этот проклятый автобус? — прокричала я.

Мне хотелось выбраться отсюда: из этой ситуации, "городка", а лучше всего из моей собственной кожи. Кроме того, внутреннее чувство снова предостерегало меня с полной силой, что за мной наблюдают и слепят со всех сторон, хотя водитель сидел ко мне спиной. Мне едва удавалось сфокусировать взгляд. Пот выступил на затылке.

Мысок сапога запнулся. Я начала разговор, но мой голос был только лишь шепотом. Беспомощно я наблюдала за тем, как кончик сапога снова исчезал внутри машины, рука захлопнула дверь, и машина завелась. Маленькие, острые камни ударили меня по голени, а ужасно воняющее облако из пыли, масла и бензина ударило мне в нос.

— Идиот! — кричала я, кашляя, и с трудом сдерживалась, чтобы не показать водителю средний палец. Но, в конце концов, не удержалась, когда машина завернула за угол, и водитель больше не мог меня видеть.

Вместо него меня увидел кое-кто другой.

— Элизабет, ради Бога, что ты там делаешь?

Я удивленно повернулась. Я не слышала, как подъехал наш универсал. Папа небрежно прислонился на опущенное вниз стекло машины, и в его взгляде стоял вопрос.

— Эм. Я... я жду автобус, но он не приходит, и тогда я хотела... — заикалась я.

— Автобус? — папа прищурился, сомневаясь. — Элиза, уже полчетвертого, в это время не ходят школьные автобусы.

Половина четвертого? Я приподняла рукав пропитанного потом пуловера, чтобы возразить ему. Но все же было три тридцать. А занятия закончились без пятнадцати час. Теперь я совсем ничего больше не понимала. Я так крепко спала, что не услышала автобус?

- Залезай, - потребовал папа нетерпеливо.

За ним уже образовалась маленькая пробка. Вдруг улица оживилась, и я увидела несколько людей, шагающих в сторону деревни и нагружённых сумками с покупками. От супермаркета доносилось дребезжание тележек.

Удивленная, я обошла универсал, и когда садилась, ударилась больно головой. Внутри машины чуть слышно играла музыка " Пинк Флуд", и, охлаждая, задул кондиционер в моё липкое лицо.

- Я, наверное, уснула, - сказала я вяло. - Сегодня ночью мне снились плохие сны, - попробовала я объяснить потерю моих умственных способностей, и в ту же секунду, говоря это спонтанное оправдание, я всё вспомнила.

Это не было оправданием. Мне действительно снился страшный сон. Ну, вообще-то он не был страшным. Скорее странным. И сейчас он казался таким реальным, что я подумала, что смогу до него дотронуться - таким объёмным и чётким он был.

- Что тебе снилось? - с любопытством спросил папа.

Сны были его коньком. Кто приходил к нему на терапию, тот должен был вести дневник снов, хотел он этого или нет. - Ты ведь знаешь, что говорят: сны, приснившиеся в первую ночь в новом доме, исполняются, - добавил он улыбаясь.

- Мне снился маленький ребёнок, - рассеянно ответила я.

- Вот это да! - сказал сухо папа и бросил на меня испытывающий взгляд - наполовину весёлый, наполовину подозрительный. - С этим лучше ещё подождать.

- Я не сказала, что ребёнок был моим, - ответила я резко и решила, что остаток сна будет принадлежать мне одной. Так же как и мои воспоминания о тех четырёх длинных неделях переживания в прошлом ноябре, когда я действительно боялась, что забеременела.

Этого папа никогда не должен узнать. Но он своими мыслями уже вернулся к науке. Беззаботно он затронул тему о том, что все девушки и женщины в течение жизни видят сны о детях.

Чаще всего отец ребёнка в этих снах совершенно не важен или не присутствует - что является для него доказательством, как мало желание иметь детей, в сущности, зависит не от подходящего мужчины, а от изначального желания каждой женщины.

И так далее, и тому подобное. Но я не вслушивалась. Мой сон полностью занял мои мысли. Я закрыла глаза и попробовала вернуть себя в события сна - так как я чувствовала странную потребность окунуться в те события.

Как будто мне нужно что-то сделать, закончить, осуществить. Хотя сон и был зловещим и мрачным, при мысли о нём меня охватила почти жгучая тоска. Такое знаешь о сладких снах, но не о таких снах как этот. Вообще, у меня уже был когда-то такой чёткий, реально выглядящий сон?

С изумлением я установила, что это сработало - я снова всё точно видела перед собой, как и сегодня ночью. Во сне я могла смотреть на обстановку сверху, и у меня была фантастическая способность свободно и беззвучно двигаться. Но я была там, как посторонний наблюдающий зритель.

И я не могла оторвать взгляд от крошечного младенца, который лежал на убогом, сбитом из ржавых гвоздей, деревянном чердаке в своей колыбели. Нет, это была не колыбель - это была старая кормушка, без любви набитая сеном и парой грязных тряпок. Было холодно. Очень холодно. На наклонённом, грубо сколоченном потолке расползался морозный рисунок.

Ребёнку было всего несколько дней. Его лицо было очень нежным, а кожа напоминала тонкий пергамент. Я знала, как выглядят новорождённые. Сразу после моего рождения, в родильном зале, папа снял фильм - короткие снимки акушерки, которая меня купает, счастливое и уставшее лицо моей матери, потом снова я в моих самых первых одёжках и с белой шапочкой на голове.

Много я не плакала, но можно было увидеть, что я была растеряна и все время мёрзла, и постоянно пыталась закрыть глазки своими маленькими кулачками. Но выгладила я уродливо. Красная и сморщенная. На голове - уши и нос большие, и на черепе прилипли, как усталые пиявки, пару чёрных локонов, которые выпали через несколько дней после рождения, а на их месте появился красно-коричневый пушок.

Этот ребёнок выглядел по-другому. Его кожа была чистой, как алебастр, и светилась в бледном свете чердака. У него уже были густые чёрные волосы, мягкими волнами спадающие с

головы. Его ручки, сжатые в кулачки, повёрнутые наверх и лежащие возле ушей, были совершенными - как у взрослых, только маленькие.

Но самое необычными были его глаза: раскосые и большие и глубокого тёмного, переливающегося цвета. Глаза как драгоценные камни. Ребёнок не шевелился. Он смотрел неподвижно и с ангельски спокойным выражением лица в отверстие на крыше, прямо на зимнюю полную луну, которая охраняла дом и освящала слабым голубоватым светом бесплодную, покрытую снегом местность.

И хотя было очень холодно, и грудь ребёнка потихоньку поднималась и опускалась, кристаллы от того, что он дышал, перед носом не образовывались.

Где же его родители? Кто оставляет своего беззащитного ребёнка одного на холоде? Так, как только возможно во сне, я тихо и незаметно спустилась, паря по кровельной лестнице, и нашла его родителей.

Они лежали в большой, квадратной деревянной кровати; у ног женщины лежали двое детей, которые мирно дремали. Отец спал тоже глубоко и крепко. Я отчётливо слышала его дыхание.

Зов совы разорвал тишину ночи. Мать перевернулась беспокойно на спину. Её лицо перекосилось, и рот искривился в ужасном страхе. Она раскрыла глаза, уставшие, покрасневшие, и боязливо посмотрела в сторону лестницы, которая вела к открытому чердаку, где её ребёнок спал один и беспомощный и без человеческого тепла.

Я хотела её спросить, почему она не заберёт ребёнка к себе, почему он там лежит один и не спит. Но когда я открыла рот, чтобы задать эти вопросы, я резко проснулась и в течение секунды снова заснула. Скорее всего, поэтому я вспомнила сон только сейчас.

И как раньше, сейчас я ничего не поняла. Что означает этот сон? Это я была этим ребёнком? И чувствовала себя брошенной на произвол судьбы родителями? Папа всегда говорил, что ощущения, которые остаются после того как проснулся, это главный ключ к толкованию сна. Я была всё ещё обиженна, но брошенной я себя точно не чувствовала.

Вообще-то, мы хорошо понимали друг друга. Каждый уважал свободу другого, а наши отпуска, которые мы проводили вместе, всегда были мирными. Если ездишь в дикую местность, нужно держаться вместе, - это я быстро поняла. Нет, брошенной я себя не чувствовала.

Чувство, которое вызвал во мне сон, было скорее непонятной ностальгией. Я хотела ещё раз туда вернуться, ещё раз посмотреть в сияющие глаза ребёнка.

Нет, я не была этим ребёнком. Сон ничего общего не имел с моей жизнью. Прежде всего, потому, что он проходил в другом времени. В коком, я не могла сказать. Но в этом доме был только один камин, в котором горело пару квадратных тюков. Ни электрического света, ни отопления.

Для жизни у семьи было только самое необходимое, а стены состояли из собранных неровных больших камней. Мои мысли прервались, когда голова ударилась о стекло.

Папа пересекал узкий старый мост, и универсал качался, как корабль на море. Уставшими глазами я посмотрела на мутную воду ручья и насторожилась. В зарослях я обнаружила каменную половину моста, заросшую тёмно-зелёным лишайником и мхом - всю развалившуюся.

Я не смогла отвести глаза так быстро, как хотелось бы. Я должна была смотреть туда. Это место не было милым или романтическим. Руина выглядела страшно.

- Что это такое? - спросила я немного заинтересованнее, чем следовало.

- О, здесь когда-то была железнодорожная дорога. Выведена из эксплуатации в пятидесятых, - объяснил папа весело. - Остались только мосты.

- Значит, путь к отступлению и здесь перекрыт, - проворчала я и снова закрыла глаза.

Но сон был уже далеко, его цвета поблекли. Сейчас ребёнок лежал под руиной моста на влажной глиняной земле в лесу, и я увидела, как мои белые руки схватили его и осторожно подняли. Он был легкий, как пёрышко. Я крепко прижала моё ухо к его маленькому тельцу, чтобы услышать, дышит ли ...

- Элиза? Ты снова спишь?

- Нет, - закричала я быстро и поспешно отстегнула ремень, хотя я с удовольствием бы узнала, какого это - держать младенца в руках ... Но мы были дома.

Звук захлопывающиеся двери машины разнёсся в тишине. Никого, кроме нас, не было на улице. Только в заде, на просёлочной дороге, старая горбатая женщина выводила собаку. Последняя повернулась и залаяла на нас, когда учуяла нас. Что я должна весь остаток дня чувствовать? Что мне, ради бога, делать, когда сделаю домашнее задание?

Мои глаза блуждали вдоль дома, который до этого я только бегло осмотрела - возвышающееся, квадратное здание с построенной двускатной крышей, большим двором, гаражом и огромным квадратным газоном.

Мама уже сделала грядку вдоль забора и посадила бесчисленное множество растений. Дикий виноград обвивал всю переднюю часть дома и распространился до ветхих ставень маленьких окошек. Я уже видела такое в Кёльне.

Я вздрогнула, когда подумала о бесцветных пауках, которые жили в листьях винограда и иногда попадали в мою комнату. Окна на крыше были ещё свободны от листвы, но первые побеги уже пробовали зацепиться за подоконник.

Сад кончался с одной стороны прямо возле поля, которое поднималось и граничило с туманным вечерним небом, как будто после подъема ничего больше нет. На верхушке холма четыре яблони вытянули свои ветки с редкой листвой, как искалеченные руки, в сторону тусклого солнца.

Тишина гремела у меня в ушах.

- Ну, давай, Элиза.

Я испугалась. Папа всё ещё стоял возле меня.

- Тебе что, ничего не нравится? - спросил папа, открывая входную дверь.

- Да, нравится. Только – ах, ничего. Всё в порядке.

Было действительно всё хорошо. А виноград я могу подрезать.

- Привет, - крикнул папа.

Я вздрогнула.

- Закончил сегодня раньше! Так что смогу помочь тебе немного по дому и поработаю сегодня ночью.

- Прекрасно, - услышала я мамин голос. Её кудрявая голова появилась в полутьме коридора.

- Тогда, - она запнулась, когда увидела меня за папой. – Привет, Эли. Наконец-то ты здесь.

Я сморщила нос. Пахло тушёным сельдереем. Я зашла на кухню и приподняла крышку большой кастрюли, стоявшей на плите. Фу. Суп из овощей. С чувством отвращения я отвернулась. Даже еда не спасёт этот день.

- Привет, - сказала я и хотела пройти в зимний сад, но стопка коробок для переезда загородила мне проход.

- Пройди через гостиную, Эли, - крикнула мама из коридора, прежде чем прошептать что-то папе. Он тихо засмеялся.

- Что здесь случилось? - спросила я возмущённо.

В зимнем саду всё выглядело, как в не убранном шатре для вечеринок. На полу стояли открытые коробки, полные мишуры, посуды, столовых приборов и салфеток. Половина стеклянного фасада была уже затемнена длинными тёмными занавесками. По кроям подоконника стояли тяжёлые терракотовые горшки, в которые мама воткнула шпалеры.

Значит, ещё больше дикого винограда и ещё больше бесцветных пауков.

- Очень красиво, - проворчал папа, выходя из гостиной в зимний сад и с любопытством осматриваясь. Он ещё больше затянул шторы.

- Ну да, - сказала я колко. - Общеизвестно, что это зависит от вкуса наблюдателя. И что означает вот это? - я показала на сервант, уставленный тарелками, стаканами и несколькими бутылками вина.

- Встреча, - объявила мама и сдвинула ногой коробки в сторону. - Сегодня вечером с нашими соседями.

Мне хотелось завопить "нет". Пожалуйста, только не люди, которые будут на меня глазеть! Я этого не вынесу.

- Без меня, - сказала я тихо. - Извините, но я не смогу. Не сегодня.

- Эли, - вздохнула мама и ободряюще улыбнулась.

- Мне нужно закончить целую гору домашнего задания, и я уже сейчас не могу держать глаза открытыми, потому что не могу спать в этом тихом доме, - солгала я. - Я скажу добрый день и всё. Хорошо?

Не дождавшись ответа, я схватила мою сумку и побежала наверх. "Гора" домашнего задания заняла у меня чётко сорок три с половиной минуты. Я всё сделала и не только это: я написала всё красивым почерком, подчеркнула между строчек разноцветным, а к реферату истории начертила две диаграммы.

Больше нечего было делать. Я сделала даже больше, чем надо. От Николь и Джени я всё ещё ничего не слышала. Я выудила мой мобильный из школьной сумки. Снова нет связи. Вместо этого дисплей беспокойно мигал.

Что? И мобильник теперь сломался? Я положила его на подоконник. На одну секунду появилась сеть. Потом дисплей полностью отключился. Я подключила его заряжаться. Качая головой, я смотрела, как батарейка заряжается, в неспокойном ритме мигающего света. Но сообщение так и не пришло. Может быть, обе уже давно послали сообщения, и они просто не пришли?

Я попробовала себе представить, как у них идут дела без меня. Сейчас место возле них было свободным - желанное место возле окна, довольно далеко от стола учителя и доски. Я себя спросила, как долго оно останется пустым. Николь и Джени были популярны. Это не продлиться долго.

И меня бы не удивило, если бы это был парень. Я подошла к одному из моих окон и посмотрела на улицу, ничего не видя. Внизу снова загрохотало и загромыхало. Постоянный шум раздражал меня. Но всё равно я постоянно зевала.

- Почему бы и нет? - пробормотала я, когда поймала себя на том, что смотрю на кровать. Лучше поспать, чем быть здесь. Я прижалась с бурчащим желудком к мягкому, хорошо пахнущему одеялу и смогла ещё вытащить резинку из волос, прежде чем усталость одолела меня.

Глава 3. Дьявол и его лошадь

— А это Элизабет, наша дочь, — папа отступил на три шага назад, взял меня за руку и потянул за собой в зимний сад. Итак, мой план - исчезнуть по-тихому – провалился сразу же.

— Привет, — сказала я и пожала протянутые руки.

Морщинистую руку, которая принадлежала старику с носом картошкой, нашему соседу слева. Желтые пальцы женщины, которая пахла никотином, и энергичные руки старой пары: он в рубашке с ромбами и в штанах, с высокой талией, и зауженные внизу, она в грязно-красном костюме с юбкой до колен.

Мама, с ее локонами и в пестрой рубашке, явно выделялась среди этих людей. Глаза женщины в костюме метались туда-сюда между папой и мной.

— Да, дочь, это невозможно не заметить, — улыбнулась она.

Ее рука слегка дрожала, когда я отпустила ее. Она попыталась сказать еще что-то, но передумала и замолчала.

Старик и курильщица обменялись несколькими приглушенными словами. Я посмотрела на стол. Закуски и торт были нетронутыми.

— Итак, вы у нас психиатр? — спросил мужчина в рубашке с ромбами.

— Да, — спокойно ответил папа.

Все замолчали. Я уже сталкивалась с такими ситуациями. Так было всегда. Как только папа говорил, кто он по профессии, все замолкали. Как будто они боялись оказаться в смирительной рубашке в следующую же минуту. Старик откашлялся и показал наружу, где виноградная лоза стула по стеклу из-за ветра.

— Я знаю кое-кого, кто мог бы помочь вам с этим, — каркнул он.

— Помочь с чем? — ничего не понимая, спросила мама.

— Подрезать виноград. Это на раз-два, — хихикал старик.

— О, он нам нравится такой, какой есть, — вежливо ответил папа.

Старик удивленно сверкнул на него взглядом. Я увидела, что курильщица наклонила голову набок, и ее хмурые глаза блуждали по моему телу моего папы: от плеч до его зада, который значительно выделялся под тонкой тканью брючного костюма. Мой живот скрутило.

— Я... эм... мне нужно заниматься, — быстро проговорила я и убежала через кухню к лестнице, прежде чем взгляд папы смог бы меня переубедить, чтобы я осталась. Наверху я, пыхтя, перевела дух. Мне нужно было выбраться наружу. И сейчас же. Прежде всего, мне нужно найти место, где ловит сеть, чтобы наладить контакт с Дженни и Николь.

Если мой мобильный не заработает в ближайшее время, я сойду с ума. Я схватила mp3-плеер, так сильно воткнула наушники в уши, что они заболели, и поспешила вниз по лестнице.

— Я гулять! — крикнула я в направлении гостиной, прежде чем захлопнуть дверь. Получилось "Гулять". Как я раньше ненавидела, когда мама или бабушка тащили Павла и меня после обеда в пустынный лес. Всегда по кругу, всегда одной и той же дорогой.

Он и сейчас казался мне скучным, но это было хоть какое-то занятие. Садовая улица с дедом со своими бабочками на солнечных батареях была самой быстрой дорогой в лес. Но все же риск, что старик увидит меня и снова попытается заманить в дом, был очень высок.

Нет, тогда лучше в гору по главной улице (ха-ха) и через маленький мост в дикой местности. Я шла быстро, смотря под ноги. Мама еще вчера предупредила меня, что здесь здороваются на улицах и что я тоже должна это делать. Но мне эта мысль казалась абсолютно дурацкой. Почему я должна здороваться с незнакомым человеком?

Но если я буду смотреть под ноги, а в ушах будут торчать наушники, никто не сможет упрекнуть меня в том, что я этого не сделаю. Помимо этого у меня появились сомнения, что кто-либо захочет со мной поздороваться. Я знала, что от меня исходит напряжение и знала, что

на подбородке появились небольшие складки. Но я практически получала удовольствие от мысли, что я выглядела неприступной, да еще и безобразной.

После моста мне пришлось ненадолго поднять взгляд, чтобы сориентироваться, так как дорога здесь разделялась на узкую, не асфальтированную тропу и широкую гравийную дорогу. Я нерешительно остановилась. Мой телефон не мог оказать мне помощь в принятии решения. Батарея была заряжена, но дисплей снова и снова беспокойно моргал, а сеть отсутствовала. Не асфальтированная тропа - решила я. Она шла вдоль ручья и была такой узкой, что большинство гуляющих пешком выбирали более широкую дорогу.

Уже через несколько метров мои сандалии погрузились на сантиметр во влажную, мягкую листву, которая покрывала всю тропу. Я добавила их к моему воображаемому списку минимизированного снаряжения. Пара ботинок и шерстяное пальто в течение двадцати четырех часов. Если бы я была городским созданием, то все было бы проще. Я могла бы купить на карманные деньги билет на поезд, навестить друзей на выходных и переночевать вместе с Николь и Дженни. Но почему эти мысли не утешали меня? Почему у меня не было никакого желания ночевать с моими подругами?

Теперь я была не только зла на переезд и все, что с ним связано, но и на саму себя. Упрямо я тяжело шагала вперед и делала музыку еще громче, чтобы она гремела, ударяясь о стенки черепа. Мой затылок начал болеть: боль, которая медленно понималась к правому виску и там начинала пульсировать. Идти дальше. Всегда идти дальше.

Крохотное насекомое залетело мне в глаз и зацепилось за край контактной линзы. Прижав руку к лицу, я вслепую двигала линзу туда-сюда, терла ее кончиком пальца о глазное яблоко. Дженни бы стало дурно от этого, но она не знала, какие ужасные боли может вызвать инородное тело под твердой контактной линзой. Это было больно, очень больно, как будто острую иголку вставляли тебе в глаз.

Со второй попытки я поймала комара. Он утонул в моих слезах. Я отщелкнула его прочь, но зуд остался и образовал вместе с биением в виске мучительный, изнуряющий концерт боли. Помогало только одно: держать глаза закрытыми и ждать, пока роговицы снова не успокоится. Мне не хотелось стоять, поэтому я продолжала идти вслепую.

Мысль свалиться по склону из-за этого эксперимента и минимум потерять сознание, если не остаться лежать парализованной или полумертвой в лесу, мало заботила меня. Я еще никогда в жизни не теряла сознание, но представление о том, как бы это могло произойти, казалось мне заманчивым. Даже не сон... глубже, чем сон...

Я не знаю, что заставило меня кричать, так как в моих ушах гремела музыка, но я почувствовала, что кричу. Всего произошло очень быстро: холодная морда собаки у моей лодыжки, сильная мужская ладонь, которая схватила мою руку, чтобы я не упала, луковое дыхание на моем лице и мой нос, уткнувшийся в его грубый шерстяной камзол.

Безмолвно я смотрела на него. Рот, не издавая ни звука, формировал "О" и "А". Я вытащила наушники из ушей и вырвала руку из его твердой хватки. Прикосновение не нравилось мне.

— О-ха! — он снова сделал это, указав своей палкой наверх.

Ничего не понимая, я осмотрела зеленый кроны над нами и пробормотала извинения. Чтобы он не думал, извинения никогда не помешают. Он широко улыбнулся и показал мне при этом ряд пятнистых, желтых зубов. Такса лихорадочно дышала. Налившимися кровью глазами, она смотрела на меня практически, умоляя. Её хозяин же вел себя приветливо.

— Куда же так спешить? Вам нужно было бы развернуться! До следующей деревни еще несколько километров.

Он был в отличном настроении, и я посчитала его эйфорическое состояние таким же невыносимым, как настроение моих родителей. Кроме того, я думала, что он ничего не должен мне говорить.

Он позволил взгляду спокойно скользить по мне и ухмыльнулся еще более широко. Ветер высоко поднимал редкие волосы на его головы, так что прядь твердо торчала вверх как антенна.

— О-ха! — крикнул он в третий раз.

На этот раз настолько наполнив восклицание смыслом, что я не могла снова не последовать за его взглядом в направлении неба. Солнце исчезло. Над верхушками деревьев угрожающе висели желтовато-серые облака, и вдалеке был слышен гром, совсем не так, как у обычной непогоды, которая была у нас в Кельне. В Кельне гром доносился сверху. Здесь же казалось, что он тянулся через грунт и проникал в каждый маленький листок.

Но все же гроза была очень далеко, и не было никакого повода для меня следовать его советам.

— Пойдемте лучше со мной. Здесь, снаружи, опасно. Поднимается холодный ветер, — побуждал меня мужчина к бегству вдвоем.

— Спасибо, мне нужно дальше, — ответила я коротко, протиснулась мимо него и зацепилась за колючий куст, так как не хотела в очередной раз прижиматься к камзолу.

"Мне нужно дальше". Как по-идиотски. Я не имею ни малейшего понятия, что со мной происходило, но представление о том, чтобы пройти два километра со слишком дружелюбным пенсионером и его собакой по тонкой тропе в лесу казалось мне пагубным.

Его "О-ха!" вызвало во мне больше страха, чем повторяющиеся раскаты грома, которые теперь раздавались не так далеко и проникали через весь лес, каждую веточку и листик.

Прежде чем мужчина успел сказать еще что-то, я снова закупорила уши наушниками и тяжело зашагала вперед. Но уже через три шага я поспешно нажала на паузу и внимательно и напряженно прислушивалась к звукам леса. Если птицы и пели, то теперь они замолкли. Вдалеке понимался шум, источник которого я не могла определить, а еще дальше постоянно гремело и грохотало, глухо и сердито. Время от времени их заглушал еще более громкий гром. Время между ним сокращалось.

Я совершенно не видела молний. Но и без того было тяжело заметить кусочек неба. Густой лес закрывал его, как зеленый купол всего в нескольких метрах надо мной. Воздух был серо-желтым и влажным настолько, что я едва могла дышать. Пахло гниющей листвой и дождем. Первая крупная капля попала на мой затылок. Затем последовали следующие капли размером с монету, которые выделялись как темные пятна на моих тонких матерчатых брюках.

Я остановилась и еще раз внимательно прислушалась. Шум стал сильнее. Доносился отовсюду: сверху, снизу, слева и справа от меня.

И теперь поднимался ветер, внезапно и с такой силой, что мне показалось, что нужно будет держаться, чтобы меня не снесло. Он был ледяной, а сильные порывы рвали деревья и кусты. Цветы и листва кружились в воздухе.

Я сделала всего пару вздохов и уже была полностью промокшей. Я пыхтела, но не могла ничего услышать. Я убрала mp3-плеер в карман штанов, чтобы он не сломался. Но надежды было мало. Пункт четыре в моем воображаемом списке: восстановить сломанное имущество.

"Это просто дождь", — говорила я сама себе. "Сильный дождь. H2O. Встань просто подо что-нибудь"

Таким образом, я избегала грозы в Кельне. Всегда это был магазин, лавка, подъезд, подземный гараж в непосредственной близости. Но в Кельне можно заранее предвидеть непогоду. В течение нескольких часов темное облако в форме шапки гриба росло над крышами города, которое, если повезёт, обрушивалось на город дождем только в вечернее время.

Пара молний, несколько раскатов грома, небольшой дождь - все. Здесь же было что-то совершенно другое. Я начала бежать. "Несколько километров до ближайшей деревни", — сказал мужчина. Я едва ли смогу добежать, до того как начнется гроза. Но здесь я была окружена.

Рядом со мной круто поднималась в гору либо гладкие, острые, угловатые скалы, либо хрупкая, заросшая мхом горная порода. Тем не менее, я пыталась взобраться на одну менее крутую скалу и схватилась рукой за папоротниковый куст. Я сразу же сползла вниз и сломала при этом ноготь.

Нет, об этом я могла забыть, поэтому побежала дальше. Подошвы моих сандалий пропитались дождевой водой, как губка, и пищали при каждом шаге. Мне приходилось быть осторожной, чтобы не поскользнуться и не вывихнуть лодыжку.

На другой стороне тропы шумел ручей, но теперь это было не прелестная речушка, а подстегнутый дождем и ветром адский суп из воронок и небольших порогов, который непрерывно поднимался. Его я тоже не могла пересечь, тем более что на другой стороне меня ждало только море из деревьев, гнущихся от ветра.

Теперь я бежала, и подошвы моих сандалий ударялись, хлопая о мои пятки. Где-то должна быть хижина или хотя бы навес. Моя надежда, что также как и в Вестервальде, с сильным дождём гроза заканчивается, так и не начавшись, разбилась яркой молнией где-то надо мной. "21, 22, 23", - считала я. Раскат грома вскоре после третьей секунды был таким громким, что после него в ушах зазвенело.

Я цеплялась за надежду, что за следующим поворотом покажется что-то, что мне поможет. Мне пришлось замедлить шаг, потому что пребывающий ручей размыл крутой берег. Дорожка здесь была всего несколько сантиметров шириной. Я набрала воздуха, и цепляясь за скользкие ветки куста, покарабкалась, как краб, за угол.

Вон одна из руин моста. Слава небесам. Это было моё спасение. Я бросилась к ней и прислонилась спиной под обветшалыми остатками арки моста к холодным камням.

Наконец-то навес. Хотя чертовки плохой, как я поняла в следующий момент. Вода протекала отовсюду, капала со всех сторон, бежала вниз маленькими ручейками на стыках и просачивалась между корней на дороге. И вообще это больше не было дорогой. Это были отдельные камни, между которыми текло безмерное количество втекающих друг в друга потоков, которые становились всё шире.

Я не могла здесь остаться. Нужно забраться на руину, не то буду скоро стоять по колено в воде. И, если меня не обманывает память, риск, что в воде в меня попадёт молния, больше, чем если я прижмусь к скале или камню.

Так, назад под дождь. Ветер завывал неистово, и мои волосы постоянно прилипали к лицу, так что я почти ничего не видела. Моя заколка уже давно потерялась - номер пять в списке, отметила я хладнокровно и прокляла себя одновременно за это.

Буду продолжать в том же духе, сама стану номером шесть. Между тем стало так холодно, что я потеряла контроль над пальцами. Мне понадобилось несколько попыток, пока я смогла зацепиться за выступ, с которого хотела потихоньку вскарабкаться на руину. Я сжала зубы.

Один, два, три. И наверх! Моя нога соскользнула, и я увидела краем глаза, что моя сандалия уплыла в водяной воронке. Всё равно. Босиком карабкаться всё равно лучше.

Сила в дрожащих руках быстро ослабевала. Всё-таки я достигла одного разрушенного места, где я помещалась, прислонившись к нему животом. Правой рукой я держалась за старую, изогнутую рельсу. Досюда вода не дойдёт - а если и да, то было всё равно уже поздно, и вся деревня утонет.

"Это только дождь", - повторяла я себе снова и снова. Дождь, молния и гром. Я безучастно наблюдала, как внезапно голубое сияние засветилось вокруг моих голых рук. С мягким свистом все волоски встали дыбом, и через мои мускулы прошёл глубокий гул. Он промчался через мои ноги наверх, заполнил руки и ударил в голову.

Все зубы заболели, и огромная сверлящая сила давила изнутри на мои глазные яблоки. Вокруг меня бурлило и шумело, один гром следовал за другим, так быстро друг за другом, что у

меня не было времени ни посчитать секунды, ни помолиться. Дождь с разлившимся ручьём и тысячью потоков слились в мощный рёв, а вокруг меня ломались ветки с почти животным визгом.

Всё-таки я расслышала слово громко и отчётливо, умоляющее и предостерегающее предупреждение:

— Отпусти!

Я смотрела на светящуюся голубым руку, которая вцепилась в рельсу. Отпустить? Отпустить сейчас? Но нельзя, я не могла этого сделать!

Гул усиливался. Всё моё тело трясло. Если я отпущу, то упаду в бушующий поток - и, вообще, откуда я слышала шёпот? Была ли это моя интуиция, которая предупреждала меня? И когда-нибудь она мне в чём-то помогла? Мой разум сказал нет. Но всё-таки я отпустила.

Я расцепила руку, и всего через долю секунды меня ослепил яркий свет. Мои волосы поднялись вверх. Рельса передо мной, за которую я только что держалась, метала горячие искры, падающие на моё лицо. Удар грома был таким громким, что я на один момент потеряла сознание, прежде чем начала сползать, и отчаянно искать, за что ухватиться руками.

Я нашла в полуметре ниже два маленьких выступа для моих ног, как раз для того, чтобы опереться перед самой булькающей водой. Мои руки я вытянула, как Иисус на кресте, а пальцы вгрызались в трещины камня. Плача, я смотрела на ручей, прижимаясь щекой к мокрой стене.

— Пожалуйста, пусть это прекратится. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста,- причитала я, как маленький ребёнок.

Скоро у меня уже не останется сил, и тогда всё кончиться, тогда следующая молния попадёт в меня или я утону, потому что я не могла себе представить, как смогу плыть в этом адском наводнении. И всё-таки я тревожно смотрела вниз, в надежде что-нибудь увидеть, что мне поможет сбежать. Я прищурилась. Блестящий лёд вырос вокруг вырванных веток и сучков, которые плыли уже в более спокойном дождевом потоке.

Моё дыхание замерзало в светло-серую туманную завесу. Всё равно во мне пылала огненная теплота, которая посылала приятную дрожь к затылку. Наверное, я уже умерла, только ещё не знала об этом.

Это было логично, потому что тогда этот образ, это существо с множеством рук, которое приближалось, как тёмный силуэт из поднимающегося тумана, сам дьявол, вот-вот меня заберёт. Я зажмурилась и снова открыла глаза.

О. У дьявола была лошадь. И он скакал через русло ручья. Образ из болота был расплывчатый и далекий. Обманчивое изображение. И оно почти не двигалось.

Эта лошадь скакала чрезвычайно реально и с адской скоростью, приближаясь к руинам моста. Её всадник сидел, пригнувшись к спине чёрного, как смола животного, шкура которого при каждом прыжке принимала новые чудотворные оттенки - голубой, красный, серебряный. Мне он казался не только неестественно большим, но так же чрезмерно мускулистым.

Лошадь гордо держала благородную голову на широком лоснящемся торсе, а копыта должны быть были размером, по меньшей мере, с тарелку. И всё-таки двигалась она элегантно и проворно через бурю.

Лицо всадника я не могла рассмотреть. Его голова была наклонена, но у меня было такое впечатление, что он направлялся ко мне. Проезжай. Оставь меня здесь умирать. И даже не пытайся на меня смотреть.

Поздно. Ещё несколько метров и лошадь на полном ходу врежется в руину и в меня - или нападёт на меня? Я втянула голову и закрыла глаза, как раньше, когда мы играли в прятки с братом. Как будто двести лет прошло. Когда я ещё думала, если я ничего не видела, то и Павел не увидит меня.

Я уже слышала равномерное фырканье лошади, а также как её копыта ломали тонкий слой льда на воде. Этого не может быть. Она должна была оказаться под водой или как минимум быть в воде по грудь. Снова галлюцинации. И поэтому она мне не навредит. Ничего мне не сделает. Мне...

Всадник схватил меня так неожиданно, что я испуганно раскрыла глаза и ахнула. "Нет" хотела я закричать, но мой голос застрял в горле. Одним сильным быстрым движением он стащил меня с руины, с камней, за которые я цеплялась, как умирающий паук. Всадник посадил перед собой на лошадь, обняв левой рукой за талию. Дыхание лошади поднималось маленьким облаком от её ноздрей, когда она пронзительно заржала и протестующее поднялась на задние ноги. Мужчина за мной потянул энергично за узды и сжал бёдрами тело вставшего на дыбы животного. Он не сказал ни слова, но лошадь подчинилась. Она ещё раз протанцевала вокруг себя, прежде чем перешла в мягкий плавный галоп. Рядом с нами поднялись фонтаны воды, а ветер задул мне в лицо.

Я точно не могла сказать, как долго мы скакали по руслу ручья - может одну минуту, а может и час. Я была так сильно занята тем, чтобы из-за паники меня не стошнило или истерически не зарыдать. Кроме того я предприняла несколько не удачных попыток проглотить ком в моём совершенно пересохшем горле.

Но всё это время я боялась только лошадь, а не незнакомца за моей спиной, который держал меня надёжно и крепко, а свободной рукой легко управлял лошадью. Дорожка, по которой я до этого шла - в другом времени, в другой галактике, - была затоплена. Стены скалы переходили сразу в мутное широкое русло ручья.

Наверное, это всё-таки не дьявол, а кто-то, кто меня спас. Всё равно этот вариант спасения был ужасным. Вертолёт или гидросамолёт были бы лучше.

Кроме этого, я представляла спасителя более разговорчивым и дружелюбным. С более естественным желанием спасать. И хотя неизвестный продолжал держать меня рядом с собой, не делая при этом мне больно, у меня было такое впечатление, как будто я неприятная ноша, которую хочешь не хочешь нужно нести, но при первой же удобной возможности лучше быстренько от неё избавиться.

И он сделал это довольно грубо. Дождь в это время превратился в равномерный мягко-моросящий. Везде от кустов поднимался пар. И я наблюдала, как вода в ручье снова снижаться.

Даже дорожка снова проглянула и увеличивалась с каждым поворотом. Время от времени ещё за нами гремело - но в сравнении с ударами грома, которые сотрясали мои перепонки, этот грохот был почти дружелюбным.

Едва пошевелив рукой и слегка переместив вес, мужчина (или это был юноша?) направил своего коня по склону вверх и, что мне не понравилось, снял меня и поставил на землю. Это вернуло меня в реальность.

— Ай! — вырвалось у меня, когда моя голая пятка ударилась об острый камень. Я выглядела довольно глупо с оставшийся, безнадёжно испорченной сандалией (ремешок порвался, каблук сломался) и другой босой ногой. На фоне зелено-коричневого ковра земли они выглядели белыми и худыми. Ногти, покрытые розовым лаком, которые выглядели как не на своём месте в сочетании с брызгами грязи и царапинами, которые доходили до лодыжек.

Но у меня было не очень много времени, чтобы поблагодарить моего дьявольского спасителя. Я даже не смогла увидеть его лицо.

Он отвернулся в тот момент, когда я посмотрела наверх. Всё, что я смогла рассмотреть, были тёмные дерзкие кончики волос под безбольной кепкой, стройное телосложение и длинные ноги. Он восседал так небрежно и естественно на спине сопящего чудовища, как будто он сросся со своей лошадью.

— В будущем поглядывай чаще наверх, — сказал он резко и ускакал, не сказав до свидания или не помахав на прощание, а затем отрезвляюще элегантно и невесомо исчез из моего мира в гигантских клубах тумана.

— Да спасибо на этом, хорошего дня, — крикнула я ядовито в след.

Успокаивающее чувство безопасности практически исчезло вместе со штормом. Ласковый синий цвет превращал лес в весеннюю сказку, которая приятно пахла мокрой травой и цветами.

Заходящее солнце просачивалось через верхушки деревьев и согревало, несмотря на туман. Я вздрогнула. Я всё ещё чувствовала твёрдую хватку всадника на своей талии, а мои голые голени покалывало от непривычного прикосновения к телу лошади.

Если я правильно помнила, он скакал без седла. Скакать без седла во время бури - так проводили свободное время здешние невежды? Но это был не невежда. У него был странный акцент, почти не различимый и изысканный, но он был. И это не был местный диалект.

К тому же этот голос, если существовали аристократические, благородные голоса, то это был показательный пример. Глубокий, чистый и мелодичный. Однако быть более приветливым ему не помешало бы. Вместо этого голос звучал невероятно надменно. "В будущем поглядывай чаще наверх". Хаха. Очень остроумно.

К сожалению, я должна была признать, что он прав. Всего этого не случилось бы, если бы я время от времени поглядывала бы на небо.

И это в разы увеличивало мою злобу. Я была рада, что дождь закончился, и было уже не холодно. Так как тепло внутри меня уходило с каждым шагом, приближающим меня к дому.

Мои дорогие родители сидели в темном зимнем саду, одни. Стол с закусками был все еще почти полон, но соседи, видимо, ушли.

— Ах, Эли, ты вернулась, — сказала мама мимоходом, когда заметила меня.

Я встала перед ними в укоризненную позу, упёрла руки в бока и ограничилась драматичным сопением. Слова были не нужны, если посмотреть на меня: должно быть, у меня был душераздирающий вид.

— Ты видела грозу? Фантастика, — кричал папа в восторге. — Ты же, по-видимому, смогла укрыться? — он осмотрел меня. — Но где твоя шлепка?

— Потеряла, — ответила я прохладно и повернулась на каблуке шлепка, который еще остался. Они, видимо совершенно, потеряли разум. Я громко поднялась по лестнице наверх и хотела убедить себя в том, какое жалкое явление я из себя представляю.

Но моё зеркало издевалось надо мной. Цвет лица был свежий и чистый, как будто я только что искупалась в источнике молодости. Мои волосы падали свободно, хотя немного лохматые, на плечи, больше не каких мокрых, склеенных прядей. И так же моя одежда: почти без пятен, но прежде всего сухая. Единственно по моим ногам можно было определить, что у меня был не обычный вечер. Солнце высушило мою футболку и штаны? Или тепло моего тела? Тепло лошади? Наверное, так и было.

Потому что я почувствовала, что незнакомец за мной не был тёплым. Скорее прохладным и твёрдым. Видимо, не одного грамма жира на рёбрах.

- Елизавета? Ты кушать не хочешь? - крикнула мама с низу.

- Нет аппетита, - крикнула я. Мой желудок заурчал протестуя. – Хорошо, я иду, - добавила я немного приветливей.

Вздыхая, я скользнула в мои чистые, сухие тапочки - как хорошо. В доме у меня вряд ли пропадет какая-нибудь одежда. Потом подчёркнуто медленно я спустилась с лестницы.

— Рано радовались, — услышала я веселый голос папы из гостиной. — Наша дочь не первая девушка, которая еще не прошла подростковый период. У нашей же он только начинается.

— Ты прав ..., — захихикала мама.

— Какая ерунда, — выпалила я.

Последние ступеньки я пробежала быстрее, чтобы как можно скорее закончить этот утомительный диалог. — Я просто хочу назад в Кёльн. Назад к моим друзьям. И всё.

Мама опустила глаза, — немного виновато, как мне показалось. Папа, это я точно видела, спрятал улыбку.

"Если бы вы знали", — подумала я и положила себе на тарелку оставшиеся канапе, пока мама зажигала свечи. На улице темнота опустилась на деревню. В приглушённом мерцании вздрагивающего огня я, наверное, тем более не выглядела утомлённой и измотанной. "Если бы вы знали", — ещё раз подумала я.

Но нужно ли рассказать, что со мной случилось? Что я рассказала о ребёнке из сна уже, хватило, чтобы надо мной посмеялись, и прекрасно подходило к бреду с подростковым периодом, который мои родители вынашивали. Если я приду сейчас к ним ещё и с галлюцинацией на болоте и незнакомом спасателе от грозы в лесу, с его чёрным конём, это было бы только идеальная часть пазла, чтобы дисквалифицировать меня до сбитого с толку гормонами цыплёнка.

Я не знала так же, как мне рассказать кому-то обо всем этом - даже Дженни и Николь не принимались в расчет. Так что я держала рот на замке и молча ела. Я радовалась, что скоро лягу в кровать, моя надёжная крепость во внезапно таком чужом существовании, поэтому я пошла быстрее наверх.

Прежде чем лечь спать, я разрешила себе горькую забаву, написать на бумаги воображаемый список.

"День 1: Шерстяное пальто, ботинки.

День 2: Ноготь, mp3-плеер, сандалии, заколка".

Мой мобильный пережил грозу благодаря водоотталкивающему чехлу ярко-розового цвета (один из сомнительных подарков на день рождения от Николь). Но связи всё равно не было.

Всего через несколько секунд я заснула - и оказалась снова на холодном чердаке.

Младенец всё ещё лежал один в своей импровизированно-приготовленной колыбели и смотрел, не отрываясь, на луну. Также я услышала, что кто-то быстро и легко ходит.

Бесшумно я повернулась в сторону. Изящный бело-серый пятнистый котёнок юркнул, виляя задом, на чердак. Целеустремлённо он направился к колыбели и прыгнул к ребёнку с ласковым мурлыканьем на живот. И сразу начал нежно и ритмично ходить туда-сюда по телу младенца.

Ребёнок медленно повернул голову и посмотрел на котёнка. Его рот изогнулся в улыбке, которая привела меня в дрожь. Его улыбка была осознанной, как у взрослого человека.

Кошка нежно прижала свою головку к щёчке младенца, чтобы согреть его маленькое неподвижное тело, и мой сон перешёл в глубокую чёрную бессмысленную темноту. Птица на краю леса кричала всю ночь.

Глава 4. Глупые сплетни

На следующий день мама и папа решили отвести меня на ужин в единственный ресторанчик в Кауленфельде. Я была молчаливой, придя со школы, так что мама решила меня порадовать.

Я согласилась, так как других планов у меня не было, но все равно наделялась, что этот вечер надолго не затянется. По пути в отель мои мысли были заняты новой катастрофой в школе. Мама и папа пытались меня как-то развеселить и отвлечь, но все попытки их были тщетны.

Утро было ужасным. На перемене шел дождь, поэтому мне очень хотелось побыть одной. К тому же у меня болели мышцы - напоминание о моей экскурсии в лес вчера вечером. Я закрылась в женском туалете, села с вытянутыми ногами на закрытую туалетную крышку и прислонилась затылком к плиткам. Здесь было тихо. Только было приглушенно слышно, как барабанил дождь.

Гуляющий человек был прав. За грозой ночью последовал холодный фронт, и теперь стало также холодно, как в наш приезд. На удивление я не простыла, как хотелось бы.

У меня не было даже насморка. Горло не першит, вообще ничего. При этом воспаление лёгких было бы в самой раз, чтобы заглушить эйфорию, связанную с переездом, у родителей.

Здесь, в затхлом убежище туалета, я, наконец, хотела сконцентрироваться и вспомнить о моём недоброжелательном спасателе на лошади. Но не успела я закрыть глаза, как воспоминания улетучились из головы, как будто мой мозг хотел задвинуть засов. Я попробовала упрямо сделать это снова. Гроза. Дождь. Бурный ручей. Всадник.

Внезапно в моём туалетном убежище с тишиной было покончено. Дверь распахнулась, и несколько стучащих каблуков заставили пульсировать мои виски. Хотя я ночью и спала, как убитая, чувствовала себя я всё-таки переутомлённой.

Папа считал, что это из-за свежего деревенского воздуха, к которому мы не привыкли. Сама мама, больше мертвая, чем живая, посмотрела на меня испытующее со стороны, когда я так зевала, что почти не смогла выпить своё кофе.

Подозревала ли она, что я сама чуть ли не казнила себя в бурю? Но когда я посмотрела на неё в ответ, она мне только сонно улыбнулась. И сейчас мне хотелось зевать, но я плотно сжала челюсти, что бы лучше слышать. Я определила три голоса девушек, которые возбуждённо судачили между собой. Их звонкие голоса вибрировали в моих ушах.

Фраза "Тест по французскому" вырвалась из их уст. О. Они из моего курса. Час назад мы писали контрольную - для меня пустяк. Я напряжённо подслушивала, была ли Майке тоже тут. Майке была единственным светлым моментом этим утром. Она помахала мне, зовя к своему столу.

— Здесь свободно, — сказала она мне, указывая на место рядом с собой.

Я села, и мы начали беззаботно болтать. Она даже ни разу не спросила меня о Кёльне и почему я была здесь.

Вообще-то она ничего не спрашивала - или даже не ждала ответа. Но её хорошее настроение успокоило меня немного, и я даже вставила пару разумных предложений. В конце концов, теперь был курс, на котором я сидела не одна.

Да, здесь была Майке - я узнала её слегка грубоватый и всё-таки девчачий голос. К двум другим голосам я не смогла припомнить лица, но я уже их слышала.

— Видели, как быстро писала новенькая? — спросила одна из девчонок весело. — Как её зовут, можешь сказать ещё раз?

— Эли, — быстро ответила Майке. — Елизавета Штурм. Правда, её называют Эли.

"Спасибо Майке."

— Елизавета Штурм, — раздалось насмешливо с другой стороны. — Что за имя? Такое старомодное. Не удивительно, что она считает себя лучше нас. Она даже на нас не смотрит.

— Бенни сказал, она хочет здесь только окончить гимназию и больше ничего. Она сама ему об этом сказала. Я думаю, раз она из Кёльна, то что ей здесь еще делать?

"Это правда", — подумала я мрачно и заметила, что мускулы шеи напряглись. Только это звучало так, что "здесь" — это сногсшибательно, а Кёльн — это жалкий угол.

— Так, с Бенни она, значит, разговаривает. Ну, посмотри на неё. Я тебе вот что скажу, Майке, если она хочет общаться с Бенни, то тогда она будет иметь дело со мной. Если она из большого города, то это не значит, что она может забрать его себе.

Хорошо, теперь я узнала, кто говорит. Черноволосая Снегурочка - красавица с длинными ногами. Её зовут Лотте, но про себя я называла её только Чёрная Лола. Её ядовитые взгляды преследовали меня уже в первый день. Майке тихо хихикнула.

— Мне она кажется странной, — задумчиво сказала другая девушка. — Одевается, как модель, но какая-то вся напряжённая.

— Она не напряжённая, а высокомерная, — ответила чёрная Лола.

— Я не думаю что она такая, — возразила Майка.

— Нет? — спросили другие хором.

Короткое молчание. Я задержала дыхание. Глупые бабы, что, не замечают, что всё это время кто-то заперт в кабине?

— Может, она просто не уверена в себе, — предположила Майке задумчиво. О боже, Майке. Я почувствовала симпатию к её большому количеству веснушек и вздернутому носу. Но всё равно она сделала только хуже. Я предпочла выглядеть высокомерной, чем неуверенной.

— Она не неуверенна, — прогремел неизвестный голос.

Возможно, это была Надин? Девушка с большой грудью?

— Посмотри только, как она ходит и двигается. Она думает, что она лучше нас. У неё богатые родители. Отец руководитель психушки.

Психушка... Так говорили, может быть, в прошедшем столетии. С трудом я подавила фырканье. Когда Чёрная Лола глупо засмеялась и пропищала "Ну тогда", моё терпение закончилось. Я отодвинула задвижку и одним нацеленным пинком раскрыла дверь, которая с грохотом стукнулась об стену. Три девушки вздрогнули одновременно. Лола вдохнула от страха чёрную прядь волос.

— Внимание, здесь сумасшедшая из большого города, — прошипела я и проскочила мимо.

— Привет Майке, — добавила я более мягко. Все-таки, она была честной.

— Господи, Эли! — она бросилась за мной. — Почему ты это делаешь?

Я молчала, прикусив губу.

— Они начнут тебя теперь бояться, — сказала она укоризненно.

— Они злословили. Другого они не заслужили, — проворчала я сердито.

— Извини Эли, но это не было злословием. Мы только разговаривали. Это нормально. Мы ничего дурного не говорили. Я тем более нет. Ты пойдёшь со мной к киоску? Мне нужен шоколад.

— Мне тоже. Срочно, — сказала я коротко.

— Видишь, — улыбнулась Майке.

— Видишь? — спросила мама.

— Что, — крикнула я сконфуженно и, щурясь, подняла голову.

— Посмотри, раньше это была старая почтовая станция, здесь когда-то останавливались кареты.

Я смотрела на заросли плюща передо мной, за которым скрывалась стена с поблекшим деревянным каркасом и несколько тяжёлых, заржавевших крючков.

— Чудно, — механически ответила я и позволила маме и папе протолкнуть меня через открытую дверь трактира. Несмотря ни вправо, ни влево, я целеустремлённо направилась к самому спрятанному столу в заднем углу и села, прежде чем мама и папа смогли бы меня переубедить. Здесь никто не будет на меня глазеть. Не так, как в школе, где были большие классы и посещаемые мной усиленные курсы не позволяли быть в тени.

Остаток утра мне пришлось пережить без Майки. Я провела его за тем, что выкладывала кучу книг, как защитную стену, и думала о том, есть ли выход из этой ситуации. Всё, что я здесь в течение двух дней натворила, вряд ли можно хоть как-то исправить. Но если кто-то смеялся о профессии моего отца, я теряла контроль. Папа помогал людям, которым было плохо. И если так пойдёт дальше, то и я скоро буду, как он.

Когда я сидела вечером с моими родителями в трактире, осуждения девушек продолжали преследовать меня. Действительно ли я выглядела такой высокомерной и напряжённой?

— Эй, Элиза, просыпайся! Что ты будешь есть?

Папин голос вырвал меня из моих мыслей. Я смотрела в моё меню, но не видела ни одной строчки. Перед нами стояла официантка и смотрела на нас вопрошающе. Снова у меня было такое чувство, будто я застряла в неверном фильме. За мамой на деревянных панелях стены висела огромная голова кабана со злыми маленькими глазками, окружённая оленьими рогами. Как будто я была в горнолыжном туре - только это был не отпуск. И комната не декорацией, а единственный ресторан вокруг.

В Кёльне у нас было десять ресторанов только в нашем блоке, и ни один из хозяев этих заведений не позволил бы прибить на стену ресторана череп кабана.

— Э... что ты хочешь? — спросил папа. — Я буду Вестервальдский антрекот. По-английски, пожалуйста. С кровью, — добавил он, поясняя.

Я спрятала улыбку. Значит, он тоже не доверяет этим наивным дикарям.

— Хорошо я тоже возьму такой же, только средне прожаренный. Без крови. С картошкой фри, — сказала я.

Мама и папа посмотрели на меня с удивлением. Но у меня появился аппетит и хотелось мяса, после того как я несколько дней ела нерегулярно и неохотно.

Пока наш заказ готовили, мама и папа пытались сделать жизнь в деревне для меня приемлемой. После короткой болтовни с хозяином, папа вернулся со стопкой брошюр для туристов, картами туристических маршрутов (нет спасибо, у меня это уже было) и программами клуба.

Здесь она была довольно унылой. В неё входил клуб для футболистов (ах), клуб для стрелков (никогда) и клуб каратистов в Риддорфе.

— Посмотри, у них есть пробные уроки. Самозащита для девушек и женщин, — сказала мама и пролистала с благоговением помятые чёрно-белые копии, как будто имела дело со старой ценной рукописью.

— Пожалуйста, — застонала я. — Это не для меня.

— Ты ведь сказала, что снова хочешь заняться спортом, — напомнил мне папа.

— Нет, это ты сказал. Я точно нет. Это что, допрос? — Я чувствовала себя загнанной в угол. Только я смогла немного расслабиться, как они начали говорить со мной, как будто мне одиннадцать.

Несколько минут мы молчали.

— Это была просто идея, — наконец сказал папа.

- Ах, папа, ты ведь сам точно знаешь, что из этого ничего не выйдет, — вздохнула я. — Это просто не получится. К тому же, ты тоже не занимаешься спортом. И мама тоже нет. И в клуб вы тем более не вступили.

— Я занимаюсь йогой, — напомнила укоризненно мама.

— Это не спорт, — возразила я.

— Это развлечение для домохозяек. — Папа усмехнулся. Мы оба знали, что приводило маму в ярость, если мы такое говорили. Поэтому мы делали это снова и снова.

— Да ну? — спросила мама и ухмыльнулась в ответ. — Тогда спроси вон ту домохозяйку, умеет ли она так, — она положила голень на колено, сцепила свои ноги друг с другом и скрестила свои руки ладонями наружу за спиной. Мне было больно даже на неё посмотреть. Мужчины, сидевшие за соседним столиком и одетые в зелёное, прервали свой разговор и смотрели на нас, ничего не понимая. Только упомянутая домохозяйка продолжала выбирать кости из её поджаренной форели.

— Что ты делаешь, мама? — прошептала я и попробовала незаметно распутать её руки и ноги, когда увидела, что официантка подходит ближе. Но она только засмеялась.

Мы ели как всегда молча. Папа закатил от наслаждения глаза, когда сок мяса красными полосами потёк из его стейка.

Охотники рядом с нами опустошили стаканы с пивом с рекордной скоростью, играя при этом громко в скат. Они поприветствовали нас кратким кивком головы, когда мы уходили - каждый в ресторане приветствовал нас, но никто не начал с нами разговор.

Облака разошлись. Над нами возвышалось огромное звездное небо. Несколько секунд мы смотрели безмолвно наверх. Такого я не видела уже несколько лет.

— Как красиво, — вздохнула мама благоговейно и замотала шарф потуже вокруг шеи.

На полпути домой папа внезапно остановился и схватился с искажённым лицом за лоб.

— Мигрень? — спросила мама сочувственно.

— Возможно, — ответил папа осторожно. — Пойду-ка я ещё поработаю, прежде чем завтра станет в невмоготу.

Так, снова ночная смена. Мама довольно про себя напевала, пока мы поднимались последние пару метров к дому. В самом деле, полчаса спустя папа уехал в Риддорф. Я ушла в свою комнату. Мама смастерила мне что-то вроде ширмы вокруг спального сектора, из нескольких свободных кусков тёмно-серой лёгкой ткани, которая прерывалась серебряными блестящими полосками.

— Чтобы было более уютно, — сказала она.

Они оба беспокоились. Всё-таки от меня не ускользнуло, что мама залепила подоконники вокруг моей кровати орхидеями. Ей это может и нравится - мне нет. Я находила их запах сладковатым и навязчивым и при въезде я маме сразу ясно сказала, что не хочу никаких цветов в моей комнате. Я никогда не могла хорошо обращаться с растениями. Я сняла горшки с подоконника и поставила их на лестницу под световой люк. Они никому там не будут мешать, а я теперь не буду их ни видеть, ни нюхать.

В конце концов, я затянула свободно болтающиеся портьеры и легла в кровать. Я себя чувствовала как в бедуинской палатке - мне это понравилось. Так как в этот звёздный вечер моя студия на крыше показалась мне вдруг сильно большой и голой. Только я закрыла глаза, как мои мысли обратились к следующему дню.

Завтра. Завтра мне нужно будет снова отсидеть длинный одинокий день в школе. Не было ничего, чему бы я могла радоваться. Страх тупо сжал мой желудок, и я пожалела, что съела весь стейк. Я не знала, чего я боялась больше - идти в школу или самого страха, который меня весь день сопровождал.

Моё сердце стучало громко и нерегулярно так, что я долго не могла уснуть. Но потом на краю леса снова начала кричать птица.

В этот раз она не мешала мне спать. Её крик утешал и успокаивал меня. Он погрузил меня в глубокий сон без сновидений.

Глава 5. Самурайская лихорадка

Когда наступил рассвет, меня снова настиг страх. Задолго до того, как зазвонил мой будильник, я проснулась и лежала, как доска, на простыне. Мой страх гнал мою кровь по телу. Почему я так боялась? Один год без друзей можно пережить. Зато у меня не было проблем с учебой. Во всяком случае, мне не нужно бояться экзаменов. Но эти мысли не успокоили меня. Когда будильник, наконец, зазвонил, я ходила, шатаясь, как пьяная, по комнате и постоянно что-то роняла.

Завтракала я одна. Мама спала, а папа всё ещё был в клинике. На траве ярко блестела каждая капелька росы и две сороки, громко треща, гонялись друг за другом по маминым грядкам.

Я попробовала проглотить ложку мюсли, но желудок взбунтовался. Ещё десять минут до прибытия автобуса. Я последний раз поднялась в свою комнату и села на кровать, в надежде, что знакомые запахи успокоят меня. Ведь больше нечего было делать. Мои школьные вещи были собранны, зубы почищены, макияж приемлемый. Я даже надела уже свою куртку.

Но я не могла здраво мыслить. Как только я думала о том, что меня ждёт, то чувствовала себя слабой и смущённой. А если пробовала отвлечь себя пережитым вне школы - грозой, незнакомым всадником, - то в моей голове начинал бушевать неконтролируемый хаос.

Я закрыла глаза и уперлась лбом на свои холодные руки. «Дыши, - сказала я себе. - Спокойно дыши дальше». Внезапно сороки, крик которых был слышан здесь на верху, замолчали, а так же весёлый щебет певчих птиц тоже внезапно прервался. Я удивленно подняла голову. Я чуяла мокрую, холодную траву, хотя моё окно было слегка приоткрыто, и дрожь от страха на моей спине превратилась в приятное ласкающее тепло.

- Не бойся. С тобой ничего не случится.

Я резко вскочила, так что прикроватный столик перевернулся и ударился о стену. Мой стакан с водой разлетелся на тысячи осколков, которые начали сверкающе переливаться на мокрых деревянных досках.

- Эй? Кто там? - закричала я тонким голосом. - Папа? Мама?

Но я знала, что здесь никого не было. Всё было как всегда - спокойный дом, тикающие часы из гостиной, треск изразцовой печи. Ничего не изменилось, кроме того факта, что я слышала каждый звук здесь, на верху. Я что, начала терять рассудок? Напряжённо я вслушивалась в себя. Мои мысли успокоились. Узел страха в мгновение разошелся, хотя моё сердце продолжало быстро стучать. Да, страх исчез.

Что это был за шёпот? Слышать голоса, которых не было, не мелочь - это я, как дочь, психотерапевта очень хорошо знала.

Я поспешно покинула дом и решила по дороге к остановке несколько тяжёлых, самой придуманных арифметических примеров. Потом я прошла в голове построение ДНК. Никаких помутнений - всё прекрасно получилось. Французские спряжения? Тоже без проблем. Моя голова, значит, ещё работала. Потом я вспомнила, что папа мне рассказывал: гениальность и безумство находятся очень близко друг к другу. Я поймала себя на том, что при этой мысли я усмехнулась.

Но если голос не был воображаемым и принадлежал живому существу - тогда кто это был? Шёпот нельзя причислить определённому человеку, об этом я читала. Все голоса шепчут одинаково. В автобусе была толкотня. Несколько младшеклассников блокировали проход и наклонились, гудя над своими мобильниками. Видимо, они пытались показать своё расположение одной девчонке похабными колкостями.

У них, значит, была связь. Я вытащила свой телефон из сумки, но он показывал всё ту же картину: моргающий экран и никакой связи. Чёрт побери. Я прислонилась головой к стеклу, с трудом игнорируя крик и наблюдая за освящённым солнцем пейзажем.

Поверить ли мне голосу? Это было соблазнительно. Он звучал так умоляюще и уверенно, что воспоминания этих слов, да и эти странные приглушенные секунды ранее, продолжали успокаивать и сейчас. Итак, кто-то или что-то во мне видимо знал, что ничего не случится. Может, это поможет, если хотя бы чуть-чуть в это верить.

Но это помогло только до того момента, когда я поставила последнею точку в своём домашнем задании и решила написать письмо Николь и Дженни, и рассказать им всё, что меня угнетает. В прошлом это было не очень удовлетворяющее, потому что почти всегда в ответ приходили лишь рассеянные строчки, которые возбуждали во мне чувство, будто я навязываюсь. Но мне надо было убить время.

Но вход в сеть сорвался. Наш интернет всё ещё не работал. Папа разбирался с ним неохотно и решил через каких-то десять минут, что есть более важные вещи. Например, распаковать коробки. Эти коробки просто не кончались. Я везде об них спотыкалась, в углах собирался изолирующий матерел в серые кучи, и постоянно где-то стучало, гремело, и звякало.

Так что я должна была попробовать это сделать через мобильник. На нём за интернет у меня было заплачено, но набор текста эпического сообщения продлиться точно до ужина. Но я нигде не могла его найти. Его не было не в моей школьной сумке, не в кармане моих штанов, не в моей куртке. И потому что я не хотела в это верить, я обшаривала их снова и снова, пока у меня на лбу не выступил пот и от негодования не заболел желудок.

Действовать нужно последовательно. Когда я его последний раз использовала - или лучше: попробовала использовать? Утром в автобусе. На перемене для этого не было времени, потому что Майке обеспечила меня новыми сплетнями. Но на физкультуре... О нет. Я, должно быть, забыла его на физкультуре. В виде исключения мы тренировались в спортивном зале клуба рядом со школой, потому что у нас ремонтировали вентиляцию, и там я несколько раз пробовала выслать сообщение. Снова неудачно, конечно.

- Всё хватит, - прорычала я и втиснула ноги в ботинки.

Я сразу же поеду в эту проклятую деревню, обеспечу себе доступ в спортзал и буду искать мобильник. Если это действительно был клубный спортивный зал, он будет открытым. А если нет – ну, я была в таком настроении, что запросто взломаю дверь.

Несмотря на мою огромную комнату, у меня было чувство, будто я заперта в темницу со стенами в метр толщиной, защищена и ограничена от всего мира. Это заставило меня запаниковать. Ни минутой дольше я не хотела пассивно смотреть, как меня забывают в Кёльне, потому что я была не доступна. Торопливо я спустилась с лестницы. Мама как раз складывала всё в кухонные шкафы.

- Я быстро съезжу в деревню, - крикнула я и схватила ключ с полки. Норвежский тролль ядовито смотрел на меня при этом. - Я забыла мой мобильник в спортзале.

- Хорошо! – радостно крикнула мама. Так, всё ещё хорошее настроение. Это стало уже болезнью.

Ужасные сорок минут спустя я вышла из автобуса и сразу увидела, что перед спортзалом слоняется горстка молодёжи. Трое жующих жвачку парней били друг друга своими рюкзаками в зад и находили это, очевидно, ужасно смешным. Я пошаркала им навстречу. Косматый пёс проковылял из выезда во двор прямо ко мне. Когда я приостановилась, он тоже остался стоять и оскалился. Почти неслышное рычание заставило вибрировать его высунутый язык.

- Перестань, - сказала я тихо, но он продолжал рычать.

Я шагнула два шага назад и сделала медленный крюк вокруг него. Пёс не выпускал меня из виду. Наконец, я стояла перед спортзалом. Молодежь убралась на другую сторону улицы и атаковала закусочную кебаб. Локтем я попробовала отодвинуть тяжёлую дверь.

Внезапно она открылась, и запах затхлого пота, сгнившей резины и магнезии забрался мне в нос. Три грязные неоновые лампы мигали и щёлкали. Хорошо, что никого не было. Я сбежала по лестнице вниз, к раздевалкам и залу.

Мысли о том, что мой мобильник украли, преследовали меня всю дорогу, они одновременно разозлили меня и испугали. Правда, у меня была маленькая надежда, что здесь в деревне не так часто воруют как, в Кёльне, но при одном взгляде на нашу раздевалку эта надежда испарилась.

Здесь не было ничего, кроме двух смятых бумажных салфеток и неряшливого полотенца, свисавшего с крючка. Но всё-таки я ползала на коленях по всему пыльному полу и заглядывала под каждую скамейку и в каждую душевую кабину. Безрезультатно.

С раздражённым стоном я поднялась и прижала руки к пояснице. Была ли я вообще в верной раздевалке? Раздевалки выглядят всегда одинаково, и у меня всегда было плохое чувство ориентации - тем более, внутри зданий. Спотыкаясь, я вышла в коридор. Где-то плескался душ. Я остановилась и прислушалась.

Шум воды раздавался справа. Поэтому я раскрыла левую дверь. Передо мной находилась ещё одна полутёмная раздевалка. Мне не нужно было включать свет, чтобы увидеть, что я здесь ещё никогда не была. Было бесполезно искать дальше. Может быть, мой мобильник лежит в зале, хотя я не помнила, что брала его туда с собой.

Вдруг я почувствовала, что больше не в состоянии сделать ещё хотя бы один шаг. Уставшая, я опустилась на скамейку рядом с дверью и выдохнула, застонав. Боль в моих плечах усилилась, так что мне нужно было опереться назад. Я закрыла глаза и свесила свою голову на бок.

Что-то возле меня так приятно пахло, что я прижала к этому мою щеку. Оно поддалось, хотело съехать, но я подняла сонно свои руки, прижала к себе, чтобы зарыться в него своим вспотевшим лицом.

Мои мускулы расслабились. Да, даже твёрдая спинка за моей спиной, казалось, вдавливалась, как поролон. Мой мобильный стал мне безразличен. Я могла потом его поискать. Завтра. Когда-нибудь ...

- Там кто-то внизу ещё есть?

- Не знаю, посмотри!

Голоса слышались сверху и были дружескими и свободными, но мне они казались вражеским рыком. Так как второй принадлежал однозначно Чёрной Лоле. Какого чёрта она здесь делает? Я резко почувствовала прилив сил, и мой желудок свело судорогой. Я ударилась затылком о стену, когда заметила, что моё лицо прижимается к белой мужской рубашке.

Неохотно я от неё оторвалась. Она так хорошо пахла. Я что, снова спала? Это не могло длиться всего пару минут, потому что моя левая рука занемела, а мой рот высох. Я уже слышала знакомый скрип кроссовок о линолеум. Он всё приближался, как раз в мою сторону.

Связка ключей зазвенела. А я сидела совершенно заспанная в мужской раздевалке и обнималась с чужой рубашкой. Чтобы подумать, у меня не осталось времени. Одним прыжком я оказалась у запасного выхода радом с душем и опёрлась на ручку.

В последнюю секунду дверь в толщину с руку поддалась и впустила меня в тёмный, узкий бетонный коридор. Молниеносно, но тихо я её закрыла. Вокруг меня стало очень темно. Ледяной сквозняк забрался по моим икрам наверх. С нездоровым замиранием сердца я поняла, что нахожусь под землей, без окон и без дневного света. Но запасной выход ведёт обычно наружу и скорее всего до нее всего несколько шагов.

Я вытянула руки. Впереди ничего не было. Здесь что, нет выключателя? Мне до сих пор ничего не было видно.

- Давай Елизавета, - прошептала я. - Беги.

Мой голос отдавался призрачным затихающим эхом. Надо мной что-то зашелестело - шарканье. Мыши? Или крысы? Как будто меня кто-то ударил по спине плетью, вздрагивая, я бросилась вперёд.

Клейкая паутина легла на моё лицо и растянулась с агрессивным жужжанием. Я стала истерически отбиваться. Что-то карабкалось по моей шее, с длинными ощупывающими ногами. Пауки. Здесь было всё в пауках. Я была заперта в тёмном подземелье полным пауков.

Если я сейчас упаду в обморок из-за чистого отвращения и страха, меня никто не найдёт, и пауки снова и снова будут по мне карабкаться, пока я потихоньку умираю от жажды и голода. Они переплетут мои волосы, залезут в мой рот и носовые полости и оставят на моих слизистых оболочках отливающие жёлтым коконы, в которых начнут появляться тысячи крошечных ножек новых пауков.

Я бросилась, беззвучно крича, дальше, пока мои ногти, наконец, не начали царапать холодный металл. Из последних сил я толкнула дверь. Она, скрепя, открылась. Я вошла, шатаясь, в пустой, тусклый спортивный зал. Я всё ещё не была на свежем воздухе, я всё ещё не свободна.

Здесь хоты бы я могла дышать. И дверь наружу находилась как раз напротив. Но теперь что-то карабкалось не только по моей шее, а по всему моему телу. На животе. На бёдрах. На груди. Тут поможет только одно - раздеться. Всё снять. А затем лучше всего побриться наголо.

- Чёрт, - выругалась я и стащила мою тонкую блузку через голову.

Распластав руки, я залезла под майку, задрала её и ощупала торопливо мою кожу, сначала живот, потом верхнюю часть спины. Вот, под мышкой - тонкие, дрожащие ножки.

Я вытащила их, крича, из их тёплого гнезда и щелчком отбросила их, и хотя они принадлежали только запутавшемуся сенокосцу, раздавила, фыркая, каблуком своего ботинка, превратив в серое месиво.

- Чёртовое, глупое, деревенское говно! Я хочу снова домой! - сердито я топнула ногой. Д

ругой сенокосец убежал на длинных ногах. У меня было большое желание, что-нибудь сломать. Я подняла мой кулак и ударила в тяжёлую дверь.

- Ай! Вот дерьмо!

- Это додзё (прим. редактора: это место для медитаций и других духовных практик в японском буддизме и синтоизме), а не обезьяний цирк. И в додзё есть определённые правила. Вон отсюда.

Я вздрогнула, скользнула назад на мягкий мат, который был прислонен за мной к лестнице на стене. Мои голые плечи соприкоснулись с холодной искусственной кожей. Мат начал падать. Я быстро натянула майку на мой открытый живот и подвинула мат назад к стене, прежде чем он смог на меня упасть.

Кто таился здесь в полутьме? Судя по голосу - высокомерный голос, который мне казался смутно знакомым - это был мужчина. Молодой человек. На несколько секунд я застыла и не осмеливалась осмотреться. Не было ни звука, ни дыхания. Ничего. Но кто-то должен быть здесь. Я чувствовала его присутствие каждым миллиметром своей кожи.

- И что такое делают в додзё? - спросила я. - Пугают других людей?

Мой голос звучал боязливо и строптиво одновременно. Голос не ответил. Я удостоверилась в том, что мат стоит, и медленно повернулась. Под галереей окон на полу сидел спиной ко мне молодой человек. Его руки лежали на коленях ладонями вверх.

На нём был одет чёрный, полинявший тренировочный костюм, на плечах которого красовался красный дракон. Шёлковая ткань была так изношена и тонка, как будто он всё время проводил в стиральной машинке, но сидел он отлично. Вокруг бёдер был завязан чёрный пояс. Чёрный пояс. Это были самые опасные - столько, по крайней мере, я понимала в каратэ.

- Я спросила, что делают в этом прок…

- Медитируют, например. Бывают одни. Тренируются. Проявляют уважение, - прервал он меня резко, но явно скучающе.

Его голос заполнил всю комнату, хотя он и говорил тихо. В моих ушах слабо зазвенело. Одним гибким движением он встал.

- Проявлять уважение означает поклониться, перед тем как войти. Молчать. Идти босиком. Не ругаться. Понятно? А теперь уходи.

Откуда мне его голос казался знакомым? Относительно уважения ему не нужно было упоминать специально - я была полна респекта. Но так же достаточно сердита на этого выскочку.

Он всё ещё стоял спиной ко мне.

- Посмотри на меня! - крикнула я про себя сердито. - Посмотри на меня, наконец!

Но я не смогла произнести ни слова. Что это был за тип? И что он вообще себе позволял? Что, этот святой додзё принадлежит лично ему или как? Он неподвижно стоял и ждал. Я обвязала блузку вокруг бёдер и воздержалась от вопроса, нужно ли кланяться, когда покидаешь додзё.

Моего мобильного здесь, во всяком случае, не было, это было видно одним взглядом. Здесь не было ничего, кроме мужчины и его парализующей ледяной ауры. Я не осмелилась пройти мимо него и в сторону запасного выхода, особенно если там, возможно, подстерегали новые пауки.

Как в трансе я вышла из зала и поднялась по лестнице наверх. Задыхаясь, я опустилась на пол. Было абсолютно тихо. Лолы и другой женщины уже не было. Я посмотрела на мои часы. Если я хотела поймать последний автобус до Кауленфельда, то мне не оставалось времени для отдыха. Для этого я очень долго спала. Я глубоко вздохнула, поднялась и хотела открыть дверь. Она не сдвинулась ни на миллиметр.

- О нет,- простонала я. - Нет ...

Снаружи было уже почти темно. Я видела, как приближаются фары автобуса и беспомощно наблюдала, как он остановился и потом, мигая, завернул. А я была всё ещё заперта.

Всему этому не было конца. Быть запертой с "чёрным поясом" в холодном убогом деревенском спортивном зале. И я сама была в этом виновата. Я лучше убежала бы, чем предстать, вероятно, перед безобидной женщиной, которая каждый вечер закрывала зал и на всякий случай смотрела, был ли ещё кто-нибудь здесь.

Может быть, Лола вообще не спускалась и не видела, что я сидела в мужской раздевалке и прижималась к чужой рубашке. Но даже если бы она об этом узнала - скорее всего, она была бы всё-таки более вежливой, чем это высокомерное чудовище внизу. Неужели это была его рубашка, к которой я до этого прижималась? Если да - тогда он знал сейчас, что я торчала в его раздевалке.

Я подождала один момент, может быть, я только вижу сон и сейчас проснусь, но этого не случилось. Всё было по-настоящему. И это было просто ужасно.

- Что мне теперь делать? - прошептала я.

Я осмотрелась. Может быть, я найду на чёрной доске какую-нибудь ссылку на позднюю тренировку, а значит и на то, что дверь снова откроется. Но на раскрошившуюся пробковую доску была прицеплена лишь одна маленькая реклама: "Специальная подготовка для всех носителей фиолетовых и коричневых поясов мужского пола, с Колином Блекбёрн. Каждую вторую среду месяца с 18.00 до 20.30." Каждую вторую среду. Сегодня была среда. Вторая среда в мае.

Тогда там, внизу, был, стало быть, Колин Блекбёрн? И использовал это время, чтобы побыть одному? Мои ноги подкосились, и я присела на обшарпанный линолеум. Мне не остаётся ничего другого, чем ждать этого противного человека по имени Блекбёрн и надеется, что он откроет мне дверь. Моё замёрзшее тело стало неконтролируемо дрожать.

Из-за внезапной паники он может меня заметить. Я нащупала выключатель и покончила с мерцанием неоновой лампы. Я сухо всхлипнула.

Хорошо, Эли. Не реветь. «Только бы не заплакать», - умоляла я себя в мыслях. Я часто в этом тренировалась. Дышать. Глотать. Дышать. Думать о чём-то другом. Сосредоточится непосредственно на настоящем времени. Собрать впечатления. Хорошо, тогда я брошу осторожный и по возможности незаметный взгляд на моего врага и единственного возможного спасителя.

Так тихо, как только возможно, я прокралась к большой галерее окон. Но уже на полпути закралось нехорошее чувство, что за мной наблюдают. Я обернулась. За мной царила полная пустота. Качая головой, я двинулась дальше до окон и посмотрела вниз. В сумеречном зале я почти не могла разглядеть незнакомца. Только слабо выделялся его костюм от серо-ночной стены. Вначале я только видела его тень, нечётко скользившую по додзё. Потом, после нескольких минут выдержки на затёкших коленях, стало лучше.

- Ооо, - прошептала я удивленно, когда он беззвучно подпрыгнул и прокрутился два раза вокруг своей оси, чтобы потом приземлиться на шпагат на пол – поза, из которой я никогда бы не смогла встать.

Но с одним скользящим движением он поднялся на ноги и привёл свои руки быстро, но спокойно в начальную позицию: одна рука согнута и прижата к телу, другая вытянута. Он был мускулистым. Его руки и ноги были длинными и стройными, но под его светлой кожей играли твёрдые непоколебимые мускулы.

Может быть, он и был чудовищем, но то, что я видела, было неописуемо прекрасно. Загадочный танец, полный переплетений энергии и погружений, который заставит противников дрожать, а почитателей светится от восторга. Это не было лихорадочным размахиванием. Это была магия.

Правда, это была магия без лица. Если он кружился в своём танце теней, законами которого владел только он, делал он это так быстро, что я не могла уловить ни одного взгляда на его лицо. А если он приостанавливался - остановка, при которой ни одного вздоха, ни одного сомнения не было видно, - то всегда спиной ко мне.

- Уходи, тебе нельзя здесь находиться. Он хочет побыть один, - всё время говорила я себе.

Но я осталась, хотя мои коленки на холодном полу начали больно пульсировать. Меня донимала страстное желание сделать хотя бы какую-нибудь вещь в моей жизни с таким сосредоточением и страстью. Так, чтобы она принадлежала только мне. Я даже подумала на мгновение, не злиться ли он на то, что вышвырнул меня.

- Если бы еще можно было посмотреть, - прошептала я.

Колин замер и повернулся. Я не знала, как это возможно - но он, должно быть, услышал моё шепот. Прежде чем он меня увидел, я бросилась пластом на пол и отползла, наклонившись от окна. Я задержала дыхание.

Это движение я уже один раз видела. Резкое движение головы, гордое и не преступное, тогда как плечи остаются полностью без движения. Хотя я всё ещё не видела его лица, вдруг я поняла, что знаю его: незнакомый всадник из леса и одинокий боец там, внизу, который только что слился с темнотой, были одним и тем же человеком.

Колин Блекбёрн со своим конём из преисподни выловил меня в грозу. И он меня, конечно же, сразу узнал. Я же не скрывала своего лица, как он. Не было смысла прятаться. Я снова включила свет, встала рядом с дверью и стала ждать.

Я решила скрестить руки на груди и сделать невозмутимое и равнодушное выражение лица, как только услышу его шаги. Но до этого мой учащённый пульс посылал по спине одну дрожь за другой. Мои ноги и руки были ледяными; но мои щёки горели, как будто у меня была температура. Нервно мои руки играли с ключом от дома, пока бряканье другого ключа это не заглушило.

Без слов он открыл дверь, чтобы я могла выйти. Я на него не посмотрела. Когда я проскользнула мимо его вытянутой руки, дрожь на моём затылке стала такой сильной, что я присела на колени. Одно крошечное мгновение моя щека дотронулась до ткани его рубашки. Невольно я глубоко вздохнула. Потом я взяла себя в руки и, пошатываясь, спустилась по ступенькам.

На улице было пусто. Телефонную будку я не увидела и не хотела ещё больше терять времени, чтобы её искать. Лучшее и безопасное решение было пойти домой пешком. Я не хотела оставаться здесь ни одной минуты дольше. Дорогу я теперь знала, и когда-нибудь я дойду. После этого мне, наверное, ампутируют пальцы на ногах, но всё-таки это было лучше, чем ловить попутку или ночевать на входе в спортивный зал. Угрюмо я потопала в сторону шоссе.

Машины мимо меня проезжали редко, пока, наконец, не оказалось, что я была единственным существом в этом тихом одиноком мире. Мои пятки чудовищно болели в узких туфлях на высоком каблуке, и холод поднялся до моего живота и опустился окончательно на мою спину. Я остановилась и приподняла правую ногу, чтобы дать ей отдохнуть. В переполненном ручье рядом с дорогой квакали лягушки, и в зарослях что-то тихо шуршало. Может быть, олень? Или всё-таки кровожадный насильник?

- Залезай, я подвезу тебя.

Слишком быстро я повернулась и почти потеряла равновесие, потому что всё ещё балансировала, как аист, на одной левой ноге. Как это случилось, что я его не слышала? Внезапно мне всё показалось нереальным. Я сразу же поняла, что мужчина в машине был Колином. Его голос въелся в мою память, как акустическая татуировка.

Было ли ему ясно, что тот, кого он хотел подвезти, была я? Я, непочтительное городское создание из Кёльна, которое не разбиралось в погодных признаках и ещё меньше во внутренних додзё законах? (Закон номер 1: Колин тренируется в темноте. Мешать и ругаться запрещено. Спасибо.)

- Чего ты ждешь, Эли?

Прекрасно. Он уже знал, как меня зовут. Были ли они с Бенни друзьями? Или это распространялось в деревне автоматически? Всё равно. У меня на каждом втором пальце на ноге мозоль, и голод меня почти убивал. С покорным вздохом я села в машину и пристегнула ремень.

Колин протянул руку назад и без комментариев положил мне мой мобильный на колени.

- Большое спасибо, - сказала я холодно.

Я попробовала его включить, но прежде чем я смогла ввести код, дисплей отключился с болезненным морганием. С трудом я проглотила новое проклятие и вопрос: почему он не отдал мне мой мобильный еще в спортзале. Откуда он вообще знал, что он принадлежит мне? И где он его нашёл?

- Он лежал в мусорном ведре,- ответил Колин своим спокойным, приятно глубоким голосом на мои мысли.

Снова акцент почти не различим, так что мне нужно было напрячься, чтобы его заметить. Вообразила ли я себе улыбку в его словах или она действительно была? Но я стеснялась посмотреть на него, хотя я с удовольствием бы это сделала.

И я была рассержена, потому что он, несомненно, знал, что дверь будет закрыта, и всё-таки спокойно тренировался дальше, чтобы я могла тем временем переживать. Теперь он меня везёт хотя бы домой и избавил меня от смерти в лесу. Наверное, я должна быть ему благодарной.

Мне всё ещё было холодно, Все окна были открыты, и мои мускулы на затылке свело судорогой от непрерывно задувающего ветра.

- Включи подогрев сиденья, - сказал Колин в тишине. - Кнопка на двери под ручкой.

Он мог бы просто закрыть окна - но пожалуйста. Я нащупала кнопочку и нажала. Немедленно по моей спине распространилось благотворное тепло.

Теперь я всё-таки рискнула на него посмотреть - но только в сторону, вниз. На Колине были надеты узкие тёмные брюки изо льна и под ними мягкие кожаные сапоги, которые вот-вот распадаться. Были ли это сапоги для верховой езды? Если да, тогда он часто ездил верхом во время стихийных бедствий. Его предплечья были сухими и чистыми, и мой чувствительный нос не различал даже лёгкого запаха пота. Вместо этого он пах немного лошадью, сеном и нагретыми на солнце камнями. Я не хотела знать, как пахла я. Страх не лучший парфюм.

Молча он ехал дальше. Я подумала, что может быть, было бы полезно сказать ему, где я живу. Но мой язык прилип к нёбу, что мне казалось чистым расточительством пошевелиться. Монотонное гудение мотора заставляло меня всё глубже погружаться в тёплое сиденье. Я сдалась и прижала свою щёку к шёлковистому ремню. Странная безмятежность убаюкивала меня.

Но было ещё что-то другое, что-то глубокое, тёмное, что вблизи моего сердца тянуло и дергало. Было ли это разочарованием из-за того, что Колин почти со мной не разговаривал? Или что единственный человек, подаривший мне сегодня крупицу своего времени, как нарочно, был самым высокомерным мужчиной на много миль вокруг?

- Елизавета? - спросил он с явным ироническим оттенком в голосе. - Ты можешь, конечно, оставаться сидеть, но мы уже приехали.

Я чувствовала себя усталой и оцепенелой. Неохотно я поднялась с мягкой спинки сиденья и открыла дверь. Колин безошибочно остановился на просёлочной дороги чуть выше нашего дома.

- Спасибо за то, что подвёз домой ... Ээ, и за мобильник,- сказала я более и менее вежливо. Никакой реакции. Но я не хотела, чтобы от меня отделались так безмолвно. - Ты ... то, что ты делал в зале - это было ... Это имеет что-то общее со специальной подготовкой? - спросила я неуклюже.

- Я не тренирую девушек, - ответил он холодно.- О, тогда ты не видел "Крадущийся тигр, затаившейся дракон"? - спросила я дерзко. "Крадущийся тигр, затаившейся дракон" был моим фильмом "Библией". Мы брали этот фильм на диске в прокат. В тот вечер можно было выбирать мне, в виде исключения. После десяти минут Дженни заснула, а Николь набирала рассеянно одно сообщение за другим. Обе решили единогласно, что с этого дня будут выбирать фильмы снова только они.

Я, наоборот, заказала себе диск ещё этим же вечером в интернете и после этого посмотрела его минимум пятьдесят раз. Я знала этот фильм наизусть. «И ты только что напомнил мне о нём», - подумала я тоскливо.

- Вовсе нет, - раздался голос Колина в темноте.

"Вовсе нет". Кто так говорит сегодня?

- Я видел фильм. Милые, анимированные эпизоды. Но всё равно я не тренирую девушек.

Потихоньку, но верно в меня закралось чувство, что он хотел изо всей силы выдворить меня из своей машины. И всё-таки я не могла так всё оставить.

- Я не хочу у тебя тренироваться. Не дай Бог. Я хотела только знать, ты ли Колен Блекбёрн. Тот со специальной-сверх-бета-экстренной тренировкой для "коричневых и лиловых поясов".

Некоторое время он молчал. Я почти не могла дышать.

- Да, это я, - наконец, сказал он тихо. - И иногда пара боевых приёмов не помешает.

Последнее предложение прозвучало горько. И я его не поняла. Он говорил загадками. Прекрасно. Два дурака нашли друг друга. Значит, это действительно был он. Колин Блекбёрн. Женоненавистный тренер каратэ, который в своё свободное время в непогоду скачет на коне в лесу. Я открыла дверь.

- Эли? - спросил он тихо.

Он выговаривал моё имя мягче, чем другие. С более открытым «Э». Почти, как Аэли, американская версия. Я остановилась и повернулась к нему. Может, скажет всё-таки дружелюбное слово? Его лицо было в тени, но потихоньку я получила представление о его примерном возрасте. Между 18 и 25, предположила я.

- Вытащи, ради Бога, пирсинг из пупка.

Я тут же стала бодрой. Я возмущённо ахнула. Он увидел мой живот - это было одно. Это я могла ещё проигнорировать. Но вмешиваться в то, какие я ношу украшения на теле – нет, здесь он зашёл слишком далеко.

- Я не знаю, почему ты так расстроена, - сказал он, прежде чем я могла дать моей досаде выйти наружу. - Ты ведь его совсем не хотела.

Теперь мне действительно не хватало слов. Как он мог такое утверждать? Он ведь меня совсем не знал.

- Я не дам никому указывать, что я должна делать со своим телом, - пробормотала я наконец. Это звучало не правдоподобно.

- Нет? Тогда я спрашиваю, почему ты себе его проткнула. Спокойной ночи, Эли. Хороших снов.

Ледяной воздух прикоснулся к моему затылку. Ещё никогда мужчина не говорил мне такое. С трясущимися коленками я вылезла из машины. Колин закрыл неожиданно быстро пассажирскую дверь и умчался. Дежавю. Я стала искать в своей памяти объяснения. Захлопывающаяся дверь ... быстро уезжающий чёрный автомобиль ... я такое уже один раз пережила. Но снова было чувство, как будто кто-то украл мои воспоминания. Я не могла ничего вспомнить.

Передо мной прыгала через дорогу жаба. Я присела и стала её разглядывать. Её толстые щёки ритмически надувались, а её золотистые глаза как будто бы точно знали, куда им направить свой взор. Через пыль к воде. Это должно быть удивительно просто вести жизнь жабы. Зимняя спячка, мигрирование, отложить икру, мигрирование, зимняя спячка. Мотая головой, я открыла входную дверь.

- Эли, наконец-то! - мама ждала меня в коридоре, руки полные сложенных коробок. - Что случилось, почему ты так поздно?

- Не спрашивай, - попросила я, вздыхая. Мне вдруг сильно захотелось зареветь. - Оставь меня, пожалуйста, в покое.

Мама посмотрела на меня задумчиво и безмятежно пожала плечами. Ну да, поздний подростковый период.

Что за ужасный вечер? Здесь что, нечего не протекает нормально? Должно всегда кончаться позором, галлюцинацией или почти смертью? Я села в гостиной и включила телевизор – о, всё хорошо видно. Наконец-то мама разобралась со спутниковой антенной.

Папа бы это никогда не сделал. Он ненавидел смотреть телевизор. Я уменьшила звук, пошаркала в кухню и засунула лазанью из морозилки в духовку. Расслабляющая усталость закралась в мои мускулы и притупила боль в моих плечах и коленях.

Я переключала, жуя, каналы, но ничего меня не заинтересовало. При этом раньше с Николь и Дженни я могла провести целые вечера перед телевизором. Раньше ... Моя старая жизнь закончилась всего пять дней назад. Но в это я не могла поверить, так же как и в тот факт, что Колин смилостивился надо мной и отвёз домой. Где он интересно живёт? В вилле? Со слугами и огромной с мраморной ванной комнатой? Что он делал здесь в деревне? Судя по его акценту, он не отсюда родом.

Мои вопросы без ответов прекратились, как только я легла в кровать и стала смотреть на глубокий серый цвет моих занавесок. Но покоя я не нашла. Я чувствовала пирсинг в моём пупке так отчётливо, как будто его только что прокололи. И вот чёрт, это тогда довольно сильно болело.

- Хорошо, пожалуйста, ты, самодовольный высокомерный придурок, - прошипела я, отбрасывая одеяло, и поплелась в ванную комнату.

Этого момента я всегда боялась. Минимум так же сильно, как и протыкать. Дрожащими пальцами я возилась с серебряным колечком, которое год назад мне навязали, и из-за которого я неохотно просила родителей (единственный комментарий папы: это твоё тело.).

Это было между нами девчонками; мы все втроем хотели себе сделать пирсинг, конечно, не просто что-то, а иное, никак у всех. Но, в конце концов, и для пирсингов установлены творческие границы, и так я выбрала для себя маленькое колечко с бриллиантом в пупке, и мне понадобились недели, чтобы к нему привыкнуть.

Но когда я, наконец, привыкла, и пупок стал снова нормального здорового цвета, я предусмотрительно не трогала его, чтобы не мешать спокойствию. Колечко принадлежало мне, не имея при этом никакого значения. Ведь не смотря на различные футболки, оставляющие живот открытым, мне не сильно нравилось показывать обнажённую кожу, которая никого не касалась.

После двух минут возни и грубых ругательств, в которых я желала Колину бубонную чуму на его яйца, колечко выскользнуло с лёгким потягиванием из его тёплого гнезда. Звеня, оно упало в открытый сток в ванне и исчезло.

- Прощай, - сказала я устало.

Потом я пошла в свою комнату, чтобы вытащить список потерянных вещей из ящика прикроватной тумбочки.

"День 3: мой пирсинг".

Потому что я точно знала, что не попрошу папу раскрутить сточную трубу, чтобы спасти его. Я действительно не хотела его. И я страстно ненавидела Колина за то, что он это знал. Или просто предположил и попал в точку.

После колебания я добавила: моя гордость. Но была ли у меня когда-нибудь гордость? Сон пришёл быстро. Почти не заметно до меня донёсся уже знакомый шёпот, прежде чем я провалилась в темноту.

- Видишь. Ничего не случилось.

Глава 6. Проблеск надежды

На следующее утро царила сияющая солнечная погода, а папа страдал от мигрени. Из-за этого мама переместилась в швейную комнату. Так как мне нужно было в школу только к третьему уроку, я воспользовалась редкой возможностью позавтракать с ней и понаблюдать за ней утром, когда она, в виде исключения, была бодрой и доступной для общения. Она испекла круассаны и открывала банку домашнего клубничного джема.

То, что я практически не разговаривала, ей не мешало. Она была охвачена стремлением что-то предпринять, и я тоже чувствовала себя бодрой и отдохнувшей. Разумеется, я старалась не думать о своем вчерашнем плене в спортзале, а также о запутанных снах, которые посетили меня под утро.

Во сне я искала кричащую птицу и могла забираться на деревья и бегать по ледяным ручьям, не чувствуя усталости и боли, но я не нашла птицу и была разочарованна.

Со смесью тоски и опасения мама посмотрела наружу в сад.

— Я попытаюсь сегодня достать пиретрум девичью и посадить грядку. Вероятно, это поможет ему, — она была погружена в мысли о папиной мигрени.

Из пиретрум девичьей мама варила отвар, который должен был помочь папе от мигрени. Но ему ничего не помогало. Только плохая погода и темнота.

— Но смотри, чтобы они не сожгли тебя когда-нибудь, как ведьму, — пробормотала я и почти подавилась своим круассаном.

— Ах, Эли, оглядись вокруг, здесь скорее бросилось бы в глаза, что вообще не заботишься об огороде, — улыбнулась мама удивленно.

И она была права. Соседние сады были роскошными, но намного более ухоженные по сравнению с маминым произведением и более симметричны. Более аккуратные.

— Я быстренько загляну к папе, — решила я и встала.

— Возьми с собой чашку чая для него, — попросила меня мама и сунула мне в руки поднос. На мысочках я прокралась к спальне моих родителей и тихо постучала.

Папа сидел, выпрямившись, на кровати с толстой папкой на коленях и удивительно большим пакетом со льдом на голове. Жалюзи были полностью опущены, так что даже крохотная полоса света не могла проникнуть в помещение, но на ночном столике горела белая свеча. Мне было неясно, как он мог изучать документы с пульсирующей головой.

— Заходи, Элиза, — крикнул он, улыбнувшись, быстро закрыл папку и позвал меня к себе, махнув рукой.

— Тебе не кажется, что постепенно это становится неприколько, когда у мужчины мигрень? — пыталась я развеселить его.

— О, мне уже немного лучше, — сказал он оптимистично.

Я не поверила ни единому слову, так как видела, что его мучают боли. И почему-то он казался голодным. Я поставила чай на его ночной столик и присела на край кровати. Как всегда я не могла этого понять: мой папа, медведь-мужчина, сильный, атлетичный и высокий, и тут мигрень.

Его улыбка исчезла, и он внимательно посмотрел на меня.

— Как идут дела в школе?

Лучше всего я сказала бы ему правду: "ошеломляюще". Но я не хотела заставлять папу волноваться. Я попробовала сказать что-то среднее.

— Ну да, пожалуй, мне еще надо адоптироваться. Но одна девушка из класса французского очень милая.

Теперь папа снова улыбнулся и одновременно вздрогнул. Глубоко выдохнув, он приложил пакет со льдом ко лбу.

— Видишь, кто-то, как ты, быстро находит контакт, это мне было ясно, — сказал он хрипловатым голосом.

Почему тогда у меня такое чувство, он сам не верил своим словам? Я еще никогда не налаживала быстро контакт. И папа, собственно, знал об этом.

— Хорошо, пап, мне надо идти. До вечера! — я подарила ему быстрый поцелуй в холодный лоб и поторопилась успеть на автобус.

Два урока химии и два часа французского, с этим я должна была справиться. Мне нужно было следить только за тем, чтобы не встретиться с Лолой и Надин. Лучше всего мне спрятаться во время перемены снова в туалете.

Автобус был пустым. Я целеустремленно держала курс к заднему сидению и прислонилась к окну.

— Ах! — вырвалось у меня, когда начал вибрировать карман моих брюк и я услышала так долго ожидаемый звук. SMS! Мой мобильный телефон снова работал. Мое сердце застучало быстрее, наконец, сигнал и сообщение из Кёльна.

"Привет, сладкая, мы приедем навести тебя в воскресенье. Николь получила свои права! Возможно, мы могли бы сходить в кино. Школа нервирует, ты ничего не пропускаешь. Мы будем в пятнадцать часов у тебя! ЛТ, Дженни."

ЛТ. Люблю тебя. Какое сумасшедшее сокращение, подумала я и вспомнила о своем первом ЛТ, которое я с крайним отвращением набрала на клавиатуре. Но это было одно из правил игры.

"Если я люблю кого-то и хочу сказать ему об этом," — мечтая, думала я, пока зеленый, солнечный лесной мир проносился мимо меня: "я бы не сокращала слова."

Конечно, мне нравились Дженни и Николь, даже очень, мы были вместе каждый день.

Но любовь? Это было для меня чем-то большим, чем вот это. Кого я вообще любила? Маму, папу и Пауля. — Эх, Пауль, — прошептала я. На мгновение я чувствовала себя слишком одинокой. Мои бабушки и дедушки умерли. С тетей и дядей мы практически не общались. Когда-то мама умудрилась рассориться со своими братом и сестрой на всю жизнь.

Папа был единственным ребенком. Я даже не знала своих двоюродных братьев и сестер. Почему же тогда Пауль тоже пытался отдалиться... Но как всегда я утешала себя мыслью, что он так или иначе ушел бы, когда ему исполнилось бы двадцать. Три года назад. Поэтому это не играло больше никакой роли.

Я сконцентрировалась на моем мобильном. "О, я очень рада" — напечатала я и снова стерла. Это звучало так старомодно. "О, как круто!" — ухмыляющийся смайлик. Уже лучше. "Как раз еду в школу." — что еще. "Скучаю по вам." — нет. Стереть. "Miss U.*"

* скучаю по вам. (англ.)

Я сделала глубокий вдох. Но если она так написала, я тоже должна сделать это. "ЛТ, Лесси".

О Боже. Лесси. Как я могла это так долго терпеть? Первые два урока прошли спокойно и ничего не происходило. Когда прозвенел звонок, я листала книги и тетради, пока в помещении не осталось никого, кроме меня.

В окно я видела, что Лола и Надин поудобнее устроились на скамейке во дворе. Хорошо, значит, туалет свободен для меня. Но, когда я, переводя дух, повернулась, передо мной стоял Бенни.

— Привет, Эли. Все хорошо? — спросил он, пристально смотря на меня.

— Да, все прекрасно, — быстро ответила я и попыталась протиснуться мимо него.

— Лотте считает, что видела тебя вчера вечером! — крикнул он мне в спину. Я ускорила шаги. — В спортзале! — о нет. Значит, я была недостаточно быстрой.

— Это должно быть ошибка! Я была дома, — соврала я и открыла дверь в женский туалет. Я со всей силы хлопнула дверью. За всю свою жизнь я никогда не врала так много, как за последние два дня. Медленно я привыкала к этому.

— Ах да? — Майке проворно и, ухмыляясь, вышла из кабинки, застегивая пояс на ходу. — Хе, мне ты спокойно можешь рассказать. Бенни говорил, что Лотте видела тебя, как ты убегала из мужской раздевалки.

Да, слухи разносились по деревне великолепно. Небрежно Майке подержала кончики пальцев под краном и снова отдернула их, прежде чем вода намочила их.

— Я не сбегала, — сказала я достойно. — Просто заблудилась. И у меня не было желания объяснять Лотте, что я делала между мужскими душевыми.

— Но это весело? — хихикала Майке.

— Да, очень весело. Ха-ха. А что там делала Лотте?

— Живот, ноги, попу, — конечно. Живот, ноги, попа. — Собственно, я тоже с ней на этом курсе, но у меня болела голова. А ты что ты вообще там делала? — спросила Майке заинтригованно.

— Я искала свой мобильник, так как забыла его там, — о, звучало очень даже нормально. Слишком нормально для этого вечера. — Он же, впрочем, лежал в мусорном ведре, — добавила я важно. И я бы очень хотела узнать, кто бросил его туда.

— Очередная мальчишеская выходка, вероятно, — предположила Майки, пожимая плечами.

— Ну, по крайней мере, странный карате-тигр нашел его и вернул мне. Он тренировался там совершенно один. В темноте.

Майке остановилась. Ее глаза сузились.

— Колин?

Я вопросительно подняла плечи и ничего не сказала. Она знала его. Я расчесала волосы и вытерла тушь в уголке глаза.

— Высокий, худой и страшный, как ночь? — спросила она холодным голосом.

— Без понятия, — сказала я безразлично, пока мое сердце сделало небольшой скачок. Ужасный? Поэтому ли он скрывал лицо?

— Забудь, ты не получишь у него тренировки, — жестко проговорила она.

— Это был бы мой кошмарный сон, — ответила я. Звучало достоверно, и Майке решительно улыбнулась.

— Он уже долго преподает каратэ? — спросила я как можно более равнодушно.

— Нет, насколько я знаю, только первые пару лет. Не имею ни малейшего понятия, из какой дыры он выполз.

От мысли, что Колин выполз из какой-то дыры, я не удержалась от невольного смешка.

— Он хорошо знает своё дело, не так ли? — задавала я вопросы, но не смотрела на нее.

— Пфф, — пренебрежительно произнесла Майке. - В его возрасте уже черный пояс... Это же просто невозможно. Никто и никогда не смог бы получить его правильным путем. Он определенно купил его или добился ложью.

Я задалась вопросом, как можно добиться ложью черного пояса, так как в первом же бою правда вылезла бы наружу. Колин определенно не выглядел, как будто он мог кому-нибудь или чему-нибудь проиграть.

— Он не пьет, не помогает в организации праздников, — травила Майке дальше и неподвижно наблюдала, как я пыталась разгладить несколько упрямых прядей за ушами. — Я знаю это от Бенни. Но они хвастаются им. Поэтому никто ничего не говорит. И если им очень повезет, он устраивает показательный бой во время спортивного бала. Но если попытаться с ним потом поговорить или пожелать до этого ему счастья... Даже с Евой он обращается как с ничтожеством, а у нее все-таки есть коричневый пояс. Для него никто не достаточно хорош, —

не унималась Майке в своем с нотками черного юмора анекдоте о жизни сообщества с участием или без участия Колина Блекбурна. Кто его знает, что этот парень ей сделал. В обычной ситуации я бы поставила на отвергнутую любовь. Но неприязнь Майке была настоящей и шла из самого сердца. Я определенно чувствовала это.

— Чем ты вообще занимаешься в свободное время? — спросила я, чтобы остановить эту тираду ненависти. М

айке съежилась, как будто я испугала ее. Затем вернулась на ее лицо доверчивая ухмылка.

— Хм, у меня есть идея! — выкрикнула она с довольствием. — У тебя есть время в эту пятницу? В пятницу мы едем кататься верхом. У моего дедушки есть несколько пони, которые стоят за деревней в лесу. Верховая езда — самое разумное, чем ты можешь заняться здесь, если только ты не собираешься вступить в группу по стрельбе, но ты же не хочешь, правда?

Я молча покачала головой. Пони. Верховая езда. О, нет. У меня было достаточно неудачных поездок верхом. Если бы я только держала свой рот закрытым. И кто собственно были "мы" ?

— Майке, я не знаю...

— О, все же мы сделаем это. Там ничего не может произойти, они все совершенно милые. Правда.

Совершенно милые. Так же, как собаки, которые хотят только поиграть, а затем висят, вцепившись в горло. Прозвенел звонок. Нам нужно было возвращаться на занятия. Майки покровительственно толкнула меня в бок.

— Если ты пойдешь, я скажу Бенни и Лотте, что тебя действительно не было в раздевалке. Я придумаю хорошее алиби. Договорились?

— Ну, хорошо, — вздохнув, согласилась я с болью. Я все еще могла отказаться. Или просто не пойти туда. Но я не хотела задеть ее за живое. Кроме того, ее предложение освободить меня от Бени и Лолы было слишком заманчивым.

На следующий день наш учитель биологии отправил нас в лес. Экскурсия. Во время распределения по два человека я осталась последней. Другого я и не ожидала. Господин Шутс сжалился надо мной, чем мой статус воображаемой карьеристки был закреплен окончательно.

Но я ценила то, что могла ограничиться в беседе самым необходимым: факты и простая вежливость. Я всегда могла поддерживать контакт со взрослыми. Даже почти лучше, чем с ровесниками.

Постепенно я расслабилась, хотя погода снова ухудшилась, и снова и снова на бледное солнце надвигались толстые облака. Как только небо потемнело, подул прохладный, настойчивый ветер. Господин Шутц вел нас спокойно и целеустремленно через темно-зеленый лес, в котором пахло мятой и влажной листвой, через поля и узкой тропинкой вдоль бурлящего ручья.

После двух часов кости так болели, что я тосковала по окончанию уроков и радовалась, что могла сесть в автобус. С нашего прибытия в неизвестно куда один физический вызов следовал за другим. Из-за волнения я едва ли могла позавтракать утром и теперь была яростно голодной, как будто в моем пустом желудке завелся дикий зверь.

"Наконец-то выходные", — подумала я устало. Первая школьная неделя осталась позади. У меня была встреча с Майке в следующую пятницу, которую я, вероятно, отменю, но все-таки встреча была. А в воскресенье Дженни и Николь приедут в гости. Я чувствовала себя раздавленной и выжатой, но было кое-что, чему я могла порадоваться. И я держалась за это.

Субботу я провела с мамой на разных строительных и садовых рынках, которые она покидала крайне недовольно и ворча про себя, так как не находила то, что искала. Все же багажник универсала после нашей одиссеи, был заполнен так, что трещал. Во второй половине

дня я пыталась перекапать с ней тяжелую, влажную землю под жесткой травой. Мне было неясно, как можно было делать что-то подобное добровольно.

Было слишком тепло, мы потели, и через полчаса у нас появились мозоли на руках. Садовая работа выматывала меня, я устала, как собака. Во второй раз я быстро заснула вечером и спала так крепко, что следующим утром я не могла сказать, о чем был мой сон.

Мне вообще что-нибудь снилось? Обычно мне всегда что-то снилось. Я просидела полчаса на краю кровати и перерыла мою голову, вспоминая обрывки снов. Я не нашла ничего, кроме старых отрывков: сны, в которых я часами искала туалет и ходила по школе наполовину одета.

Я должна была себе признаться, что разочарованна. Хорошо, кошка согрела младенца. Он был не совсем один. Но все равно я бы охотно еще раз вернулась в этот сон. На какой-то момент я спросила себя, выжил ли ребенок.

— О, госпожа Штурм, это был только сон. Только сон! — сказала я громко сама себе.

Несмотря на то, что я снова ощущала приятную усталость, я помогла маме после завтрака испечь яблочный пирог (совершенно новое поле действий, раньше я умела только включать микроволновку и разогревать пиццу в духовке), приняла душ, высушила волосы и в ужасе поняла, что едва ли осталось время надеть что-то особенное или накраситься. Быстро я нанесла тушь, наложила блеск и завязала волосы на затылке.

Дженни и Николь могли появиться в любой момент. Не слышала ли я уже звук машины? Перепрыгивая через ступеньки, я отважно бросилась с лестницы вниз и понеслась на улицу во двор, где как раз остановился маленький шикарный автомобиль.

— Господи, бедняжка, куда тебя засунули? — крикнула Николь с сожалением, обняв меня так крепко, что почти нечем стало дышать, и завершила приветствие двумя воздушными поцелуями.

— Мы уже думали, что заблудились и никогда не доберемся, — засмеялась Дженни. Такая же процедура: объятия, воздушный поцелуй справа, воздушный поцелуй слева. Пока выполнялись все эти действия, у меня снова было это приглушенное чувство, что за мной наблюдают тысячи любопытных глаз позади закрытых занавесок.

— Итак, вот этот дом, — сказала Николь и повернулась вокруг своей прекрасно сформированной оси. Как я, когда неделю назад приехала сюда. Теперь я была той самой, кто стоял во дворе в джинсах и кофте с капюшоном, а Дженни и Николь одновременно начали замерзать в своих стильных шмотках.

— Давайте зайдем внутрь, — предложила я им, так как данная ситуация становилась для меня не приятной. Так как скоро эти двое поймут, что я оказалась в голой пустоши. И хотя я не выбирала эту пустошь, но все равно стеснялась её. Я провела их вокруг дома в зимний сад. Дверь была открыта. Спешно я откинула темные шторы и подняла жалюзи. Мама работала на своих грядках и кивнула нам.

- Привет, девочки! - она поднялась, расправила руки и закричала: - Разве здесь не прекрасно?

О, мама. Газон был на половину перекопан и выглядел, как кладбище после землетрясения, рядом только огороды соседей, на другой стороне поле, а над нами уже знакомо пасмурное небо – что, во имя Бога, она видит здесь прекрасное?

Я закатила глаза, на что Дженни и Николь тихо захихикали. И я застеснялась еще больше, так как мама выглядела при этом очень счастливой в своем грязном садовом фартуке, собранными наверх локонами и парой отвратительных, лилового цвета садовых перчаток, вероятно наследство от бабушки.

Кофейный столик был уже накрыт и яблочный пирог почти убил меня своим соблазнительным запахом.

— Присаживайтесь, — предложила я Николь и Дженни. Я надеялась, что они прекратят разглядывать древний стол, который мы привезли из Швеции.— Мама испекла пирог, что вы хотели бы выпить, кофе? — конечно кофе. С большим количеством пенки.

— Эм, Лесси, ты... мы заехали в Макдональдс, когда ехали по автобану, мы были так голодны. Я хотела бы только кофе, — сказала Дженни извиняясь. — С сахарозаменителем.

- Я тоже. Если я сейчас съем кусок пирога, я снова прибавлю в весе, — присоединилась к ней Николь.

— Итак, я съем кусочек пирога, собственно, я сама его испекла и умираю от голода, — ответила я грубее, чем планировала. "Возьми себя в руки, Эли", — отчитывала я себя, пока включала кофемашину. "Это твои лучшие подруги. И если бы ты была с ними, ты бы тоже съела картошку фри и выпила свой молочный коктейль.

Воцарилось молчание, когда я за обе щеки уплетала свой яблочный пирог, а две другие вежливо попивали кофе. Дженни осматривалась вокруг и делала вид, что заинтересовалась обстановкой. При этом это была та же мебель, что и в Кельне.

- Веселове, совместное кофепитие, как раньше в детстве на праздновании дня рождения, — ухмыльнулась Николь. — Чем мы займемся потом?

— Будем разбивать горшок со сладостями с закрытыми глазами, — ответила я с сарказмом, и мне самой захотелось отвесить себе пинок под зад. Почему, собственно, они не спрашивали, как я провела прошедшие дни? Как дела в школе? И что я еще пережила?

— Знает ли кто-нибудь, что идет в кино? Здесь же есть кинотеатр, правда? — Дженни попыталась спасти положение.

Ах, теперь еще это. Я нашла его с помощью ежедневной газеты утром, и результаты просто обескураживали.

— Ближайший кинотеатр находится в Альтенкирхене, нужно полчаса, чтобы добраться туда. И первый показ начинается в 19 часов.

— И что показывают? — спросили обе одновременно.

— Сумерки, — мы уже смотрели их несколько недель назад в Кельне. И даже не один раз.

— А еще?

— Ничего. У кинотеатра только один зал. Сорри.

Николь и Джени пытались спрятать свое разочарование. Это совершенно не удалось. Кино в воскресение — наша святая традиция. Что еще можно было делать в воскресенье? По субботам мы гуляли, утром воскресенья отсыпались, готовились к школе и затем встречались, чтобы пойти в кино.

После смущенного кофепития я показала им свою комнату, что все же вызвало у них несколько воодушевленных криков.

— Эй, здесь можно устроить настоящую вечеринку! Безумие!

— Конечно, если для этого есть люди, — пробормотала я.

- Ты уже с кем-нибудь познакомилась? - Дженни заговорщицки усмехнулась. О. Теперь на очереди была тема о парнях. Критическая тема, потому что Николь всего несколько недель, как разошлась с Тимом и сейчас ненавидела всех мужчин. И поэтому меня ещё больше удивило, что она покраснела и незаметно для меня начала рыться в моих компакт-дисках, которые она так и так знала все наизусть.

— Вообще-то нет, — уклонилась я.

— А что здесь за парни? Есть классные типы? — не сдавалась из любопытства Дженни.

Хм.

Бенни был привлекательным, конечно, но с ним я испортила всё за пять минут. Колин не был парнем. Колин был не подлежащим обсуждению. Колина было так трудно описать, что я даже не хотела это начинать. Кроме того он, по словам Майке, был уродом.

— Я не знаю, скорее всего. Посмотрим.

Обе шатались по моей комнате туда-сюда, как запертые пантеры в зоопарке. Они были здесь точно не в своей тарелке. В тоже время у меня было такое чувство, что меня оценивают. Я у них вызывала жалость. Я это точно чувствовала.

Мобильный Николь запищал. У неё была связь? Это подло. Она сразу же выловила его из кармана брюк, и снова на её щеках промелькнул румянец. Погружённая в размышления она опустилась на мой диван и лихорадочно нажимала на кнопки. Я вопросительно посмотрела на Дженни. Наша телепатия между нами ещё работала.

— Она снова влюблена. Может, что-то серьёзное, — прошептала она мне.

— Я его знаю?

— Тоби, из тринадцатого. Конечно, ты знаешь его. Он гулял с нами пару раз.

— Ах, этот ..., — сказала я вскользь. Как раз он. Тобиас, который угощал меня напитками, а на одной поездки в такси домой, облокотился на моё плечо, и который утверждал, что очень жаль, что именно я переезжаю. Так, значит, ему было не трудно быстро найти утешение.

Или я себе всё с ним только вообразила? Всё это время я чего-то не видела? Николь продолжала дальше восторженно нажимать на кнопки на её мобильном, при этом ей на глаза упала прядь чёлки. Пока Дженни меня убеждала и выкладывала мне эксклюзивные детали, которые я никогда не хотела бы услышать, я беспрерывно сравнивала Николь с собой. Да, у неё грудь была больше и глаза тоже. Ресницы длиннее. Она умела лучше краситься. Скорее всего, также и лучше танцевать ...

Я механически отвечала Дженни и иногда смеялась, и от смеха у меня болело всё лицо. Наконец Николь закончила свой SMS-сеанс и подошла к нам с разгорячённым лицом.

— Парни встречаются уже сегодня вечером в Миллерс поиграть в бильярд. Он спрашивает, придём ли мы тоже.

"Он! Скажи же Николь, я уже и так знаю", — подумала я.

— Да почему бы и нет! — облегчение Дженни было довольно очевидным. И сразу она виновато добавила: — Ты пойдешь с нами, Лесси?

Старая привычка или слабая попытка вежливости?

— И как же я вернусь потом домой?

— Разве здесь не ездит поезд, или что-то в этом роде?

— Железнодорожная сеть закрыта с пятидесятых годов. А такси из Кёльна до Кауленфельда я не могу себе позволить.

"Кроме того, я очень устала, у меня была тяжёлая неделя. О которой никто из вас меня не спросил", — добавила я укоризненно в мыслях. На прощание - они захотели сразу выехать, потому что, в противном случае, они опоздают к парням, и это было, конечно, не позволительно - снова были воздушные поцелуи в правую и левую щёки, но мои объятья были менее искренними. И, когда машина завернула за угол, моя улыбка замерла на лице. Я разозлилась, но прежде всего у меня было такое чувство, что меня обманули.

Одна неделя - всего одна неделя и я превратилась из лучшей подруги в создание, которое нужно пожалеть. Надоедливый внутренний голос сказал мне, что нужно было об этом догадаться. В конце концов, это была я, кто в прошедшие недели всё больше отдалялся от них.

Я была не уверенна. С одной стороны я так сильно скучала по Кёльну, что было больно, и нужно было поехать с ними, с другой стороны - у меня была едкая ненависть к парням, мобильникам, макияжным принадлежностям, шикарным кинозалам и закусочным.

Потому что всё это были вещи, о которых я думала, что знала всё, а теперь выяснилось, что они мне здесь не пригодятся. Я даже не знала, как выглядели парни в моём новом классе, потому что никогда не поднимала глаз от своих книг.

— Эли, звонит телефон! — мамин голос вывел меня из моего сердитого транса. О, точно Николь и Дженни, которые что-то забыли. Всё ещё рассерженная, я взяла телефон из маминой, покрытой землёй руки.

— Да? — пролаяла я в трубку.

— Елизавета? Это ты? — Ой. Голос парня. И между прочем приятный.

— Бенни? — выговорила я, внезапно поняв, кто это.

— Да, это я. Привет, Эли. Я только хотел спросить, не хотела бы ты с нами вместе посмотреть DVD и съесть пиццу. — Посмотри-ка, здесь в лесу есть DVD-плеер. Я была так смущена, что не знала, что сказать.

Съесть пиццу.

— Эли? Ты ещё там

— Да, я … я думала, что я тебя оскорбила и всё такое, — заикалась я.

— Ах, это давно забыто. Мы здесь незлопамятные.

Несмотря на моё несчастье, я ухмыльнулась. Бенни снова заступался за людей из Вестервальда.

— Хорошо, спасибо. Но я весь день была на ногах и до не давнего времени у меня были гости. Я ужасно устала. — И я никогда не смогу просто так есть пиццу и смотреть фильмы с чужими парнями (и девицами).

— По твоему голосу слышно, что ты измучена, — сказал Бенни задумчиво. — Всё в порядке? — Если бы я сказала сейчас нет, я бы разревелась.

— Я просто сильно устала. Была довольно напряжённая неделя.

— Конечно, — сказал Бенни. — Но ты ещё привыкнешь. — Это звучало, как угроза.

— Да, я тоже так думаю, — ответила я механически. — И Бенни, спроси меня об этом, пожалуйста, ещё раз, хорошо? — Последнее в этот момент я действительно имела в виду. Но я также знала, что этого никогда не будет. Я просто это знала.

— Конечно, с удовольствием! Тогда хорошего вечера и до завтра. Увидимся в школе! — Я положила трубку. Мама подстерегала меня, как безмолвная тень. Я потихоньку развернулась, и её полный ожидания взгляд замер, когда она увидела выражение моего лица.

— Он милый, да, но я не влюблена и не заинтересована. Прямо сейчас я ничто, — причитала я.

— Но ты всё для нас, — ответила мама, успокаивая меня, и хотела обнять меня. Но я поклялась себе не плакать. Я отвернулась от неё и сказала задыхающимся голосом, что должна побыть просто немного одной.

В моей комнате ещё пахло духами Николь. Я открыла окно возле кровати, истерически размахивая руками, чтобы свежий воздух попал в комнату, и посмотрела задумчивым взглядом на туманный край деревни.

Мне нужно было поехать к Майке и собирать одуванчики для её кроликов – об этом она спросила меня ещё в пятницу, и в моих ушах это прозвучало так смешно и по-детски, что я засмеялась. Я ей сказала, что мои подруги из Кёльна хотели приехать, и она не разозлилась и даже не обиделась. Мне не нужно было над ней смеяться.

Конечно, я могла себе представить что-то лучшие, чем рвать одуванчики, но на встречу с подругами я просто зря потратила время.

Наконец-то духи Николь выветрились. Я села за письменный стол, перевела свои мысли на домашнее задание и попыталась не думать о моих двух «лучших» подругах.

После ужина я так устала, что мои глаза начали слезиться и у меня пробегал один холодок за другим. Прошло время, пока я согрелась под одеялом, и когда я засыпала, я всё ещё дрожала.

Несколькими часами позже, - было ещё очень темно, и тишина подсказывала мне, что утро было ещё далеко – я проснулась после одного удара сердца. Мне было так жарко, что я одним движением скинула с себя одеяло. Моё сердце быстро стучало. Я была не одна. Кто-то был здесь. В моей комнате. Я хотела включить свет, но не нашла выключатель. Где этот проклятый выключатель?

Лампа соскользнула с прикроватной тумбочки и упала с тихим лязгом на пол. В этот момент из-за облаков появилась бледная голубоватая луна и освятила комнату своим молочным светом. Мурашки поползли по моим рукам к шее. В панике я заглянула во все углы и закоулки моей комнаты. Но никого не увидела. И всё-таки я была не одна.

Минуты проходили с кошмарной медлительностью, пока я слушала своё задыхающееся дыхание. Почему я проснулась? Кто или что было здесь со мной?

Потом закричала птица на краю леса, и я странным образом успокоилась. У меня должно быть температура, да, и что-то было не в порядке - но мой страх улетучился. Только что я обдумывала, как убежать. А сейчас моя комната казалась мне сверкающим дворцом. Я встала, юркнула босиком к окну и посмотрела на улицу, так же, как после обеда.

Теперь мир больше не был туманным, а окунулся в мерцающий, магический, белый свет луны. Чёрная кошка сидела посередине улицы, тихо и безмолвно, как будто она наслаждалась полным одиночеством всеми своими чувствами. Когда она ощутила мое присутствие и подняла взгляд на меня, на мою спину внезапно опустилась тепло - не жар от температуры, а мягкий трепет, почти как ласка.

— Вспомни, - раздался чужой и всё-таки знакомый голос в моей голове.— Вспомни.

— Кто ты? — закричала я, и чары рассеялись. Кошка на улице убежала, а сильно угловатое облако закрыло луну. Я начала дрожать. Моя ночная рубашка прилипла, влажная и холодная, к моей вспотевшей спине.

Я облокотилась на спинку кровати и намотала одеяло на своё тело, в котором, казалось, пульсировала каждая клетка из-за высокой температуры. Я что, теряла рассудок? Но почему все мои чувства были не расплывчатыми, а яснее, чем всегда?

И что эти слова вообще означали? "Вспомни". О ком или о чём я должна вспомнить? Кровь стучала у меня в висках, когда я легла, и моя температура тела потихоньку нормализовалось.

"Сейчас не думай об этом", — умоляла я себя. "Завтра будет достаточно времени." Птица на краю леса жалобно пела, и я погрузилась в сон.

Глава 7. Мимикрия

На следующий день я чувствовала себя скверно и не встала, когда прозвенел мой будильник. Мама тут же просунула голову в дверь. Её утренний сон хотя и был священным, но если дела в доме шли не привычным образом, то это выгоняло её из постели.

— Всё в порядке, Эли?

— Нет, — сказала я тягостно. Мой голос был хриплым, как будто я долго и громко кричала. — Я думаю, я заболела. Я останусь дома.

Мама остолбенела. Зевая, она проковыляла в её плюшевых тапочках ко мне и посмотрела на меня испытующе.

— Ты действительно выглядишь очень усталой. Тогда побудь сегодня дома. Тебе наверняка станет скоро лучше. Тебе что-нибудь принести?

— Нет, спасибо, мама. Я хочу только спать.

Вдруг она что-то вспомнила. Она ударила себя рукой по лбу и застонала.

— Ах, Эли. Я хотела сегодня навестить Карин в Кёльне и на обратном пути заехать к оптовику-садовнику ...

—Ничего страшного, мама. Езжай спокойно. Я ведь уже взрослая и смогу сама о себе позаботится. — Я попробовала улыбнуться.

— Точно?

— Точно.

С новым зевком она проковыляла назад к двери и прошептала мне сонно «выздоравливай», прежде чем пошаркать вниз по лестнице, как старушка.

Я оставалась лежать, но не засыпала, пока мама не отправилась в Кёльн, и я, наконец, не осталась одна. После нескольких минут наступила полная тишина. Я смыла под душем усталость с тела, скользнула в удобную одежду и с крепким кофе зашла в папино бюро.

Чёрные полки с книгами доходили до потолка, а жалюзи были опущены - такой привычный вид, что я тихо вздохнула. В папином бюро у меня всегда было такое чувство, как будто я очутилась в другом времени. Только с бессчетным количеством разноцветных орхидей на его подоконнике я никогда не могла смириться. Я находила их довольно скабрезными. Но они всегда здесь были и принадлежали к этому бюро, как и стеклянный графин с водой на папином столе.

Часто я тайком сюда прокрадывалась в прошедшие годы и пролистывала медицинские и психологические справочники - из любопытства и потому что он всё время говорил, что это не материал для чтения для маленькой девочки. Но сейчас я была здесь, чтобы выяснить, теряю ли я рассудок или нет. Я схватила, не выбирая некоторые, справочников с полок, завернулась на зелёном кожаном диване в пушистое одеяло и искала в оглавлении: «не существующие видения, галлюцинации и слышать голоса». Три долгих часа спустя я определила, что не продвинулась ни на шаг дальше. Если бы я принимала наркотики или я была бы пьяницой, решение было бы найдено за несколько минут.

Но я даже ни разу не скурила сигарету, не то чтобы попробовать траву, и ещё ни разу не напивалась - хорошо скрываемая тайна от Дженни и Николь, которым я смогла сыграть удивительно реально, что я пьяная. В то же время я была ответственна за то, что в нашем местном пабе и в наших любимых клубах, все возможные растения умерли от отравления этанолом, потому что я тайно выливала все стаканы пива, алкогольные напитки и водку в цветочные горшки.

Нет, папины книги мне не помогли. Как бы критически я не рассматривала те оба раза, когда слышала голоса - это не подходило к тому, что я здесь прочитала.

— Дерьмо, — прошептала я и зарыла руки в волосы, которые на деревенском воздухе начали потихоньку снова завиваться. Мой выпрямитель волос я даже ещё не распаковала.

— Что тебя мучает, Елизавета?

— Боже мой, папа! - я попробовала торопливо накрыть прочитанные книги одеялом. — Что ты тут делаешь?

— Я забыл пару документов, — сказал он, улыбаясь, и подошёл уверенными шагами к своему письменному столу.— Ты можешь спокойно убрать одеяло, я знаю, что ты уже много лет используешь моё бюро вместе со мной.

Хорошо. Значит, он не сердился. Но что мне ему ответить? Я не могла ему рассказать, что действительно случилось - я ведь даже не знала, было ли это действительно. Может быть, у меня была такая редкая болезнь, что не встречалась ни в какой из этих книг или не была ещё исследована? С завидной лёгкостью он схватил тяжёлые папки с документами и сел рядом со мной на диван. Со скрипом кожа под ним просела.

— Ах, папа, — вздохнула я. — Здесь всё по-другому и интересно ...

— Что тебе интересно?

— Что и я сама становлюсь какой-то другой.

"Извини, папа, но больше я не могу тебе сказать", — извинилась я про себя.

— Конечно, ты меняешься. Это имеет значение, живёшь ли ты в горах, возле моря, в городе или в деревне. Здесь более спокойно. Чувства обостряются. А у тебя уже всегда были сильно утончённые чувства. Больше слышишь и больше видишь.

"О да, слышишь больше. Это точно, папа", — насмехалась я в мыслях.

— У тебя ещё есть ... — Папа прервал себя, прокашливаясь, и, казалось, раздумывает, было ли разумно говорить дальше или нет.

— Что? — спросила я его.

— Я видел, как ты подрезала виноград возле твоих окон. — Сейчас прокашлялась я. Я подозревала, куда он ведёт.

— Разве этого нельзя делать? — возразила я, играя кисточками на одеяле.

— Значит, это тебя всё ещё преследует, твой сценарий.— О, как изысканно высказался. Папа перешёл в свой опытный беседующий терапевтический диалог. Да, это он умел хорошо. Внезапно появлялось такое чувство, что хочешь ему довериться. Всё рассказать и даже больше.

Но почему-то сегодня мне было это неприятно. Мы уже долгие годы не говорили об этом. Я ещё хорошо помнила, как описывала ему одним осенним вечером, плача, те ужасные видения, которые постоянно меня преследовали, особенно ночью, когда я не могла заснуть: представление о том, что паук ползёт по моему телу, под моей одеждой, в моих волосах, по моей голой коже, и никто не может освободить меня от него. Сама я меньше всего. Что я падаю в обморок от чистого отвращения и омерзения. И тогда я хотела узнать, возможно ли от отвращения упасть в обморок. И к моему ужасу он ответил:

— Да. Да это вполне возможно. Но это полезный трюк твоего тела, чтобы защитить тебя и позволить забыть. — В запасном выходе спортзала это ужасное видение стало почти реальностью.

Предполагаемые пауки хотя и оказались всего лишь дряхлыми сенокосцами, но я не могла себе представить, что бы случилось, если бы я не смогла открыть дверь. Я отпустила кисточки на одеяле и посмотрела на папу.

— Да, у меня это до сих пор, — сказала я.— Я еще не совсем повзрослела, чтобы справиться с этим.

Папа засмеялся и провёл рукой по моим волосам.

— Элиза, ты знаешь, что это с этим не связанно. У страха нет возраста. И утешься: люди со страхами по большей части очень интеллигентные и отличные аналитики. Это преимущество, а не недостаток. Тебе только надо знать, как этим воспользоваться.

— Мне редко кажется это преимуществом, — возразила я устало. "Вообще-то никогда", — подумала я. Не редко я хотела быть менее чувствительной.

— Ты привыкнешь, Элиза, я тебе это обещаю, — сказал папа умоляюще и посмотрел на меня твёрдо своими тёмно-голубыми, глубоко посаженными глазами. — Тебе нужно только всегда быть честной к себе самой, тогда всё остальное разрешится.

Быть честной к себе самой. Всё помнить. Быть самой собой. Я начинала ненавидеть эти призывы. Это были прописные истины. И что это принесло мне в моей жизни, быть самой собой? Ничего, кроме враждебности, издевательств и злобы.

Я поднялась устало по лестнице в свою комнату и снова легла в кровать. Но когда я повернулась на бок, чтобы свернуться в клубок, то нажала локтем на пульт стереоустановки. Включилось радио.

«Because of you ..." от Келли Кларксон. Эта проклятая, сильно сентиментальная, от которой болит сердце, песня. Песня полная воспоминаний. Я нажала кнопку отключения, но было уже поздно. Припев уже засел в моей голове. Я увидела перед собой Гришу, как он на празднике в школе танцевал с девушкой из своего класса, как раз под эту песню, они тесно обнимались и замечали только друг друга, а я сидела рядом и весь вечер ждала, чтобы кто-то со мной заговорил.

Но всё, что я делала - это смотрела на Гришу. На Гришу и на других. Пока моё сердце не заболело от тоски и печали. Было такое чувство, как будто это происходило только вчера. Да, тогда я ещё была сама собой. И такие ситуации были результатом. Абсолютное одиночество. Ещё в начальной школе меня приводили в ужас лестничные площадки, отдающие эхом, запах мела, мокрой губки и средств для мытья, но больше всего множество душ вокруг меня. Но настоящий террор начался в гимназии в Кёльне.

Потому что там больше не прощали мои слёзы. Я стала слишком взрослой для этого. Притом, что плакала я не из-за себя. Причин, чтобы плакать, не было. Во всяком случае, такой причины, из-за которой плакали другие. У меня были хорошие оценки по всем предметам, даже по физкультуре я добивалась от своего худого тела приличной успеваемости.

Нет, я плакала из-за других, из-за несправедливости, из-за гнева. Я плакала, потому что собака моего одноклассника в его день рожденье была задавлена машиной. Он сам остался в это чёрное утро дома, а я плакала за него и почти не могла остановиться.

Я чувствовала его боль, и когда он уже мог посещать могилу в саду, я этого не могла. Я плакала, потому что один из школьников заболел раком, и я знала раньше всех других, что он умрёт. И он умер. Я плакала, потому что они постоянно избивали маленького ростом Сибастьяна, и никто ему не помог. Я плакала, потому что они натёрли куском льда мою соседку по парте, когда у неё было воспаление уха и она от боли хныкала, хотя нас не связывала дружба. А так же когда над ней смеялись из-за её корсета.

И я плакала из-за страха. Из-за настоящего страха, который никто не узнавал - и я меньше всего я сама.

Одновременно я противоречила учителям, если они были не правы, и жаловалась, если находила, что оценка была не уместной. Если они без причины несправедливо обращались с одноклассниками. Я вмешивалась в споры, которые меня не касались, и в конце была я злой, жестокой и не справедливой. Я была злой, но так же я была плаксой и умником.

— Плакса, плакса, — кричали они хором, когда снова новый поток лился из моих глаз. Кроме этого я не правильно одевалась, у меня была не правильная причёска, и я слушала не правильную музыку. Я чувствовала себя худой, чудаковатой и страшной, хотя мои родители не уставали постоянно утверждать обратное.

И как-то я достигла момента, когда страх казался не преодолимым. Каждое утро перед школой меня тошнило, потому что я боялась снова заплакать. Я ничего не могла есть, пока школа не заканчивалась, и каникулы становились священными островками, когда я только и делала что спала, читала и ела. И мечтала о том, что Гриша снова обратит на меня внимание.

Пока я не приняла решение - решение изменится. Первая цель: больше не плакать. Иногда я почти задыхалась из-за комка в горле или должна была под каким-то предлогом покинуть комнату, но я больше не плакала. Мой девиз: больше не чувствовать так сильно. Больше не размышлять о других.

Больше не ощущать их страх и боль. Это было самым тяжёлым. Потом я была готова, смогла стать более активной. Я наблюдала, как в эксперименте, и училась от других. Я выбрала Николь и Дженни, как доверенных и как образец, потому что они были популярны, и в то же время более и менее симпатичными. Они не были для меня такими чужими, как другие.

Я узнала, какая одежда им нравится и какую музыку они слушают, и я нашла для себя что-то, не точно такое же, а похожее. Это сработало - они меня заметили. И мы стали подругами. Другие начали смотреть на меня более благожелательно. Я больше не была странной, а была подругой двух популярных девушек в классе. Так что я в этом не ошиблась. Так просто всё было.

Это было освобождающее. Я была одной из них. Меня приглашали на вечеринки, и в поездках мне больше не нужно было выбирать самую убогую кровать в самой не популярной комнате. Я специально систематически писала контрольную на тройку или четвёрку*, чтобы не казаться больше умником (поступок, причинявший мне телесную боль), и забывала иногда, так же специально, сделать домашнее задание, так что могла у кого-то попросить, чтобы списать.

* Система оценок в Германии 1-6 балов, при этом 6 самая плохая оценка, а 1 самая хорошая.

Я выпрямила свои растрёпанные волосы и с помощью различных женских журналов научилась сама в ускоренном курсе краситься. Единственное, что не получилось - это забыть Гришу. Не тосковать больше по защитнику, который меня спасёт.

— О боже, я была хороша, — простонала я и вытерла слёзы с уголков глаз. Была ли я так же довольна? Довольна - да. Но счастлива? Счастливее, чем сейчас? Я этого не знала.

И что я от этого буду иметь, всё помнить? Быть самой собой - это никогда по-настоящему не работало и сейчас не сработает. Единственное, что я могу сделать - это выучить новые правила. Во что играли здесь? Во что играла Майке? Я не могла распознать игру Майке. Майке была просто Майке. А Бенни? Лола? Надин? Не буду ли я опять так выделяться, как тогда в школе, если заговорю с ними - и разве это уже не случилось?

И есть ли правила, которым следует Колин? Я не нашла ответа. Но моё разочарование из-за визита Дженни и Николь потихоньку исчезло. Я их использовала - ни больше, ни меньше. Они мне всё ещё нравились, но что-то больше не подходило.

Я выскользнула из постели, надела джинсы и футболку, вышла на улицу и исследовала на тёплом весеннем солнышке мамину работу в огороде. В некоторых местах уже пробивалось свежая зелень из земли. Я села на пенёк и провела рукой по траве под моими ногами.

Мне придётся начать всё сначала. Это было трудно, но это единственный путь. Завтра я начну следующую фазу наблюдения. Завтра в школе. Операция "Жизнь в деревне" может начинаться.

Но весь день я не могла избавиться от чувства, что в этот раз ничего не получится.

Начало лета

Глава 8. Полет вниз

Я стояла на краю пропасти и смотрела в её головокружительную бездну. Всюду была зелень, ничего кроме зелени: деревьев, папоротников и травы. Казалось, словно это было море из зелени. Там, в долине, сквозь чащу вился журчащий, голубой ручей. Я хотела туда, он манил меня.

Я вытянула руки и бросилась вниз. Секунду спустя Крылья Смерти коснулись меня, ещё через мгновение я почувствовала, как выросли мои собственные крылья. Они были невероятно сильными и крепкими. Чтобы взлететь, мне нужно было только расправить их.

Опустив голову с клювом, я, смелая и полная жизни, устремилась вниз. Я всегда знала, что должна лишь расправить крылья, чтобы не разбиться, прыгнув со скалы.

Я видела всё. Каждый лепесток, каждую веточку, каждый крошечный комочек пыльцы на лапках пчёл, которую они усердно собирали, кружась над хрупкими и нежными полевыми цветами. Тёплый воздух нежно ласкал мой живот.

Русло ручья, которое я видела, было песчаным, и из-за этого казалось невероятно жёлтым. Сам ручей был неглубокий, примерно полметра глубиной, и по нему можно было бегать. Мне захотелось пронестись по этому ручью. Мои крылья и лапы превратились в четыре красно-коричневые ноги с копытами.

Моё тело, покрытое шерстью, пронзила чистая энергия. Мои рога отражались в дрожащей глади воды. Осознание того, что я могу передвигаться на четырёх ногах, приносило мне невероятное удовольствие. Я чувствовала себя невероятно лёгкой, казалось, будто я парю. Зайдя в воду, я ощутила невероятную прохладу. Вода ласково омывала мои лодыжки.

Но я захотела большего. Я хотела чувствовать воду на всём теле. Я хотела быть ближе к сверкающему песку, в котором играл солнечный свет. И я нырнула с головой. Мои ноги и рога исчезли и были заменены на тонкое, проворное тело с плавниками. Я кружилась в голубой воде и прыгала, выпрямляясь, через маленькие пороги.

Я никогда ещё не чувствовала себя такой чистой, такой сильной и такой беззаботной. Никогда ещё чистое существование не приносило мне столько радости. Никогда я не была ещё такой неуязвимой. Я...

— Елизавета! Эли! Проснись!

Одним ударом я оттолкнула женщину от меня. Мои руки были как чужие. И очень-очень холодными. Почему у меня были руки? Я же только что была рыбой.

— Елизавета, что ты здесь делаешь?

Женщина, моя мать, была охвачена паникой. Но я не могла говорить. Ещё пока нет. Это было тяжело. Даже дышать стоило большого усилия. Мне нужно было на этом концентрироваться. У меня был рот, а не жабры. Мои конечности были тяжёлыми и медлительными, а стук в моём правом виске болезненно напоминал мне то, как уязвима я была.

Я сощурилась. Вдруг я начала стучать зубами.

— Мне... мне нужно ... Мне снился сон.

Да, это был сон. Только сон. Только? Это было лучшее, что я когда-либо переживала. Я хотела вернуться. Мои веки отяжелели.

— Эли! — крикнула мама настойчиво. — Пожалуйста, не засыпай!

Несмотря на моё желание, снова возвратится назад — я уже была на пути — мамина тревога прорвалась ко мне. Она положила тёплое одеяло мне на плечи и тёрла мои предплечья.

— Мама ты делаешь мне больно, — сказала я устало.

Я действительно мёрзла, но одеяло сильно давило на меня. Его волокна царапали кожу. Лучше было бы, если бы я даже сняла мою тонкую, короткую ночнушку, стоя здесь, возле большого переднего стекла зимнего сада, к которому я только что прижимала своё лицо. Мама не смутилась. Она продолжала тереть дальше. Моя дрожь прекратилась. Я зевнула, так что моя челюсть хрустнула.

— Ты в порядке? — спросила мама меня обеспокоенно.

С трудом я собрала свою реальность по кусочкам. Я не была ни орлом, ни оленем и даже ни форелью. Я стояла в тонкой ночной рубашке в зимнем саду и у меня были ледяные ноги. И мой план, всё делать, так как в Кёльне, пока не удался. Почему-то больше не получалось наблюдать и повторять. Мои предчувствия подтвердились.

— Да, всё в порядке, — сказала я хрипло и прокашлялась. Всё ещё было сложно использовать свой голос.

— Ты ещё никогда не была лунатиком, — пробормотала мама растерянно.

— Ничего не случилось, — сказала я медленно и сглотнула. — Наверное, виновата луна.

При этом луна была не полной. Нет, она ещё прибавлялась, сегодня ночью достигла почти полумесяца, но она висела так низко, и была сказочно большой над чёрными верхушками деревьев, что погружала весь зимний сад в серебряный свет. Была ли я лунатиком? И что бы случилось, если бы мама меня не нашла?

Мама включила кипятильник и выбрала для меня один из своих сделанных самой чаёв. Почти все из них были на вкус ужасные, но я не хотела оставить её без шанса за мной поухаживать. Что-то делая, казалось, она расслабляется, постоянно напевая про себя.

Сама я была не взволнованна и не боялась. Я только удивлялась. Мама была права. До этого я ещё ни разу не вставала ночью добровольно с кровати. И вообще никогда, спя при этом. Но если, конечно, такие прекрасные сны меня выгоняли из постели - тогда я с удовольствием сделаю это снова.

— Что ты делаешь здесь? Сколько время? — спросила я её.

— Чуть больше половины четвёртого. Я не могла заснуть. А потом я услышала странный звук, как карканье, как будто бы в доме была птица.

— Птица? — Я вздрогнула и закуталась сильнее в одеяло.

— Я ошиблась. Во дворе дрались две кошки. Я смогла их разогнать, а потом увидела тебя. — Она налила воду в чашку и вложила её в мои ледяные руки. — Валерьянка и мелиса. После этого ты уснёшь как младенец.

Я притворилась, что сделала глоток. Если у мамы были такие прекрасные лечебные средства - почему она сама их не принимала? Иногда у меня было такое впечатление, что она с удовольствием оставалась полночи бодрой.

— Эли ..., — сказала она не решительно и посмотрела на меня испытующе.

— Да? — Я пригубила чай, при этом чуть не обожгла губы.

— Тебе снился сон, не так ли?

Я кивнула.

— Ты уверена? — Она вытерла нервно стол.

— Да на сто процентов уверена.

— Хм, — сказала мама и на короткое время замолчала. — Сон был хорошим?

— Не знаю, — пробормотала я. — Запутанный. — Я не могла ей его рассказать. Он был сумасшедшим.

— Я возьму чашку наверх, хорошо? — сказала я, показывая на чай. И вылью его в раковину. Извини, мама. О

на посмотрела на меня растерянно.

— Хороших снов, Эли. И не броди снова, ладно? — засмеялась она судорожно.

Я не могла этого, конечно, гарантировать, но я была почти уверенна, что такой сон больше не повториться. Но уже сейчас я плохо себе представляла то, что я его когда-нибудь забуду. Может быть, мне посчастливится, и я после смерти возвращусь оленем. Это действительно убого, болтаться по миру на двух ногах, подумала я, когда неуклюже и, спотыкаясь, поднималась по лестнице.

Растерянно я зашла в ванную комнату. Здесь тоже луна погрузила всю комнату в серо-голубой свет. Чёрная, круглая тень в ванне, остановила меня от того, чтобы махом вылить туда горячий чай. Я включила свет.

О Боже, как отвратительно. Сейчас я снова поняла, что мне никогда не нравилось лето. Так как лето добралось даже к нам в лес. Ночи всё ещё были холодными, но солнце так нагревало дом днём, что мне приходилось открывать вечером окно - а это в свою очередь привлекало незваных гостей.

— Ох, — сказала я тихо. — И должно это было случиться?

Моим первым инстинктом было побежать вниз и попросить маму о помощи. С неприятным покалыванием в затылке я думала о толстых, волосатых экземплярах, которые омрачали мне ночи летом и осенью в Оденвальде - особенно с того вечера, когда папа убил огромного паука над моей кроватью и заверил меня, что он совершенно мёртвёхонький, а полчаса спустя я из чистого инстинкта включила свет, а паук притаился, полный жизни, на моей подушке.

Скорее всего, это и был толчок для моей индивидуальной ужасной фантазии. У меня тогда было такое чувство, что паук имел меня в виду. Он хотел меня. Он хотел отомстить.

С другой стороны, этот паук сидел здесь - не менее отвратительный экземпляр - в ванне, на расстоянии двух дверей от моей подушки, и я могла его струёй душа загнать в трубу стока и закрыть сток затычкой.

Осторожно я схватила душевую насадку. Паук оставался неподвижно сидеть. Как это было с замиранием ужаса? Я чувствовала отвращение и всё-таки не могла оторвать взгляд от него. И так же я не могла себя перебороть, что бы открыть кран.

С внезапным приступом смелости, я схватила бумажную салфетку, завернула её вокруг волосатого тела паука, так что наружу выглядывали только восемь кончиков его страшных ног, немного сжала и выбросила весь пакет в наклонённое окно ванной комнаты.

—Ах! Фу! Ух! — закричала я и протанцевала вокруг себя. И

истерически я захлопнула окно. Теперь мне точно нужна валерьянка, но я не могла какое-то время решить, что было отвратительнее - мамин чай или паук. Паук, решила я, наконец, и мужественно сделала следующий глоток.

Для того чтобы я снова могла чувствовать свои ноги, понадобилось некоторое время. Я была такой бодрой, что чувствовала каждый удар сердца. Почти четырнадцать дней прошло после визита Николь и Дженни - один день ничтожнее другого, и ничего не происходило. Дни казались мне вечностью. И мне между тем стало ясно, что моя жизнь утонет в тоске, если я сама что-нибудь в ней не изменю.

Пока мой школьный эксперимент по наблюдению принесёт плоды - но так это в данное время не выглядело - мне нужно было как-то занять себя.

И единственная альтернатива к скуке состояла по-прежнему в том, чтобы заняться с Майке верховой ездой. На прошлой неделе я успешно от этого уклонилась. Моё оправдание: посещение родственников. Конечно же, ложь.

Но Майке сразу же меня спросила, смогу ли я пойти в следующую пятницу. И я сказала да. Я, которая боялась лошадей ещё больше, чем пауков. Только: отвращение к паукам - это мог каждый ещё как-то понять. Не нужно же сразу выкладывать всю правду, вместе с видениями ужаса, которые были, если признаться, преувеличенны и не реалистичны.

Но страх перед лошадьми? Это уже было почти экзотично. Я, по крайней мере, никого не знала, у кого это тоже было. Но меня смущало в них то же, что я ненавидела в пауках. Они были не предсказуемы. Не контролируемы.

Но могла ли я такое рассказать Майке? Майке, наверное, ещё никогда не слышала слова фобия. А я не хотела выглядеть, как трусиха. Мне хватало репутации городской сучки.

Мои мысли вернулись к Колину - как почти каждый вечер. К загадочному, мерзко ведущему себя Колину.

Колин меня спас. Он меня оскорбил. И он отвёз меня домой. Это было два хороших поступка и один менее хороший. Итог был вообще-то позитивный. Если взглянуть на это объективно. Но при всём этом он выглядел так, как будто я назойливое насекомое и как будто у него просто нет мухобойки, которая была бы такой большой, что бы меня убить.

Я поклялась сама себе никогда не связываться с парнем или мужчиной, который обращался бы со мной так, как он. Пренебрежительно и отрицательно. Даже если я встречу Колина ещё раз - мне нужно будет отнестись к нему холодно. То, что я действительно вытащила свой писинг, он не должен никогда узнать.

Значит, Колин по-прежнему был не подлежащей темой для обсуждений. Бенни был табу, или Чёрная Лола меня четвертует. А она была что-то вроде не коронованной королевой на последнем учебном году. С ней мне нельзя всё испортить, если я хотела быть признанной.

Оставалась только Майке и её отвратительное хобби. Мне надо хотя бы поехать с ней в конюшню. Там мне что-нибудь придёт в голову, как я смогу от этого отвертеться. Так я продемонстрирую добрую волю и может быть, соберу очков. Но прежде всего я хотела наконец-то встать утром и больше себя тревожно не спрашивать, как мне заполнить вечер, когда сделаю всё, что должно быть сделано.

В том числе все усердные дополнения, за которые мои учителя так меня любили. Один момент я горевала об орле, олене и форели. Потом я свернулась в маленький, уютный человеческий свёрток и заснула.

Глава 9. Шепот лошадей

— Майке, подожди! — Я упиралась в педали и жала со всей силы на переключение скоростей. Под моими ногами прогромыхало, но ничего не случилось. — Майке! — Наконец она притормозила и обернулась, спрашивая.

— Снова твои контактные линзы?

— Нет, — проревела я и показала сердито на мой велосипед.

Я его ненавидела. Я всегда его ненавидела. Кроме того, я уже пару лет не садилась на него и переключение скоростей заело. С того момента, как полчаса назад мы выехали, мне приходилось продвигаться через лес на пятой скорости.

В гору, с горы, по гравию и гальке, через грязь и глину. Мне надоело. Три раза залетала пыльца под мои контактные линзы, а один раз мне нужно было слезть с велосипеда, потому что у меня была судорога в икре ноги. Я вся вспотела, наполовину ослепла и умирала от жажды. Майке беспомощно пожала плечами.

— Уже не далеко, — крикнула она, наконец.

Я только фыркнула. Это она говорила уже пятый раз. Я не имела представление, где мы находились. Никогда я не найду одна эту дорогу во второй раз или вообще не доберусь до дома без проводника. Но Майке сказала ехать по автостраде опасно. Кроме того, это сократит путь. Сократит путь!

— Давай, всего несколько метров ещё! — И опять её подтянутые ноги надавили на педали.

Я последовала за ней, ругаясь. Потом после нового подъёма и деревянного мостика, который, не внушая доверия, грохотал, лес поредел.

Майке спрыгнула с велика. Я облегченно сделала то же самое, хотя я её ещё не догнала.

— Фу, — пробубнила я с чувством отвращения, когда последовал навязчивый звук чавканья под моими ногами, и посмотрела вниз. Аллилуйя. Я стояла в середине впечатляющей куче свежего, блестящего лошадиного говна.

Значит, мы приехали. Я вытерла пот со лба и огляделась. Вечерний свет выставлял разваливающуюся усадьбу передо мной в лучшем свете. По желанию можно было назвать её дикой идиллией. Она не была ещё развaленной, но станет ей в ближайшее время. На крышу несколько раз импровизированно ставили заплатки, а по передней стене в виде нароста вился чёрно-зелёный плющ.

Окон со стёклами не было. Вообще главный дом казался необитаемым. Но пристройка была явно конюшней. Я услышало тихое ржание, а на дворе лежала полная сетка морковки.

Конюшня не производила впечатления, что там кто-то привязывал своих лошадей. Моё сердце коротко остановилось, когда Майке на безопасном расстоянии прошла через открытую поляну к грубо мощеному двору.

На другом конце усадьбы был большой манеж. В полностью произвольном рисунке гниющие препятствия, под постоянно теребящим ветром, дождём и солнцем. Пять грязных пони ели траву на пастбище за зданием конюшни и повернули свои головы, когда Майке им просвистела.

В моём желудке быстро распространилась знакомая тошнота. Это снова произошло: я боялась упасть, потерять рассудок, быть в не состоянии говорить или пошевелиться - коротко: быть просто беспомощной.

— Эли? Что? — Я продолжала стоять на лугу, вцепившись в велосипед. Майке улыбнулась мне. — Что-то не так?

Я сухо сглотнула.

— Нет, нет... это.. мне только нужен воздух.

Притом, что как раз вздохнуть у меня и не получалось. Я пробовала это сделать, но выходило что-то вроде пыхтения. Мои лёгкие казались мне маленькими, как теннисные мячики. В них не помещалось просто достаточно воздуха.

— Посмотри, а вон уже и другие! — закричала Майке и помахала в сторону конюшни.

О нет, только не это. Чёрная Лола и чудо грудь Надин. Мои мокрые от пота руки соскользнули с руля. Велосипед ударил, дребезжа, по моей коленке и повалил меня на землю. Крыло сильно ударило меня по лбу.

Я раскрыла кулаки и закрыла покорно глаза. Может быть, остаться тут, немного полежать? Но я уже слышала шуршание приближающихся ног, беспощадно затаптывающих траву вокруг меня.

— Боже мой, Эли, — засмеялась Майке. — Что ты делаешь?

На несколько секунд я притворилась мёртвой, потом открыла с глубоким вздохом глаза и взглянула в три любопытных лица.

— Потеряла равновесие. — Я встала, подняла велосипед из травы и ждала, пока пульсирование в моих висках станет тише. — Кружится голова. У меня почти не осталось слюны во рту. Мой язык прилип к нёбу.

Пони подбежали к ограждению и смотрели на нас с любопытством. Майке забрала у меня терпеливо велик из рук и облокотила его на забор. Коротким взглядом она удостоверилась, что я невредима, и деловито склонила голову.

— Я возьму Киру, — объявила она и показала на толстую коричневую лошадь с косматой гривой.

— Лотте возьмет Пепиту а Надин — Принца. — Принц был маленьким белым пони. Я спрашивала себя, как он сможет удержать вес Надин. Лотте накинула себе на плечё пару верёвок и уздечку. Но где были сёдла?

— Тогда для тебя остаётся только Чемпион, — решила Майке. — Старая Гнедая больше не может.

Имя Чемпион не делало ему чести. Струпная экзема покрывала его шею, на которой блестели на солнце остатки мази, а его копыта выглядели хрупкими. Скорее всего, для него было бы самым лучшим просто оставаться здесь на пастбище. И я была готова это ему устроить. Когда Майке хлопнула его по спине, в его глазах показался белок, и он оскалил зубы. Я отступила назад на один шаг.

Майке открыла ворота и залезла на широкую спину Киры. Ага, значит ещё и без седла. Теперь разбежалась и Надин. С подпрыгивающими сиськами она вскарабкалась на тощего Принца, который возмущённо фыркнул. Лола в это время снабдила своего пони уздечкой и верёвками. Никто не обращал внимания на меня.

— Я... я не могу. Извините. — Мне нужно было набрать воздуха, чтобы можно было говорить дальше. Лола начала ухмыляться. Сейчас мне станет плохо, подумала я нервно. И я хочу, чтобы вас уже не было, когда мне станет плохо.

— Мне нехорошо. Кровообращение, — объяснила я шепча. У меня действительно кружилась голова. Я на ощупь искала опору ограждение. Серебряные цепочки на шее, казалось, меня задушат.

— Ах, Эли, они все уже старые, мы проедем только через лес, шагом, это будет здорово! — призвала меня Майке. Усмешка Лолы усилилась, пока она ловкими пальцами завязывала верёвки вспомогательные узлы.

— Идите без меня! — сказала я и слабо улыбнулась. Мои губы онемели, как после наркоза у зубного врача. — Я позвоню с мобильного кому-нибудь, кто меня заберёт. — Я почти сказала «моя мать».

Одним прыжком Лола забралась на Пепиту и грубо ударила её пятками в бока. Пепита тяжело заржала и начала бежать рысью. Другие пони последовали за ней. Майке не смогла остановить свою толстую Киру. Кира хотела к Пепите. И немедленно.

— Хорошо, тогда выздоравливай! — крикнула Майке мне, пожимая плечами, и помахала мне рукой. Её зад прыгал на широкой спине лошади туда-сюда.

Чемпион коротко завизжал и принялся снова жевать насыщенно зелёную траву под своими деформированными копытами. Он выгладил как-то облегченно. Как только Майке, Лола и Надин исчезли с поля зрения, я отпустила ограждение и побежала на дрожащих ногах к разваливающейся конюшне.

Подальше от пастбища и лошадей. Я надеялась, молила, умоляла, что в такой прекрасный летний день, никто из них не остался добровольно в конюшне. Потому что мне нужно было уйти с солнца. Чем быстрее, тем лучше. Не то мне действительно станет плохо. Ещё на бегу я пыталась открыть застёжки моих серебряных цепочек, но не могла контролировать трясущиеся пальцы.

Торопливо я провела ногтями по шее, пока легко поддающейся материал не уступил. Несчётные бусинки - крошечные элементы цепочки - рассыпались передо мной на пыльной земле. Задыхаясь, я вздохнула. Я снова могла дышать.

В конюшне было приятно темно и очень тепло. Я облокотилась, вздыхая, на тяжёлую, всю в паутине, балку. На полукруглых окнах, которые почти не пропускали свет внутрь, были приклеены гнёзда ласточек, как маленькие крепости друг к другу.

Я подозрительно оглянулась. Кошка спала в одном из пустых стойл в начале прохода, серый, круглый комочек шерсти. Но лошадей не было. Но прежде всего не было людей.

Я всё ещё дышала быстро и неглубоко. Дрожа, я прижала свой лоб к балке и наслаждалась успокаивающим чувством, наконец-то быть в безопасности, когда в конце прохода раздалось звучное фырканье. Рывком я развернулась и сразу же засела тянущая боль в плече. Испуганно я смотрела назад, в тёмный угол под последним окном.

Может быть, мне фырканье только показалось? Как в ответ, снова кто-то фыркнул, и копыто ударило, громыхая, о стену. Это не звучало как копыто пони, а как копыто гиганта.

На цыпочках я прокралась к последнему стойлу, хотя в моём горле от страха снова пересохло, так что я могла дышать только со свистом. Неясно я заметила движение и тёмную блестящую гору шкуры, контуры которой расплывались в полутьме конюшне.

Это была гигантская лошадь, стройная и элегантная, но такая высокая и мощная, что я, наверное, даже с помощью табуретки не смогла бы на неё залезть. Ее тёмная, шелковистая грива падала с его левой стороны через ее мускулистую шею.

Это была та лошадь, которую я видела в грозу. Лошадь Колина. Она тихо замерла и смотрела на меня большими, блестящими глазами. Я остановилась, как каменная. Я редко видела такого красивого животного - и редко испытывала такой страх перед лошадью. Она дышала глубокими медленными вздохами, вздох-выдох, как будто спала, но уши были наклонены, словно она прислушивается, вперёд.

Я хотела быстро убежать, но задела при моём неуклюжем повороте заржавевшую табуретку. Дребезжа, она опрокинулась. Лошадь вскинула могучим движением голову вверх. Испугавшись, я отпрыгнула назад, и прижалась к стене конюшни.

С моих висков стекали капли пота в волосы - так медленно, что это щекотало. Я бы с удовольствием их вытерла, но не осмеливалась пошевелиться. Так же я не осмеливалась направить мой взгляд на лошадь. Поэтому он оставался направленным на дверь стойла.

С горящими глазами я разобрала надпись на латунной табличке, которая была тщательно прибита к деревянной клетке.

"Лошадь: Луис де Аргент.

Владелец: Колин Еремия Блекбёрн."

Ни фига себе. Какие необычные имена. Против этого Елизавета Штурм звучало прямо банально. "Колин Еремия Блекбёрн", прошептала я. Откуда, к чёрту, родом этот тип?

Я привстала на цыпочки, чтобы на безопасном расстоянии заглянуть в стойло. Луис успокоился и повернул ко мне свой весомый зад. Стойло было кристально чистым и выложено свежий соломой, на которой задумчиво сидели три кошки, друг напортив друга. Как держащие стражу сфинксы, они смотрели на меня полузакрытыми глазами.

Вдруг и совсем неожиданно мой страх уступил место парализующей усталости. Напряжённый тур на велосипеде сюда, страх, жажда, солнце, Луис - мне нужно было отдохнуть. Я смогла ещё протащиться к пустому стойлу в передней части конюшни, прежде чем мои колени подо мной подогнулись.

Но я мягко приземлилась на солому. Мои мысли приняли расплывчатые форму, переходя одна в другую и постоянно образовывая новые беспокойные спирали. Это уже были не мысли. Это были уже только чувства.

Глава 10. Мотылек

Когда я проснулась, было уже почти темно. Какое-то мгновение я не понимала, где нахожусь. Неуверенно я провела пальцами по соломе подо мной. Конечно, конюшня ... Я облокотилась на локоть. Одна из кошек прижалась к моему колену и смотрела на меня мрачно.

—Извини, пожалуйста, — прошептала я и отодвинула её от себя. Она выгнула спину, душераздирающе зевнула и беззвучно удалилась.

Я посмотрела на часы, но не смогла рассмотреть, сколько было время. Хотя солнце не могло зайти давно, потому что даже в конюшне царили бледные сумерки.

Я осторожно поднялась и стряхнула солому с одежды. Чёрная тень мелькнула внизу на моей левой ноге. Я подавила крик и быстро стряхнула её.

С не малым усилием я проверила мои ноги и руки. Мне всё ещё было так жарко, что я чувствовала, как будто вдыхаю свинец вместо воздуха. Но когда я вышла из стойла, сразу почувствовала, что что-то изменилось. Мои плечи расслабились. Луиса больше здесь не было. Я это знала, даже не оборачиваясь. Это так же означало, что кто-то был здесь.

Колин был здесь – пока я спала. Я попробовала встать в проход конюшни и посмотрела в сторону. Нет, он бы не смог меня увидеть. На половину прикрытая дверь стойла закрывала вид на маленькое гнездо из соломы, в котором я лежала.

Было на удивление печальное чувство, знать, что его сердце бились всего в нескольких метрах от меня, пока я ничего не могла воспринимать из реального мира.

Сонная я вышла на улицу – и из-за того, что я там увидела, у меня перехватило дыхание. Луис, казалось, парил над землёй манежа. Без труда он выкидывал вперёд свои большие тяжёлые копыта, и не менее легко сидел Колин в седле. Нет, он не сидел - он слился со своей лошадью. Тень его безбольной кепки и серо-голубой свет сумерек мешали мне разглядеть его лицо.

Но его плавные, сильные движения, говорили о том, что он молод. Как он вообще мог достаточно видеть среди всех этих препятствий, маленьких прудиков, кустарников и деревьев? Было уже почти темно.

Как тысячелетний, мифологический призрак Луис скользит в сумерках, в то время как на деревьях соловей начал петь странную меланхолическую песню.

Холодный порыв ветра, появившийся, казалось, из ниоткуда и прокатившийся через поле, развивал длинную гриву Луиса, но сам он оставался собранным, сконцентрированным чудо-конём. На его морде образовывалась постепенно пена, а его фланги влажно блестели. Только Колин, казалось, вообще не уставал от тяжёлой тренировки и даже не вспотел.

Я не могла пошевелиться. Мне было необходимо смотреть на них, на лошадь и на всадника, хотя бы некоторое время. Незаметно я облокотилась на заросшую плющом стену конюшни. Здесь Колин меня не заметит. Завороженная я смотрела на них, и время остановилось.

Только гудение самолёта высоко над нами вырвало меня из мечтательного гипноза. Внезапно я почувствовала своё тело. Мои глаза горели огнём и беспрестанно слезились, а рот был таким пыльным, что я не могла больше глотать. На дрожащих ногах я поспешила к поилке.

Мне было всё равно, обнаружит меня Колин или нет. Потому что, в противном случае это означало, остаться лежать бледной и безжизненной в закоулке перед конюшней. Я включила кран и поставила свою горячую голову под ледяную воду. Языком я ловила стекающие капли и с трудом подавила поднимающуюся тошноту. Я могла снова глотать. Горький привкус в моём горле исчез.

Я откинула мокрые волосы назад и опустилась спиной к стене на землю. Неуклюже я закрыла кран. Что бы встать, мне не хватало сил. Я никогда не смогу добраться домой в таком

состоянии. Никогда. Мне даже казалось невозможным вытащить свой мобильник из кармана и кому-нибудь позвонить. Я была готова лечь прямо здесь и проспать до утра.

— Тебя надо иногда хоть что-нибудь пить. — Я увидела перед собой высокомерную улыбку, не поднимая глаз. Хотя он появился передо мной беззвучно, я не испугалась.

— Ах, иди к черту, Колин, — прорычала я.

Он только засмеялся. У меня не было настроения быть вежливой. В конце концов, и он не был со мной любезным. Если он хотел поиграть, то пусть играет с кем-нибудь другим. Кроме того, у меня заболел живот при мысли о том, как я в этот момент, должно быть, выгляжу, совсем не элегантно. Капля воды сбежала по моему позвоночнику вниз и заставила меня вздрогнуть всем телом. Я затряслась, как мокрая собака.

Колин встал возле меня рядом с поилкой и начал спокойно мыть челюсти Луиса. Тупо я смотрела на его сапоги и уловила причудливый запах очень старой намазанной жиром кожи.

— Ты не должна здесь находиться, — коротко сказал Колин.

— Не должна, — повторила я угрюмо, застонала и уткнулась мокрым лицом в свои пыльные руки. — Но я здесь. Тебе бы надо возвести вокруг себя забор из колючей проволоки, если для тебя другие люди не достаточно хороши.

О, ёй. Я уже говорю, как Майке. Но все же я вкладываю в эти слова не тот смысл, что подруга. Хотя всё равно у меня было такое чувство, что надо что-то добавить.

— Кроме того, Майке хотела покататься со мной верхом, — защищалась я, удивляясь, что вообще могу изъясняться целыми предложениями. Ещё минуту назад я даже не могла четко видеть.

— Ах да, Майке. Наша заклинательница лошадей. — Голос Колина был полон сарказма. — Наверное, она попробовала навязать тебе одну из своих хромых кляч?

— Безрезультатно, — ответила я холодно.

— На них не научишься ездить верхом. Они тебя просто носят.

Хорошо. Колин не тренировал девушек. А на лошадях Майки не научишься ездить верхом. Это, наверное, была его манера сказать мне, что я здесь нежеланный гость. «Эли, здесь ты ничему не научишься. Поэтому убирайся.»

Я чувствовала, что могу потихоньку встать, но у меня не было даже примерной идеи, как разумно закончить этот вечер. Мне казалось, что я нахожусь за тысячи километров от дома.

Даже если я кому-нибудь позвоню, чтобы меня забрали - этот кто-нибудь может быть либо мамой, либо папой - как мне описать, где я нахожусь? Где вообще была следующая асфальтированная дорога? Разочарованно я оставалась сидеть и притянула колени ещё ближе к телу. Носки сапог Колина развернулись. Я смотрела за ними, как они шаг за шагом удаляются от меня. "Говнюк", подумала я разъяренно.

"Ничего другого, кроме высокомерного замечания, у тебя нет наготове, не так ли?"Он приостановился.

- Подожди меня снаружи. Я отвезу тебя домой.

Я с удивлением подняла глаза. Но Колин уже исчез бесследно. Наверное, он обхаживал своего адского коня в конюшне.

Я, кряхтя, поднялась. Моя левая нога затекла. С пульсирующим покалыванием кровь возвращалась назад, когда я удалялась от поилки. Пони снова были все на месте и щепали спокойно траву, как будто бы Майке и других здесь никогда не было. Мой велосипед не стоял больше возле забора. Ну и пускай, подумала я безразлично. Значит, его нет.

Неуклюжими шагами я прошла, качаясь, к заросшей плющом арке ворот, возле которой включился старый чугунный фонарь и залил желтоватым светом тёмно-зелёные листья. В стороне надо мной паук заканчивал дрожащими ногами свою паутину, зловещее произведение из тысячи клейких, приносящих смерть ниточек. И в них уже попал мотылек. Отчаянно он бил своими покрытыми пыльцой крыльями. Знал ли он, что умрёт?

Два белых длинных пальца подхватили мотылька и осторожно освободили его из его ловушки. Паук остался неподвижно сидеть. Колин провёл большим пальцем почти нежно ему по спине.

— Ты найдешь другую жертву, — сказал он тихо. — Тут в темноте летает ещё много маленьких тварей.

Зачарованно я наблюдала, как мотылёк с почти невидимой вибрацией, встряхнул своими крыльями и прижался к тыльной стороне руки Колина. Совершенная гладкая тыльная сторона руки, под белой чистой кожей которой пульсировали голубые вены. Почти неохотно мотылёк отстранился и улетел, кружась в темноту.

Колин снял свою кепку, это я заметила краем своего поля зрения. Возле его пыльных сапог вилась, мурлыча, в серую полоску кошка. Это довольно глупо - уставиться на сапоги парня, напомнила я себе. Но внезапно я побоялась смотреть ему в лицо. Хотя мне и очень хотелось. Была ли Майке права? Был ли он уродлив?

Я должна была заставить себя поднять голову. Как будто магнитом, мой взгляд тянуло вниз, так сильно, что было почти больно оторвать его от земли. Если бы я не приложила все свои силы, то так бы и стояла с опущенной головой.

Но теперь я смотрела прямо на Колина. Я пошатнулась назад и ударилась локтями об изъеденные камни арки ворот. Я не рассчитывала на то, что увидела. Высокомерное, благородное или грубое лицо - да, может быть. Но не это.

Я точно не могла сказать, был ли Колин красив. Но уродливым он точно не был. Он выглядел иначе. Он отличался от всех мужчин, которых я до этого встречала. Его глаза были наискось и глубоко тёмными, как у индейца. Из них исходил внутренний свет, как у людей с высокой температурой - но гораздо здоровее и энергичнее.

Кожа натянута, светлая и безупречная, на выдающихся скулах. Его чёрные, лохматые пряди волос, густые и подвижные, доходили до его резко очерченного благородного носа. Лицо, смешенное из тысячи народов, выглядело и старым, и молодым одновременно.

Он смотрел на меня без эмоций и убрал непокорные волосы небрежным движением со лба. Оно выглядело, как вырезанное из камня. В обоих ушах у него были несколько простых серебряных колец - даже на самом верху, где прокалывать очень больно. И потом ещё его губы. Я редко видела более совершенный рот у мужчины, это я должна была неохотно признать. Тонкие, всё-таки полные, изящно изогнутые губы, с крошечными ямками в уголках губ, почти такие же бледные, как кожа - сильно бледные.

- В искусственном свете ты выглядишь тоже не особенно здоровой, - прокомментировал, совершенно нетронутый моим разглядыванием, и обнажил, улыбаясь, безупречный сверкающий ряд зубов. Он что, читает мысли?

- Тебе надо быть готовым к тому, что на тебя будут смотреть в редких случаях, когда на тебе нет кепки, под которой ты обычно прячешься. Например, как сейчас, - съязвила я и почувствовала, как покраснела. Да, я вспотела, лежала на сене, с макияжем я рассталась по пути сюда, и вечер с различными недо-обмороками превратился в "Bad Hair Day" (дню с плохо сидящей прической или плохому дню вообще). Поэтому, скорее всего, я выглядела не особо хорошо. По крайней мере, я надеялась, что не выглядела так странно, как он.

- Итак, ты хочешь домой? спросил он.

- Вообще-то нет, - ни сразу ответила я слишком честно. Нет, я ещё не хотела домой. Было чувство, как будто ночь тянула меня на простор, на природу. Колин посмотрел на меня своими раскосыми угольными глазами.

- В какой-нибудь деревенский кабак или пиццерию я не пойду, - уточнил он тоном, который не потерпит протеста.

- Я тоже нет, - ответила я быстро.

- Тогда пойдём со мной, - сказал он просто и уверенно пошёл к своей машине, которая была припаркована за конюшней.

В первый раз я рассмотрела её сознательно - настоящий монстр - внедорожник. Конечно, чёрный. Наверное, такое чудовище нужно, чтобы везти такого гиганта, как Луис, вместе с прицепом. В огромном багажнике лежал мой велосипед.

Он открыл мне дверь, и я забралась на пассажирское сиденье. Воздух в машине был спёртый. Жужжа, стёкла скользнули вниз, и влажный, ароматный воздух ночи стал ласкать прохладой мою кожу.

Я не имела понятия, куда он меня повезёт, что он хочет делать со мной. Может быть, он отвезёт меня просто домой - это я ожидала, потому что я не думала, что он говорит желанием провести со мной время. Тем не менее, я не знала этого точно. Я предоставила ему свободу выбора – одна из вещей, беспокоящих моих родителей. Никогда не садись в машину незнакомца.

Оставайся всегда независимой. Если у тебя возникли сомнения, возьми такси. Я все советы пропустила мимо ушей. Длилось какое-то время, прежде чем мы достигли асфальтированную дорогу. Колин оставил фары выключенными. Я не решалась указать ему на это. Может быть, тогда он высадит меня, и тогда я должна буду тащиться пешком через пустырь в кромешной тьме.

Только на шоссе он неохотно нажал кнопку и включил фары. На пути до Кауленфельда, не доезжая два или три километра до моего дома, он свернул в лес. Улица сузилась, пока не перешла когда-то покрытую иглами хвои подъездную дорогу.

Вокруг нас была полная тишина, только круги фар освещали неровную дорогу. Колин остановился, чтобы пропустить олениху с её детёнышем, и смотрел животным с хмурым взглядом вслед. Воспоминание о моем сне поколебало моё восприятие. На секунду я почувствовала их сильно бьющееся сердца. Потом перед нами появились открытые ворота из кованого железа.

Колин легко провёл через них огромный автомобиль, припарковался и выключил мотор. Я молча оставалась сидеть рядом с ним и увидела в темноте старинный дом, построенный из серого камня. Длинноногая кошка появилась из темноты. Мяукая, она подбежала к нам, когда мы выходили из автомобиля.

- Привет, Мистер Икс, - сказал тихо Колин и погладил кота по спине.

Я как будто находилась в сказке, но я не боялась. Мой пульс бился жизнерадостно в моём теле, и мою кожу покалывало от корней волос до кончиков пальцев.

Мерцание молнии позади чащи леса осветило коротко декорацию. Прямо как длинная, тонкая тень, Колин стоял возле меня и смотрел на дом.

- Что… что это за усадьба? - робко спросила я.

- Лесничий дом из 19 столетия. Я смог его дёшево купить и отремонтировать. Для большинства людей он слишком изолирован. Но для меня и моей профессии он отлично подходит.

- И что ты делаешь?

- Я помощник по управлению леса и изучаю лесное хозяйство. Так, между делом.

Не сдержавшись, я рассмеялась. Лесничий! Я представляла человека этой профессии во всем зеленом, эдакий простой мужичок, и Колин никак подходил под это описание.

Он лишь вздохнул и позволил мне смеяться.

- Ты просто не знаешь, что для меня означает лес. Как он важен для нас. Каким он может быть тихим.

Внезапно мой смех прекратился. Но казалось, он, в виде исключения, не злиться на меня из-за моего глупого поведения.

- Ты точно хочешь что-нибудь выпить, Эли.

О да, это правда. Моё горло снова пересохло. Он отпёр тяжёлую дубовую дверь и вошёл, не включая свет. Мистер Икс последовал за ним на быстрых ногах. Хотя мои глаза начали медленно привыкать к темноте, я ничего не могла разглядеть внутри дома.

- Колин? - позвала я нерешительно.

- Скоро вернусь,- услышала я его голос издалека.

Где он был? Я вообще не различала никаких шагов. С любопытством я переступила через порог. Я услышала слабый стук, который раздавался с нижних комнат - конечно же, напитки хранились, вероятно, в подвале. Я положилась на свой слух и стала пробираться к источнику шороха.

Вытоптанные каменные ступени привели меня вниз. Здесь также не было света. Я хорошо знала дом в Кёльне и включала свет, только когда он действительно был нужен. Но этот подвал был чужой территорией, и было совершенно невежливо заставлять гостя бродить в темноте.

Внезапно я почувствовала запах, который не могла опознать - тёплый и органический, в тоже время строгий, солёный и дикий. Меня внезапно охватила паника, и я хотела к Колену, по крайней мере, к нему поближе - что это был только за запах? Откуда я его знала?

Я бросилась вперёд, и моё лицо врезалось во что-то мягкое и слизистое. Со сдавленным криком я попыталась это схватить. Мои пальцы сжали какую-то грубую шкуру.

- Колин! Помоги! Пожалуйста, иди скорее суда, пожалуйста! - Я дико замахала руками, и снова в моё лицо ударила вонючая вещь.

- Елизавета, - простонал он раздраженно. - Я разве говорил тебе идти за мной?

Пламя свечи освятило тьму, и я закричала ещё раз, когда увидела то, что коснулось меня. В подвале висело четыре окровавленные полутуши кабана. Злые маленькие глазки смотрели на меня, тёмные и покрытые коркой, из мёртвых глазниц. Рыдая, я провела руками по лицу. Мои пальцы были в крови.

- О Боже ... Боже ...

Я бросилась к лестнице и хотела выбежать наружу, но пропустила первую ступеньку, поскользнулась и ударилась о твёрдую холодную стену. Сильная рука обхватила меня осторожно за талию, и Колин легко поднял меня. В конце лестницы он опустил меня, как маленького, капризного ребёнка и посмотрел на меня, качая головой. Он не мог подавить лёгкую усмешку, и на короткое время я его за это возненавидела.

- Что ... это ... такое? - ахнула я и показала осуждающе вниз.

- Два кабана, из которых выходит кровь. Завтра я их продам.

Точно, это была кровь – то, что я унюхала. Кровь и тяжёлый запах дичи.

- Почему? Почему? - спросила я не менее осуждающе.

- Эли, - сказал терпеливо Колин, но это выглядело так, будто из-за моих окровавленных щёк ему приходится держать себя в руках изо всех сил. - Я работаю в лесу. Почти все лесники так же и охотники. Это здесь совершенно нормально. Я принёс тебе воду из цистерны. Но ты должна сначала вымыть лицо.

Он протянул руку к стене и включил свет. И хотя я этого сильно желала, моим глазам стало больно. Ослеплённая я прищурилась. После катастрофы в погребе я ожидала увидеть рога и шкуры, лежащие на дубовом паркете пола. Зелёного цвета леса диваны и старомодные столики.

Но Колин скомбинировал традиционные стены из натурального камня и тяжёлый деревянный потолок с белой современной глянцевой кухней и светлыми дизайнерскими диванами. На стене висело старое седло и историческое оборудование конюшни; на камине стояли многочисленные чёрно-белые фотографии.

Я подбежала к раковине, открыла кран и вымыла лицо. Холодная вода разогнала отвращение и страх, которые меня только что шокировали. Колин протянул мне полотенце. Я вытерла лицо и увидела, что он поставил стакан воды на сервант.

Возле керамической плиты сверкали совсем новенькая соковыжималка и скорее всего зверски дорогая кофемашина из нержавеющей стали. Вся кухня выглядела неиспользованной и чистой.

- Мне нравятся современные приборы, но я почти никогда не готовлю, - ответил Колин на мои мысли. Типичный мужчина. Я сдержала улыбку.

Вода была на вкус восхитительной. Чистая и бархатная, она скользила по моему горлу. Я чётко воспринимала каждый свой глоток. Колин наблюдал за мной загадочным взглядом.

- Давай вернёмся на улицу? - спросил он, когда моя жажда была утолена.

Я кивнула и покинула вместе с ним дом. Естественная темнота успокаивала. Радуясь, что избежала яркого электрического света, я наклонилась вперёд и сняла контактные линзы. Здесь снаружи было всё равно, хорошо я видела или нет. Всё вокруг нас было серо-голубым и мягким.

Беззвучно Колин сел на деревянную скамейку. Я робко опустилась рядом с ним. Тепло раннего лета ласкало нас. Иногда молния освещала поляну и бросала причудливые тени на гравий подъездной дороги. Но гнетущая духота ушла. А луна нашла разрыв между нагроможденных туч и баловала нас своим голубоватым мерцанием.

Я притянула колени и обернулась к Колену, который сидел молча возле меня. Я снова замерла. Его лицо выглядело иначе, чем в свете фонаря на конюшне. Намного мягче, а так же кожа была менее бледной и безжизненной. Казалось, она расцвела. Его черты всё ещё были характерными, но такие одушевлённые и живые, что я была поражена. Медленно он повернул свою голову, и я смогла посмотреть ему в глаза. Они сверкнули, забавляясь.

- Ты хорошая актриса, Эли. Но не достаточно хороша для меня, - сказал он внезапно.

- Что ты имеешь в виду? - заикалась я.

- Ты знаешь, о чем я, - ответил он, не отрывая от меня своего иронического взгляда. С трудом я отвела глаза на Мистера Икс, который сидел между нами и, мурлыча, тёрся своей тяжёлой головой о руку Колина.

- Но я ничего не разыгрываю, - защищалась я.

- Нет, сейчас вероятно нет. В остальном же без перерыва. Скорее всего, даже перед родителями.

- Как? - возмущённо я встала и попыталась над ним возвыситься. Его улыбка усилилась. - Откуда ты это можешь знать?

- Я хорошо разбираюсь в людях. И ты - это не ты.

"О. Господин хорошо знает людей. Конечно. Собственно, чего господин не умел?" - подумала я сердито.

Но когда мои глаза начало щепать, я поняла, что он попал в самую точку. "Нет, ты сейчас не заплачешь", - убеждала я себя. Тогда это буду настоящая я, а плакса никому не нужна - и менее всего будущему лесничему с ужасающими кабанами в подвале.

Вздохнув, я снова села рядом с ним и провела нервно по волосам.

- Если бы я была сама собой, тогда ... тогда ... Это было бы катастрофой, - пробормотала я. - Так не пойдёт. Это никто не захочет пережить. А ты разве не притворяешься? - спросила я воинственно.

- Нет, - сказал он тихо, почёсывая живот Мистера Икса.

- Хм. Тогда ты, скорее ... - я замолчала.

- Кто я? - его улыбка становилась для меня слишком провокационной.

- Очень странный. Мягко говоря, - я скрестила руки на груди и немного от него отодвинулась.

- Я не когда не отрицал то, что я странный. Да я странный. В прямом смысле этого слова, - теперь его улыбка исчезла, и крошечная резкая складка образовалась в левом углу его рта.

Он отвернулся от меня и перевёл взгляд на луну, которая просвечивала за высокими ёлками. Снова подлетел мотылек. Он опустился на щёку Колина. Его тонкие усики ощупывали кожу Колена, как будто он пил там вкусный нектар.

Самоуверенность Колина плохо влияла на меня. В уголках моих глаз всё ещё дрожали слёзы. Я не хотела, чтобы он проводил здесь со мной терапию. И он был абсолютно прав. Странный – это мягко сказано, по отношению к нему. Я решила взять реванш. Теперь он должен объяснить мне пару вещей.

- Почему ты оставляешь свою лошадь у Майке? Я имею в виду - это ведь не подходящая конюшня для такого наездника, как ты, не так ли? - я решила начать по возможности с несущественной темы.

- Я не оставляю Луиса у Майке, - возразил он. - Конюшня принадлежит её дедушке.

- А дальше? - упрямо спросила я. Это было хуже, чем выдёргивать зубы. Колин долго смотрел на луну, прежде чем ответить мне.

- Старик слеп.

- Ах, - я ничего не поняла.

- Он меня не видит, - Колин сухо рассмеялся. - С начала он сказал, что я дьявол. А дьяволу лучше не отказывать. Это опасно.

- Я могу понять этого человека, - сказала я холодно.

- Но потом одним вечером он услышал, как я скакал верхом. И он сказал, что должен извиниться передо мной. Он сказал, что я не дьявол, а падший архангел. По крайней мере, когда дело касается лошадей. И ему нужны мои деньги, а мне иногда нужен манеж. Так всё просто, - закончил Колин.

- Почему ты не нашел другую конюшню с другими лошадьми и людьми?

- Луис - жеребец, - объяснил Колин коротко.

Слишком показывает свой характер. И это всё? Только потому, что Луис был жеребцом, он находился один посреди леса, окружённый лохматыми пони, которым уже не помочь?

- Как давно Луис уже у тебя? - спрашивала я дальше.

- Я его вырастил, - голос Колина стал мягким. – Вообще он родом из Англии, но однажды случайно оказался на пастбище. Фризский жеребец забрёл к племенным кобылам. Но я сразу увидел потенциал, который был в нём. Я захотел его. В итоге я его объездил.

Неужели Колин был старше, чем я думала? Или он один из этих гениев, которые уже в возрасте четырёх или пяти лет бесстрашно скачут по полям?

- У тебя было уже много лошадей? - вопрос мне показался абсурдным, но я всё-таки спросила.

- Да. Много, - ответил он.

Подозрительно я покачала головой. Кем был этот тип - обманщиком? Разбирается в людях, учиться в университете, имеет собственный дом, лошадь из Англии, Тьфу. Он хотел меня обвести вокруг пальца.

- Сколько тебе лет?

Он отвёл глаза от луны и посмотрел прямо на меня, не моргнув. На его щеке всё ещё находился мотылек, как живая татуировка.

- Двадцать, - сказал он тихо.

Так и есть. Значит, я правильно оценила его возраст. Он позволил мне рассмотреть его критическим взглядом. По его лицу нельзя было определить его возраст. Его руки тоже выглядели молодо, хотя они были отмечены лёгкими мозолями на некоторых частях пальцев – там, где ложиться узда.

- Но почем? Как это возможно, я имею в виду? Лошади ведь живут намного больше пятнадцати лет ...?

Я растеряно головой. Одно мгновение Колин выглядел так, будто вёл какую-то внутреннёю борьбу и проиграл. Потом он поднялся, зашёл в дом и вышел несколько секунд спустя с двумя фотографиями. Он, должно быть, взял их с камина - это были пожелтевшие, чёрно-белые фотографии.

Мои глаза привыкли к темноте, так что я могла рассмотреть их без труда. На одной фотографии Колин стоял на лугу с великолепной белой лошадью; на другой он скакал на ней - с его обычно гордой, достойной и элегантной осанкой, которая так же отличалась небрежностью.

- Это была моя первая лошадь. Кобыла из Аравии. Прекрасное животное. По бумагам она была не моей. Но в сердце - да.

В моей голове всё смешалось. Да, он выглядел на фотографии моложе. Волосы были короче, но рост у него уже был такой же, как сейчас. Что, чёрт возьми, он делал со своими лошадьми, если за такое короткое время они умирали? Он что, использовал их только как спортивное снаряжение?

Но до этого момента оно так не выглядело. Когда будет заменен Луис? Эта мысль принесла мне неожиданную боль. Прежде чем я смогла выбрать один из вопросов, которые обрушивались на меня, он осторожно взял фотографии из моих рук.

- Это было уже слишком, - сказал он, обращаясь скорее к себе, чем ко мне. Он почти незаметно покачал головой. Потом посмотрел на меня, поднял руку и провёл тыльной стороной пальцев нежно по моим векам. Мгновенно они отяжелели, и мои вопросы стали улетучиваться. "Еще один", - сказала я себе. - "Только один."

- У тебя был уже тогда ... Как насчёт Луиса ...? А кобыла - ты её потерял? - я говорила медленно.

- Тебе надо домой, Елизавета, - сказал Колин резко. - Уже почти полночь. И ты очень устала.

Мотылек оторвался от щеки Колина и улетел. Ледяное дыхание ветра заставило его метаться из стороны в сторону, пока он не исчез в темноте. Мне показалось, что увидела, как глаза Колина засветились.

- Ночь такая красивая, - прошептала я. Каждое биение сердца тянуло меня вниз, к мягкой, ароматной лесной почве под ногами. Я хотела вытянуться, закрыть глаза и погрузиться в темноту, в этом чудесном, защищённом состоянии, между бодрствованием и сном, здесь, перед домом Колина. Лучшей кровати и быть не может.

- Ты должна идти домой, - настаивал он, подгоняя меня. - Иди.

Это было то, о чём я думала? Он меня выгонял? Мне казалось, как будто мне нельзя больше не одной секунды оставаться рядом с ним. Он уже встал и отошёл от меня на несколько метров.

Я что, задавала слишком много вопросов? Смущённо я поднялась. Ветер стал сильнее, и ёлочные верхушки шелестели над нашими головами.

- Иди, - умолял меня Колин, - Мистер Икс проводит тебя. Я закрою дом и потом подберу тебя на машине.

Действительно, Мистер Икс соскочил со скамейки, выгнулся и проворно побежал вперёд, в самую гущу тёмного леса. Когда я последовала за ним, он сел на освещённую луной дорожку и стал ждать.

Я размышляла. Я ещё никогда не была одна так поздно в лесу. Особенно в такое время. Но когда я обернулась к Колину, его лицо было снова в тени, и, так как я не хотела, чтобы меня прогнали ещё раз, я покорилась, вздыхая, и последовала за Мистером Икс, который надёжно вёл меня в темноте и регулярно останавливаясь, и ждал меня.

Мне ничего другого не оставалось, как довериться ему. Он постоянно мурлыкал, что давало мне успокаивающее чувство того, что я не одна.

Вдруг от торопливого топтания убегающих копыт подо мной затряслась земля. Я остановилась. Мистер Икс обернулся, как бы призывая меня идти дальше. Ночной ветер принёс терпкий запах взрытой земли через шепчущую чащу. Потом небо над нами внезапно успокоилось.

И на лес опустилась мертвая тишина. Никакого дуновения ветра. Мистер Икс смотрел на меня пристально, и я встретилась с ним взглядом и сосредоточилась только на его жёлтых блестящих глазах, пока после бесконечно тянущихся минут жужжание мотора внедорожника не разорвало тишину ночи. Яркие круги фар осветили меня сзади и превратил мою тень в длинный дрожащий силуэт.

Опять Колин открыл дверь изнутри, и я залезла в машину, в то время как чёрный кот бойко побежал обратно домой.

- И? Было ли это так трудно? - спросил Колин с насмешливой улыбкой в уголках рта. Он выглядел поразительно здоровым и бодрым. Действительно ли нужно столько времени, чтобы закрыть входную дверь и завести автомобиль? Я не смогла сформулировать этот вопрос.

Посторонняя сила, которую я не могла ни понять, ни назвать, помешала мне.

- Нет, - призналась я неохотно. - Это что, была проверка на мужество, или как?

Он не ответил, но доехал до верхнего края деревни Кауленфельд, выгрузил мой велосипед и открыл мою дверь. Прямо как истинный джентльмен. Хотя это был не очень тонкий намёк, что мне нужно наконец-то исчезнуть.

- Выходи.

Я соскользнула с сиденья и заметила, что мои кости и суставы отдались тупой болью. Когда наконец исчезнет эта несчастная боль в мышцах?

- Колин? - я пыталась сделать так, чтобы мой голос звучал уверенно. - Я хочу познакомиться с Луисом.

"Я хочу познакомиться с тобой, а не с Луисом. Я боюсь Луиса." Боже, что я такое говорю?

- Ах, Боже мой, - рассмеялся он. Он что, снова надо мной смеется?

- Пожалуйста, - повторила я.

- А я хочу, чтобы ты легла спать.

Это звучало более дружелюбно, чем всё, что он когда-либо мне говорил, но всё ещё достаточно твердо. Я хотела указать ему, что он не мой отец и даже не близкий родственник. Однако он не заменял отца. Он не хотел, чтобы я пошла спать, чтобы отдохнуть, нет, он хотел этого, потому что ... Мои мысли сбились.

- Спокойной ночи, Эли.

Он закрыл дверь. Надувшись, я отвернулась и повезла велосипед по просёлочной дороге вниз, к дому. Мама и папа уже ушли спать. Все лампы были выключены, только в прихожей мерцала белая обгоревшая свеча.

До трёх часов ночи я сидела перед включённым телевизором, со слезящимися от усталости глазами и терпела снова и снова неудачу в намерении навести порядок в своих мыслях, создать список вопросов для Колина, истолковать вечер и его поведение. Все впечатления сплелись друг с другом и беспрепятственно бушевали в моей переполненной голове.

В конце только одно осталось в голове – печаль, с которой он рассказывал о своей первой лошади. Что случилось? Он потерял её? Разве мог так говорить хвастун? Тот, кто только хотел показать, какой он важный? И почему он прервал разговор так внезапно?

Когда я исполнила желание Колина и, наконец, легла спать, я сразу почувствовала себя бесконечно защищенной и оберегаемой. Я ждала, когда же птица на краю леса закричит, потом я насладилась сладким чувством, когда сон одолевает тебя.

Глава 11. Голубой лед

На следующее утро я проснулась с гудящей головой, и мне понадобилось несколько минут, чтобы разобраться в своих мыслях, чтобы, наконец, отделить сон и явь друг от друга.

Мои сны были размытыми, неясными и далекими от реальности, как будто у меня была другая внешность, была другая душа, и постепенно вечер с Колином казался мне всё менее реальным.

С дрожью я вспомнила о темном подвале с мертвыми кабанами, но также в моей памяти сохранились бархатная ночь с ее молнией и печальное молчание Колина. Я действительно позволила провести себя через лес черному коту? Что было в воде, которую дал мне Колин? Или это была чистая водка?

Я решила принять горячий душ, чтобы вернуться в реальный мир. Родной, но скучный. Но когда я хотела исчезнуть в ванной, мама примчалась в платье по колено, оживленная, с назойливым оптимистическим настроением:

— Жизнь прекрасна.

Она зашла в мою комнату и рассказывала об установке бассейна по образцу Княйппа, который поставили всего десять минут назад у ручья.

— Мы должны испробовать его первыми, ведь погода такая прекрасная.

— Мама, пожалуйста, еще раз сначала. Я ничего не поняла.

Я не хотела ни с кем разговаривать. В место этого мне хотелось крепкого кофе и немного меланхолической музыки, в которой я могла бы ненадолго скрыться.

— Просто идем со мной. Тебе понравится! Ну, давай, одевайся. Кроме того, там, вероятно, растет жеруха (прим.редактора: это род многолетних травянистых растений).

Это, конечно, было убедительным аргументом. Слишком усталая, чтобы возражать, я умыла лицо, с трудом собрала волнистые волосы в пучок, который больше напоминал гнездо, чем прическу, и понадеялась, что мы так или иначе не встретим людей по дороге к этому сомнительному бассейну.

На кухне я поспешно сделала несколько глотков апельсинового сока, пока мама покупала булочки для завтрака в пекарне на колесах, которая сигналила, подъехав. Энергично она вбежала обратно в дом и громко хлопала дверцами шкафов. Какое же у нее было ужасно хорошее настроение. И это при том, что она провела ночь в одиночестве в швейной комнате. У папы что, все еще была мигрень? Как он только это выдерживал?

С опухшими глазами я подошла к дверному порогу, и мне пришлось взять себя в руки, чтобы с криками не убежать обратно в дом.

— Вот дерьмо, — пропищала я.

В трех мерах от входной двери сидел Мистер Икс и величественно на меня смотрел своими блестящими, желтыми, раскосыми глазами.

— Что ты здесь делаешь? — тихо спросила я. — Хочешь похитить меня?

Мистер Икс моргнул в очередной раз и продолжил прямо сидеть. В этот момент ко мне подошла мама и весело посмотрела на меня со стороны.

— Не бойся, Эли, Сегодня не пятница и тем более не тринадцатое. Ты чего-то боишься? Посмотри-ка, какое красивое животное, — сияя, она приблизилась к Мистеру Икс, но он отвернулся от нее в последний момент и зашагал прочь. Мамины руки остались пустыми.

— Да, что за прекрасное животное, — сухо сказала я, и мама предостерегающе посмотрела на меня.

— Теперь идем уже, невоспитанная девчонка. Давай пройдем курс водолечения.

— Это так обыденно, — ворчала я и недовольно семенила позади мамы.

Молча мы дошли до центра деревни, мимо хозяйств, перешли улицу и очутились рядом с большим лугом, где журчал удивительно мирный, по колено глубиной ручей.

— Там! — гордо выкрикнула мама, как будто она самолично вписала речку в ландшафт.

Она не имела ни малейшего понятия, какое интересное знакомство у меня было с этим водоемом. У покатого и заросшего дикими цветами склона были установлены подмостки, по которому крутые ступени вели прямо в лоно ручья.

Ниже водной поверхности находилась типичная круглая площадка по образцу Княйппа с перилами, чтобы держаться. Мама решительно вошла в ледяную воду.

Вздохнув, я последовала за ней и тяжело втянула воздух, когда вода омыла мои колени. Она была прямо-таки арктически холодной, и я невольно завопила, что мама интерпретировала, как одобрение.

— Как хорошо, не правда ли? — ликовала она и еще раз погналась за мной по кругу, хотя я между тем выла от боли.

— Нет, это больно, — причитала я и двумя прыжками залезла на железную лестницу.

Со стоном я опустилась на лавочку и вытянула ноги на солнце. Это самое ужасное начало дня за всю мою жизнь. И, наверное, самое освежающее.

Во всяком случае, мама точно взбодрилась.

— Я уже поднимаюсь и иду делать завтрак, не возись слишком долго! — крикнула она и пошла вдоль мокрого от росы луга.

Кажется, на маму природа подействовала хорошо. Она расцветала, несмотря на длительное нарушение сна. Я же, напротив, чувствовала себя увядшей и больше чем уверена, что выглядела также. Но вместо того чтобы подвергнуть себя давно запоздавшей программе красоты, я легла на скамью и позволило солнцу светить на мой живот.

Я как раз задремала, когда мелодичный звук мотора прервал мою дремоту. Захлопала тяжелая дверь, и мужской голос что-то выкрикнул. Я подняла голову и заморгала от яркого утреннего солнца. Перед трактиром стоял черный американский внедорожник. Машина Колина. Конечно, половинки двух свиней.

Я решила не заказывать в ресторане мясо кабана в течение следующих шести месяцев. А сейчас я думала, что мне делать. Спокойно наблюдать? Подойти и сказать "Добрый день"? Так как есть, в отрезанных джинсах и простой рубашке? С гнездом вместо прически?

Я распустила волосы и хорошенько встряхнула их. Даже не глядя в зеркало, я знала, что они выглядели ужасно. Тогда, конечно, лучше гнездо.

Вслепую я попыталась снова поднять их, грязно проклиная их про себя.

- Оставь их распущенными. Я знаю, как ты выглядишь, так или иначе.

Я вздрогнула и почти попала при этом заколкой себе в ухо. Как только этот парень подошел так быстро, и чтобы я этого не заметила?

- Доброе утро, - прошипела я и оставила волосы падать вниз неуправляемыми локонами. Я была неумытая, на лице отсутствовал макияж, босиком, лохматая, хуже вряд ли могло быть. Надежда только на то, что он тоже выглядел немного потрепанным.

Нет, он так не выглядел. На нем были удобная куртка с капюшоном, серая футболка, которая хорошо подчеркивала подтянутое тело, идеально сидящие джинсы и большие темные солнечные очки. Мистер Крутость был прямо здесь.

- Тебе надо было раньше лечь спать. Я же сказал, что тебе нужно высыпаться.

Ну что за грандиозное начало. Граф Кокс был снова всезнайкой. Я встала, зашаталась от непривычнной жары и оперлась о скамейку, в надежде, что это выглядело непринужденно.

- Ты продал своих отвратительных свиней?

- Да, именно так.

- Твой кот сидел перед моей входной дверью, - тараторила я без смысла и понимания. Я, правда, не знала, что должна была говорить. Колин внезапно показался мне таким чужим, таким другим, и я ненавидела то, что не могла видеть его глаз.

— Он любит быть поближе ко мне, — ухмыльнулся он. Я подозревала, что он бесстыдно рассматривал меня за своими черными стеклами.

— Колин, сними эти чертовы очки. Я терпеть не могу говорить с людьми, которые прячут глаза.

— Я не могу, — его ухмылка растаяла. Он отступил на шаг назад.

— Нет, можешь, видишь, это очень просто, — прошипела я, протянула руку и целенаправленно стянула очки с его носа. Я знала, что он мог остановить меня, но он этого не сделал. Возможно, он даже наслаждался моей шокированной реакцией.

Неподвижный, как статуя, он стоял напротив меня, а я едва ли могла понять, что я видела. Я, наверное, сплю. Я ущипнула себя за руку. Больно. Я не спала.

Но этот мужчина передо мной не был Колином. Не тот Колин из сегодняшней ночи. Его глаза имели ту же форму, да, но его глаза переливались невыносимо светло-бирюзовым цветом, океанская смесь из зеленого и голубого.

Коричневые веснушки рассыпались на носу и щеках. Его волосы были все еще темные, но появились медные пряди, в которых сверкал солнечный свет. Веснушки и медные пряди я могла, возможно, не увидеть вчера вечером, как- никак, я вынула контактные линзы, но глаза? Определенно нет.

Он ничего не сказал, только смотрел, как я напряженно наблюдала, анализировала и обдумывала. По его лицу невозможно было понять, что он чувствует. Он реагировал на свет - такое возможно? Как хамелеон на цвета и настроение? В свете фонаря перед хлевом он выглядел не так, как ночью в лунном свете перед домом. Теперь он выглядел как воскресший викинг.

Он моргал. Видимо свет причинял ему боль.

- Что с твоими глазами? - спросила я прямо. Я была не в настроении долго разгадывать загадки.

- Болезнь,- уклончиво ответил он.

- Ах, болезнь? Может острый приступ вампиризма?- с насмешкой спросила я. Выражение его лица стремительно изменилось, стало жестким и холодным.

- Не веди себя по-детски, Эли, - сказал он отстраненно. - Слышала что-нибудь об аллергии на солнце? Повышенная светочувствительность?

Он взял у меня очки и надел их на нос. На меня напала внезапная печаль, потому что я больше не могла видеть пульсирующий лед его радужной оболочки. Я не поверила ему. Аллергия на солнце у темноволосых? Да никогда.

Либо он был такой тщеславный, что носил цветные контактные линзы, и я предполагаю, от сэра Колина Джереми Блэкберна можно этого ожидать. И веснушки я вчера не заметила. Либо... На это "либо" у меня не было ответа.

Его отстраненное, равнодушное поведение в любом случае еще больше ухудшило мое плохое расположение духа. Я вдруг почувствовала, что сейчас начну плакать. Я интенсивно глотала и молила бога, чтобы мой голос не дрогнул.

- Я просто хотела пошутить. Я плохо спала. Я...я...,- лепетала я, с ужасом понимая, что мой голос все-таки изменился.

- Ты одинока,- послышался голос Колина, но это сказал не он, голос раздавался в моей голове. Сказал ли он вообще что-нибудь? Я взглянула на него, но на его лице ничего не читалось. Оно осталось неподвижным. Не хватало глаз, мне были нужны его глаза...

- Все в порядке, Эли,- нежно сказал он. Теперь его голос доносился до моих ушей, как и должно быть. Тем не менее, что-то тут было не так.

Я с трудом просунула ноги в шлепанцы. Это стоило мне несказанно больших усилий и сосредоточенности, как будто мои умственные способности улетучились. В кончиках пальцев покалывало, а в ушах стучала кровь. Черт. Так у меня начинается обморок. Я со вчерашнего

вечера ничего не ела. Просто не думала об этом. И вот сейчас я упаду в обморок, прямо у его ног. Это не должно произойти, ни в коем случае. Перед глазами кружились черные пятна, мир элегантно повернулся в сторону.

- Колин, я падаю в обморок... я... - Черное перед глазами было, как вата. Я падала и всё-таки не упала, и не причинила себе боль. Я еще успела зафиксировать, что меня немного подташнивало, но это не имело значения. Со мной ничего не случится. Со мной и не может что-то случиться. Я все отпустила и тут же отключилась.

Я пришла в себя, почувствовав, как что-то прохладное, нежное ритмично надавливает на мои ноги. Медленно подняв голову, я увидела Мистера Икс, который рассеянно надавливал поочередно передними лапами на мои обнаженные икры.

- Эй,- тихо сказала я. Он неуклюже подошел к моей голове и начал преданно мурлыкать мне в ухо. Колин исчез. Мой желудок урчал так громко и измученно, что мне стало совестно. Я совсем себя забросила.

- Мистер Икс, мне нужно срочно позавтракать. - Как будто поняв мои слова и решив, что ему тут больше нечего делать, он ускакал прочь. Я провела ладонями по рукам и ногам. Никаких шрамов и царапин.

Моя голова тоже лежала на чем-то мягком, интересно, на чем? Как в ускоренной киносъемке я села и взяла бархатную подстилку в руки. Это была серо-голубая куртка Колина.

- Ну, ты настоящий джентльмен,- пробормотала я и осторожно встала. Оставляет подушку и исчезает. Но я чувствовала себя лучше, намного лучше. Машины Колина тоже не было. Как долго я была в обмороке? Две минуты? Или два часа? У меня не было часов, но солнце стояло уже высоко. Спотыкаясь, я побрела наверх к дому.

- Эли! - Мама ждала меня в саду. - Где ты пропадала? Я уже собиралась идти тебя искать. - Она побежала мне навстречу и внимательно осмотрела меня. - Что это у тебя такое?

Я мимоходом обмотала куртку вокруг бедер, как будто она принадлежала мне. - Я же купила ее в Кёльне, - солгала я.

- Да нет, я имею в виду это,- пробормотала она и смахнула два стебелька травы с моего плеча, затем вытащила что-то из волос. - Опля,- сухо сказала она и подсунула мне под нос труп переливающейся синими и зелеными цветами стрекозы, размером с палец.

- Фуу, убери это,- запротестовала я и отодвинула ее руку. Почему я не заметила эту тварь? В этот же момент я почувствовала, что начинает болеть голова.

- Что случилось?- спросила мама и, решительно схватив меня, воспрепятствовала мне проскочить мимо нее в дом. Она скептически посмотрела мне в глаза. - Боже мой, Эли, ты белая, как мел...

- Ладно, хорошо. Я упала в обморок,- нехотя призналась я. Мамина хватка стала еще крепче.

С мрачным лицом она повела меня в дом.

- Лео!- сурово крикнула она. Затем снова повернулась ко мне. - Ты лежала на лавке, когда я ушла. И упала в обморок? Лежа? В полусне? - Она взяла салфетку и вытерла мне землю со лба. - После хождения по воде?

- Хм, да. Наверно так и было,- рассеянно сказала я, поглядывая на накрытый для завтрака стол. За чашку кофе и хлеб с мармеладом я бы, не колеблясь, кого-нибудь убила. В этот момент в дверном проеме появилась мощная фигура отца.

- В чем дело? - спросил он. Его голос звучал глуше, чем всегда, а волосы были растрепаны. Может быть, мама его разбудила?

- После ходьбы по воде она заснула, а потом упала в обморок,- сказала мама. В ее голосе звучал укор. Она взглядом буровила папины темно-синие глаза.

- Только не надо делать из этого трагедию. Я в порядке,- попыталась я ее успокоить. Я вывернулась из ее рук и села за стол. В маминой версии хоть и отсутствовал один элемент, но я

бы и без Колина наверняка грохнулась в обморок. Тогда бы меня никто не подхватил. Действительно ли он это сделал? Или просто подложил мне под голову куртку?

- Как видишь, с ней все в порядке,- спокойно сказал папа.

- Я была относительно в порядке, но зато голодна.

Я намазала толстый слой Нутеллы на кусок хлеба и с жадностью выпила несколько глотков теплого кофе. Мама и папа молча смотрели друг на друга.

- Мне нужно кое-что с тобой обсудить,- требовательно сказала мама. Папа удивленно пожал плечами и исчез в коридоре. Мама еще долгое время гремела посудой и потом тоже исчезла. Я облегченно вздохнула. Неужели их внезапно начала мучить совесть, из-за того, что они насильно притащили меня в эту глушь? Если так, то они спокойно могут несколько минут огорчаться по этому поводу.

После хлеба с Нутеллой я проглотила булочку и круассан, выпила три чашки кофе и следом запила все это большим стаканом апельсинового сока. Вдоволь наевшись, я снова вспомнила зеленовато-голубые глаза Колина. Глазная болезнь. Ну-ну.

Я навострила уши. Стало тихо. Может, папа ушел в клинику? Если да, то я могла бы поискать в его кабинете информацию о редких глазных болезнях и светочувствительности. На какое-то мгновение я с грустью вспомнила, как мы с Паулем испытывали мужество, когда с горящими от волнения щеками запирались в папином кабинете, в то время как на улице лил дождь, и мы не знали, куда себя деть от скуки.

Мы брали с полки Пширимбел* и наугад открывали какую-нибудь страницу. Выигрывал тот, кто дольше всего смотрел на фотографию, ни разу не моргнув и не уводя взгляд в сторону. Никогда не забуду представленный во всех подробностях снимок черного волосатого языка - непонятное, хотя и редкое побочное явление от приема пенициллина.

(прим.переводчика:*Пширимбел - медицинский справочник/словарь. Название происходит от фамилии берлинского врача и профессора Виллибалда Пширимбела, который был редактором и автором справочника.)

С тех пор мне становится не по себе, когда я должна принимать антибиотики. Может, существует изображение ярких бирюзовых глаз, которые вообще-то должны быть черными. Возбужденный голос моей матери остановил меня до того, как я успела нажать на ручку двери. С любопытством я приложила ухо к двери.

- Ты сказал, что здесь все изменится к лучшему, а теперь это!

Прошло какое-то время, прежде чем папа отреагировал.

- Миа, нет причин для беспокойства. Девочки в этом возрасте охотно падают в обморок. - Девочки в этом возрасте. Ха. Об "охотно" не может быть и речи. И все-таки мне было непонятно, почему мама так рассердилась. Вообще-то она никогда не была такой уж чересчур заботливой и опекающей матерью.

- Тогда поклянись мне, Лео, поклянись мне, что ты не имеешь к этому...

- Момент! - резко крикнул папа и распахнул дверь. Он поймал меня, до того как я опрокинулась вперед. Он посмотрел на меня блестящими глазами. - Могу я тебе чем-нибудь помочь, Элиза?

- Я бы хотела одолжить Пширимбел,- вежливо попросила я. Мама покачала головой и вздохнула. Папа метко схватил тяжелый том и сунул его мне в руки. Мама вздохнула еще раз.

- Она выглядит здоровой,- признал папа в приподнятом настроении.

- Она идет к себе в комнату,- объявила я, коротко махнув рукой, прежде чем повернуться к маме и папе спиной и исчезнуть наверху. Мне бы очень хотелось узнать, что имела в виду мама, когда сказала, что здесь все изменится к лучшему. В отношении меня? Но что было со мной не так в Кёльне? Или речь шла вообще не обо мне?

Как бы то ни было, папа прервал мое подслушивание. Тем не менее, я не сильно беспокоилась насчет этого спора в кабинете. Моих родителей водой не разольешь. Самое позднее завтра утром они снова будут прекрасно ладить друг с другом.

Я без разбора пролистывала энциклопедию, снова и снова ужасаясь при виде жутких фотографий. В конце концов, разочаровавшись, я сдалась. Я быстро сдалась, потому что в меня закрался страх, что это я была той, кому должен быть поставлен диагноз.

Я так часто была на грани обморока, но мне всегда удавалось избежать потери сознания. Сегодня это случилось. Может быть, мамины слова были связаны с этим? Она знала больше, чем я? Может быть, меня сразила какая-нибудь медленно подкрадывающаяся, мерзкая болезнь, которою мои родители предусмотрительно скрыли от меня и хотели вылечить ее здесь, на природе?

Но у меня вообще-то ничего не болело. Тяжелые болезни дают о себе знать по-другому: необъяснимая потеря веса, сильные боли, отсутствие аппетита. И временами обмороки. Но ведь обморок из-за непривычной летней жары и голодания по недосмотру к этому не относится. Поняв это, я внезапно стала чувствовать себя еще более жалкой.

Пустое, бессмысленное чувство распространилось в моем животе и холодом закралось в сердце. Мне больше ничего не хотелось. Весь прекрасный, солнечный день, который моя мама, как одержимая, использовала, чтобы перекопать почти весь огород, я провела, забаррикадировавшись в комнате на чердаке. Я задернула ширму, тщетно пытаясь спастись от одиночества, которое, как старая, сросшаяся лиана, опутало мою грудь.

Была ли я действительно так одинока, как я себя чувствовала или это было скорее напоминание о моем прежнем одиночестве, тяготившее меня? Могут ли воспоминания быть такими болезненными? Или на меня навалилось все вместе?

Неподвижно пролежав на кровати три часа, я поучила для предстоящих контрольных, доделала остатки домашних заданий и поужинала с родителями, изображая хорошее настроение.

Я обдумывала, не забраться ли мне ночью снова в папин кабинет, чтобы поискать информацию о глазных болезнях, но затем выбросила эту мысль из головы. Если папа еще раз меня там обнаружит, у него появится повод для беспокойства. Мне и так с трудом удавалось делать вид, что все отлично, потому что мама на протяжении всего ужина не сводила с меня глаз.

Перед сном я достала старые альбомы Моби и смикшировала диск с тоскливыми, меланхоличными песнями, так как мой МП3-Плейер, к сожалению, пострадал от грозы. Я сделала то, с чего и собиралась начать день: я надела наушники и глубоко погрузилась в свое плохое настроение.

Я тайком называла это фильмом в голове. Стоило мне закрыть глаза и окунуться в музыку, перед глазами один за другим проносились разные картины. В главной роли: Элизабет Штурм. В этих «фильмах» я чувствовала себя так же, как и в реальной жизни. Однако я была другой.

Я была красивее, спокойнее и остроумнее. Если со мной несправедливо обращались, то всегда находились люди, которые за меня заступались. Люди, идущие за меня в огонь и в воду. Особенно один из них... Я не отваживалась даже задумываться о его имени, но его лицо снова появилось передо мной, как это часто бывало. Его лукавые зелено-карие глаза, его коротко стриженая лохматая голова и здоровый румянец на щеках. Гриша. Мы никогда не разговаривали друг с другом, однако он все равно был частью моей жизни. Я не могла это изменить. Это удавалось мне только тогда, когда я бодрствовала.

Но сейчас музыка полностью проникла в меня. У меня было ощущение, что я покидаю тело. Я как будто парила надо мной, но, тем не менее, мое сознание стало восприимчивее и яснее, чем когда-либо.

Я кожей чувствовала каждую крохотную ворсинку моего пледа, резинки от носков на лодыжках. Я вдыхала запах вскопанной земли в саду, я даже могла угадать опускающуюся температуру за окном, сладкий аромат капелек росы и пыльный, серый запах улицы.

Было темно и тихо, когда я проснулась. От наушников у меня болели уши, поэтому я одним махом вырвала их. Я чувствовала во всем теле щемящую душу тяжесть, которая тянула меня наружу, в ночь. Я смотрела на саму себя, как я спустила голые ноги с кровати, поставила их на прохладный пол и пошла к двери, едва касаясь подошвами земли.

Беззвучно паря над землей, я двигалась вниз по лестницам, открыла дверь зимнего сада и вышла на улицу. Ступени наружных мостков были ледяными, но мне это не мешало.

В саду стоял Колин, повернувшись ко мне спиной. На нем были джинсы, в которых он был до обеда и серый, шерстяной пуловер. Его волосы упрямо и смешно торчали во все стороны. От мерцания луны его затылок светился серебром.

Я знала, что мне не нужно ничего говорить. Тяжесть в моем теле и душе превратилась в мощное течение, несущее меня к нему навстречу. В тот момент, когда я оказалась так близко, что могла дотронуться до него, он обернулся.

Я смотрела в его глаза и чувствовала, что могу упасть. Такие темные, такие глубокие... Я действительно одинока, думала я, не переставая смотреть в его глаза, хотя пропасть была уже так близко.

Я знаю, говорили мне его мысли. Я прижалась к его груди, прильнув щекой к мягкой, полинялой ткани его пуловера. Он обнял меня, крепко и решительно и тяжесть во мне начала растворяться. Его руки лежали на моей спине, своим трепетным дыханием он слегка касался моей шеи.

Сверлящая боль пронзила меня, когда его ногти вонзились в мою поясницу. До меня донесся запах крови, и я чувствовала каждую рубиново-красную капельку, высвобождающуюся из моей кожи и стекающую вниз по позвоночнику. Колин прижал меня спиной к земле.

Я не противилась, я не противилась и тому, что его когти, острые, причиняющие боль когти, делали надрезы на белой коже над моей грудью. Так должно быть. Его мысли к моим мыслям. Наши чувства превратились в единый бархатисто-черный космос.

Необузданно и прекрасно. В тот же момент я провалилась - и проснулась. Я стояла посреди комнаты, раскинув руки. Была ночь, светила луна, и я была босиком. Но я была в своей комнате, одна. Еще какое-то время я стояла, не в состоянии пошевелиться или решить, что мне нужно делать. Мне не казалось, что я просто встала с кровати и осталась стоять в комнате. Нет, у меня было такое чувство, что я вернулась из долгого путешествия.

А Колин? Он же был здесь, я же его ощущала! Его пуловер. Я точно знала, какой он на ощупь, а его дыхание на моей шее. Его руки в моей коже... В моей коже?

Я кинулась к выключателю, зажгла все лампы и побежала в ванную. Я лихорадочно стянула ночную рубашку через голову и попыталась с помощью ручного зеркальца рассмотреть спину. Никаких повреждений, никаких следов от когтей, никакой крови.

- Господи, Елизавета, соберись,- изнуренно прошипела я на саму себя, когда увидела свое лицо в зеркале. - Это был сон, проклятый, дурацкий, дрянной сон. - Я высунула язык. Я выглядела как всегда.

Ну ладно, не совсем, как всегда. Мои волосы решили объявить прическу а-ля "Каспар, отказывающийся есть суп"*, последним писком моды, а мои глаза не были так долго не накрашены за последние три года. Но в остальном это была я, со своим обычным лицом и нормальным цветом глаз, в отличие от господина Блэкбёрна сегодня утром. Папины темно-синие с маминими коричнево-зелеными вкраплениями. Какое-то довольно больное сочетание.

(прим.переводчика:* "Каспар, отказывающийся есть суп" - персонаж из книги Генриха Хоффмана "Растрепа". Мальчик по имени Каспар умирает в течении пяти дней, потому что

отказывается есть суп. Сегодня такое поведение присуще людям, доводящим себя до истощения, пытаясь похудеть.)

Кроме того мой бледный нос со случайно оказавшимися там родимыми пятнами и рот, строгий и упрямый. Все как обычно. Я опять не смогла совладать с моей фантазией. Я просто видела сон.

Я умылась и предприняла безуспешную попытку привести в порядок волосы. В тоже время я усердно занималась тем, что пыталась вернуться обратно в реальность, в нормальную июньскую ночь в Вестервальде. Однако я до сих пор чувствовала пуловер на моей щеке и чертовски тосковала по этому совершенному, непринужденному и надежному чувству, которое вызвало во мне объятие Колина. Как что-то может быть таким реалистичным, если это было всего лишь сон.

Я посчитала это наивным и глупым. Меня уже трясло от холода, тем не менее, я, спотыкаясь, спустилась по темным ступенькам вниз, схватила с вешалки куртку Колина, стрелой помчалась наверх и уткнулась в нее лицом, перед тем как выключить свет. Нет, стоп. На всякий случай, еще раз вниз по лестнице. На этот раз в зимний сад.

Конечно, этого следовало ожидать. На перерытом газоне никто не стоял. Тихий и пустынный, расстилался передо мной наш сад. Только светло-розовые лепестки с соседского куста сирени парили, как снег над свежими клумбами. Мое сердце забилось сильнее, когда я обнаружила сзади, в кустах живое существо. Но это был не человек, не мужчина, не Колин, а черная кошка.

Гибкая и сильная, как пантера, она пробежала по газону и исчезла за двором, перед этим задержавшись и пристально посмотрев на мой силуэт в окне.

- Мистер Икс?- шепотом спросила я. Ерунда. Глупость.

Каждая черная кошка не могла быть Мистером Икс. Мы жили в деревне. Кошки здесь размножались как сорняки. Я снова прокралась вверх по лестнице, забралась под одеяло и уткнулась лицом в куртку Колина. Я моментально заснула и больше не видела снов.

Глава 12. Задета за живое

Я была благодарна, что в следующий понедельник - заурядный, пасмурный день - на очереди была четырёх часовая биологическая курсовая работа.

Это было что-то, с чем я могла справиться с помощью рассудка и здравого смысла, и я набросилась с лихорадочным рвением на решение этой задачи.

За три часа я со всем справилась, а оставшееся использовала время, чтобы подправить свои диаграммы. Наступил момент, когда больше нечего было делать. Я сдала работу за несколько минут до звонка и покинула класс.

В школьном дворе уже толпились ученики – видимо, у некоторых были свободные уроки. По пути к киоску меня остановил внезапный импульс посередине дороги, хотя мой желудок урчал от голода. Что-то здесь было не так. Я обернулась, и мои глаза стали блуждать по двору. От мусорных бочек до меня доносились громкие крики и визгливый смех.

Не подумав, я побежала на шум. На полпути меня толкнул, пробегая мимо, один мальчик, не старше двенадцати лет. Едкое зловоние мусора исходило от его одежды, а к его спине прилипла испорченная банановая кожура. Его щёки горели, но в целом он был возбуждён, но не расстроен. Очевидно, его кто-то засунул в мусорку - старая популярная, но мерзкая игра. И он смог освободиться.

Но не хорошее предчувствие в животе сказало мне, что это было не всё. Голоса возле мусорки стали громче. Толпа разинувших рот учеников закрывала мне вид на то, что там происходило и пробуждало любопытство стоящих вокруг. Хотя я не люблю прикасаться к незнакомым людям, всё-таки я протолкнулась через толпу.

Одного взгляда хватило, чтобы увидеть, что бочки были пустыми. Значит, это было не проблемой. Проблемой был с заметными ярко рыжими волосами ученик, который стоял с глазу на глаз напротив парня из старших классов. Точно, это был Оливер, из моего курса немецкого языка. Мускулистый, квадратный тип, которого я сразу посчитала неприятным и самоуверенным, он возвышался над рыжим почти на две головы.

- Не вмешивайся, Тильман, - угрожающе сказал Оливер и толкнул другого.

Тильман оставался спокойным, но я чувствовала, что он был тикающей бомбой замедленного действия. И не только то, что он был в смятении, - я почувствовала все то, что чувствует он. Гнев, отвращение, а также страх. Почему страх?

- Прекратите это дерьмо, - ответил Тильман удивительно глубоким взрослым голосом.

Интересно, сколько ему лет? Судя по его росту, скорее всего, он учится в средних классах. Я приближалась, пока не смогла разглядеть его глаза, хотя вонь от мусора мне почти перекрыла воздух: кислое молоко, мокрая туалетная бумага, гниющие фрукты, испорченная колбаса и голубиный помёт. Лицо Тильмана было бесстрастным, но в его тёмных, суженных миндалевидных глазах бушевал гнев.

- Это что, твой последний каприз? Играть благодетеля? - Оливер презрительно рассмеялся и несколько других ребят тоже. – Серьезно?

Молниеносно рука Тильмана вырвалась вперёд и схватила Оливера за воротник рубашки. Оливер отпрянул. Его ноги запутались, и одну долю секунды казалось, что он упадёт. Потом он снова оправился.

- Эй, - закричал он и попытался оторвать руку Тильмана от своего воротника. - Ты что, совсем свихнулся, что ли? Расслабься, мы только чуть-чуть поиграли в метание мелюзги.

- Метание мелюзги не игра. Это трусость и больше ничего.

Очень медленно Тильман разжал кулак и освободил Оливера. Внимательно он наблюдал за выражением лица Оливера, но я увидела, как его грудь свело судорогой. Едва заметный болезненный шум послышался из его лёгких. В его глазах вспыхнула паника.

- Сделай только одну ошибку, малец, - прошептал Оливер. - И ты вылетишь из этой школы. Понял? Да? я позабочусь о том, твоей ноги здесь больше не было.

Тильман так сжал кулаки, что костяшки пальцев побелели. Оливер наклонил свою голову вперёд, так что его нос коснулся кончиков волос Тильмана, и выдохнул ему прямо в лицо. От него воняло чесноком и холодным затхлым потом.

- Оставь его в покое! - закричала я резко.

Раздался удивленный шёпот, потом внезапно стало тихо. Оливер отреагировал последним. Недоверчиво он уставился на меня. Тильман не выпускал его из виду.

- Ага. Новенькая. - Оливер улыбнулся, забавляясь. - Ты что, хочешь провести со мной сейчас одну из папиных терапий? - Его друзья ухмыльнулись. - Или наденешь мне смирительную рубашку? - Он размахивал глупо руками.

- Я хочу, чтобы ты оставил его в покое. И прекрати бросать детей в мусорку. Найди себе кого-нибудь своего возраста для игр.

- Пффф, - презрительно сказал Оливер и сплюнул.

Я была так зла, что мне хотелось закричать. Мои глаза начало предательски щипать. Но моё внимание было направлено на Тильмана. Он дышал с трудом. Странный храп вырывался из его лёгких. Разве никто этого не слышал, кроме меня?

Я повернулась к ученикам позади меня. Они смотрели на меня так, как будто я только что им рассказала, что два плюс один будет четыре. Чёрная Лола подошла и стала оживлённо шептаться с Надин. Потом они намеренно громко засмеялись. Затем и Майке присоединилась к ним.

- Проваливайте отсюда. Убирайтесь! Чтобы я вас больше не видела!

О, я всё-таки могла кричать. Качая головой, Оливер подошёл к своим друзьям и постучал по лбу. Ну конечно, я была не в себе. Он мне не сказал ничего нового. От вопрошающих глаз Майке я отвернулась.

Тильман и я остались стоять, не двигаясь, пока толпа позади нас, наконец, не разошлась, ворча. Солнце пекло в наши спины, и зловонье открытых мусорных баков стало прямо невыносимо.

- Подожди, - прошептал Тильман хрипло и метнулся в сторону туалета.

Я убедилась в том, что за нами никто не наблюдает, и последовала за ним. Но он пробежал мимо домика с туалетами и проскользнул через брешь в заборе. В нише за забором он опустился, тяжело дыша, на колени. Густо растущие ветки берёзы образовывали своего рода крышу, так что никто не сможет нас здесь увидеть. Я проскользнула за ним.

Не обращая на меня внимания, Тильман вытащил маленький баллончик из кармана брюк и поднёс ко рту. Целенаправленным движением я открыла замочек на его голубом матросском свитере, но избегала того, чтобы к нему прикасаться. Его грудь напряжённо поднималась и опускалась. Только после того, как он два раза вдохнул из баллончика, его тело медленно расслабилось.

- Астма, - поставила я диагноз.

Он поднял подбородок вверх и посмотрел на меня. Его глаза блестели, как две тёмные фары, но сам он был очень бледен.

- Попробуй только кому-то сказать, - предупредил он меня охрипшим голосом.

- Тебя туда раньше тоже бросали, верно?

- А ты, конечно, учишься только на единицы*, - ответил он холодно. Я коротко кивнула.

(прим.редактора: * в Германии 6-ти балльная система оценок с обратной зависимостью, т.е. 1-«отлично», 6-«неудовлетворительно».)

- По большей части. Если я не задамся целью получить тройку, конечно. Ты уже в порядке? Не хочешь лучше пойти к врачу?

Тильман отмахнулся.

- Что он сможет сделать? Да и это у меня не часто. Только тогда, когда - ну, когда случается что-то такое, как только что.

- Понимаю, - ответила я тихо.

У него случился приступ астмы, а меня всё это дерьмо отбросило на годы назад. Теперь будет ещё тяжелее. Тильман встал и потянулся.

- Тогда я пойду, - сказал он и протиснулся мимо меня, даже не дотронувшись до меня.

Когда я выбралась из ниши за забором, во дворе уже почти никого не было. Нерешительно я пошла в сторону спортивного зала.

- Эли ... Слава Богу! - Майке бросилась ко мне. Очевидно, она меня искала. - Почему ты это сделала? Почему вмешалась? В течение нескольких недель ты ни на кого не смотрела, а теперь пошла в разнос. Что с тобой случилось?

- Разве ты этого не заметила? - спросила я с негодованием. - Он - нет, Тильман не хотел, что бы кто-то узнал о его астме. - Он ведь только хотел, чтобы детей не бросали в мусорку.

- О. Эли, это ведь игры ребят. Каждый год туда кто-то попадает, это нормально. Они даже хотят этого, это что-то вроде спорта у пятиклашек. И малый это точно заслужил.

- Никто не заслуживает такого, - возразила я резко.

- Может быть, но ты защищала не того парня. Тильман ушлый. Его уже почти дважды выгоняли из школы, и только его отец смог вытащить его задницу из дерьма. То, что он перед Оливером претворяется хорошеньким - это шутка дня.

- Нет, - закричала я и удивилась своей собственной настойчивости. Я была на пути к тому, чтобы напугать мою единственную почти-подругу. - Он был прав. Может быть, другие и смотрят на это сквозь пальцы, если их бросают в мусорку.

У меня закончились аргументы, и не только это - мне так же не хватало воздуха. Майке смотрела на меня задумчиво.

- Так, для меня это был малец, который попал в мусор, из-за того, что хотел этого - сказала она, пожимая плечами. - Всем было смешно. Потом внезапно вмешался Тильман, вытащил малого и без предупреждения набросился на Оливера ...

- Это Оливер сначала прицепился к нему, - возразила я.

- Эли, ты ведь не была там с самого начала.

- Ты тоже.

Майке застонала и закатила с наигранным отчаянием глаза.

- Но Надин была там, и она рассказала мне. Кроме того, Тильману шестнадцать. Он сам себя может защитить.

Но если у него как раз был приступ астмы, подумала я, смог бы он себя защитить? Да, Тильман бы ударил, несмотря ни на что.

- Ты довольно странная, Эли, - вздохнула Майке. - Этого не должно было быть. В конце концов, ты ведь совсем недавно здесь.

- Нет, это должно было случиться, - сказала я упрямо. - Извини.

Майке молчала. Мы сели рядом друг с другом под старые каштаны на солнце, которое лишь редко показывалось из-за белесых затянувших всё небо облаков. У нас что, размолвка? Я что, все испортила? Бенни пробежал мимо нас к велосипедам и посмотрел на нас вопросительно. Майке кивнула ему, улыбаясь. Потом, казалось, она приняла решение.

- Хорошо Эли, я скажу Бенни, чтобы он что-нибудь придумал, и мусорные бочки убрали. Чтобы больше никого не могли туда забросить. Вообще-то это хорошая идея. Может быть, этим можно спасти твою репутацию.

Такую реакцию я не ожидала. От изумления я не могла сказать ни слова. Только что Майке обвиняла меня за то, что я вмешалась, а теперь она улыбалась мне, как будто ничего не случилось.

- Мою репутацию - а какая она? - спросила я, наконец, осторожно. Хотя я сильно сомневалась, что идея Майке поможет мне стать более популярной. В конце концов, я только что изображала зануду. Но она была от этого в восторге. Может быть, она просто хотела сделать для меня что-то хорошее.

- Сказать честно?

- Да.

- Ну, - охотно сказала Майке. – Одни думают, что ты отгородилась от всего. Другие предполагают, что ты считаешь себя лучше всех. И теперь ты ещё засунула нос в то, что тебя не касается - позволь мне закончить! Это трудно, понимаешь? Ты выглядишь не так, как будто хочешь завести друзей.

Я снова кивнула. Что мне по этому поводу сказать? Мне казалось это ужасно знакомым.

- И у меня, честно говоря, нет желания, чтобы меня постоянно спрашивали, почему я общаюсь с самой высокомерной девчонкой в школе.

- И почему ты тогда это делаешь? - проворчала я.

- Ах, знаешь, - усмехнулась Майке, играя со своими шнурками и не глядя на меня. - Мне просто любопытно.

- Ну что же, - проворчала я, хотя и не поверила ей.

Конечно, Майке было любопытно. Даже очень сильно. Но была ли это единственная причина? Может быть, она просто устала всё время проводить с чудо-груди Надин и Чёрной Лолой, а я, скорее всего, была для неё интересным развлечением.

По крайней мере, Майке была тем, с кем я могла время от времени поговорить. Кроме того она не упомянула ни слова про моё фиаско возле конюшни.

- Кстати, - сказала она, оставляя снова свои шнурки в покое. - В субботу в Шик будет вечеринка в стиле 80-х. И ты пойдёшь вместе со мной.

- Ты уверенна?

Вечеринка в стиле 80-х. О Боже. Это то же самое, если я возьму, да пойду с мамой и папой на вечеринку "старше 30".

- Ну, пожалуйста, Эли, пойдём со мной, это будет весело. Эти вечеринки у нас культ. Некоторые даже одеваются так, как в 80-х годах или делают на волосах химию, - говорила Майке с энтузиазмом.

Спасибо, у меня и так были проблемы с волосами. Пока мы шли в сторону спортзала, где мы выпустим пар, играя в волейбол, она прожужжала мне все уши, так что у меня не было шанса объяснить ей, что я точно никогда не пойду на дискотеку в потёртых джинсах или с прической "Minipli"(закрученные в мелкие локоны волосы с помощью химии).

Урок физкультуры прошел как обычно: несмотря на план пойти вместе на дискотеку, Майке выбрала не меня, а Лолу и её команду, а я осталась сидеть на лавке запасным игроком - и это при том, что мои подачи не всегда летели в аут. Но на самом деле постоянные перерывы по принуждению были для меня вполне приемлемыми.

Потому что после того, как мой гнев из-за истории с Тильманом несколько поубавился, мои мысли так и обращались ко сну, который я видела в ночь на субботу.

Он проник снова в моё сознание, хотя я и помнила его совсем смутно. Всякий раз, когда я хотела вспомнить, почему пролилась кровь и что точно Колин со мной сделал, я видела глубокую темноту и потом чувствовала снова мягкий материал его свитера на моей щеке, и как мне комфортно и безопасно.

И в то же время моё сердце стучало так быстро и сильно, как будто у него после этого никогда больше не будет шанса качать кровь в моём теле.

Глава13. Ночные мысли

"Я думал, ты хочешь познакомиться с Луисом".

Я открыла глаза и увидела бросающегося мне навстречу паука. Я смогла в последний момент откатиться в сторону, прежде чем его дрожащие мохнатые лапки попали мне в лицо. Я резко вскочила с кровати.

Я бегом бросилась к выключателю и в панике провела рукой по моим и без того всклокоченным волосам. Я никогда не смогу почувствовать, запутался в них паук или нет. Я наклонила голову и потрясла волосами, пока окончательно не проснулась и не поняла, что веду себя, как сумасшедшая.

Теперь я могла быть уверена, что это был всего лишь один из надоедливых кошмаров, когда кажется, что всё происходит наяву. Я никогда не слышала, что сны могут передаваться по наследству, тем не менее, факт оставался фактом: мама долгие годы видела такие сны с тех пор, как мы переехали, теперь их вижу и я. Я верила, что вижу паука, спускающегося на меня в темноте.

И каждый раз моя реакция была такой, будто я бодрствую - молниеносной и четкой. В действительности же я должна была бы понять, что этого паука не существует. Но я всё равно снова и снова вскакивала с кровати и бежала к выключателю.

Тень паука медленно растворилась перед моими широко раскрытыми глазами. Смущенно я поняла, что происходит, и подумала, что мой разум играет со мной в какие-то непонятные игры. Паука не было.

Конечно же, его не было, как и мужчины, чей неповторимый голос напомнил мне в размытых мирах сновидений о моих намерениях. "Я думал, ты хочешь познакомиться с Луисом".

Зевая, я села на край кровати и чуть было не поддалась искушению проверить ещё раз, нет ли в моих волосах паучьих лапок. Я чувствовала, будто по всему телу копошатся ножки насекомых. Мне хотелось с головой залезть в ванну и вымыть всё тело.

Я не знала, который сейчас был час. Мой радиобудильник я отключила от сети прошлой ночью, потому что я не могла больше переносить его гудение и мигание. Мои наручные часы лежали в ванной комнате, но мне совсем не хотелось туда идти; я боялась наткнуться там на настоящего огромного паука-монстра.

Я была не готова к подобной встрече. На улице было ещё темно, хоть глаз выколи, и у меня было достаточно времени, чтобы всё обдумать и, в конце концов, хорошенько выспаться. Удовлетворённая этим решением, я улеглась обратно в постель.

Действительно ли мне нужно было отправиться в путь, к этой разваливающейся конюшне? С одной стороны, я, конечно же, надеялась, что Колин забыл о моей просьбе познакомить меня с Луисом, ну, или, по крайней мере, не воспринял эту просьбу всерьёз. С другой стороны - если быть до конца честной, я каждый день ждала хоть какого-нибудь знака от него. Впрочем, каким же должен был быть этот знак? Вряд ли Колин просто заехал бы за мной на своей машине.

К тому же, ещё и моя гордость. Колин, по его мнению, был в тот вечер в своём доме вполне вежливый. А каким он показался мне? Надменным? Знающим всё лучше других? Хвастливым? Вдобавок ко всему, на протяжении всего вечера у меня было такое чувство, будто он хотел отделаться от меня. Эта история с мухобойкой. Тогда почему же он взял меня с собой домой, если я была такой назойливой? "Мужчины", буркнула я раздраженно себе под нос и жадно отпила воды из бутылки. И как мне найти эту конюшню одной? Надежды на велосипедный тур Майке не было никакой, я едва ли могла вспомнить дорогу.

И даже если бы мне во второй раз удалось найти эту конюшню, одна лишь мысль о том, чтобы приблизиться к Луису наводила на меня ужас. Ещё хуже было то, что Колин мог бы

заметить мою панику. Было очевидно, что Колин относился к Луису, как к какой-то миленькой, декоративной собачке. Но каким же образом я снова могла встретиться с Колином? Пойти к нему домой? Нет, об этом нельзя даже думать, я бы никогда на такое не осмелилась.

Я не могла решить, чего же мне на самом деле хотелось. С одной стороны - Майке, школа, сумасшедшая вечеринка в стиле 80-х и возможность для Бенни уговорить меня на ещё один, наверное, уже тысячный по счёту, школьный кружок. Бении пытался сделать это уже 2 недели. Всё вполне нормально и предсказуемо, если речь идёт о нормальных людях, конечно же.

С другой стороны - было удивительное приключение в лесу, вечер у Колина и, конечно же, Луис. Прекрасный и одновременно наводящий страх. А так же моя ложь и мои тайны. Мои родители больше ничего обо мне не знали, и меня это мало заботило.

Кроме того, я уже успела дерзко заявить о своём желании познакомиться с Луисом. Несмотря на то, что это было ложью, своего рода уловкой, я уже не могла отступить. Спасовать перед сером Блэкбёрном? Нет! Этого я хотела меньше всего на свете.

- Тогда я, значит, назойливое насекомое, - сказала я вызывающе ночной тишине. - Тогда я найду завтра конюшню, в которой стоит твоя ужасная лошадь.

Возможность была удобной, потому что после волейбола в раздевалке, я услышала, как Майке, Лола и чудо с большой грудью Надин договорились пойти в кино. Их, значит, не будет в конюшне. Никто на меня не будет смотреть, если я снова свалюсь от страха.

- Хорошо, - пробормотала я довольно.

Я просто вернусь к тому месту, где возле руин Колин подобрал меня, и продолжу идти по дороге дальше. Может быть, она приведёт в конюшню. Я сначала послушаю новости о погоде и проверю в интернете, будет ли дождь. И оденусь соответствующе.

Медленно освещение в моей комнате начало резать мне глаза. Я выключила все лампы, окунулась назад в темноту и свернулась в клубок на кровати. Это принесло облегчение. Теперь осталось закрыть глаза и покориться силе сна. Он был желанным, уютным гнёздышком для моих запутанных чувств, и поэтому я с нетерпением ждала того момента, когда мое сознание покинет реальность, и я наконец стану свободной.

Я очутилась в белой просторной местности. В низине примостился старый каменный дом, центр уединенного сельского двора с колодцем и убогими сараями. На горизонте возвышались скалистые холмы, а ледяной ветер склонял несколько голых деревьев на восток.

С пьянящей скоростью я приблизилась к дому и заглянула в одно из квадратных окон. Женщина с тёмно-рыжими волосами сидела спиной ко мне на табуретке и снова и снова проводила себе по груди.

Я протиснулась с помощью силы воли через закрытое окно и с любопытством наблюдала, как её материнское молоко стекало в медную чашу, образовывая голубоватую пену. Мне было не стыдно подглядывать за ней. Она ведь меня не видела. Но я видела её очень отчётливо, и если бы захотела, то так же и крупным планом.

Она не выглядела счастливой. Нет, её лицо было переполнено страхом, как и в ту ночь, когда она посмотрела наверх, на холодный чердак, где ребёнок лежал один и не спал в своей колыбели.

Теперь она встала, подошла к двери и открыла её. Я последовала за ней. С тихим всплеском молоко разлилось на влажную солому перед порогом. Покрытая грязью свинья подбежала, хрюкая, к нему. Её короткий пятачок затрясся, когда она понюхала просочившееся в землю молоко, чтобы, наконец, жадно слезать остаток.

О Боже - ребёнок! Ребёнка больше не было в живых. Молоко текло напрасно. Я позволила матери пойти назад в дом. Она оставила ребёнка замерзать там, наверху, беззащитного и одинокого. Но почему она выглядела испуганной? А не печальной или виноватой? Почему я не могла увидеть даже след не чистой совести в её светлых глазах?

Моё сердце почти разбилось при мысли, что ребёнок без тепла и близости, был брошен на произвол судьбы. Быстрое движение заставило меня посмотреть в сторону. Это был серый в белую полоску котёнок. Целеустремлённо он проскользнул через меня и направился к сараю. Быстро, как ветер, я последовала за ним. В сарае было темно, но я сразу же смогла распознать каждую деталь.

Не контролируемое чувство счастья наполнило меня, когда я увидела ребёнка, лежащего на соломе - небрежно завёрнутого в грязные тряпки, но живого и с ясными блестящими глазами-бусинками.

Прямо рядом с ним стоял лохматый толстый пони с колючей гривой и густыми клочьями волос на лодыжках. Тёмноволосая девочка, не старше десяти, прислонилась, сидя на коленях, к круглому телу лошади. Ритмично она доила напухшее вымя кобылы, которая терпеливо ждала и иногда успокаивающе фыркала.

Очарованно младенец смотрел на девочку и кобылу. Неохотно девочка взяла льняную тряпочку, окунула её в тёплое молоко кобылы и дала ребёнку сосать. Он пил большими глотками.

Его кулачки, которые в течение доения лежали неподвижно рядом с ушами, сомкнулись на руке девочки и стали делать там маленькие, нежные насосные движения. Но девочка освободилась от них, как будто бы она обожглась.

Снова и снова она окунала льняную тряпочку, пока молоко не кончилось. Ребёнок лежал молча. Не плакал, не жаловался. Только этот интенсивный тёмный взгляд, от которого девочка постоянно пыталась отвернуться.

Когда ребёнок насытился, девочка резко поднялась, одно мгновение напряжённо смотрела на маленький свёрток из лохмотьев у своих ног и выбежала в конечном итоге без единого слова из сарая. Кобыла повернула лениво голову и подула своим тёплым дыханием в лицо ребёнка, в то время как котёнок, мурлыча, прижался к завернутому телу.

Ребёнок вытянул руку и схватился за бархатную морду пони. Кобылка не шевелилась, позволяя малышу это делать. Он из любопытства нащупал длинные волосы, лежащие у неё на морде и влажные дырки её ноздрей.

Я хотела дотронуться до ребёнка только один раз. Всего лишь один раз. Но когда я протянула руку, то растворилась, и меня поглотила пустота. «Это не твой мир»,- послышалось у меня в голове. – «Не твоё время».

На короткое время я проснулась. На улице уже начало рассветать. Мысль о том, что ребёнок жил, даже если его не любили и отказались от него, смягчило моё сердце. Он ещё жил, поэтому всё было хорошо.

Утро подарило мне глубокий, спокойный сон.

Глава 14. Море слёз

Постепенно жара летнего дня спала. Мягко солнечный свет просвечивал через пышные зеленые верхушки деревьев.

Я остановилась. Это было здесь. Прямо здесь. Руина моста с тех пор так заросла, что я её с расстояния почти не заметила. Лениво и с почти насмешливым всплеском, тёк ручей рядом со мной. Мягкое дуновение ветерка играло с листьями деревьев, чьи низко висящие ветки задевали течение, что производило нежный шёпот.

Я обошла вокруг руины. Наверху, где кусок рельсы возвышался в небо, камни потемнели от удара молнии. И это было всё. Только дорожка выдавала, что здесь недавно бушевала буря. На некоторых особенно тенистых местах остались грязные лужи. В одной из этих луж жаба отложила яйца. Головастики были приговорены к смерти, если их никто не спасёт.

Но я не могла их вычерпать руками и отнести к ручью без того, что они по дороге выскользнут из рук и умрут.

Я потерла, зевая, лицо и села на покрытый мхом валун. Он казался мне кроватью с балдахином, которая как будто только и ждала меня. Уже всю дорогу сюда я боролось с потребностью где-нибудь свернуться клубком и вздремнуть, а яркий солнечный свет заставлял мои глаза без перерыва слезиться и чесаться. Я прижалась к валуну и закрыла их.

Свет просвечивал через мои веки зелёным цветом; мне всё ещё было слишком светло и жарко. Гнетущая духота давила на меня, как тонна. Мне нужно было почувствовать воду на моей коже. Прохладную, чистую воду.

Неохотно я снова открыла глаза. Как маленький ребёнок, я на четвереньках карабкалась по склону к ручью вниз, сняла обувь и опустила ноги в сверкающий поток. Лениво я смотрела на другую сторону берега. Были там отпечатки копыт? И разве я в действительности не искала именно их? Но почему?

Я опустилась на колени, засунула руки по локоть в ледяную воду и держала их там, пока почти не могла уже больше двигать пальцами. Холод сработал. Я всё ещё была уставшей, но снова более менее здравомыслящей. Колин. Конечно, это был Колин, чьи следы я искала. Как только я серьёзно могла посчитать хорошей идеей прислониться посреди леса в гнёздышко изо мха и задремать? Наверное, мне нужно ночью лучше спать, а не перебирать в голове мысли.

Ладно, мне нужно перейти на другую сторону. Разрушенная арка моста кончалась как раз на середине ручья. Другого моста не было видно. Спонтанно я засучила штаны, стиснула зубы, и стала переходить поток вброд.

Ручей был не глубоким, но в его русле скрывались камни с острыми краями, из-за которых я могла опасно оступиться. Как канатоходец, я расправила свои мокрые руки, чтобы не упасть. Невредимой, но с болящими от холода икрами ног, я добралась до другого берега.

- Есть! - торжествующе закричала я.

Это были следы от копыт. И к тому же огромные следы от копыт. Это могли, нет, это должны были быть, копыта Луиса. С рвением, хотя, как и до этого с тяжёлыми веками и свинцовой тяжестью в мускулах, я стала идти по следам - по мягкой земле леса, лугу, где трава и стебли достигали мне до пояса, по грязной тропинке.

Слишком поздно я поняла, что я в темноте никогда не смогу найти дорогу назад. Я постоянно смотрела в землю, а свет от солнца уже окрашивался в огненно-красный. Как пылающий шар, оно выглядывало из-за верхушек деревьев. Я посмотрел прямо на него и не смогла сопротивляться импульсу закрыть глаза.

И сразу мои мысли отнесло прочь, в успокаивающую прохладную черную пустоту.

- Нет, - вскрикнула я высохшей глоткой и открыла веки кончиками пальцев.

Моргая, я огляделась. Где я была? Мои глаза остановились на покрытой листьями впадине между двух деревьев. Как раз подходящий размер, чтобы туда примоститься. Полежать. Никаких больше усилий. Больше не думать.

- Нет, - вскрикнула я еще раз, но это было только шепот.

Я схватила пальцами корявый сук, висящий над дорожкой рядом со мной. Незначительная боль в моей ладони, которую я почувствовала от корявой коры, помогла мне на короткое время преодолеть подавляющую вялость.

Я бросилась бежать, и от усилия у меня текли слезы по щекам. Снова и снова я впивалась ногтями в мои предплечья, чтобы не заснуть, и каждый раз споткнувшись, не воспринимать это как приглашение, чтобы упасть и остаться лежать.

Это было так, как будто я врезалась в стену метром толщиной. Чем больше я старалась продвинуться вперёд, тем чаще она, прижавшись ко мне, опрокидывала меня. Я спрашивала себя, действительно ли я всё это переживаю или, может быть, я сплю и скоро попаду в кошмар, который кажется вечным по сравнению со всей моей жизнью до сих пор.

Я как раз хотела сдаться и, наконец, лечь на землю, как вокруг меня стало светлее. Я заставляла себя идти вперёд, потея и ругаясь и судорожно зевая, пока передо мной не появились мостик и развалившаяся конюшня.

Последние метры я ползла с повисшей головой через пыль и перебралась через гнилой порог конюшни в темноту, в первое пустое стоило и на лежанку из соломы. Мне не нужно было оглядываться, чтобы знать, что всё было в пустую. Колина здесь не было. Луиса здесь не было.

Разочарование забрало мои последние силы. Я притянула свои ноги к себе, обхватывала их руками и заснула.

- Я думал, ты хочешь познакомиться с Луисом.

Теперь он был настоящим. Голос. Чёрт, он был настоящим. Я попробовала сразу встать на ноги и выпрямиться, поправить волосы, стряхнуть солому со штанов и выглядеть так, как будто это самая естественная вещь в мире - провести послеобеденный сон в чужом стойле в чужой конюшне.

При изрядном затруднении координации я упала на четвереньки и как пьяная вдохнула стебелёк соломы. Я выдохнула и закашлялась, пока на моих глазах не появились слёзы.

- Или ты хочешь ещё немного поспать? - спросил Колин с непонятной улыбкой на губах.

Я уже находила унизительным то, что стою на четвереньках. Но ещё более унизительным было то, что за тобой при этом спокойно наблюдают. Бесстыдно он смотрел на слёзы, которыми я ещё раз подавилась. Мои щёки горели, и я не могла выговорить ни да, ни нет, или хотя бы привет.

Я не могла выбрать между радостью и желчью.

- Наверное, нет, - Колин пожал плечами и безразлично отвернулся.

- Да! - закричала я. - Конечно, я хотела познакомиться с Луисом. И я всё ещё этого хочу.

Проклятая ложь. Как будто я уже и так в прошедшие недели не перенесла достаточно приключений и невзгод.

- Мы на улице, на месте для прыжков, - только и сказал Колин и скрылся.

Я вытерла рваной салфеткой лицо и попробовала уговорить своё сердце биться в более здравом темпе. Бесполезно.

Так что я вышла на улицу с бешено стучащим сердцем. Уже был вечер. Последние лучи заходящего солнца светили слабо-золотистым веером с тёмно-зелёной вершины горы, которая возвышалась с задней стороны конюшни, как горб чудовища. Ещё немного и станет совсем темно.

Я посмотрела в сторону манежа и пожелала того, чтобы Колин меня даже не будил. Ворота были открыты настежь. Колин не сидел на Луисе верхом, а оставил его свободно бегать. Сам он стоял с плёткой в руках посередине и выглядел при этом привычно хорошо.

-О, - только и сказала я и попробовала, отползая назад, как краб, не привлекая внимания Луиса, исчезнуть.

- Нет, Эли, ты останешься, - гипнотический голос Колина заставил меня остановиться при попытке сбежать. - Иди сюда.

Луис обнюхивал, ни на кого не обращая внимания, одну из кошек, живущих на конюшне, которая лениво расположилась на одном из препятствий, и выпятил в мою сторону свой хорошо сформированный зад. Но я знала, что лошади не любят беспокойные движения, поэтому очень старалась идти медленно к Колину, хотя мне хотелось бежать.

- Хорошо, хорошо, - сказал он, когда я приблизилась к нему.

Я быстро взглянула ему в лицо и увидела, что его глаза опять были тёмными. Глубокий коричневый с исчезающим оттенком зелёного.

- Думай о лошади. Встань рядом со мной. Так, теперь мы заставим его немного побегать.

Переведя, это означает: Колин ударил коротко своей плёткой по земле, и Луис начал бежать с довольно большой скоростью по манежу. Он выглядел, как одна из этих лошадей из старых фильмов о Западе - мустанги, скачущие по пустыне, с поднятой головой, нос по ветру, грива развивается. Только Луис в моих глазах, во время его яростной формулы 1, был приблизительно в два раза больше, чем индийская лошадь.

Сам Колин вообще не двигался, но я чувствовала, что его мысли были действительно о его лошади. Может быть, это и был тот фактор защиты, который избавит от того, чтобы тебя не затоптали до смерти.

Сначала для меня было трудно делать так же, как Колин. Но, мало-помалу, я смогла сконцентрировать своё внимание.

- Не смотри ему в глаза. У тебя должен быть нежный взгляд. Не смотри в упор, - давал Колин мне указания. - Будь просто с ним, не докучая ему.

Нежный взгляд - как это? Инстинктивно я расслабила глаза, так что я всё видела только размыто, и воспринимала галоп Луиса как во сне, как в замедленной съёмке. Я слышала тройной удар копыт на писке, его могучее дыхание, вдыхала запах тепла его шкуры.

Это было прекрасно – да, это было даже самым прекрасным, что я когда-либо переживала. От эмоций у меня опять навернулись слёзы, но я смогла их подавить.

Теперь Луис опустил голову и перешёл на спортивную плавную рысь. Колин положил плётку на землю и ждал. Потребовалось какое-то время, пока Луис успокоился, рысь стала неторопливой и, в конце концов, он стал переставлять копыта в элегантном шаге. Потом он остановился, смотря подозрительно на нас, и тяжело и звучно дыша.

- Почему он не подходит к тебе? - спросила я Колина шёпотом, я не решалась говорить громко.

- Потому что ты здесь. Он не знает, можно ли тебе доверять.

Он не знал, можно ли мне доверять? Мне доверять? Это должно быть совсем наоборот. Однако я хорошо помнила, как он встал на дыбы, когда Колин меня спас в шторм. Луису это не понравилось

- Попробуй подойти к нему, - потребовал Колин. - Но не смотри ему в глаза.

Колин молча ждал, пока я нашла в себе мужество начать двигаться в сторону Луиса. Шаг за шагом расстояние между жеребцом и мной уменьшалось. Луис оставался стоять, но он был не спокоен. Дрожь проходила по его шкуре. Я вдохнула глубоко, набрав воздуха, и надеялась, он сделает так же. Я была ещё так пленена его красотой, что мой страх скрывался где-то внутри.

Теперь я стояла перед ним. Мне казалось, что я могла слышать, как течет кровь через его могучее тело. Он повернул свою голову ко мне, так что я видела красное в его ноздрях. Но его уши были повёрнуты в сторону Колина, а его хвост нервно хлестал.

- Я тебе ничего не сделаю, - пробормотала я и вытянула невольно руку, чтобы осторожно прикоснуться к его шее.

- Нет, - услышала я, как закричал Колин, но было уже поздно.

Луис вскинул, фыркая, передние ноги в воздух, быстро развернулся на задних ногах и помчался с распущенным хвостом вдоль забора. В течение нескольких секунд Колин успокоил его только своим голосом и заставил остановиться. Луис мотал головой туда-сюда.

- Я… я ведь хотела его только погладить. Ничего другого, - пискнула я. Я дрожала всем телом.

- Я не говорил тебе дотрагиваться до него. А только, чтобы ты к нему приблизилась, - сказал Колин и добавил менее сурово: Это твоя кожа. Он к ней не привык

- Моя кожа – это, конечно, сильно много для него, - возразила я тихо, так, чтобы Колин не мог этого услышать.

Но прежде всего я была рада, что со мной ничего не случилось. Подавленно я последовала за обоими на безопасном расстоянии в проход конюшни. Я присела на тюк соломы и смущённо наблюдала за Колином, как он чистил копыта Луиса - даже при этом весьма не благоприятном занятии он выглядел гордым и элегантным, обтёр его шкуру и одним движением послал его в стойло.

- Пошли, - сказал он, не смотря на меня.

- Я? - спросила я жалобным голосом.

Немного раздражённо он обернулся.

- Да, ты. Ну, давай.

Бок о бок мы стояли возле стойла спиной к лошади и молчали. Луис громко фыркнул, и капельки слюны покрыли мой затылок.

- Он тебя обнюхивает, - объяснил Колин равнодушно, как будто мы говорили о погоде. - Представь, будто его здесь нет.

Задача не из лёгких - с таким гигантом, с копытами размером с тарелку, подумала я. Ещё раз горячее дыхание Луиса достигло моего затылка. Сразу я подумала о сне, о Колине, который был ко мне так близко, моё лицо у него на груди, его дыхание у меня на шее, и снова моё лицо покраснело.

- Ты чувствуешь себя уже лучше? - спросил Колин небрежно. Он, значит, вспомнил мой обморок возле бассейна. Это чертовски не реальное утро.

- Я забыла поесть.

- Мне это знакомо, - сказал Колин со смехом, но не понятная для меня горечь появилась в его голосе.

- Я забыла твою куртку дома, - соврала я. На самом деле я не хотела расставаться с ней. Хотя она была бы прекрасным предлогом придти сюда.

- Ничего страшного.

Колин усмехнулся. Подозревает ли он, что я говорю неправду? Но он уже снова стал серьёзным.

- Людей, которые упали в обморок, нельзя приводить в чувство. Обморок действует благотворно. Маленькая живительная смерть.

Волосы у меня на затылке встали дыбом. Маленькая смерть? Что было бы, если бы я действительно умерла возле бассейна - просто так? Если бы его не было рядом, и мой затылок ударился бы о железный край перил?

- Я сказал живительная смерть, - настоятельно оборвал Колин мои драматические мысли.

Ещё раз Луис подул мне в затылок, в этот раз нежнее и менее вспыльчиво. Я вздрогнула. Последняя заблудившаяся слеза выпала одновременно с ушедшим напряжением и медленно текла по моей щеке. Я поздно её заметила, чтобы успеть отвернуться.

И, конечно, Колин увидел её. Снова он не мог отвести от неё взгляд. Он тихо застонал.

- Пожалуйста не надо, - прошептал он и отвернулся.

Его ногти царапнули по тёмному дереву двери стойла. Теперь и он. Как я только могла подумать, что они мне снова всё не испортят? Так было всегда. Слёзы были лучшим средством, чтобы разогнать мужчин.

Я бы сама себе дала под зад за это. Я была такой смелой, подошла к Луису, и всего одна слеза всё испортила. Сердито я вытерла её тыльной стороной руки.

- Уже поздно, - о, Колин снова прогоняет меня.

- В данный момент мне это до лампочки, - ответила я вызывающе.

Колин опустил голову, и тёмные пряди упали на его совершенный лоб.

- Иди домой. Я прошу тебя, иди, - сказал он так серьёзно, что я посмотрела на него, хотя в уголке глаза появилась ещё одна слеза. Его левая рука поднялась, но он схватился за неё своей правой рукой и удержал.

- Колин что ...

У меня на несколько секунд потемнело в глазах. Я сделала глубокий вдох, и поле моего зрения снова очистилось. Колин лениво прислонился к столу, как будто бы ничего не случилось. Он смотрел на меня со стороны - взгляд, который не терпит противоречия. И всё-таки такой грустный.

- Если пойдёшь по дороге, покрытой гравием, за манежем, через полчаса дойдёшь.

Я снова хотела сказать ему, что он мне не отец, и поэтому пусть не ведёт себя так. Почему он думает, что может послать меня домой? Но горечь в его голосе, казалось, относиться не только ко мне. На один момент я подумала, она относиться к нему самому.

- Я уже упоминала о том, что ненавижу приказы? - спросила я нерешительно. Он вздохнул, взял меня за плечи и развернул. Его хватка была нежной.

- Доверься мне, Эли. Мне ещё нужно загнать Луиса в трейлер. Мы отсюда уезжаем.

- Почему я должна тебе ...? - я не стала говорить дальше, потому что когда я обернулась, Колина уже не было. Ну, хорошо, бесследное исчезновение было ему присуще. Луис разгрыз, хрустя, морковку. Он выглядел довольным, но он и я одни в конюшне, даже с перегородкой между нами - это было не для меня.

Разочарованно я вышла на улицу и поплелась по дороге, покрытой гравием. Значит, всё кончилось. Назойливое насекомое, значит, вновь прогнали. На минуту я подумала, что не смогу больше никогда улыбаться. Моё лицо, казалось, сделано из гипса, холодное и твёрдое. И всё-таки на мои щёки постоянно капали горячие слёзы.

Что со мной случилось? Я уже достигала настоящих рекордов, не плача. И сама себя щедро за это награждала. Один месяц не плакала – компакт-диск. Два месяца не плакала - новые джинсы. Три месяца не плакала - две новые книги, компакт диск и посещение сауны с расслабляющим массажем.

Но теперь шлюзы снова открылись. Я ненавидела это. Мои слёзы прогнали Колина. Иначе, зачем ему посылать меня домой? И вс-таки это прозвучало так, как будто для него это было не так просто. Или как будто он сделал это с триумфом, потому что не было выбора. Он что, ожидал другую девушку в конюшне, с которой я не должна была встретиться?

Но зачем он меня тогда вообще разбудил? Он мог бы меня оставить лежать. Кто знает, когда я проснулась бы сама. Может быть, это была одна из этих глупых игр, в которую играли ребята с девушками. В кошки-мышки. Я не хотела играть ни одну из этих ролей. Я не играла даже в игру "менш эргере дих нихт"*.

(прим.переводчика:* немецкая настольная игра)

Я шагала одна через тихую, тёмную местность, окружённая непроходимым лесом и шелестящими ручьями, и хотела слиться с ночью - как животные, которые незамечено крались сквозь заросли рядом со мной, и были на своём месте, а не чужая, как я.

Которые могли ориентироваться в темноте, чувствовали каждого врага и могли быстрее двигаться, чем мы люди могли мечтать, со своими двумя кривыми ногами.

Дома я сразу пошла спать.

Когда я закрыла глаза, я снова оказалась у старой конюшни. Но в этот раз я смотрела не на Луиса. Я смотрела на Колина, как он неподвижно стоял в серо-голубых сумерках, а летучие мыши кружились вокруг его головы чудными спиралями.

Громкое стрекотание поднималось из высокой травы, что разрослась возле забора, и наполняла вечернею тишину тоскливыми звуками. Теперь светящийся голубым мотылек отделился от своего роя и опустился на затылок Колина. Колин только улыбнулся.

Но я плакала. Я плакала, и слёзы стекали тёмными солёными ручейками с моего тела, проходили через песок, сливались в потоки и в конце концов образовывали тёмно- синее, бесконечно глубокое солёное море. Я тонула.

- Колин, я тону, - попробовала я закричать.

Луис пронзительно заржал. Но Колин ничего не сделал. Он меня не слышал. Он на меня не смотрел. Безмолвно он парил над солёным морем, которое угрожало всё поглотить. И меня в том числе. Я была так опечалена.

Птица на краю леса вытащила меня с пронзительным, но почти ласковым криком из моих сновидений. И глубокий сон, с нежной силой, похитил меня в далекую, утешительную страну.

Глава 15. Ночной танец теней

Я смущенно посмотрела в зеркало. Затем на мои ладони, на которых четко выделялись две маленькие круглые контактные линзы, потом посмотрела в окно на улицу.

Я могла видеть. Без помощи. Крутая крыша гаража резко выделялась на бирюзовом небе. Я могла даже увидеть мох на черепице, темные крапинки на штукатурке.

Впервые за много дней уголки моего рта сами по себе поползли вверх, и это была не натянутая улыбка. Я улыбнулась себе, этому существу в зеркале, больше не такому бледному, но ненакрашенному и непричесанному. Я радостно положила обратно контактные линзы в контейнер. Мне они больше не нужны. По крайней мере, не сегодня.

Что бы ни случилось с моими глазами, мне это нравилось. Ладно, вершины деревьев на горизонте всё ещё расплывались. А там дальше, на пастбище, на краю деревни, я только могла предположить, что это были коровы. Но по сравнению со всеми годами до этого, моё зрение стало сенсационным. Оно стало в прямом смысле слова просветом после небогатой событиями отупляющей недели.

Да, это снова была суббота. Впереди предстояли два дня, и я не знала, чем мне заняться. Птичий утренний концерт разбудил меня слишком рано, и я встретила рассвет, перебирая в голове аргументы, которые говорили «за» или «против» дискотеки в стиле 80-х сегодня вечером. Я старалась по возможности найти много минусов, но у меня было подозрение, что я всё равно бы туда пошла. В противном случае, мне нечем было заняться.

Колин меня выгнал. Ещё раз я не хотела с этим мириться. В этом решении нечего было менять. Пусть приглашает других девушек, а потом выгоняет их. Я больше не желала быть назойливым насекомым.

Несмотря на моё разочарование, я спрыгивала с лестницы гораздо оживлённее, чем в последние дни. Мама и папа завтракали, в виде исключения, вместе - папа был хорошо выспавшимся и отдохнувшим, мама же была скорее мертвой, чем живой.

- Контактные линзы мне больше не нужны, - объявила я в эйфории.

Папа посмотрел на меня, сомневаясь, поверх своей газеты - немного долго и внимательно. Что ему не нравилось?

- Честно, я снова могу видеть намного лучше.

Мне кажется, что в течение всей жизни я не могла видеть так хорошо. Моя близорукость привела к драме. Её обнаружили только в начальной школе. Многие месяцы никто не понимал, что я плохо вижу, до того момента, когда школьный врач не поймал меня и не провёл со мной несколько тестов. Проверку слуха я прошла с блеском. Я слышала даже то, что не должна была слышать вообще.

При тесте на зрение мои результаты были катастрофическими. Я была не только близорукой, но у меня было так же полномасштабное искривление оси в обоих глазах. Это объясняло, почему при игре в вышибалы я никогда не могла поймать мяч, а на школьных экскурсиях часто врезалась в уличные фонари и витрины. Таким образом, я обзавелась уродливыми очками, а с четырнадцати лет, наконец, получила долгожданные контактные линзы. Дорогостоящее удовольствие, потому что я теряла их в самых неожиданных ситуациях.

Папе не нужно так критически на меня смотреть. Природа одарила его глазами как у орла. Он уже приближался к пятидесяти годам, но не нуждался даже в очках для чтения. Я считала, что он должен радоваться за меня.

- Кто привёз тебя в последнюю пятницу уже во второй раз домой, Элиза? - вдруг спросил папа, подчёркнуто вскользь.

Я бросила на маму строгий взгляд, но она сделала вид, что не заметила его. Папы оба раза не было дома, когда Колин привозил меня домой, так что это она увидела его машину и, конечно же, рассказала об этом отцу.

И сам факт, что свой вопрос он не задавал целую неделю, размышляя над ним, говорил о том, что папа действительно беспокоится.

- Гм, это был снова этот парень ... э-э ... молодой человек из клуба каратэ, знакомый Бенни, - попыталась я сымитировать папину небрежность.

Слово парень подходило к Колину так же, как банановое мороженое к жареной форели.

Папа зашелестел газетой. Я почти слышала, как он перебирал в голове мысли. Но до сих пор у него никогда не было причины не доверять мне. Я вела себя перед Джени и Николь дико и невоспитанно, но это было почти всегда только шоу. Моим родителям было грех жаловаться. Тем не менее, папа опустил газету и внимательно посмотрел на меня. Казалось, его действительно что-то беспокоит.

- Молодой человек, у которого такая дорогая машина? Сколько ему лет?

Ого. Мама снабдила его всеми подробностям. Я бросила на нее ещё один неодобрительный взгляд, который она старательно проигнорировала.

- Двадцать, - сказала я и удивилась, что мне это показалось ложью.

Но ему было двадцать. Он сам мне об этом сказал. Папа издал неопределенный звук. Значит, разговор еще не подошел к концу. Я выловила пару изюминок из мюсли и разложила их на моём блюдце.

Если он спросит, происходило ли что-нибудь между нами, я могла с чистой совестью сказать "Нет". В конце концов, он, как всегда, снова поспешно от меня избавился.

- Я хочу его поприветствовать, когда он в следующий раз привезёт тебя домой, - сказал папа с непроницаемым выражением лица.

Он что, серьёзно? Я посмотрела на него испытывающе, а он не менее испытывающе посмотрел на меня в ответ.

- Я только хочу знать, кто на такой тачке развозит тебя по улицам. И это всё, Элиза. Здесь, хоть и редко, но происходят аварии. И если всё-таки что-то случается, тогда это почти всегда кончается фатально. И больше всего жертв среди подростков.

Ладно. Он волновался. И хотя во время ночных поездок с Колином я чувствовала себя странно, я никогда не волновалась по поводу своего благополучия. Он ездил спокойно, надёжно и не отвлекаясь - так, как будто он уже водил автомобиль через лес бесчисленное количество лет.

- Без проблем, - согласилась я, и папа довольно улыбнулся. – Но, скорее всего, этого не случиться. Он меня терпеть не может.

Теперь папина улыбка превратилась в ухмылку. Он мне не верил. Папа всегда придерживался мнения, что я должна быть самой красивой девочкой в округе. Мое мнение его не интересовало. По всей видимости, он так же не мог подумать, что есть молодые люди, которые плохо ко мне относятся.

Он встал, поцеловал меня в лоб и удалился к себе в кабинет. Мама чуть позже исчезла в комнате для шитья, а я должна была одна мучиться над вопросом, пойду ли я на вечеринку в стиле 80-х, на эту деревенскую дискотеку, или нет. Майке будет там, это было ясно. И она надеялась на меня. Так же Бенни, который действительно позаботился о том, чтобы мусорные бочки закрылись и, по словам Майке, организовал эту вечеринку.

Но Майке сказала, что Бенни помогает везде и всем. В клубе по стрельбе (клуб по стрельбе!?), в футбольном клубе, в театральном кружке, он также доброволец в пожарной охране. И, кроме того, он время от времени подрабатывает за прилавком. Он занимается всем, чем можно заниматься в деревне.

Моя проблема была в том, что я не знала, что надеть на эту вечеринку. Когда мы выходили с Джени и Николь в Кёльне, таких вопросов не нужно было задавать - это было само собой разумеющееся, что мы, минимум два часа до непосредственного выхода в ночные клубы встречались у одной из нас для коллективного подбора стиля.

Это было скучно, но необходимо, потому что в нашем любимом клубе был строгий вышибала. Кто не был модно одет - того не впускали, а мы следили за модой. Мы не хотели выслушивать его ужасное изречение "Это не пойдёт". Я ещё точно помнила, что на мне было надето в наш последний визит ночного клуба: мини-юбка, леггинсы, мои полусапожки на каблуках и одна из этих слишком разноцветных, с вырезом "я такая сексуальная" рубашка; к этому побольше туши и блеска для губ.

Это помогало. Хотя у меня весь вечер адски замерзал зад, а возле лодыжек был морозный сквозняк, но зато я была своя.

Но здесь? На деревенской дискотеке? На вечеринке в стиле 80-х? В любом случае, я не хотела быть посмешищем или нанести своей репутации ещё больше вреда. Озадаченно я стояла перед своим шкафом, перебирая все полочки, разбрасывая по полу несколько куч одежды поделённой на: возможно, неприметно и слишком модно, и моё настроение становилось всё хуже.

Ситуация поразительно напоминала один из моих повторяющихся кошмаров, в которых время заканчивалось, а я никак не могла найти ничего подходящего, чтобы надеть. То же самое было и теперь.

Раздражённо я захлопнула дверцы шкафа и пнула одну из куч одежды. Пожалуй, подумала я, я попытаюсь. Автобус отвезёт меня туда, а если мне не понравится, то я притворюсь, будто у меня болит голова, поймаю такси, и поеду домой.

Это пару раз сработало с Николь и Джени, когда мне надоедали шум и толпа людей. И никто не сможет утверждать, что я отделяюсь от других и считаю себя лучше них.

И сразу у меня появилась видение: плотно прилегающая чёрная футболка, мои цвета хаки кеды, и удобные, но подчёркивающие фигуру джинсы, из-за которых мне пришлось раскошелиться и заплатить 120 евро. Ко всему этому коричневый пояс с серебряной пряжкой - готово. Джинсы и футболки, в конце концов, уже существовали в 80-х.

Майке будет рада моему присутствию, а Бенни рассмотрит это, как попытку интеграции. Теперь стало как-то легче на сердце. Я поплелась в ванную и полчаса на мою голову лилась теплая вода. Первое полевое испытание на дикой природе может начинаться: Елизавета Штурм смешивается с толпой.

Майке завизжала от радости, когда она увидела меня, выходящей из автобуса. Я тоже радовалась. Это было хорошим ощущением, что тебя встречают. Майке оделась, верная стилю 80-х. Она втиснула свою квадратную задницу в голубую мини-юбку и прикрыла свои подтянутые икры преднамеренно порванными нейлоновыми колготками.

Яркая неоновая резинка держала её начёсанные светлые волосы. Выглядело так, как будто она последовала примеру Мадонны. Я проглотила свою улыбку.

- Где дискотека? - спросила я и огляделась в поисках.

- Вон же, - озадаченно ответила Майке и показала на неприметное, покрашенное в белый цвет здание. - В подвале.

Она схватила мою руку и потащила через дорогу, до того как я смогла передумать. Было около десяти часов. Последний свет дня исчез в мягких серо-зеленых сумерках, и стая ласточек пролетела, крича, над нашими головами. Теперь я могла слышать грохочущие басы, и запах никотина дошёл до моего носа.

Около кассы нас ожидал лысый, с ковбойской шляпой на затылке и трехдневной щетиной. Мы заплатили только 2 Евро и нас пропустили внутрь. Никакой проверки документов и даже ни одного усталого взгляда на нашу одежду. Так просто иногда тоже бывает.

Я пыталась не показывать своего удивления, когда мы пришли на "Дискотеку". Значит, мне нужно будет освоиться с другим измерением. И я была рада, что Николь и Дженни были далеко-далеко. Они бы тут же попятились обратно.

Заведение состояло из двух комнат, первая из которых была не больше моей спальни под крышей. Вдоль стены тянулся длинный, уютный бар, за которым, к моему сильному удивлению, сидел Тильман и ждал, когда Бенни, который нацепил на себя ужасную розовую бархатную повязку, обмотанную вокруг его поставленных вверх волос, нацедит ему пшеничного пива.

Тильман в знак приветствия поднял одну свою тёмную бровь вверх – показывая этим, что он меня заметил. Я попробовала подобно ему минималистически поприветствовать в ответ. К моему облегчению, он тоже не оделся в стиле 80-х, а был, как и я, удовлетворен джинсами и футболкой.

Вторая комната должна была, по всей видимости, представлять танцевальную площадку. Одинокий заброшенный дискотечный шар крутился вокруг себя, и пара немотивированных вспышек света сверкали на сером полу. Ди-джей, видимо, подбирал ещё компактные диски, а тем временем включил пока радио.

Майке проигнорировала мой задумчивый взгляд и подтолкнула меня к бару. Лицо Бенни засветилось, как солнце.

- Эй, Майке, Эли, рад, что вы здесь! - крикнул он покровительственно, и не успела я оглянуться, как уже держала в руке бутылку пива. И ее нужно было держать крепко, чтобы она не выпала у меня из руки, когда мы стали чокаться, выпивая за здоровье.

Так что теперь у меня снова появилась старая проблема: как сделать так, чтобы пиво исчезло? Горшков с цветами здесь не было, только две искусственные пальмы, которые дрожали в такт басов. Лукаво Майке посмотрела на меня со стороны, как будто ожидала немедленного доказательства моей способности много пить, оставаясь трезвой. Да еще и Бенни посмотрел на меня ободряюще.

Хорошо, значит нужно сделать это. Смело я подняла бутылку ко рту и сделала глоток горького пойла. Я очень старалась, чтобы мои уголки губ не опустились вниз, а поднялись наверх, и я одобрительно кивнула. Бенни засветился от счастья.

Майке захихикала. Но Майке точно видела, что глоток, который я сделала, не мог напоить и пташку. Она требовательно ударила меня локтем в бок, и я смело сделала ещё один глоток. Алкоголь, как всегда, подействовал сразу. Мои мысли расплылись, а мои кости превратились в вязкую резину.

Теперь мне уже было сложно следить за замечаниями Майке, кто в каком клубе принимал участие, знал её отца, а так же ходил в нашу школу, у кого были дети или кто хотел их иметь или каждый год на рождество наряжался дед морозом. Женщина с косичками, с сильно разлетающимися рукавами, как у летучей мыши, и в фиолетовый горошек леггинсами, присоединилась к нам, и Майке втянула её в очень захватывающую беседу о летнем празднике в этом году, который будет организовывать стрелковый клуб.

- Ой, - сказала я и сделала так, будто бутылка случайно выскользнула у меня из руки. Она разбилась на полу, а её содержимое разлилось, шипя, на грязный цемент. - Мне очень жаль, я не хотела этого, извини! – поспешила извиниться я.

- Все нормально, - просто сказал Бенни, собрал разбитое стекло с пола и сунул мне в руку новую бутылку пива. Это всё произошло так быстро, что я не успела ни отказаться, ни сбежать. Тильман широко улыбнулся.

Я отдалась своей судьбе, сделала третий мышиный глоток и понадеялась, что все выветриться. Я сделала вид, будто у меня отличное настроение. Когда Майке и женщина с косичками смеялась, я смеялась тоже, не зная, о чём идёт речь.

Ди-джей тоже не способствовал тому, чтобы я расслабилась. Он, по-видимому, придерживался мнения, что каждую вторую песню должен оповестить парой клёвых изречений, так, что с трудом поднимающееся праздничное настроение он снова и снова сам же и портил. Даже Майке не находила смешным его объявления, а меня они сводили с ума.

Мои чувства вышли на тропу войны. Я разучилась так быстро ... При моём первом посещении клуба полтора года назад я вначале думала, что не выдержу и десяти минут в этом шуме, вони и водовороте людей. Я не знала, куда мне смотреть - столько много лиц, болтающих ртов, к этому басы, которые отдавались у меня в желудке и вибрировали в перепонках. Тысяча запахов: духов, пота, пива, сигарет, размазанной по полу жевательной резинки, мокрых осколков, нагретых прожекторов и непроветренных комнат.

Но когда я преодолела первую волну паники и сказала себе, что могу уйти в любое время, становилось более менее терпимо. То же самое мне нужно сделать и сегодня. Я осмотрелась. Несколько лиц я узнала, они встречались мне в школе. Но большинство мне были совершенно не знакомы.

Тильман очевидно предпочитал размышлять в одиночестве о страданиях в мире, и от него исходил непреодолимый "не трогай меня" настрой. Я даже не предприняла попытки заговорить с ним. Но было хорошо знать, что я не единственная здесь, чьи челюсти угрожали зацепиться друг за друга. Я как раз более менее комфортно устроилась на моей барной табуретке и тайно вылила половину моего пива на пол, когда Майке и женщина с косичками замолчали, и я автоматически подняла взгляд. Моё спокойствие и комфорт тут же улетучились.

Там был Колин. О, чёрт возьми. И, конечно, он смотрел сквозь меня, как будто мы никогда не седели бок о бок в темноте перед его домом и не говорили о его лошадях. Нет, он проигнорировал меня. Зато все другие уставились на него, и, к моему неудовольствию, я тоже не могла оторвать от него взгляд.

На нём были узкие чёрные брюки с изношенным кожаным ремнём, белая небрежная рубашка, которая была слишком сильно расстегнута, а на шею был намотан чёрный, тонкий шарф. Его бесчисленное количество серёжек вспыхивали от света прожекторов.

Широкий кожаный браслет на его левом запястье резко выделялся на его светлой коже, а из-под длинных брюк выглядывали испорченные сапоги - сказочное сочетание пирата, панка и конюха. Его волосы бросали вызов законам гравитации, так же упорно, как и мои. Дерзко несколько прядей падали на брови, щекотали кончик носа и образовывали на затылке шелковистое гнездо, которое мои руки в ту же секунду захотели распутать.

Уже через несколько секунд Майке и женщина с косичками, хмурясь, отвернулись от Колина, чтобы с поджатыми ртами пошушукаться, но я, как гипнотизированная, прилипла к табуретке и не могла оторвать от него глаз. Тщеславный, решила я. Этот тип бесконечно тщеславный. Но я знала, что это было неправдой.

Может, всё-таки и был, но не так, как это выглядело. Ремень, ботинки и рубашка не были продуктом дизайнера - они были старые. И они подходили к нему идеально. Колин превосходил всех на этой дискотеки.

Он кивнул нескольким людям, которые сдержанно поприветствовали в ответ, и перешел потом на другую сторону к танцевальной площадке. Там я могла различить его неясно, лишь как элегантный, высокий и в значительной степени неподвижный силуэт. Силуэт, который оставался один. Ни один человек не приближался к нему. Может быть, мне это сделать? Нет, Эли, даже не думай об этом, упрекнула я сама себя.

Он получил по заслугам, что остался один. Другого он не заслужил. Я сама себе не верила, но оставалась в этом отношении сильной. После двух часов утомительных разговоров о клубе и различных попыток избавиться от пива, мой зад замлел, а моё терпение кончилось.

Или сейчас что-то произойдёт или я вызову себе такси и поеду домой. Я чувствовала себя захмелевшей и в то же время беспокойной. И я была зла на Колина. Как он только мог притворяться, что не знает меня?!

Ди-джей, видимо, уже достаточно напился, чтобы пренебрегать словесным развлечением.

- Вы должны, наконец, начать танцевать. Давайте, танцуйте, - потребовал он от нас заплетающимся языком.

Никто не отреагировал.

- Хорошо, раз так, тогда я поставлю пару современных вещей. К примеру "Депе?ш мод". В конце концов, они существовали уже в 80е, - в его голосе звучало отчание.

Потом он коротко закашлял в микрофон, выключил его и хмуро повернулся к своему экрану.

"Депе?ш мод" - я люблю "Депе?ш мод", даже если Николь и Дженни всегда называли их группой для стариков. Может быть, мне ещё немного подождать? Исполнит ли ди-джей свое обещание?

Колин, несчастный ублюдок, так и не выбрался с этой адской танцплощадки, а в это время всё больше гостей, даже Тильман, переходили в другую комнату и закрывали мне вид на его силуэт. Но Майке, казалось, чувствовала себя возле бара с Бенни чрезвычайно комфортно и собиралась уже уничтожить своё четвёртое пиво.

Я решила, тихо вздыхая, отступить. И как раз собиралась повернуться к Бенни и Майке, чтобы попрощаться, как в мои уши проникли знакомые звуки. Разве это не… ? О, это действительно "Депе?ш мод". С "Wrong". "По ошибке." Это подходило. Я оказалась здесь по ошибке, не в то время, не в той одежде, не в том теле. Не в том мире. Если и существовала песня, которая подходила к моей жизни и могла спасти этот вечер, так это была она.

Оставаться неподвижной стало пыткой. Я заглянула за угол. Хорошо, я буду не единственной, кто танцует. И я соскользнула с табуретки и пошла к танцевальной площадке. Мои ноги были устойчивы на плоских подошвах моих кед, и мои руки и ноги начали двигаться в такт классного ритма, в то время как моя душа стала парить при звуке холодного, и в то же время меланхолического голоса Дейва Гаана.

Музыка будоражила меня. Я закрыла глаза, пока не стала воспринимать лишь мерцающий свет под моими веками. Мне было все равно, как я выглядела, смеется ли кто-нибудь надо мной или нет. Я вытеснила всех из своего сознания.

Песня очень быстро кончилась. Слепо я отошла от танцевальной площадки и облокотилась на стену, прежде чем медленно открыть глаза. Я больше не была одна. В то время как звуки баса и мое сердце бились в унисон, меня неудержимо потянуло в мерцающее черные глаза Колина. Притяжение его пылающего взгляда было настолько сильным, что я не могла этому сопротивляться.

Он стоял на расстоянии нескольких метров, возле противоположной стены, и в то же время он был так близко от меня, что мне казалось, что я могу ему что-нибудь шепнуть, могу смахнуть его темные пряди волос с его лица всего лишь одним легким движением. Ироническая улыбка играла в уголках его губ, а его угольные глаза дерзко рассматривали меня.

Ди-джей сражался со своим микшерным пультом. Пару раз затрещало, и я услышала, как он ругается, хотя он и выключил микрофон. Потом он, зло фыркая, сдался, сделал большой глоток пива и расплывающимся взглядом уставился на танцплощадку. Музыка, которая сейчас играла, была холодная и техническая, но, тем не менее, своеобразно тоскливая. Я ее не знала, но она была так знакома, что я могла бы подпевать.

Я почти захотела снова танцевать, но для этого мне нужно было оторваться от взгляда Колина. А этого я не хотела. Хотя я все еще была зла на него, я смотрела вызывающе в его глаза. Внезапно дикие картины заполнили мою голову, короткие записи, как в трейлерах. Картины из жизни, которую я никогда не вела.

Я увидела серые шахты метро, в которых танцевали люди, молодые мужчины и женщины, с высоко уложенными прическами, со слишком большими куртками, с бледными лицами и острыми концами сапог.

Я смотрела в глаза девушке с похожими на перья чёрными волосами и хотела поцеловать её в её мягкие губы. Я смотрела на свои руки и ноги, как они играли на ударном инструменте, в то время как искусственный туман щекотал мой нос, и всё это наполняло меня глубоким удовлетворением. Я была счастлива. Счастливая и не принуждённая. Сбитая с толку, я дотронулась до глаз, но они были открыты. Что со мной произошло?

Я снова посмотрела на Колина. Тоскливое выражение появилось на его лице, как будто песни вызвали воспоминания. Но этого не могло быть. Ему было двадцать, так что он родился в 1989, подсчитала я быстро. И тогда это волна уже прошла - это я знала в этот момент. Не знаю откуда. Я просто это знала.

Так же как сразу же я узнала песню, которую микшерный пульт выбрал в своём неистовстве. Я увидела обложку пластинки перед собой. "Being Boiled" от Лиги людей. Эту обложку я никогда не держала в руках, и всё же я видела её так ясно, что могла бы её нарисовать.

Колин слушал, запрокинув голову и закрыв глаза. Его длинные ресницы бросали тени на бледные щёки. Потом и он оторвался от стены. Я ещё никогда не видела, чтобы мужчина так, танцевал как он. Я не могла сказать, когда его ноги, если они вообще это делали, касались пола.

От него исходила подсознательное напряжение, из-за которого всё моё тело наэлектризовалось, а оставшиеся танцоры автоматически от него отступили. Время от времени дискотечные огни отключались, разбрасывая поток искр, поэтому ультрафиолетовый свет из-за темноты отсвечивал на рубашке Колина призрачно-голубоватым – и, как ни странно, так же блестело и из-под его полузакрытых век.

Лица других людей искривились в гримасе, их глаза сузились, и в них была видна подлость. Я видела, как они украдкой начали пренебрежительно шептаться. Зависть и ревность витали, пропитанные ядом, в душном задымленном воздухе. Даже Майке бросала гневные взгляды в его сторону. Только Тильман смотрел на Колина спокойно и очень внимательно.

Все другие Колину были безразличны, так же, как и мне. Он танцевал небрежно, клёво, и да, я должна была это признать - он выглядел так, что, как правило, называли сексуально. Он точно знал, что он делает. И всё-таки казалось, он никого не замечает вокруг. Он погрузился во что-то, чего я не понимала, что от меня оставалось скрытым. Он от всех отдалился. Он был где-то в другом месте - очень, очень далеком.

Вернись Колин, подумала я инстинктивно, не уходи. Останься со мной. Музыка закончилась. Ди-джей хотел поставить следующею песню, но вдруг раздался громкий взрыв, из колонок вырвалось звучное блобб, и все огни погасли, в том числе и ультрафиолетовый. Стало очень темно.

Я была зажата среди незнакомых людей, а если сейчас прогорит один из кабелей, и начнётся пожар, никого не будет интересовать моё спасение. Они меня раздавят. И сразу во мне поднялась паника. Я боялось, что не смогу больше дышать.

- Пойдём, выйдем, - услышала я голос Колина прямо возле своего уха.

С тревогой я попыталась нащупать его рядом со мной, но здесь никого не было.

- Пойдём, следуй за мной.

Где он был? Кто-то врезался в моё плечо. Я унюхала едкий мужской пот, и почувствовала потную ладонь на своей руке. От отвращения я вздрогнула. Это был не Колин.

Я пошла вперёд, не зная, куда идти. Как я могла следовать за ним, если я его не видела? Толпа вокруг меня шутила, но я могла различить голый страх между обеспокоенными шутками. Люди испугались. И, скорее всего, они боялись и до отключения света, сами не зная об этом. Это было связано с Колином, Если их было слишком много, то может начаться хаос. Массовая паника.

Поэтому я просто поспешила. Я полностью потеряла ориентировку, но мои ноги несли меня через толпу, как будто притягивались магнитом. Ни разу я не врезалась в стену или в другого человека, до тех пор пока я шла и не останавливалась. Потом я нажала всем телом на дверь и прохладный, сладкий, ночной воздух заполнил мои лёгкие. Я была свободна. И я снова могла видеть.

На стоянке Колин прислонился к своей машине, как будто бы ждал меня. Автоматически я зашагала в его сторону, не зная на самом деле, что ему сказать. В конце концов, мы не перебросились сегодня ни одним словом. Во всяком случае, не так, как это делают другие люди. И, кроме того, я всё ещё сердилась.

В здании дискотеки снова включили свет. Люди загудели и захлопали в ладоши, пока грохот басов их не заглушил. Некоторое время мы молча стояли друг перед другом.

- Это выглядело красиво, то, как ты танцевала, - тихо сказал, наконец, Колин.

Комплимент - он сделал мне комплимент? Или он издевался?

Ты тоже, хотела сказать я, но у меня вырвался только сухой кашель. Мой взгляд упал на кусочек голой белой кожи, которая выглядывала из его открытого воротника рубашки. Я слегка покачнулась. Я чуть просто так взяла и не дотронулась до него.

А я ещё никогда просто так не дотрагивалась до парней. Это было моим железным правилом. Никогда не быть навязчивой. Никогда не делать первого шага. И, конечно, не с кем-то, кто только и ищет мухобойку, которая бы подошла для меня.

- Потому что это было по-настоящему. Это была ты. А никто-то другой, - продолжил Колин.

Вообще это прозвучало не так, как будто он ищет мухобойку. Но мой голос снова не послушался меня.

Внезапно холодный порыв ветра прошёлся по моим волосам. На долю секунды по моему телу прокатилась ледяная дрожь. Колин отвёл взгляд.

- Залезай, я довезу тебя до дома.

О, да конечно. Но как ни странно, я нашла непонятное удовольствие в том, чтобы подчиниться его приказу. Во мне распространилась вялая сонливость.

Когда я охотно опустилась на кожаное сиденье, я вспомнила, не смотря на неторопливость и вялость моих мыслей, папину просьбу. Он увидит, когда Колин меня подвезёт - мне нужно будет выполнить его желание, если он ещё не спит. Но скорее всего он уже спит.

- Ты, - начала я осторожно.

Да, получилось. Я снова могла говорить.

- Мой отец хотел бы знать, кто за рулём этого монстра, на котором меня сейчас подвезут уже в третий раз, - я пожала, извиняясь, плечами. - Моя мама нас видела. Не мог бы ты коротко сказать ему привет?

- Конечно, - сказал Колин спокойно.

Но его насмешливая ухмылка не укрылась от меня.

- А почему тогда ты так глупо ухмыляешься? - проворчала я.

Ухмылка превратилась в мелодичный смех.

- Ты сильно любишь своего отца, не так ли? Другая девушка просто попросила бы меня высадить ее немного раньше.

- Конечно, я люблю его, - ответила я вызывающе.

Что он имел в виду, говоря "другая девушка"? Это что, было его хобби - развозить несовершеннолетних девушек по домам?

- Это хорошо, - ответил он, и насмешливый тон исчез из его голоса.

После нескольких минут молчаливой езды в ночи мы приехали.

Меня затошнило. Папа был представительным мужчиной, и те немногие парни, которых я ему до этого представила, при виде его возвращались к ранней стадии детства. Что, в свою

очередь, в моих глазах совсем не выглядело желанным. Они просто боялись его. При том, что он никогда не обращался с ними плохо или высмеивал их. Он всегда был исключительно дружелюбным.

Колин был не менее впечатляющим, хотя и по-другому - более молодой. Как же всё закончиться с ним? Может, они скомпонуются, а я останусь в стороне? Или папа посчитает его некрасивым, как Майке? Попросит показать свои водительские права? Ни одна из этих идей не понравилась мне.

Я с трудом вылезла из машины и проскользнула во двор, чтобы посмотреть, не спит ли папа. Конечно, он не спал. В зимнем саду горел свет, я увидела его сидящим за столом.

Я подозвала Колина к входной двери. Зайдя в коридор, Колин громко втянул воздух, как будто что-то предчувствовал. На какое-то мгновение он остановился.

- Все в порядке?- прошептала я.

- Да, все нормально,- пробурчал он, но по его глазам я поняла, что что-то не так.

Он был недоверчив, хотя и пытался скрыть это. Но сейчас у меня не было ни времени, ни терпения задумываться об этом. Я решительно пошла вперед, в зимний сад, где папа при свете свечи сидел в раздумьях над своими книгами и делал заметки.

- Привет папа, я привела моего шофера, ты ведь хотел с ним познакомиться. Это Колин, он..., - я замолчала, потому что папино лицо в один момент окаменело.

Он резко поднялся, расправил плечи и громко втянул воздух, также как Колин только что в коридоре. Меня он вообще не воспринимал.

Растерявшись, я повернулась к Колину, который пристально рассматривал папу мрачным взглядом. Его глаза пылали, необъяснимое предчувствие, написанное на его лице, превратилось в твердое подозрение. Что тут творилось? Невидимая сила задвинула меня назад, так что я прижалась к стене и беспомощно наблюдала за обоими. В помещении слышался треск, похожий на звук горящих бенгальских огней, только громче и угрожающее.

- Что тут происходит? - хотела закричать я, но у меня пропал голос. Папа сделал шаг вперед, в этот же момент Колин нагнулся как хищник перед прыжком. Они беспрерывно смотрели друг другу в глаза.

От папиного взгляда у меня то и дело пробегали мурашки по спине. Таким я его еще никогда не видела - грубым, необузданным и невероятно яростным. Колин тоже казался бешеным, но в его мрачном лице я увидела, прежде всего, неверие и безграничное удивление, вперемешку с агрессивностью и яростной силой.

Казалось, из папиного горла раздавалось раскатистое рычание. Его руки были сжаты в кулаки, бурлящая враждебность, исходящая от него, заставила бы любого другого убежать. Но Колин держался стойко.

- Немедленно покиньте мой дом,- тихо, но угрожающе сказал папа. У меня вырвался жалобный стон.

Что бы тут не происходило, это наводило на меня такой ужас, что я почувствовала тошноту, а на лбу выступил холодный пот. Это были не люди. Это были кровожадные соперники.

- И никогда больше не приближайтесь к моей дочери. Понятно?

Колин не испугался. Он всё ещё испытывающе втягивал воздух, всё это время оставаясь спокойным. Его глаза были направлены на моего отца.

- Но, папа, он мне ничего не сделал, - тщетно пыталась я спасти ситуацию.

- Убирайся, - ревел он, игнорируя меня. Его голос был настолько громким и грубым, что мои уши заболели.

Никогда прежде я не видела, чтобы он так выходил из себя. Колин не показывал никаких следов страха или нервозности. Не отрывая глаз от моего отца, он попятился назад из зимнего сада, открыл дверь и

вышел из дома по наружной лестнице.

На газоне он ещё раз обернулся ко мне - ужасное чувство дежавю из моего сна, только сейчас его от меня отделяли толстое оконное стекло и сердитый отец. Его глаза светились как чёрные угли, но его взгляд был таким грустным, что у меня заболело сердце. Затем он растворился в темноте ночи.

Ошеломленно я посмотрела на папу. Треск исчез, но, казалось, по его напряжённому телу всё ещё неслась чистая энергия.

- Что это такое было? О чем ты думал? - теперь разозлилась я. - Он мне ничего не сделал! Он только довёз меня домой, и это всё!

Я была слишком слаба, чтобы кричать, но, по крайней мере, мой голос не сорвался. Вместо этого, у меня из глаз потекли слёзы. Папа был похож на кого-то, кто пытается всеми возможными силами выразить словами своии мысли.

- Он тебе не подходит, Елизавета, - сказал он, вынуждая себя успокоиться. - Он старый и ...

- Ему двадцать! Он всего на три года старше, - перебил я его.

- Двадцать, - прорычал папа презрительно. - Ты его видела? Да ведь он Донжуан, один из тех парней, кто цепляет девушек и использует их, обрюхатит и разобьет им сердце. Это видит даже слепой!

Я всегда могла положиться на своё чувство и понять, обманывал меня кто-то или нет. На этот раз это было настолько очевидно, что я не сомневалась. Папа обманывал. Каждое слово было ложью.

- Ты лжешь, - сказал я.

- Не смей обвинять меня во лжи, Елизавета, - закричал на меня папа. - Он уничтожит все, что тебе дорого. Все!

Его голос и глаза были такими странными и страшными, что я могла думать только об одном: сбежать отсюда. На улицу. Я не останусь здесь больше ни минуты.

- Ты зашёл слишком далеко, папа, - сказала я тихо. - Я не шлюха. Ты мог бы мне доверять. Но ты этого не делаешь. И ты меня пугаешь!

Одним прыжком я достигла двери зимнего сада и побежала так быстро, как только могла, вниз по ступенькам, в сад. Мгновение я была уверенна, что чувствую его дыхание позади себя, но я свободно запрыгнула на свой повреждённый велосипед, нажала на педали и помчалась по просёлочной дороге вверх, потом в лес.

Наш дом вдруг стал вражеской территорией. Я боялась возвращаться туда, но в то же время моё сердце разрывалось от мысли о том, что я выступила против своего отца и сбежала.

Как в тумане, я прокладывала себе дорогу через сосны, не понимая, что я здесь вообще делаю. Камни вылетали из-под колёс, и несколько раз я лишь кое-как смогла уберечь себя от головокружительного падения, только приложив огромное усилие. Потом задняя шина лопнула. Ругаясь, я отбросила велик в кусты.

Я рыдала навзрыд. Мои лёгкие горели, а джинсы прилипли к вспотевшим ногам. Тихое мяуканье заставило меня остановиться. Посередине дороги стоял Мистер Икс. Он внимательно смотрел на меня.

- О, привет котик, - сказала я, задыхаясь, и села на каменистую почву.

Мурлыча, он подбежал ко мне, и стал тереться своей большой головой о мою щёку. Рыдания сотрясали всё моё тело. Я не понимала ни папу, ни Колина. Вся ситуация была настолько странной и нелогичной, что я

до сих пор не могла истолковать её или вообще объяснить.

Но теперь, когда Мистер Икс, мяукая, подарил мне слабое утешение, я поняла, что должна была спросить об этом Колина. Если уж мой собственный отец солгал, то, по крайней мере, он должен сказать мне правду. Что-то подсказывало мне, что он её знает.

Мистер Икс показал мне дорогу, и я нашла Колина за домом, где он рубил дрова твёрдыми быстрыми ударами. Снова и снова он вгонял топор в толстые полена с почти нечеловеческой силой, и иногда мне казалось, что я вижу вспышки искр, когда металл встречался с деревом. Мистер Икс укоризненно раздулся и сел на порядочном расстоянии на свой пушистый зад.

- Прекрати! Остановись, - воскликнула я.

Колин не отреагировал. Мне было ясно, что он услышал меня, но сначала он разбил три следующих деревянных блока, прежде чем он выпрямился и посмотрел на меня мучительным взглядом. Ни одной капли пота не стекало по его лицу, хотя было гнетуще душно. На его рубашке появились пятна, а его штаны были покрыты древесной стружкой.

- Что это было только что? - спросила я и потерпела не удачу подавить мои слёзы. Тем не менее, мой голос прозвучал удивительно требовательно. - Объясни, что это было. Сейчас же!

Он ещё раз отделил топор от ствола дерева и вогнал его в деревяшку, как будто если бы он не сделал этого, то энергия, которая в нём бушевала, разорвала бы его. Внезапно он оказался возле меня, и его глаза были полны гнева, разочарования и боли.

- Я не могу тебе этого сказать. У меня нет на это права. Эли, я ему просто не понравился.

Колин замолчал. Напряжённо он провёл руками по волосам. Я начинала бояться и его, но один из них скажет мне всё-таки правду.

- Ты должен мне рассказать. Ты должен, - настаивала я.

Меня трясло, как осиновый лист, и взгляд Колина задержался не надолго на моих слёзах, которые капали на мой подбородок. Всё моё лицо болело. Моя челюсть была настолько напряженна, что разговор забирал мою последнюю силу.

Колин какое-то время молчал. Вокруг нас стало устрашающе тихо. Пение сверчков умолкло, даже ветер утих.

- Как зовут твоего отца, Эли? - наконец спросил Колин.

Я понимала, что это стоило ему большого усилия, задать этот вопрос, но после этого платина прорвалась.

- Как его зовут? - повторил он громко. Опять же, я увидела эту тревожную смесь боли и изумления в его глазах.

- Лео. Лео Штурм, пробормотала я беспомощно. Что это имело общего со всем этим делом?

- Как его зовут? - повторил он ещё громче. - Как его настоящее имя?

Мои мысли путались. Но потом я вспомнила. Конечно. Незадолго до моего рождения папа взял фамилию мамы, потому что мама считала, что никакая девочка в мире не заслуживала расти с такой фамилией, как у него. Уже было скверно то, что её носил Пауль.

- Фюрхтеготт*, ответила я, дрожа. - Леопольд Фюрхтеготт.

Колин издал звук, который одновременно звучал жалобно и сердито, так что Мистер Икс наклонил голову и не довольно зарычал. Я была уверена, что сойду с ума, если мне тут же кто-нибудь не объяснит, что здесь происходит.

(прим.переводчика:* фамилия переводиться с немецкого как Бойся Бога.)

Колин отступил на шаг. Я осталась стоять, дрожа, и смотрела, не отрываясь ему в глаза, хотя слезы лились потоком по моим щекам.

- Твой отец ..., - Колин вздохнул и твёрдо посмотрел на меня. - Твой отец полукровка.

Глава 16. Братья по крови

— Что? — спросила я, на мгновение усомнившись в Колине и в том, что я его правильно поняла.

Полукровка? Что это значит? Но он так зловеще произнес это слово, что мне стало не до шуток. Наоборот. Мой позвоночник покрылся ледяной гусиной кожей.

- Папа не индеец или кто там еще - это я точно знаю, - все еще без энтузиазма, возразила я

- Нет, Эли, - необычайно серьезно сказал Колин. - "Полукровка" означает, что он был атакован, и он смог убежать, прежде чем завершили обряд крещения крови.

Час от часу не легче. Атаковали. Крещение кровью. Я не могла припомнить, чтобы моего отца когда-нибудь кто-нибудь кусал или у него был хотя бы один шрам.

- Кем?- продолжала я допытываться, потому как неопределенность грызла меня. - Змеей? Пауком? Летучей мышью?

Колин сухо, но печально рассмеялся и покачал головой.

- Я не могу тебе этого сказать. Эли, так не пойдет. Ты ничего не знала до сих пор, поэтому тебе и сейчас не нужно этого знать, - он сам не верил своим словам. - Не вынуждай меня, - попросил он тихо.

О, Господи, как же я устала! Я так ужасно устала. Только мои слёзы не давали мне успокоиться…

- Скажи мне, - умоляла я из последних сил. - Пожалуйста.

Но он молчал. Его слова продолжали звучать в моих ушах и хотели уже смешаться с моими зарождающимися сновидениями.

Полукровка. Крещение кровью. Быть атакованным. Это не похоже на зверей. Это похоже на что-то, чего не было в моей реальности, чему нельзя было бы быть, и уж точно не в моей семье. Это звучало демонически.

—Это неправда, - прошептала я.- Нет, это неправда...

Пока еще сон не завладел мной, я устремилась мимо Колина в лесную чащу. Мне хотелось убежать, подальше от этих ужасных слов и догадок, которые угрожали взорвать мою голову. Каким-то образом мне нужно найти тропинку, которая приведет меня домой.

Домой? Что было моим домом?

Ветки били меня по лицу, и колючки царапали мои руки. Снова и снова меня удерживали корни или вился частый кустарник, словно кандалы вокруг моих лодыжек так, что я спотыкалась.

Наискосок от меня вспыхнули два зеленых зрачка - зверь на охоте, возможно, он опасен и кусается. Тотчас я увидела перед собой кабана из подвала Колина. Я вскрикнула и сделала попытку убежать в другом направлении, однако там был такой частый подлесок, что я с трудом передвигалась.

Я перестала видеть небо надо собой. Как загнанный зверь я продолжала бороться, несмотря на то, что уже совсем потеряла ориентацию.

- Елизавета...

Как только голос Колина расплескался в черной пустоте, мне захотелось опуститься на покрытую листвою землю. Но его руки подхватили меня. Без труда он перекинул меня через плечо и понес, словно тюк белья, сквозь заросли назад к дому.

Мои силы были полностью на исходе. Мои руки и ноги затекли от боли и усталости, в таком положении тела мне больше не удавалось сохранить даже остатки собственного достоинства. Когда Колин опустил меня на скамейку под выступающей крышей, я прислонилась головой к плечу Колина и разревелась.

Теперь он получил то, что хотел. Я должна быть сама собой, сказал он. Теперь я была ею, и все удерживаемые слёзы прошедших лет промочили вылинявший материал его рубашки.

- Посмотри на меня, - попросил он через некоторое время.

Я только что громко высморкалась и выглядела, наверное, ужасно. Но что это уже изменит. Моя жизнь превратилась в чрезвычайно странную кучу обломков, элементы которых мне никто не мог объяснить.

Как и до этого, Колин зачарованно следил за тем, как текли мои слёзы, которые постепенно иссякли. Осторожно он поймал одну указательным пальцем и слизал её. Урча от удовольствия, он закрыл глаза. Я задержала от удивления дыхание. Он что, их не ненавидел? Может ли это быть правдой?

- Я знал, что они вкусные, но не предполагал что настолько...

С заплаканными глазами, я смотрела на него. Я хотела прижать свой горящий лоб снова к его прохладной шее, но его взгляд заставил меня замешкаться.

- Стой спокойно, - сказал он.

Я повиновалась, не дыша. Медленно, он наклонился вперед к моему лицу и начал одну слезу за другой - что, есть? Можно ли было это так назвать? Во всяком случае, это не было слизыванием, и поцелуем тоже не было. Он мягко зачерпывал их кончиком языка с моих щёк; такое ощущение, как будто перышки колибри ласкают мою кожу. Прохладно и легко.

Затем он подул мне нежно в лицо, и я почувствовала себя мгновенно освежённой. Сам он казался сытым и удовлетворенным, хотя я все еще могла видеть недоверчивый гнев в его глазах.

Хотя мне может казаться, что это гнев.

- Хочешь теперь знать, кто такой полукровка?

Я с нетерпением кивнула. Мой побег привёл меня снова в чувство. Я была в плачевном состоянии, но я могла слушать.

- Ты ведь не остановишься и будешь снова и снова спрашивать меня? - убедился он.

- Нет. Не остановлюсь, - ответила я твердо.

- Я так и думал. Ты снова вернешься. И поэтому я расскажу тебе сейчас. Потому что тебе нельзя возвращаться.

- Это мы ещё посмотрим, - ответила я упрямо, но Колин посмотрел на меня таким взглядом, который тут же уничтожил мои слова. Затем он отвернулся и посмотрел на свои белые, изящные руки, говоря при этом.

- Существует совсем мало полукровок. Они – это что-то особенное. Полукровка - это человек, который ..., - Колин заколебался и какое-то время молчал. Я внимательно слушала. - ...которого атаковали и ограбили, и при этом он должен был превратиться. Чтобы перешел на другую сторону. Но он со всей силы боролся против крещения кровью, смог его прервать и сбежать. Он не заснул, понимаешь? Поэтому крещение кровью сработало только наполовину. Полукровки всё ещё люди, чтобы можно было вести более или менее нормальный образ жизни. И часто у них есть особенные способности. Твой отец на половину на этой стороне и на половину на другой, на тёмной.

Он замолчал и дал мне время, чтобы переварить его слова. Мой отец, значит, является кем-то другим, чем просто нормальным человеком - по крайней мере, частично? Я это правильно поняла? Но что было темной стороной, о которой говорил Колин? Я отчаянно пыталась спасти себя чисто человеческими, знакомыми толкованиями.

Мафия. Незаконная продажа наркотиков. Секты. И всё-таки я знала, что здесь я ничего не найду. Всё это не подходило.

- Что это за хищение? Здесь речь идёт не о деньгах, не правда ли? Не о ценных вещах? - спросила я с робкой надеждой.

Колин беззвучно рассмеялся. Потом он стал таким серьёзным, что страх охвативший меня до этого, снова вернулся. Он смял обеими руками свои волосы и коснулся случайно самой верхней серьги. Кольцо чуть наклонилось в сторону. Пораженно я поняла, что его ухо наверху заостренно. Быстро он вернул кольцо обратно.

- Ты этого не видела, - раздалось у меня в голове.

Я со всей силы сопротивлялась против этого. Нет, видела, ответила я в мыслях упрямо, хотя усталость угрожала поглотить меня, а изображение заостренного уха в моей голове уже было стёрто.

Колин сердито встал. С жатой в кулак рукой он стал бить по дереву и облокотился своим белым лбом о кору дерева. Потом его кулак раскрылся. Как будто прося прощения, он провёл ладонью по стволу.

- Что я здесь только делаю? - пробормотал он.

- Рассказываешь о вещах, о которых я уже давно должна была знать. Что они похищают? - продолжала настаивать я дальше. - Может быть, это кровь? Являются они чем-то вроде ...

- Ах, постоянно вы со своими вампирами, - вырвалось у Колина. - Как будто ничего другого не существует. Всегда - это прославление высасывание крови. Ты когда-нибудь задумывалась, как это не логично? Это сразу броситься в глаза, даже если только один вампир в большом городе каждую ночь будет высасывать у людей кровь, которые затем, конечно же, сразу зачахнут. Тогда бы у нас больше не было никаких проблем с сильным ростом населения, не правда? Кроме того, существуют более важные вещи, чем кровь, - закончил он презрительно.

Спонтанно я увидела Дракулу в другом свете. Колин был, несомненно, рассержен - и он пытался своим гневом отвлечь меня от главной темы. Это почти ему удалось.

- Тогда скажи мне, черт возьми. Что же важнее, чем кровь? Что они похищают? - зашипела я на него.

Образовалась маленькая, но почти не выносимая пауза, в которой, казалось, бороться друг против друга две силы. Не на жизнь, а на смерть.

- Сновидения и мечты, - сказал он, наконец, с горечью, но всё ещё смотря в другую сторону. - Они похищают мечты. Прекрасные, счастливые мечты. Это то, что поддерживает в людях жизнь.

Это звучало абсурдно. Прямо-таки смешно. И все же я знала, что это правда. Нет, я это чувствовала.

Колин не обманывал. А о тонкостях я сейчас не могла заботиться. Я должна была знать, смогу ли я когда-нибудь вернуться домой. К моему отцу. Мои мысли принадлежали моему отцу, которого я ведь на самом деле любила.

Лихорадочно я стала размышлять и отодвинула свои чувства в этот момент в сторону. Папа, значит, был атакован чем-то очень злым, кто хотел похитить его сновидения и сделать его таким же, как сам. И, в таком случае, он, по крайней мере, наполовину был кем-то, кому нужны мечты. Но разве не были мама и я тогда в опасности? Существовал ли тогда риск, что он атакует нас? Инстинктивно я прижала руки к груди и ахнула.

- Нет, Эли, я не верю, что тебе угрожает опасность. Возможно твоей матери...но не тебе. У меня есть ощущение, что у него по отношению к тебе иммунитет.

Такой ответ был только относительно успокаивающим. Знала ли мама вообще что-нибудь обо всем этом? Не по этой ли причине она спала в швейной комнате каждый раз, когда у него была мигрень? И как давно это началось? Начиная с моего рождения? Не была ли тогда и я...полукровкой?

- Тот, кого уже единожды атаковали и принудительно крестили кровью, что на самом деле крайне редко происходит, уже не может размножаться, - Колин вновь читал мои мысли. - Не человеческим способом. Это касается и полукровок.

- Но ведь он жив ...или...? Я имею в виду, может ли он умереть?

Так много вопросов буквально обжигали мою душу, и я не знала, как долго еще Колин будет готов отвечать на них. У меня было такое чувство, что он отдалялся от меня. Кроме того, я не знала, как долго я еще буду в состоянии не уснуть. Мои веки отяжелели, словно камни на глазах.

- Да, может. Возможно, он постареет, но не так, как старятся другие люди, чьи тела увядают. И будет редко болеть. Но он умрет когда-нибудь.

Я немного поразмышляла над тем, не был ли Йоханес Хестерс таким же полукровкой, и подавила в себе жуткое желание расхохотаться. Успокойся, Елизаветы, уговорила я себя. Задавай свои вопросы. Скорее.

- Ты спросил его фамилию. Почему? Ты с ним знаком?

Колин вздохнул. Прошло немного времени, пока он нашелся с ответом.

- Лично с ним - нет. Но я о нем читал и слышал.

- Ты интересуешься психологией? - ответила я скептично.

- Поверхностно. Твой отец ведь не просто психиатр. У него есть и другие задачи.

Это было для меня слишком расплывчато. Какие задачи? Но была еще одна мысль, которая все это время подстерегала на заднем фоне и сопротивлялась тому, чтобы быть сформулированной. Понадобилось несколько минут, пока мне это удалось. Минуты, необходимые для поиска подходящих слов, стоили мне физических усилий. Колин застыл без движения рядом со мной. Не надеялся ли он, что я сдамся?

- Но если...если ты его знаешь...понаслышке ...его имя и о том кто он...что...что тогда ты? Кто ты? - я задыхалась от напряжения.

- Это сейчас неважно, - возразил он с холодной бессердечностью. - Ты забыла, что тебе нельзя больше меня видеть?

Я сдалась, и это далось мне слишком легко. Мы молча сидели рядом и мне не хотелось верить в то, о чем я совсем недавно узнала. Еще меньше мне хотелось думать о том, что мы с Колином больше никогда не будем вместе прислушиваться к ночи и я не буду тонуть в глубоком черном омуте его глаз. В том омуте, где я чувствовала себя надежно и безопасно.

С выплаканными глазами я смотрела в пустоту. Все было неправдой. В Кельне я каждый день играла роль. И вот сейчас я здесь, в деревне, вынуждена осознать, что и мой отец тоже прекрасный актер.

И свою печаль по этому поводу я доверила человеку, о котором я почти совсем ничего не знала.

Закричала сова, и мистер Икс, который мирно присел возле нас, навострил свои лохматые уши.

- Иди домой, прежде чем он начнет тебя искать. Поговори с ним, - голос Колина звучал холодно и отталкивающе.

- У меня больше нет дома, - сонно возразила я.

- Конечно же, есть. Теперь иди…Мистер Икс будет сопровождать тебя.

Пару последних шагов мы прошли втроем. Уже сейчас я могла ощущать уныние, которое должно было меня охватить после того, как наши пути разойдутся. Колин остановился. Луны не было видно, но на его лице отражался мерцающий свет.

Я больше не думала о том, был ли он ужасен или красив. Ночью он был так прекрасен, что ни один художник не смог бы запечатлеть это изящество на бумаге. Я не могла от него отвернуться. С легким нажимом он развернул меня, и его прохладное дыхание коснулось моей шеи.

- Беги. С тобой ничего не случится, - прошептал он.

Меня осенило. Этот шепот...я его узнала! Он был тем голосом. Колин. Он успокаивал меня перед школой и настойчиво призывал меня вспомнить...Я обернулась и посмотрела на безлюдную тропинку. Он исчез.

Шатаясь от усталости, я брела домой, устремив свои ноющие от боли глаза на Мистера Икс, который целеустремленно вел меня и только перед самой дверью снова повернул назад.

Отец ожидал меня в гостиной.

- Домашний арест, - только коротко сказал он. - С завтрашнего дня и следующие две недели.

- Хорошо, - ответила я хладнокровно, прежде чем повернулась к лестнице. - Но если ты думаешь, что этим заставишь меня замолчать, ты ошибаешься.

Из всего того, что мне в этом новом мире было мало-мальски знакомым, ничего больше не осталось. И если я не ошиблась, я больше никогда не увижу Колина.

Не раздеваясь, я бросилась на кровать и прижалась разгоряченным лицом к куртке Колина. Я плакала, пока меня не сморил сон. Ночью я видела его во сне. Он собирал мои слезы в стакан, и они мерцали в лунном свете, как драгоценные камни.

Глава 17. Заражение

Я проснулась с гудящей головой и тлеющим во мне гневом. Мои мысли обратились к Колину, затем к моему отцу. Я не могла успокоиться. Как же долго папа лгал мне о своей истинной природе, и, я все еще не знала точно, подвергалась ли я все эти годы опасности. Колин сказал, что нет, но это ничего не значило. Это могло быть всего лишь предположением.

Я не могла не задаваться вопросом, почему мой отец хотел держать меня подальше от Колина. Не потому ли, что Колин знал о нем такие подробности, о которых я не должна была узнать? А может быть потому, что Колин был опасен? На самом деле опасен? Однако то, что касалось моего отца, было более важно. В конце концов, я жила с ним под одной крышей, а особенно теперь, когда я нахожусь под домашним арестом. И мысль о том, что он ночью проскользнет ко мне, чтобы поглотить мои сны, явно была не особо приятной.

Я не решалась посмотреть в глаза моей матери. Она отнеслась ко мне крайне снисходительно, но я понятия не имела, вела ли она себя так потому, что она знала обо всем, или потому, что отец рассказал ей свою версию. О Донжуане, который делает детей маленьким девочкам, а потом бросает их. Она бы сожалела и о том, и о другом, и по праву.

Между отцом и мною установилось ледяное молчание. Мы избегали друг друга. После ужина, который мы провели также молча, я больше не могла выдержать гнетущую атмосферу в доме. Я должна поговорить с отцом, иначе я этой ночью не сомкну глаз. Влажными руками я постучала в дверь его рабочего кабинета.

- Входи, Елизавета, - раздался его ясный, глубокий голос в коридоре. Ясновидение, как у Колина. Я судорожно сглотнула. Казалось, мое горло внезапно стало узким, и у меня возникло безумное желание вооружить себя чем-нибудь. Осторожно я переступила порог.

Папа сидел за своим письменным столом, который почти совсем был пуст. Очевидно, он провел часы в размышлениях, проводя пальцами по своим волнистым волосам. Они торчали в разные стороны, что еще больше подчеркивало его глубоко посаженные глаза. Я больше не могла рассматривать его так же непринужденно, как раньше.

Он больше не был для меня прежним. Повсюду я искала следы и улики. Безмолвно я уселась на зеленый диван и уставилась на пальцы ног в чулках. Я слышала, как папа глубоко вздохнул.

- Ладно, значит, ты хочешь знать правду, Элиза?

С удивлением я подняла голову и вопрошающе посмотрела на папу. Он выдержал мой взгляд с невозмутимым спокойствием.

- Да, хочу, - сказала я. Неужели все так просто?

- Хорошо. Вообще-то, я не должен этого делать, но ты моя дочь и речь идет о твоей безопасности. Поэтому, в виде исключения, я нарушу врачебную тайну.

Врачебная тайна? Это еще что за история?

- Этот вчерашний юноша...

- Колин, - перебила я его.

- Да, Колин. Он является одним из моих пациентов, - невозмутимо продолжал папа. - Тяжелый случай. Очень умный и в прекрасной физической форме. Однако он страдает опасным сочетанием бредовой шизофренией и пограничными расстройствами. Это приводит, кроме всего прочего, к тому, что он преследует и пытается привязать к себе людей, рассказывая им выдуманные истории, чаще всего юных девушек. И тем приятнее, если при этом он поливает грязью их родительский дом.

Я растерянно молчала. Неужели Колин психически болен? Преследователь? Я искала глаза отца, но он задумчиво смотрел на свой книжный шкаф.

- Тогда вчера ты вел себя не очень-то профессионально, - сказала я надтреснутым голосом.

- Элиза, чего же ты от меня ожидала. В конце концов, здесь идёт речь о моей дочери. Никакой отец не будет смотреть с удовольствием на то, как такой тип как он, присматривается к его девочке.

- Он не присматривается ко мне, - возразила я резко. Этого точно нельзя было утверждать. - Он меня посылал снова и снова.

- Но не сразу, не так ли? - спросил папа. Это прозвучало как-то торжествующе. - Он тебя к себе подпускает, организовывает встречи, а потом снова посылает. Пфф. Я же сказал, преследователь. Сначала пряник, потом кнут. Так они заполучают свои жертвы.

- Я не жертва. Я сама посещала его, по своей воле, - подумала я, но не смогла это высказать. И всё же. Если папа говорил правду, то она была отрезвляющей. Тогда Колин был самым худшим выбором из мужчин, который я когда-либо делала. А я делала его уже пару раз.

- Что он тебе такое рассказал? - осторожно спросил папа.

Что-то в его позе заставило меня насторожиться. Может быть, будет лучше не выкладывать всё, а притвориться глупой.

- Вообще-то то, что ты сумасшедший. И я ему почти поверила, - ответила я нерешительно. – Какую-то историю об украденных сновидениях и чувствах. Не знаю. Я не очень хорошо поняла.

Папина рука дёрнулась. Потом самообладание вернулось к нему. Ты врёшь, подумала я с негодованием. Ты всё ещё врёшь.

- Мне очень жаль, что я был так зол, Элиза. Но, пожалуйста, держись от него подальше. Если он тебя ещё раз побеспокоит, то немедленно дай мне знать об этом, - он улыбнулся мне, пытаясь расположить меня к себе. А это он умел.

- Как я уже сказала, он не преследовал меня, - сказала я холодно.

- Пока ещё нет, - исправил меня папа.

- Но если он такой сумасшедший и больной и такой опасный, почему он тогда спокойно гуляет на свободе?

Папина рука снова дёрнулась.

- По закону, Элиза. В этой стране по-прежнему трудно арестовать преследователя. А он ещё пока что никому не нанёс серьёзные телесные повреждения. Но если бы это зависело от меня ...

- Конечно, - согласилась я с ним ласково. - Тогда он давно сидел бы за решеткой. Навсегда.

Какая ирония судьбы. Папа всегда был противником закрытого отделения, я точно это знала. Для него оно было актуальным только тогда, если жизнь пациента или других была в опасности. И даже тогда он говорил, что решетки на окнах и валиум были далеко не самыми хорошими средствами для лечения.

- Я думаю, эта тема превышает твою компетенцию, Елизавета, - сказал он. - Я попрошу завтра коллегу, чтобы он взял лечение на себя. Это самое лучшее для всех участников. А домашний арест не отменяется - для твоей же безопасности. Спокойной ночи.

Я встала и покинула без комментариев его кабинет.

- Ты держишь свою дочь за дурочку, - прорычала я, пока поднималась по лестнице.

Я бы его с удовольствием спросила, как же зовут этого ах-такого-больного пациента. Как его второе имя и фамилия. Потому что они ни разу не были упомянуты.

И всё-таки это было так заманчиво - поверить папе. В конце концов, это будет означать, что мой отец самый обыкновенный человек. Ничего такого, как быть укушенным и ограбленным в попытке быть крещённым кровью. Нет, обыкновенный отец, как и все другие. И это означало, что Колин был душевнобольным.

Я откинулась на спину на кровати и прижала подушку к своему разгорячённому лицу. Колин душевно больной? Да, конечно, то, что он рассказал об украденных сновидениях и

истории о полукровках, было довольно запутанно. И это было правдой, что Колин один раз подпустил меня к себе, а потом снова послал.

К тому же, ещё его бахвальство с его многочисленными лошадьми, которые у него были, его учёба в университете, его дом и его такое прекрасное знание людей. Это действительно было похоже на кого-то, у кого реальность не была полностью под контролем. А потом ещё каратэ. Фу, какая невозможная комбинация.

С кем я только могу об этом поговорить, чтобы хоть немного понять происходящее? Это должен быть кто-то, кто знает отца. Хорошо знает отца. Чтобы поговорить с мамой, не могло быть и речи. Мама будет поддерживать папу, что бы ни случилось.

- Пауль, - прошептала я с надеждой.

Я позвоню Пауль. Может быть, он знал больше, чем я. А может он просто выслушает. Я взяла свой мобильный с прикроватной тумбочки, подошла к окну и наклонилась далеко вперёд. Хорошо у меня была связь. Надеюсь, Пауль не поменял опять номер своего мобильного. Послышался гудок.

- Фюрхтеготт у аппарата?

Мой желудок сжался. Со вчерашней ночи это имя имело довольно кровожадный привкус.

- Пауль? Это Эли. Твоя сестра, если ты помнишь.

- Эли, - на линии появился шум, а на заднем плане заговорил нервно голос мужчины. – Эли, ты выбрала не удачное время, я работаю и в дороге ...

- Тебе что-нибудь говорит слово полукровка? - спросила я прямо. Если у него нет времени, тогда мне надо сразу приступить к делу. - В связи с нашим отцом?

Пауль застонал от ужаса.

- О нет ... отец что, и тебе рассказал об этом дерьме? Этого не может быть. О, Эли, не верь в это, слышишь?

Пауль что-то знал! Но о каком "дерьме" он говорит? Папа ничего мне не рассказывал, по крайней мере, не то, что я хотела услышать. Я почувствовала досаду из-за того, что Павел имел какие-то знания, а я нет. Голос мужчины на заднем плане стал громче. Кто-то стучал молотком.

- Да, я - я не знаю, - залепетала я по возможности путано и беспомощно. - Как ты думаешь, что из этого правда?

- Ничего! - вспылил Пауль. - Или что он там тебе наговорил? Мне даже действительно интересно. Что он рассказал своей любимице Элизе? Вне всяких сомнений для тебя существовала особенно трогательная версия.

- Я не его любимица - и ...

Я замолчала. Чёрт. Могла ли я высказать всё то, что Колин рассказал мне о папе? А если Пауль имел в виду что-то другое, и я тем более внесу хаос?

-Эли, - настойчивый голос Пауля зазвенел в моем ухе, и я вздрогнула. - Что он тебе рассказал? Что отец тебе говорил? Что там насчет полукровки?

- Скажи мне об этом, Пауль. Расскажи ты мне, - потребовала я.

- Откуда тебе известно это слово?

О Боже! Я совсем забыла, что Пауль мог быть таким же упрямым, как и я. Мне никогда не удавалось его к чему-либо принудить, если он, во что бы то ни стало, не хотел этого. Момент, один метод должен сработать. Это было подло, но в экстремальной ситуации требовались экстремальные меры.

Пауль не мог выносить, когда его младшая сестра плакала. Я отодвинула на задний план всю злобу, которая меня преследовала в школе из-за моих слёз, и всхлипнула. Это было для меня нетрудно. После прощания с Колином и представлениями о том, что я никогда его больше не увижу, у меня был ком в горле.

Павел вздохнул.

- Эли, малышка, ну же ...

Я всхлипнула ещё раз. Это звучало обманчиво реально.

- О полукровке я подслушала в одном разговоре, - пробормотала я и сделала вид, что высморкалась.

- Между мамой и папой? - не отставал Пауль.

- Хмм, - сказала я в знак согласия.

- Хорошо, Эли. О Боже. Ну, тогда, - он откашлялся. Раздался стук двери и нервный голос прозвучал приглушенно. - Тогда я тебя неправильно понял. Всё в порядке. Просто забудь об этом. Ты сделаешь это? Да? Пообещай мне это. И перестань плакать, пожалуйста. У вас всё хорошо в деревне?

- Пауль, в чём дело? Я ничего не понимаю!

Но он уже положил трубку. Я набрала его номер повторно. На рыдание мне уже не нужно было сосредотачиваться. Слёзы текли сами по себе.

- Пауль ...

- О, Эли, пожалуйста, прекрати сейчас же реветь. Мне надо работать. Тебе послышалось.

- Пауль, - захныкала я. - В последнее время ночью я почти не вижу сновидений, а если и вижу, то это кошмары. Это всё так странно, - солгала я. Теперь он просто обязан отреагировать.

- Эли ..., - сказал Пауль успокаивающе. - Конечно, надо время, чтобы привыкнуть к новой обстановке. Это нормально. Помнишь, когда мы раньше ездили в отпуск, ты первые ночи не могла сомкнуть глаз, потому что всё выглядело иначе, чем дома.

На заднем плане загрохотало. Парень стал ругаться. Разве так говорят будущие врачи?

- Ладно, Эли, я должен идти.

- Пауль, я…

Снова повесил трубку.

- Ты придурок, - выругалась я и нажала на кнопку повторного набора.

Сразу же включился автоответчик. Раздражённо я бросила мобильный на свою кровать. Здесь что-то не складывалось.

Пауля, во всяком случае, не озадачило то, что я ему рассказала о моих якобы отсутствующих снах. А мой брат всегда беспокоился, когда мне чего-то не хватало. Я была что-то вроде его постоянного пациента-образца, для детского врачебного чемоданчика. А теперь? Он свалил вину моего предполагаемого расстройства сна на переезд, и при этом он звучал убеждённо. В то же время он сказал, я должна забыть о полукровке. И это допускало только один вывод: Пауль что-то знал, но не верил в это. Да, мне даже показалось, что из-за папы ему неловко. Он что, думал, что папа сошёл с ума?

Что-то здесь не так. Кто-то врёт. И я не могла избавиться от подозрения, что это был мой собственный отец. Кто был истинным кандидатом для психиатрии - папа или Колин?

Хотя из-за тревоги я качала обоими коленями и болезненно переплела пальцы рук друг с другом, я откинулась назад на кровать и стала искать решение. Как можно самостоятельно выяснить, что было с папой?

Если Колин был его пациентом, об этом должны быть записи - но скорее всего не здесь, а в клинике. Но если Колин не был его пациентом и то о полукровке было правдой, это будет ещё сложнее.

Но прежде чем я начала размышлять дальше, приблизился заглушено вибрирующий звук мотора грузовика. Вздохнув, я поднялась, подошла к окну и хотела его закрыть, чтобы можно было спокойно подумать. Но транспортное средство остановилось как раз перед нашим домом.

И сразу на тёмную улицу вышли две фигуры - мама и папа. Настороженно я выключила свет и примостилась на подоконнике. Мама повернулась и посмотрела ко мне наверх. Я затаила дыхание. Но если законы физики работали, то она не могла меня увидеть. Мама снова повернулась к папе. Я тихо выдохнула.

- Она спит? - спросила она приглушённо.

Водитель грузовика открыл заднюю панель, и скрип петель заглушил ответ папы.

- Вот дерьмо, - ругалась я беззвучно. Пожалуйста, говорите дальше. Шум на некоторое время прекратился.

- Ты думаешь, она была у него? Сегодня ночью? - услышала я маму. Я слушала так сосредоточено, что даже не смела глотать.

- Даже если и была, - тихо раздался голос папы в ранней ночи. – Он, в любом случае, не скажет ей правду.

Двое мужчин начали переносить коробки в дом. Их было немного, может быть, десять штук. Папа тщательно следил за их действиями, но оставался стоять с мамой снаружи.

Но их разговор был перекрыт топотом грузчиков и скрипом задней панели. Только когда мужики вошли в дом, до меня снова донеслись отрывки слов.

- И он действительно был одним из них? - спросила мама с дрожью в голосе. Я высунулась ещё сильнее из окна, но грузчики перенесли все коробки в дом и попросили папу расписаться.

Как только машина завелась и отъехала, дальнейшее подслушивание стало невозможным. Несколько секунд спустя, после того, как грузовик завернул за угол, мама и папа вернулись обратно в дом.

Один из них. Я с усилием тёрла глаза. Я была так измученна, что мне нужно было закрыть их на несколько секунд. Один из них - это могло означать всё, что угодно. Мама использовала эту фразу для папиных особенно больных пациентов.

Те безнадёжные случаи, к которым он срочно уезжал иногда посередине ночи и которые его часами привязывали к телефону, потому что они снова хотели всеми силами покончить жизнь самоубийством.

Но что это были за коробки? Почему их доставали в такое время? Грузовик выглядел как транспортное средство, перевозящее деньги, со специальными толстыми стенами и дополнительно застрахованной задней панелью. Эти коробки должны быть важными. Может быть, это документация из офиса? Или даже ...?

Ладно, если я хочу всё выяснить, мне ничего другого не остается, как предпринять внезапное нападение. Мне нужно встретить их неподготовленными и тщательно понаблюдать за тем, как они на это отреагируют. Что мне говорил Колин? Что я хорошая актриса. Тогда сейчас я должна это доказать.

Не заботясь о том, чтобы быть тихой, я спустилась по лестнице вниз и направилась прямо к комнатам, где передвигали коробки. Мама и папа сидели на коленях в кабинете моего отца, посередине коробок, между ними резак для ковров, скомканная бумага и клейкая лента. Удивленные, они подняли на меня глаза, Мама снова неприметно закрыла открытую крышку коробки, стоявшей возле неё.

- Ах, хорошо, - сказала я, присела на колени и открыла ближайшую коробку. Она была заполнена папками. Я чувствовала, что мама и папа переглянулись.

- Елизавета, что ты здесь делаешь? - спросил папа подозрительно.

С лёгкой досадой я посмотрела на него, чтобы мгновение позже подтащить следующую коробку к себе поближе. Снова только папки. Я снова подняла глаза.

- Я ищу коробку с полукровкой.

- Что?!! - закричали мама и папа одновременно.

Папа восстановил контроль над собой первым и улыбнулся быстрой улыбкой, которая колебалась между угрозой и любезностью. В это время мама суетливо сдвинула две перевязанные коробки под папин письменный стол.

- Ну, полукровка, - сказала я ещё раз. Мамины глаза расширились. Нервно она намотала кусок верёвки вокруг пальцев - так туго, что кожа между ней вздулась и покраснела. Папа

откашлялся. - Я думаю, что вы ведете себя немного странно, - сказала я и посмотрела на них с сомнением. - Что-то случилось?

Мама сглотнула.

- Нет, нет, - сказала она задыхаясь. - Всё в порядке,

Папа посмотрел на неё, покачал почти незаметно, но предупреждая головой, и перевёл свой взгляд снова на меня. Я обиженно смотрела в ответ.

- Ну, если вы наказали меня домашним арестом, то я хотя бы могу посмотреть DVD, - проворчала я, выпятив нижнюю губу.

- DVD? - повторила мама, сбитая с толку.

Папа сдул открытым ртом локон со лба.

- Да, DVD - Полукровка* с Вэлом Килмер. О, мама, мы ведь его недавно смотрели вместе. Разве ты не помнишь? Индейцы, менты, незаконная добыча урана, Вундед-Ни?

(прим.переводчика: * На русском фильм называется «Громовое сердце», на немецком название перевели как Полукровка.)

- О боже, да, конечно, - выдохнула мама облегчённо и коротко и высоко рассмеялась. А я снова начала перебирать содержимое коробки. Папки, ничего кроме папок.

- Я не могу найти фильм у себя, где-то же он должен быть, - пробормотала я и притянула к себе следующую коробку.

- о, Эли у меня есть кое-что лучше, - сказал папа, протянул руку к книжной полке и вытащил ещё запакованный DVD. Он сунул её мне в руки.

- Фрейзьер, 1 сезон.

Моя улыбка была искренней. И это было хорошо. Фрейзьер мне действительно нравился. Папа и я провели целые зимние вечера, забавляясь и смеясь, особенно над Нилсом. Этой комедии я даже простила записанный американский однотонный смех.

- Ничего себе, - вздохнула я. - Круто.

- Я бы посмотрела с тобой, но ..., - немного наигранно мама указала на коробки.

Она счастливо улыбнулась мне. От неё, во всяком случае, мой актёрский талант я не унаследовала.

- Вообще-то я хотел подарить его тебе на день рождения. Ну ладно. Теперь ты его уже получила, - улыбнулся папа примирительно.

- Хорошо, спасибо, тогда я пойду, - ответила я задумчиво и начала уже по дороге в гостиную просматривать буклет. Я вставила первый DVD, включила телевизор.

Я смеялась в самых неподходящих местах.

Потому что мой слух был направлен только в сторону мамы и папы. Они ещё разбирали коробки. В полночь я временно отступила и поднялась наверх. Мой блеф сработал, и теперь расследование может начаться. Слово полукровка достигло пафосного эффекта. Я всё ещё видела их испуганные лица перед собой. Значит, что-то за словом полукровка скрывалось.

Колин не был сумасшедшим. Но мне нужно было найти доказательства, чтобы можно было прижать папу к стене. Хорошо, что я ещё не упоминала в его присутствие слово полукровка ... Только поэтому они поверили мне с DVD.

Полночь давно прошла, когда, наконец, настала тишина. Я подождала ещё полчаса, потом прокралась в папин кабинет и стала искать ощупью, не включая свет, перевязанные коробки, которые мама сдвинула под стол. Теперь верёвки были перерезаны, а одна из коробок была пуста.

Но в другой ещё находились некоторые вещи. Я подняла ее на руки и пошла, пошатываясь, назад наверх. Там я ждала, затаив дыхание, проснулся ли внизу кто-нибудь. Но было тихо. Я села на пол и притянула коробку к себе.

В ней было два фотоальбома, потрёпанная тетрадь в кожаной обложке и папка с документами. Я взяла тетрадь в руки. Из неё вылетала фотография, нет, не фотография.

Ультразвуковое изображение. Я посмотрела на него более внимательно. Можно было увидеть не очень много; большое количество серого и чёрного, а в середине маленький червячок, с непропорционально большой головой. Дата: 17 марта 1991 года. Это была Я! Я ещё крошечным эмбрионом.

Я открыла тетрадь. Это оказался календарь 1991 года. На некоторых страницах не было никаких записей - но потом слова, написанные явно папиным размашистым почерком: «Начало круиза на Карибских островах». Карибские острова, размышляла я вслух. Да, я вспомнила, что папа раньше часто работал врачом на корабле и там организовывал для снобов семинары для расслабления, помогающие снять стресс.

В этих путешествиях он так же купил красочные кубинские картины, которые висели у нас в коридоре. Но на Карибских островах было светло и тепло. Почему мне это не пришло в голову раньше? Это не подходило к нему. Папа любил холод, темноту и сквозняк.

Я стала перелистывать. В первые дни папа записывал мелочи: какая погода, состояние моря, пару заметок о заболеваниях пассажиров. Потом, после нескольких пустых листков, папин почерк стал внезапно неровный со слишком большими буквами. С любопытством я стала разбирать его неспокойные строчки.

"2 апреля 1991 года. Что со мной случилось? Раны не гноятся. Но у меня температура 42 градуса, при этом нет ни жажды, ни голода. Что это было за существо?"

Я задержала воздух и пролистала дальше.

"4 апреля 1991 года. Я должен быть уже давно мертв. Я уже в течение трёх дней ничего не ел и не пил. Моя кожа холодная, но термометр показывает, как и до этого, 42 градуса. Я сделаю себе сейчас инфузионное вливание. Мне нужно как-то питаться. Если это будут мои последние строчки, тогда я хочу сказать последующим поколениям: это был не человек. И не животное. Оно сильно вцепилось в меня когтями и хотело превратить меня в такое же существо, как само. Это правда. И если я переживу, то выясню, что это такое.

Миа, я люблю тебя. Пауль, я люблю тебя. И ты, маленький, еще не рожденный человечек, тебя я тоже люблю."

Я выронила тетрадь. Я задыхалась, мне не хватало воздуха. Я подошла к окну, распахнула его и выглянула в ночь. Значит, это правда. Это не Колин лгал. Мой отец говорил неправду. На него напали. Кто? Демон? На Карибских островах? До моего появления на свет?

Дрожа, я уселась обратно на пол снова взяла в руки календарь. При следующей записи папин почерк успокоился. Две жуткие фотографии были наклеены под его по-деловому краткими строчками.

"6 апреля 1991 года. Снова могу есть и пить. Почти не чувствую вкуса, но могу есть. Температура теперь 39,5 градусов. Раны заживают медленно. Сказал капитану, что меня укусила обезьяна и мне нужно поправляться. Взяли курс на Атлантический океан.

P.S. 21.00. Я слышу, как волны ударяются о корпус корабля. Каждую, поодиночке. Я слышу пение дельфинов. Они сопровождают нас."

На фотографиях нечеткое изображение папиной обнаженной спины. Очевидно, он снимал себя при помощи "автоспуска."

От плеч до крестца тянулись глубокие, красные, покрытые коркой раны. Я могла распознать пять кровавых рубцов. В верхней части спины, там, где, должно быть, вцепилась скотина, они были более широкими. Так вот почему мы никогда не ходили плавать вместе. Якобы из-за того, что отец не умел плавать. Я ему никогда не верила. И я оказалась права. Я листала дальше.

"10 апреля 1991 год. По голове словно бьют молотком. Легче только тогда, когда зашториваю иллюминатор и остаюсь под палубой. Я думаю - это голод. Но на что?

23.00: съел наполовину сырой стейк. Полегчало. В то время как кровь сочилась по моему небу, я мог ощутить запах теплой шерсти этого зверя. Это было как лекарство. Завтра попробую суши."

- Фи, папа, это же отвратительно! - прошептала я и читала дальше.

"20 апреля 1991 год. Еще два дня до Гамбурга. Сильное волнение на море. Одна пожилая дама была у меня и просила лекарство от тошноты. Однако морской болезни у нее не было. У нее всего лишь был страх. Я ощутил это прежде, чем она пришла в мой кабинет. Раньше я бы дал ей таблетки. Теперь я разговаривал с ней так долго, пока она не забыла о своем страхе. И тошнота исчезла. После этого она попыталась меня соблазнить.

P.S. Шрамы на моей спине выглядят просто ужасно."

Потом, на какое-то время, была последняя запись.

"Незадолго до Гамбурга. Через несколько часов я увижу снова мою жену и сына. Боже мой, Миа, как мне тебе только объяснить, что со мной случилось? Что мне сказать? И повредит ли это нашему ребёнку?"

- Да, я бы тоже хотела это знать, - прошептала я и пролистала остальную часть книжки.

Нигде нет записей, кроме маленькой заметки месяцы спустя.

»22 Сентября 1991 года. Родилась Елизавета. Наконец-то! Неожиданно она поторопилась с рождением. И: она здорова. Слава Богу, она здорова.

Хотя я всё ещё злилась из-за папиной лжи, на мои глаза навернулись слёзы. С затуманенным взглядом я схватила верхний из двух фотоальбомов, которые находились ещё в коробке. Оба украшали три буквы: LLL. И когда я открыла альбом, мне стало ясно, что они означают. Последняя жизнь Лео.*

(прим.переводчика: *На немецком все три слова начинаются на L.)

Фотоальбом был полон снимков из тех лет – да, перед этим "Инцидентом", как я решила временно его назвать. О терминах, которыми называл их Колин, я даже не хотела думать. Я вздыхала снова и снова, рассматривая фотографии.

Я всегда знала папу только таким, каким он был сейчас. Большим, широкоплечим, с сильно выраженными мускулами, хотя он никогда не занимался спортом. Да, он был диким малым, каких описывают в книгах, если бы не его приступы мигрени, которые его иногда на целые дни приковывали к кровати.

- Мигрень, - я насмешливо фыркнула и провела кончиками пальцев по стройной фигуре мужчины, который смотрел на меня из альбомов - высоким он был, конечно, но гораздо стройнее, с более редкими волосами и более мягким взглядом. Глаза лежали глубоко в глазницах, как и сейчас, но они смотрели на меня скорее мечтательно, а не так интенсивно и жгуче.

Он действительно изменился. Хорошо люди меняются с годами, но не так, как мой отец. Это было необычно. Можно сказать даже неестественно. И всё-таки я никогда его не боялась.

В тяжёлую папку с документами я бросила только пару мимолётных взглядов. Это были отказы в принятии на работу. "Уважаемый господин Фюрхтеготт, мы с сожалением сообщаем вам, не смотря на ваши отличные рекомендации, что не можем принять вас в нашу врачебную практику. Лечение психически больных людей требует от каждого из нас, чтобы мы в любое время суток были готовы. Таким образом, мы не можем принять во внимание вашу аллергию на солнечный свет."

Из всех писем я смогла понять, что папа в его резюме просил о том, чтобы можно было переносить его встречи с пациентами на вечерние или на ночные часы. Там было лишь одно согласие - врачебная практика в центре города Кёльна.

Его партнеру там было удобно иметь кого-то для поддержки, кто мог бы заботиться о психическом дисбалансе занятых, живущих в большом городе яппи, после их рабочего дня. Даже ночью. Так вот почему мы переехали в Кельн. Мы были вынуждены это сделать.

Я достаточно увидела.

- Хорошая попытка, папа, но довольно безуспешная, - пробормотала я, взяла тетрадь в руки и сбежала вниз по лестнице.

С каждой ступенькой я становилась ещё более сердитой. Без стука, я ворвалась в спальню. Папа сидел, одетый и бодрый в кровати, волосы растрепаны, всматриваясь в себя. Мама с ним не было.

- И когда ты собирался рассказать мне об этом? - зашипела я и швырнула тетрадь ему в грудь. Папа даже не вздрогнул. Она отскочила от груди и упала к нему на колени. Неторопливо он взял и положил её возле себя на простыню.

Он коротко поморщился. Приближающаяся вспышка гнева или намёк на улыбку? Я больше его не знала. Кто сидел передо мной? Человек или чудовище? На одну секунду я подумала встать, выбежать из комнаты и притвориться, что прошедшая ночь была только страшным сном. Я хотела вернуться назад в моё безопасное защищенное детство - ну, в прекрасное время, которое было у нас во время отпуска и каникул.

Каникулы в негостеприимных мрачных местах, где почти никогда не светило солнце и где полярная ночь держала нас в своей ледяной хватке. Зимние каникулы на Аляске, в Норвегии и Канаде, постоянно в абсолютном одиночестве, ближайшие соседи находятся на расстоянии километра. Я находила это авантюрным. Это был побег, побег от света и людей.

Нет. Детства не вернёшь. Теперь я понимала то, что до этого мне, может быть, казалось немного странным. Папа смотрел на меня выжидающе.

- Я должен был об этом догадаться, - сказал он наконец покорно. - Полукровка. Фильм. Так-так.

Я опустила глаза, но не смогла сдержать мимолетной улыбки. Но потом я снова подумала о том, что мне рассказал Колин, и внезапно слова полились из меня торопливо и несвязно.

- Я знаю, что ты полукровка; полу ... Ну, во всяком случае, на тебя напали, но ты сопротивлялся, и ты делаешь больше, чем просто свою работу в клинике ... у тебя особенные способности и ... вообще-то я ничего не знаю, - поняла я, а папа засмеялся, по меньшей мере, забавляясь. Точно.

Действительно важные вещи я не знала. Почему, черт возьми, я не задала Колину больше вопросов? Почему я сдалась? Я должна была говорить с ним всю ночь.

- Пошли, - коротко сказал папа и пошёл впереди меня в кабинет. Там он положил тетрадь в ящик и закрыл его на два оборота. Потом он твёрдо посмотрел на меня.

- Прежде чем я что-то тебе расскажу, Элиза, ты должна мне поклясться - и я говорю это серьёзно.

- Согласна, - сказала я. Мой голос сорвался от волнения.

- Поклянись, что ты никому за приделами нашей семьи - никому Элиза! - не расскажешь о нашем разговоре. Потому что тебе никто не поверит, и каждый объявит тебя сумасшедшей. Ты даже можешь попасть ко мне в клинику. А у меня и так уже хватает пациентов в тяжёлом состоянии.

Смех застрял у меня в горле. Клятва. Это звучало весомо и на всю жизнь.

- Ты можешь это сделать, Елизавета? Если ты не можешь, тогда ...

- Я могу, - сказала я быстро. - Я могу. Я должна. Я сделаю это. Я обещаю тебе.

Мне было трудно сконцентрироваться. Я не рассчитывала на то, что смогу его расспросить, но теперь мы сидели здесь и переписывали заново мою жизнь.

- Что там точно случилось? Что это было? Что за существо?

У меня в животе всё перевернулось. Что бы он мне не рассказал сейчас - это будет рассказ и обо мне, и я боялась того, что услышу. Папа облокотился назад и сцепил руки за головой. Под тонкой тканью его рубашки выступили его крепкие мышцы. Его глубокий синий взгляд блуждал в незнакомой дали, которую мог видеть только он.

- Мы направлялись в Сент-Люсию. Сент-Люссия - это один из диких островов. Это то, что меня привлекло в нём. Я хотел что-нибудь пережить, а не только позагорать на пляже.

Значит, это была ещё одна из папиных старых, человеческих черт характера - его любовь к приключениям.

- У нас было полтора дня, чтобы осмотреть остров. Один день, начиная с обеда, и ещё целый день. Я взял автомобиль на прокат и решил на следующее утро начать экскурсию по острову. На карте была отмечена дорога, которая выглядела как круговой маршрут. Я прикинул, что мне для этого потребуется не более четырёх часов. Но я ошибся. Джунгли становились всё более душными и густыми, а выбоины стали такими глубокими, что я боялся, как бы что не случилось с машиной. Её амортизация скрипела и стонала. И у меня постоянно вырывало руль из рук. Местность мне не нравилась, но я так же не хотел разворачиваться. Здесь наверху больше не было туризма. Только разваливающиеся хижины, и когда я появлялся со своим гремящим автомобилем, жители выходили из своих жилищ и бросали на меня свои мрачные взгляды. Я нарушил их спокойствие, понимаешь? И это они мне ясно давали понять. Я никогда бы не подумал, что здесь будет такая бедность. Но из-за чего мне стало действительно страшно - это была погода и тот факт, что дорога не кончалась, а становилась всё более узкой и плохой. Между тем небо заволокли тёмные тучи. Влажность была настолько высокой, что я почти не мог дышать. У меня появилась ужасная усталость. И я просто должен был сделать перерыв, хотя уже смеркалось, а корабль отходил от пристани в десять часов. На Карибских островах становиться молниеносно темно. Там нет таких длинных закатов солнца, как здесь. Солнце буквально падает в море. Папа сделал паузу, продолжая смотреть в некуда. Видел ли он красное солнце между тёмными тучами Сент-Люссии? Я оставалась тихой, как мышь, чтобы не мешать ему вспоминать.

- Я сидел, значит, в этом открытом автомобиле, измученный, уставший, испытывающий жажду посередине пустыря. Моя карта показывала всё ту же картину: дорога, в конечном счёте, приведёт обратно к гавани. Но я больше не мог правильно оценивать время и расстояние. Я мог сделать лишь одно: немного отдохнуть и потом ехать дальше. Я думал о твоей матери, о маленьком человечке в ее животе. Об ультразвуковом изображении у врача, на котором ты кувыркалась, как маленький головастик. Это успокаивало меня. Я как раз задремал, когда птицы в лесу внезапно замолчали. Вдруг стало зловеще тихо. Это сбило меня с толку даже во сне. Я слишком устал, чтобы подняться, но слушал с закрытыми глазами. Я был уверен, что я единственный человек здесь наверху, когда решил сделать здесь перерыв. Но это чувство уверенности теперь ушло. А потом я почувствовал холодный, вцепившийся в меня когтями груз на спине. Беззвучно и с тяжёлым ударом, он упал на меня, появившись из ниоткуда. Он был тяжёлым, тяжёлым как человек, но когда я попробовал повернуть голову, я ничего не увидел, кроме тёмной тени и горящих глаз. Это было так, как будто в моё тело влили пульсирующий яд, но существо на моей спине оставалось беззвучным, я даже не слышал дыхания или храпа.

Я вздрогнула на моём зелёном диване и растёрла холодные ноги. Папа рассказывал спокойно и собранно, но казалось, что он ощущает ужас того времени до сих пор.

И я тоже чувствовала его, и меня невольно бросило в дрожь. Мой затылок покалывало, и хотя я знала, что за мной находиться только гладкая стена, я коротко оглянулась.

- Потом появилась боль – боль, какую я никогда до этого не испытывал. Резкая, колкая, и в то же время прекрасная и влекущая, что я подумал уступить ей. Я знал, что у меня текла кровь и что у меня должны забрать самое ценное в моей жизни - мои мысли о вас, мои чувства для вас. Мои мечты о вас. Те мечты, в которые я как раз хотел погрузиться, чтобы собрать побольше энергии. Но у меня появилось искушение их подарить. Хотя я и ненавидел это существо, которое с холодом и тяжестью висело на моей спине. Но оно потребовало ещё больше. Оно хотело, чтобы мы стали одним целым, хотело сделать меня таким же, как оно само. Оно хотело

мои сны и мечты и моё тело. Я должен был полностью ему отдаться. Это было не только хищением. Это должно было стать превращением. Сегодня я знаю об этом. Тогда же я только догадывался. Превращение. Что за хорошее слово для того, о чём он говорил. А именно о крещении кровью, а не о чём-то другом. К счастью мой разум был сильнее - ну, может, это был не разум. Я не знаю, что это было. Я увидел твою мать перед собой, свою прекрасную жену с её маленьким животиком, который постепенно округлялся и в котором находилась ты. Я видел Пауля с его голубыми глазками-пуговками, и я не захотел отказываться от вашей любви. Я думал о тебе, Елизавета. О не рождённом, невинном ребёнке. Моём ребёнке.

Я сглотнула. Это не было секретом, что я всегда была папиной любимицей. Конечно, он любил Пауля, и конечно, мама любила меня, у меня никогда не было в этом сомнений. Но папу и меня связывало нечто большее. И как я теперь узнала, очевидно, так было с самого начала.

- Эти мысли дали мне силы, чтобы вырваться. Я ударил руками, и существо завизжало так, что у меня кровь застыла в венах. Перед моими глазами всё поплыло, превращаясь в размытое зелёное пятно. Поэтому я видел только расплывчатый образ. Но я знаю, что это был человеческий образ в лохмотьях, человеческий образ с неестественно горящими глазами и необычно бледной кожей, скорее серой, чем черной. Это все, что я мог увидеть в пылу схватки. Наконец, я сделал выпад, не прекращая бить существо. Ты не можешь себе представить, насколько оно было сильным. Тебе знакомы сны, в которых ты пытаешься от кого-то защищаться, но твои руки, словно свинцом налиты, и ты не можешь собраться с силами? Просто не получается? То же самое ощущал и я. Но я не хотел сдаваться.

С каждым новым ударом я думал о вас. Мысль о том, что ты вырастешь наполовину сиротой, если это существо получит желаемое, была невыносима.

- Ты меня не получишь! - крикнул я фигуре и из последних сил вытолкнул ее из машины. Молниеносно я повернул ключ зажигания, мотор заработал и я надавил на педаль газа. Машину занесло, когда я стал набирать скорость - и при взгляде в зеркало заднего вида я увидел почему. Существо прицепилось сзади к машине и волочилось за ней. Его жадный взгляд не отрывался от моей спины. У него был такой голод. Теперь я специально направлял автомобиль в ямы, пока амортизация не угрожала сломаться, а я продолжал делать головокружительные повороты. Я ехал как чокнутый. В какой-то момент я понял, что машину стало легче вести - и я, наконец, осмелился, посмотреть во второй раз в зеркало заднего вида. Его там больше не было.

Папа остановился, повернулся и посмотрел в закрытое окно в темноту. Я положила ладонь себе на затылок. Он показался мне вдруг таким открытым и чувствительным.

- Я достиг корабля в последнюю минуту - он уже отплывал, и как раз отвязывали верёвки. Я сразу отправился в свою каюту и закрыл дверь на ключ. Что произошло потом - ну, это ты уже выяснила сама.

Папа потер руками лицо и вздохнул.

- Знаешь, Элиза, если у человека есть сильная воля, можно добиться многого. Но это не сработает, если нет ничего в жизни, за что стоит бороться. Но у меня было кое-что - моя жена, мой сын, моя не родившаяся дочь. Поэтому я заставил себя оставаться человеком. И из плохого сделать что-то хорошее, - объяснил страстно папа. - Помогать другим людям, которые - но это сейчас неинтересно, - прервал он, как будто сказал слишком много.

- А как же мама? - спросила я требовательно. - Ты ей сразу рассказал об этом? Или она, как и я, узнала об этом случайно?

Папа посмотрел на меня на мгновение удивленно, а потом начал громко смеяться. Потребовалось время, пока он не успокоился.

- Элиза, Боже мой, а как ты думаешь? Я возвращаюсь из поездки, на спине полно шрамов, веду себя странно, внезапно не переношу прямого солнечного света - ты действительно думаешь, я мог бы обманывать Мию семнадцать лет?

- Меня ведь ты обманывал, - ответила я сердито.

- Ты никогда ничего не замечала, - сказал папа мягко, но твёрдо. - Ты не знала меня другим. И мы хотели тебя защищать, так долго, на сколько это возможно.

- Защищать? Защищать меня? - спросила я агрессивно, и мой голос сорвался от возбуждения. - Ты говоришь о защите? Я живу вместе, не подозревая не о чём, с мужчиной, у которого голод на сновидения и мечты других людей и который может убить, чтобы удовлетворить свой голод. И ты говоришь, что не хотел мне ничего рассказывать, чтобы защитить меня? Я в опасности и мама тоже.

Я встала и попыталась отчаянно успокоить свои дрожащие руки, сунув их в карманы штанов. Но это не помогло.

- Ты не в опасности. Нет ни малейшего повода. Даже если бы я и похищал сны. Тебя бы сделало это максимум уставшей и подавленной.

Прекрасно. Максимум. Я смотрела на него сердито, но он только улыбнулся. - У меня нет такой силы, как у других - не как у этого в Сент-Люсии. Сядь, Элиза, и послушай меня.

Я повиновалась, но с трудом заставила себя успокоиться.

- Я не знаю, почему это так, но кажется, что тут есть своего рода иммунитет. Может, это потому, что я очень много думал о тебе, когда был атакован. А может быть потому, что ты моя дочь. Моя собственная плоть и кровь.

Во всяком случае, ты для меня так же интересна, как кусочек тоста. Если посмотреть технически на голод на сновидения.

- О, спасибо, - огрызнулась я, но не смогла сдержать улыбку, которая приподняла уголки моих губ вверх. Было заманчиво поверить ему. Иммунитет. Но могла ли я быть уверена, что он говорит правду?

- А мама? Что с ней? У тебя к ней такой же иммунитет? - упорствовала я.

- Я никогда не угрожал безопасности твоей матери. Вообще я ещё ни разу не похищал сны ни у одного человека. Чтобы выжить, мне этого не нужно. Было бы просто легче, если бы я делал это. Соблазн очень велик. Вот и всё. Ты ведь мне веришь, не так ли?

Я очень сильно хотела ему верить. Но то, что он сказал о соблазне, звучало в моих ушах крайне тревожно. Что случится, если сила воли отца внезапно сломается? Если мама и папа поругаются? Или если я пойду против него?

- Я её защищал, когда только можно. И когда мне казалось, что будет слишком трудно, тогда я отсылал её.

- Спа-отдых, - высказала я внезапно шепотом свои мысли.

Я всегда думала, что это мамина причуда. Когда она внезапно объявляла, что хочет поехать на пару дней в спа, потому что она так устала. От чего, спрашивала я себя всегда. Ведь мама не работала.

Она никогда не работала. По профессии она была портным модельером, но после того как я родилась, она всегда оставалась дома. Или была на спа-отдыхе. В то время как я оставалась дома с папой одна. Я, в одиночку с монстром.

- Точно. Спа-отдых, - тихо сказал папа. - А Пауль - мальчик. Сны мужчин не могли бы меня насытить. Кроме того, он мой сын и я люблю его.

Пауль.

- Пауль, - выкрикнула я и вспомнила его странное заикание до этого, - Его внезапный переезд, интернат - это как-то связано с этим делом?

Что Пауль сказал тогда? Он хочет быть самостоятельным. Что он нуждается в свободе. В семнадцать лет! А мои родители даже поддержали его в этом.

Папин взгляд потемнел.

- Я попробовал всё объяснить, когда ему было шестнадцать, и он упрекал меня в том, что я отсылал маму снова, чтобы самому развлекаться. Он думал, что у меня роман. А потом, - папа

остановился и на мгновение замялся. - Его первая подружка, Лили. Она влюбилась в меня. Это случается, после того случая как-то - хм. Часто. Сказать по правде, очень часто.

Он откашлялся смущённо. Я подумала о заметках в тетради. Болеющая морской болезнью старая женщина. О Боже. Мой отец - сердцеед. Как ужасно.

- Я должен был объяснить ему, что действительно было причиной. Он не хотел в это верить. Он не принял этого до сегодняшнего дня. Он думает, что я лгу, что это я разжёг чувства Лили. И что у меня не все дома. Я не могу винить его в этом.

- Я тоже нет, - горько ответила я. Моя подсознательная надежда на то, что Пауль когда-нибудь вернется и будет жить вместе с нами, окончательно рассеялась.

- И что же ты будешь делать? Тоже переедешь? - спросил отец серьезно.

- Я верю тебе насчет укуса. Я не должна, но я просто знаю, что так и было. Это и есть самое худшее. Я просто верю тебе.

Мы замолчали. Такова была действительность. Мой отец был полукровкой.

Колин не лгал. Но я отодвинула мысли о Колине. Сначала мне нужно было прояснить пару вещей.

- Как ты считаешь, кем в действительности было это существо с Св.Лучии? И много ли таких еще?

Папа ответил не сразу. Он открыл окно, и некоторое время я смотрела на темную улицу. Стрекотание сверчков приятно и сладко жужжало в теплом летнем воздухе, но у меня были ледяные руки. Еще несколько минут - и от внутреннего напряжения у меня бы начали стучать зубы. Кроме всего прочего, у меня разболелась голова.

Папа повернулся и слегка прислонился к подоконнику. Его расслабленный вид был обманчив. Я видела, что он искал подходящие слова. Он не находил их. Возможно, он не решался произнести то, что думал. Вместо этого он подошел к своему шкафу, отворил левую дверцу и достал из верхнего отделения снимок, вставленный в рамку. Он дал мне картину без комментариев.

Я знала её со школы. Мы обсуждали её в прошлом году на уроке рисования. Ночной кошмар от Фюссли. Женщина, лежащая на кровати в изогнутом положении на спине, как мёртвая, а на её груди победоносно сидит пушистое существо с заострёнными ушами и с похожим на маску лицом.

Но самым жутким я находила лошадь с мёртвыми глазами, которая на заднем плане врывается в ночной сюжет, раздувшиеся чёрные ноздри и взъерошенная от бури грива.

- Ночной кошмар, - прошептала я.

Вопросительно я взглянула на папу. С позволения сказать, он был привлекательнее, чем этот обезьяноподобный темный дух на груди спящей женщины.

- Да. Называй их как захочешь. Ночным кошмаром, оборотнем, инкубом, темным эльфом, народом теней, охотниками за сновидениями. Они распространены по всему миру. В них верят очень давно, и они встречаются почти в каждой культуре. Меня это не удивляет. Мы до сих пор не знаем, для чего нам нужны сновидения. Что они у нас вызывают. Учёные блуждают всё ещё в темноте.

(прим.переводчика: *Инкубы — (incubus, от лат. incubare, «ложиться на»), в средневековой европейской мифологии мужские демоны, домогающиеся женской любви. По толкованиям некоторых христианских теологов, Инкубы - падшие ангелы. От браков с Инкубами рождались уроды или полузвери. Обычно напарницами Инкубов были ведьмы или жертвы их колдовства.)

Значит, поэтому папа просил своих пациентов вести дневник сновидений. Его объективность на первый взгляд успокаивала, но при ближайшем рассмотрении вызывала тревогу. Папа не был идиотом. Если он говорил, что есть такие существа, то он говорил это не просто так. Скорее всего, он исследовал это в течение многих лет.

Значит, они действительно существуют.

- Что они на самом деле и как они ими стали - об этом у меня есть разные теории, - продолжил он задумчиво. - Я только знаю, что есть люди, которые были атакованы, иногда на протяжении длительного времени снова и снова, и после этого изменились, стали вялыми, слабыми и подавленными. Которых даже принимают за психически больных.

- Это заметно, если человек подвергается нападению со стороны демона Мара? – спросила я с неприязнью. Мысль о том, что возможно со мной такое уже могло произойти и я даже не догадывалась об этом, была невыносима.

Папа покачал головой.

- Нет, чаще всего нет. У меня были единичные пациенты, очень впечатлительные, которые что-то зафиксировали: ускользающую тень, тяжесть на груди, присутствие чужого существа. Другие видели горящие глаза. Может даже случиться так, что из-за таких встреч возникают истории, от которых волосы встают дыбом, о похищениях на космический корабль в космосе. Или вера в духов и приведений.

Ну, тема разговора была не так уж далека от призраков, содрогаясь, подумала я. Будь это демон Мара, дух или призрак - насколько я поняла, он был опасен. Что так, что так. Папа, во всяком случае, не выглядел запуганным. Неужели для него это было, прежде всего, ничто иное, как увлекательный предмет исследования?

- У пораженных отсутствуют сны, надежды и чувства. После определенной фазы поражения, они больше не могут видеть сны, ночью почти не отдыхают, ни душой, ни телом. Мара ищет потом новую жертву, потому что источник его пищи исчерпан. Ученые называют пораженных "невидящие сновидений" и складывают их в один ящик с теми людьми, которые не могут видеть сны по другой причине. Имя у них есть, а вот лечения нет. Только таблетки. Я пытаюсь им помочь, не говоря им, что же с ними произошло. Существует не так много демонов Мара, которые могут мне в этом помешать, и здесь, в деревне...

Папа затих, как если бы он слишком много рассказал. Здесь, в деревне, думал он, их вообще не должно было быть? Или это было как-то связано с его сомнительной работой наряду с его деятельностью психиатра, которую упоминал Колин? Колин.

Я не могла больше крутиться вокруг да около. Я боялась ответа, как ребенок боится темноты, но мне надо было знать, какую роль во всем этом мистическом спектакле о призраках играл он. Почему он узнал папу? Он тоже был полукровкой? В любом случае, Колин не был каким-то существом. Однозначно, он был человеком.

А не демоном в лохмотьях, который подстерегает на деревьях и прыгает на своих жертв. Я уже как раз хотела собрать свое мужество и задать возникшие вопросы, когда папа выхватил картину из моих рук, закрыл окно и повернул меня безоговорочно в сторону двери.

- Этого достаточно, Элиза. Не забудь: тебе нужно с этим жить, но ни одному человеку нельзя ничего рассказывать. Даже если ты его любишь. Когда-нибудь ты выйдешь замуж и этот мужчина никогда не должен об этом знать. Это нелегко. Это бремя. Сегодня ты узнала более чем достаточно.

Сокрушенно я сдалась. Мои вопросы о Колине я могла пока отложить. Папа целенаправленно обогнул эту тему. Он не хотел говорить о нём. Для него было бы лучше, если бы Колин бесследно исчез из нашей жизни.

При этом я так отчетливо ощущала его присутствие, что через мои желудок и сердце постоянно проходили небольшие импульсы тока. Он не был далеко, может быть в двух-трех километрах. И я чувствовала, что он был там, в своем доме, со своими кошками. Может ,он сидел на скамейке под крышей и смотрел в темноту?

- Спокойной ночи, Елизавета, - папин голос вырвал меня из моих мечтаний. - Ты не должна ничего бояться. Они не осмеливаются приблизиться к тебе.

Я снова вздрогнула. Ха, тебе хорошо говорить, подумала я расстроено. Я не должна бояться. Так просто. Я ему не верила. В конце концов, он должен был так сказать.

Однако это должно было бы означать, что Колин не был из числа тех существ, потому что он не боялся находиться поблизости от папы. Тот факт, что я на протяжении последних недель видела такие живые сны, успокаивал меня. Я определенно не была "невидящий сновидений" человеком.

Да, и возможно я многое узнала, но это вовсе не означает, что больше не было загадок и я была довольна собой. Вовсе нет.

Наверху, в моей комнате, я поставила будильник на час раньше, потому что впервые в жизни у меня больше не было сил делать уроки. Папа и я пожелали друг другу спокойной ночи. Однако я не отважилась дотронуться до него. Теперь меня охватило полное одиночество.

Мой папа мог стать для моей матери опасным. Пауль никогда не вернется домой. Где-то снаружи находятся существа, которые подбираются к людям, чтобы украсть их сны и чувства. И с Колином мне нельзя больше встречаться. Только почему?

Колин слишком много знал, чтобы не иметь ничего общего с этим. Может, он был опасен не только для меня, как утверждал отец, но и для всей нашей семьи.

Но для анализа случившееся у меня больше не было сил, даже для того, что произошло вечером ранее на дискотеке. Веки были такими тяжелыми, что мои логические размышления были выведены из строя и мою голову затопили неугомонные воспоминания. Танцующий Колин, Колин, который собирает мои слезы со щек, мерцающий взгляд Колина в тени леса. Его лицо, такое прекрасное в лунном свете, что это причиняло боль...

Я чувствовала себя такой хрупкой и израненной, и так много было того, о чем нужно было подумать. Когда птица на опушке леса затянула свои печальные, утешающие крики, я послушно позволила заманить себя в мир сна.

Возможно, я проснусь, и все окажется сном. Я цеплялась за эту надежду. Однако я точно знала: моя предыдущая жизнь была сном. Теперь же была реальность.

Глава 18. Блины с яблоками

Я никогда не любила понедельники, но этот оказался самым тягостным из всех тех, что я когда-либо переживала. Разговор с папой доказал, что Колин был прав, но только теперь, после неспокойной и слишком возбуждённой ночи, я поняла, как это влияет на мое будущее. И что папа не изменит свои запреты только потому, что я теперь была посвящена в это.

Он даже настоял на том, чтобы отвезти меня в школу. Мама ещё спала, и мои протесты так и остались незамеченными. Папа сверлил меня своим взглядом, и я догадалась о той силе, которой он обладал. Но я была слишком уставшей и сбитой с толку, чтобы сопротивляться.

Погода изменилась. Над рекой, словно дым, висел густой туман, серое небо было совершенно непроглядным, воздух был настолько холодным и зябким, что я даже натянула на себя пуловер.

Папа молчал всю дорогу, но меня не покидало чувство, что у него ещё есть, что мне сказать. Я тоже хотела этого. Мы ещё не разговаривали о Колине.

Он же не думает, что я приму его запрет на общение с Колином без всяких объяснений? Что с Колином не так? Или мой отец ничего не знал о нём?

Может быть, он только догадывался? И лишь на основании этого он решил запретить мне общаться с ним?

- Нет - уверенно сказал папа как раз тогда, когда я собиралась спросить его.

Я раздраженно фыркнула. Подобное чтение моих мыслей мало-помалу начинало действовать мне на нервы.

- Почему? - я скрестила руки на груди и осталась сидеть пристегнутой, несмотря на то, что до начала занятий оставалось всего 10 минут.

- Это слишком опасно, Элиза.

- Почему? - не испугавшись, повторила я и отвела глаза. - Что с Колином не так?

Теперь уже папа гневно фыркнул и поднял глаза вверх, смотря на крышу машины.

- Елизавета. Если наша семья для тебя что-нибудь значит, если мама и я для тебя что-нибудь значим, то больше никогда не называй этого имени. Даже не думай о нём. Это слишком опасно. Даже эта беседа уже очень опасна, - он отвел взгляд от крыши машины и взглянул на меня угрюмо. - Это может нас всех убить.

На моем лбу выступили капельки холодного пота. Папин голос звучал почти так же угрожающе и зловеще, как при встрече с Колином в нашем зимнем саду. Мне не приходило на ум никакого ответа. Просто забыть о Колине? Как он себе это представлял? Я предприняла последнюю попытку.

- Но что с мамой? И со мной? Разве я тоже не в опасности, если живу вместе с тобой? Ты говоришь, что нет. Потому что ты нас любишь... Я не в опасности, потому что ты меня любишь и ...

Прежде чем я поняла, что я только что хотела сказать, его слова поразили меня в самое сердце.

- Он тебя не любит. Элиза, о чем ты думаешь? Почему он должен тебя любить? Он...

Папа запнулся, когда я рывком расстегнула ремень. Ослепленная слезами, я открыла дверь машины.

- Да, почему он должен меня любить? Почему? Почему меня должен любить вообще какой-то парень? Немыслимо, да? - кричала я папе и почувствовала, как весь цвет сошёл с моего лица.

Я выскользнула из машины, захлопнула дверь и поторопилась к зданию школы. От стыда я почти не могла дышать. Что я на самом деле хотела сказать? Что с Колином, кем бы он ни был, я была в безопасности, потому что нравлюсь ему? А может он любит меня? Как я могла придумать такую глупость? Всё из-за дурацких мечтаний?

Он даже до меня ни разу не дотронулся - кроме тех двух раз, которые можно описать так: "Мы спасем маленькую девочку от ночных опасностей". Но это ничего общего не имело с голливудской романтикой. Он нёс меня, потому что это было практично. И он всегда отсылал меня потом. Вот и всё. Отрезвляющий итог. А то, со слезами ... слёзы? Не более чем сумасшедшая характерная черта.

От слов папы было так больно, будто в моей груди глубоко и воспалённо застрял ржавый нож. Я выставила себя дурой, но он, кроме того, отреагировал так жестоко, как никогда раньше. Жестоко и беспощадно. Показывал ли он теперь своё истинное лицо?

- Эй, с тобой всё в порядке?

Мой затуманенный от слёз взгляд прояснился, и веснушчатое лицо Майке вернуло меня назад в реальность. Было без двух минут восемь, и я стояла, плача, возле лестницы школы, цепляясь за перила.

- Нет, всё плохо. Мой отец запретил мне, что ... ах ... я не могу об этом говорить. Я не могу! Честно.

Майке сунула мне бумажную салфетку в руку и посмотрела на меня с любопытством.

- Ты внезапно исчезла в субботу. Это как-то к этому относиться? - Она отважилась на осторожную улыбку. - Ты сбежала с каким-нибудь парнем?

- Что-то вроде этого, - пробормотала я в салфетку и высморкалась. Пару проходящих мимо учеников смотрели на меня с любопытством. Сердито я посмотрела в ответ.

- Теперь всё совсем по-другому, чем раньше, - добавила я беспомощно.

- И тебе больше нельзя с ним встречаться, - торжествующе пришла к выводу Майке.

- Точно.

Более точно: потому что мой отец был на половину демоном Мара и Колин как-то его узнал, и теперь мне больше нельзя было с ним встречаться. Даже говорить о нём. Даже думать о нём. Потому что иначе вся моя семья будет в опасности.

И я никогда не смогу рассказать об этом другому человеку. К тому же я не думала, что Майке когда-нибудь слышала или читала о демонах Мара.

- Ну, это может с каждым случиться. И тебе не обязательно слушаться, - сказала она прагматично и потянула меня за рукав, отходя от перил, которые я всё ещё сжимала. Весь мир в это утро казался мне гигантской ловушкой, - неровной, небезопасной и без надежных путей - о которую можно легко споткнуться.

Но сильные пальцы Майке на моей руке были небольшим родным спасительным островом. Я расплывчато поняла, что у неё даже на тыльной стороне рук были веснушки.

Не послушаться. Она не знала папу. Обмануть его - было для меня невозможной вещью. И это было намного рискованнее, чем я когда-либо могла себе представить. Может быть, Колин был кем-то вроде охотника за демонами Мара? Такой же, как Ван Хелсинг, только он охотился на похитителей снов? Мог ли он засадить папу навсегда за решётку?

Я вздрогнула, когда поняла, что снова думаю о нём. Каждый раз, когда Колин врывался в моё сознание и я пыталась его оттуда вытеснить, мне хотелось тихо кричать. Я проглотила боль, которая угрожала поглотить меня, и вытерла потёкшую туш с лица - это была слабая попытка сегодня утром прикрыть хорошей порцией макияжа мои заплаканные глаза.

- Не хочешь сегодня у нас пообедать? Ты могла бы потом помочь мне убраться в кроличьей клетке и заново её оборудовать. У тебя есть для этого настроение? - спросила Майке, дружелюбно толкая меня через переполненный коридор.

Ах, Майке ... Кроличья клетка. Несмотря на моё горе, я рассмеялась. Сухой, похожий на рыдания звук.

- Окей, - сказала я.

Все же это было лучше, чем ехать домой. Мне нужно будет предупредить маму, а папа не сможет меня проконтролировать, потому что он будет в клинике до вечера. В это утро, впервые в жизни, мне не удавалось сосредоточиться на уроке.

После занятий я позвонила маме, пока Майке терпеливо ждала рядом. Я назвала маме номер телефона Майке и имена ее родителей, чтобы она знала, где я нахожусь. Мне казалось, что мне семь лет.

Мама немного поколебалась, прежде чем разрешила мне вернуться попозже. В ее голосе звучала тревога. У меня было чувство, что я должна сказать ей что-нибудь утешительное, но я не знала что. В конце концов, я не знала, как много ей известно о нашем с папой разговоре. Не говоря о том, что отец рассказал ей о встрече с Колином.

Она тихо вздохнула в трубку.

- Я буду дома в четыре,- заверила я ее, хотя она не назвала точного времени и не требовала раннего возвращения домой.

- Пока, мама.

Она больше ничего не сказала, и я отключилась.

- Мои устроили сцену из-за Бенни, - ухмыльнулась Майке.

- Из-за Бенни? - спросила я ошарашено.

Бенни, в отличие от Колина, мог бы стать мечтой для каждой тещи. Кроме того, от меня как-то совсем ускользнуло то, что Майке интересуется Бенни или наоборот... Стоп, в субботу она как раз зависала в баре.

- Да, - она пожала плечами. - Мы как-то раз тискались на лесном фестивале - кто-то увидел и рассказал моим родителям. Они считают, что Бенни для меня слишком прыткий. На самом деле, я думаю, что им вообще не нужно, чтобы я с кем-то тискалась. Они для каждого найдут причину. Ладно, поехали, я хочу есть.

Я села на багажник велосипеда Майке. Задыхаясь, она начала крутить педали своими подтянутыми ногами. Тучи на небе разошлись, а воздух стал ощутимо теплее. Только не думай о Колине, уговаривала я себя, когда зелёный пейзаж проплывал мимо нас, а тяжёлая сумка оттягивала мои и без того ноющие плечи. Сейчас ты с Майке, с её семьёй, с вполне нормальными людьми. Это вполне нормальная жизнь.

Это действительно было так обыденно, что мне хотелось положить голову на клетчатую накрахмаленную скатерть и начать плакать. Отец Майке был круглым человеком с круглой головой и круглыми глазами, который в четыре часа утра выходил из дома на утреннюю смену и поэтому уже закончил работу.

Он поприветствовал меня тёплым крепким пожатием руки и лучезарной улыбкой. Мои плечи сразу расслабились.

- Садись, - сказал он и показал на столик на террасе с клетчатой скатертью. Я скользнула на деревянную скамью, которая находилась в тени и с которой можно было рассмотреть идиллически зелёный сад.

Чуть дальше сад переходил в поляну. В дали я могла видеть, как пасутся овцы, а на старом выцветшем и с глубокими вмятинами деревянном столе дремала рыжая толстая кошка. Никто не задавал мне любопытных вопросов.

Сёстры Майке, три миниатюрные копии её самой, находили совершенно нормальным то, что за столом было на одного человека больше. Это, скорее всего, не было редкостью. Мать Майке позаботилась о лимонаде для меня и поставила гигантскую тарелку, полную толстых блинов, перед моим носом.

- Угощайся! - поощряла она меня. - Вестервельдские блины с яблоками - хороши для нервов.

- О, это то, что нам нужно, - театрально простонала Майке и нагрузила свою тарелку.

- Почему это? - спросила я неубедительно.

Уже первый кусочек наполнил меня солнечными воспоминаниями детства. Блины с яблоками - их я ела в последний раз у бабушки в Оденвальде.

- Ах, ты. Для тебя это такая лёгкая задача. Курсовая неделя! Следующий понедельник, четверг, пятница. Кто это вообще выдумал - курсовую неделю? Не нужно людям такого стресса!

Ах да. Точно. Курсовая неделя. Даже про это я полностью забыла. Я, должно быть, выглядела очень несчастной, потому что все разразились искренним смехом, даже сёстры Майке.

- Она пишет только на единицы, - сказала Майке. - И всё равно ты скривила такую рожу, - она засмеялась.

- Хм, - ответила я только и засунула следующий кусок утешительного блина с яблоками в рот, в то время как отец Майке мне одобряюще подмигнул.

Я чувствовала себя полностью засахаренной и сладкой. Следующие два часа я ползала на коленях по поляне и рвала одуванчики.

Вначале я ещё думала о клещах и обо всём том, что я об это читала, но мысль о менингите не могла меня больше напугать в этот странный день. Даже если это случиться, подумала я и пожала, вздыхая, плечами. Маленькая сестра Майке наблюдала за мной, улыбалась, забавляясь, и открыла очаровательный ряд отсутствующих зубов.

С удивительной силой толстые кролики вырвали сорняки из моих рук. Майке стучала молотком, как эксперт, исправляя что-то в обветшалой клетке. После этого она хорошо в ней убралась и заново её оборудовала, в то время как я испортила свои очень дорогие белые брюки, пытаясь справиться с тяжёлой задачей - помешать сбежать кроликам. Но и на это мне было плевать.

Майке и я много не разговаривали, а если и говорили, то о несущественных вещах: о школе, об одноклассниках, об учебном материале. Только когда клетка была снова целой и кролики, жуя, въехали в их отремонтированный дом, Майке задала мне вопрос.

- Кёльн довольно классный, не так ли? По сравнению с этим?

Ещё две недели назад я бы сразу ответила да и начала бы о нём рассказывать. Но солнце, которое со всей силой жгло нам в спины, сделало меня ленивой для разговора.

Хотела бы я быть сейчас в Кёльне, в моей старой жизни? Конечно, это было бы проще. Всё было бы проще. Я бы никогда не познакомилась - небольшая буря поколебала моё сердце - с проклятым Колином. Я бы не знала, что случилось с моим отцом, а Тобиас не стал бы ухлестывать за кем-то другим, и мы, может быть, стали бы даже парой. А Гриша...

Я посмотрела на жёлто-зелёные пятна на моих коленках, вдохнула и выдохнула один раз, а потом вяло сказала:

- Ах, знаешь, вообще-то Кёльн уродливый. Слишком много улиц, слишком много машин, а воздух смердит. Там нет ничего особенного.

Майке уставилась на меня, смотря в течение нескольких секунд, потом снова легла на траву, и смех сотряс всё её тело. Её сёстры смеялись вместе с ней, хотя они сидели довольно далеко от кроликов и не знали, о чём мы говорили. Я пыталась выглядеть по возможности достойно.

- О, Эли, ты такая дурная, - задыхалась Майке, схватившись за свой левый бок.

- Почему это вдруг? - капризно спросила я и потёрла нервно пятна от травы на моих брюках.

- Ты приезжаешь сюда, смотришь на всё свысока, одеваешься как модель, ни с кем не разговариваешь - я имею в виду, каждый из нас думал, что ты всё здесь ненавидишь, а Кёльн – это, должно быть, рай. А теперь ты говоришь, что он уродливый.

- Я не такая, - сказала я тихо. - Я не модная кукла.

Майке на мгновение задумалась, поглаживая серого кролика на своих коленях за его дрожащими ушами.

- Это может быть и правда, - ответила она так же тихо, и улыбка исчезла с её лица. Печально она посмотрела на меня. - Я всё-таки не имею представления, кто ты.

Я тоже, подумала я устало. Менее чем когда-либо. Только одно я точно знала: это было приятно - ползать здесь по земле и портить свои брюки. Приятно, но это был не мой мир. Тоже самое чувство посещало меня в Икеи, когда я садилась там в полностью оборудованную однокомнатную квартиру и коротко представляла, что она моя.

Но я была слишком хаотичной, чтобы содержать квартиру, даже в течение трёх часов, в таком образцовом, правильном состоянии, поэтому я не могла этим наслаждаться. И вот сейчас я внезапно просто захотела уйти, и от привкуса сладких блинов с яблоками мне почти стало плохо.

Чтобы отвлечься, я наблюдала, как мать Майке приклонилась перед своей маленькой дочкой и встревожено посмотрела в её лицо.

- Ты что-то очень бледная, моё сокровище, - сказала она и стряхнула две травинки с её плеча.

Я опешила. Сцена показалась мне очень знакомой, как будто я уже её один раз видела - нет, как будто я сама пережила её. Конечно, мой обморок.

Трава на моей одежде. Мёртвая стрекоза в моих волосах. Точно так же на меня смотрела моя мама, когда я поздно пришла с установки Кнайппа. Её ссора с отцом в кабинете - а потом её странные вопросы, после того как я, как лунатик, ходила во сне...

Я быстро встала. Зачем врать, что у него иммунитет. Мама думала совсем по-другому. Неужели папа меня всё-таки атаковал? С удивлением Майке посмотрела на меня.

- Я поеду домой. Ты ведь знаешь, мой отец.

Из-за запаха жира и блинов меня снова затошнило. Я должна выбраться отсюда и поговорить с мамой, прежде чем папа придёт домой. Майке проводила меня до автобусной остановки. Пока я там ждала одна, из-за внезапной послеобеденной жары начало рябить на асфальте, и я поймала себя на мысли о том, что завороженно смотрю в сторону каждой из немногих проезжающих мимо меня машин. Нет. Никакого чёрного внедорожника. Никакого Колина.

Напротив паслись коровы, и если не приближался автомобиль, то стояла медитативная, по-летнему знойная деревенская тишина. Но в моей голове царила война. Я дрожала при мысли, что возможно папа похищал мои сновидения. Если что-то и принадлежало мне одной - так это были мои сны. Он мог взять у меня всё что угодно, но только ни это.

Наконец приехал автобус и отвёз меня в Кауленфельд. Дорогу от остановки до нашего дома я бежала. В виде исключения я нашла маму не в огороде, а в швейной комнате. На полу лежали несколько порванных кусков ткани, а на её лбу выступили маленькие капельки пота.

- Ну, Элиза, - сказала она мягко.

Элиза. Так называл меня всегда только папа.

- Мама! - закричала я обеспокоенно. - Ты думала, он меня атаковал, не так ли? Ты думала, он атаковал меня! Почему ты ничего не сказала мне, почему ты меня не увезла? Как ты можешь жить с кем-то, как он? Как ты это допускаешь?

- Я могу, - сказала она твёрдо, выключила швейную машинку и положила свои руки на колени.

Земля из огорода оставила чёрные края под её коротко подстриженными ногтями. И всё равно я считала её руки красивыми. Умелые руки. Мои собственные выглядели слишком нежными и бледными по сравнению с её.

- Но ты думала, что он что-то мне сделал! Это правда, не так ли?

Мама сделала глубокий вздох.

- Нет, это не так. Я просто боялась, что это могло случиться. Но думать - нет, я об этом не думала. В этом есть разница.

Я слишком поторопилась с выводами. И я ошиблась.

Я не знала, что на это сказать. Убеждала ли она себя, что это так, или это было действительно правдой?

- Ты ведь всё ещё видишь ночью сны, не так ли? - спросила она меня спокойно. Я кивнула. - И у тебя нет депрессии или тенденции к суициду?

- Ну, - проворчала я. - Как на это посмотреть. Последние два дня не были легкими. Но в принципе, я бы ещё с удовольствием немного пожила.

Я села, скрестив ноги, на пол. Я больше не могла стоять. Всё это было слишком для меня. Мама опустилась возле меня и взяла меня за руку.

- Ты должна поверить мне, что Лео никогда ничего мне не делал. У нас есть соглашение. Иначе я сплю в комнате для шитья. Долгое время я не хотела оставлять тебя с ним одну, и Пауль тоже. Я всегда брала вас с собой, помнишь?

Да, конечно, я помнила короткие поездки к бабушке или в горы, Пауль и я на заднем сидении маминого гремящего жука, на котором иногда прямо при езде срывало крышу, а при переключении скоростей он издавал адский шум. Мне казалось это классным. Паулю обычно тоже.

- Но потом я стала всё более чётко понимать, что на тебя и на Пауля он смотрит иначе, чем на меня.

При этих словах я почувствовала, как по спине пробежала дрожь. Как же папа смотрел на маму? Голодным взглядом? Как она чувствовала, что ей нужно исчезнуть?

- И ты оставляла нас с ним одних, - прокричала я с упрёком. – О, чёрт, мама, - вырвалось у меня яростно. - Он смотрит на тебя иначе, чем на нас? Что ты вообще делаешь?

- Он не смотрит на меня, как чудовище. Елизавета, он не монстр. Если хочешь, можно сказать, что он болен. У него проблемы со сном. И я люблю его. Я не могу взять и бросить человека только потому, что он изменился. Многие люди уходят, но я не хотела и не могла так сделать.

Он не смотрит на меня так, что мне становиться страшно, скорее взглядом, полным боли. Понимаешь? А если становится совсем плохо, я исчезаю.

- И оставляешь меня с ним одну. Но Колина мне видеть нельзя. Это не логично.

- Нет, это не так, - возразила мама спокойно. - Я знаю твоего отца. Тебе с ним ничего не угрожает. Поверь мне.

Доверие. Мне надоело постоянно оправдывать всех. По правде, я никому не могла доверять.

- Мы не знаем, что с этим Колином, - сказала мама задумчиво. - Какие у него намерения, добрые или злые. Мы только знаем, что папу он..., - она искала подходящие слова.

- Узнал, - холодно сказала я. Ну, по крайней мере, мама только что сказала больше, чем папа. Но этого всё равно было не достаточно. Они не знали, кем был Колин. Мама глубоко вздохнула, и это звучало так, как будто дыхание причиняло ей боль. Она на один момент задержала воздух и медленно выдохнула. Было что-то ещё, что она хотела мне сказать? Но она взяла себя в руки.

- Придерживайся того, что сказал Лео, Эли. Никаких дискуссий. Ты его больше не увидишь. Мы просто его забудем. Мы есть друг у друга. Этого достаточно.

Я проглотила слёзы. Значит, и мама. У меня не было шансов. Она осторожно обняла меня.

Она пахла землёй и цветами, новый, но успокаивающий запах. И всё равно я освободилась из её объятий, встала и пошла к двери, ни разу не обернувшись.

В моей комнате я погрузилась в мир моих школьных учебников и жадно заполняла мозг знаниями, чтобы для других мыслей больше не было места. Я всё ещё была сыта блинами и коротко сказала маме, что не голодна, и осталась наверху.

Только когда начали гореть глаза, а мои ноги от долгого сидения онемели, я приняла душ, почистила зубы, опустила все жалюзи вниз и залезла в постель.

Мой план - трезво и объективно поразмышлять, кем мог быть Колин - не удался. Нет, всё ещё было намного хуже: я почти не помнила ни одного момента с ним.

Я знала, что что-то было, но мысли улетали, как стая испуганных птиц, пока ничего не осталась. Как будто всё стёрли. И всё-таки он был. Очень близко. Я чувствовала его.

Пожалуйста, не надо, нет, я не хочу забывать, умоляла я блекнущие воспоминания, чтобы они остались со мной. Я боялась уснуть, а на следующее утро проснуться и понять, что я не могла даже вспомнить лицо Колина, поэтому боролась за каждую секунду реальности.

Но усталость была сильнее. Я цеплялась со слезами на глазах за последние размытые воспоминания, но все же была беспощадно втянута в глубокий чёрный водоворот сна.

Глава 19. Луна в июне

Следующие две недели я прожила, как в трансе. Я толком не знала, куда себя деть, поэтому делала то, что должна была делать. Равнодушно наблюдала за собой со стороны, утром ехала в школу, автоматически разговаривала с Майке, писала контрольные и ужинала с родителями.

Стало жарко, во время курсовых я опустошала целые бутылки с водой. Почти каждый вечер была гроза. Один раз молния попала в дерево в приграничном лесу. Оно прямо-таки взорвалось; щепки разлетелись на несколько метров. Во всей деревне пострадали различные электрические приборы.

Папа поднялся с места незадолго до удара молнии, и я увидела, как он смотрел блуждающим взором и как его волосы слегка встали дыбом. Он был единственный, кто не вздрогнул, когда это случилось. Я испугалась, но мне было всё равно. Мама, напротив, так нервничала, что заварила нам целый чайник своей мерзкой валерьянки.

В основном гроза была вдалеке. Когда стало немного прохладнее, я пошла к сооружению Кнайппа у ручья и села на скамейку. Слушая сверчков, я спрашивала себя, почему меня постоянно тянуло на это место.

Чего я ждала? Было ли что-то, о чем мне должно было напомнить это место? Что тут случилось? Мучительная боль сдавила дыхание, иногда я обхватывала себя руками, чтобы доказать самой себе, что я еще существую. Моя тоска ринулась в пустоту.

Мир вокруг нас превратился в зеленые джунгли, прерываемые лишь скошенными лугами, где в шафранно-желтых остатках нескошенной травы наперебой пели цикады.

Осталась только изматывающая грусть, охватывавшая меня преимущественно ночами, когда все было тихо, и, казалось, только я и птица на краю леса еще не спали, потому что я всеми силами сопротивлялась сну. Я лежала, затаив дыхание, на кровати в моей душной комнате на чердаке и спрашивала себя, утихнет ли когда-нибудь боль. Или, может быть, даже вовсе исчезнет.

- Это может погубить нас всех,- сказал папа.

Что "это"? Что означала эта фраза? Почему он произнес ее? Я все еще спала неспокойно. Меня мучили длинные, изматывающие и совершенно бессмысленные сны, в которых я что-то искала, но вместо этого находила нечто другое, то, что для меня ничего не значило. Сны, в которых я должна была писать контрольную, к которой не подготовилась. Сны, в которых я постоянно пыталась обустроиться в новых, абсолютно непригодных для жилья квартирах с ветхими ванными комнатами, протекающими сточными трубами и чересчур скошенными давящими потолками.

Иногда, в тех далеких, приятных моментах, когда я дремала незадолго до рассвета, из темноты сна на меня смотрели глаза, темные и сверкающие. Они были такие реалистичные и были так близко, что, проснувшись, я чувствовала себя так, как будто мне что-то ампутировали. Откуда я знала эти глаза? Кому они принадлежали? Однако они растворялись в лучах утреннего солнца, прежде чем я могла найти ответ. Наступило лето. Я боялась свободного времени, которое мне теперь нужно было чем-то заполнить.

Лето

Глава 20. Сомнительное предприятие

Курсовая неделя прошла. В последний день, в безоблачную пятницу, все испытывали облегчение, возбуждённо переговаривались, составляли первые планы на каникулы. Все, кроме меня

Я отказалась снова ехать в какую-нибудь тёмную, холодную строну, в надежде, что мама и папа поедут одни, как они иногда делали раньше это, когда Пауль и я проводили каникулы у бабушки.

Задумавшись, я, спотыкаясь, спускалась позади своих одноклассников по лестнице вниз, в сотый раз думая, как же мне пережить столько свободного времени.

- Ой! - прозвучало в метре от меня где-то снизу, и я почувствовала, как что-то тёплое коснулось моих коленей.

Я пошатнулась. С трудом я ухватилась за перила, чтобы не упасть прямо на парня, который сидел передо мной на ступеньках.

Я жёстко плюхнулась на задницу и пропустила мимо гудящую толпу своих одноклассников. Мой лоб ударился о чугунные перила. С быстрым, почти агрессивным движением, парень повернулся ко мне.

Это был Тильман. Его тёмные глаза смотрели на меня испытывающе. Солнце, которое светило за нами через панорамные окна, превратило его волосы в извивающийся хаос из тысячи горящих оттенков красного.

- Извини, - выдохнула я, стараясь не показывать, что боль почти убивала меня. Я бы хотела подскочить и прыгать. - Мне больно.

- Без проблем, - сказал он небрежно.

Он снова развернулся и углубился в книгу, которая лежала открытой на его коленях. Осторожно я приподняла свой зад. Мой копчик пульсировал, но в остальном, казалось, всё было в порядке. Я пододвинулась к нему и поставила свой рюкзак между ног.

- Что ты читаешь? - спросила я.

В конце концов, я помогла ему, так что он должен мне ответить, уговаривала я себя. Он молча мял загнутый угол страницы, затем закрыл книгу и протянул мне.

Лизелотта Вельскопф-Генрих.

- Боже мой, что за имя, - пробормотала я. - «Ночь над прерией». Книга про индейцев? Это было мило.

- Никакого китча, как в дурацком Виннете, - сказал он серьёзно. - Здесь идёт речь о большем. О внутренней гордости и чести.

Я рассматривала обложку книги. На меня смотрел индеец, с высокими выдающимися скулами, с ожесточённым ртом и чёрными раскосыми глазами, которые выглядели так, словно могли поглотить души других людей. На короткое время я узнала другого мужчину в этом лице, и его имя пронеслось, как мерцающий, блуждающий огонёк у меня в голове.

Колин. Его звали Колин. Как только я могла его забыть? Но когда я захотела удержать черты его лица в мыслях, там остался только один индеец, чужой и замкнутый. Мои воспоминания были стёрты. Но я всё ещё знала, что Колин существует. Колин, умоляла я свою память.

Колин Блекбёрн. Выучи это наизусть. Всадник из болота. Боец из спортзала. Мужчина, который сказал мне, что мой отец...

- Что-то не так? - спросил Тильман и показал на мои руки.

Я схватилась за книгу так крепко, что суставы пальцев побелели. Я расслабила руки и отдала книгу ему назад.

- Если у тебя есть настоятельная необходимость увидеть человека, которого тебе видеть нельзя, потому что другие тебе это запретили, - быстро сказала я, прежде чем мои мысли снова покинули меня, - ты бы держался запрета? Или ты бы встретился с этим человеком?

Ое, Елизавета, призвала я себя, ты проводишь терапевтическую консультацию с учеником среднего уровня. Это не может быть серьёзно.

- Почему тебе нельзя видеть этого человека? В чём причина? - спросил Тильман объективно. Но как раз эта объективность меня поощрила.

- Они говорят, он может быть опасным. Даже очень опасным. Но я ему верю.

- Кто это они? – не отставал он.

- Мои родители, - вздохнула я.

Тильман только коротко подумал.

- Я бы с ним встретился, - сказал он твёрдо. - Такие решения я не позволяю принимать за меня. Он ведь не убийца или кто-то в этом роде?

- Этого я точно не знаю, - ответила я неуверенно.

Мне стало очень холодно. Но это была правда. Я не знала этого точно. Что сказал папа? "Это может всех нас убить." Эти слова преследовали меня каждый день и каждую ночь, хотя я не могла больше назвать точно, по какой причине отец внушил мне это. Теперь я снова это знала. Причиной был Колин. Колин, чьи черты лица я уже начала забыть.

- Мне проводить тебя?

- Что? - ошеломлённо я уставилась на Тильмана.

Вот он уверенно сидит на ступеньках, скорее всего, потому что сбежал с уроков, со своим настаивающим тёмным взглядом и спрашивает меня, хочу ли я, чтобы он сопровождал меня на встречу с потенциальным убийцей. Это было феноменально. Но так же совсем не правильно.

- Ради Бога, нет, нет - я пойду одна.

Я действительно это сказала? Я пойду одна? Значило ли это, что я это сделаю - выступлю против предостережения отца, чтобы наконец узнать, что такое с Колином.

Это не было мелочью. Здесь речь шла не о плохой оценке или прогуливании школы, или о возвращении домой поздно вечером. С другой стороны, я знала сейчас, в этот светлый, ясный момент, что Колин существовал и нас что-то связывало. Но если мама и папа были правы в своём подозрении, здесь речь шла, может быть, о моей жизни. О жизни всех нас.

- Но тогда он мог бы уже давно убить меня, - пробормотала я рассеянно.

- Что? Кто мог что?

Я вскочила со ступенек, при этом снова ударив Тильмана коленом, в этот раз, правда, в бок. Испуганная, я закрыла рукой рот.

- Что точно ты услышал? - прошептала я в панике.

- Гм - ничего. Поэтому я и спрашиваю, - ответил он, и на его губах появилась дерзкая улыбка. - У вас была курсовая неделя, не так ли? Ты выглядишь немного напряжённой.

Облегчённо я облокотилась на перила, при этом потирая с искривленным от боли лицом свой зад.

- Да, да. Мне надо сейчас на автобус. И я думаю, я пойду к нему. Одна. Как-нибудь всё получится. Я надеюсь на это. И если я снова не появлюсь здесь, то было приятно с тобой познакомиться, - попыталась я скрыть своё спутанное душевное состояние за юмором.

- Мы, правда, не знакомы, и за это надо благодарить мою младшую сестру, но в остальном я с тобой согласен, - сказал Тильман равнодушно.

Значит, Майке была не так уж далека от истины в своём заключении. Я забрала у него книгу из рук, без слов треснула ему один раз по башке, бросила её ему на колени и молча ушла из фойе.

Поездку в автобусе я использовала для того, чтобы подумать. Мне нужен был план. Я больше не могла вспомнить, как выглядел Колин, но он существовал. И мы провели вместе время. Мы ведь провели время вместе или нет? Я ведь была у него?

Было чувство, будто мои мысли куда-то проваливались и растворились в пустоте. Я смогла только вспомнить - и это только благодаря тому, что я больно вдавила ногти в подушечки ладоней, - свой страх и свою слабость. Почти-обморок возле поилки.

Обморок возле ручья. Панику во время грозы. Удар молнии возле меня. А потом я почувствовала снова гнетущую чащу леса вокруг себя и увидела кровоточащие половинки кабанов, болтающихся на сквозняке - образы, от которых я сама хотела бежать, и поэтому мои мысли в одно мгновение разлетелись.

И снова воспоминания исчезли. Как будто бы всего этого никогда не было. Остаток поездки я тупо наблюдала за мухой, которая то и дело врезалась в измазанное стекло.

Дом оказался пустым. Папа, скорее всего, был в клинике, а мама оставила мне записку на обеденном столе: "Меня не будет дома до вечера. Еда в духовке. Веди себя хорошо!". Веди себя хорошо. Я точно не знала, что она имела в виду. Разве ей не показалось странным, когда она писала три этих слова, что для такого требования я уже точно была слишком взрослой?

Не обращая на еду внимания, я запихивала её в себя, пока не наелась. Я не понимала, что в моём мозге вдруг стало не так работать. Ведь я всегда могла положиться на свою голову. Курсовая неделя была лучшим тому доказательством.

Без малейших усилий моя ручка скользила по бумаге, да, мне это даже нравилось - решать замысловатые задачи по перемещению денег, над которыми мои одноклассники потели, ломая голову. Для меня они были скорее освежающими. И после последней контрольной у меня было настроение для еще одной.

Но когда я только пыталась сформулировать здравую мысль о Колине и о том, что можно сделать, чтобы разгадать его тайну, мой мозг становился непонятным серым веществом. В моей голове творился полнейший беспорядок.

Хорошо, для этого существуют инструменты, подумала я злобно и поднялась наверх в свою комнату. Я взяла пачку бумаги из принтера, вооружилась ручкой и написала аккуратными буквами "Колин" на первой странице. Колин. Всё-таки начало положено. Какое красивое имя ...

Не было ли там и второго имени? И фамилии? Но я не могла их вспомнить. "Что можно сделать?" - написала я неровно внизу. Это было уже посложнее. Моя рука дрожала. Раздражённо я потрясла её, чтобы потом ещё крепче ухватиться за ручку. В моей голове была пустота. Что можно сделать?

Я поглощёно слушала тихое тиканье своих наручных часов. Очарованно я наблюдала за витиеватой стрелкой, как она медленно следовала вокруг серебреного циферблата. Так медленно ... секунда за секундой ... час за часом ...

Мои веки опустились, и мой лоб сильно ударился об угол стола.

- Нет! - сердито крикнула я и вскочила.

С гримасой я подавила зевок. Из-за этого затряслось всё моё тело. Я сжала челюсти с такой силой, что они хрустнули, хотя поддаться желанию погрызть своё нёбо граничило с тошнотой.

Должна же быть возможность, по крайней мере, хотя бы придумать идею плана и написать её. Разъярённо я побежала в ванную комнату, открыла кран и оставила бежать воду так долго, пока она не стала литься ледяным потоком в раковину. Потом я подставила под неё руки. Потом своё лицо, и, в конце концов, всю голову. Но мои колени подогнулись, как будто мои кости превратились в желе. Прежде чем упасть, я удержалась, схватившись за раковину, и взяла свою расчёску. Фыркая, я ударила ей по своим рукам. Металлические стержни не оставили маленьких красных пятен на коже, а боль не была достаточно сильной, чтобы полностью изгнать сонливость.

- В этот раз нет, - прорычала я сердито и подтянулась снова вверх.

Ещё раз я подставила голову под воду. Потом побежала назад в свою комнату и открыла все окна. Казалось, ветер дует со всех сторон. Образовалось небольшая буря в середине комнаты, от которой развевалось моё летнее платье, а мои мокрые волосы разлетались на сквозняке.

Я прижала ладони к своему мокрому лбу. Только одну мысль. Одну единственную ясную, рациональную мысль. Почти незаметное царапанье и шёпот заставили меня обернуться.

Из моего горла вырвался панический визг. Он был один. Их было несколько. По крайней мере, с десяток. Ужасная, уродливая, волосатая армия. Их жирные тела неумолимо подкрадывались в мою сторону; подсчитать я их не могла, потому что отвращение парализовало меня. Пауки. Большие, с длинными ногами пауки, которые заползли в открытое окно, обращённое в сторону леса, и, видимо, у них была только одна цель: я. Моё тело.

Мой личный кошмар стал правдой. Это происходило на самом деле. Я ещё была в сознании, но уже была не в состоянии двигаться. Я просто не могла сдвинуться с места, вместо этого я должна была, как неподвижная статуя, спокойно наблюдать, как последний паук с дрожащими ногами упал с подоконника и целеустремлённо поспешил в мою сторону.

- Папа, - сухо рыдала я и желала, как маленький ребёнок, чтобы мои родители были здесь.

Папа? Момент. Существовал всего лишь один человек, которому я когда-либо рассказывала об этой ужасной фантазии. Мой отец. А это было не только осуществление моего личного кошмара, нет, он был в несколько раз приумножен. Это была манипуляция. И она должна удерживать меня на расстоянии от Колина.

- Папа, - снова закричала я, но уже больше не плача, а угрожая.

Я вышла из ступора.

В то время как небо снаружи внезапно потемнело, первый паук достиг моих пальцев ног и провёл, ощупывая своими волосатыми ногами, по моим ногтям. Я была дрожащим плачущим свёртком из паники и отвращения, но, прежде всего, я была невероятно зла. С меня было достаточно этих фокусов.

- Ну, давайте! Подходите! Ну же! - закричала я, размахивая, как сумасшедшая, руками. - Вот, пожалуйста! - Я сорвала с себя платье, и теперь стояла в комнате только в лифчике и трусиках. - Вот, голая кожа. Давайте, заползайте, вы, глупые, страшные, ободранные пауки! - Я потрясла головой и расправила волосы руками за спиной. - Или вот - волосы. Стройте свои гнёзда. Размножайтесь. Мне всё равно!

Если меня кто-нибудь сейчас найдёт, то я точно попаду в изолятор в закрытом стационаре. Но мне было всё равно. Один паук быстро заполз по моей правой ноге. Я удерживала свои руки от того, чтобы не сбросить его в истерики.

- Я не боюсь вас, - выла я. - Вы не заберёте у меня Колина. Я его не забуду. Так же я не засну! Не в этот раз!

Мои зубы громко стучали, но моя злость удерживала меня в настоящем. Я оставалась бодрой и в сознании.

Не веря своим глазам, я наблюдала, как несколько пауков развернулись и через подоконник вернулись назад на крышу. За ними на улицу последовали другие, где небо стало чёрным, а гром угрожающе загремел.

Рыдая, я рухнула на пол. Сбитый с толку, оставшийся паук оторвался от моих ног и нашёл себе убежище под одним из лоскутных ковриков. Другой, бегая туда-сюда по моим голым рукам, исчез в щели в полу.

Дождь полил через открытые окна, а ветер закружил неисписанные страницы на моём письменном столе в воздухе. Следующий удар грома внезапно создал в моей голове мощный образ, такой ясный и логичный, что я прыгнула к столу и перерыла там всё, ища ручку.

Громыхая, книги и компакт диски упали. Я опустилась на колени, схватила один из кружащих листьев бумаги и разгладила его. Я никогда не была особо одаренной в искусстве, в основном мне ничего оригинального не приходило на ум. Но рисовать я умела. То, что я один раз увидела и запомнила, я могла хорошо воспроизвести.

Один круг за другим появлялись на бумаге. Четыре, пять, шесть. Это были колечки. Серебряные колечки. Самое верхнее было немного сдвинуто в сторону и открывало заострённый кончик уха.

В то время как снаружи, громыхая, ударяли молнии, и попадающий в комнату дождь намочил мою спину, под моими холодными руками образовывался профиль Колина. Нос, рот и волосы я только наметила. Потом я уронила ручку и встала. Победоносно я размахивала рисунком.

- Да. Это я видела. Точно, вот это! - закричала я и стала прислушиваться, взорвётся ли что-нибудь или может в комнату ворвётся вихрь, чтобы наказать меня. - И, чёрт возьми, у людей не бывает заострённых ушей!

Мой мозг снова работал. Быстро, предостерегла я себя, используй это, прежде чем будет поздно. Точно, как на карте, я увидела дорогу к дому Колина перед собой и быстро нарисовала её на одном из других белых листков, которые покрывали пол.

Я добавила: "Завтра вечером, во время заката" - так как мои родители хотели посетить друзей. Я сложила оба листка и засунула их в лифчик. Там отец вряд ли будет капаться.

Теперь я позволила себе лечь спать. Я подошла, шатаясь, ещё раз к окнам, чтобы хотя бы три из них закрыть. К оставшимся паукам у меня в комнате я была равнодушна. Пусть живут здесь, если хотят. Дрожа, я обернула одеяло вокруг своего тела.

Я увижу Колина. Чего бы мне это не стоило.

- Ты упрямая маленькая девчонка, - раздался шёпот у меня в голове.

Но я уже засыпала.

Глава 21. Правила верховой езды

В субботу меня разбудил пронзительный звонок моего сотового телефона. Я не сразу поняла, что случилось и что нужно сделать, чтобы прекратить этот действующий на нервы шум. Так долго уже никто не звонил мне на мой мобильник. Он лежал, как всегда, на подоконнике возле двери, в единственном углу комнаты, где была слабая связь.

- Да? - сонно отозвалась я.

На линии трещало и шумело. Всё ещё были открыты три окна. Морозный ветер блуждал по моим голым ногам.

- Эли? Это ты? Эли, ты должна мне помочь. - Типичный голос девушки, звучный и весёлый. Определённо Майке. - Ты меня слышишь?

- Да. Дааа. Майке, ещё только ... полседьмого, - зевала я, смотря затуманенным взглядом на часы.

- Эли. Ты должна мне помочь. У моих сестёр ветрянка, моя мама бегает от одной к другой. А мне ведь надо отвезти пироги к турниру в Херхаузен. Эли? Ты слышишь?

Я тёрла рукой заспанные глаза, пытаясь разобрать её поток слов. Ветрянка. Турнир. Пироги.

- Пироги? - повторила я хрипло и откашлялась, чтобы прочистить горло.

- Да, - Майке дышала в трубку. - Я буду помогать там позже при записи на выездки, и я должна принести еще пироги для кафетерия. Моя мать не может меня сейчас отвезти, поэтому я хотела спросить тебя, поможешь ли ты мне, потому что одна я просто не справлюсь.

В её речи было, по крайней мере, пять "и", больше, чем я могла вынести.

- Турнир? Ты имеешь в виду с лошадьми? - спросила я подозрительно.

Майке рассмеялась.

- Да, конечно, с кем же ещё?

- Майке, я не знаю, я - я только что проснулась и ..., - почему-то я всё ещё не могла заставить себя признаться Майке, что я боюсь лошадей. На заднем плане я услышала, как заплакала одна из сестёр Майке. Несчастный, лихорадочный плачь ребёнка.

Но разве я не хотела сегодня пойти к Колину? Это мысль показалась мне внезапно абсурдной при свете дня и перед лицом таких фундаментальных проблем, как внутрисемейная эпидемия ветрянки. Нет, не только абсурдной, но и опасной. Потому что я знала только то, что Колин не может быть человеком.

Но кем он был тогда? Каким-нибудь тёмным существом? Существовали ли вообще другие виды, кроме людей и демонов Мара? Был ли он врагом Мара или всё-таки был одним из них? Во всяком случае, я не видела ничего общего между ним и этим демоном из папиного рассказа, который я теперь снова хорошо помнила.

Но прежде всего, я должна была сначала удостовериться, разгадал ли папа то, что я могла сопротивляться его магическим трюкам.

- Это малиновый торт и мраморный пирог, - прохрипел голос Майке из телефонной трубки. Теперь её голос звучал напряжённо. - Надин и Лота ходят в Кобленце по магазинам, они не могут мне помочь. А Бенни в пути с клубом стрелков. Пожалуйста, Эли.

Я вздохнула. Если меня кто-то просил о помощи, я не могла сказать «нет». Это был такой древний глупый Эли-закон.

- Когда мне тебя забрать?

Майке заликовала.

- Как можно скорее. Вот увидишь, там будет весело. Мы сможем посмотреть также выездку S класса. Увидимся!

Малиновый торт и выездка S класса. Ну, отлично.

Полтора часа спустя, я, замёрзнув, оперлась на увешанный цветами деревянный забор ухоженного выездного манежа, незаметно косясь на шерстяную попону, которую кто-то оставил лежать на земле. Как бы было хорошо обмотать её вокруг пояса. Моя футболка в обтяжку была слишком короткой, а мои джинсы явно сидели слишком низко. Мой живот замёрз, как будто я была в Арктике.

Я оглядывалась по сторонам. Майке ушла, оставив меня одну, чтобы разрезать торты, взять какие-то прономерованные стартовые листки, проверить график времени и Бог знает что ещё.

- Ты можешь осмотреть конюшню, - крикнула она мне, уходя, но это для меня было равносильно самоубийству.

Я была окружена нервными лошадьми и ещё более нервными всадниками, при том, что первых я боялась определенно больше. Уже даже проход через стоянку был для меня как проход сквозь строй людей, бьющих шпицрутенами.

Один прицеп, включая монстра, возле другого. Я опустила взгляд на землю и время от времени бурчала "да", "класс" и "хм-хм", соглашаясь со всем, что Майке там болтала. Конечно, такой тип организации свободного времени - сопровождать одноклассницу на турнир лошадей - с объективной точки зрения, гораздо менее опасен, чем визит к Колину.

Но мне казалось это проверкой. Только здесь, возле забора выездного манежа, я чувствовала себя в относительной безопасности. За мной стояли столы для пива и скамейки, между ними не поместиться лошадь. А место передо мной ещё было совершенно пустое.

Но на тенистом прямоугольнике за выездным манежем первые всадники уже разогревали лошадей, везде сновали маленькие собачки, а на полосах для зрителей собиралось всё больше людей. Где, чёрт возьми, была Майке? Я ненадолго заметила её светлые волосы у палатки, где находилась еда. Потом она снова исчезла. Ей бы лучше поторопиться.

Колонки надо мной затрещали.

- Доброе утро. Мы начнём сейчас с отдельного вида соревнований КЮР, дрессуры S класса, - объявил скучающий мужской голос.

Я схватилась, ища опору, за шершавый столб забора. Содержимое моего желудка приподнялось вверх, и я тщетно пыталась сглотнуть.

- Мы вызываем первую участницу: Сандру Майер на Отили.

Плотная маленького роста девица на коренастой каштанового цвета кобыле, приблизилась к выездному манежу.

- Вот! - что-то мягкое коснулось моей руки.

Майке! Слава Богу.

- Ах, вот и ты наконец, - поприветствовала я её с облегчением.

- Конечно. Сейчас же всё начнется. Ах, Сандра, - сказала Майке и критически осмотрела Отили. - Вот, - повторила она.

Я посмотрела вниз. Она совала мне бумажную тарелку с большим куском малинового торта. Уф. Страх был несовместим с едой, и особенно с тортом.

Всё-таки я её поблагодарила и сунула пару крошек в высохший рот. Проглотить удалось мне с трудом. Отили приближалась с раздувающимися ноздрями и выпученными глазами. Ледяной порыв ветра затряс кусты возле внушительной кобылы, скачущей рысью, и, крича, две вороны сорвались с веток. Отили испугалась и отскочила в сторону.

- О нет, - разочарованно закричала Майке.

Коллективный стон прошёлся по рядам зрителей. Отили больше не хотела выступать. Она дёрнула головой в сторону, затанцевала и побежала. Меня заботило лишь то, что она должна была пройти в наш угол, а мне этого совсем не хотелось. Сандра Майер, сдавшись, коснулась пальцами своей шляпы.

- Всадница сдается. Мы вызываем следующую участницу. Ларису Зомерфельд на Штурмхёге.

В этот момент на дрессировочной площадке произошло волнение, и Лариса Зомерфельд - блондинка с нервными пятнами на лице - с большим трудом смогла удержать в узде свою длинноногую белую лошадь Штурмхёге. С любопытством я подняла взгляд.

Торт выскользнул из моих рук и упал на мои сандалии. Но я даже не посмотрела вниз. Появился Луис, пёстрая от света, массивная тень под шелестящими деревьями.

- Колин, - презрительно сказала Майке. - Снова он. - Затем она неодобрительно взглянула на мои ноги, где красная, как кровь, малина просачивалась между моих пальцев. - О Боже, Эли.

Она, покопавшись в кармане брюк, вытащила бумажную салфетку и начала тереть мои сандалии. Я почувствовала кислый запах пота.

- Эй, ничего страшного, оставь, - попросила я её. - Я всё равно не была голодной.

Майке снова поднялась и смяла влажную салфетку в кулаке. Сощурив глаза, она смотрела на манеж. Всё лицо Ларисы покраснело, но она, фыркая, всё-таки закончила своё задание. Однако её достоинство после половины дистанции пропало.

Колин оставался с Луисом под деревьями, другие всадники беспомощно собрались на другой стороне. Первые зрители уже начинали опускать головы и шептаться между собой; недоброжелательный, ядовитый ропот, который превращал их лица в уродливые гримасы и который засел у меня в ушах, как жужжание агрессивных шершней.

- Мы приглашаем следующего участника на арену. Колин Блекбёрн на Луисе д'Аргент.

Напряжённость обострилась, и настало гробовое молчание. Даже злонамеренный ропот прекратился. Майке смотрела с открытым ртом на манеж. Под её мышками образовались тёмные пятна от пота.

Луис беззвучно подошел к прямоугольнику и остановился, словно танцуя, прямо перед нами. Колин небрежно коснулся пальцами края шляпы и поднял взгляд. Но меня он не видел. Он равнодушно смотрел сквозь меня, и это пронзило меня, как раскаленное железо. Шёпот прошёлся по рядам, как только заиграла музыка - не какая-то простая оркестровая версия одной из поп сентиментальщины, а невероятная макси-версия той песни, которую в четырнадцать лет я случайно обнаружила в коллекции пластинок своего отца и потом неделями проигрывала в своей комнате. "The Day Before You Came" от "Blancmange".

День перед твоим приходом. И всё стало по-другому. Я поняла название в ходе первого слушания, даже не переводя текст. Потом я всё-таки перевела, из чистого любопытства, и после этого тем более не могла от неё оторваться.

Потому что и я ждала дня, после которого, наконец, всё станет по-другому. Но он не приходил. Каждый вечер я выключала свет и ничего не менялось. В конце концов, я смирилась с этим. И после этого я больше никогда не слушала эту песню.

Но сейчас она встретила меня как гром среди ясного неба. Моя музыка. Песня про мою жизнь. Почему? Было ли это совпадением? Или Колин хотел меня помучить? Ерунда, Эли, он не мог этого знать, попыталась я заглушить свою злобу.

- Ба, что это за глупая музыка? - услышала я как издалека голос Майке.

Я махнула на нее, как на раздражающего комара. Я не могла оторвать глаз, всматриваясь в то, что Колин и Луис показывали перед стеклянным взглядом зрителей. Это не было экзаменом, это было танцем. Я ни разу не смогла разглядеть беспокойство или принуждение в руках Колина.

Его бёдра мягко сжимали живот лошади, его веки были опущены, он сконцентрировался только на себе и своём жеребце. На глазеющих, злословящих зрителей, чей ропот перекрывала музыка, он не обращал внимания. Но птицы замолчали и собаки, рыча, забрались под скамейки зрителей.

Без единого вздрагивания или поворота Колин и Луис остановились. Парень снова опустил голову и поприветствовал толпу.

- О, великолепно, теперь другим вообще не стоит выступать, - рассердилась Майке. - Он снова прекрасно всё устроил. Всех лошадей распугать и забрать кубок. Гнусный тип.

Тёмная туча закрыла солнце. Температура заметно упала. Нет. Колин может и был гнусным, пусть будет так, но он мог, будь я проклята, ездить верхом.

- Он был действительно ...

- Подожди, у тебя тут что-то есть, - прервала меня Майке и взяла меня за лицо.

Я попятилась. Её пальцы воняли мокрой туалетной бумагой.

- Ну, не двигайся же! - приказала мне Майке и грубо провела ногтём в уголке моего рта.

Но я смотрела мимо неё, в сторону площадки для разогрева лошадей, где Колин, как памятник, восседал на Луисе, его голова была направлена в нашу сторону. Он уставился на Майку, мрачным, угрожающим взглядом. Почему Майке, а не я? И почему она не замечала этого?

- Подожди, так не пойдёт, - запротестовала она и плюнула на её помятую бумажную салфетку.

Ниточка от её слюны осталась висеть у неё на подбородке. Прежде чем я могла запротестовать, она протёрла влажной салфеткой мои губы. Я хотела отклонить её руку в сторону, но мои мышцы не реагировали. Моя рука оставалась вяло висеть.

- Ха, теперь всё чисто, - удовлетворённо сказала Майке и сунула бумажную салфетку назад в карман брюк.

Девушка улыбнулась мне. Между её передними зубами застрял кусочек зелёного лука. Её липкие пальцы грубо сомкнулись вокруг моего запястья, но я не реагировала на то, что она меня куда-то тащила.

- Ну, давай пошли, мы возьмём для тебя ещё один кусочек пирога,- потребовала она.

- Нет, - сказала я слабым голосом.

Колин меня не видел. Он проехал мимо, не заметив меня. Прошло две недели, хотя казалось, что целый месяц, а Колин меня уже больше не узнавал. Вместо этого он смотрел на Майке. Может быть, я ошиблась? И между нами никогда не было связи? Но почему тогда мне так хотелось к нему? Я хотела с ним поговорить и провести с ним время, а не слушать злословия Майке и позволять ей сметать с моего лица остатки пирога. Я повернулась к ней.

- Майке, это мероприятие не для меня. Я здесь чувствую себя некомфортно.

- Э? - Майке усмехнулась, не понимая меня. - О чём ты говоришь? Расслабься. Позже придёт так же и Бенни. А может быть, и Надин с Лотой, если они вернулись.

- Точно, - ответила я. – Это-то как раз мне и не нравится.

Майке покачала головой и рассеяно поправила свой лифчик.

- Я не понимаю, что ты имеешь в виду. Эли?

- Ах, Майке, это действительно мило с твоей стороны, что ты снова и снова пытаешься наладить со мной контакт, но я не верю, что мы станем лучшими подругами или что-то в этом роде. Ты мне нравишься, но ... Ты плохо говоришь о Колине.

Майке захохотала, немного отвернувшись от меня. Каким-то образом она выглядела одновременно раздражённо и насмешливо. Что с ней вдруг случилось?

- Лучшими подругами, - подразнила она меня. - Знаешь что, Эли? Я всё это делаю не потому, что это приносит мне радость. Меня попросил Бенни позаботиться о тебе. А он мне нравиться. Вот и все.

Она пододвинулась ко мне чуть ближе. Её глаза сощурились.

- Он принадлежит мне, понятно?

- Ага. Я думала, он предлежит Лоте, - ответила я холодно.

Майке грубо рассмеялась.

- Сегодня утром я действительно подумала, что на тебя можно положиться. И может быть, вместе развлечься. Но теперь ты стоишь здесь, неподвижная, как нарисованный истукан, и ты ни разу не смеялась сегодня. С тобой действительно очень трудно.

- Мне очень жаль, Майке. Это действительно не мой мир. Удачи с Бенни,- сказала я подчёркнуто дружелюбно и отвернулась.

Теперь я только отправиться домой и зарыться в кровать. Быстрым взглядом я удостоверилась, что Колина здесь больше нет.

Нет. Вдоль и поперёк не видно никакой тёмной тени. Когда я шла к остановке, гнев кипел во мне, но он всё-таки не мог уменьшить озноб на моей спине. В автобусе кондиционер неприятно дул мне на затылок заплесневелым воздухом.

Уже во время еды моё горло начало побаливать. Короткий, поверхностный сон не сделал лучше, а, наоборот, только хуже. Между тем холод медленно распространился по всему позвоночнику, а мои мышцы тупо болели. Я точно знала эти симптомы.

Мне это было почти на руку. Неделя курсовых была позади; в ближайшие дни в школе намечались только проекты и подготовка к школьному празднику. Я могла, да мне было даже разрешено побыть больной. Нет. Никакого визита к Колину. Мечты закончились. Колин больше меня не видел. А для Майке я была всего лишь проектом, который помог набрать побольше плюсов для Бенни. Я приготовила себе чайник маминого ужасного чая и, дрожа в кровати, натянула на окоченевшие плечи одеяло.

Ночью у меня поднялась температура, неумолимо, как всегда, когда я болела - сильнее, чем у любого другого человека, которого я знала. Меня трясло с немилосердной жестокостью, когда папа зашёл ко мне на чердак и положил холодный компресс на мои икры ног. Моё горло жгло, а мои глаза, казалось, хотят въесться в мой нестерпимо стучащий от боли череп.

В течение нескольких минут из-за температуры компресс нагрелся, и не принес мне облегчения. Я проглотила горькие таблетки и погрузилась, измученная, в мокрый от пота лихорадочный сон.

Стучащая боль в моих висках превратилась в эластичный топот копыт Луиса, который в тумане лихорадки бежал рысью в мою сторону, медленно и скользяще, как в замедленной съёмке. Но теперь Колин смотрел не в некуда. Он смотрел на меня, на меня, только на меня, и его глаза были как сине-зелёный лёд, которые начали остужать мой лоб и мой горячий затылок.

- Отдыхай. Я с тобой.

Колин? Это был голос Колина? Я так долго его уже не слышала. Или это был всё же папа, который бодрствовал возле меня и пытался меня утешить? С трудом я открыла глаза и огляделась.

Я была одна. Снаружи рассветало, но птицы ещё не пели. Температура снизалась. Я перевернула подушку на другую сторону и пристроила своё пылающее лицо в ароматные холодные перья. Колин был со мной. А я буду скоро с ним. Очень скоро.

Глава 22. Выздоровление

Это была не простуда. Это была ветрянка. Уже в первый день моя кожа начала ужасно чесаться, не только на лице, но и по всему телу. Я сдалась в попытке предать себе хоть какой-то презентабельный вид.

Для этого было нужно слишком много энергии. Даже мысль о расчёски или макияже была утомительной.

Мои волосы распознали свою уникальную возможность и показывали мне ясно, что никогда больше не покорятся причёске. Мой вихрь на лбу вернулся и радовался обществу непрореженных густых бровей и коричнево-красных шелудивых прыщей, которых не было только на губах.

Папа снабдил меня очень большими таблетками пенициллина. Мама смешала из своих лечебных трав сильно воняющую ядовито-зелёную пасту, которую она два раза в день намазывала мне на воспаленные места и которая, по крайней мере, на короткое время успокаивала часочку. Однако она испачкала мне всё моё постельное бельё. Два дня я лежала в своей затемнённой комнате, уставившись перед собой. Я чувствовала себя несчастной.

На третий день - я как раз достигла вершины уродства - в комнату вбежал сердитый Тильман, бегая от одного угла в другой. Он ругался как торговка. Я держалась за мою зудящую голову, понимая только обрывки предложений:

- ... думал, ты была у этого ... когда тебя не было, что что-то случилось ... я должен знать, что ты болеешь ... я волновался ... жестоко ... думал, ты умерла или что-то в этом роде ...

- Тильман! – хрипло закричала я, наконец. - Заткнись!

Он замолчал и остановился. Он был похож на дрожащий сгусток энергии.

- Моим родителям необязательно знать, что я хотела туда пойти. К этому человеку. Но если ты будешь и дальше так кричать ...

Горло у меня болело слишком сильно, чтобы закончить предложение. Тильман был похож на замороженный вихрь, который в любой момент может вырваться, но моё изуродованное лицо отвлекло его от гнева. Он задумчиво смотрел на меня.

- Бог мой, ты выглядишь паршиво, - сказал он с усмешкой после нескольких секунд молчания.

- Я знаю, - прохрипела я. - Ветрянка. И я не была у него. Я заболела до этого. Нет причин для паники. Кроме того, мы ведь не знаем друг друга, не так ли? Поэтому не обязательно так тревожиться.

На мою колкость он не обиделся, но снова начал читать свою сердитую нотацию, которую он быстро прервал, когда увидел, что я измученно придавила подушку к ушам.

- Откуда ты вообще знаешь, где я живу? - спросила я вяло.

- Ну, ты даёшь. Мы ведь живём в деревне. Это было несложно.

Он осторожно приблизился и с интересом начал разглядывать мои прыщи.

Я почувствовала себя раздетой, поэтому подтянула одеяло повыше. В тоже время через свой заложенный нос я почуяла что-то беспокоящее - дым.

Сигаретный дым, если я не ошибалась.

- Ты слишком молод, чтобы курить, - зарычала я.

- А ты слишком стара для ветрянки. Кроме того, это не сигареты.

- Травка? - сознательно не отставала я, думая о словах Майке, об этом раздражающем маленьком ублюдке. Я должна была её послушать.

- Не-а. Вероятно, и это когда-нибудь произойдёт. Но сейчас я курю трубку.

Это был первый раз, когда после начала болезни мне захотелось смеяться, и мои бронхи отреагировали на это глухим кашлем. Тильман не засмеялся вместе со мной. Он смотрел на

меня серьёзно и немного пренебрежительно и потом вытащил длинный узкий предмет из своего рюкзака.

- Вот.

Это была не обыкновенная трубка. Я взяла странную, украшенную перьями вещь в руки. Она показалась мне смутно знакомой - конечно, индийская трубка мира. Это все походило на самый причудливый фильм, и я в него вляпалась.

- Вот это да, - сказала я и невольно захихикала, и звук был похож на тот, который издает умирающая ворона. Тильман обнажил свои зубы - похоже больше на оскал, чем на усмешку. - Хорошо, извини, я не хотела насмехаться над этим. Это просто как-то странно. Тебе не кажется?

- Нет, - ответил он страстно. - Это не так. Для тебя может быть. Но я не люблю сидеть дома. Я предпочитаю природу. И трубка мира больше, чем просто трубка. Её не просто так используют. Она что-то святое.

Я плохо могла себе представить, как Тильман, в своих армейских джинсах и постоянных хип-хоп пуловерах с капюшоном, сидел один на пустыре и курил трубку мира. Но пару недель назад я бы любого, кто верил в существование Мара, объявила сумасшедшим.

- Кстати, перед вашей дверью сидит чёрный кот. Ну, я пошёл. Чао.

И он исчез. Казалось, Тильман не обиделся, но я быстро крикнула ему в след:

- Я не нахожу это странным! Честно!

Я не знала, услышал ли он это. Тем не менее, он мог бы пожелать мне выздоровления.

Чёрный кот перед входной дверью – значит, Мистер Икс сидел на дороге и присматривал за мной. В последний раз его вид обеспокоил меня, сейчас же меня утешала мысль о его пушистом присутствии.

Моя болезнь пока не смогла заглушить мои срочные вопросы и мою скорбь и в будущем не заглушит. Высокая температура не давала мне спать. Мой сон был поверхностным, а если он время от времени и поглощал моё сознание полностью, то так коротко, что я в последствии могла снова, хотя и с трудом, собрать всё по кусочкам. Часто это заканчивалось новой лихорадкой, но её я могла вынести, пока мои воспоминания оставались со мной.

Да, я снова вспомнила Колина и всё то, что он и папа рассказали мне о полукровках, демонах Мара и крещении кровью, и всё то, что между нами было. Но, прежде всего, я снова знала, что они мне не рассказали. Мне придется подождать, пока температура утихнет и мои метки исцеляться - это давало мне время подумать и собраться.

В то время как я боролась с болезнью, моя гордость боролась против моей тоски и против моего любопытства. Да, Колин снова меня игнорировал. И за это он, самое меньшее, заслужил побои. И, тем не менее, я не могла вести себя так, как будто никогда с ним не встречалась. Это больше не работало.

Я должна была, по крайней мере, узнать, кем он был. И если я буду это знать, то, может быть, смогу снова вернуться к нормальной жизни. Теперь я понимала, что папа имел в виду, когда говорил, что иногда нужно заболеть, чтобы оправиться снова.

Время было на моей стороне. Ветрянка отвлекла моих родителей, прежде всего моего отца, в то время как я будто родилась заново. Мне только нужно было подождать, пока настанет подходящий момент.

Глава 23. Бунт

Две недели спустя настал подходящий момент. Я почувствовала это сразу, как только проснулась утром, впервые за долгое время не с пересохшим ртом и без головной боли. Без предупреждения моя болезнь за ночь перешла в терпимое состояние.

Я сразу же встала, отодвинула занавески в сторону и посмотрела в чистое, серебристо-голубое утреннее небо, где высоко кружили ласточки и пели свою пронзительную песню. Я надела джинсы и футболку и спустилась вниз.

Джинсы болтались на бёдрах: я похудела, но мне было все равно. Трава была ещё влажной от росы, и я намочила свои босые ноги. Как мама, я протопала по саду, рассматривая грядки, цветы, лечебные травы и все разноцветные кустарники, которые она посадила. Крушинница порхала передо мной, кружа и летая туда-сюда в воздухе, как пьяная.

- Привет Елизавета, - поприветствовала меня мама вялым голосом, когда я вернулась в дом, сбегая от солнечного света, чтобы снова не заработать головную боль.

Сонная, как всегда, она сидела в пижаме и халате за завтраком и потягивала большую чашку кофе с молоком. Высыпалась ли она с тех пор, как папа был атакован? Или она находила отдых лишь тогда, когда начинало светать? Я хотела узнать больше, но такие вопросы точно насторожили бы ее.

- Доброе утро, - ответила я просто и сунула несколько замороженных булочек в духовку. - А где папа?

- На конгрессе, - пробормотала мама. - В Цугшпитце. Уехал сегодня утром.

- На конгрессе в Цугшпитце?

Там много света и солнца. Я была удивлена. О конгрессе я ничего не знала.

- Хм, - сказала мама между двумя глотками кофе и заморгала, как сова. - Он им понадобился для лекции. Это неожиданная поездка. В понедельник вернется.

Теперь я действительно почувствовала свободу. Папа покинул край.

Очень хорошо. С ним ничего не случиться, если его предупреждения действительно исполняться. Я спряталась за газетой, пока мама не стала более бодрой. Она пошаркала на кухню, достала, громыхая, варенье из шкафа, поставила тарелки и стаканы на стол и постепенно начала действовать как живой человек.

Я прикусила язык, чтобы не обратить её внимания на то, что сегодня её лучшей подруге из Хайдельберга исполняется сорок пять лет. Это было написано на календаре, который красовался рядом со мной на стене. Мне нельзя было вызывать подозрения. Булочки испеклись. Осторожно я вытащила их из горячей духовки. Скажи что-нибудь, мама, пожалуйста, скажи правильные слова ...

- Ты себя хорошо чувствуешь? Всё прошло? - Её глаза были яснее, чем только что.

- Ну, колени ещё немного дрожат. Может быть, я посижу сегодня после обеда в саду. Я ещё не знаю, - сказала я. - Но мне уже лучше.

Это не было обманом. Может быть, я и правда посижу в саду. И иногда у меня все ещё дрожали колени - хотя они дрожали из-за Колина и моего плана, а не из-за проклятой ветрянки.

- Хм. - Мама размышляла. Она долго размышляла, и в это время иногда на её лице, от усталости бледном, пробегала тень. - У Регины сегодня день рождения, - сказала она наконец, как будто между прочим, испытывающе смотря на меня при этом. Я ответила на её взгляд по возможности невинно. - Ей исполняется сорок пять, - добавила мама многозначительно.

- И что? - спросила я равнодушно, не отрываясь от газеты. - Она тебя пригласила?

- Скажи, Эли, я могу оставить тебя одну? Ты сама справишься? Я несколько лет не видела её, мы только переписывались, и я могла бы у неё переночевать. Завтра бы я вернулась, и, если что, ты можешь в любое время позвонить мне, в любое время!

Беспокойно она намазала маслом булочку и убрала прядь волос со лба.

Внезапно я почувствовала себя виноватой. Она беспокоилась обо мне вовсе не из-за Колина, а из-за ветрянки. И из-за моей температуры, которая снова и снова неожиданно поднималась. Она доверяла мне, она думала, что я не буду посещать Колина. Моё смущённое выражение лица она истолковала неправильно.

- Одно слово, и я останусь. Я уеду только тогда, когда ты почувствуешь себя более-менее здоровой.

- Конечно, ты можешь ехать! - прервала я её поспешно. – Я не чувствую себя плохо. Напротив. Я чувствую себя лучше. Теперь я просто уставшая. Всё будет в порядке.

Я снова загородилась газетой, чтобы она не смогла увидеть стыд в моих глазах. Последнее было смелым обещанием. Всё будет в порядке. Тьфу. И всё же, пока ничего не случилось. Почему сейчас должно что-то произойти?

У Колина была тысяча возможностей причинить мне вред - любым способом. Мы сидели одни в машине. Я была у него дома, на пустыре, по близости никого не было. Он мог бы напасть на меня в подвале, когда я обнаружила кабанов.

Никто бы никогда не догадался. Никто не знал, где я была. И всё-таки: я не могла ничего гарантировать. Если что-то пойдёт не так, получается, что я видела маму в последний раз. Но, по крайней мере, она и папа были в безопасности. Теперь "это" могло убить только меня. Это, по крайней мере, ограничивало ущерб.

С моим отцом я не могла попрощаться. Но даже если бы я знала о конгрессе, он сразу бы все понял по моему лицу. Как и прежде, я была уверенна, что он стёр мне память и посылал на меня усталость и пауков, чтобы я не ходила к Колину.

Он сделал так, чтобы я даже не помнила Колина. Я понятия не имела, как он это сделал, но между тем я думала, что мой отец способен на всё что угодно. Он обманывал меня семнадцать лет. И кто может подтвердить, что он рассказал мне правду, а не приукрашенную версию для дочери с поздним подростковым периодом.

Хорошо, что он был в отъезде. Позже я смогу проникнуть в его кабинет и посмотреть, найду ли я что-нибудь, что поможет мне в дальнейшем. Может, что-нибудь вроде тайного досье о Демонах Мара.

Час спустя мама, бодрая и готовая к путешествию, стояла передо мной. Она долго на меня смотрела, прежде чем обнять. Может, она о чём-то догадывалась? Я почувствовала большой ком в горле, и у меня на короткое время появилось искушение попросить её остаться. Ведь тогда я не смогу ничего сделать, и мы точно не потеряем друг друга.

Я прижала свой лоб к её плечу и глубоко вдохнула этот новый специфический смешанный запах из духов, мыла, лекарственных трав, земли, травы и лепестков роз.

- Ты действительно уверена? - спросила она в сотый раз.

- Да, - сказала я твёрдо и почувствовала себя как уголовник.

Она села в свой старый «жук» и завела стучащий мотор.

- Езжай осторожно! - крикнула я, а она на прощание подняла руку. - Я люблю тебя, - добавила я тихо.

Но этого она уже не слышала. Красный автомобиль пропал, дико ревя, за вершиной дороги. Я осталась одна. Несчастная, я поплелась в зимний сад, села за обеденный стол и заревела. Но пути назад не было. Я должна была сделать то, что решила. Я не могла, нет, мне больше нельзя было ждать.

Несмотря на мою нервозность, внезапно мои силы истощились. Было начало июля. Пока тени станут длиннее, а свет мягче, пройдёт ещё много часов. Летние каникулы начались. И мне было нечего делать в этом доме. Ничего не надо учить, нигде не надо убираться.

А я хотела подождать до сумерек и потом пойти к Колину, потому что, как ни странно, я всегда чувствовала себя с ним в большей безопасности, когда становилось темно. Я

вспоминала нашу встречу при сверкающем утреннем свете у ручья и эту всепоглощающую слабость, которая охватила меня, когда я смотрела в ледяные голубые глаза Колина. Нет, я хотела выступить тогда, когда жара спадёт, а солнце станет более мягким.

Поэтому я сделала то, что мне так не хотелось делать: я решила обыскать папин кабинет. Осторожно, и так тихо, как только возможно, я нажала на прохладную ручку двери, как будто я могла испугать и разозлить кого-то или что-то там внутри.

Но кабинет выглядел всё так же. На письменном столе были сложены в стопку документы, тяжёлое компьютерное кресло стояло под углом к монитору, а солнце отсвечивало на корешках книг, стоявших на полках, золотыми полосками. Когда папы не было здесь, мама заботилась о том, чтобы орхидеи получали достаточно света.

Сначала я обыскала шкаф, в котором лежала картина. Она находилась всё ещё на верхней полке - и больше ничего. Никаких книг, писем, фотографий или документов. Мне только оставалось систематически обыскивать все полки, шкафчики и ящики, не оставляя при этом следов. Но у меня была практика в этом деле.

Дав часа спустя, устав, я сдалась. Я ничего не нашла, кроме известных томов и энциклопедий. И медицинские записи. Папа подготовил фотографии пациентов и вклеил их. Затуманенные, безжизненные глаза смотрели на меня, отмеченные морщинами и кругами под глазами. Так же и вокруг рта у многих образовались резкие складки. У многих пациентов были разлохмаченные волосы и нездоровый желтоватый цвет лица. Они уже не могли больше искать то, чего им не хватало. У некоторых мания и безумие уже глубоко отпечатались на их лицах. Я бы с удовольствием узнала больше об их историях, об их диагнозах, которые поставил папа. Но каким бы чужим он не был мне в настоящее время - эти люди не были ответственны за наши ссоры.

Я должна была оставить их в покое. Я всё равно не могла понять, как можно было добровольно проводить своё время с людьми, у которых полностью нарушена психика, и при этом находить в этом удовольствие. Но я вспомнила снова моё непосредственное намерение. Демоны Мара.

Может быть, я смогу найти что-нибудь в интернете? Я включила компьютер. У нас всё ещё не было высокоскоростного доступа в интернет, но папа, до того как его наладят, подключил свой старый модем. Томительно долго он пищал, пока соединялся.

Нужно чрезвычайно много терпения. Беспокойно я крутилась в кресле по кругу, пока, наконец, не смогла зайти в поисковую систему и набрать «Демон Мара». Изображение на короткое время заморгало, а потом пропало в чёрной пустоте.

- Это не смешно, - проворчала я.

Повторная попытка также не увенчалась успехом - хотя компьютер и начал, гудя, искать информацию, но прежде чем результаты показались, модем сдался. Я сделала ещё одну, последнюю, попытку: папина большая энциклопедия. И мне повезло.

Была одна запись о Демонах Мара - несколько нерешительных коротких строчек: "Ночной эльф, на верхнем немецком* - Друд, по народным верованиям - привидение, которое ложится спящему на грудь, и из-за чего появляются страх, одышка и плохие сны (кошмары). Вера в Демонов Мара является международной. Существа проникают через дырки от сучков в дом, а также приносят болезни".

(прим. переводчика: *диалекты на юге Германии, Австрии, Швейцарии)

Представляя, как мой отец втискивается через дырку от сучка, я рассмеялась. Но потом я испугалась и прочитала скудную информацию ещё раз. "Переносят болезни". Момент, ветрянка!

- Негодяй, - ахнула я, не веря.

Он ведь не мог этого сделать, правда? Или мог? Неужели мой собственный отец сделал так, чтобы я заболела? Заболела так сильно, что каждую ночь сражалась против нескольких

приступов лихорадки и две недели пропускала школу? Только для того, чтобы я не встретилась с Колином? Ну ладно, и для того, чтобы мы выжили. Но всё же.

У меня возникло желание тут же позвонить отцу и все ему высказать. Зачем говорить, что я была здесь в безопасности? Все совсем наоборот. Разъярённая, я вышла из кабинета и пошла наверх в свою комнату. Я не узнала ничего нового - если не считать дополнительных подозрений против моего собственного отца. Но я не нашла ничего, что помогло бы мне в моём плане или даже защитило бы меня.

Солнечный свет смягчился. Был ранний вечер. Должна ли я всё-таки остаться дома и сдаться? Ничего не делать, чтобы всё осталось так, как есть? И всё-таки: что со мной может случиться в худшем случае? Как я уже говорила - Колин давно мог навредить мне. Нам всем.

Я не нашла никаких ответов. Было только требовательное шестое чувство, которое подгоняло меня лишь в одном направлении: в лес, подальше от оберегающих стен и дверей, подальше от того, что до этого было моим безлопастным бастионом. Моей семьей.

Я закрыла зимний сад и подвал, чтобы никто не смог проникнуть, в то время как я буду лежать наверху в своей комнате и прислушиваться к себе – потому что как раз это я сейчас и собираюсь сделать. Как ни странно, я сразу же заснула. Когда я проснулась, ночь ещё не настала - слава Богу, подумала я с облегчением - и я чувствовала себя здоровой и отдохнувшей. Солнце было низко. Время пришло.

Автоматически я поднялась, плеснула в ванной комнате холодной водой в лицо и провела мокрыми руками по своим неудержимым волосам. Они всегда были непокорными и стоили мне много времени, но то, что они делали сейчас, было настоящим мятежом.

Если я втискивала заколку, она открывалась и тихо падала на пол; резинки лопались, завязки сползали. Волосы были непобедимы. Я могла лишь спокойно распустить их. С другой стороны, не было видно моих шрамов от ветрянки. Они всё ещё выделялись светлыми пятнами на моей бледной коже. Мне были срочно необходимы свет и солнце. Прогулка пойдёт мне на пользу.

Прежде чем я закрыла за собой входную дверь, я положила записку на комод. "Колин. Я не могла поступить по-другому. Простите меня. Я люблю вас. Елизавета". Это записка могла означать что угодно. Я нахожусь у Колина. Колин меня убил. Колин похитил меня. Колин меня атаковал. Я бросила последний взгляд на дом. Было ещё очень жарко, так что я свободно завязала свою вязаную кофту вокруг бёдер. Первые шаги стоили мне огромных усилий.

Несколько раз я должна была остановиться, чтобы противостоять порыву убежать назад в дом, сжечь записку и закрыться в своей комнате.

Но я шла дальше. Как только прохлада леса окутала меня, стало легче, и я немного успокоилась. Лес изменился. Скалистые стены по сторонам дороги обросли густыми ярко-зелёными папоротниками и везде между деревьями расцвели на длинных стеблях белые цветы.

Я следовала по следам копыт, которые тянулись, как знакомый узор, по обочине дороги. Потом я оказалась на перекрёстке и вдруг усомнилась в своей собственной памяти. Налево или направо? Я присела на колени и стала искать следы от широких колёс, которые, возможно, укажут направление, когда услышала шаги человека и тяжёлое дыхание собаки. Они двигались в мою сторону. Я поспешно встала и вытерла руки о штаны. О, нет. Это был Бенни с квадратным чёрным псом на привязи, который, дыша, снова и снова захлёбывался своими слюнями. Фактически, молодая версия пенсионера с таксой. У Бенни были трудности с удерживанием своего четвероногого спутника, но он все же улыбался мне издалека. Чёрт побери. Это может занять много времени.

- Эй, Эли, - бодро позвал меня Бенни и дёрнул за поводок, побуждая свою собаку слушаться. - Как твои дела? Ты уже выздоровела? Что ты здесь делаешь?

- Да я уже снова на ногах, - сказала я уклончиво, но дружелюбно.

- Жаль, что ты не была на школьном празднике. Было здорово. Играла школьная группа, и мы представляли наши проекты. А ты что здесь делаешь? - повторил он настойчиво.

- Гуляю, - ответила я коротко. - Восстановительная прогулка, так сказать,- добавила я с искусственной улыбкой.

Уходи, Бенни. Пожалуйста. Он повернулся вокруг своей оси, оглядываясь.

- В полном одиночестве? И без собаки?

Его собственная собака в это время задыхалась, потому что сильно тянула за кожаный поводок, так что ошейник вдавливался глубоко в ее горло.

- У нас нет собаки. И да, в одиночестве. Ты ведь тоже один.

- Эй, я парень, - пошутил он, но сразу же снова стал серьёзным. - Лучше не торчать здесь без сопровождения. Правда, не надо. Я был у папы на лесной вышке, но Сэм нервничает. Что-то не так. Поэтому я веду его домой. Это не очень хорошее место для уединенных прогулок.

Сэм, на обочине дороги, скуля, зарылся носом в листву. Почему бы Бенни просто не исчезнуть?

- Почему нет? Это ведь просто лес с тропами для прогулок.

О, Эли, никаких ответных вопросов. А то так это займёт ещё больше времени.

- Ах, ты, наверное, не знаешь. Здесь живёт очень странный парень,- объяснил Бенни. - Он купил старый лесничий дом пару лет назад. Он, вероятно, так же работает для лесного ведомства. Мой отец говорит, что он не совсем чист. Вначале он даже не хотел проводить электричество. И он живёт там совсем один.

Теперь он кое-что вспомнил.

- Может быть, ты его всё-таки знаешь. Он был на вечеринке в стиле 80-х! Помнишь? Такой высокий, тёмный тип ...

Я притворилась глупой.

- Не знаю, о ком ты говоришь. Но со мной всё будет в порядке. Я пройду ещё пару шагов, а потом развернусь.

Это было чистой ложью. Но мне ничего другого не оставалось. Сэм начал лаять и задыхаться.

- Я провожу тебя, - решил Бенни и предложил мне свою руку.

- Нет! Нет. Я лучше пойду одна. Правда. Мои родители заботились обо мне, когда я болела, и я немного устала от общества. Мне нужно побыть немного наедине с собой. Я не пробуду тут долго ...

Бенни посмотрел на меня с сомнением.

- Я бы одолжил тебе Сэма, но ...

Ему не надо было ничего говорить. Сэм развалился на земле, поймав хвост, и у него свисали, как сопли, слюни из пасти. Рыча, он прижался между ног своего хозяина. Мне казалось, что в ближайшие несколько минут у него будет эпилептический припадок.

- Я думаю, ты должен отвести его к ветеринару. Он плохо выглядит, - сказала я, предвещая бедствие.

Бенни обеспокоенно погладил свою собаку по меху. Сэм пополз, как выброшенная на берег рыба, в сторону перекрёстка. Дальше, в кустах, я увидела знакомую длинноногую тень. Этого ещё не хватало. Мистер Икс.

- Наверное, ты права. Клиника для животных в субботу открыта. Если повезёт, его ещё примут.

- Сделай это. Со мной всё будет хорошо, я пройду ещё совсем немного. Может быть, я тебя ещё и догоню.

Я попыталась подмигнуть. Позади Бенни Мистер Икс нахально уселся посреди дороги и самозабвенно начал облизывать свои интимные места. Слюни Сэма превратились в пену.

- Хорошо, я пошёл. Будь осторожна, Эли. Позвони мне на мобильный, если вдруг что!

Мобильный. Он лежал дома на подоконнике. Я его забыла.

- Конечно, позвоню, - солгала я.

Как только Бенни двинулся вперёд, Сэм сделал нервный прыжок вперёд и заставил своего хозяина побежать. Я послала короткую молитву в сторону верхушек деревьев и облегчённо последовала за свежевылезанным задом Мистера Икса.

Тем не менее, я чувствовала, будто я не одна и что за мной наблюдают. Снова и снова я думала, что слышу шаги или шорох позади себя. Но когда я останавливалась и оборачивалась, там были только лес и пустая тропинка. Заходящее солнце светило мне в спину и посылало впереди меня мою причудливую длинную тень.

Она выглядела так хрупко, будто в любой момент могла раствориться. Совсем не как я. Иногда меня настигало дуновение вечерней прохлады, охлаждая мои щёки и руки. У меня появились мелкие мурашки на коже, но я не хотела надевать кофту. Мне была нужна прохлада, чтобы успокоить моё сердцебиение, которое я могла слышать и чувствовать везде: в голове, в горле, в животе.

Может быть, это было единственным человеческим сердцебиением в этом лесу. Уже издалека я увидела блестящий чёрный металл автомобиля Колина. Мистер Икс пробежал вперёд и прыгнул, приседая, на капот, чтобы остаться сидеть там, как застывшая носовая фигура парусного судна.

Ворота были открыты, но весь дом казался необитаемым и слишком тихим. Инстинктивно я сняла сандалии, чтобы мои шаги по гравию не были слышны. Я не хотела издавать никаких звуков. Я тихо подкралась к дому. Дверь была приоткрыта. Ловушка? Как в замедленной съёмке, я протянула руку вперёд и открывала дверь сантиметр за сантиметром. Шарниры были хорошо смазаны: они не скрипели.

Последний луч красного солнца падал передо мной на каменный пол. Кухня и гостиная были пустыми. Никого там не было. На цыпочках я вошла и заглянула за угол. Окно рядом с диваном было широко открыто, так что пряный вечерний воздух наполнял комнату. На кресле спали, прижавшись друг к другу, две кошки. Они повернули свои уши в мою сторону, но больше не двигались.

Озадаченная, я остановилась. Что мне теперь делать? Посмотреть в других комнатах? Существовали ли вообще другие комнаты? Но я не слышала никакого шума, не было никаких слов, что здесь присутствует человек. Или кто-то похожий на человека. Тишина наполнила меня благоговением и парализовала меня. Я могла только попятиться - что я и сделала. Шаг за шагом я отступала на улицу и оставила дверь приоткрытой. Что теперь? Исчезнуть? Или подождать?

Потом я вспомнила про кучу дров за домом. Может быть, Колин был там - слишком оптимистичная идея, потому что мы точно бы уже услышали друг друга. Моё сердце упало, когда я обошла вокруг дома и нашла сложенные дрова вместе с топором и чурбаном нетронутыми. Я села на один из пеньков и глубоко вздохнула.

Мои лёгкие болели. Я, видимо, забыла на это время, что нужно дышать. Мои босые ноги были покрыты белой пылью от гравия – ноги, как у мраморной статуи. Вот я сидела за домом Колина и была жива, и не очень-то довольна результатом своей экспедиции.

Только я хотела предаться горько-сладким чувствам разочарования и облегчения, как меня заставило вздрогнуть звучное фырканье. Как чёрный вестник смерти, Луис выскочил из чащи и заслонил мне свет. Солнечные лучи обрамляли сияющим ореолом его силуэт. Его грива была незадолго до этого заплетена. Локонами она спадала на его мускулистую шею, от сияющего ореола солнца кончики, переливаясь, блестели. Несмотря на падающий свет мне в лицо, я видела его большие блестящие глаза.

- Луис, - прошептала я тихо, и вся моя тоска по Колину вырвалась наружу.

Мне его так не хватало. Даже моего страха перед Луисом не хватало мне, когда я лежала с жаром в кровати, а время тянулось бесконечно долго.

Он медленно повернул голову в мою сторону, вытянул шею и засопел. Узнал ли он меня? Дотронуться до него мне было нельзя, это было понятно, и это я никогда бы не сделала добровольно. Но узнал ли он мой голос?

- Это я, Луис. Я ничего тебя не сделаю.

Как смешно. Если кто-то и мог кому-то что-то сделать, то это Луис мне. Я могла чувствовать запах тепла на его шкуре - замечательный, успокаивающий аромат. Как научил меня Колин, я не смотрела ему прямо в глаза, они мягко блуждали.

Он снова фыркнул, в этот раз тише и более спокойно. Если Луис был здесь, Колин должен тоже быть где-то здесь. Он никогда не оставит его бегать одного без присмотра. Эта лошадь была слишком ценной.

Может быть, он всё-таки был в доме. Бесконечно медленно я поднялась. Луис оставался спокойно стоять, но я чувствовала, как его чёрные глаза следят за мной. Как можно спокойнее, с плавными движениями я направилась назад к входной двери. Теперь мои колени дрожали, и на мгновение я подумала, что мне нужно где-то присесть. Но слабость исчезла так быстро, как и появилась.

Я снова зашла в дом, и снова у меня появилось необъяснимое желание вести себя тихо. Я прошла в гостиную, встала посередине комнаты и прислушалась. Нет, я ничего не слышала, кроме далекого крика ласточек и первого осторожного пения сверчков. Но там что-то было. Я не могла этого не слышать, не чувствовать запаха, не видеть - я чувствовала это моим затылком. Оно было сверху.

Я посмотрела на потолок и попятилась, задыхаясь, назад, пока меня не остановила прохладная кожаная обшивка дивана. Сцены из папиного рассказа мелькнули у меня в голове - напали сзади ... укус - борьба ...

Колин висел, повёрнутый спиной к потолку, как парашютист. Рукава его белой тонкой рубашки развевались от сквозняка вечернего ветра, но его волосы прилипли, обрамляя его лицо, как чёрные змеи, к шершавой штукатурке потолка. Тёмный блестящий ореол.

Его глаза были закрыты, и я ясно видела тень его изогнутых ресниц на щеках. Его рот был мягкий и мечтательный - у него было лицо ангела. Чистое и невинное. Я что, видела сон? Это было одно из моих видений в лихорадке, которые меня мучили? Это должно было быть так, ведь такого не существует ... Этого просто не могло быть.

Я закрыла глаза так сильно, что увидела вспышки перед закрытыми веками.

- Эй, - я открыла глаза. Колин стоял рядом со мной и улыбался мне. - А вот и ты.

Его кожа была усеяна крошечными бронзовыми крапинками. Некоторые исчезли в течение нескольких секунд, когда он вошёл в тень, прячась от красного солнца. Его глаза были тёмного мягкого зелёного цвета, смешенного с последними ледяными голубыми крапинками. Волосы слегка двигались, как водоросли на волнах моря, и они это делали даже тогда, когда ветер не дул в окно.

Я даже не могла сказать привет. Вообще ничего. Я только долго смотрела на него, а он смотрел на меня.

- Ничего себе, - наконец проворчал он одобрительно и потянул за прядь моих мятежных волос. - Твой гневный завиток вернулся.

Я смущённо дотронулась до завитка над моим лбом.

- Он мене достался от моего отца, - сказала я, вздыхая.

- Это ведь хорошо, - ответил Колин. - От своего я получил лишь синяки и разбитую скулу.

Я вздрогнула и посмотрела на него вопросительно. Но Колин всё ещё был занят моим лицом.

- И наконец-то у тебя появились брови. Да, это точно ты, - установил он удовлетворённо.

- Что ... - Мне нужно было прочистить горло, чтобы я могла говорить дальше. - Что это было только что – там, на потолке?

Если мне снился сон – казалось, что это так - было всё равно, что я спрошу. Если же нет ...

- Расслабься, - ответил Колин с непроницаемым выражением лица. - Я же тебе говорил: в будущем смотри чаще наверх.

- Ты что, ждал меня? На ужин? - спросила я.

- На ужин или как ужин? - ответил он с дьявольской улыбкой, и меня охватила паника, какой раньше у меня никогда не было.

У меня выступил холодный пот на лбу.

- Эли, всё хорошо, - сказал он успокаивающе, и ледяная хватка смертельного страха сразу же отступила. - Я ждал тебя каждый, но ни на что не надеялся. Скорее, опасался.

Я снова могла говорить.

- Мой отец ... он хотел меня остановить. И он сказал ...

- Позже, - прервал меня Колин. - Ты голодна, и ты болела. Тебе нужно что-нибудь съесть.

Верно. Мой живот был таким пустым, что он уже пронизывающе давил мне на рёбра. Я просто кивнула.

- У меня в подвале свежая оленина. Как раз то, что нужно. Я её позавчера ... - Он искал подходящее слово. На один сумасшедший момент у меня было видение о тщедушном, похожем на обезьяну, чёрном эльфе, который ночью впивается зубами в шею Бамби.

- Подстрелил? - спросила я лихо.

- Этого точно нельзя утверждать, - возразил Колин спокойно. - Его сбила машина, а мне досталось неблагодарная задача избавить бедное животное от его мук.

Я с трудом сглотнула и посмотрела на него со страхом.

- С ружьём, моя радость.

Едкую иронию в его голосе нельзя было не заметить.

- Тьфу, - сказала я устало, и показалась сама себе глупой. Он рассмеялся открытым, честным, но прежде всего дьявольски красивым смехом.

Он был охотником и подстрелил оленя, вот и всё. И теперь он хотел поджарить мне часть из спины. Если не обращать внимания на его достопримечательный метод расслабляться, то эти обстоятельства были настолько нормальными и человеческими, что я прокляла про себя папу, в то время как Колин стоял возле плиты и, свистя, резал лук. При этом он не выглядел особо демонически.

Я залезла на одну из его барных табуреток, потому что мои ноги окончательно отказались мне повиноваться. С любопытством я наблюдала за ним. Запах поджаренного мяса почто сводил меня с ума. Когда он поставил мне тарелку, я с жадностью набросилась на еду и отбросила картину бедного сбитого оленя.

Колин, облокотясь на раковину напротив меня, пилил без какого-либо желания маленький кусок мяса ножом, не пробуя его.

- Ты не голоден? - спросила я с полным ртом.

Вместо того чтобы ответить, он пододвинул мне оставшийся кусочек спинки. Только тогда, когда я проглотила последний кусок, он ответил.

- Я не хочу такие вещи.

- Не такие вещи, - повторила я. - У тебя что, гм, скорее аппетит ... на меня?

- Что ты имеешь в виду, Эли? Я не думал, что ты способна к таким словесным эротическим эскападам, - ответил он, улыбаясь. Я покраснела. - Пощади меня, пожалуйста, со своими вампирскими вещами, - намекнул он, что прекрасно понял меня. - Кроме того, у тебя на лице пятна. Я не ем девушек с пятнами на лице.

Но потом взгляд Колина стал серьёзным, и он посмотрел мне прямо в глаза, так что я должна была вцепиться в табуретку, чтобы не упасть. И всё-таки после нескольких секунд, покачиваясь, я протянула руку вперёд и сдвинула верхнее колечко на его левом ухе в сторону.

Нет, это не было повреждением. Не опухолью или чем-то подобным. Это так и должно было быть. Заострённое ухо, которое дёрнулось, когда я осторожно дотронулась до него.

- Колин, - умоляла я беспомощно. - Во имя Бога, скажи мне, кто ты?

Он подумал, прежде чем ответить, и опустил глаза. Я затаила дыхание. Потом он снова захватил меня в плен своих постепенно темнеющих радужных оболочек глаз, и я расслабилась.

- Существо, которое может испытывать чувства. А это не само собой разумеющееся.

Я почувствовала, что сейчас заплачу, и судорожно сглотнула.

- Сколько тебе лет? - прошептала я.

- Двадцать, - сказал он спокойно.

- Сколько тебе лет? - повторила я, хотя мой голос пропал, и я могла только говорить шёпотом.

- 158.

Это прозвучало серьёзно и горестно, когда он это сказал. Не было никаких сомнений, что это было правдой.

158. Последняя надежда во мне рухнула. Предо мной стоял старик в молодом теле. Он был не человеком. Папино подозрение оказалось правдой. Он был кем-то другим. Кем-то страшным. Папа мог умереть. Колин, очевидно, нет. Я соскользнула обессиленная с барной табуретки и рухнула на землю.

- О, нет. - Свой собственный голос показался мне чужим, потому что я никогда не слышала его таким отчаянным. - Нет.

- Эли ... Пожалуйста, не всё так плохо.

Колин обошёл стойку и потянул меня без малейших усилий вверх. Но мои ноги и стопы казались мне инородным телом, я больше не могла стоять на них.

- Не всё так плохо?! - воскликнула я резко и толкнула его своими дрожащими кулаками в грудь. Он всё ещё удерживал меня. – Значит, ты не находишь плохим то, что я сегодня вечером умру или стану такой же штукой, как ты, что я потеряю своих родителей, что они будут меня искать и скучать по мне всю их оставшуюся жизнь? Ты находишь это не «таким плохим»?

Меня охватила слепая паника. Я застонала и захотела убежать, только бы уйти отсюда, очень быстро, но стремление облокотится на него, чтобы, наконец, найти опору, парализовало меня. Я прижалась щекой к рубашке Колина и схватила его руку. Мои мысли безнадёжно путались. Я умру. Здесь и сейчас. Почему же я не убегаю?

- Ах ты, глупая курица, ты точно сегодня не умрёшь, - тихо засмеялся Колин и отвёл меня, как больную старую женщину, к своему дивану. - Кто сказал, что ты умрёшь или превратишься? Хватит слушать своё идиотское воображение.

- Тебе холодно? - спросила я робко и заметила, что у меня всё ещё нет власти над моим голосом.

- Нет, это тебе холодно. Ночи становятся холодными после таких ясных дней, как сегодня, особенно здесь в лесу.

Мои ноги действительно замёрзли. Неуклюже я засунула их под попу. Кошка вцепилась своими острыми когтями мне в ляжки, чтобы не упасть при этом маленьком землетрясении. При этом она продолжала без перерыва мурлыкать.

Рядом с нами Луис просунул огромную голову через окно и требовательно завизжал, когда увидел Колина. Не смотря, Колин протянул руку назад и дал Луису лизнуть свою ладонь.

- Похоже на «Пеппи Длинныйчулок» для взрослых, - высказала я свои мысли в полголоса. Колин не ответил, но мне показалось, что я увидела след улыбки в его глазах.

Он отряхнул руки о штаны и сел напротив меня. Он внимательно смотрел на меня, но ничего не говорил. Значит, я должна начать, но с чего? Мне казалось это ещё в тысячу раз сложнее, чем разговор с отцом. Я чувствовала себя оглушенной. Огонь в камине потрескивал и

посылал ярко-красные искры в воздух. Первые волны тепла достигли моей кожи. Я вздрогнула и повернула ноги под задом более удобно.

- Ты часто готовишь для других?

Этот вопрос был безобидным, решила я, но имел дело со всем этим. В конце концов, ежедневное питание было не простое дело для нелюдей. Вампиры пили кровь, Демоны Мара похищали сны, эльфы - да что, собственно, ели эльфы? О нет, Колин, пожалуйста, не будь эльфом. Всё, что угодно, только не эльф. Эльфы мне никогда не нравились. Истерические вегетарианцы, которые жили в очень маленьких домах на деревьях и говорили только шёпотом.

- Время от времени. Если коллеги приходят в гости или приносят немного дичи. Но они никогда не остаются надолго. Они чувствуют себя неуютно в моём присутствии, сами не понимая этого.

- И вы едите тогда все вместе?

- Большинству мужчин здесь будет уютно, если будет достаточное количество пива. Они не заметят ничего странного. Даже то, что принимающий гостей не особо охотно ест или пьёт - если ты это имеешь в виду. Ну, давай спрашивай, Эли.

- Мне нужно сначала в туалет.

Это не было обманом. Мой мочевой пузырь вот-вот лопнет, и я хотела знать, как я выглядела, после всего этого ужаса и страха.

- У тебя что-то такое иметься? Я имею в виду ...

- Я не собираюсь посвящать тебя в детали моего пищеварения, но да, у меня есть ванная комната. Вверх по лестнице, потом первая дверь слева.

- Значит, у тебя есть пищеварительная система?

- Эли, - сказал Колин строго. - Разве ты не хотела ...? - Он указал наверх.

- Хорошо, - пробормотала я, смутившись, опустила кошку на пол и ступила, шатаясь, в небольшой коридорчик за гостиной. С левой стороны - деревянная лестница вела в верхние комнаты. Ванная комната выглядела как дворец, оформленный дизайнером - деревянный пол из тикового дерева, квадратные раковины, сверкающая арматура и шкафы из ценной породы дерева.

На двери весело потрёпанное кимоно Колина. Благоговейно я погладила шелковистую ткань. Мне захотелось его надеть. Я стала осматриваться дальше. И действительно, тут были туалет, душ, ванна и электрическая зубная щётка.

Чего не хватало, так это расчески, щётки и фена, но это я между тем уже могла понять. Это были принадлежности, которые я в ближайшее время тоже могла выбросить в мусор. На мраморной плите стояло несколько духов для мужчин в дымчатых флаконах, из которых некоторые казались очень старыми, некоторые очень дорогими, а некоторые совершенно новыми.

Рядом я нашла внушительный арсенал маникюрных инструментов: ножнички, пилочки для ногтей, щипчики различных размеров - я случайно не встретила ли Демона Мара - гея?

Я поторопилась и обнаружила, что выглядела не так ужасно, как боялась. Мои густые брови, которые я в последние годы, с амбициозной помощью Николь, регулярно прореживала в изыскано изогнутую линию, всё ещё сбивали меня с толку. Но в мои глаза вернулся ясный, живой блеск. Более твёрдым шагом я спустилась вниз по лестнице. Колин сидел неизменно небрежно на диване.

- Прекрасная ванная, - сказала я колко. - У тебя больше маникюрного барахла, чем у меня. И больше духов.

Теперь я была тем, кто смотрел на него.

- Я на протяжении десятилетий коллекционирую духи. А если я не буду каждый день обрезать и обтачивать ногти - что ж, они мгновенно станут длинными и острыми. Твёрдыми, как алмазы. Лошадям это не очень нравиться. Женщинам, в общем, тоже нет.

Моё горло сдавило. Ублюдок провоцировал меня. И ему, очевидно, было при этом очень весело. Я, напротив, не была расположена к шуткам.

- Хорошо, Колин. Папа говорит, что ты опасен, и поэтому мне нельзя тебя видеть. Почему? Насколько ты опасен? Кто ты? Полукровка, чистокровный, смешанный? Я не знаю, какие там у вас имеются категории. Или ты вообще кто-то совсем другой?

Мой голос звучал враждебно, но дрожь, которая охватила всё моё тело, выдавала меня.

- Ты же не просто старый полукровка, нет? - добавила я с полным надежды и очень кротким голосом.

Взгляд Колина потемнел.

- Нет. Нет, я не полукровка. Я Камбион*.

(прим.редактора: Камбион – сын дьявола и смертной женщины. Является полудемоном, способным менять вид и маскироваться под обычного человека.)

- Камбион, - вздохнула я. Это слово я ещё никогда не слышала. – Ну, прекрасно.

Я что, попала теперь в продвинутую версию Властелина колец, или что?

- Я не нахожу это смешным! - возразила я. – Значит, ты не Демон Мара?

- Нет, я Демон Мара, - сказал - Колин. - Я даже один из самых чистокровных. Зачат Демоном Мара, рожден человеческой женщиной. У нас это называется Камбионом. Я самый что ни на есть Демон Мара. Более настоящего быть не может.

Юмор исчез из его глаз, и я подумала, что услышала немного стыда.

- Зачат Демоном Мара?

- Мара женского рода. Тесса.

Его голос был переполнен ненавистью и отвращением. Ужас такой глубокий, как пропасть, на один вздох оказался так близко, что казалось, можно коснуться.

- Тесса одна из древнейших. Чем они старше, тем у них больше силы. Тем более, когда они ищут молодых жертв. Древние самые одиноки. На самом деле, Демоны Мара одиночки. Они живут в одиночку и охотятся в одиночку. И они не могут размножаться. Но не все справляются с этим. Особенно древним сложно. Они хотят иметь спутников жизни, которые объяснили бы им современный мир. Или они хотят поиграть в Бога и создать новых Демонов Мара. Как Тесса.

Горечь в голосе Колина сжала мне горло. Он, казался, холодным и далеким - как кто-то, кто ни в коем случае не хотел утешения или сострадания. Луис, который стоял всё ещё около окна и заглядывал к нам, тихо фыркнул.

Ему можно было утешить меня. Мне нет. Колин посмотрел на меня испытывающе.

- Что сказал тебе твой отец? Кто я?

- Ничего. Только то, что ты опасен. И ..., - я заколебалась.

- И что?

- "Это может всех нас убить". Это были его слова, - мои руки начали потеть. - Это он мне сказал, когда я захотела тебя ещё раз увидеть.

Я не должна была даже думать об этом. Колин задумчиво кивнул. Я замерла. - Значит ли это…?

- Нет, - сказал он быстро. - Сиди спокойно, Эли. Но это могло бы быть и правдой. Не все Демоны Мара благожелательно настроены по отношению к нему. Если быть точным: только не многие. Демоны Мара естественно не заинтересованы в том, чтобы люди узнали об их существовании. Каждый человек, который что-то знает, по их мнению, уже плохо.

Я вздохнула.

- А ты хорошо относишься к папе? Сцена в нашем зимнем саду отнюдь так не выглядела.

Колин пожал плечами.

- Я к нему равнодушен. Пусть делает то, что считает правильным. Если он оставит меня в покое, то и я оставлю его в покое.

- Ты, значит, не заинтересован в том, чтобы убить нас или что-нибудь ещё с нами сделать? - спросила я, чтобы убедиться.

- Сейчас для этого нет никакой причины, - ответил Колин сдержано. - Но никто кроме тебя не должен знать, кто я, и что случилось с твоим отцом. В этом он прав. Не пробуждай никогда гнев Демонов Мара, Эли. Я говорю это серьёзно.

Я нашла этот ответ мало обнадёживающим. Луис затряс, фыркая, густой гривой. Его присутствие навело меня на мысль.

- Твоя кобыла в прошлом. Ты рассказывал, что ты потерял её. Это как-то с этим связано? Ведь это не были новые фотографии, они были старыми, - вырвалось у меня. Глаза Колина теперь, когда солнце зашло и тени выступали из углов комнаты, стали снова глубоко чёрными, но блеск в них потух. Его изогнутые уголки губ стали твёрдыми.

- Да, связано. Она меня больше не узнавала. У неё тогда был жеребёнок, и я хотел вместе с ними сбежать, когда понял, что со мной случилось. Я начал уже изменяться. И всё-таки я хотел сбежать. Я ненавидел Тессу, хотя и был в её власти.

Колин встал и молча зажёг свечи большого канделябра. Я молчала в надежде, что он продолжит рассказывать дальше.

- Я был конюшим - и день, и ночь с ней рядом. Алиша. Твоё имя напоминает мне её ..., - он коротко улыбнулся, но это была грустная улыбка. - Я никогда ни одну лошадь не знал так, как её. Но когда это случилось - она как будто сошла с ума. Другие лошади тоже не доверяли мне, но с ней было хуже всего, потому что у неё был жеребёнок. Она должна была защищать его.

Колин вытащил рубашку из штанов, так, что я смогла увидеть его живот. Я смотрела так непринуждённо, как только возможно на то место, которое он мне показывал. Я увидела чёткий круглый шрам, след от копыта, который окружал пупок, как полумесяц.

- Я убежал пешком, а Алишу оставил. Прежде чем Тесса это заметила и в это поверила, я уже укрылся на корабле и был далеко в открытом море. Она невероятно высокомерная. И немного глупая. И это было моим преимуществом.

Значит, она ещё существовала, этот древний, женского рода, Демон Мара.

- Но ты ведь снова ездишь верхом - да ещё как! - вставила я.

- Да. - Черты лица Колина немного расслабились. - Я не сдался. То, что произошло с Алишой, я никогда не мог забыть. В конце концов, годы спустя после Тессы, я увидел лошадь, несущую на своей спине кошку - добровольно. А кошки - это хищники, они всегда были величайшими врагами лошадей. Но эти двое знали друг друга. Так что я попытался ещё раз. Мне потребовалось много времени, прежде чем лошади подпустили меня к себе. Но потом они быстро чувствовали, что я знаю, что делаю, и что я не желаю им ничего плохого. И это замечательное качество в этих животных. Они готовы довериться, вопреки своим инстинктам. Посмотри на Луиса - он в любой момент может убежать. Но он не хочет. Мне его даже не надо привязывать.

Глаза Колина были теперь мягкими и полными жизни, и в то время как он говорил, кончики его волос двигались медленно туда-сюда.

- Он привык к моей прохладной коже, а твоя тёплая пугает его. Но и с этим он может примериться. Для этого нужно только время, терпение и понимание. Даже ты для лошадей, в сущности, хищник, как бы ни велик был твой страх - ты знаешь это, не так ли?

М-да. Мне казалось совсем наоборот.

- Я не чувствую себя хищником, - призналась я.

- У тебя есть острые красивые клыки, никогда не замечала? Мясо ты только недавно уплела в лучшей манере хищника и при этом почти забыла свои хорошие манеры. И твои волосы - они выглядят так, как у злой лесной ведьмы.

Он спокойно усмехнулся, и я невольно усмехнулась в ответ. Осторожно я потрогала кончиком языка свои клыки. Так же и мои коренные зубы были острыми - иногда, когда я видела плохой сон, я могла прикусить ими щёку.

- Но я была зачата до того, как папу атаковали. Я должна быть человеком. Или он как-то заразил меня?

- Нет. Ради всего святого, нет. Но ты очень впечатлительная, это как плодородная почва. Ты чувствуешь вещи, которые другие не замечают. Мои коллеги - лесничие и охотники - находят меня странным и своеобразным и говорят, что я забавный чудак. Это всё. Они ничего не видят. Скорее всего, они просто не хотят ничего видеть. Так ведь проще. Но ты - ты видишь больше.

- И я ненавижу это, - сказала я страстно.

- Нет, ты так не думаешь на самом деле, - возразил Колин. - Я завидую тебе в том, что ты человек. В том, что ты смертная.

Мы замолчали. Моя голова горела. Я закрыла глаза от удовольствия, когда подул прохладный воздух и коснулся моего лба и из-за которого пламя свечей задрожало.

- Ты никогда - у тебя никогда не появлялось желания что-то сделать с лошадьми?

- Нет. Никогда. Лошади из-за инстинкта самосохранения всегда настороже, поэтому они почти не спят и не видят снов. А если всё-таки видят, это короткие полные паники сны, которые не могут насытить.

Колин посмотрел на Луиса. Его взгляд стал нежным, прежде чем он снова затуманился.

- Кроме лошадей у меня ничего не осталось из прошлого. Десятилетия проходят мимо тебя, и, в конце концов, ты тайком стоишь возле могилы детей твоих братьев и сестёр. Своих родителей я никогда больше не видел. Они были благодарны, когда я наконец ушёл. Поэтому ничего другого не было, только лошади. И если я еду верхом на Луисе, после нескольких минут моё тело нагревается, без того, чтобы мне нужно было похищать сны - почти как раньше. Он дарит мне своё тепло. И оно задерживается в моём теле на один-два часа.

Я не смогла сдержать слезы. Одна скатилась по моей щеке. Колин почувствовал её, наклонился вперёд, поймал её пальцем и съел. Я слегка вздрогнула.

- Что такое метаморфоза - крещение кровью?

- Ты допускаешь то, чтобы у тебя высосали все твои чувства и мечты. Это крещение кровью. На самом деле, это полное самоотвержение. У меня ничего не было, что могло бы меня удержать в этом мире. Никакого якоря. Моя семья никогда не была семьёй для меня, у меня не было жены, не было детей. Только лошади. А о них я не думал в тот момент. К сожалению, они были для меня как само собой разумеющееся. И это было моей ошибкой. Но когда началось превращение, я боролся с этим. Это не неприятно, нет. Ты можешь лучше видеть и слышать, всё становиться невесомым, потому что получаешь невероятную силу и энергию. Но Алиша ...

Голос Колина оборвался. Он её никогда не забывал. Лошадь уже давно умерла, а он чувствовал себя до сих пор виноватым.

- Как это происходит, зачатие Камбиона? - поменяла я тему.

- Я родился, как и все другие дети. Скорее всего, моя мать вначале была беременна самым обыкновенным ребёнком. От моего отца. - Он говорил о своих родителях, как будто он никогда не знал их. Я вспомнила, что он ранее рассказывал о своём отце. Синяки и разбитая скула. Он, должно быть, избивал Колина. И, скорее всего, не один раз.

- Тесса атаковала мою мать в её самую чувствительную фазу, в первые недели её беременности. Это самый подлый способ создать Демона Мара, но и самый надёжный. Ты ведь видишь - с твоим отцом это не сработало.

- Тесса? - спросила я сбитая с толку. - Разве ты не сказал, что она пришла к тебе, когда ты был уже конюшим?

- Она вернулась, чтобы всё закончить. Она могла это сделать только тогда, когда жертва созрела в половом отношении и осталась как можно более одинокой. Это доставляет им удовольствие, дожидаться.

Я покраснела.

- Тогда ты был перед возвращением Тессы человеком?

- Так только казалось. Демоническое уже дремало во мне, и это чувствовали мои родители и братья с сёстрами. Все чувствовали это. Только животные относились ко мне без подозрения. Может быть потому, что они замечали, как я был одинок. Но моя кровь была ещё тёплой, и я ел и пил, как человек.

Я хотела спросить, что именно было в нём демоническое, но его измученный взгляд остановил меня.

- Позволь мне просто рассказывать, Эли, - сказал он настойчиво. - Это и так трудно для меня, вспоминать.

- Моя мать была пугливой, суеверной женщиной, безвольной. Она подчинялась всегда только другим. У неё не было собственного мнения. Она позволяла моему отцу бить себя, даже не единого раза не пожаловавшись. Она была восприимчива, потому что была слабой. Яд Тессы перешёл на неё - и таким образом на меня. Я точно не знаю, как у Тессы это получилось. Но я знаю, что она это сделала. Она с удовольствием хвасталась, какой сильной она была и какой слабой моя мать.

Теперь Колин тоже взял к себе на колени одну из кошек и гладил её бархатный мех, погружённый в размышления. Я не осмеливалась расспрашивать дальше. Я только надеялась, что он сам продолжит рассказывать.

- Я нормально родился, но я не был нормальным ребёнком. Я всё помню. Всё. С самого первого дня.

Я пододвинулась поближе к огню, но его жар не мог изгнать дрожь, которая каскадами пробегала по моей спине. Как это должно было быть, помнить всё с самого первого своего вздоха? Я даже не хотела себе это представлять. Колин рассказывал дальше.

- Я отказался от её молока. Не потому что я не хотел его пить, а потому что я чувствовал, что она не могла выносить меня у своей груди. Моя мать боялась меня. Она боялась меня потому, что я не кричал и не плакал, потому что я тихо лежал и смотрел из окна и чего-то ждал. Я не знал чего, но я ждал. Может быть, я ждал свою настоящую мать ...

Теперь мне вдруг всё стало ясно. Мои сны - ребёнок!

- И потом они стали давать тебе молоко кобылы. Чтобы ты не умер, - сказала я, затаив дыхание.

Ребёнком был Колин. Я видела Колина. Он внимательно посмотрел на меня, ни капельки не удивившись.

- Да. Это делала моя сестра, - сказал он тихо. - Даже ей я казался жутким. Но она, по крайней мере, не оставила меня умирать от голодной смерти. Кроме того, она научила меня человеческому языку. Моя мать думала, что я подмёныш. Неудавшийся ребёнок эльфов, которого принесли феи, чтобы можно было незаметно украсть взамен здорового человеческого ребёнка. Я же говорю - суеверие.

Во мне поднялась чудовищная ярость, которая ожесточённо боролась с почти неудержимой скорбью об истории Колина. Папа посылал мне усталость и пауков. Колин посылал мне сны. Я чувствовала себя застигнутой врасплох и использованной.

- Так это был ты, кто посылал мне сны о ребёнке - чтобы я могла тебя понять, чтобы у меня появилась к тебе сочувствие, чтобы я не заметила, что ты за - за - чудовище! - закричала я, и мои слова причинили боль мне самой . Возмущённо я поднялась из кресла. Кошечка оскорблено убежала и нашла убежище на левом плече Колина.

- Нет, Эли, это не так, - ответил он спокойно и очень грустно.

- Нет, так! Это было точно так, а не по-другому, - закричала я и топнула своей голой ногой. Я устала быть игрушкой для любых безумных Демонов Мара.

- Теперь мой отец и ты можете пожать друг другу руку. Объединитесь! Вы оба прекрасны в манипулировании, не так ли?

Колин молча качал головой и провёл раздраженно рукой по своим шевелящимся, словно языки пламени, волосам.

- Елизавета.

- Никакой Елизаветы. Кончай с этим. Как вы меня все достали! Мой отец постоянно усыплял меня, чтобы я не могла пойти к тебе или вообще не могла подумать о том, как мне сделать так, чтобы увидеть тебя снова. Потом он послал мне в комнату целую армию пауков, стёр мою память о тебе, сделал так, чтобы я заболела - а ты не мог придумать ничего лучшего, как воздействовать на мои сны - а они были самым прекрасным из того, что у меня было за последние недели!

Мне пришлось прервать свою тираду, потому что у меня закончился воздух. С удовольствием я бы залепила Колину по лицу пощёчину – по лицу, которое я между тем, уже любила. Это чувство я не могла затмить даже гневом.

- Как я могла быть такой глупой, - прошептала я и отвернулась от него, чтобы он не видел, как дрожат мои губы.

- Ты можешь меня ненавидеть. Большинство людей так и делают. Я привык к этому. Но не ненавидь своего отца. Он ни в чём не виноват.

- Конечно, вы держитесь вместе.

- Нет. Твой отец может и впечатляющий мужчина, но он этого не может. Это был я, Эли. Я пытался остановить тебя. Я делал тебя уставшей, посылал к тебе пауков, сделал так, что бы ты заболела - а потом, постепенно, твоё упрямство стало изрядно действовать мне на нервы.

Я всё ещё не смотрела на него. Я правильно поняла Колина? Но откуда он знал о моей фантазии ужаса? Конечно, сцена в спортивном зале – он, должно быть, учуял мой страх. Он знал о нём. Это уже было слишком. И он ещё открыто признается в этом.

Но почему он всё это сделал, если он якобы не питал никаких плохих намерений, а мой отец был ему до лампочки? Я подумала о том, что отец сказал мне в машине в тот ужасный понедельник, после выходных, когда была дискотека. Что Колин никогда не будет меня любить. И так оно, вероятно, и было. Он пытался всеми силами наконец от меня избавиться. Я была для него не больше, чем обыкновенная навозная муха.

- О Боже, - простонала я. - Я ведь никогда не хотела быть навязчивой. Я твёрдо так решила. Я ненавижу навязчивых женщин.

Колин засмеялся. Это не звучало счастливо, но всё-таки это было музыкой для моих ушей.

- У тебя очаровательная спина, но, пожалуйста, Эли, повернись снова ко мне.

Я неохотно повиновалась и сделала глубокий вдох, прежде чем он что-то сказал.

- Хорошо, назад уже ничего не вернуть - я здесь. Теперь просто расскажи мне, почему ты не хочешь, чтобы я была здесь. Тогда я запомню это, уйду домой, и мы никогда больше не увидимся, - сказала я, стараясь говорить спокойно.

Колин засмеялся ещё раз. А Луис фыркнул, потому что, по-видимому, находил этот звук таким же прекрасным, как и я.

- Не то, чтобы я не хотел, чтобы тебя здесь не было. Нет. Ты думаешь, я могу быть для тебя опасным. Да, это возможно. Но и ты тоже представляешь для меня опасность, Эли. И даже очень большую. Я хотел защитить нас обоих.

Удивленно я подняла глаза. Это серьёзное заявление.

Почему? Как я могу ...? Я этого не понимала. Он ведь был намного сильнее и могущественнее меня.

- Я не могу тебе этого сейчас рассказать. - Он попытался улыбнуться.

Это что, было по возможности самым драматическим оправданием? Или Демоны Мара, как правило, не могли строить отношения?

- Ты вообще злой? - спросила я намеренно наивно, хотя это и прозвучало почти по-детски.

- Ты так думаешь?

Я посмотрела на кошек, которые, мурлыча, собрались возле него: самый первый - Мистер Икс, который величественно уселся рядом с Колином и смотрел на меня в упор своими жёлтыми глазами. Я посмотрела на Луиса, который с полузакрытыми веками и висящей нижней губой дремал в открытом окне, уши внимательно направлены в сторону Колина. Я посмотрела на его голые сильные руки, которые хотя и держали меня, но никогда не причиняли мне боль. Никогда.

- Нет. Но ты всё-таки опасен. И ты вторгся в мои сны, - сказала я укоризненно.

- Не так, как это делают другие Демоны Мара. Я не похищаю хорошие сны и чувства, во всяком случае, не у людей. Нет. С тобой кое-что случилось, чего я не ожидал. Я подозревал, что это случилось, но только теперь я знаю это точно.

- Что ты имеешь в виду? Что случилось?

Колин внимательно смотрел на меня, как на маленькое научное чудо.

- Кажется, что наши воспоминания иногда сливаются друг с другом. И всё равно, я открыто признаю..., - он нахально усмехнулся. - Ну, я признаю, что иногда заглядывал в твои сны и принюхивался к ним, без того, чтобы попробовать их. Как к кусочку торта за стеклом прилавка. И это всё. Честно, - он улыбнулся ещё шире. - Ты очень талантливая в отношении снов. Это впечатляет.

Я хотела уже поблагодарить его, когда поняла, что он только что сказал. Колин приблизил свой дух к моему. Я надулась и уже хотела перейти к обличающей тираде, когда меня прервал его блик. Было очень трудно одновременно смотреть ему в глаза и в то же время ругаться.

- Значит, ты действительно видела меня? В твоих снах? Это правда? - спросил он настойчиво.

- Когда ты был ребёнком, да, - ответила я. - Три раза. Когда ты лежал на чердаке. И когда твоя сестра поила тебя молоком кобылы. Была зима, одинокий пейзаж. В другом времени.

- Шотландия, - сказал он с тоской в голосе. - Ты действительно была там. Мы замолчали. Я вспомнила и другой свой сон, эту встречу на нашем газоне, ночью, и его руки, которые болезненно впились в мою спину. Но прежде всего его объятья, в которых я потеряла себя и в тоже время нашла. Спросить его об этом? Или он посмеется надо мной?

Может быть, это был действительно просто глупый сон влюблённой девчонки, с небольшой добавкой ужаса. Нет, я не буду его спрашивать. Я не хотела знать всего. Во всяком случае, не сейчас. То, что я, не осознавая этого, прикоснулась к его воспоминаниям, было на мой вкус уже достаточной потерей контроля.

Внезапно Колин улыбнулся, и свет вернулся в его глаза. Я не могла на него насмотреться.

- И ты находила меня таким же отвратительным ребёнком, как и мои родители? И наводящим страх? - Он спросил это подчёркнуто остроумно, но в его голосе слышалась и глубокая серьёзность.

- Не отвратительнее, чем обычно, - сказала я, пошутив. - Нет, конечно, это ерунда. Ты был ребёнком! Как они только могли оставлять лежать тебя там наверху?

Колин задумчиво провёл пальцем по носу.

- Знаешь, я часто вижу эту картину перед собой. Она просто всплывает в различных ситуациях, и я ничего не могу с этим поделать. Я вдруг вижу себя. Себя в этой гнилой, холодной комнатушке. Как я смотрю в окно. Как моя мать отталкивает меня от себя. Как она отвергает меня и боится. Может быть, это результат яда Тессы, которым она хочет мне напомнить, кто я. Но то, что ты тоже видела меня и думала об этом, не боялась меня - это всё что-то меняет. Теперь мне будет легче это переносить, - сказал он как будто самому себе. У меня встал ком в горле.

- Но в прошедшие две недели этого больше не случалось. Я больше ничего о тебе не видела и не ощущала тебя, - сказала я.

- Я пытался держать твои мысли от себя на расстоянии. А свои собственные - тем более. Но как я уже говорил, ты настойчивее, чем я думал. Браво!

Колин слегка наклонился и улыбнулся мне так невозмутимо, что я рассмеялась. Это было хорошее чувство. Но когда мой гнев и страх, в конце концов, улеглись, исчезла и моя сила. Я чувствовала себя дряхлой, вялой, разгоряченной и измученной. Колин встал, подошёл к раковине, намочил полотенце и осторожно положил мне его на затылок. Его прохладная рука коснулась моего лба.

- У тебя снова температура?

- Я не знаю. Ты хочешь этого? - спросила я язвительно. Я прижала угол полотенца к виску.

- Ты переоцениваешь меня. Я всего лишь ослабил твою иммунную систему и твою подругу Майке. Я повлиял на неё. Мы чувствуем заразных микробов.

Фу. Бумажная салфетка Майке, прижатая к моему рту.

Конечно. Вот почему Колин так угрюмо смотрел в сторону Майке - он заставил её сделать это.

- Остальное ты сделала сама, - сказал Колин, пожимая плечами, и указал на мой живот. - Я бы с удовольствием сказал тебе, что ты обязательно должна обмотаться попоной. Но это было бы контрпродуктивно, во всех отношениях. Почему женщины сегодня показывают всем свой голый живот и отрекаются от своих бровей? Ты можешь мне это объяснить?

- Э-э - нет. - Тайком я посмотрела на свой живот. Хорошо, что штаны не со спущенной талией и пупка не видно. - Просто так заведено.

- И тебе это ведь совсем не нравится.

- Хм.

В самое яблочко. Понадобились месяцы, прежде чем я смирилась с постоянным сквозняком в области своего пупка, и даже тогда на меня снова и снова накатывало чувство, будто я потеряю свои штаны на ходу. С другой стороны, учитывая тот факт, что я сидела напротив Демона Мара, который мог управлять пауками, это были чертовски банальные вещи. Внезапно для меня всё стало слишком.

- О Боже, Колин, я не могу. У меня ещё столько вопросов, но я просто больше не могу ... Всё как-то...как-то смешалось у меня в голове, - простонала я и потёрла свои горящие глаза. - Мой отец рассказал мне, как его атаковали и что такое полукровка - это всё настолько запутано.

- О твоём отце мы поговорим в другой раз. Может, он и не рассказал тебе всего. Но я уверен, что он тебе, вам, ничего не сделает. На данный момент его всё равно здесь нет.

- Откуда ты это знаешь? - спросила я в недоумении.

- И это я тебе когда-нибудь объясню.

Я догадывалась, что будет тяжело в этом пункте противиться 158 летнему похитителю снов, который пережил две мировые войны и, вероятно, объехал весь мир. Наверное, даже при хорошем здоровье, я не буду жить достаточно долго, чтобы узнать всё.

- Означает ли это, что я должна идти?

Колин, выдыхая, рассмеялся, но я видела, что не ошиблась.

- Так будет лучше.

- Колин, нет, пожалуйста, я хочу остаться здесь на ночь. Я не могу уйти и думать, что никогда не увижу тебя снова ...

О небо! Я умоляла старика позволить мне остаться у него на ночь. Я вспомнила пока единственную ночь, которую провела с мужским существом в кровати - на одной вечеринке. С Энди.

Это была утомительная, изматывающая ночь, потому что я не знала, как удобно лечь, так как его обнимающая рука почти что ломала мне шею, он храпел мне в ухо и излучал такую жару, как выведанная из ритма духовка. Приятного было мало.

А теперь - теперь я хотела обязательно остаться, потому что мне казалось нелепо, что это более безопасно. Пожалуй, я могла бы остаться здесь внизу рядом с кошками на диване или даже на кухонном полу.

- Нет, Эли. Так не пойдёт. Я ещё не ел. И вполне возможно, что сегодня ночью тебе приснятся хорошие сны, которые тебе обязательно нужны. - Он выглядел голодным, когда говорил это.

- Ах, - прохрипела я.

Моё горло сжалось. Колин выглядел всё ещё отдохнувшим, но под его глазами начинали появляться тёмные тени, а его щёки выглядели бледными пятнами в тёплых полусумерках комнаты.

- Я думала, ты знал, что я приду, - сказала я укоризненно.

- Я знал это. Но я никогда не думал, что ты останешься.

- Я тебе доверяю, Колин, - сказала я серьёзно и посмотрела прямо в его тёмные, как ночь, глаза.

Его лицо озарилось, и на короткое мгновение промелькнуло такое выражение, которое я ещё никогда до этого не видела. Я думаю, это было что-то вроде счастья. Но в следующий момент оно уже исчезло, а его рот ожесточился.

- Ты мне кое-что должна пообещать, Эли.

О. Снова обещание.

- Скажи твоему отцу правду. Скажи ему, что ты была здесь.

- Я не могу!

- Нет. Ты можешь. Ты должна это сделать. Твой отец не такая уж незначительная фигура в этой игре. Скажи ему. И не торопись, прежде чем ты снова придешь. Подумай спокойно обо всём. А теперь иди домой. - Колин встал.

Гипнотический звук его чистого бархатного голоса сделал меня податливой. Не веря в то, что это сработает, я согласилась - да, я расскажу папе. Я пообещала это.

- Ещё одна вещь Колин, - попросила я и встала.

- Пожелания, мадам? - спросил он так самодовольно, что я попыталась своими голыми пальцами ноги пнуть его в голень. Он ловко уклонился и свободно удержал мою ногу, так что я, чтобы не упасть, целую минуту прыгала, расправив руки по кругу.

- Хорошее чувство баланса, - сказал он сухо, когда снова отпустил меня. Он пытался отвлечь меня. Я это уже знала.

- Пять лет балета, - объяснила я любезно. - И я хочу знать, как это было с Тессой. Я - я хочу это увидеть.

Понял ли он, что я имела в виду? Он долго смотрел на меня, как будто хотел просветить мою душу насквозь. Но я держалась и отодвигала ревность в сторону, которая зарождалась во мне каждый раз, когда я слышала имя Тессы или говорила его.

- Иди сюда, - сказал он. Я подошла к нему.

Он взял меня за голову и нежно прижал свой лоб к моему. Его прохладная гладкая кожа источала тревожащий запах. Она пахла кошачьей шерстью, хвоей, сеном, дымом от камина, лошадью, кожей и было ещё что-то, чего я ещё никогда не нюхала.

Он так хорошо пах, что я хотела так стоять, по крайней мере, до Судного дня. Его длинные ресницы щекотали мои брови. Потом случилась небольшая, неистовая вибрация в моей голове - и я очнулась снаружи, на гравийной дороге перед домом, Колин вплотную сзади, Мистер Икс передо мной, а мне так хотелось сказать или сделать ещё что-то умное или значимое.

Но мои вопросы были, как будто, стёрты.

- Беги, - прошептал Колин.

Голубоватые клубы тумана скользили призрачно по мягкой, лесной земле и поглотили мои ноги, так что у меня было ощущение, как будто я парю над землёй. Не далеко перед моей входной дверью Мистер Икс, мурлыча, развернулся. Уставшая, я открыла дверь, смяла записку, которую оставила своим родителям, и подожгла её папиной зажигалкой, пока от неё не остался один лишь пепел.

На последних ступеньках лестницы вес моего тела показался мне почти не выносимым. Я выскользнула из своего воняющего дымом камина тряпья и легла голой в кровать. В тот же миг я уснула.

Но в какой-то момент в эту звёздную ночь, где-то между темнотой и рассветом, я услышала дыхание на своей щеке, прохладное и восхитительное. Рука провела по моему лбу.

- Спокойной ночи, лесная колдунья.

Теперь я действительно спала.

Глава 24. По стопам отца

Прежде чем я открыла глаза, я почувствовала, что на моей груди что-то лежит. Обжигающие горячие волны чистого ужаса пробежали по моему телу. Значит, это случилось. Меня атаковали. Это был конец моей прежней жизни, и Бог знает, много потрясающего в ней не было. Может быть, меня даже ждала смерть.

Потом мой мозг заработал. Нет, было не больно. Никаких когтей на затылке. Я так же не была готова всё отдать. У меня был только ужасный голод. Кроме того, это был бы ничтожно лёгкий Демон Мара, который сидел у меня на груди и пытался поглотить мои сны. И я была уверенна, что Демоны Мара не мурлыкали и не воняли рыбой.

Я убедила себя поднять веки, и мой взгляд как раз был направлен на полузакрытые восторженные глаза Мистера Икса.

- Мяу, - мяукнул он самодовольно.

- Так не пойдёт, - сказала я с не заслуживающей доверия суровостью моим хриплым утренним голосом.

Я попыталась столкнуть его - действие, которое этот навязчивый кот прокомментировал только ещё одним "мяу" и использовал его, чтобы ещё прочнее свернуться на мне калачиком.

Жужжание и звон моего мобильника преждевременно прервали непреднамеренный курс ласки. Мистер Икс и я одновременно испугались и синхронно вскочили с кровати, он с левой стороны и очень элегантно, я с правой и скорее неловко. У меня не было никакого представления, сколько было времени, и мне пришлось немного подумать, чтобы вспомнить, какой был день недели и в каком мире я находилась.

Телефон продолжал настойчиво вибрировать и звенеть. Я поплелась к окну, чтобы взять его с подоконника, и упала на стул у письменного стола. Мистер Икс имел дерзость в это время свернуться в меховой шарик под моим одеялом.

Сверкающий солнечный свет беспощадно светил на меня и из-за него было невозможно даже хоть что-то увидеть на дисплее. Может, контрольный звонок моих родителей?

Колин, пронзила меня счастливая мысль, когда я подумала о родителях. Я была у Колина. Я действительно это сделала. И он не выгнал меня. Хорошо, не сразу. Но моё пребывание вчера вечером было на сегодняшний день рекордом, хотя я и не знала, как назвать то, что между нами происходило.

- Алло? – отозвалась я, моргая.

- Ибица! - раздалось в трубке не менее счастливо, чем мои мысли о первом и единственном чистокровном Демоне Мара в моём презренном существовании.

- Э? - ответила я глуповато.

- Это я!

- Кто это "я"? - спросила я осторожно. Во всяком случае, это не была Майке. И не Бенни тем более.

- Дженни! Скажи, что с тобой случилось?

Дженни. Про неё я совсем забыла.

- О, привет, Дженни, - сказала я, и мне не удалось вложить в свой голос радость. Мой голос звучал ужасно сонно. И чувствовала я себя так же. Но всё-таки мне было очень удобно.

- Да, как я уже сказала, - закричала Дженни очень громко, и я отодвинула мобильник подальше от уха. - Ибица, это получится!

Чёрт, я опять задала мало вопросов сегодня ночью. Слишком мало! Я достала листок бумаги из принтера и стала искать ручку, которая бы писала.

" Почему ты не заметил папу раньше?", написала я.

- Лесси? Ты ещё там? Алло?

- Да я ещё здесь, - ответила я терпеливо.

"Почему ты спас меня в грозу?", писала я дальше.

- Тогда скажи что-нибудь! Ты ещё ничего не ответила!

- На что? - спросила я рассеянно.

- О Боже! Мы ведь хотели поехать на Ибицу на летние каникулы, ты что, забыла? И теперь мы нашли дешёвый отель и дешёвые авиабилеты, ты должна только согласиться, и тогда - вечеринка за вечеринкой! - ликующе сказала Дженни.

Это было верно. Я начинала смутно припоминать. Мы вместе хотели поехать к морю. Я при этом думала об уединенных бухтах и уютных ресторанчиках; Николь и Дженни - о жарких вечеринках и длинных ночах в клубах. И из-за непонятного помутнения разума я согласилась, потому что хотела наконец отдохнуть в солнечной стране.

"Почему я видела тебя во сне сверху?" Ах, один момент. "Почему я не видела тебя и Тессу вмести во сне?" Я ведь хотела знать, что именно произошло!

- Я думаю, из этого ничего не выйдет, - сказала я вяло Дженни, которая взволнованно дышала в трубку. Я ведь не могла сейчас уехать. Никоим образом. А если быть честной, то я и не хотела этого.

- У меня домашний арест, - добавила я, объясняя. Это было правдой, даже если это и был самый непоследовательный домашний арест когда-либо.

- Ты под домашним арестом? - Дженни рассмеялась в трубку.

На заднем плане я услышала, что Николь что-то спросила, что было прервано назойливым шумом заезжающей машины и агрессивным гудком.

Теперь Николь взяла на себя руководство.

- Давай не рассказывай всякое дерьмо, это ведь не правда. Наши родители уже это обсудили и твой отец, как всегда, был не против. Не выпендривайся. Это будет здорово!

Наши родители уже обсудили это? Как хорошо, что я узнаю об этом последней. Детский сад какой-то.

- Алло? = закричала я в трубку и зашуршала громко исписанной бумагой. - Николь, Дженни? Я думаю, у меня на связи помехи ...

Я отошла от окна на середину комнаты, и фиктивные помехи перешли в настоящие, и связь прервалась. Удовлетворённо я повесила трубку и выключила мобильник. Внезапная тишина была потрясающей.

Вооружившись бумагой и ручкой, я залезла обратно в кровать и прижала свои голые ноги к мягкому меху Мистера Икс. Я почувствовала, как он под одеялом с глубоким кошачьим вздохом вытянулся.

Было невозможно лежать в кровати с Мистером Икс и не думать о Колине. Я долго и крепко спала - намного дольше, чем все недели, начиная с нашего прибытия - и у меня не было уже в течение нескольких дней такой ясной головы. Тем не менее, я должна была записать свои вопросы. Их было так много. И я хотела постепенно все их задать.

Я не должна торопиться с новой встречей, сказал Колин на прощание. И моё настроение тут же омрачилось - я должна поговорить с отцом. Сказать ему правду. С таким же успехом я могла бы пригласить апокалипсических всадников на компанейское свидание с кофе и пирогами, подумала я.

Если папа уже при встрече с Колином так сильно рассердился и угрожал, каким разъяренным он будет тогда, когда узнает, что я пошла против его запретов? Был ли он способен что-то мне сделать? Ну, если верить Колину - а я верила ему - тогда я подозревала папу ошибочно в том, что это он послал мне пауков, сон и ветрянку.

И всё-таки. Папа не мог знать, что Колин не был одним из тех Демонов Мара, которые вознаграждали людей, знающих об их существовании, различными видами уничтожения. Поэтому не было прямой опасности, не для меня, не для папы или мамы - а для Пауля? Что, если Пауль уже рассказал кому-то папину историю?

Я не знала, сколько Демонов Мара существовало на Земле, но в таком большом городе, как Гамбург, их было точно больше, чем здесь в деревни. Пауль был всегда открытым и никогда не стеснялся говорить о себе и своей семье. Конечно, папа, наверное, взял клятву и с него. Но Пауль всё ещё твёрдо верил в то, что вся эта дрянь о Демонах Мара была плодом папиного воображения. Зачем же ему тогда придерживаться этой клятвы?

Я подошла обратно к окну и набрала с тяжёлым сердцем номер брата. Когда он, наконец, поднял трубку, его голос звучал сонно.

- Эли. Я же тебе говорил, что это всё ...

- Нет, Пауль. Он мне теперь всё-таки всё рассказал. Всё это дерьмо о Демонах Мара и полукровках и об укусе.

Что с ним случилось? Звучал ли мой голос нормально? Должен был, не то весь мой замысел не сработает.

- Ах, боже мой, - вздохнул Пауль. Он ненадолго замолчал. - И как ты с этим справляешься?

- Ну,- вздохнула я в ответ. - Самое плохое то, что мама верит ему. И я не хочу в это вмешиваться, Я закончу здесь только гимназию и потом ...

- Тогда лучше уходи от них тоже. Ты не выдержишь.

Почему голос Пауля звучал так печально, если он без нас в Гамбурге был таким удовлетворённым и счастливым?

- Ах, Пауль, я знаю, это всё как-то довольно глупо, но у папы здесь важное место, и он не должен его потерять, хотя бы ради мамы. Было бы лучше, если бы никто не узнал о его фантазиях. - Извини, папа, подумала я виновато. - Поэтому я никому об этом не буду рассказывать. Да и мне бы было и стыдно.

Пауль засмеялся.

- Думаешь, мне это приятно? Мой отец, успешный психотерапевт, и вдруг сам чокнулся. Нет, я никому об этом не говорил. А Лили мне бы всё равно не поверила. Она сходила по нему с ума. - В голосе брата закралась суровость, которая даже мне делала больно.

- Хорошо, Пауль, тогда ...

Тогда? Теперь он, должно быть, думал, что мы одна команда. Может быть, он был бы даже согласен чаще говорить со мной - о нашем сумасшедшем отце и о нашей бедной обманутой матери. Но теперь я должна была отстраниться.

- Позаботься о себе и, пожалуйста, никому об этом не рассказывай,- попросила я его и положила трубку, прежде чем мой дрожащий голос мог меня выдать.

- Он не сумасшедший, - прошептала я, плача и смотря на мобильный. Я казалась самой себе отвратительной. Но скажи я правду, Пауль не поверил бы мне. Я должна была соврать, чтобы защитить его. Он был моим братом, даже если я больше не знала, как он выглядит.

Он не присылал фотографий уже в течение многих лет. Может, он хотел наказать этим отца. Я спрятала своё лицо в ладонях и ждала, пока могла снова спокойно дышать. У меня был целый день, чтобы побыть одной - и были летние каникулы. Ещё целых шесть недель. Вдруг мысль о таком невероятном количестве свободного времени не стала меня больше беспокоить, ведь предстояло многое сделать. И многое выяснить.

В папином кабинете я вчера ничего не нашла. Но здесь, в доме, должны быть какие-то документы по этому всему делу об охотниках за сновидениями. Конечно же, папа не будет оставлять такой важный материал в клинике. Но возможную документацию хранить здесь, в кабинете, он тоже бы не стал - тем более, что папа догадывался, что я буду её искать.

Мистер Икс выполз из-под одеяла, зевнул, обдувая меня своим рыбным дыханием в лицо, и ускользнул через открытое окно. Проворно он прошел по козырьку крыши, чтобы потом с грациозностью перепрыгнуть на гараж.

Я снова прижалась носом в мягкую куртку с капюшоном Колина. Потом я оделась и приготовила себе быстро завтрак. Кофе почти кончилось. Я ненадолго задумалась и в

недоумении открывала и закрывала кухонные шкафы, пока не вспомнила, что мама с недавнего времени хранила запасы в подвале.

А я ненавидела подвалы. А этот особенно - он был тёмным и затхлым, и я была убеждена, что там, внизу, из поколения в поколение бодро размножаются большие, жирные пауки. Сразу после нашего переезда, я отказывалась спускаться вниз, всякий раз, когда мои родители давали мне какое-то задание, связанное с подвалом. А таких было много, учитывая то, что мы только что переехали.

Конечно, подвал, меня как будто озарило. Почему я раньше не догадалась об этом? Если в этом доме и был тайник для папиных секретных документов (документы о секретной работе, которая была такой секретной, что даже Колин не хотел мне об этом рассказывать), тогда он точно там. Там должно лежать остальное содержимое тех коробок, которые доставила грузовая машина посреди ночи. Ведь на чердаке, в конце концов, жила я.

Моё утреннее хорошее настроение во второй раз притупилось. Перспектива находиться там, внизу, дольше, чем три минуты, была отрезвляющей. Да, я накричала на эту армию пауков в моей комнате и была на грани того, чтобы позволить им сделать из меня кокон в человеческий размер.

Но это ещё не означало, что моё отвращение к ним исчезло. Я подумала, стоило ли мне всё-таки отказываться ехать вместе с Николь и Дженни. Это было так заманчиво. Одна неделя на Ибице, купаться в море, голубое небо, подальше от родителей и школы, подальше от провинциалов. Но так же грохочущее громкие дискотеки, постоянное давление, быть весёлой и бесшабашной, к этому может быть ещё какие-то навязчивые типы, которые считают нас послушными жертвами.

Нет. В сравнении с Колином, все парни, которых я встречала до него, выглядели, как тюфяки. Соблазн был велик - сразу же помчаться к Колину и задать все свои вопросы, но я дола ему слово. Наверное, было умнее его сдержать, даже если мне всё ещё было не ясно, почему это так много для него значило.

Так что нужно было думать, как мне в этом преуспеть самой, и использовать отсутствие родителей как можно лучше. С втянутой головой, я спустилась по узкой лестнице вниз. Я в недоумении огляделась. Где же начать? Мой замысел казался мне безнадёжным. Состояние нашего подвала заставило бы любого домовладельца сбежать.

При том, что мой отец был почти педантом, а мама, самое большое, создавала организованную систему хаоса в декорации. Но это? Это на них было не похоже. Как будто это должно было прогнать меня отсюда, прежде чем я сделаю хоть один шаг.

В углу скопились чемоданы и сумки в серо-голубо-зелёную кучу, рядом новогодние украшения позаботились о красно-золотистом акценте. Подвальный шкаф был переполнен старой одеждой, пластинками, коробками с фотографиями и видеокассетами. Возле стены упаковочные коробки доставали до потолка. Свёрнутые ковры лежали в комнате вдоль и поперёк. И потом там был ещё бабушкин огромный старый крестьянский сундук. Я точно знала, что в нём хранилось - ряды банок для консервации, набор для фондю, стеклянные графины и серебряные столовые приборы, которыми мы никогда не пользовались, потому что их постоянно нужно было чистить.

Сундук стоял раньше у неё в коридоре. И когда она его использовала и варила варенье, я часто смотрела и затем помогала закрывать банки. Когда я прокладывала себе дорогу через хаос, не обошлось без того, чтобы отодвигать коробки и ящики в сторону. В середине рождественского барахла запел плюшевый олень весёлый "звон колоколов". Несмотря на мой страх перед пауками, я засмеялась.

В порыве ностальгии я ненадолго остановилась возле бабушкиного сундука и хотела поднять крышку, но она не сдвинулась ни на миллиметр. Я попробовала ещё раз.

- Вот дерьмо, - заругалась я, когда мой палец соскользнул, и сломался ноготь. Что-то блокировало шарнир.

Я поискала фонарик и нашла его рядом с моими старыми учебниками - покрытый пылью и паутиной. К его концу прицепился труп сухого бескровного мумифицированного паука.

Фыркая, я его стряхнула и посвятила на сундук. У меня всегда была хорошая память и в одной вещи я точно не сомневалась: на этом сундуке никогда не было кодового замка. Да и для чего бы он был нужен?

Но теперь он был там.

- Да, совсем не заметно, папа, - пробормотала я.

Постарался ли он также сильно и с комбинацией цифр? Я испробовала дату свадьбы моих родителей. Не подошла. Замок не открылся. Гм. Мамин день рождения? Нет. Тоже не годится. Наполненная необъяснимым уважением, я набрала свою собственную дату рождения. Замок щёлкнул.

- О Боже. Как оригинально, - сказала я смущённо.

Мне не нравится то, что я делаю. С другой стороны, уговаривала я себя упрямо, у меня было право знать, что папа делал в своё свободное время.

Я толкнула массивную крышку вверх. Внутри меня ждало разочарование. Я не нашла ничего, кроме тяжёлого сейфа - и с комбинацией цифр я не продвинусь здесь дальше. Мне нужен был ключ. Где бы он мог быть? Скорее всего, в папином кармане брюк. Тем не менее, я потрясла на всякий случай дверь сейфа. Возможно в спешке, перед отъездом, он забыл её правильно закрыть.

- Елизавета? Что ты там делаешь?

Молниеносно я вытащила оттуда руку. Крышка сундука захлопнулась. Свои пальцы я спасла в последний момент. Раздался громкий стук, и замок упал, гремя, на пол.

Мой отец стоял всего несколько шагов за мной, как долго, я не знала. Его массивная фигура мрачно возвышалась надо мной. Я не могла распознать его лицо, потому что весящая за ним на потолке лампа отсвечивала и качалась, а его огромная тень носилась по стенам.

Но мне этого было не нужно, чтобы знать, что он дрожал от гнева. Я даже не пыталась солгать.

- Я видела его снова, папа. Колина. Я была у него. И как ты видишь, я всё ещё жива. - Я сделала небольшой, образцовый поклон.

Он не шевелился. Я даже не слышала его дыхания. Потекли мучительные секунды. Что он сделает? Мама ещё не вернулась, и, фактически, папы тоже ещё не должно было быть. Он меня побьёт? Мой отец никогда не поднимал на меня руку, но пока я не давала ему для этого никаких оснований.

Но теперь? Я подавила поднимающийся страх, подняла фонарик и посвятила ему прямо в лицо. Его глаза были с кроваво-красными прожилками. Это я смогла ещё увидеть, прежде чем он поднял, прикрываясь, руку перед своим лицом.

- Перестань, Елизавета. Я страдаю снежной слепотой. Это чёртово солнце, - ругался он.

Снежная слепота? Как же он тогда смог так тихо сюда спуститься, без того, чтобы не упасть или не споткнуться?

Я опустила фонарь только на несколько сантиметров вниз. Папа приблизился ко мне и вырвал его у меня из руки. Поражённая, я ахнула. Он схватил меня твёрдо за руку.

- Пойдём со мной, - холодно сказал он и оттащил меня от сундука.

Было бесполезно сопротивляться. Мой отец был во много раз меня сильнее. Его моментальная слепота не могла в этом ничего изменить. Наверху он втолкнул меня в свой кабинет.

- Здесь ты останешься, пока Мия не вернется.

О нет. Мама. Из-за нечистой совести у меня пошли слёзы. Она, должно быть, подумает, что я использовала её доверчивость. Папа, не сказав ни единого слова, исчез и закрыл дверь на два оборота ключа. Полтора часа спустя время настало.

Всё это время я неподвижно сидела, съёжившись, на диване, не желая даже хоть что-то делать. Я находила это не достойным, быть здесь запертой, как непослушный ребёнок. Сейчас я могла бы без помех читать папины книги, но мне не хватало для этого никакого стимула. Я всё равно ничего не найду, что поможет мне в дальнейшем – и, тем более, в этой запутанной ситуации.

Теперь я сидела напротив них в зимнем саду. Папа надел тёмные очки, поэтому мне только оставалось смотреть маме в глаза, которая смотрела на меня вопрошающе своими зелёными, как мох, глазами. Значит, она ещё ничего не знала.

- Она была у него, - просто сказал папа.

Мама, не веря, покачала головой.

- Но ..., - начала она с сомнением.

- Да, он прав. Я была у него. И что теперь? Вы меня запрёте? Будете контролировать день и ночь? Посадите меня на цепь? - спросила я воинственно.

Мама молчала. Я не могла ей больше смотреть в глаза. Это было единственное, о чём я жалела, что обманула её. Обо всём остальном я не сожалела.

- Ах, кстати, - прервал мой голос тишину. - Он Камбион. И до полукровок ему нет дела.

Папа стукнул своей ладонью по столу. Он сейчас возьмет и сломает его напополам.

- Чёрт побери, Елизавета, что с тобой вдруг такое случилось? Ты хочешь свести нас с ума?

- Камбион, - повторила мама в ужасе. - Я сейчас выпрыгну в окно.

- Не стесняйся, - ответила я щедро. В конце концов, мы находились на первом этаже. - Ты так же это переживёшь, как я свой визит к Колину.

- Хватит, - заревел папа. - Как ты можешь быть настолько наивной и что-то себе воображать после того, как он один раз тебя отпустил?

- Один раз? Каждый раз! - закричала я в ответ.

- Господи, Элиза, проснись, наконец! Он обманывает тебя. Он играет с тобой. У Демонов Мара такая сущность. Он даёт тебе чувство безопасности, чтобы ты в него влюбилась и твои сны стали более сладкими, и когда это случиться, он начнёт действовать!

- Вполне возможно, что девяносто девять процентов Демонов Мара так и настроены, но не он. Я это знаю. Я просто это знаю.

Мама смотрела, качая головой, поочерёдно то на папу, то на меня.

- Я потеряю свой рассудок, - пробормотала она растерянно. - Это сумасшедший дом. Я живу в сумасшедшем доме.

- Елизавета София Штурм, - проворчал папа, наклонился и схватил меня грубо за плечи. - Ты ошибаешься. Это часть его плана, что ты во всё это веришь.

- Хорошо, папа, если Демоны Мара совершенно не честные, как ты утверждаешь, кто мне тогда скажет, что ты говоришь мне правду? В конце концов, ты ведь на половину Демон Мара и лгал мне семнадцать лет.

Папа застонал и потянул себя за волосы. Солнцезащитные очки соскользнули с лица, и я увидела его глаза. Они были налиты кровью.

- Ты всегда вбивал мне в голову, что я должна полагаться на свою интуицию. И я следую этому. И ничему другому, - продолжала я.

Папа снова застонал.

- Элиза, это тебе надо? Ведь у тебя есть здесь всё, что тебе нужно.

- Всё, что мне нужно? - закричала я сурово. - Да мне не хватает очень многого!

- Может, хищного Демона Мара, который заберёт у тебя последнюю искру воли к жизни? - поглумился папа. - Как будто бы мы тебе не всё дали! Какому ребёнку так повезло, что он

может распоряжаться в месяц 200 евро на карманные расходы, каждые выходные ходить на вечеринки, всегда носить самые дорогие вещи?

- Папа, прошу тебя, - закричала я разгневанно и с удивлением поняла, что могу быть очень громкой. - Ты должен был бы знать, что для меня это ничего не значит. Ты серьёзно думаешь, что я вела такую прекрасную жизнь? - закричала я и соскочила с места. Я больше не могла, как подсудимая на суде, оставаться сидеть на моём стуле. - Я не видела своего брата уже пять лет. Пять лет! Ты прогнал его, и тебя это даже не заботит!

Я знала, что это не правда, но мне было всё равно. Я ещё не всё сказала.

- Так как вы другие, то и я другая. Это неприятно, всегда выделяться и чувствовать, видеть и слышать больше, чем все остальные. Это не весело. Так же не весело и то, что каждый парень, которого приводишь домой, мочиться в штаны от страха, если видит тебя. Или, что мои лучшие подруги неравнодушны к тебе. Это отвратительно!

Разъяренная, я толкнула свой стул. И меня ещё больше разозлило то, что уголки губ мамы коротко дёрнулись. Пусть только попробует посмеяться надо мной. Для меня это было серьёзно.

- Мы пытались сделать твою жизнь нормальной, - сказал папа сдержанно.

- Нормальная жизнь! - издевалась я. - Вся моя жизнь состояла только из страха, потому что я, скорее всего, всегда чувствовала, что с нами что-то не так. И меня не делает более мужественной тот факт, что мама вблизи от тебя находиться в опасности и, возможно, я тоже. Я больше не могу вести себя так, будто всё в порядке. Ничего не в порядке! Ничего!

Из-за того, что мне нужно было выпустить пар, я смела не прочитанную газету со стола и закинула её в угол. При этом мама смотрела на меня с интересом. Папа только молчал, его лицо как застывшая маска, на которой нельзя прочитать никаких чувств.

- Ты другой, папа, и я тоже. Колин тоже другой. Ты не можешь ожидать от меня, что я буду держаться от него подальше. Он первый человек, с которым я чувствую, что меня понимают. А всё остальное вас не касается.

Наступила тишина.

- Он не человек, Елизавета, - наконец сказал угрожающе папа.

- Ты тоже.

Мы стояли друг напротив друга, скрестив руки на груди, головы подняты, и всё-таки не смотрели друг на друга.

- Так, с меня довольно, - сказала мама и решительно разделила нас. Она смотрела на меня неожиданно по-матерински. - Мы не хотим и тебя потерять, Лизочка.

Лизочка. Так она называла меня раньше, когда я не могла заснуть или у меня болел живот, или я разбила коленку. Папа презрительно фыркнул.

- Тогда позвольте мне делать то, что я считаю правильным, - ответила я твёрдым голосом.- Дороги назад нет.

Я вздрогнула. Да, всё было кончено. Никакой больше Лизочки. Короткий момент я колебалась, хотела заплакать и попросить у обоих прощение. Я, должно быть, казалась им чужой.

- Боже, папа, зачем тебе нужно было ехать на этот остров? Зачем? - выдохнула я, и мои глаза наполнились слезами. - Разве ты не мог, как и все остальные пассажиры, просто остаться на пляже и пить коктейли?

Папа долго молчал. У меня разрывалось сердце от этих обвинений. Мои слова пролетели, как только что заточенный нож через комнату.

- Ах, Элиза, - сказал он спокойно. - Как ты думаешь, как часто я сам себя об этом спрашивал? Но это случилось. И у меня больше нет выбора. У тебя же он ещё есть. У тебя есть выбор.

- Нет! - закричала я отчаянно. - Разве вы этого не понимаете? У меня его нет. Здесь речь идёт не о страсти к приключениям. Здесь речь идёт о...

Я не осмелилась произнести это слово. Оно было слишком важным. Значительным. Вместо этого я положила руку на сердце.

- Здесь речь идёт обо мне, - сказала я глухо. Потом я развернулась и побежала к себе в комнату.

Поднявшись наверх, измученная, я бросилась на кровать. Протестующий визг показал мне, что я была не одна. Помятый Мистер Икс высунул свою пушистую мордочку из-под одеяла.

- Опять ты, - проворчала я. Тучно он уселся мне на грудь и стал пристально смотреть на меня. - Что такое? - спросила я раздраженно, но потом мне бросился в глаза его ошейник.

Рубиново-красный кожаный ремень с маленьким металлическим футляром. Я открыла его и вытащила тонкий свёрнутый клочок бумаги.

"Помирись со своими родителями. Я буду несколько дней с Луисом в пути. Мистер Икс больше всего любит рыбу."

- О, действительно? - пробормотала я саркастически.

Ещё и это. Колина не было. Мои родители не узнавали меня больше. И теперь ещё мне нужно будет заботиться о навязчивом коте. Отдохнуть на Ибице было бы действительно гораздо проще.

Я толкнула Мистера Икс к подножью кровати, прижала пылающее лицо к куртке с капюшоном Колина и стала ждать, что мои родители ворвутся в комнату и начнут меня упрекать. Но они не пришли. Я укрылась в безвкусном, одиноком сне.

Глава 25. Метаморфоза

Я не могла вспомнить, чтобы у меня когда-либо было такое неприятное начало летних каникул. Если ничего другого не оставалось, как сесть вместе за стол, то мы молчали - папа холодно и непреклонно, мама с траурным лицом, я с опущенными глазами. Между приёмами пищи они наблюдали за каждым моим шагом. Это было почти приключенческим отпуском, когда в конце недели я смогла сопровождать маму в продуктовый магазин и встретить других людей.

Остальную часть времени я проводила, углубившись в свои заметки о Колине, размышляла, что в его мире означали "несколько дней". Принимая во внимание его значительную продолжительность жизни, он измерял, скорее всего, другой категорией, нежели я. Одна неделя? Или скорее от одного до двух лет? Моё терпение кончилось уже после двух первых ночей, потому что я напрасно ждала увидеть его и Тессу в своих снах.

Но чем больше я думала о событиях последних нескольких недель, тем увереннее я была, что в этой мрачной игре нет простых совпадений. Колин заметил меня с самого первого дня. И преследовал. Как он уже сказал: «Торт за стеклом прилавка». Как двусмысленно, подумала я. Я не знала, пугало ли меня осознание этого или укрепляло меня в моём намерении увидеть Колина как можно скорее.

Он утверждал, что испробовал всё, чтобы я потеряла к нему интерес. И это было правдой. И, тем не менее, мы снова и снова встречались. Я не могла себе представить, что все эти пазлы были частью коварного плана, целью которого было похитить мои чувства и сновидения, в чём папа пытался убедить меня.

Не каждый Демон Мара мог прилагать такие усилия, только чтобы питаться. Они бы давно умерли от голода. Но я не была уверенна. Снова и снова были моменты, когда меня начинал преследовать голый страх, и я спрашивала себя в панике, как же мне снова выбраться невредимой из этой истории.

В то же время я боялась, что, если верить его словам, я несу для него опасность и только поэтому он держал меня на расстоянии, было просто неубедительным оправданием. Может, он был более одинок, чем хотел признаться, и ему быстро надоедали люди - особенно такие, как я. Разочаровывающая мысль. Или ему просто нужно было время, чтобы приспособиться к обществу?

Между тем, Мистер Икс предпочитал чванливо восседать на моей стереофонической установке и в самые неожиданные моменты проделывать под моим ковром пещеры, где он, прижавшись к полу, сидел в засаде и атаковал мои лодыжки, как только я приближалась.

Так я проводила время: ходила туда-сюда по своей большой комнате, от одного окна к другому, крест-накрест, смотрела на деревню, которая дремала на летней жаре, и надеялась, что получу какой-нибудь знак, который бы показал мне, что Колин снова здесь. Это что, тоже относилось к тем предполагаемым трюкам Демонов Мара - разжигать тоску?

Но каждое утро, незадолго до восхода солнца, Мистер Икс заходил через открытое окно, прыгал, звучно мурлыча, в подножие моей кровати и показывал уже тем, что находиться здесь, что его хозяина ещё не было дома. Потому что я точно была на втором месте в выборе его кошачьих возможностей для ночевки. К сожалению, он не мог мне сказать, что его хозяин вообще делал.

Мой отец покончил с семейной продолжительной молчанкой, позвав меня в пятницу вечером вниз в гостиную. Я как раз стояла возле окна и смотрела на восходящую луну - узкий, на вид почти хрупкий серп. Последующие ночи будут очень тёмными.

- Эли, можешь спуститься вниз, пожалуйста?

Я на мгновение задумалась. В конце концов, это не было сказано в командной форме. К тому же, "пожалуйста" в конце. Но прежде всего его голос звучал подозрительно

примирительно. Я поломалась пару минут, но потом моё любопытство взяло верх. На то, что он смягчился и не будет мне больше запрещать иметь дело с Колином, я не осмеливалась и надеяться.

Мама сидела с блестящими глазами на диване, её колени покрыты куском ткани и подушечкой для иголок. Несмотря на продолжительную нехватку сна, она выглядела так хорошо, как не была уже давно. Бронзовый здоровый загар покрывал её лицо, а её глаза блестели тысячью разных зелёных и жёлтых цветов. Папа выглядел решительным и уравновешенным.

Было трудно не заразиться этим общим хорошим настроением. Но моё выражение лица храбро оставалось дипломатично нейтральным.

- Что случилось? - спросила я холодно.

- Завтра внизу у ручья будет праздник. И мы пойдём на него. Вместе,- объявил папа, как будто только что открыл восьмое чудо света. Гордо и немного самодовольно. Я должна была отвести глаза в сторону, чтобы только ради его гипнотического взгляда не исполнить маленький счастливый танец. Я уже вышла из того возраста, чтобы сопровождать родителей на праздниках и находить это ещё и классным.

- Ну и что?

- Пусть это будет для тебя сюрпризом, Элиза, - сказал папа, подмигнув.

- На этом празднике будет действительно очень хорошо, - добавила мама, но при этом избегала, улыбаясь, моего взгляда. Я не могла избавиться от подозрения, что оба от меня что-то скрывают. То, что я здесь слышала, было только полуправдой.

Или они на самом деле думали, что смогут этим отвлечь меня от моих мыслей о Колине? Может быть, даже хотят свести меня с каким-нибудь парнем из деревни? Я не показала им своего подозрения, но и не кричала от восторга.

- Окей, хорошо, - сказала я только и смылась снова в свою комнату.

Мама не успокаивалась до полуночи. Я слышала, как она снова и снова спускалась в подвал. Стирала бельё, открывала и закрывала двери шкафов, возилась на кухне. Папа блокировал телефон почти три часа.

Каким бы странным не был Колин - это было ещё более странным. Около часа ночи дома стало наконец-то тихо. Я спокойно вздохнула. Уже в прошедшие вечера я взяла себе в привычку выходить на улицу, когда мама и папа ложились спать. Так как ночи стояли по-летнему мягкими.

Я садилась под выступающую крышу гаража и ждала, пока мои глаза привыкали к темноте. Каждый последующий вечер мне для этого нужно было всё меньше времени. Постепенно проступали контуры, силуэты и угловатые тени, и мир вокруг меня оживал. Летучие мыши роились в темноте, никогда не врезаясь друг в друга при их, казалось бы, бесцельно вычурных полётах.

Я слышала, как по траве шуршат маленькие ножки с коготками ежей и шёпот мышей в цветочных клумбах. Но больше всего мне нравилось наблюдать за грозовыми тучами, которые собирались почти каждый вечер на западе, посылая пару слабых молний в темноту, а потом после того, как становилось холоднее, расходились, пока не исчезали полностью.

Но сегодня было по-другому. Я тщетно ждала прохладного ветерка. Во влажном, гнетущем, ночном воздухе грозовые тучи не расходились. Они разрастались ввысь, похожие на грибы, объединялись, разъединялись и образовывали новые массивные башни, никогда не приближаясь.

В какой-то момент я почувствовала, что за мной следят. Я повернула голову к дому. Папа стоял, как массивная тень, в спальне и смотрел на меня вниз. Я уставилась на него в ответ. Что он думал? Он не мог запретить мне сидеть в нашем саду. Через несколько минут, которые, казалось, тянуться вечность, за ним появилась мама и опустила занавески вниз.

Но знание того, что за мной больше не наблюдают, не принесло облегчения. Вскоре моё беспокойство смешалось с усталостью, которую я чувствовала только тогда, когда болела. А потом меня внезапно охватил бешенный, тёмный страх. С одной секунды на другую я испугалась, что не смогу больше дышать.

Сразу мои пальцы начало покалывать, а мой желудок опустился вниз. Только что я облизывала мороженое, которое достала из морозилки, теперь оно было мне противно. Фруктовая сладость на вкус вдруг стала горькой. Испытывая отвращение, я выбросила его в мусорное ведро.

Хотя моё тело мне кричало о том, чтобы я не стояла на месте, а лучше всего убежала, я хотела только забраться в свою постель и закрыть глаза. Мои руки были мокрые от пота. Я жаждала сна, как умеряющий от жажды человек жаждет воды. Я думала, что умру, что никогда не смогу больше набрать в лёгкие воздуха, если останусь здесь на улице ещё на десять минут и буду смотреть в темноту.

Но в кровати моё лёгкое летние одеяло давило на моё тело, как крышка гроба. Не помогло и знание того, что мои родители дома, спят недалеко от меня. Я была единственным человеком на этой планете, полностью потерянным и забытым.

Всякий раз, когда моё сознание, наконец, становилось, меня снова возвращало назад дико стучащее сердце, в эту, казалось бы, бесконечную ночь. Тогда я села, прижала руку к груди, чтобы удостовериться, что я ещё могу дышать. С убийственной регулярностью полусон сменялся испугом, пока я неожиданно не погрузилась в полную темноту, и время прекратило своё существование.

Когда я появилась из ниоткуда, а мои глаза снова смогли видеть, то у меня уже больше не было тела. Был только мой дух. Внимательно я огляделась. Здесь я ещё никогда не была - это была конюшня, я это сразу поняла. Чтобы лучше осмотреться, я поднялась выше и передвигалась медленно вдоль завешенного паутиной потолка.

Во многих местах просвечивал лунный свет через щели между черепицей и покрывал спину лошадей серебряными крапинками. Я выглянула в открытое окно – да, была полная луна. Здесь была полная луна.

Хотя потолок конюшни был отмечен дырами и щелями, казалось, стойла были ухоженными. Также и лошади выглядели благородно - стройные, на длинных ногах животные, с красивыми выгнутыми головами и большими тёмными глазами. Я услышала нежный шёпот и сразу последовала за ним. Перед одним стойлом, которое было выложено ароматной соломой, стоял молодой мужчина и прижимал свой лоб к шее белоснежной кобылы, грудь которой сосал коричневый, как кофе, жеребёнок. С любовью кобыла дотрагивалась своим носом до щеки мужчины и тихо фыркала.

Теперь оба молчали, просто стояли, как будто не хотели портить волшебство этого момента. Через некоторое время мужчина отстранился. Он осторожно погладил лошадь по стройной шее, убедился испытывающим взглядом, что с жеребёнком всё в порядке, и улёгся на сено в одном из стойл в конце прохода.

Сцепив руки за головой, он смотрел на серебряные нити, которые посылал лунный свет через щели в потолке. Это был Колин. Да, это были его глаза, хотя и более круглые и менее раскосые. Его кожа, хотя и светилась ярко в сумерках, но не была белой, а на ушах не было колец.

На нём были надеты белая льняная рубашка, которая казалась мне знакомой, тёмные изношенные брюки и сапоги. По рукам Колина можно было определить, какая тяжёлая работа была в конюшне, а мышцы предплечий явно выделялись под кожей. Когда он потянулся, суставы хрустнули. Он устал. Его веки отяжелели.

Животный, воркующий вздох, рядом со мной заставил меня развернуться. Мой взгляд остановился на потоке крававо-рыжих волос, которые легли на стропильную балку, как занавес.

Теперь пряди начали оборачиваться вокруг старой древесины. Широко расставив ноги и приклонившись, существо сидело на корточках на коньке крыши, как животное перед прыжком, ладони прижаты между босыми ногами, спина выгнута.

Сильные маленькие пальцы кончались длинными заострёнными когтями; на тыльной стороне ладоней рос коричнево-красный пух. Специфический запах окружал это сидящее на корточках существо - тяжёлый, сладкий парфюм, смешенный с запахом плесени древней мебели и дурманящим мускусом. Золотые цепочки на шее и руках зазвенели, когда оно ещё сильнее склонилось. Фалды его одежды двигались взад-вперёд.

Я повернулась, чтобы рассмотреть его лицо. Но мой свободный полёт был заторможен невидимой силой. Независимо от того, как я поворачивалась и какой угол выбирала - всегда поток волос мешал мне, чтобы я могла посмотреть существу в лицо.

Но я была уверенна, что это женщина. Не человеческая женщина, а хищный демон, который выбрал человеческий образ, чтобы охотиться. Тесса. Она была маленькой и изящной, тело девушки в поеденных молью бархатных одеждах с пожелтевшими кружевами, но её волосатые руки вцепились беспощадно в тяжёлые балки.

Ещё раз через постоянно вьющиеся волосы прозвучал вздох - вздох полный алчности, удовлетворения и предвкушения. Со страхом я посмотрела на Колина. Его черты лица начали расслабляться. Тесса почти не заметно раскачивалась взад и вперёд. В её глотке нарастало еле слышное рычание в гипнотическое жужжание.

Теперь она держалась за балку только своими белыми ногами, а руки широко расправила. Бесцветные дёргающиеся пауки выпали из её одежды, чтобы сразу с широко расставленными ногами найти опору в гниющей древесине стропил. Испытывая отвращение, я попятилась.

«Колин, - подумала я предупреждающе. - Убирайся отсюда. Быстро!» Лошади обеспокоенно фыркали. Но Колин спал. Да, казалось, он даже видит сны. Его левая рука дёрнулась, и на его лице мелькнула нежная улыбка. Беззвучно Тесса упала прямо ему на грудь. Её пальцы изогнулись в когти и разорвали рубашку Колина, когда впились глубоко в плоть.

Он открыл глаза, но его испуг быстро был вытеснен удавленным, но обожающим и тоскующим выражением, который заставил во мне вскипеть ревность - ревность и страх перед тем, что сейчас случиться.

Рычание Тессы становилось всё громче и громче. Как по мановению невидимой силы, Колин безвольно опустил руки в сторону. Кровь пропитала материал его рубашки. Яростным, быстрым движением Тесса сорвала её с его тела. Колин застонал. Тонкие чёрные ручейки проложили себе дорогу через его мускулы, просачиваясь в сено.

Тесса нагнулась ещё ближе к нему. Он откинул голову назад, закрыл глаза и безвольно отдался ей. «Проснись!» - хотела я закричать. Но я ничего не могла сделать. Только смотреть, как Тесса завладевает им, делает его своей собственностью, заставляет его поверить, что он любит её, хочет её. С довольным ворчанием она подняла юбки.

«Нет!» - кричала моя душа беззвучно. Я хочу уйти отсюда. Я не хочу больше этого видеть. Пожалуйста, не надо. Нет.

Задыхаясь, я проснулась. Моя подушка была мокрая от пота. Я хотела откинуть от себя одеяло, но не могла пошевелиться. Я была парализована. Я попыталась закричать, но и мой голос отказал мне.

«Я не хотела этого видеть, Колин», - умоляла я в мыслях. Я не выдержу этого. Я не выдержу того, что ничего не могу изменить, так как это уже случилось. Холодная паника наполнила меня – паника, что я снова усну, снова увижу этот сон и буду наблюдать за тем, что Тесса с ним сделала, как она забрала у него всё, что у него ещё оставалось. А он это допустил. Без борьбы. Не говоря не слова. У неё должно быть самое красивое лицо, что только может сотворить природа.

Но прежде чем я смогла представить его себе, сон снова с грубой силой захватил меня. Совсем коротко я увидела Колина, лежащего на сене, с уже зажившими ранами во всей верхней части тела, рядом с ним круглый комок с белыми когтями и согнутыми в коленях ногами, чьи босые ступни упирались в его ноги.

Рыжие волосы покрыли левую руку Колина и обвились вокруг его груди. Потом моим сознанием завладел поток, от которого я не могла убежать. У меня даже не было времени, чтобы сопротивляться ему. Он тащил меня прямо вниз к двум спящим на сене фигурам, одну из которых я люблю, а другую ненавижу.

Одно мгновение я смотрела на блаженное лицо Колина, прежде чем мой взгляд помутнел. Мои глаза были закрыты. Я была сыта - сыта таким способом, что мне было сладостно, приятно и сладострастно, как ещё никогда в моей жизни. Это было такое состояние, за которое стоило умереть. Я хотела остаться так лежать навсегда, шепчущее, душистое сено подо мной, руки вытянуты, лунный свет на моём теле.

- Кто ты? - спросила я, растягивая слова.

- Кто я? - прошептала она и прижала своё тонкое и всё-таки такое тяжёлое тело сильнее ко мне. - Я твоя жизнь. Всё. Я всё, что у тебя когда-либо было, и всё, что у тебя когда-либо будет. - Она тоже говорила медленно. - Я Тесса, твоя мать. Я создала тебя. Ты - мой спутник жизни на веки вечные.

Я хотела что-то возразить, спросить, да, я хотела её обвинить и запротестовать, сказать, что у меня уже есть мать. Но сознание Тессы по-прежнему было у меня в голове. Она знала, что я думаю.

- Нет, она никогда не была твоей матерью. Она только родила тебя. В боли и агонии. Вы, люди, такие слабые. Слабые и несовершенные. - Она презрительно засмеялась. Её волосы ползли по моей груди и двигались в сторону моего горла, чтобы там сформировать красную петлю.

Потом она удовлетворённо зевнула и обернула свою голую ногу вокруг моей. На ощупь она была холодной, но я чувствовала, как и моё тепло медленно, но неумолимо покидало тепло, освобождая место для текущего энергетического холода.

- Ты будешь охотиться со мной. Ты будешь рядом со мной, день и ночь, час за часом, год за годом ...

Я повернула голову, чтобы посмотреть на неё. Но её лицо было, как будто, стёрто. Я не могла его видеть.

Её запах дурманил меня. Я почти больше ничего не воспринимала, кроме её глубоких, шуршащих вздохов, которые становились всё медленнее. Она была истощена. Должно быть, это стоило ей многих усилий. Её волосы туго обвились вокруг моего горла. Потом её тело расслабилось, без того, чтобы тлеющая энергия, которая бурлила вокруг неё, иссякла. Так же её волосы продолжали заниматься своими нелепыми играми.

Я бодрствовала и радовалась своим остро отточенным органам чувств. Холодная энергия во мне усиливалась с каждым вздохом. Но мне необязательно было дышать, если я этого не хотела. Я могла неподвижно лежать, целые минуты не вдыхая. Мне это не вредило. Постепенно рокот вокруг Тессы утих. Я снова стала слышать другие звуки.

Человеческие звуки. Я услышала, как в особняке захныкал ребёнок, который находился примерно пятьсот метров от конюшни. Он увидел плохой сон. Он боялся темноты. Он мёрз. На него обрушились духи холода и голода. Я продолжила блуждать своими органами чувств дальше и учуяла сладкие невинные сны дочери хозяина. Она влюбилась. Да, она любила, как только можно любить, когда это случается в первый раз - теперь я знала, как при этом себя чувствуют, и я захотела это попробовать. Мне нужно было к ней. Мне нужно было углубиться в её сны и украсть её чувства. Мне нужно это. Я была голодна. У меня был ужасный пронзительный голод.

И я уже встала. Тесса захихикала во сне, когда я убрала её волосы с моей шеи.

- Пей, моя дорогая, - промурлыкала она. - Пей ...

Чтобы стоять, мне не нужно было прилагать больше никаких усилий. Мозоли на моих руках почти исчезли, вместе с ноющей болью в мускулах на плечах, которая мучила меня каждый вечер.

Я была лёгкой, как пёрышко, и всё же настолько массивной, что даже сильнейшая буря не причинит мне никакого вреда. Я наконец стала тем, кем родилась. Тем, что пугало людей во мне, от чего им было страшно. У меня был голод на их сновидения.

Мои волосы приподнялись, раскачиваясь на моей голове взад и вперёд, и при этом осторожно щекотали меня. Это заставило меня проснуться. Беззвучно я покинула стойло. У меня была только одна цель: комната дочери хозяина, её лёгкие, как пёрышки кружащиеся, сны. Чистое, насыщающее счастье, смешанное со сладкой тоской. Ещё совсем немного и я была бы к этому готова, взять её себе.

Паническое ржание заставило меня остановиться. Алиша! Она снова испуганно заржала, а так же и другие лошади начали нервно фыркать и стучать копытами по стенкам стоил.

Боже, что я делала? Что я планировала? Теперь к возбуждённому фырканью и ржанию лошадей присоединился беспомощный, встревоженный писк жеребёнка Алиши. Это поразило меня в самое сердце. Тесса раздраженно застонала и перевернулась так, что волосы соскользнули с её лица и открыли его. Снова я не смогла его распознать, вместо него была белая, губчатая поверхность, больше ничего. И всё же оно вызвало во мне безграничную ненависть. Ненависть, омерзение и глубокое отвращение.

Что она со мной сделала? Что это было за чудовище? Как я могла допустить даже одно её прикосновение? Она всё ещё отдыхала. Я не знала, что она будет делать, когда проснётся. Но одно я знала: она меня не отпустит. Она была моей матерью.

Летящими, кошачьими шагами я бросилась в сбруйную комнату и схватила уздечку Алиши и верёвку для жеребёнка. Мой резкий, всё будоражащий голод я игнорировала. Так же и потягивание вокруг глаз. С ними что-то происходило; было так, как будто они были связаны пульсирующей лентой с моей душой.

Я бросилась в стойло Алиши. Она была в не себя. Её жеребёнок прижимался, дрожа, к стене и жалко повизгивал. Алиша встала передо мной угрожающе.

- Алиша, это я ... посмотри ...

Но мой голос изменился. Он звучал более низко, чище, по-взрослому. Алиша оскалилась. Я открыла дверь стойла и шагнула к ней.

Она узнает меня, если я до неё дотронусь. Она должна узнать меня! Но она не узнала. Я услышала, как Тесса в своём гнезде из сена, рыча, повернулась. Скоро она проснется с новой силой в своём теле. Может, она причинит вред лошадям.

По крайней мере, Алишу и её жеребёнка я должна спасти. И себя в придачу. Я ещё раз попыталась урезонить Алишу, надеть на неё уздечку. Резко она дёрнула головой в сторону и пнула меня. Искусно и удивительно быстро я увернулась.

Во мне нарастала боль, которая грозила разорвать меня и смешалась с пронзительным гневом. Нет. Тесса была не права. Она не была единственным существом, которое меня когда-нибудь любило. Да, люди избегали меня, боялись и питали отвращение. Но лошади любили меня.

Эта лошадь любила меня, это замечательное животное, которое теперь билось и брыкалось, чтобы защитить своего жеребёнка от меня, демона - того жеребёнка, которого я жаркой летней ночью, вытащила руками, измазанными кровью из утробы Алиши, потому что она из-за длительных схваток обессилила.

Почему только я не подумала об этом раньше? Я ненавидела себя за это.

- Алиша, - попыталась я в последний раз. - Помоги мне. Мы должны бежать. Сейчас же! Я с размаху залезла на её спину. В крайнем случае, я могла бы держаться за её гриву, а её жеребёнок всё равно последует за ней.

Но Алиша поднялась на задние ноги. Дико её копыта дрыгались в воздухе. Я сползла с неё вниз и ушиблась спиной о твёрдые полы. Моя голова ударилась о поилку. Было почти не больно. Боль была не больше, чем гнев, который полыхал в моём сердце. Я посмотрела на неё в последний раз. По крайней мере, это она должна была дать мне.

Но я была для неё чужой, которая хотела зла. Она снова встала на дыбы и стала брыкаться, и её копыто ударило меня грубо и жестоко в мой голый живот. Я закричала, но не раздалось ни звука. Застонав от боли, я подползла к двери, подтянулась за ручку вверх и из последних сил нажала на выключатель.

- О Боже, - стонала я и держалась за живот. Печаль и отчаяние почти убивали меня. Один момент я рассматривала заманчивую идею выброситься в открытое окно и покончить с этой мукой. Я потеряла всё.

Рыдая, я лежала на полу, вцепившись руками в мягкие печворк-коврики. Потом печаль и отчаяние постепенно растворились, как будто мягкий, ночной ветерок унёс их прочь. Что осталось, так это пульсирующая боль на моём животе и воспоминания исчезающей душевной боли. Уже теперь я боялась, что она будет снова и снова преследовать меня.

Я перевернулась и подтянулась за ножки письменного стола в более менее терпимое сидячие положение. Моя ночная рубашка была порвана. Под моим пупком чётко выделялся отпечаток копыта лошади.

Когда я дотронулась до него, то почти потеряла от боли сознание. Меня затошнило. В повреждённом месте кожа горячо пульсировала и начала уже окрашиваться в красно-синий цвет. Каждый вдох был пыткой. У меня было такое чувство, что когти зверя пропахали мой живот. Что делать, если у меня внутренние повреждения? Кровотечение, которое может стоить мне жизни? Как мне вообще объяснить, что случилось? Это была работа лошади, чьи кости уже давно сгнили ...

С трудом я поднималась выше, пока не смогла стоять, согнувшись пополам, и не держаться. Если бы я была близко к смерти, это бы точно не сработало, уговаривала я себя. Тем не менее, я боялась, боялось того, что только что со мной случилось. Проверяя, я ощупала себя. Хорошо, всё ещё было на месте и всё было без сомнения женского пола. Я была снова собой. С отпечатком копыта под пупком.

Покачиваясь, я кое-как справилась, что бы снять порванную ночную рубашку и надеть джинсы и футболку. Идти прямо я не могла. Мне всё ещё нужно было сгибаться пополам, поэтому я ковыляла, как старая дева. Уже при моих неуклюжих шагах вниз по лестнице боль усилилась. Не паникуй, умоляла я себя. Паника делает всё ещё хуже.

Как только дом остался позади, боль ушла на задний план. Я была полностью занята тем, чтобы найти в темноте верную дорогу. Я что, снова её забыла за эту скучную неделю? Плотно прижав руку к животу, я стояла, тяжело дыша на перекрёстке, и соображала.

Да, я всегда ориентировалась влево, но необъяснимая сила убедила мой ум, что в этот раз мне нужно на право. Направо. Это был единственный правильный путь. Таким образом, я пошла, согнувшись пополам и терзаемая болью, в неизвестность, пока не услышала размеренные удары молотка, которые успокаивающе трезво раздавались в лесу. Удары молотка. Неужели мне всё ещё снился сон?

- Я здесь, Эли, - раздался голос Колина, чистый и ясный, как всегда.

- Ты, - закричала я, набрала воздух в лёгкие и поковыляла навстречу ударам молотка. За следующим поворотом и нескольких проклятий, не для детских ушей, я нашла его.

Он стоял на коленях возле своего рода деревянного забора и как раз собирался закрепить на нём следующую деревянную планку. У него изо рта торчали четыре длинных гвоздя, а

вокруг его живота висел широкий пояс с инструментами. В остальном всё так же: рубашка, которая определённо была слишком сильно распахнута, узкие брюки, его гниющие сапоги. Тщетно я попыталась гордо выпрямиться и бросилась потом, согнутая, на него. Он даже не поднял глаз.

- Нет так, - нет, это прозвучало не достаточно укоризненно. Мне нужно было набрать ещё раз воздуха и по возможности не стонать при этом. Вторая попытка. – Не так я себе этого не представляла! Совсем не так!

Я подняла футболку и выставила живот в его сторону. Мог ли он разглядеть повреждение с этого расстояния?

- Мне очень жаль, Эли, - сказал он спокойно, не поворачивая голову в мою сторону. Значит, он уже знал об этом. - Я не смог тебя вовремя убрать оттуда. Ты слишком любопытная.

Он что, усмехался?

- Слишком любопытная! Чёрт я могла бы умереть. Я ведь всего лишь обыкновенный человек и у меня есть внутренние органы, которые должны работать должным образом, чтобы я могла жить дальше, и…

- Тот, кто может так ругаться, не умрёт, - прервал он меня. - Честно, Эли. Мне очень жаль.

Я замолчала. Повреждение все еще ужасно болело, а мой живот так опух, что мне мой пояс пришлось застегнуть на две дырки дальше. Я даже не могла переносить прикосновение футболки к моей коже. Колин спокойно встал и отстегнул пояс с инструментами от своих узких бёдер.

Затем он отступил к дереву и прислонился к нему спиной.

- Иди ко мне, - сказал он тихо. Опять же я удивилась, как я хорошо его понимала, хотя он почти не повышал своего голоса. Он расстегнул рубашку и вытащил её из штанов. Небольшой порыв ветра сдул её в сторону. Несмотря на темноту вокруг нас, я всё же могла видеть его кожу, сияющую как опал - и отпечаток копыта под его маленьким, круглым пупком, не яркое отражение моего, окрашенного синим.

Нерешительно я подошел к нему. Он вытянул левую руку и поднял мою футболку наверх, так что моя рана полностью открылась. Его правая рука оставалась лежать на корявой коре дерева.

Я знала, что я должна была сделать. Я только не сразу нашла в себе для этого мужество. Потому что рана сбила меня с толку. Она нас так же друг с другом связала. Мы чувствовали одно и то же.

И тогда я сделала это. Осторожно я встала на цыпочки, так, чтобы наши повреждения, его старое зажившее, а моё свежее, коснулись друг друга. Я вздрогнула, когда моя горячая, пульсирующая кожа встретила прохладный бархат его голого живота. После одного единственного вздоха боль исчезла. Даже не смотря, я знала, что и метка тоже исчезла.

Одна слезинка сорвалась с уголка моего глаза и хотела упасть на моё плечо, когда Колин поймал её кончиком языка.

- Теперь ты снова здорова, - сказал он и мягко оттолкнул меня от себя. – Кстати, у тебя красивый живот, - добавил он сухо и взял в руки свой пояс с инструментами. Смущённо я заправила футболку в штаны.

Я это пережила. Никакого больше синяка, никаких внутренних повреждений. Тем не менее, я всё ещё чувствовала слабость в ногах. Колин уже снова был занят тем, что продолжал мастерить этот странный деревянный забор и очаровательно развернулся ко мне спиной. Я села на землю и облокотилась на дерево. Удобно не было и не было так тепло. Но всё же лучше, чем стоять. Мне было нужно отдохнуть.

Когда я закрыла глаза, мной овладели воспоминания о душевной боли Колина, которая перешла ко мне в сновидении. Но что было с ним? Была ли его боль по-прежнему такой же сильной, какой я её почувствовала? Или и эти раны зажили с прошедшими десятилетиями?

Возможно, он не собирался позволять мне так долго погружаться в его воспоминания. И, в конце концов, я смогла в промежутке освободиться - на несколько коротких, парализованных моментов, в которых я, как связанная, лежала в своей кровати. Но потом стало всё ещё намного хуже.

Я не хотела, чтобы Колин описал мне лицо Тессы. Моя фантазия и так была достаточно жестока и предоставляла мне, с того момента как я проснулась, беспрерывные видения красавиц из фильмов, с которыми я никогда не смогу сравниться. Женщины с полными губами, миндалевидными нефритово-зелёными глазами и с томным взглядом. Нет, у Колина даже не должно возникнуть соблазна, чтобы описать мне Тессу. И всё-таки я должна была у него что-то спросить.

- Колин?

- Хм? - сказал он только и водрузил себе на плечо пару длинных реек, как будто это были спички.

- Почему я не могла видеть лица Тессы?

Он сгрузил древесину возле забора и стал сортировать её, прежде чем обернуться ко мне. Его лицо омрачилось.

- Ты его не видела? Это хорошо, - сказал он кратко.

- Почему "хорошо"? - спросила я язвительно. - Почему я не должна её видеть?

Колин спокойно вбил пару гвоздей в деревянную планку. Меня это сводило с ума. Я бы с удовольствием вырвала у него инструменты из рук, чтобы он обратил на меня внимание. На меня и мои вопросы.

- Что ты там вообще делаешь? - прошипела я раздраженно. - Трудотерапию для Демонов Мара, которым нечего делать?

Раздраженно он бросил молоток в середину вольера. Очень человеческий жест, подумала я, но не смогла подавить испуганное "ух".

- Я работаю, - ответил он резко. - Это моя работа. Этим я зарабатываю на еду для Луиса и оплачиваю дорогие счета за услуги ветеринара. А на этой защищённой площадке растут молодые деревья, без того, чтобы дикие животные могли их обгладывать.

- Ладно, - сказала я неуверенно.

- Трудотерапия, - фыркнул он, чтобы потом на совершенно непонятном для меня языке что-то пробормотать. Это звучало не так уж приятно. Я дала ему закрыть последнюю брешь его детского сада для деревьев и из предосторожности больше ничего не спрашивала. Идти домой мне тоже не хотелось, хотя чернота неба на востоке ослабла и превратилась в холодный антрацит. Скоро взойдёт солнце.

Когда деревянный забор был готов, Колин собрал свои инструменты, сложил их в пояс и наконец обратил на меня внимание. Тем временем я уже так сильно мёрзла, что не чувствовала пальцев ног и постоянно тёрла свои ляжки и икры, чтобы согреться. Наверное, я выглядела при этом, как будто у меня была дезадаптация* личности.

(*прим.редактора: дезадаптация - нарушение способности приспособления организмов к условиям существования.)

Скрестив ноги, Колин сел напротив меня. Я даже и не знала, что это можно сделать так элегантно.

- Ну, хорошо, у тебя был плохой сон. Я же уже сказал, что мне очень жаль. Но если ты думаешь, что для меня это было легко, тогда ты ошибаешься. О таких вещах не хочется вспоминать. Даже если они случились 140 лет назад.

- Да, конечно, - прошептала я.

- И ты не видела лицо Тессы потому, что я не хочу его больше вспоминать. Никогда больше.

Теперь я заметила, что у него под глазами образовались тёмные тени. Да, его это тоже утомило. Холод же ему был нипочём. Рубашка всё ещё была расстегнута, и теперь он снял, вздыхая сапоги, и прижал свои голые пальцы, наслаждаясь, к влажной траве.

- Можно мне тебе напомнить, что я не привыкла часами сидеть на земле в лесу? Чёрт побери, Колин, мне так холодно, - пожаловалась я.

- К сожалению, я не могу согреть тебя, - ответил он с едва заметной улыбкой в уголках губ. - Не сейчас.

- Я не это имела в виду, - заикалась я. - Я думала, у тебя может быть есть что-то с собой - куртка или одеяло ...

- Одеяло. - Весело, но так же немного озадачено он посмотрел на меня. - Боже мой, Эли. - Он покачал головой, и его волосы закачались танцующе вместе. - Почему ты просто не пойдёшь домой и не ляжешь в тёплую постель?

- Потому что ...

Я не смогла придумать хороший ответ. Потому что я хочу остаться здесь с тобой. Потому что я лучше отморожу себе зад, чем оставлю тебя сейчас одного. Потому что я с удовольствием положила бы руку на твою грудь, чтобы почувствовать, какая холодная твоя кожа на самом деле.

- Потому что мне не хочется спать, - солгала я. На самом деле я была так измотана, что была постоянно занята тем, чтобы подавить зевоту.

- Конечно, а я леди Годива, - насмехался Колин. Я только захихикала, слишком усталая, чтобы извиниться за своё враньё.

(*прим.редактора: Леди Годива - англо-саксонская графиня, жена Леофрика, эрла Мерсии, которая, согласно легенде, проехала обнажённой по улицам города Ковентри в Великобритании ради того чтобы граф, её муж, снизил непомерные налоги для своих подданных.)

Колин посмотрел на меня, забавляясь.

- Как хочешь, тогда мы немного ещё подождём. Он приходит, как правило, под утро. Просто помолчи немного.

- Кто это "он"?

- Тихо, я сказал, - призвал меня Колин.

- Хм, - хмыкнула я и положила подбородок на свои сложенные руки. Теперь я больше не чувствовала и своего заднего места. Еще час, и меня нужно будет вести в больницу из-за острой почечной недостаточности. Колин сел молча рядом со мной, глаза полузакрыты. Он слушал.

Я поступила также, как он. Погода была безветренной, мы могли наблюдать за тем, как блёкнут звезды. На мои предплечья, поблескивая, ложилась роса.

- Он идет,- прошептал Колин. Я ничего не видела и не слышала. Однако кончики ушей Колина слегка пошевелились, а его ноздри задрожали. Он что-то учуял.

Очарованно я наблюдала за почти незаметными сменами выражения его лица.

- Вон там посмотри, - прошептал он, и я поспешила повернуть голову. Серая лохматая тень выскользнула из зарослей с жёлтыми, опасными глазами, ощетинившимся загривком и тощими, жилистыми ногами. Всего в нескольких метрах от нас она остановилась, опустила голову и настороженно на нас уставилась.

Вообще-то я думала, что пережила достаточно трудностей этой ночью. Это было уже слишком для моих нервов. Невольно я пододвинулась поближе к Колину. Если что, тогда пусть он разрывает на части нас обоих. И сразу разом, чтобы было быстрее. Я считала неразумным говорить сейчас. В место этого я попыталась передать мысли с помощью телепатии.

- Это действительно волк? сформулировала я вопрос в мыслях, так интенсивно, как только могла.

- Да, а теперь, наконец, помолчи, - ответил Колин мне весьма реально. Волка, казалось, не беспокоил его голос. Напротив - он даже подошёл к нам ещё немного ближе. И если я не ошибалась, он не собирался на нас нападать.

- Сейчас, - пробормотал Колин и взял меня за руку, чтобы положить её на свою грудь. И потом со мной что-то случилось. Это происходило быстро, и это были только короткие, пролетающие моменты, которые проносились у меня в голове - снег под моими лапами, кровавый кусок дичи в моих острых, как бритва, зубах, полная луна, намного ниже и больше, чем обычно, и я вою на неё ...

Потом всё кончилось. Волк развернулся и убежал в серый утренний рассвет. Мгновенно кожа под моей рукой нагрелась. Через тело Колина прошёл поток энергии.

Он притянул меня к себе, так что я облокотилась на его грудь, так же как при нашей короткой, адской поездки верхом во время грозы, и приятная дрожь от тепла вернула жизнь в моё замороженное тело. За какие-то секунды внутренняя дрожь прекратилась. Мои мышцы стали упругими и эластичными.

Я повернулась к Колину лицом. Тени у него под глазами исчезли. На его расслабленных губах играла мягкая улыбка. Я откашлялась и неуклюже отодвинувшись, села в независимое от него положение, прежде чем он сам смог бы меня оттолкнуть. Так, по крайней мере, я могла себе представить, что могла бы остаться дольше, если бы только захотела.

- Ты питался от него? Его снами?

Колин засмеялся.

- Это была просто закуска. Точно так же, как если бы ты съела кусочек шоколада. Ничего стоящего, но очень вкусно. Кроме того, я сделал это, чтобы ты немного оттаяла. Тебе лучше?

- Дааа, - вздохнула я удовлетворённо. На груди у Колина было бы конечно ещё лучше, но нужно уметь ценить так же и маленькие подарки. - Когда ты спас меня во время грозы, я была вся мокрая. Но после поездки верхом моя одежда почти высохла.

Я почувствовала, как Колин коротко напрягся.

- Я как раз только что поел, - сказал он коротко. - И я… я отдал тебе остаток тепла. - Хотя это был очень галантный поступок, казалось, что эта тема разговора была ему неприятной. Итак, вернёмся к маленькой дикой закуски.

- Я даже не знала, что в Вестервальде живут волки, - удивилась я.

- На самом деле, нет, - ответил Колин. - Он единственный и совсем недавно здесь. Никто не знает об этом, кроме меня, а я уж точно не расскажу об этом своим коллегам. Он находит достаточно пищи, не нарушая при этом равновесие леса.

- Кстати о еде. - Я была воодушевлена. Это было замечательно, разговаривать с Колином о таких вещах. Экология и демонология. Я была в своей стихии. - Это ему не вредит, если ты похищаешь его сны?

Взгляд Колина стал задумчивым, даже почти немного грустным.

- Ах, Эли ... Он такой сильный. Я мог бы каждую ночь проникать в его мысли, а он затем может стряхнуть это, как назойливую муху. У него такие сильные, храбрые и смелые сны. Это как если бы я взял из моря один стакан воды.

- Если ты можешь это, тогда почему другие Демоны Мара не питаются сновидениями животных?

Колин невесело рассмеялся.

- Это считается инцестом, слабым и презренным. Не так уж Демоны Мара в этом и не правы. Человеческие сны насыщают лучше. Но ты не поверишь, как интенсивно можно почувствовать сны животных. Хотя они гораздо проще и интенсивнее, но они так же более чисты. Я изгой у Демонов Мара с того времени, как питаюсь снами животных. - Он равнодушно пожал плечами. - Но для меня в этом нет ничего нового.

Теперь на востоке посветлело, а лесные птицы начали петь. Моя усталость вернулась. Так же и тепло, которое только что текло по моему телу, было поглощено утренним холодом. В молчаливом согласии мы встали и пошли к перекрёстку.

Я была такая разбитая, что шагала неуверенно и несколько раз спотыкалась. Колин не свернул в сторону своего дома. Мы вместе приближались к открытому полю. Никого кроме нас вокруг не было. Когда дорога стала подниматься в гору, последний подъём перед спуском, где находился мой дом, силы покинула меня.

- Мне нужно остановиться, - вздохнула я и хотела сесть на холодную землю. Дальше было невозможно идти. Но Колин поднял меня, прежде чем я коснулась земли, и как только мой лоб коснулся его плеча, мои глаза закрылись. Моё тело спало, но мой дух бодрствовал.

Как призрак, он проник в наш дом, поднялся со мной по ступенькам и опустил меня на кровать. Одурманенная, я огляделась. Мистер Икс уже ждал Колина. Бодро он поднялся с подножия моей кровати. Первым прыгнул на подоконник, а потом прокрался по крыше. За ним последовал Колин. Ни жеста, ни слова на прощание.

Несколько мгновений спустя, в комнате появился мой отец. Я могла чувствовать его подозрительный нюх на своём затылке. Я притворилась спящей. Это было несложно. Не успел он подойти к кровати, как моё сознание уже уступило место сну. Сну, который был не отягощен сновидениями и который подарил мне на два-три часа просто спокойствие.

Глава 26. Хоровод

Уже в семь часов - я убедилась, посмотрев на часы, так как не могла в это поверить - я услышала, как мама шаркает по дому. По лестнице вверх, по лестнице вниз.

Дверь зимнего сада стучала почти каждую минуту. Потом она полила с самоотверженностью свои цветы и оставила ороситель поливать влажную от росы траву, пока она совсем не промокла. Озадаченно я стояла возле своего окна и наблюдала за ней, как она ходила от растения к растению и каждому из них делала исчерпывающий личный визит. Ладно, несколько дней не было дождя. И стало очень жарко. Но всё-таки это была не причина, чтобы поднимать такую суматоху.

Я бы с удовольствием ещё немного поспала. Мытарства ночи я всё ещё чувствовала в своём теле. От отпечатка копыта при свете дня ничего не было видно. И я больше ничего не чувствовала. Тем не менее, меня снова и снова посещали короткие воспоминания о событиях сна, заставляли меня вздрагивать до мозга костей и вызывали новые вопросы. Но я была слишком усталой, чтобы записать их.

После молчаливого завтрака в компании моих гиперактивных родителей (они что, с недавних пор стали принимать наркотики?), я снова ушла наверх в свою комнату. Даже мой отец, казалось, не сомневался, что я провела всю ночь, как послушная дочь, дома.

Несмотря на летнюю жару, я уютно устроилась на своей кровати и пыталась наверстать ночной сон, дремля. К сожалению, меня всегда беспокоили, когда я как раз собиралась окунуться в очень приятное воспоминание. Живот Колина на моём, например. Но как раз в этот момент мама протопала в комнату и начала складывать свежее выглаженное бельё в мой шкаф.

- Мама ..., - вздохнула я с упрёком. - Я пытаюсь уснуть.

Она не смутилась, хотя она должна была бы лучше всего понимать как это, продлевать сон днём.

Пол часа спустя - мои мысли и чувства находились в тёплом гнёздышки из рук и ног Колина, к которому мне было разрешено прижаться, и жёлтых глаза волка - внизу зазвонил пять раз подряд телефон. Два раза ответил папа, три мама. Переговоры были короткими, но сопровождались нервирующим радостным смехом и стремительным хождениям туда-сюда. Я прокляла ещё раз мой хороший слух и натянула одеяло на голову.

Третья попытка. Закуска Колина из сна волка. Я попыталась как раз вспомнить, какой на ощупь была его голая грудь, когда мама ворвалась в комнату с включенным пылесосом. Даже не постучалось. Это было последней каплей.

- Мама! Хватит! - Я вскочила с кровати и вырвала ревущее чудовище у неё из рук.

Отчаянно я затрясла кабелем, пока не послышался надёжный хлопок, означавший, что я вырвала его из розетки. Я всегда ненавидела пылесосы. Но ещё больше я ненавидела то, что кто-то вместе с ним, не спросив, проникал в мое частное пространство. Мамина блаженная улыбка исчезла лишь на короткое время, чтобы потом сразу уступить место немного более искусственной.

- Ах, Эли, это такой хороший день.

- Точно, - раздраженно умерила я её пыл. - Это прекрасный день, у меня каникулы, я устала и хочу спать. Я что, требую слишком много?

Скептически она посмотрела на меня.

- Разве ты не хочешь хотя бы принять душ?

- Почему? Я что, воняю? – Боже, как она может капать на нервы.

- Нет, но ... - Она указала, подняв брови, на мои ноги. О. На мне всё ещё были надеты джинсы с сегодняшней ночи. Они были покрыты пятнами от травы, всеми мыслимыми оттенками зелёного. К краю подшивки прилипла глина, а мои ноги напоминали ноги суриката.

Шипя, я вручила маме её пылесос в руки и поспешила в ванную. Здесь она тоже всё помыла и поставила для меня на шкафчик для полотенец новый запас косметических проб. Маленькие тюбики геля для душа, крема для кожи, шампуни и зубной пасты.

Город посылает приветы. Раньше Николь, Дженни и я проводили всю вторую половину дня, роясь в корзинах с пробами в аптечном магазине, и тратили наши карманные деньги на бесполезные вещи, которые никому не нужны.

Когда я намылила свою голову - теперь мне нужна была двойная порция шампуня, чтобы захватить все волосы - я снова вспомнила о летнем празднике на краю леса. Я про него совсем забыла. Да, и как это сочеталось друг с другом.

Ночь полная паники и боли, и запрещенная близость, включая встречу с диким животным на рассвете, и только несколько часов спустя жаренные колбаски и фонарики с мамой и папой.

Я позволила моей маме бушевать в моей комнате дальше - мои записи о Колине я на всякий случай закрыла в ящике в прикроватной тумбочки - и переместилась в шезлонг, разукрашенный ужасными цветочками, который папа спас из бабушкиного инвентаря и поставил в тенистом уголке сада.

Мне нужно было сильно постараться и взять себя в руки, чтобы громко не завопить или не сделать ещё что-то более плохое, когда папа с огромными солнечными очками на глазах и банданой на голове начал косить траву - стартовый выстрел для всех остальных жителей деревни. Гул моторов не прекращался до раннего вечера.

Хорошее настроение родителей улучшалось. Мама действительно бегала по траве за папой со шлангом в руках, когда он попытался преднамеренно утопить снова её цветы, пока оба бесшабашно не засмеялись и не упали вместе в траву.

На всё остальное я не захотела смотреть. Я обошла их, сделав круг побольше, и сбежала в свою комнату, чтобы переодеться. Не типично быстро для меня я выбрала футболку с капюшоном и мои любимые джинсы, надела их и пригладила импровизированно свои волосы, проведя влажными руками по непослушным красно-коричневым кудрям.

Поскольку я хотела предотвратить любую попытку сводничества, я даже воздержалась от того, чтобы подвести глаза.

- Ты готова? - спросил папа, сбитый с толку, когда я присоединилась к нему и маме в зимнем саду и начала завязывать кеды.

- Что-то не так? - ответила я колко.

- Нет, - сказал он быстро. - Нет. Ты выглядишь мило. Действительно мило. Я почувствовала, что они переглянулись.

- Может, мы уже пойти? Я хочу покончить с этим, - сказала я холодно.

- Ты ещё удивишься, Элиза, - проворчал папа весело и начал петь "Что нам сделать с пьяным моряком?". Надеюсь, он закончит с этим, когда мы дойдём до торжества. Папа умеет многое, но только не петь. Когда я ещё была маленькой, я всегда начинала кричать, если он пел мне колыбельную. И теперь у меня было желание сделать так же.

Мы шли друг за другом гуськом вниз к ручью. Между этим зазвонил папин мобильник, и он прошептал пару коротких предложений в трубку, которые звучали очень важно. После того как он повесил трубку, он стал напевать ещё громче и понёсся, как на крыльях. Мама и я едва за ним поспевали. Внизу, возле таверны, он остановился.

- Что такое? - спросила я угрюмо. Я почти что врезалась ему в спину, потому что смотрела только в землю. Вместо того чтобы ответить, он повернулся и перевязал мне шалью глаза.

- Папа ..., - застонала я. - Что всё это значит? И перестань, наконец, петь!

Он плавно перешёл на свист. "Ура, поднять на высоту, а потом ещё выше ...". Вместе с мамой он повёл меня через дорогу.

- Сюрприз, - закричали несколько голосов хором, и шаль сорвали с моих глаз. Передо мной стояли Николь и Жени, нагруженные двумя толстыми рюкзаками, а в руках у каждой по

чемодану на колесиках. У Николь - розового цвета, у Дженни - сиреневого. Их улыбка пропала, когда они внимательно меня разглядели.

Такой они меня не видели с того времени, как я перестала быть аутсайдером. И, скорее всего, было хуже, когда 17-летняя позволяет себе так опуститься, чем когда это делает 13-летняя. Они обе пытались вернуть самообладание. Но это длилось не долго, и они уже снова воодушевлённо засияли.

- Что вы тут делаете? - спросила я вяло.

- Мы переночуем у тебя, - закричала Николь, которая как всегда была отлично одета и накрашена. Всё подходило, даже лак на ногтях к полоскам на чемодане.

- А потом мы вместе летим на Ибицу. Завтра утром! - добавила Дженни.

- Мы всё устроили, - сказала мама гордо. - Такси в аэропорт заберёт вас в семь утра, тебе осталось только упаковать чемодан. Я уже подготовила тебе твою летнюю одежду.

Так вот почему постоянные телефонные переговоры и косметические пробы. Но к чему мания к уборке и это убийственное хорошее настроение? Мои родители были так рады, наконец, убрать меня с глаз долой?

- Хм, а почему вы не отвезёте нас в аэропорт? - спросила я маму и попыталась улыбнуться.

- Потому что мы едим в другом направлении. В Италию. Тоже на одну неделю, - объявил папа. Окей. Теперь всё стало ясно. Так он убил одним ударом двух зайцев. Дочь отправляется на Балеарские острова, чтобы к ней вернулось благоразумие, в то время как родители отправляются во второй медовый месяц. А после этого всё будет снова в порядке.

- Супер! - соврала я и слабо улыбнулась. - Я ошеломлена.

По крайней мере, это было правдой.

- Давайте мы отнесём ваш багаж! - сказал папа и забрал у Николь и Дженни чемоданы и рюкзаки из рук. Николь улыбнулась ему с широко раскрытыми глазами.

- А вы трое идите вниз к лугу, где будет праздник, - засмеялась мама и подтолкнула меня вперёд. Я тащилась за моими без перерыва трещащими подругами через мостик и через короткий отрывок леса и иногда механически отвечала "да", или "классно", или "супер".

"Торжество" состояло из киоска с картофелем фри, маленького деревянного домика, где толстый мужик заведовал музыкой, пивного грузовика и в беспорядке наставленных скамеек. На подвешенной решётке для барбекю поджаривались стейки и сосиски. Между деревьями были подвешены фонарики и световые гирлянды, а на спортивной площадке боролась орава детей за мяч.

Это было угнетающем, но я всё-таки наслаждалась ситуацией. При других обстоятельствах я бы смогла даже прекрасно развлечься, видя, как Николь и Дженни таращатся.

Прежде чем они поняли, что это действительно было всё, мои родители уже снова присоединились к нам. Держась за руки. Я позволила уговорить себя сесть на одну из скамеек. Напряжённо я пыталась следовать за историям из школы, о ночных похождениях и о наших общих друзьях из Кёльна, о которых рассказывали Николь и Дженни, и одновременно привести в порядок свои проносящиеся в голове мысли.

Я не хотела ехать на Ибицу. Я уже тогда не хотела этого, когда обе позвонили мне. Теперь они были здесь, в лучшем чемоданном настроении, а я всё ещё не хотела туда ехать. Да, это была всего лишь одна неделя, но одна неделя могла быть очень, очень длинной.

С другой стороны, там было Средиземное море, которое я всегда хотела увидеть, и солнце юга, о котором все мечтают и которое я ещё ни разу не пережила. В пол уха я услышала, как папа упомянул, что он и мама хотят выехать уже в три часа ночи. Конечно, они выедут, пока ещё было темно, чтобы не попасть под пылающее полуденное солнце.

Я знала, что они хотели переночевать в Швейцарии. А потом, подумала я, внезапно охваченная завистью, они уже будут на тёплом юге, будут спать днём, а ночью бодрствовать,

пробираться по узким улочкам, есть пасту и пить вино. Зато я знала норвежские мрачные фьорды, как свои пять пальцев. Ледяные, дождливые, одинокие фьорды, где даже днём темно.

Товарищеский шлепок по моему плечу освободил меня от моих замораживающих воспоминаний о каникулах. Я коротко закашляла.- Эй, Эли, просыпайся! - Это был Бенни. Конечно. - Ну? - спросил он меня, смеясь. Николь и Дженни изучали его с любопытством. Он весело подмигнул им.

- Ну, - сказала я вяло, потому что мне не пришло в голову ничего другого.

- Подходи позже ко мне, я работаю в пивном ларьке!

И он снова испарился.

- Он такой милый, - сказала Дженни с усмешкой и толкнула меня в бок.

- Забирай его себе, - ответила я сухо. - Его все любят, он префект, хорош в спорте и сын мэра Риддорфа.

Я ковырялась, скучая, в своей картошке фри. Мои родители хотели сделать мне приятно. Дженни и Николь хотели сделать мне приятно. Бенни хотел сделать нам приятно. Колин же был причиной моей боли и душевных страданий. А я сидела здесь и тосковала по нему, вместо того чтобы радоваться жизни и наслаждаться праздником.

Потому что если привыкнешь к этому скудному оснащению, становилось не так уж и плохо. Погода была хорошей, а толстый ди-джей доказал надёжный вкус в музыке. Я немного расслабилась. Всё могло бы быть намного хуже, уговаривала я себя. Я была не одна, было тепло, и я была сыта. По словам господина Шютц, моего учителя по биологии, человеческие основные потребности были этим удовлетворены.

В тот момент, когда я хотела успокоить себя этими банальными аргументами, по лугу прошёлся свистящий порыв ветра. Кусты рядом с нами склонились, шурша, в сторону. Бумажные тарелки с остатками картошки фри, которые мы не успели поймать, слетели со стола.

Рядом с нами начала истерически лаять маленькая такса. Она была привязана к ножке стола, но она хотела убежать. Поджав хвост и зарычав, она сильно тянула за свою верёвку, так, что вся конструкция зашаталась. Пиво опрокинулось, пенясь, в траву и обрызгало накрашенные ногти на ногах у Дженни.

- Чёрт, что это было? - спросила она нервно и засунула концы юбки под ноги. Над ней взорвалась одна из разноцветных лампочек. Крошечные осколки посыпались на её волосы.

- Самая обыкновенная Вествальдовская летная погода, - отрезала я. Такса наконец-то справилась. Стол, грохоча, опрокинулся в сторону, и поводок освободился. Собака бросилась галопом в лес. Ругаясь, её хозяин поспешил за ней.

- Это хорошо. Я ведь не могу выносить этих тварей, - прозвучал знакомый голос позади меня. Я обернулась. Это был Тильман. - Привет Эли, - сказал он небрежно и поплёлся к бару.

Николь и Дженни его даже не заметили. Они были полностью заняты тем, чтобы привести в порядок их разлохмаченные причёски. Мой же взгляд притягивал старый, каменный, железнодорожный туннель на краю луга.

- Это ты? - спросила я в мыслях, в то время как новый ледяной порыв ветра задул мне волосы в лицо.

Нежно они гладили меня по щеке. Мне не нужно было ждать ответа. Прежде чем Николь и Дженни обратили внимание на ритмичный стук копыт, чёрная тень Луиса вырвалась из туннеля. Колин сидел на его спине, склонившись, чтобы его голова не касалась потолка. Из горла папы послышалось рычание.

Колин замедлил темп Луиса, остановил его, как в фильме, в пол метре от киоска с картошкой фри и соскользнул плавно с седла. Дженни пронзительно захихикала. Одно мгновение никто не говорил ни слова. Даже музыка перестала играть.

Потея, толстый ди-джей принялся налаживать установку. Потом люди, как по команде, снова начали разговаривать друг с другом, более глухо, чем до этого, но ропот голосов был наполнен страхом и недоверием. Почему же люди всё-таки продолжали смеяться, как будто ничего не случилось?

Колин свободно привязал Луиса к дереву и пошёл, даже не взглянув в нашу сторону, к бару. Дети на футбольном поле спорили теперь громко за мяч и дёргали при этом агрессивно друг друга за одежду. Две женщины побежали к ним, чтобы попытаться успокоить их. Но маленький, худой мальчик совсем обезумел и, крича, бросился на землю. Ожесточённо он вцепился в мяч.

- Кто это? - спросила Николь растерянно и уставилась беззастенчиво на Колина. - Он выглядит так странно. Посмотри только на его одежду. И на лицо.

Ты не видела его ещё при лунном свете, подумала я. Ты бы от зависти провалилась сквозь землю, если бы знала, как невероятно он красив тогда.

Но если она, как Майке, сейчас начнёт утверждать, что он уродлив, я засуну её накрашенную морду в остатки своей колбасы.

- Ты его знаешь, Лесси?

- Эли, - сказала я резко. - Меня зовут Эли. Никакой больше Лесси.

- Хорошо, - сказала Николь удивленно, глаза всё ещё направлены в сторону Колина, который один прислонился к стойки бара. Крошки её туши для ресниц прилипли, как дерьмо мух, к её напудренным щекам, а от её духов я задыхалась. Папа держал себя в руках, но я видела, как ему было тяжело, просто не схватить меня и не утащить остуда. Мне тоже нужно было контролировать себя.

Желание встать и подойти к Колину так меня взволновало, что у меня кружилась голова. А потом я просто сделала это. Что мог папа предпринять против этого? Побежать за мной и оттащить? Никто его не поймёт. Он ведь не мог сказать: «Уважаемые люди, это Демон Мара, и с ним моей дочери нельзя общаться». Кроме того, завтра наши дороги на одну неделю разойдутся, у него будет свой отпуск, а у меня свой. Нет причин теперь снова откапывать топор войны.

Тем не менее, я чувствовала, что он про себя мучился, когда я направилась к Колину. Но прежде чем я достигла пивного бара, Колин отвернулся и отошёл на несколько шагов. Мне ничего другого не оставалось, как встать рядом с Тильманом. Мои щёки горели от гнева. Он поставил меня в неловкую ситуацию.

- Что это за две бабы? - спросил Тильман. Из его рта слово бабы звучало так уничижительно, что, несмотря на мой гнев, я усмехнулась.

- Мои лучшие подруги из Кёльна. Ну, они были моими лучшими подругами.

- Мне нравятся длинные ноги. Но это - не, это совсем не клёво.

К моему удовлетворению, он имел ввиду Николь, которая втиснулась в обтягивающие джинсы и полусапожки на высоких каблуках. Тильман был прав. Она была не достаточно стройной для этого. Её живот выглядывал наружу.

- Вот, - сказал Тильман и пододвинул ко мне наполовину полный стакан водки. Я находила водку ещё более неаппетитной, чем пиво. И по всей вероятности от неё будут ещё более серьёзные последствия. Но любопытные взгляды Николь, Дженни и моих родителей воодушевили меня поднять стакан и залить большой глоток в свою глотку.

Она жгла как огонь, и я боролась, фыркая, против кашля. Уже через несколько секунд мой мир стал более расплывчатым.

- Твоё лицо стало ярко-красным, - отметил Тильман трезво.

- Я ненавижу эту дрянь, прорычала я.

- Ну, тогда, - сказал он, - ещё одну?

- Спасибо, нет, - отклонила я вежливо. Тильман только пожал плечами. Колин продолжал стоять ко мне спиной.

Тильман и я провели, по крайней мере, целый час молча возле бара, в то время как я наблюдала, как Николь и Дженни флиртовали с моим отцом и говорили обо мне. Если бы я приложила чуть больше усилий, то смогла бы даже считывать слова с их губ. Около одиннадцати часов мои родители собрались уходить. Николь и Дженни остались сидеть на скамейке и разглядывали попеременно Колина, Бенни и меня.

- Я тогда пошёл. Чао, Эли, - сказал Тильман и исчез.

- Спасибо за беседу, - пробормотала я. Я взяла себя в руки и оторвалась от стойки, чтобы попрощаться со своими родителями. Они были достаточно порядочными, чтобы не спрашивать, кем был маленький, рыжий парень возле меня. Вместо этого мама крепко обняла меня и погладила по моим непослушным волосам, которые уже снова торчали в разные стороны.

- Хорошо повеселиться тебе, Эли. Ибица - красивый остров с интересными людьми, - сказала она с тоскливым взглядом. Прежде чем она познакомилась с папой, она прожила там несколько лет, как я теперь вспомнила. А после того, как его атаковали, она никогда не была там снова. Ответить на её объятья не стоило мне никаких усилий.

- Спасибо за сюрприз, - пробормотала я вежливо. Я всё ещё не могла по-настоящему этому радоваться.

Попрощаться с папой мне было намного сложнее. Мы стояли не подвижно друг против друга, и я не осмеливалась смотреть ему в глаза. В конце концов, он схватил меня за плечи и прижал коротко к себе.

- У вас проблемы? - спросила Дженни меня, когда родители исчезли в темноте, а Николь смотрела мечтательно вслед моего отца.

- Скорее расхождения во мнениях, - сказала я, скрывая правду.

Идея о том, чтобы поговорить с Николь или Дженни или даже с обеими о Колине была абсолютно смешной. Вышеупомянутый стоял всё ещё ко мне спиной возле бара и только изредка обменивался парой слов с обслугой стойки. Места рядом с ним оставались свободными. Если сер Блекбёрн хочет, то пусть сидит себе там. Я же хотела пойти домой.

- Давайте пойдём уже, - предложила я после десятиминутной болтовни о пустяках. Болтать мы могли и у меня дома, а там мне хотя бы не придётся постоянно смотреть на зад Колина. Это была как будто зависимость. И это меня расстраивало. Кроме того, водка Тильмана всё ещё действовала. Мне хотелось начать ссору, если кто-то встанет у меня на пути.

А между тем уже было достаточно пьяных ребят, которые пожирали нас жадными взглядами. Бенни усердно вытирал стойку, но и он уже бросил один или два взгляда на Николь и Дженни.

- Хорошо, - уступила Николь. - Тебе же ещё надо упаковать свой чемодан, не так ли?

О Боже. Да, действительно надо. А я даже не имела представления, что необходимо для отпуска на юге. Поэтому мы незамедлительно пошли домой, хотя я с удовольствием высказала бы Колину ещё какую-нибудь подлость.

Как только мы покинули слабо освещенный луг, где был праздник, нас окутал глубокий, чёрный мрак. Но я между тем уже могла хорошо ориентироваться в небольшом отрывке леса, который вёл к ручью и мостику. Мои глаза были натренированны. Тем не менее, я должна была признаться самой себе, что это была действительно чертовски тёмная ночь.

Первые несколько метров я тоже почти не могла отличить лес от неба. Николь и Дженни тут же остановились и стали искать, крича, мои руки. Они находились очень удобно в карманах моих штанов.

- О Боже, Эли, это так жутко! Здесь что, нет фонарей? - закричала Дженни, в то время как Николь впала, в своего рода, оцепенение от шока. Она, вероятно, боялась в своих, на высоких каблуках полусапожках, вывихнуть ногу.

- Мы же в лесу, - сказала я спокойно. - Здесь с фонарями дефицит. Ну, давайте, это всего лишь несколько метров.

Бойко я пошла вперёд и потешалась над тем, что мои подружки остались в панике стоять за мной.

- Боже, Лесси, подожди же! - ворчала Николь, но я притворилась глухой. Ты отбила у меня Тоби, подумала я едко. Теперь смотри, как выбраться из леса самой. Я не твоя няня.

- Что с ней случилось? Да, это будет весело, на Ибице, - прошипела Дженни, которая, очевидно, забыла, какой у меня хороший слух. Теперь и подавно, сказала я себе и решила последовать своей идеи, которая пролетела у меня в голове как блуждающая, светящая комета.

Здесь, как раз рядом на дороге была лесная вышка. И всё это дело было бы намного интереснее, если бы я на пару минут исчезла с лица земли. Я схватилась за ступеньки лестницы и проворно залезла наверх. Наверху я сразу развернулась и посмотрела вниз.

- Ну, ты сегодня слишком много проказничаешь.

Прежде чем я от испуга потеряла равновесие и упала, его рука схватила меня за шиворот футболки и притянула к его телу.

- Ты ... ты проклятый идиот!

- Добрый вечер, Эли, - усмехнулся Колин так нахально, что у меня возникло искушение тут же снова покинуть вышку. Лучше всего смело прыгнув головой вниз в никуда. С другой стороны, то, что Николь и Дженни вытворяли в низу, на дорожке, было достойно этой жертвы.

В то время как Николь искренне верила, что сможет разогнать темноту, светя дисплеем своего мобильного телефона, Дженни, размахивая руками, исполняла своего рода танец теней, который вряд ли можно было превзойти по неловкости.

- Похоже на маленькую Эли во время грозы, - проанализировал Колин сухо.

- Одурачить я могу себя и сама, - отругала я его.

- Что это за примадонны? Твои подруги, не так ли? Ну, у вас же столько много общего, - прокомментировал Колин цинично. Сцена явно забавляла его.

Дженни упала на колени и начала рыться в своей сумке, ища зажигалку, согласно тому, что она объявила дрожащим голосом Николь. Между этим они не однократно выкрикивали моё имя - во всех четырёх вариантах. Эли, Лесси, Елизавета, Элиза.

- И почему ты проигнорировал меня? - спросила я Колина и бросила на него быстрый взгляд. Мне не нужно было этого делать, потому что было невозможно посмотреть на него и не улыбнуться. Я не могла не улыбнуться, потому что я так сильно радовалась, что сижу с ним здесь наверху, а не брожу там внизу с Николь и Дженни по лесу.

- А что бы предложила ты - чтобы я на глазах у всех подрался с твоим отцом? Как ты думаешь, кто победит? Я хотел уберечь вас обоих от этого, - ответил он с сарказмом. - Вы уже помирились?

- Два вопроса, - проигнорировала я его желание узнать больше о нашей семейной ситуации. Я не могла оставаться долго здесь наверху. Николь почти плакала, а Дженни в выдающем её тремоло предложила просто идти дальше, где-то же я должна быть.

- Елизавета, - рявкнула она яростно. Её голос оборвался.

- Пожалуйста, - сказал вежливо Колин. Он трясся от сдерживаемого смеха.

- Почему я могла понять тебя и Тессу? Я имею в виду - ты ведь шотландец.

- Ты когда-нибудь в одном из своих снов что-нибудь не понимала, когда тебе что-нибудь говорили?

Я на мгновение задумалась. Я вспомнила, что в одном очень запутанном сне, даже ездила в Китай и должна была разговаривать на китайском, и на самом деле у меня это получалось. Это был другой язык, но я его понимала, и во сне я могла на нём говорить.

Вместо ответа я только покачала головой, потому что внизу случилось что-то новенькое. Появился Бенни и предстал как благородный рыцарь в беде.

- Наконец-то кто-то появился, - воскликнула Николь, а Дженни от чистого облегчения бурно обняла Бенни.

- Здесь ничего не видно, а Лесси просто исчезла.

- Так, Лесси, - подметил Колин и двусмысленно усмехнулся.

- Забудь об этом лучше сразу же. Я ненавижу это имя.

- Ты не должна этого делать, - возразил он тихо и его взгляд скользнул мягко, почти нежно по моему лицу. Что это сейчас было - новый отвлекающий манёвр? Нет, для этого было слишком мало времени. Кто знал, когда я увижу его снова?

- Второй вопрос: почему я видела тебя один раз сверху, а потом была ... тобой? - настаивала я дальше, не отвлекаясь.

- Это немного сложно, - сказал Колин уклончиво.

Между тем Бенни рассказывал о своих ночных приключениях на охоте в лесу и обеспечил Николь и Дженни двумя маленькими бутылочками с ликёром в виде сперматозоидов, которые он вытащил, как трофеи, из своей сумки, что вызвало у обеих дальнейший хохот.

С поднятыми бровями я посмотрела на Колина.

- Мне нравиться сложное положение вещей. Я ведь отличница.

- Это мне было ясно. - Колин улыбнулся. – Хорошо, я объясню коротко: у меня всегда была способность, если я хочу, созерцать себя сверху - из любой перспективы, какая мне понравиться. И это тоже то, что люди могут делать во сне. Разница только в том: я могу делать это всегда. Поэтому я владею своим телом лучше других существ. Это так же причина того, почему я иногда выгляжу отсутствующим.

- А сейчас ты здесь? Я имею в виду здесь, возле меня? - спросила я на всякий случай.

- Больше, чем сейчас, было бы невозможно. Больше и для меня было бы слишком.

Снова и снова наши плечи прикасались друг к другу, потому что вышка была маленькой, а Колин очень даже настоящий. Такой настоящий, что мне снова пришлось себе напомнить, что нужно будет скоро снова возвращаться к Николь и Дженни, прежде чем они с Бенни придумают что-нибудь глупое.

- Поэтому люди ведут себя так странно в твоём присутствии?

- Это уже был четвёртый вопрос, Эли. Мне надо к Луису. А тебе, наверное, нужно наконец избавить твоих подруг от Робин Гуда.

Николь и Дженни выпили свой ликёр-сперматозоид, и теперь они втроём хором звали меня. Это было нелегко, но я оторвалась с кратким "чао" - большего Колин сегодня не заслужил - от этого своеобразного случайного рандеву на верху деревьев и спустилась вниз по лестнице. Потом я встала как сама невинность на середину дороги и закричала:

- Где же вы? Я всё это время ждала вас наверху возле таверны!

- Маленькая лгунья, - услышала я шёпот Колина в своей голове. Тёплая волна пронзила моё тело. Я всё ещё не хотела на Ибицу. Как две потерянные души Николь и Дженни запорхали в мою сторону, после развлечения Бенни однако, в более приподнятом настроении, чем в первую минуту их испуга.

Я смогла лишь с трудом убедить их говорить немного тише, когда мы пришли домой. Ещё одно прощание с папой я не переживу. Я ни в коем случае не хотела его разбудить.

Следующий час я действовала как на дистанционном управлении робот, который был не в состоянии противиться заданной чужой программе. Я позволила Николь и Дженни составить мою коллекцию одежды для отпуска, а в это время заправляла для них матрасы. Матрас

Николь я специально положила на тот пэчворк-коврик, под который сбежали оставшиеся толстые пауки.

Примерно в час ночи наконец-то наступила тишина. Мне так хотелось побыть одной. Я уже сейчас чувствовала себя крайне раздраженной и нервной, и представление о том, как мне придётся втискиваться на дешёвом рейсе в тесный самолет, мне совсем не нравилось. Всё во мне кричало о том, чтобы остаться здесь. Просто сидеть, день за днём, в моей комнате и размышлять свободно в тишине, пока снова не придёт вечер.

Но если я буду завтра уставшей, то всё это станет ещё более изнурительным. Я долго лежала без сна, пока наконец не погрузилась в хаотичный, беспокойный сон, в котором путешествовала по тысячи разных стран и должна была разговаривать на тысячи разных языках. Только Шотландия не принадлежала к ним.

Глава 27. Последний вызов: Ибица

- Остановитесь, - сказала я тихо. Сбитая с толку Дженни повернулась ко мне. – Пожалуйста, остановитесь, - повторила я, не глядя на неё.

- О Боже, Лесси, что случилось, тебе плохо? - воскликнула Николь в панике. Возбуждённо она схватила водителя такси за плечо. - Вы что, не слышали? Стоп, остановитесь сейчас же!

Не моргнув глазом, он притормозил. Мы находились в каких-то ста метрах от нашего дома, как раз только заехали на верхушку проселочной дороги. Как парализованная я оставалась сидеть и смотрела на свои руки.

Николь распахнула дверь, бросилась вокруг машины, открыла другую дверь и вытащила меня вспотевшими руками наружу. Оглушено, я, спотыкаясь, вышла на солнце. С широко раскрытыми глазами от ужаса Николь смотрела на меня. После того как Дженни один раз в парке аттракционов на американских горках её обрыгала, её преследовал страх, с ней может случиться такое ещё раз.

- Меня не тошнит, - попыталась я её успокоить. Теперь и Дженни вышла из машины. Водитель обернулся к нам и бросил недоверчивый взгляд на своих сбежавших пассажиров.

- Счётчик считает дальше, - в конце концов, заметил он и углубился в свою воскресную газету.

- Ну что тогда случилось? Мы и так уже опаздываем, нам нужно ехать дальше. Может, ты что-нибудь забыла дома? - спросила Николь и посмотрела обеспокоенно на часы.

- Нет. Нет, я… я не поеду вместе с вами. Я остаюсь.

Я действительно сказала это? Да, сказала. Потому что у Дженни и Николь отвалилась челюсть. С открытым ртом они уставились на меня. Дженни первая снова закрыла его.

- Ты остаешься? - выдавила она, сжав зубы, отрывисто. Она выглядела как хищник, который пропустил кормёжку. Очень неприятно и готовая ко всему. Николь только драматично вздохнула и стала нервно накручивать на палец чёлку.

- Да, - сказала я, более твёрдым и громким голосом. - Я хочу остаться здесь.

- Здесь? - заругалась Дженни и развернулась, размахивая руками вокруг себя. - Здесь? - повторила она. - Здесь же ничего нет!

Ну, это было не совсем верно. Высоко в небе кружили две хищные птицы, и иногда раздавался пронзительный крик в утренней тишине. Посередине заброшенного пастбища рядом с нами притаилась пятнистая кошка перед мышиной норой. И если пройти мимо неё и последовать по вытоптанной дорожке ещё каких-то двести метров, то окажешься в тенистом прохладном лесу. Моём лесу.

- Значит, я останусь там, где ничего нет, - ответила я упрямо. - Я не могу поехать вместе. Не сердитесь на меня.

Сложа руки перед грудью, я стояла перед ними и не могла поверить в то, что я делаю. Николь и Дженни тоже не могли в это поверить.

- О Боже, я не верю этому ..., - простонала Николь и прижалась лбом к двери машины. - Я тебя не понимаю, Лесси. Я действительно тебя не понимаю. - Теперь она разозлилась. - Знаешь что? Тогда оставайся здесь и скучай до смерти. Боже, как это глупо!

- Я очень разочарованна, - попробовала Дженни поменять тактику, объясняя по-взрослому. - Мы так старались, чтобы организовать классный отпуск, а ты ведешь себя со вчерашнего дня как будто у тебя не все дома. Что с тобой такое?

Я молчала. Они всё равно не поймут. Я открыла багажник и вытащила оттуда свои вещи.

- Поехали, Дженни, ей уже не помочь. Я не позволю испортить себе отпуск её выкрутасами, - злилась Николь и толкнула Дженни назад к машине. Я порылась в своей джинсовой сумке, вытащила купюру в сто евро, которую мне дали мама и папа на карманные расходы, и сунула её Николь через открытое окно в руки.

- Вот, на такси. Хорошо вам повеселиться. Николь только, не веря, качала головой.

- Дамы наконец пришли к соглашению? - спросил водитель.

- Да, пришли, - крикнула я ему и отвернулась, прежде чем смогу пожалеть о своём решении. Но я теперь только хотела уйти подальше от выхлопных газов машины, назад в свою комнату, где я смогу убрать матрасы и хорошо проветрить. Ночь была проверкой на терпение. После того, как Мистер Икс на рассвете, с полу дохлой мышью в пасти и гортанным бурчанием, прыгнул на задницу Николь, я замучилась: успокаивать двух кричащих баб, забирать у Мистера Икс мышь и для того, чтобы она поправилась, сажать её в одну из маминых грядок, и пылесосить матрас Дженни, чтобы избавить её от аллергического шока.

Убедить Мистера Икс покинуть мою комнату было уже сложнее. Для этого мне пришлось оставить все окна закрытыми и у меня весь остаток этой короткой ночи неоднократно появлялось чувство удушья. Мне не хватало свежего воздуха, а то, что Мистер Икс полчаса, как статуя, прилипнув к моему окну, смотрел на меня укоризненно, тоже не подняло моё настроение.

Но гораздо более гнетущим были пары, исходящие от постелей Николь и Дженни. Духи. Дезодорант. Свежий лак для ногтей. Лак для волос. Молочко для тела. Пудра. Меня почти тошнило от этого.

Теперь я наконец-то снова могла дышать. Как опьянённая от внезапной свободы я остановилась посередине просёлочной дороги и закрыла глаза, потому что от яркого солнца у меня кружилась голова. Будет жаркий день. И никого не было, кто мог бы уговорить или принудить меня к чему-то.

Я могла всё утро пролежать в кровати и думать о Колине, если я хотела этого. Я могла поесть, когда мне вздумается, или вообще не делать этого. Я никому не должна была отчитываться. И это было замечательное чувство. Я была одна.

Глава 28. Одна-одна

Замечательное чувство внезапно оборвалось, когда я вспомнила про своих родителей. То, что я взяла и просто так сорвала их наверняка не очень дешевый сюрприз и оказалась добычей здешнего Демона Мара, они никогда не должны узнать.

Это означало, что я не могла больше встречаться с Николь и Дженни - потому что они точно проболтаются - и мне придётся обманывать. Но у меня была целая неделя, чтобы придумать, как решить эту проблему. В конце концов, меня никто не спросил, хотела ли я вообще поехать на Ибицу.

Внезапно я почувствовала сильный голод. С урчащим животом я побежала к дому, открыла дверь и опустила жалюзи в зимнем саду вниз. Ладно, позавтракаем. Позавтракаем? О нет. Как же я буду в ближайшие дни питаться?

Пекарня на колесах приедет в деревню только в среду, а ближайший супермаркет находится в семи километрах. Папа, наверное, как всегда, перед отъездом или использовал все портящиеся продукты, или подарил соседям. Он ненавидел, возвращаясь из отпуска, находить кладовую, превратившуюся в биотоп.

Удручённо я открыла холодильник. Я рассчитывала встретить пустые полочки, но при виде, который мне открылся, я затаила дыхание. Я чувствовала себя как Алиса в стране чудес. Аккуратно положенные друг на друга, там стояли пластиковые контейнеры для хранения.

На двери стояли соки и минеральная вода, овощной ящик был набит салатом, помидорами, огурцами и перцем. Здесь так же были: шоколад, тостовый хлеб, два готовых магазинных блюда, целый ассортимент йогуртов, молочные напитки, ветчина и сыр. Отпуск моих родителей в Италию должно быть был спонтанным.

Я забыла про хлеб и булочки, когда обнаружила за двумя готовыми блюдами контейнер с домашней рисовой кашей с сахаром и корицей. Я вытащила его и осторожно открыла крышку. Шурша, на стол вывалился сложенный клочок бумаги, который был небрежно прикреплён с помощью клейкой ленты на внутреннюю сторону крышки. С нехорошим предчувствием я развернула записку.

"Пожалуйста, пожалуйста, позаботься о себе. Твоя мама. PS Может ты сможешь иногда приглядывать за цветами." Значит, всё не случайно. Я подавила настоящий поток слёз. Теперь уже поздно колебаться. Дороги назад нет. Обе девушки уже почти во Франкфурте, а мама и папа в Швейцарии. Слишком поздно раскаиваться.

О, мама. Она знала. Или, по крайней мере, считала это возможным. Поэтому она была занята до поздней ночи. Она за спиной папы для меня варила и складывала запасы. А так же приготовила бельё на тот случай, если я первый раз в жизни поступлю не так, как от меня ожидают.

Действительно радоваться этому я не могла. Мама наверняка не предполагала, что я откажусь от отпуска. Но она хотела быть ко всему подготовленной. Чтобы мне, по крайней мере, хватило еды, в то время как злой Демон Мара меня атакует. Или мама, в конечном итоге, думала не так, как папа, что Колин был не опасен? Доверяла она мне в том, что я сделаю всё правильно?

Несколько нерешительных минут, я сама не знала, что было правильно, а что нет. Я только знала, что я не смогла бы полететь на Ибицу и притворяться, будто всё прекрасно. Месяц назад это бы ещё сработало. Теперь же было слишком поздно.

Рисовая каша не лезла мне в горло. После нескольких без аппетита съеденных ложек я поставила её обратно в холодильник. Мне хотелось немного поплакать, но я боялась, что, сделав это, выясню, что совершила ошибку. Крышка от почтового ящика загромыхала.

Сортировать почту показалось мне успокаивающим и родным. Я схватила ключ с комода, вытащила письма и быстро вернулась в зимний сад. Позже мне надо будет положить их обратно, ведь официально я находилась на Ибице. Мельком я просматривала стопку.

Два счёта для папы, одно письмо из клиники, открытка от маминой подруги из Хайдельберга - и одно письмо для меня. Письмо для меня? Казалось, через мои пальцы прошёл электрический ток, когда я провела рукой по тяжёлому конверту, сделанному из бумаги верже. Почерк казался старомодным и знакомым: изогнутые, элегантные буквы.

Обратного адреса на нём не стояло. Тёмно-синие чернила со светло-коричневым оттенком, источающие терпкий запах, качественная, но пожелтевшая бумага ... Письмо от Колина?

Осторожно я разрезала конверт острым ножом. Наверное, уже прошло несколько лет, когда я получила своё последнее настоящие письмо. И оно точно не было от мужчины, а всего лишь от стареющих родственников. Что он хочет мне рассказать? Что-то плохое? Или он выбрал письмо, чтобы окончательно объяснить мне, что больше не хочет меня видеть?

Я бросила письмо и энергично отвернулась от стола. Было ещё так много, что нужно было сделать. Прочитать письма можно и позже. Я вышла в залитый солнцем сад и схватила лейку. Хм. Было ли это умно? Увядшие растения были бы хорошим доказательством, что меня не было дома, и что я послушно была на Ибице.

Так что я ничего, не сделав, пошла назад в дом, и стала бродить по комнатам. Вообще-то мне даже нельзя использовать рулон туалетной бумаги. Всё, что я делала или не делала, оставляло следы.

После десяти беспокойных минут я снова сидела в зимнем саду, уставившись на письмо. Ладно. Я прочитаю его, потом закажу в Интернете билет на Ибицу и полечу вслед за Дженни и Николь. Если только ... Быстро я вытащила письмо из конверта, и раскрыла его. Моё сердце билось так нетерпеливо, что я разобрала первые строчки, но не поняла их. Я заставила себя ещё раз начать сначала.

"Доброе утро, надоеда. Так как ты всё равно не оставишь меня в покое со своими вопросами, а ночь остается такой тёмной, я использую время, чтобы объяснить тебе остальные сложные факты. Пожалуйста, не жди от меня, что я напишу тебе сообщение по электронной почте или пошлю SMS (между прочим, это ужасные слова). Я вполне могу обращаться с компьютером, но, к сожалению, компьютер не отвечает взаимностью. Всё, что имеет отношение к радиосигналам, электрическим сетям и телефонной связи, рано или поздно терпит крах в моём присутствии. По этой причине конкуры для меня и Луиса остаются закрытыми - мы пытались, но всякий раз были проблемы с измерением времени. Оно останавливалось. Очень жаль, потому что Луис потрясающий скакун."

Я засмеялась. Может, из-за этого на дискотеке и на празднике отключились музыка и свет? А мой мобильный телефон - это постоянное «нет сети». Было это, в конечном счёте, из-за Колина? Был ли он поблизости? Мой смех оборвался. Да, я желала его присутствия. Но представление о том, что он уже в первую ночь притаился где-то здесь, всё-таки мне не нравилось.

"Так что я вполне вписываюсь в лес. Так как здесь всё равно много точек, где нет сети. У телефонных компаний ещё много работы, пока они установят, что не могут устранить такие зоны. Когда это случиться меня, скорее всего, уже не будет здесь. Но ты спрашивала о людях, об их реакции. Понаблюдай в следующий раз более внимательно. Не все реагируют на меня "странно". Это люди, которые имеют сформировавшиеся суждение. Можно так же сказать, что их образ мышления не сложный. Я не подхожу в их схему жизни. И нарушаю её порядок. Они боятся, когда я нахожусь рядом с ними, но их привычки так управляют ими, что они этот страх не осознают по-настоящему. Поэтому наружу вырываются их низшие инстинкты. Зависть, подозрительность, ревность, часто так же ненависть. Это помогает им иметь дело со мной. А

ещё есть люди - их не много, но они есть - которые открыты и любопытны, которые что-то ищут, которые сами занимают роль паршивой овцы.

Среди взрослых их очень мало. В основном, это подростки. Они смотрят на меня по-другому. С любопытством, внимательно и заинтригованно. Мне нужно быть осторожней, чтобы они не сильно приближались ко мне. Возможно, они чувствуют мой внутренний конфликт. Или они смотрят на меня, как на кумира. При обучении каратэ так происходит иногда. Тогда они тренируются до самоистязания, чтобы подрожать мне. Это мои лучшие ученики, но как только они вырастают и заменяют их внутренний конфликт здравым смыслом и твёрдыми привычками, они отворачиваются от меня.

Раз мы уже заговорили о каратэ, вернёмся к контролю над телом. Из-за того, что я могу смотреть на себя сверху, у меня есть возможность проверять мои движения снова и снова, чтобы устранить ошибки. Это не облегчает тренировку, а скорее наоборот усложняет.

Прежде всего, это делает её более интенсивной. Это так же очень помогает при дрессуре. Однако Луис ненавидит, когда мой дух поднимается над моим телом. Он хочет, чтобы я был полностью рядом с ним. По этой причине я никогда и ни за что на свете не отдам его.

Солнце скоро встанет, я должен заканчивать, если хочу ещё до рассвета бросить это письмо тебе в почтовый ящик. Дело в том, что я не люблю солнце. Я ещё хорошо помню, как это может быть прекрасно, когда оно, после тяжёлого рабочего дня, обогревает ноющие плечи. Но оно не очень для меня полезно, вот уже примерно 140 лет. Я был создан для ночи. Поэтому после этого я вернусь в дом и надеюсь, что мой кошачий выводок оставил мне ещё местечко в кровати. Не думай, что я сплю. Это не лежит в моей сути.

Но тебе необходимо отдохнуть. Ложись в свою постель и набирайся сил. Тебе они понадобится на все эти годы, которые тебя ожидают впереди. Всего тебе хорошего.

Ах да, ещё кое-что: меня преследуют. Я ещё точно не знаю, кто и почему, но мне кажется это безобидным, потому что здесь речь идёт о человеке. Но будь осторожна и не приближайся к нему. Колин.

PS: И не волнуйся - я сыт".

Я снова достала рисовую кашу из холодильника и прочитала письмо, хлебая из ложки, второй раз, третий, четвёртый - пока почти не выучила его наизусть. Это было самое прекрасное письмо, которое я когда-либо получала в своей жизни, но так же и не ясное. Были некоторые отрывки, которые мне совсем не нравились.

Например, где речь шла о годах, которые якобы ожидали меня - это звучало так, как будто я должна буду провести их без Колина. И это подходило в свою очередь к тому месту, где он упомянул, что его всё равно когда-нибудь здесь не будет. Я просто надеялась, что для него отрывки времени означали другую величину, чем для меня - более длинную.

Кроме того, я задавалась вопросом, почему он вообще решил написать письмо, чтобы ответить на мои вопросы. В конце концов, мы могли бы сделать это в устной форме. А так он закрыл мне на какое-то время рот. Но если он думал, что моё любопытство было этим удовлетворено, то он ошибался. У меня ещё было тысяча других вопросов.

И это было вообще-то замечательное чувство - если бы не досадное подозрение, что письмо должно держать меня на расстоянии.

Шелест и скрежет в коридоре отвлекли меня. Это звучало так, как если бы кто-то огромной перьевой ручкой царапал по шершавой бумаге. Там что кто-то пытался проникнуть в наш дом? На носочках я прокралась в коридор и заглянула за угол.

Взломщик доходил мне до икры ноги, повернул ко мне свой вздёрнутый вверх зад и увлечённо царапал передними лапами возле нижней щели входной двери. Пожалуйста, только не ещё одна мышь - или ещё хуже: птичка. Я никогда не прощу Мистера Икс за полудохлую птицу.

- Нет, мой дружёк, так не пойдёт, - закричала я строго и подбежала к коту, чтобы вырвать у него его жертву. Но Мистер Икс лёг перед щелью и стал защищать свой улов низким рычанием.

- Да, что у тебя там такое вкусненькое, мой зайчик? - уговаривала я его, вытянув руку. Мистер Икс смотрел на меня так, как будто бы я заложила свой мозг в ломбарде, и прижался к двери ещё ближе. Что бы там ни было у него в когтях - он не был готов отдать мне это без боя. Поэтому мне придётся его перехитрить.

Я порылась в кладовке, пока не нашла консервную банку тунца. Мой план сработал быстрее, чем я думала. Уже тогда, когда я открывала банку, Мистер Икс прилетел ко мне из коридора как молния и стал тереться, мяукая, о мою ногу. Быстро я поставила ему банку на плитку и поспешила к входной двери.

Нет, это была не птица. Что-то застряла под дверью. Кто-то, должно быть, пытался просунуть это в щель. Осторожно я вытащила это. Это была большая, гладкая, прямоугольная карта. Размером она была с книгу в мягкой обложке и, не считая царапин, которые оставил Мистер Икс, выглядела почти новой. Картина на карте сразу завладела моим вниманием. И всё-таки я с удовольствием сразу же выбросила бы её. Она показалась мне зловещей.

Картина была построена симметрично - справа и слева, напортив друг друга, стояли две египетские фигуры с длинными носами и раскосыми глазами, к застывшим ногам которых прижимались два чёрных животных. Одно из них выглядело как собака, другое как кошка.

Между лицами фигур выделялся молочного цвета круг, украшенный золотисто-жёлтым, повёрнутым вниз полумесяцем. В отделённой нижней третей части карты луна была круглой, а в ней был жёлтый шар - шар, который обнимали передние лапы чёрного, тщедушного паука.

Я невольно вздрогнула. Гадая, я переворачивала карту туда-сюда. Одно было ясно: здесь речь шла не об обыкновенной игорной карте. Я подозревала за этим что-то другое - я предполагала, что это гадание. Может быть, это была карта, с которой можно толковать будущее.

Мистер Икс между тем уже уничтожил тунца и облизывал, как сумасшедший, пустую банку, при этом он двигал её с действующим на нервы дребезжащим звуком по полу зимнего сада.

- Иди поохоться, - приказала я ему и открыла дверь в сад. Он немного посредничал, но потом гордо прошествовал наружу.

Гадание по картам ... Разве мама не занималась этим, когда жила на Ибице? Я вспомнила, что она рассказывала мне о паршивых взаимоотношениях с ещё более паршивым малым, который научил её гадать по картам. А когда она сама первый раз гадала, то узнала, что должна бросить его.

После этого она никогда больше не прикасалась к картам. Она подарила их, хотя прежде чем сделать это, раздумывала над этим несколько недель. Я поставила рисовую кашу назад в холодильник - я так и так больше уже не хотела её; с едой я терпела сегодня одни неудачи - и пошла в мамину швейную комнату.

У мамы была причуда в отношении книг. Весь наш дом практически состоял из книг. Даже в гостевом туалете была прикреплена маленькая полка, на которой преимущественно было сложено весёлое чтиво. Но свою частную коллекцию она уже всегда хранила у себя в комнате.

Мало-помалу усталость давала о себе знать. Тем не менее, я так внимательно, как это возможно, проводила взглядом по высокой до потолка полке. Большая книга по гомеопатии. Сделай смесь чая сам. Традиционная китайская медицина. Сонник. Ага, значит мама тоже. Карты Таро Кроули... Карты Таро… Я вытащила книжонку из стопки и сразу же увидела, что это как раз то, что нужно.

Всё подходило - стиль рисунка, величина карт, её фантастические картинки. Карта из-под двери, должно быть, была картой из Карт Таро Кроули. Но просмотрев книжонку, я разочаровалась. Мама не очень-то осторожно обращалась с ней.

Несколько страниц не хватало. Объяснений и указаний тоже не хватало. Всё, что я выяснила после исследования, было то, что эта зловещая карта была лунной картой. Она означала неосознанное - спуск в подземный мир, страх, ложь и путаницу. Бездонную глубину.

Мне это совсем не нравилось. Казалось, это было предупреждение. Это могло быть так же глупой шуткой. Может быть, Мистер Икс нашёл её где-то в другом месте и, играя с ней, сам задвинул её под дверь. Он мог сделать всё что угодно. Но, может быть, кто-то имел в виду действительно меня. Меня и мою связь с Колином.

Или кто-то хотел напугать меня. Но папа был далеко в Италии и думал, что я нахожусь на Балеарских островах. Он не мог этого сделать. Может быть, она даже происходила от самого Колина. И если это было так, то это была ещё одна попытка держать меня на расстоянии и запугать меня. Почему он это сделал? Он ведь знал, что я не сдаюсь так быстро.

Я положила книгу обратно на полку, спустилась вниз и села угрюмо в зимнем саду. Смотря на письмо Колина, я всё ещё тосковала по нему, но мой восторг улетучился. Я чувствовала себя обременённой. Хмуро я перевела взгляд на улицу на залитый солнцем сад.

Мистер Икс, очевидно, только что насрал на мамину грядку с розами. Он разбрасывал задними лапами беззаветно землю в воздухе и помчался потом, как укушенный тарантулом, через луг зигзагами, чтобы, в конце концов, с поджатым в сторону хвостом не исчезнуть из моего поля зрения. От яркой зелени травы у меня заболели глаза.

Я заперла двери и легла в своей комнате на кровать. Уже сейчас летняя жара проникала через крышу, и мне было трудно дышать. Мне очень хотелось, чтобы скорее наступил вечер, когда наконец-то станет более прохладно. Теперь я могла пойти к Колину, когда хотела. Никто не остановит меня.

Но хотя я сунула письмо под подушку и постоянно вытаскивала его, чтобы понюхать - оно пахло слегка деревом, каминным дымом и лошадью - эта внезапная свобода пугала меня. Неужели я совершила ужасную ошибку моим спонтанным отказом от отпуска? Была ли я действительно в опасности?

Если так, то я сама себя преподнесла на блюдечке. Тогда я, так или иначе, ничего не могла с этим поделать. Но не надо ещё и накликать несчастье. Я опустила все жалюзи и разделась до нижнего белья. Потом я снова легла в кровать и стала ждать, пока я не стану такой уставшей, что даже подсознательный страх, который отдавался у меня в животе, с того момента как я нашла карту, не капитулирует.

Засыпая, я решила съесть вечером большую чашку лапши и сесть, как нормальный человек, перед телевизором. Без родительского молчания, без наставлений, без рискованных других миров. Мне казалось это раем. Потом пришёл сон, и я стала подозревать, что рай давно был потерян.

Глава 29. Апокалипсис

Я знала этот сон. Я уже так часто теряла себя в нём. И всё же я не была уверенна, был ли это сон или в этот раз реальность. Может быть, он принадлежал к одному из тех кошмаров, которые становились в какой-то момент явью.

Я бежала через город, в тёплый солнечный день и внезапно мир затаил дыхание. Они были везде. Реактивные истребители, пересекая небо слишком низко, теряли контроль и неумолимо падали вниз на нас. Их моторы гудели так громко, что я не могла слышать крики людей вокруг меня, а могла их только видеть. Они бежали, спасая свою жизнь. Но не имело никакого смысла бежать. Всё происходило слишком быстро.

Один самолёт за другим падали на крыши и загорались. И это было только начало. Кто сейчас выживет, тот будет вознаграждён одной из самых мучительных смертей. Я знала, что умру, так что можно было при этом понаблюдать, как смертоносный гриб поднимается на горизонте, апокалиптически красиво, почти величественно.

Длинная, элегантная труба, а над ней образуется призрачно медленно, светящееся красным облако, с его тысячью округлостей и оттенков, чья токсичная пыль начинает заволакивать солнце. Это был конец света. Я никогда больше не увижу своих родителей. Я не смогу больше сказать им, что люблю их. И хотя это был конец, я не проснулась. В этот раз это был не сон. Потому что всё это продолжалось.

Смотря широко открытыми глазами на сияющий свет, я бесцельно бежала мимо стонущих людей. Горы обломков загораживали мне дорогу, но я не хотела останавливаться. Пока я бежала, я оставалась живой.

Я перелазила через горячие камни, прокладывала себе дорогу через разрушенный бетон и подтягивалась на горящих досках, пока не смогла пробраться в узкий переулок. Он кончался домом, который до сих пор ещё противостоял огню. На увитую плющом стену облокотился юноша.

Он смотрел на меня так, как будто ожидал. Я сразу же его узнала, и мой взгляд тоскливо остановился на нём; его мягких тёмных глазах, ямочках на щеках, озорной улыбке, которая даже теперь не покинула его.

Он взял меня за руки и притянул нежно к себе, так что моя голова могла прижаться к его груди. Наконец-то, подумала я. Я всё-таки не ошиблась. Он всё-таки меня заметил, за все эти годы. Он имел в виду меня.

- Гриша, - прошептала я. Было так приятно иметь возможность произнести его имя, не оставаясь при этом в одиночестве. Мы не выживем. Но я была с ним. Всё было так, как должно было быть.

Моторы самолётов и крик людей вокруг нас стихли. Стало спокойнее, а жар пожара ослабел, пока не стало прохладно. Но я всё ещё прислонялась лбом к груди Гриши. Он аккуратно положил свои руки мне на плечи и провёл ими вдоль моей спины. Но почему они были такие холодные? Мы что, были мертвы? Это была смерть?

В течение нескольких минут я оставалась, как была: голова прижата к сердцу Гриши, и я слушала, не смотря, как мир вокруг нас становился всё тише и холоднее. Его сердце не билось. Но мои руки были тёплыми, а моё дыхание спокойным и равномерным.

Я всё ещё была жива. Это был не сон. Я открыла глаза.

- Я не он, - сказал Колин тихо и провёл успокаивающе своими холодными руками по моей спине, прежде чем отодвинуть меня от себя, чтобы я могла посмотреть на него.

Да. Это был Колин. Колин, не Гриша. Его раскосые глаза блестели, а его светлая кожа мерцала, как свежевыпавший снег, хотя было очень темно. Дрожа, я набрала в лёгкие воздуха.

Он пах сухими камнями, дикими травами и лесом, который раскинулся вокруг нас, тёмный и непроходимый. Никаких обломков самолётов. Никаких грибов от атомной бомбы на горизонте. Никаких горящих домов. Это был сон.

- О нет, - выдохнула я. - Нет ...

Я посмотрела на себя вниз. На мне была надета только моя тонкая, ночная рубашка и я стояла на коленях перед Колином, который в ожидании облокотилась на каменную стену. Его левая рука лениво опирается о колено. На нём ничего не было надето, кроме его костюма для каратэ. Из-за тёмного материала костюма его белая кожа светилась ещё сильнее. Свои непослушные волосы он удерживал с помощью чёрной длинной повязки.

И всё-таки несколько прядей, извиваясь, танцевали перед его носом. Покачиваясь, я поднялась, развернулась и хотела убежать. Моя нога сильно ударилась о камень. Я пошатнулась вперёд и увидела мчащуюся мне на встречу пропасть.

- Остановись, Эли. Так не пойдёт.

Колин схватил меня за талию и притянул к себе. Он снова сел и прижался расслабленно к выветренным камням. Я остановилась и в замешательстве стала оглядываться. Две тёмные башни возвышались над нами, стены полные дыр, зубцы, грубо разъеденные ветром, льдом и дождём.

- Я не знаю, сплю я или бодрствую! - закричала я отчаянно.

- Ты проснулась, - ответил Колин спокойно. - Теперь ты уже проснулась.

- Где мы, чёрт возьми, находимся?

Видел ли он меня вместе с Гришей? Я не он, сказал Колин. Я должна выбраться отсюда, и сделать это быстро.

- Развалины замка Райхенфельз, - ответил Колин сухо. - Это бы нужно знать, если уж живёшь здесь.

- Но…?

- Ты шла во сне, как лунатик, - вздохнул коротко Колин и потянулся. - У тебя был весьма паршивый сон. Нечто подобное может погубить у меня подобных несуществующую душу.

Я качала ошарашено головой.

- Окончание же сна ... - Ухмылка Колина постепенно сошла с лица. - Горько-сладкое.

Он нас действительно видел. И как всегда, когда я видела во сне Гришу, я чувствовала себя такой несчастной и израненной, что с удовольствием бы сразу же вернулась в своё сновидение.

- О Боже, это не может быть правдой, - пробормотала я задыхаясь. Рассержено я снова повернулась к Колину.

- Что всё это значит? Ты сидишь ночью на этой убогой развалине и шпионишь за моими снами? Что я для тебя - что-то вроде фирменного блюда на шведском столе? И сегодня господину пришлось это не по вкусу?

Колин засмеялся. Я была зла, но в то же время так смущена, что у меня было большое желание придушить его.

- Иди сюда ко мне. - Он указал на место, рядом с собой.

- Зачем мне это делать? - Я потёрла свои холодные плечи.

- Хорошо, тогда я помогу тебе. - Мягко он встал, схватил меня и посадил рядом с собой. Я отвернулась от него. Слёзы были слишком близко, а я не хотела предоставлять Колину ещё одну закуску. Не сейчас.

- Послушай, Эли - я сидел здесь наверху, потому что мне нравится медитировать на этом месте, после того как я потренируюсь. Я делал это и прежде, чем мадам переехала в Кауленфельд. Я почувствовал, что ты видишь плохой сон. Поэтому попытался вытащить тебя оттуда. Всё остальное было не в моей власти.

Он намекал на Гришу? Ах, это всё равно не имело значения. Почему я должна отрицать Гришу, если Колин всё равно его видел?

- Точно, - сказала я с горечью. - Он мне всё время сниться. Снова и снова. Хочу я этого или нет.

Колин какое-то время молчал.

- И это мучает тебя, - наконец закончил он осторожно мои мысли.

- Да! - закричала я бурно. - Это мучает меня, и я чувствую себя беспомощной. Я даже ни разу с ним не разговаривала. Я только смотрела на него, и он что-то во мне затронул - что я не знаю ... Это не то, что я хочу с ним переспать, или иметь с ним отношения. Но он просто здесь внутри, и я не могу его оттуда выкинуть, чёрт побери!

Я ударила кулаком себе в грудь. Колин взял мою руку и заключил её в свои прохладные пальцы.

- Хочешь, я украду у тебя эти сны? Мне нужно будет это сделать всего один или два раза, и они никогда больше не вернуться.

У меня перехватило дыхание. Забыть Гришу? И, следовательно, избежать раз и на всегда этих страшно тоскливых последствий? Хотя он уже два года как окончил гимназию и покинул школу, они всё ещё посещали меня.

- И это сработает? - спросила я с надеждой. Я попробовала себе представить, как бы это было. Никаких больше приносящих боль сновидений. Это казалось опустошающим, но так же очень надёжным.

- Да, это сработает. И всё же я не советую тебе делать это.

- Почему? - спросила я удивлённо.

Колин расправил мой кулак и провёл нежно по моим напряжённым пальцам.

- Ну, ты не единственная, кого беспокоят подобные сны. Они снятся многим деятелям искусств - музыкантам, писателям, художникам ... Они пробуждают творческий потенциал. А это дар, который лучше не заглушать, потому что он может содержать целебные силы.

- Но я ведь совсем не творческая натура, - вставила я. - Я не играю ни на каком музыкальном инструменте, не рисую, а мои сочинения были всегда неуклюжими. Хорошо сформулированными, но им не хватало накала страстей.

- Я бы так не сказал, - ответил Колин.

- Нет? И что это значит?

Он посмотрел на меня задумчиво, как будто взвешивая, говорить ему дальше или нет. Затем он коротко пожал плечами.

- Ключевое слово кино, - сказал он тихо. - Кино, происходящее в голове. Ты так это называешь, не так ли?

Я вырвала свою руку из его и встала.

- Это тебя вообще не касается!

Теперь я едва могла подавить слёзы. Я отошла от Колина, так далеко, как было возможно на этой каменной платформе, на которой мы находились, и стала смотреть затуманенным взглядом вниз на лес.

Вообще-то я себе их запретила. Никаких больше мечтаний. Никакого кино в голове. Ладно, о Грише Колин теперь знал, и, казалось, его это не сильно беспокоило. Но в этих мечтаниях появлялся не только Гриша, но и сам Колин ... И большую часть времени он был наполовину раздетый. Я подождала, пока смогла проглотить слёзы, и снова повернулась к нему. Я должна была положить этому конец.

- При всей моей любви к тебе..., - начала я.

- О, - пробормотал Колин и усмехнулся.

- Заткнись! Это всего лишь оборот речи. Во всяком случае: для меня это слишком интимно. Я не хочу этого. Никогда больше так не делай. Понял?

Он дотронулся пальцами до лба и склонил голову, как будто отсалютовал.

- Очень хорошо, мадам. Но интимность - это нормально, и это невозможно изменить, если связываешься с Демоном Мара.

Я раздражённо фыркнула. Колин встал и молча подошёл ко мне. Он взял меня за руку и заставил отступить на несколько шагов.

- Мне не нравится, когда ты стоишь на краю прорости.

Я так сильно напряглась, как только возможно, и демонстративно смотрела мимо него, когда он сдул мне прядь волос с лица.

- Только одного я не понимаю, - продолжил он задумчиво. - Почему блондинка и потом ещё эти светло-голубые глаза без бровей? Елизавета, пожалуйста, я думал, у тебя есть вкус. По крайней мере, он начинает у тебя проявляться. - С озорным подмигиванием он дотронулся до моего живота, тонкий намёк на мой бывший пирсинг.

- О, Боже мой, - простонала я и отвернулась. - Теперь ещё и это. Да, когда-то, когда мне было одиннадцать или двенадцать лет, у меня появилась идея, что было бы намного лучше, если бы у меня были длинные, прямые волосы, как у ангела и голубые глаза, как незабудки.

Нежный голос и никаких густых, тёмных бровей. И всегда, когда я придумывала кинофильмы у себя в голове, я была в них блондинкой с голубыми глазами. Так я чувствовала себя намного лучше.

- Я тебя ненавижу, Колин, - прошипела я и вытерла слёзы, чтобы он не смог их украсть. - Я так сильно тебя ненавижу.

- Я тебя тоже, моё сердечко, - ответил он и даже не пытался подавить свою усмешку. Я подняла глаза и посмотрела на него в упор.

Что-то сверкало в его в глазах, что не соответствовало его усмешки. И всё же, как раз это разожгло моё тлеющее негодование.

- Хорошо, теперь послушай меня. Я не какой-то глупый ребёнок, который позволяет собой помыкать. Мой отец попытался сначала убедить меня в том, что ты психопат-преследователь - и иногда я думаю, что он не ошибся. Ты подпускаешь меня к себе, а потом снова отправляешь подальше, так как тебя устраивает в этот определённый момент.

- Нет, Эли, может быть так…

- Я ещё не закончила! - перебила я его. - Не зависимо от того, как ты это обоснуешь, я чувствую себя при этом паршиво. У нас людей, если хотите лучше узнать друг друга, то обычно проводите друг с другом больше времени. Но ты отсылаешь меня, как только я начинаю обретать доверие. Если это твой метод, чтобы сделать меня покорной, как собачонка, то забудь об этом!

В первый раз я увидела, что Колин избегает моего взгляда.

- Мне не нравятся собачки, - сказал он. - А комнатные собачки тем более. Глубокая серьёзность его голоса заглушила юмор слов. Его непринуждённость исчезла.

- И я не люблю игры, - сказала я резко. Теперь Колин снова смотрел на меня. Сияние его чёрных глаз изматывало меня.

- Я тоже, Эли. Совсем не люблю. Как раз по этому ... - Он замолчал. - Что бы ты ни думала обо мне - я не хотел ни похищать твои мечты, ни принимать их.

- Но как ты вообще можешь теперь воспринимать меня всерьёз?

- А как же мне не воспринимать тебя серьёзно после всех этих прекрасных образов? Хорошо, немного безвкусных. Но в большинстве случаев - классное кино.

Мой гнев всё ещё будоражил мне кровь, но что-то другое начало его успокаивать. Это было во взгляде Колина. Я не могла это объяснить. Была ли это боль? Но что причиняло ему такую боль?

- Кроме того, я видел их только один раз. И даже это я не планировал. С тобой очень сложно планировать.

И поэтому впоследствии я видела его во сне? Но я была уже душевно так обнажена, что не смогла его об этом спросить. Больше я уже сегодня не вынесу.

И чисто физически я тоже была не так что бы соответствующе одета. Я отчётливо чувствовала свою голую кожу под короткой рубашкой на лямочках. Она даже не доставала до колен.

- Но если всё время только смотришь, а не ешь - разве ты не становишься страшно голодным? - спросила я с лёгкой провокацией в голосе.

Колин выкинул быстро, как молния, свою руку вперёд, сжал кулак и снова медленно опустил её. Как в замедленной съёмке, он раскрыл свои белые пальцы. Летучая мышь прижималась к его ладони, подёргивая своими крыльями. Но не улетала.

- Ну, ты маленькая бестия, - прошептал Колин. С любопытством я наклонилась вперёд. Зверёк внимательно наводил свои круглые, пушистые ушки во все стороны. Густой тёмно-серый пушок покрывал его спину и живот. Теперь он расправил нерешительно свои крылья, но не взлетел.

- Погладь её, - потребовал Колин. Нежная вибрация прошла через мою руку, когда я провела ей по крыльям крошечной твари. На ощупь они были странными - тёплыми и прохладными одновременно и даже немного липкими. Летучая мышь позволяла делать с собой всё, не отводя при этом не на секунду своих с булавочную головку глаз от лица Колина.

- Да, я голодный, - сказал Колин хриплым голосом и отпустил летучую мышь назад в темноту ночи. - Но я хочу ещё немного подождать. Тебе пора домой.

- Как я уже говорила…

- Да, я знаю, - прервал меня Колин с усмешкой. - Ты меня ненавидишь. Видишь тропинку внизу? Она как раз приведёт тебя к полю перед вашим домом. Я провожу тебя до подножия горы.

Молча мы, перелезая через булыжники, спускались вниз. И иногда я вскрикивала, потому что мне в мои голые подошвы впивались острые камни. В конце концов, мы добрались до низа и оказались перед высоким металлическим забором.

- Что? - спросила я и стала, гадая, оглядываться. - Я что, перелезла через забор? Во сне?

- Что ты там говорила про пятилетнее посещение балета?

Я не хотела представлять себе, как я тут перелазила, в моей слишком короткой рубашке. Но, по-видимому, я с этим хорошо справилась. И не заработала при этом никаких травм. Но сейчас, в бодрствующем состоянии, стальная сетка казалась мне непреодолимой.

- Да, ты можешь это, но у нас больше нет времени, - сказал Колин неопределённо. Я посмотрела на него вопросительно. Не говоря больше ни слова, он поднял меня, положил себе на плечо и перепрыгнул через преграду прыжком хищника.

- Я желаю тебе хороших снов, - прошептал он мне насмешливо в ухо и снова опустил меня вниз.

- Да, понятно, - зарычала я. Задетая, я пригладила свою ночную рубашку. - Если доберусь до дома живой.

- Я поблизости. - Он отступил на несколько шагов. - Эли?

- Да?

Колина уже едва можно было видеть. Его силуэт сливался с возвышающейся за ним руиной замка.

- Это не сможет прогнать сны, но есть ли кто-то в твоей жизни, по кому ты очень скучаешь? Может быть, вовсе не Гриша. Спокойной ночи.

Я не могла его больше видеть. Он исчез. Одинокая и покинутая руина тянулась в бархатное ночное небо.

- Да, - ответила я глухо. - Пауль. Я скучаю по брату.

И если случиться так, как я боялась, возможно, я никогда его больше не увижу. Деревня передо мной как будто вымерла, когда я, с развевающейся ночной рубашкой, поспешила по просёлочной дороге вниз, через открытую настежь дверь зимнего сада юркнула в дом и зарылась в свою тёплую, мягкую постель.

- Только держись от меня подальше, - прошептала я угрожающе. - Ты слышал меня, Колин? И никогда больше не уходи.

С быстро колотящимся сердцем я не могла уснуть, пока не взошло солнце.

Глава 30. В пылу охоты

Что-то изменилось, когда я проснулась ближе к вечеру. Да, боль была другой. Впервые после такого сновидения у меня не появилось чувства, что я должна немедленно поискать Гришу в интернете, его фотографии, ссылки, хоть что-нибудь, хоть какое-нибудь доказательство, что я не ошиблась в нём.

Но Гриша принадлежал к одним из немногих людей, которые не оставляли никаких следов в сети. Как будто его вообще не было. Скорее всего, его жизнь была так заполнена и была такой счастливой, что он не проводил время ни в блогах, ни на форумах. Но теперь у меня была другая тревога.

Колин. Тревога, состоящая из восьмидесяти процентов гнева и двадцати процентов тоски. Или всё-таки наоборот? Он даже не спросил, кто вообще такой Гриша. Откуда ему знать, что он, возможно, был только символом моего потерянного брата?

Был ли он к моим чувствам совсем безразличен? Энди бы бушевал, если бы увидел меня в таком сне. А Колин? Он, пожав плечами, проигнорировал это. Так что вероятно мы были всего лишь чем-то вроде друзей.

- Дружба, - проворчала я недовольно, когда поздно вечером, с большой тарелкой лапши, сидела на своей кровати. Дружба, которая совсем не могла меня утешить. Дружба была, конечно, лучше, чем ничего. Но это было как раз то, что почти всегда только и оставалось для таких девушек, как я. Жалкое утешение.

С другой стороны, был ещё и другой вопрос: то, что он вторгался в мои мечты ... Это всё холодный расчёт, как утверждал папа? Были ли Демоны Мара вообще способны к настоящим, искренним чувствам? Было ли направлено всё, что делал Колин, на то, чтобы раздуть мои чувства, чтобы затем нанести удар исподтишка?

- Хватит, - запретила я себе вслух любые дальнейшие мысли о сэре Блекбёрне. Для этого так и так уже было поздно. Мой взгляд снова остановился на карте Таро. Вскоре после того, как я проснулась, я снова вспомнила о ней. И она больше не выходила у меня из головы.

Я не могла её выбросить, но я так же не хотела больше до неё дотрагиваться. Если же я всё-таки делала это, то мне казалось, что мои пальцы становились грязными, и я не могла противиться тому, чтобы тщательно их вымыть. В конце концов, я положила карту с чувством отвращения на прикроватную тумбочку и теперь не могла оторвать от неё свой взгляд.

Я поставила лапшу на пол и вытянулась на кровати. Я намеревалась спать сегодня ночью. Как все нормальные люди. Но мои руки и ноги оставались не спокойными, а мой пульс нервно замирал. Если я смогу проспать одну ночь, или хотя бы половину, то, может быть, болезненное давление вокруг моего сердца снова отпустит. Оно не отпустило, но мои веки закрылись, а мои мысли отправились путешествовать. Они вернулись назад, к разрушенному замку и загадочной, меланхоличной улыбке Колина и к Мистеру Икс, который сидел возле нас. Разделял нас друг от друга своей упрямой, чёрной головой, в то время как громко мурлыкал. Так громко, что аж вибрировало в ушах.

Это не мурлыканье, сообщило мне объективно моё подсознание, и сон рассеялся. Это был мой мобильный. Гудя и светясь, он скользил на подоконнике в сторону прорости. Сообразив это, я вскочила с кровати и поймала его прежде, чем он упал на пол. Гудение прекратилось. Значит, только сообщение. Может быть, вопрос с тайным смыслом на засыпку от моей мамы?

Нет, это был не вопрос на засыпку. Это был приказ. "СПУСКАЙСЯ ВНИЗ" стояло на дисплее заглавными буквами. Высветившийся номер телефона я не знала. Спускайся вниз? Это не мог быть Колин. Он ясно дал мне понять, что никогда не отправит SMS.

Я стояла как вкопанная и слушала, как тревожно бьётся моё сердце. Казалось, будто оно высвободилось из мышц и вен и при следующем вздохе выскочит из моей груди. Просто

проигнорирую, решила я. Может быть, это просто ошибка. Набрали неправильно одну цифру. Точно, скорее всего, это так и было.

Когда мобильный снова загудел, я отбросила его в панике от себя. Он мягко приземлился на лоскутном коврике и продолжал беспрепятственно гудеть дальше. Я опустилась на пол и перевернула его дрожащими пальцами. "Давай, спускайся же наконец вниз." Ладно. Мама и папа были в Италии. Николь и Дженни на Ибице.

Колин не писал SMS. Скорее всего, у него даже не было мобильного. В таком случае это могло быть только ошибкой. И я докажу это сейчас самой себе, чтобы, наконец, можно было заснуть. Я натянула на себя свой банный халат и потащилась босиком вниз по лестнице. Сначала я хотела посмотреть в саду, потом на улице.

Но в этом больше не было необходимости. Перед гаражом туда-сюда слонялась небольшая, прямая фигура с лохматыми волосами. И я бы дала голову на отсечение, что волосы были рыжими. Я торопливо повернула ключ и распахнула дверь зимнего сада.

- Скажи, ты что, сошёл с ума? - ругалась я тихо, чтобы соседи не обратили на нас внимания. Это прозвучало как шипение змеи.

- Ну, наконец то, - ответил Тильман, не впечатлённый моей тирадой. - Привет, Эли.

Он оторвался от стены гаража и остановился у основания лестницы передо мной. На его руке болтался большой фонарь. Я обернула халат потуже вокруг талии и завязала пояс узлом. В конце концов, под ним я была почти голой.

- Что ты тут делаешь? - спросила я резко. - И откуда у тебя вообще мой номер?

- Я сказал Бенни, что хочу поблагодарить тебя. За то, что мусорные баки теперь закрываются.

- И ты захотел сделать это посреди ночи?

Это была прекрасная ночь. Дул тёплый ласковый ветер, а в саду дурманяще пахло сладко-спелой малиной и лепестками роз. Луна тонким, серебристым серпом едва возвышалась над вершиной горы. Когда я смотрела на неё, мне вспомнилась карта Таро, и уже я больше не считала ночь такой прекрасной. Кроме того, мои ноги начали потихоньку замерзать.

- Нет, - ответил Тильман, стараясь быть терпеливым. - Я не собирался благодарить тебя. Это было только предлогом, чтобы…

- А мог бы и поблагодарить, - прервала я его вызывающе.

- Это сейчас не имеет значения. Надень что-нибудь более подходящее, я хочу тебе кое-что показать.

Мне что-то показать. Ну и нахал. Постепенно я начинала сожалеть, что защитила его от Оливера.

- Ты что, пьян? - спросила я более мягко.

- Нет.

Теперь его терпение кончилось. Он зашагал по лестнице вверх и дунул на меня без предупреждения. До меня донёсся аромат жевательной резинки и курительной трубки, больше ничего.

– Ну, давай. Я думаю, это как раз подходящее время.

Некоторое время мы смотрели друг на друга. Он внимательно, убеждённый в своём желании, я с сомнением, ища наличия признаков злоупотребления наркотиками и зарождающегося безумия. Но я ничего не нашла. Тильман выглядел очень уверенно и как всегда трезво и пылко одновременно. Каверзная смесь.

Я сдалась. Пусть только дело будет не стоящим, для того, чтобы среди ночи снова одеваться и быть похищенной хобби-индейцем. На всякий случай я выбрала прочную одежду: джинсы, пуловер с капюшоном и свои кеды, по которым постепенно можно было определить их суровую жизнь в лесу. На обратном пути к Тильману я прихватила упаковку печенья из кухонного шкафа и сунула себе бутылку воды под мышку.

- Готова? - спросил Тильман, который уселся на ступеньках крыльца и играл с кругом света от фонаря.

- Хм, - пробормотала я. Теперь мне ничего другого не оставалось, как следовать за ним и довериться тому, что усилия будут того стоить.

Потому что для такого маленького парнишки шагал он очень быстро. И казалось, он точно знал, куда нужно идти.

- Что ты хочешь мне показать? - вздохнула я, когда он на перекрёстке направился в ту сторону, в которую я ещё никогда не ходила. Здесь один ручей коротко сливался с другим, более узким, до того, пока оба снова не разветвлялись. Дорога была удобно широкой и покрыта светлым песком, на котором от луча фонаря блестели мельчайшие камешки. Но вокруг нас была ужасная темнота.

- Ты должна увидеть это сама, - раздался голос Тильмана во тьме. - Но было бы лучше, если бы ты не разговаривала так много.

- Я не позволю тебе затыкать меня, понял? - закричала я. Он внезапно остановился и развернулся. Фонариком он посветил мне прямо в лицо. Я заморгала.

- Я не хочу затыкать тебя, Елизавета. Я просто думаю, что так будет лучше, понятно?

- Это безумие, - сказала я то, что как раз думала. Мне нужно было отослать его домой. И что я снова только сделала?

Да, возможно Тильман был безобидным. Но его концентрация на том, что он намеревался вместе со мной сделать, эта непонятная настойчивость в его глазах, казались мне сомнительными. Я попыталась просчитать в уме путь назад. Смогу ли я одна отсюда выбраться. Тильман при этом молча за мной наблюдал. И что меня при этом не только пугало, но и по-настоящему раздражало, это то, что он смотрел на меня, как будто это я сошла с ума, а не он.

- Если хочешь, можешь вернуться снова домой и красить ногти, но поверь мне, здесь будет лучше.

Я раздражённо пнула валун на краю дороги и сделала большой глоток из бутылки с водой. На вкус она была не вкусной и слишком тёплой. Без настоящего удовольствия я грызла печенье. Я действительно не знала, что мне делать.

Всё это казалось мне немного похожим на проект для начинающих из Ведьмы из Блер.

- Что это теперь - пикник?

Фыркая, я бросила бутылку с водой в Тильмана, но он сделал маленький шаг в сторону, так что она, булькая, скатилась со склона на краю дороги. Когда я, ничего не говоря, только ждала, он выловил бутылку ногой из кустов и пнул её ко мне, где я немного более миролюбиво подняла её.

- Пожалуйста, - коротко сказала я и указала на дорогу.

Молча, мы пошли дальше. Километр за километром, пока подошвы моих ног не заболели, и я почти не опустошила бутылку с водой. Звёзды сияли высоко над нами, но на полях медленно образовывались клубы низко расползающегося, голубовато-белого подступающего тумана.

С уверенностью, как у лунатика, крепко держа фонарик в руке, Тильман прокладывал дорогу через лес. К тому времени мы уже так много раз сворачивали: влево, вправо, снова влево, потом через мостик, через поле, через лес, что я полностью зависела от него. Одна я точно никогда не найду дорогу назад. С неприятным чувством в животе я смерилась со своей судьбой.

Я как раз хотела попросить о передышке, когда Тильман замедлил свои шаги. Лес поредел. Тильман выключил фонарик. Молча мы стояли рядом друг с другом и ждали, пока снова смогли что-то различать. И то, что я увидела, мне не понравилось.

Это было идиллически. Слева, рядом с нами, делая многочисленные повороты через луг, на котором росли всего несколько стройных деревьев, протекал ручей. На другой стороне луга заросли резко поднимались вверх. Но не хватало солнца, голубого неба, и щебетания птиц.

Сцена напоминала мне эти фильмы ужасов, в которых кажется всё в порядке, но ты просто точно знаешь, что через несколько секунд произойдёт зверское убийство. Испытывающе Тильман огляделся вокруг и застегнул замочек своего матросского свитера. Да, стало прохладно.

Но я была рада снижению температуры. Она обеспечивала мне некоторую ясность. Всё время, перед этим я думала, что в любой момент упаду в обморок.

- Они вон там, - прошептал он и призвал меня минимальным движением головы следовать за ним. После пары следующих тихих минут он затащил меня неожиданно за пару кустов и приземлился на четвереньки.

- Нет, - сопротивлялась я.

- Да, - сказал он твёрдо. Вздохнув, я последовала за ним. Мы ползли сквозь заросли, пока Тильман не нашёл брешь между двух колючих кустарников, через которую мы могли как раз обозревать луг. Удовлетворённо он усмехнулся. Его острые клыки мелькнули в темноте ночи.

Теперь я тоже видела их. Это были коровы - тёмные чудовищные тени с острыми рогами и огромными головами. Не чёрная с белыми пятнами скотина, используемая в сельском хозяйстве, которую я видела на других пастбищах. Эти животные были больше. Чуть дальше на лугу теснился некоторый молодняк, ища защиту у своих матерей.

Но трое стоящих перед нами в одиночестве скотины, с их выдающимися, мускулистыми шеями - это должно быть были быки. И нас не отделял от них никакой забор.

- Что это за коровы? - прошептала я так тихо, как только возможно. У меня не было желания, чтобы меня забодал один из этих монстров.

- Быки Хека, - прошептал Тильман. - Они похожи на вымершего Тура и их вывели для того, чтобы помочь ренатурировать долину. Они могут съесть полностью все кусты. Несколько лет назад вокруг Гренцбаха был ещё густой лес. Но его не должно быть здесь.

Ничего себе. В отношении Тильмана это был целый роман.

- Ты интересуешься экологией? - спросила я его с любопытством.

- Меня интересует природа. Это всё, - возразил он с недвусмысленным подтекстом всезнайки.

- И это было то, что ты хотел мне показать? Поэтому мы проделали такую длинную дорогу? - спросила я недоверчиво. Ладно, животные были впечатляющими и на них стоило посмотреть, но это ещё не означало, что ночью, в течение нескольких часов, я буду бродить по лесу.

- Конечно же нет, - сказал он решительно. – Пожалуйста, помолчи теперь. Наверное, это может произойти в любой момент.

Он встал на колени и стал осматривать поляну. Что же было "этим"? Ночные игры спаривания быков Хека? Если он меня притащил сюда из-за этого, то это было не только неловко, но так же ... Движение за пастбищем внезапно остановило мои размышления. Тильман поднял голову.

Неторопливо он повернулся ко мне и приложил палец к губам. Я поняла. И не только это - я чувствовала всеми своими органами чувств, что сейчас мне ничего нельзя было больше говорить. Где-то над нашими головами, высоко в кронах деревьев закричал сыч. Далеко, далеко ответил другой.

Коровы оставались неподвижно стоять, как будто из-за заклинания они окаменели. Только бык перед нами, самое крупное животное из всех, внезапно отвернул голову от нас, степенный, но изобилующий силой поворот, в сторону стройной, высокой тени, которая отделилась от темноты на другом конце поляны.

Тень, чьи гибкие движения уже давно запечатлелись у меня в уме и сердце. Я затаила дыхание и задрожала всем телом. Это был Колин. Вот чёрт. Это был Колин - а я сидела здесь с Тильманом в кустах и наблюдала за ним. Неужели он был тем, что Тильман хотел мне показать? Но почему?

Я посмотрела на Тильмана, но он уже больше не воспринимал меня. Всё его внимание было направлено на Колина, который пружинистым шагом пересекал пастбище, непонятными, почти как танец кругами, так, что его образ снова и снова сливался с силуэтами коров. Его волосы на затылке торчали вверх волнами и постоянно извивались, как пламя.

Его лицо светилось белым из темноты ночи. Свои руки он вытянул в стороны, как будто с помощью своих кончиков пальцев он получал послания. Послания из душ животных, которые не пугались его и не нападали. Только телята тихо мычали и прижимались ещё сильнее к своим матерям.

Потом Колин остановился прямо перед лохматым быком, всего в нескольких шагах от нас, лицом к лицу с первобытной скотиной. Он опустил голову, схватил животное за его изогнутые рога и прижался лбом ко лбу быка. Как будто принуждённый таинственной силой бык склонил голову. Я услышала тихое рычание и с содроганием поняла, что оно вырвалось из горла Колина, а не из горла быка.

С одним энергичным толчком Колин поднялся на широкую спину своей жертвы и впился своими растопыренными пальцами в густой мех. Бык приглушённо вскрикнул, короткий рёв наслаждения, прежде чем его передние ноги подогнулись, и он опустился на землю. Как будто хотя поблагодарить его и утешить, Колин провёл нежно по шее животного, в то время как, сверкая, кровь просачивалась в мокрую от росы траву.

Теперь это настигло и меня, внезапно и беспощадно, и я не могла ничего с этим сделать. Я пыталась оттолкнуть от себя образы, заблокировать их, но они неодолимо заполнили мой мозг - мычащие телята передо мной, тёплое дыхание коровы, которую я сзади зажимаю своими передними ногами, сладкая трава между моими жующими челюстями.

Колин поднял голову и вдохнул, принюхиваясь, воздух. Призрачно медленно он повернулся к нам лицом. Его глаза засветились пылающим огнём. Он увидел меня. Я схватила Тильмана грубо за плечо.

- Нам нужно убираться отсюда, быстро! Быстро!

Мой голос звучал так испуганно, что он сразу же подчинился. Пожалуйста, Колин не тронь нас, умоляла я про себя. Я ползала вперёд, прижимаясь к земле, пока мы не оставили подлесок за собой и смогли встать. Потом я побежала слепо в лес, всё равно куда, лишь бы подальше от Колина и быка, чьи блекнущие мечты всё ещё проносились у меня в голове. Несколько раз я падала на четвереньки и убеждалась при подъёме быстрым взглядом назад, что Тильман следовал за мной.

- Эли, - прохрипел он и показал на свою грудь.

- Не останавливайся! Давай! - закричала я на него и бросилась дальше. Мои ноги шагнули в пустоту. Ветки расцарапали мне лицо, когда меня понесло вперёд и я, описав большую дугу, покатилась вниз.

Защищаясь, я подняла руки, закрывая глаза, и свернулась калачиком. Ещё раз я перевернулась через голову, ещё и ещё. Потом мне между рёбер воткнулась острая ветка. Я завыла от боли. С глухим грохотом я достигла дна и внезапно верхняя часть моего тела промокла насквозь.

В панике я коснулась своей футболки. Кровь хлестала, журча, по моей коже. Ветка, должно быть, повредила артерию. Я истекаю кровью. О Боже, я истекаю кровью.

Тильман тяжело ударился о мою спину. За ним следовали камни и комья земли, которые пыльным каскадом пронеслись над нами. Но это не было больно. И дышать я тоже могла.

Застонав, я с трудом поднялась. Подо мной тихо журчало, и я была снова в состоянии различать горячее и холодное. Кровь была тёплой. Но это здесь было от силы 5 градусов.

- Слава Богу, - вздохнула я. Я быстро ощупала себя. - Тильман? С тобой всё в порядке?

Он смотрел на меня широко открытыми от паники глазами и ничего не говорил. При его дыхании раздавался храп. Снова он указал на свою грудь.

Потом он начал кашлять - кашель как будто кто-то со всей силы сдавил его лёгкие, так что в них не осталось не одного крошечного атома кислорода.

- Дерьмо, чёртово дерьмо, - выругалась я и стала искать пальцами его пульс, в то время как ухом я прижималась к его груди. Его сердце неистово билось. А дыхание звучало просто ужасно.

- Эли, - произнёс он, вспотев, и дико посмотрел на меня. - Слезь с меня!

- Где твой спрей? Куда ты его сунул?

Я залезла руками в его карманы брюк, потом в карманы его пуловера. Они были пусты. Его опять охватил приступ кашля, но ему не удавалось вдохнуть свежего воздуха.

Безжалостно я откатила его тело в сторону и осмотрела землю под ним. Снова ничего. Я окунула свои руки в ледяную воду ручья и отодвигала в сторону грязь и камни. Спрей должен быть где-то здесь. Но если он потерял его уже при падении со склона, тогда ...

- Вот, - я нащупала маленькую металлическую трубку, которая застряла под веткой. Ругаясь, я стал тащить за ветку, пока металлическая ёмкость не освободилась. Прежде чем она успела уплыть, я бросилась, проползя на животе, в ручей, выловила её и перевернула Тильмана на спину.

- Вот, и не смей мне умирать! - закричала я на него и приложила спрей к его рту. - Сейчас, - приказала я и нажала на кнопку. Дрожь прошла по его груди. Я нажала ещё раз. Пыхтя, он выдохнул. Снова вдохнул. И выдохнул.

Я легла на спину и стала смотреть наверх, на верхушки елей. Колин, если у тебя есть хоть капелька чести, то не воспользуйся этой ситуацией. Продолжая лежать, я выжила ледяную воду из своей футболки. Потом я встала и отошла на несколько шагов в сторону, чтобы Тильман мог спокойно прийти в себя.

- Что с тобой вдруг случилось? - спросил он, когда смог снова говорить, не кашляя от напряжения при этом.

Да. Что мне ему теперь сказать? Что я просто пыталась спасти наши жизни? Мы подкарауливали Колина. На охоте. Я не могла представить себе, что ему это понравилось. И я не хотела представлять себе, как реагируют Демоны Мара, если им что-то не нравиться.

Меня всё ещё преследовали видения быка, и у меня было неестественное желание вырвать зубами пучок сочной травы, которая росла под нами на лесной почве. Колин вдруг показался мне таким чужим. Таким опасным. В нём не было почти ничего человеческого.

И всё же наши мысли приблизились друг к другу, коснулись друг друга, перетекли одна в другую. Я видела и чувствовала то, что он похитил. Может быть, я даже что-то из этого забрала, хотя и не хотела - да, как будто бы вырвала у голодного хищника кусок мяса из когтей.

- Это было опасно, - сказала я пылко. Тильман снова восстановил контроль над собой.

- Может быть для него - да, - возразил он. - Боже, разве это не было удивительным родео? Обычно такое можно увидеть только в США ...

- Тильман, чёрт - это было не родео!

Он затаил дыхание. Его узкие миндалевидные глаза уставились в мои.

- Что это тогда было? Ты его знаешь, не так ли? Ты его знаешь.

Это уже был не вопрос.

- Нет, - сказала я обессилено. Это даже не было ложью. Чтобы узнать Колина, скорее всего, понадобиться несколько жизней. - Но я думаю, это не выглядело, как родео.

Тильман смотрел на меня, как будто хотел меня просветить рентгеном. Прежде чем дать ему возможность расспрашивать дальше и выпытать из меня правду, я поспешно заговорила дальше.

- Я знаю, как его зовут и что он занимается каратэ и верховой ездой. Странный человек. Но сейчас это не имеет значения. Я хочу домой. Пожалуйста, можешь отвести меня домой?

Забавляясь, Тильман ухмыльнулся.

- Об этом тебе надо было думать раньше, Эли. Я не имею представления, где мы находимся.

- Не разыгрывай меня, пожалуйста, на сегодняшнюю ночь уже достаточно ...

- Честно, Эли. Ты бежала по лесу как сумасшедшая. Я не знаю, где мы находимся. Нам нужно подождать, пока не станет светло.

- О нет, - застонала я и спрятала лицо в своих грязных руках. Бутылку с водой и печенье я оставила лежать в укрытие возле луга. Мне было холодно. С собой у меня не было ни телефона, ни часов - только слишком любопытный подросток, который думал, что Колин был особенно смелым родео-наездником. Родео ...

Если бы это было просто родео, подумала я отчаянно. Тильман засунул фонарик в разветвление между двумя ветками одного из деревьев и начал собирать ветки и хворост.

- Что ты делаешь? - спросила я. Мой голос звучал жалко, так же как я себя чувствовала. У меня ещё никогда не было истерики, но, наверное, примерно так чувствуешь себя, если находишься прямо на её грани.

- Я разожгу костёр, - ответил он спокойно.

- Костёр, - повторила я. – Костёр. Тильман, дождя уже не было много дней, а ты хочешь посреди леса разжечь костёр? Тогда можешь сразу поджечь соседнее дерево!

- Расслабься, Эли. Я знаю, как разжигают костёр без того, чтобы начался пожар в лесу. И дело пойдёт быстрее, если ты мне поможешь. Я не намерен отморозить себе здесь задницу.

Я сдалась. Он всё равно делал то, что хотел. Так что я следовала его коротким указаниям и собрала камни, которые он выложил, как защиту против пожара, вокруг тщательно наложенных друг на друга веток. Потом он разжёг дерево своей зажигалкой. Десять минут позже мы сидели возле маленького греющего костра и смотрели слезящимися глазами на огонь.

Этим костром Тильман разжёг замечательный сигнал - теперь Колину было легко найти нас и позаботится о том, чтобы мы некому не смогли рассказать, что мы видели. При каждом треске в подлеске, каждом порыве ветра, каждом шорохе в кустах я вздрагивала. Снова и снова мне приходилось останавливать свой ужасный ход мыслей, которые почти разрывали мне сердце.

Если Колин схватит нас здесь и отомстит нам, утолит свой бешеный голод нами, который я, возможно, своим участием в его хищении и разожгла, то никто никогда не узнает, что с нами случилось. Мы бы бесследно пропали. Тильман лишь смотрел на меня скептически, когда я не могла подавить случайные вздохи.

- Не так уж это и плохо, провести здесь ночь, - наконец прервал он тишину. - Мы не мерзнем, а так же не умрём с голоду.

Ты не имеешь понятия, думала я про себя. Но был крошечный шанс, что Колин не будет нам мстить.

Только ради этого шанса я проглотила всё то, что с удовольствием бы доверила кому-нибудь в эти утренние часы.

- Почему ты вообще захотел показать родео именно мне? - спросила я Тильмана, чтобы отвлечь себя от своих фантазий об убийствах. Я пододвинулась к нему немного поближе. Он успокаивающе пах табаком и мокрой травой. Сбитый с толку, он посмотрел на меня со стороны.

- Не потому, что ты мне нравишься или что-то такое, - сказал он спокойно. - Ты не в моём вкусе. Мне нравятся леди.

- Э? - сказала я в недоумении. Что происходит в его затуманенной башке?

- Ну, ты придвигаешься всё ближе и спрашиваешь меня, почему я взял тебя с собой. Недоразумения нужно сразу же предотвращать.

Костёр почти догорел. Угли озаряли Тильмана красным светом. Его глаза блестели, как рубины.

- Я не это имела в виду, - ответила я дерзко. Ещё шесть недель назад я с удовольствием причисляла себя к леди. Хотя я не оплакивала больше те усилия, которые прилагала, чтобы стать леди - это было в прошлом, но моё тщеславие было задето. Если уж сегодня ночью я должна буду умереть здесь, то мне хотелось при этом быть желанной. Тем не менее, я сдержала целый ряд ядовитых комментариев. Было не особо мудро ругаться с единственным человеком, который мог отвести меня обратно домой.

- Не волнуйся, я ничего от тебя не хочу. Но почему же тогда?

- Ну, для этого есть несколько причин. Прежде всего, с тобой можно отлично поговорить, - сказал он серьёзно. О да, и он всегда это делал обстоятельно. Я покачала, улыбаясь, головой и в тот же момент пожалела об этом. Моя шея была твёрдой, как доска.

Мы молча ждали, пока постепенно стало светлее, а лесные птицы начали свой утренний концерт. Тильман встал и основательно потянулся, пока его суставы не захрустели. Потом он выбрал узкое дерево и вскарабкался на несколько метров вверх.

Я даже не пыталась остановить его. Если хочет, пусть ломает себе шею. Несколько секунд спустя он спрыгнул и приземлился благополучно на обе ноги.

- Окей, я думаю, я знаю, где мы находимся. Идём, - сказал он после того, как тщательно затоптал костёр и покрыл его камнями.

Лихо он шёл впереди. Через несколько метров стали подниматься по крутой горе. Здесь, значит, мы сорвались вниз. Мы могли бы и погибнуть. За последним подъёмом мы натолкнулись на узкую тропу. Под нами распростёрся лес, справа от нас находилось недавно скошенное поле. Заяц сидел в одной из борозд и смотрел на нас одно мгновение неподвижно, прежде чем начать улепётывать, так что мелькали одни лишь задние ноги. Кроваво-красное солнце показалось над горизонтом.

На некоторое время мы остановились, чтобы передохнуть. Воздух был чистым и пах великолепно. Я никак не могла надышаться. Я быстро проверила свою внешность, но мало что можно было исправить. Я была покрыта царапинами сверху до низу, а мои джинсы прилипли к моим ногам.

В то время как мы сидели у костра, выпала утренняя роса и превратила мелкую пыль на нашей одежде в твёрдую глину, к которой приклеились ветки и листья. Мы выглядели как два лесных духа. Я огляделась. Теперь я тоже знала, где мы были - всего в нескольких сотнях метров от установки Кнайппа на ручье. Я, должно быть, сделала гигантский круг при побеге.

- Хорошо, Эли, - сказал Тильман. - Мне надо вернуться домой прежде, чем проснётся моя мать. Не то будет стресс. - Он протянул мне свою руку. - Чао. Было приятно.

Автоматически я протянула ему свою, хотя это прощание показалось мне немного формальным. Другие люди сейчас бы бросились друг другу на шею и поклялись бы в вечной дружбе. Но мы, пожалуй, оба были не как другие люди.

- Мне тоже, - ответила я смущённо. Приятно, вообще-то, было очень неуместным выражением для того, что со мной случилось в эту ночь. Но я знала, что он имел в виду.

- И спасибо за спрей. Кстати, для девушки ты слишком много ругаешься.

Усмехаясь, он развернулся и пошёл быстрыми шагами в сторону шоссе. Я даже не знала, где он живёт. Дома я всё встретила без изменений. Было прямо-таки устрашающе тихо. Только

часы в гостиной тихо тикали. После пятого тоста с вареньем и двух чашек кофе мои мысли снова, сами по себе обратились к Колину.

Значит, он позволил нам уйти. Может быть, он просто был сыт - так же сыт как Тесса, после того, как она напала на него, а он использовал её лень для побега. Но Колин заметил нас. И это было не хорошо.

Я подумала о его письме, об этом тревожном предложении в конце. "Меня преследуют". Если он имел в виду Тильмана - а это было вполне возможно, потому что, по-видимому, он не в первые следовал за Колином -, тогда я теперь в его глазах объединилась с преследователем, вместо того, чтобы, как он посоветовал, держаться от него подальше. Не совсем внушающее доверие действие.

Мысль о том, что Колин мне больше не доверяет, может быть, даже видел во мне врага, была угнетающей. Снова и снова на меня накатывал озноб из-за страха, как сегодня ночью. Действительно ли он насытился? Или слияние наших мыслей, то, как я увидела его улов сна, сделало его ещё только более голодным, и он теперь с наслаждением поджидал подходящий момент, чтобы удовлетворить свой голод? Мной?

А если он всё-таки смог достаточно выпить - как долго он будет оставаться сытым благодаря такому монстру-быку? Его сны были дикими и сильными. Я почувствовала это.

Я поднялась на верх, села на край ванны и открыла воду. Мой пуловер и джинсы приземлились на пол - больше я не смогу их надеть снова. Пыль добралась вплоть до моих бёдер и плеч.

Мечтательно я наблюдала, как комочки грязи, прилипшие к моему телу, растворялись в мыльной пене и расплывались маленькими, серыми облачками.

- Колин мне очень жаль, - прошептала я. Две, три горячие слезы скатились с моей грязной щеки и упали в дымящуюся воду. Я была такой усталой, что думала не смогу никогда больше подняться.

Но после того как я только что выжила ночью, я не хотела на следующее утро жалко утонуть в ванне. Когда мои руки и ноги стали уже морщинистыми я снова выбралась, застонав, из ванны - боль в мышцах вернулась - завернулась в полотенце и легла в кровать.

Напрасно я ждала, что раздастся шёпот или будет какой-нибудь другой знак, показывающий, что Колин простил меня. Мистер Икс так же не появился. Я уснула одна, в то время, как жара рябила перед закрытыми жалюзи, а страх, скрыто и невинно, только того и ждал, чтобы наконец-то стало темно.

Глава 31. Ночная вахта

Колышущиеся отрывки ткани ширмы коснулись моего разгоряченного от сна лица. Встревожено я вскочила с кровати и начала захлопывать окна. Небо было чёрным, как смоль, и дождь лил как из ведра. Он тяжело и сердито барабанил в окна.

Как долго я спала? Из-за сильного грома земля под домом задрожала. Я ещё не закрыла все окна, как снова вспомнила про Колина. Колин и его хищение сна в лесу. Часы, которые прошли с тех пор, не дали угаснуть воспоминаниям, а, совсем наоборот, только усилили их.

Тот момент, в который Колин обернулся и посмотрел на нас, повторялся в моей голове страшным бесконечным циклом. Как только Тильман мог думать, что это был трюк родео-наездника? Или всё-таки он так не думал, а хотел просто что-то из меня вытянуть?

Дрожа, я надела джинсы и футболку, но мурашки на спине не исчезли. Опять вспыхнула молния. Гром разразился через несколько секунд. Сейчас я бы всё отдала за то, чтобы мама и папа были рядом со мной. Если уж на то пошло, то даже если бы это были только Николь и Дженни. Я чувствовала себя почти как незваный гость в своём собственном доме.

Несколько часов я уже не была внизу, и теперь меня охватили красочные фантазии ужасов. Дикое сплетение из тех немногих кусочков фильмов, которые я неохотно посмотрела под диктатурой Дженни и Николь. Тильман зверски убит на ковре в гостиной с вымазанным кровью топором в спине.

Папа, который повесился на планке потолка в зимнем саду и болтается на ветру туда-сюда. Может быть, так же старик-сосед рядом, пронзённый своим же садовыми инструментом, как поучительный и уже разлагающийся пример для меня. Всё работа бледных сильных рук Колина.

Но я хотела есть. Сильно хотела есть. Я не могла провести остаток отпускной недели здесь, наверху. В принципе я была вполне уверена, что мои фантазии были абсолютной фигнёй. Но почему мне тогда казалось всё таким чужим?

Пригнувшись, я спускалась с лестницы, почти не смея ставить ноги на ступеньки. Когда на улице снова загремело, я споткнулась от испуга об одну из ступенек и ударилась голым пальцем ноги. Ругаясь, я проковыляла в кухню и нажала на выключатель. Но всё оставалось погружённым в темноту. Что-то случилось с электричеством. Значит, так же никакого радио, никакого телевизора, никакого компьютера. Ничего, что могло бы меня успокоить.

Я отыскала спички в кухонном столе и нащупала чугунный подсвечник на серванте в гостиной. Нет, никакого трупа юноши на ковре. Но свечи мерцали, а постоянно вспыхивающие молнии ничего не раскрывали, наоборот, они ещё усложняли задачу что-то рассмотреть. Я жаждала яркого искусственного света прожектора, который бы осветил каждый угол и доказал мне, что всё в порядке.

Я схватила шерстяной плед с маминого кресла для чтения и присела с поджатыми ногами на диван. Одеялом я накрыла плечи, так как всё ещё дрожала. Каждые несколько минут я протягивала руку к задней стене и нажимала на выключатель.

Но проводка не работала. Могли ли Демоны Мара так же влиять на погоду? И гроза, так сказать, была только началом? Или это всё ещё было самое нормальное лето в Вестервальде, как я дерзко говорила Николь и Дженни? Возможно, Колин был уже на пути сюда и хотел отомстить ...

Пронзительный звук телефона остановил мои несчастные мысли. Телефон. Почему телефон работал? Не трогаясь с места, я ещё раз протянула руку к задней стене и нажала на выключатель. Но темнота осталась. Как окаменевшая, я съёжилась в углу дивана.

Телефон продолжал звонить, и звон иногда смешивался с громом, который звучал, как сильно раненый зверь, который не хотел умирать и ревел, чтобы избежать смерти. Звонок

раздался десять раз. Пятнадцать. Двадцать. Потом оборвался. Кто бы это ни был - он был терпелив.

Контрольный звонок моих родителей? Если да, то мне нельзя поднимать трубку. Но если это были не родители, кому было так важно кого-то застать дома, что он звонил так долго?

Вот. Всё началось снова. Я начинала ненавидеть этот звук. Он отдавался болью у меня в ушах. Я вжалась ещё глубже в угол дивана и почувствовала, как мой голод постепенно превращается в тошноту. На этот раз это продлилось ещё дольше, пока звонящий не сдался. С тридцатого звонка я перестала считать. Не вытащить ли мне просто кабель из сети? Но это было не разумно. Может быть, он мне понадобиться, чтобы позвать на помощь, если ...

- О нет, - прошептала я.

Телефон снова звонил. Я почти желала, чтобы это были мама и папа. Это было бы так утешительно, просто услышать их голоса. Может быть, они простят меня и организуют полёт на Ибицу, так что я только должна буду взять чемоданчик в руки и ожидать такси. И потом мы втроём будем лизать итальянское мороженое, и я смогу наконец искупаться в Средиземном море.

Я зажала уши руками. Это не помогло. Звонок казался мне теперь почти громче, чем гроза, которая мчалась по деревни, как прорванная плотина. Я не могла больше выносить неопределённость. Когда следующая молния осветила комнату, я подошла к серванту и взяла трубку.

- Алло? - спросила я. Мой голос прозвучал, как голос маленькой девочки. Ничтожно слабый и совершенно одинокий. Холодная тишина обрушилась на меня. Потом я услышала глубокий, хрипящий вздох. Я оставалась стоять как вкопанная, прижимая трубку так крепко к уху, что было больно.

- Алло, кто там? - спросила я, дрожа. Молчание на другом конце линии распространялось и прерывалось лишь иногда ещё одним хриплым вздохом. Вздох, который казался очень древним.

- Кто говорит? - наконец спросил меня звонящий. Его голос потряс меня до мозга костей. Я не могла сказать, принадлежал ли он мужчине или женщине. Он был низким, чуть больше, чем хриплый шёпот, но такой могущественный, что я почувствовала себя ещё более беззащитной, чем и так уже казалась себе.

- Елизавета... - Я замолчала. Было ли разумно говорить, кто я такая? Но возможно я должна была сделать это, чтобы выяснить, что всё оказалось ошибкой. Неправильно набран номер. И ничего более. - Елизавета Штурм.

Снова молчание и хриплое дыхание несколько минут. Как только мог хрип казаться таким сильным и устрашающим? Это был не хрип больного. И всё-таки я не могла отделаться от впечатления, что звонящий находиться в бедственном положении. В душевном бедственном положении. В противном случае, я бы уже давно положила трубку. Тем не менее, мои силы подходили к концу.

Я позволила себе опуститься на пол. У меня кружилась голова. Напрасно я пыталась проглотить комок в горле, который становился всё больше.

- Я хочу поговорить с Леопольдом Фюрхтеготом.

Два удара грома я оставалась неподвижно сидеть. Трубка крепко прижата к уху. Хрип прекратился.

Фюрхтегот. Леопольд Фюрхтегот. Папино старое имя. Я бросила телефон и хотела уже вытянуть кабель из сети, как вдруг остановилась, как будто кто-то управлял мной, и я смотрела, как моя рука снова поднимает трубку.

- Вы ещё там, барышня Штурм? - Голос даже не был угрожающим. А звонящий был вежлив. Всё-таки, казалось, он слился с моей кровью, которая безжалостно стучала в моём теле.

Отчаянно я размышляла. Если я скажу, что папа находиться в Италии, тогда звонящий догадается, что я нахожусь дома одна. Если он хотел причинить мне вред, то это была подходящая возможность. Но если я скажу, что папа здесь, тогда он, наверное, тем более придёт сюда, ведь, казалось, это было срочно. А я не хотела принимать это существо в доме, как бы ни поразила меня нужда в его голосе.

Мне пришлось прикусить губу, чтобы не спросить, могу ли я чем-нибудь ему помочь.

- Его здесь нет, - сказала я наконец. Я удивилась, как твёрдо прозвучал мой голос. - Он в Италии.

Снова молчание. У этого человека было удивительно много времени, учитывая тот факт, что его дело было таким срочным. Бесконечно много времени. Я ждала, затаив дыхание, в то время как на линии иногда трещало. Гром грозы удалялся, но небо осталось сумрачным. Я быстро взглянула на улицу.

Тучи опустились так низко, что я не могла больше видеть холмы, окружающие наш дом. Даже просёлочная дорога исчезла в тумане. Дождь всё ещё лил как из ведра.

- В Италии ..., - прервал его шёпот треск. Я кивнула. Мне не нужно было говорить. Было чувство, будто он находился у меня в голове и рылся во время своего долгого молчания в моих мыслях. Если бы он не назвал папино старое имя, я бы была уверенна, что это один из его сумасшедших пациентов.

Но с того времени, как папа начал руководить клиникой, звонки пациентов стали редкими. Но прежде всего, врачебной практикой он с моего рождения занимался под именем Штурм. Или это был пациент из прошлого и у него был снова рецидив? Нет, этого не могло быть.

Папа тогда ещё не работал психотерапевтом.

- Ладно, - услышала я, как сказал звонящий. Потом громко затрещало, связь оборвалась, и как раз к освобождающему длинному гудку в трубке включился снова свет. Я сощурилась и положила телефон на сервант. Мне был нужен кислород. Быстро. Я бросилась к окну и открыла форточку.

Открывать его полностью казалось мне слишком рискованным. Но у меня было такое чувство, что я сейчас задохнусь. Прохладный воздух грозы задул внутрь. Я глубоко его вдохнула.

- Слава Богу, - вздохнула я и быстро огляделась. Я нигде не обнаружила ни отделённых частей тела, ни гигантских пауков, ни повешенных членов семьи. И я ещё никогда так не радовалась при виде маминого ящика с принадлежностями для шитья, как сейчас. Он выглядел таким безобидным и мирным. Задумчиво я провела пальцами по разрисованному дереву. Еще бабушка использовала этот ящик.

Бабушка, подумала я. Бабушкин сундук. Звонящий - он имел дело с папиной дополнительной работой в вопросе о Демонах Мара? Этой работы, о которой Колин мне уже вообще-то давно хотел рассказать? Мне нужно будет ещё раз спуститься вниз в подвал. Вероятность того, что я смогу открыть сейф, была очень маленькой, но я не хотела оставлять это непроверенным. В конце концов, сейчас у меня было много времени.

Прежде чем спуститься вниз по лестнице, я коротко осмотрела стены и потолок. Огромное количество паутины тревожило, но её жителей я не обнаружила. Скорее всего, они спрятались в щелях стен. Главное, чтобы они не упали мне за шиворот. Я спустилась вниз и как раз включила качающеюся лампочку, когда стало так светло, что мне пришлось прикрыть глаза рукой.

Гром загремел в то же время. С пронзительным треском лампочка взорвалась, и осколки упали мне на голову и голые предплечья. Пахло гарью, но в темноте я не могла различить ни пламени, ни искр.

Я ощупью пробралась назад в коридор, но и здесь был глубокий мрак. Тяжело дыша, я подождала, пока смогла различать очертания комнаты. Что это было? - подумала я между тем уже скорее сердито, чем со страхом. Заблудившаяся микро-гроза? Потому что снова сверкнула молния, но гром не торопился греметь. Издалека доносилась сирена пожарной службы - хотя и вдалеке, но приятный шум цивилизации. Вероятно затопленной подвал или удар молнии. Здесь, во всяком случае, ничего не горело, а так же было сухо.

Не став искать фонарик, я вернулась назад в подвальное помещение и подошла к сундуку. Слепо я протянула руку, чтобы выловить кодовый замок. Но к моему удивлению сундук стоял широко распахнутый и пустой. Сейфа в нём больше не было.

Теперь я всё-таки стала искать фонарик. Сейф исчез? Папа перенёс его в другое место? Или, может, взял с собой в отпуск? Но почему? Ведь он, очевидно, был уверен, что я поеду вместе с Дженни и Николь на Ибицу. Принятие желаемого за действительное, папа, подумала я с горечью. Наконец я нашла фонарик и тщательно обыскала комнату. Нет, никакого сейфа. И в комнате для стирки тоже. В котельной так же ничего.

Я ничего не ожидала найти наверху. Тем не менее, я осветила ещё раз мамину и папину спальню. Они оставили её в образцовом порядке. На покрывале на кровати не было ни одной складки. Все выдвижные ящики задвинуты, шкафы закрыты. Пол безупречно чистый.

Я казалась себе нарушителем спокойствия, когда села на кровать и взяла с маминой прикроватной тумбочки фотографию. Свадебная фотография моих родителей. Папа перед нападением на него ... Уже тогда его глаза светились, а волосы были длиннее, чем у большинства мужчин. Он уже в то время был кем угодно, но только не посредственным, подумала я.

Но и мама тоже. Её коричневые кудри спускались до спины, и она отказалась от макияжа – ничего, кроме, естественного загара на её круглом лице. Это ей очень шло. Свадебное платье идеально ей подходило. Наверняка она сама его сшила.

Я почувствовала себя виноватой при мысли о том, что я в один момент запретила ей продолжать шить для меня одежду. Мне было стыдно, что мои футболки и штаны никогда не украшали бредовые этикетки. Из-за этого меня часто дразнили. При том, что эти вещи существовали в единственном экземпляре, в то время как другие, толпами бегали в одинаковых левис.

Трепетно я поставила фотографию на место. Ночь опустилась на деревню. Не работали даже уличные фонари. На небе не было ни луны, ни звёзд. Я смотрела, тяжело дыша, на всё темнее становящийся мир перед окном. Если бы здесь был хотя бы Мистер Икс. Его тёплое, пушистое тело у меня на коленях - и уже я почувствовала бы себя намного лучше.

Из гостиной послышался приглушённый удар, как будто что-то тяжёлое плюхнулось на пол. Может, это был Мистер Икс? Неужели этот ублюдок действительно пролез через форточку? Я поспешила по коридору. Но это был не чёрный кот. Это был камень, который почти осуждающе лежал посередине ковра. Плоский кирпич, к которому кто-то привязал карту.

- Нет, - прошептала я. Тихо всхлипывая, я развязала нитку, хотя уже догадывалась, что меня ожидало.

Тем не менее, мои щёки сильно вспыхнули, когда я перевернула карту. Она показалась мне гораздо страшнее, чем первая. Изображение состояло только из кривых, головокружительно высоких и падающих друг на друга башен, окрашенных мешаниной органических красок - оранжевых тонов, как будто художник погрузил свою кисть в кровь. Теперь мне действовали на нервы свои собственные истерические рыдания.

Я встала на подоконник и смотрела в черноту ночи.

- Я больше не нахожу это смешным! - закричала я громко. Не раздались ли там шаги? Но когда я открыла дверь - как владелец замка с тяжёлым подсвечником в руках - передо мной

лежала пустая, залитая дождём улица, и я слышала только булькающий звук переполненной канализации.

Я заперла дверь, повернув ключ два раза, и задвинула щеколду. Это было всё, что я могла сделать, и мне нужно было срочно что-то поесть, чтобы восстановить силы. Но прошло какое-то время, пока я набралась смелости, чтобы открыть холодильник и сделать бутерброд из одного куска тоста с небольшим количеством сыра и салями.

В прошедшую ночь, перед тем как умереть, мне хотелось быть желанной. В эту ночь хотелось быть сытой. Откусывая без аппетита, я присела на диван, и чем дольше я сидела, не шевелясь, тем больше становился страх перед другими комнатами дома. Перед тем, что было на улице, в кромешной темноте ночи без луны и звёзд.

Я думала, что если только немного сдвинусь в сторону или встану, то случиться снова что-то плохое. Если я ничего не буду делать, то выживу. Мои мышцы начало сводить судорогой, но я оставалась сидеть, пока наконец не начало рассветать. Около пяти утра в коридоре загорелся свет, а холодильник начал гудеть.

Замечательная мелодия. Стало ещё лучше, когда я увидела на улице, живущего по диагонали напротив, нашего соседа. Как он разносит газеты. Это было просто великолепно, когда нам в почтовый ящик забросили что-то вполне нормальное, а не ужасные судьбоносные карты.

Потом исчезающие облака на востоке окрасились в ярко розовый цвет, а я обмотала одеяло вокруг ног, живота и плеч, опустила свою утомлённую голову на подушку и отдалась наконец сну, который уже несколько часов изматывал меня. Я всё ещё была жива.

Глава 32. Дала волю рукам

Осторожно я закрыла за собой входную дверь. Был ранний вечер, я была жива, сыта, а перед моими глазами разворачивалась прямо таки безвкусная идиллия летнего дня. Весь день дул неизменный ветер, то прохладный, то ласково тёплый и приводил всё в движение.

Листья дуба шелестели, а цветы пастельных тонов летали в воздухе душистыми облаками. Раньше в Оденвальде в такие летние дни мы собирали сумку для пикника и ехали к вырытому озеру, где часами плескались на мелководье, а потом набивали живот соком Капри-зонне и бабушкиными пирогами.

Но я была на пути к Колину и не знала, что меня ожидает. Пока он не показывался, и, по крайней мере, целых полтора дня он не мстил. Поэтому у меня была обоснованная надежда, что со мной, скорее всего, ничего не случится.

Но это всё-таки была только надежда. И поэтому я только что седела полчаса перед пустым листком бумаги за столом, со слезами на глазах, и ломала себе голову, какое сообщение я могла бы оставить родителям. Но не зависимо от того, как я формулировала предложения и какие приводила доказательства и как их обосновывала - я не нашла подходящих слов. Для такой ситуации их не существовало.

В конце концов, я решила, что должна просто выжить. Защититься я не могла. Колин был олицетворением провалов связи, поэтому мне даже не нужно было брать с собой мобильный. Оружия у меня не было - не говоря уже о том, что Колин намного превосходил меня во всём, что бы я ни делала. Вероятно, я могла его продырявить, как решето, выстрелами, а он будет всё ещё небрежно ухмыляться и стоять напротив.

Поэтому существовал только один способ, а именно: верить в то, что выживешь. В то, что я могла с ним поговорить. Что он выслушает меня. Я цеплялась за эти мысли. И из-за того, что были только эти мысли, которые могли защитить меня, я с собой ничего не взяла, кроме помады Лабелло и проклятых карт Таро. В подходящий момент я хотела противостоять ему ими.

Деревня спокойно дремала на летней жаре, когда я отправилась в путь. Я была отдохнувшей. Я долго спала, а потом напрасно ждала появления Мистера Икс. То, что он больше не появлялся, раздражало меня, потому что теперь я считала Мистера Икс чем-то вроде духовного посланника от Колина. И если Мистер Икс не приходил, то между Колином и мной было что-то не ладно. Иначе и быть не могло. Поэтому мне нельзя было терять время зря. Я ускорила свой шаг, как только достигла леса.

Солнце просвечивало через качающиеся кроны деревьев, и на мягкой глинистой почве блестели солнечные зайчики. Везде вокруг меня шептал ветер. Воздух струился почти как вода вдоль моей кожи.

Чем ближе я подходила к жилищу Колина, тем больше росло моё беспокойство в сердце. Если я думала о нём, то это отдавалось толчком в животе, и на короткое время я не могла нормально дышать. Когда перед моим взором из тёмной зелени леса стала проглядывать покрытая гравием подъездная дорога, то начало так же покалывать и моё лицо, а от тошноты у меня так закружилась голова, что мне пришлось сесть. Ещё раз в уме я произнесла свои извинения.

«Колин, мне очень жаль, что мы наблюдали за тобой. Я не знала, что он хотел показать мне именно это. Я не имела никакого понятия. Я только сопровождала его».

Ах, Боже мой! Это звучало так неубедительно. Слишком неубедительно для тайного наблюдения за хищением снов. Но это так было. Я встала и сжала руки в кулаки. Сейчас, сказала я сама себе, выясни правду.

Снова я выскользнула из своей обуви и прошла по двору босиком. Я воздержалась от того, чтобы закричать «привет» или другое приветствие, когда оказалась перед домом. Если

Колин был здесь, он уже давно меня заметил. Входная дверь была приоткрыта. Я открыла её немного больше и просунула голову в образовавшуюся щель.

Передо мной молчаливо появились кухня и гостиная. Я бросила взгляд на потолок и почти разочаровалась, когда обнаружила, что Колин не медитировал, повиснув к нему спиной. Это был самый обычный, отштукатуренный белым потолок, прерываемый лишь тёмными, деревянными балками

Нет. Здесь никого не было. Тихо я вошла в дом и направилась к лестнице. Дверь ванной была тоже открытой и осчастливила меня уже тогда, когда я на половину поднялась по лестнице. Я заглянула в прекрасно оборудованное святилище гигиены. Если меня не обманывал мой нос, то здесь совсем недавно тёплая вода смешивалась с мылом.

Я прошла последние несколько ступенек на верхний этаж и огляделась. Было, кроме ванной, ещё две двери, одна справа и одна слева. Обе были закрыты. Даже если бы я захотела позвать Колина - у меня не было для этого голоса. Я была так взволнована, что даже забыла дышать и снова и снова инстинктивно задерживала воздух, так что перед глазами кружились чёрные точки.

Я выбрала левую дверь. Прохладная ручка поместилась в моей горячей, вспотевшей руке. Я отпустила её, тщательно вытерла ладони о джинсы, пока они не стали сухими. Потом медленно нажала на ручку.

К моему облегчению она не заскрипела. Дверь бесшумно открылась. Передо мной открылась большая комната, пол которой был покрыт тяжёлыми старинными деревянными досками, и с окном от пола до потолка. Оно было открыто. Тёплый, пахнущий смолой ветерок ласкал моё лицо. Рядом с окном стояла широкая кровать, накрытая тёмно-красным бархатным покрывалом, чья бахрома доставала до пола.

Четыре кошки - я подсчитала, да, их было четыре - расположились аккуратно вокруг тела Колина. Мистер Икс свисал лениво с его живота и просунул свою толстую голову под подмышку Колина. Возле его правого плеча свернулся клубком серо-белый котёнок. У подножия спали одна рыжая в полоску, другая серая в полоску кошки. Рыжая перевернулась на спину и выглядела так, как будто напилась.

Это была картина восторженного отдыха и сонного блаженства. Мой страх отступил, казалось, я сбросила со своих плеч груз тяжестью в тонну. Потому что даже Колин имел что-то похожее на сон. Если бы он мне не написал, что сон - это не для него, я бы решила, что он безвольно отдался ему. Даже ребёнок не дремал так мирно.

Он лежал на спине, небрежно раскинув руки, правая нога вытянута, левая слегка согнута. Его мятежные волосы выделялись тёмным цветом на светло-серой подушке, которую он подложил себе под затылок. Мне пришлось проверить еще раз, пока я не убедилась, что не ошиблась - нет, это была не галлюцинация: даже сейчас кончики его волос шевелились очень медленно, почти как в замедленной съёмке, туда-сюда. В остальном Колин был чистая неподвижность.

На цыпочках я подошла ближе. Боже, каким этот мужчина был красивым. Так как перед окном росли густые деревья, в комнату не проникали прямые лучи солнца. Но яркости света хватало, чтобы нарисовать медные пряди в волосах Колина и заставить танцевать рыжие веснушки на его лице. Я могла наблюдать, как они становились бледнее одновременно с ленивым закатом вечернего солнца. Его длинные изогнутые ресницы были уже тёмными.

В течение нескольких минут я стояла рядом с кроватью и задумчиво смотрела на этот натюрморт. Хотя мои глаза не могли вдоволь насмотреться, ситуация меня беспокоила. Был ли Колин действительно здесь? Не считая волос, его тело не пошевелилось даже на миллиметр.

Не производя шума, я положила карты на пол и осторожно присела на край кровати. Мистер Икс открыл один глаз и коротко моргнул. Потом он глубоко вздохнул и засунул свою голову ещё глубже под подмышку Колина. Колин, напротив, не шевелился.

Я озабоченно уставилась на его грудь. Его рубашка снова была распахнута. Я увидела, что не хватало двух пуговиц. А под ней не было надето ровно ничего. Нет, его грудь не вздымалась и не опускалась. Я забыла про сдержанность и склонила голову, чтобы приложить своё ухо к его груди. Сразу же я услышала пульсирующий, энергетический рокот. Где же было сердце? Ведь у него должно быть сердце.

Тем не менее, это тело здесь было живым. Сам же Колин, по-видимому, отсутствовал. Потому что самое позднее теперь, он должен был отреагировать. Вероятно, он отдалился от своего тела и использовал невесомость, чтобы... Да, для чего? Чтобы невидимым охотится в лесу и похищать сны?

Я посмотрела на отпечаток копыта ниже пупка, туда, куда перешла моя боль. У Колина не было ни грамма лишнего жира на рёбрах. Вот значит, как выглядит пресс на животе, установила я задумчиво. Маленький, скромный, рельефный пресс. Не горы мышц. Нет, они были натренированны не искусственным способом. Они развились сами по себе на протяжении лет, на протяжении многих, многих лет. Кожа, белая и бархатистая, обтягивала нежные выпуклости.

Я подула слегка на воротник его рубашки, так, что вылинявшая от стирки тонкая ткань скользнула в сторону и грудь Колина открылась ещё больше. Элегантно выделялись его ключицы, а по мускулистым плечам можно было увидеть, что Колин иногда выполнял тяжёлую работу.

Но у него не было ни одного волоска на груди. Губами я прикоснулась к его коже. Она была прохладной, и мне это понравилось. Как это могло быть - такие густые шевелящиеся волосы на голове и совершенно без волос мужское тело? Может, он бреется, как это делали некоторые из моих одноклассников в Кёльне?

Я сдвинулась ближе к ногам и приподняла штанины вверх. Ой, чёрт. И здесь никаких волос. Как и я, он был босиком. Критически я задержала дыхание. С Николь и Дженни я почти каждую неделю была в сауне. Не позже, чем после третьего посещения у меня уже не было никаких иллюзий по поводу физического строения среднего немецкого мужчины и их самой большой слабостью было, несомненно, то, что они не ухаживали за своими ногами.

Поэтому я хорошо подумала, действительно ли я хочу более внимательно рассмотреть ноги Колина. Ведь у Тессы на тыльной поверхности стоп были не только волосы, но и целый мех. Но моё любопытство взяло верх. Это были ноги молодого бога. Прямые длинные пальцы, чистая бархатистая кожа и ступни, которые были созданы для бега. Я снова сдвинулась вверх, к его груди и проверила его лицо.

Он всё ещё лежал точно так же, как до этого. Его рот ... такой расслабленный и спокойный. Застенчиво я провела кончиками пальцев по его щеке. Я не почувствовала никакой щетины. Так же и на груди – ничего, кроме шелковистой кожи.

Но на одном месте у каждого парня вырастали волосы, по крайней мере, можно было увидеть их след. А передо мной лежало только тело Колина, неподвижное и необитаемое. Его дух был далеко-далеко. Со мной ничего не могло случиться. Кончиком пальца я приподняла пояс на штанах и заглянула внутрь.

- Не волнуйся, у меня всё на месте, где и должно быть.

Я отпрянула и зацепилась рукавом за тяжёлую пряжку Колина. Истерически я дёргала за нее, пока наконец не смогла освободиться. Я потеряла равновесие и, опрокинувшись назад, свалилась грубо на пол.

На коленях я хотела проползти до двери, но рука Колина поймала меня за пояс моих джинсов прежде, чем я смогла сбежать. Нежным рывком он затянул меня обратно на кровать. Уголки его губ приподнялись вверх, а его зелёно-коричневые блестящие глаза искрились весельем.

- Я... э-э ...

Моё лицо должно быть пылало. Мне было так жарко, что мои мысли стали расплываться. Моё сердце превратилось в раскалённую лаву. Как я только могла его ощупывать? Сначала тайно за ним наблюдала, потом тайно облапала. Я вскочила, но он снова притянул меня к себе вниз, прежде чем я даже смогла полностью встать. Второй раз я плюхнулась рядом с ним на кровать. Поспешно я начала говорить.

- То, что случилось в лесу, Колин, я не хотела этого, честно, я не знала, что он задумал, мне очень жаль. А вот это... Ах. Ты неправильно понял. Забавляясь, он поднял брови вверх и положил одну руку под голову. Другой рукой он всё ещё удерживал меня за шлёвку на поясе штанов. Я оказалась в ловушке.

- Разве нет? - спросил он спокойно, и лава в моём сердце решила спонтанно извергнуться наружу.

- Я не такая, - воскликнула я отчаянно. - Я только хотела посмотреть есть ... ну ...

Да, что я действительно хотела посмотреть? Есть ли у него волосы ниже пупка? А именно, значительно ниже пупка?

- Я бы хотела знать, что ты используешь для удаления волос, потому что мне тоже это нужно, - наконец вызывающе произнесла я. По крайней мере, это было не совсем ложью.

Колин, засмеявшись, откинул голову назад. Одна прядь его волос обернулась весело вокруг угла подушки. Недовольно Мистер Икс уставился на Колина. Но потребовалось время, пока тот успокоился. В это время я неизменно сидела, красная, как рак, рядом с ним и, в конце концов, решительно схватила края его рубашки, чтобы положить конец ослепляющей наготе.

- Так, - сказала я и застегнула то, что было возможно. Этого было не так много. - Порядок в одежде восстановлен.

Колин снова начал смеяться, но смотрел мне при этом прямо в глаза. Великолепно, что он так забавлялся. Мне же, в любом случае, нужно было проследить за тем, чтобы снова начать потихоньку дышать. В противном случае, ему придётся здесь же возвращать меня к жизни. Но теперь его смех утих. Его лицо омрачилось.

- Никакого крема для депиляции. Мне всё дано природой. Кто этот рыжий мальчик? - спросил он внезапно и выпрямился.

- Ты рассержен? - Прежде чем я расскажу ему больше о Тильмане, я хотела убедиться, что мне не грозит никакая опасность.

- Нет. Но я был удивлен. Это точно.

Удивление - это нормально. Из-за удивления никто никого не убивал. Я с облегчением вздохнула.

- Но почему тогда Мистер Икс больше не приходил ко мне? После того, как он вдруг больше не стал появляться, я была уверена, что ты разозлился на меня ...

Как будто узнав своё имя, Мистер Икс сел и выгнул спину. Он выглядел разбитым. Колин посмотрел на него с сочувствием.

- Мне пришлось кастрировать бедолагу. Он начал помечать мой старинный комод. Я не хотел этого делать, но я привязан к комоду.

Мистер Икс тяжело поднялся и пошёл, качаясь, как пьяный матрос, по кровати. Обиженно он спрятался за комод.

– Наркоз ещё не совсем прошёл. Поэтому мы решили немного отдохнуть.

– Отдохнуть ..., – повторила я. – Ты был только что... Ты был всё это время здесь?

– А где же мне еще быть? – спросил Колин с усмешкой.

– Ну, ты сказал, что можешь отдаляться от себя, – защищалась я.

– Но ведь не тогда, когда неожиданно начинают осматривать твоё тело, - его улыбка стала ещё шире.

- Вернёмся назад к проблеме, – обратилась я поспешно к ключевому вопросу. – Тильман.

Колин тихо засмеялся, но я не позволила отвлечь себя.

– Маленького парня зовут Тильман. Он учиться со мной в одной школе. Я один раз помогла ему, и с тех пор мы время от времени разговариваем друг с другом. Он не такой, как другие. Я думаю, он в порядке. Только очень... Не знаю, как сказать. Наверное, он любит опасность.

Колин посмотрел на меня задумчиво. - Он преследует меня, – сказал он. – Уже какое-то время. Я боюсь, что он находит меня интересным.

Действительно. Таким интересным, что ночью он сбегает из дома и бродит часами по лесу.

- Да, у меня сложилось такое же впечатление, – пробормотала я. – Но почему ты нас заметил не сразу? Ты ведь обычно всё сразу замечаешь, – съязвила я.

Колин бросил на меня строгий взгляд.

– Я охочусь только тогда, когда уже больше не могу терпеть голод. И тогда я сосредотачиваюсь на своих жертвах. На животных. Хотя я и почувствовал, что там кто-то есть. Но если бы я обратил своё внимание на вас - это могло бы плохо кончиться. Для вас, не для меня.

Мой пульс участился. При всём уважении аскетического образа жизни Колина и его ограничении на снах и мечтах животных, но побочные действия могут быть фатальными.

– Ты должна остановить его, Эли. Придумай что-нибудь. Ему нельзя приближаться ко мне. Это слишком опасно.

- Для тебя или для него? – спросила я сурово и хотела отодвинуться от него. Но его палец всё ещё был зацеплен за пояс моих штанов. Я вполне могла себе представить, что у Тильмана были захватывающие сны. Мне иногда казалось, что его голова набита ими до отказа.

- Для всех нас, – ответил он серьёзно. – Так же и для меня.

Зелёный цвет исчез из его глаз. В них возвратилась их сверкающая чернота.

– Пожалуйста, останови его.

– Хорошо, - согласилась я, действительно не понимая, почему Тильман должен представлять для нас угрозу. Казалось, Колин угадал мои мысли.

- Чем меньше общество людей, тем безопаснее для нас. Тебя, по-видимому, я не могу остановить. Но его ещё можно.

– Я бы не была в этом так уверенна, – ответила я. Я не могла отказать Колину в его просьбе. Но Тильман тоже стал для меня кем-то вроде друга. Мысль о том, чтобы как чудовище запрещать что-то ему, не нравилась мне.

- Хорошо, я попробую, – пообещала я Колину неохотно.

– Спасибо, – сказал он и посмотрел на меня с улыбкой в глазах. С улыбкой и в то же время грустно. Он вытащил свой палец из шлёвки пояса моих штанов и провёл им по лбу. - Неужели нужно было так бояться? – спросил он. – Ты действительно думала, что я тебе что-нибудь сделаю?

Я опустила глаза. Да, я так думала. Это было бы логично. Но теперь, когда я сидела рядом с ним, страх затаился. Может быть, даже рассеялся.

И всё же. Было ещё кое-что, что занимало мои мысли. Это было связано с моим сновидением о Колине, которое, собственно, я никогда не хотела упоминать. И сейчас я тоже не сделаю этого. Я смущённо возилась со швами на моих штанах. Эта тема, казалось, была личной. По крайней мере, я так чувствовала.

- Когда ты похищал сны быка, при этом шла кровь. Не так ли? И когда Тесса захотела изменить тебя, тоже. У моего отца вся спина полна шрамов. И ... - Я стала ждать.

– И? – спросил он с весёлыми искрами в глазах.

– Зачем? Ты ведь говорил, что существует что-то более важное, чем кровь. Кроме того, если Демоны Мара при похищении снов впиваются когтями в кожу, то атакованные люди должны ведь просыпаться. А мой папа сказал, что они этого не делают.

- Ну, ладно, – ответил Колин неохотно после некоторого размышления. – Как я уже говорил, я был сильно голоден, когда атаковал быка. Очень сильно голоден. И я взял немного больше, чем обычно. От его души. Но на самом деле кровь идет только тогда, когда должна быть завершена метаморфоза. Поэтому, кстати сказать, это называется так же крещением кровью. Разумно, не так ли? – закончил он иронически.

- Извини, пожалуйста. У меня нет большого опыта с Демонами Мара, – проворчала я. – Но как действует кровь?

– О, Эли, – застонал Колин и сдул со лба несколько прядей волос. – Напиши об этом диссертацию. Здесь речь идёт вовсе не о крови, а скорее о боли. Боль открывает душу. Кроме того, определённая потеря крови ослабляет. Это может помочь. Всё остальное - магия. Всё так. Я ничего не выдумал.

– Хм, – сказала я мрачно и встряхнулась. – Для начала мне этого достаточно. И потом ещё эти зловещие карты Таро ...

- Карты Таро? - Колин нахмурился. Это выглядело правдоподобно.

Я подобрала их с деревянного пола и отдала ему. Кончики наших пальцев на мгновение коснулись друг друга. Он рассматривал карты задумчиво.

– Лунная карта и карта Башен. Откуда они у тебя?

– Одну просунули под дверь. Другую забросили в окно.

Колин какое-то время размышлял.

- Я думаю, кто-то хочет тебя предупредить. И должна прейти ещё одна карта. В Таро, как правило, вытягивают три решающие карты. Одна для прошлого, одна для настоящего, одна для будущего. И её до сих пор не хватает. Устрой засаду.

Фантастика. Ещё одна задача. Да, это была расслабляющая, первая неделя каникул. В то время как Дженни и Николь загорали на солнце юга на Ибице, я должна была остановить любящего опасность подростка и устроить засаду в собственных четырёх стенах. – Они не твои, не так ли? - спросила я.

- У меня другие методы, если я хочу кому-то что-то сообщить, - ответил Колин многозначительно. О да, они у него были. - Что с Бенни? Ты в последние дни виделась с ним?

- Бенни? - спросила я в замешательстве. – Да, Бенни спокойный и добродушный. Он никому не причинит вреда.

- По крайней мере, не намеренно, - сказал Колин язвительно. - Бенни суёт свой нос везде и особенно в те вещи, которые его не касаются. Он хочет с каждым познакомиться и обо всех всё знать. Он старается быть полезным, но из-за этого он более опасен, чем ты думаешь. Никогда не давай ему слишком много информации о себе. Скрывай от него то, что ты меня знаешь. Если он нас разоблачил, то у нас появилась проблема.

Я вздохнула ещё раз, не от облегчения, а потому, что загадки и задачи начинали уже сейчас отягощать меня. А Колин не так уж и ошибся. Бенни заметил его. Бенни даже хотел защитить меня от него.

- Было кое-что ещё. Кто-то позвонил. И это было странно, - рассказывала я дальше. - Он хотел поговорить с моим отцом и назвал его старое имя. Леопольд Фюрхтегот. - Постепенно становилось неудобно сидеть на краю кровати. Я попыталась не заметно поудобнее устроиться и ослабить давление на онемевший зад, но так чтобы не сидеть при этом скрюченной и горбатой.

- Иди сюда, - сказал Колин и расправил свою левую руку.

Неуверенно я посмотрела на него. Он показал подбородком в сторону. Я правильно поняла его?

- Второго приглашения не будет.

Ладно. Я продвинулась к изголовью кровати и облокотилась на его прохладное плечо. Это было замечательно, но мешало думать. Его рука свободно лежала на моей талии. Теперь я

снова заметила пульсирующий рокот в его теле. Мои мысли перепутались, когда моя щека скользнула на его грудь.

- Давай поговорим об этом позже, - предложил Колин. - Это такой прекрасный вечер.

- Хм, - сказала я лениво. - Но потом точно, - добавила я, не сильно настаивая. Я бы предпочла остаток короткой недели каникул, которую мне предстояло провести дома одной, остаться здесь. Здесь, на неудобной груди Колина и нигде больше.

- Хочешь коснуться меня, когда моя кожа становиться тёплой?

Ах. Что это был за вопрос? Я невольно напряглась

- Мне нравится и прохладная, - пробормотала я.

Живот Колина задрожал. Ублюдок смеялся надо мной.

- Я не это имел в виду, - сказал он. Он улыбался. Снова в моём сердце произошло не большое извержение вулкана. Колин повернулся, чтобы можно было посмотреть на меня. И он делал это так основательно, как будто читал мои мысли. Сначала я хотела избежать этого взгляда, но потом встретила его.

Я чувствовала себя, как утопающая. Как бы мне удержаться, чтобы ни утонуть? Нет, эту деликатную тему, о которой я не любила говорить даже с Дженни и Николь, лучше затрону я сама, а не буду ждать, пока это сделает он. Я хотела снова управлять ситуацией.

- У меня, конечно, есть опыт, - начала я сдержанно.

- Я в этом не сомневаюсь, - сказал Колин стараясь принять соответствующее выражение лица. Уголки его губ предательски дрожали. Я ударила его кулаком в бок.

- И он был не такой поразительный, чтобы мне захотелось обязательно повторить его.

Да, правильно сказала. Это не было ложью. О последствиях этой сексуальной экскурсии я не хотела сейчас думать.

Так же и о других обжиманиях, которые я сама затеяла, и которые мне пришлось вытерпеть, чтобы можно было иметь своё мнение по этому поводу и покончить с определёнными вещами. Но если смотреть на эту ситуацию эмоционально, то я считала себя девственницей, хотя с медицинской точки зрения не была уже ею.

- А ты? - спросила я прямо, прежде чем Колин смог сокрушительно прокомментировать мои слова.

- Эли, мне 158 лет. Ты ведь не веришь в то, что я 158 лет шествую по истории девственником? Я не святой.

Я подумала о Тессе. На один момент меня пронзила ревность так сильно, что я разозлилась. Если Колин это и заметил, то ничего не высказал по этому поводу, а равнодушно продолжил говорить дальше.

- Одно я могу тебе сказать точно: с десятилетиями эти вещи немного теряют своё очарование. Если я сплю с обыкновенной человеческой женщиной, это не интересно. Делаю я это с существом, которое ... - Он замолчал, задумавшись. - В любом случае, это может быть опасно, - закончил он.

- А разве с тобой можно что-то делать, что было бы не опасно? - спросила я язвительно. С темой любовь, секс и нежности на данный момент было покончено. Колин занимался этим, но его это больше не привлекало. С человеческими женщинами это было не интересно. Классные предпосылки для меня, чтобы умереть эмоциональной девственницей.

Я уже сейчас не могла представить себе, что когда-нибудь найти другого мужчину, который был бы таким же привлекательным, как он. У других мужчин на теле были волосы. И кому это могло нравиться?

- И вот мы снова возвращаемся к теме тёплая кожа, - сказал Колин с удовлетворением. – Да, есть не опасные вещи. Пойдём. Мы прокатимся верхом.

Он встал и засунул голые ноги в свои гниющие сапоги.

- Что мы сделаем? - Я тоже вскочила. - О нет, мы никуда не поедем. Ты точно знаешь, что я боюсь Луиса, и ...

- Существует ли что-то, чего ты не боишься? - передразнил он меня, ухмыляясь. Беспечно он толкал меня перед собой вниз по лестнице. Покатаемся вместе верхом. Разве не хватало того, что мне нужно будет ночью устроить засаду, что я претерпела смертельный страх и ответила на странные звонки с хрипом?

- Сегодня я ещё не выводил Луиса. Ему нужно размяться.

Колин взял уздечку с крючка и вышел на улицу. Солнце ещё не полностью село, и как только его исчезающие лучи коснулись Колина, отдельные пряди волос окрасились в рыжий цвет. Так же и веснушки вернулись на его лицо.

- Нельзя мне просто бежать рядом? - спросила я жалобно.

- Конечно же нет. А если бы ты смогла, то тебе срочно нужно записываться на следующие Олимпийские игры. Не мудри. - Он взял меня за руку и потащил за собой за дом, где ему на встречу прибежал Луис. Я пыталась вырваться из хватки Колина. Но всё было бесполезно.

Босая, какой я была, я даже не могла подумать о том, чтобы пнуть его. Колин повернулся ко мне и посмотрел мне прямо в глаза.

- Моя дорогая Эли, бояться близости - это одно дело. Но здесь всего лишь лошадь. Которая сама тебя боится. У него нет никакого интереса, чтобы причинить тебе вред, до тех пор, пока ты ничего ему не сделаешь. Всё так просто.

- Ха-ха, - прорычала я расстроено. Кто бы говорил, что всё так просто. - Кроме того, я не твоя дорогая Эли.

Колину пришлось отпустить меня, чтобы надеть на Луиса уздечку. Седло, по-видимому, было для него лишним атрибутом. Я воспользовалась короткой свободой и побежала через двор к лесной тропинке, которая приведёт меня домой. Пешком, и никак по-другому, как бы я не тосковала по телу Колина. Я услышала, как он прошептал несколько слов на этом чужом певучем языке, который он уже один раз использовал, когда рассердился на меня. Но теперь его слова звучали не раздраженно, а нетерпеливо и ласково одновременно. Он говорил с Луисом или слова относились ко мне?

Я ещё даже не достигла железных ворот, как почувствовала горячее дыхание Луиса на своём напряжённом затылке. Колин легко подобрал меня с дороги, чтобы посадить перед собой на лошадь. Небрежно он схватил меня за правую ногу и перекинул её на другую сторону трепещущей гривы. Луис нервно мотал головой туда-сюда. Колин остановил его и вздохнул.

- Доверься мне, Эли. И не будь такой напряжённой. Это не понравится никакой лошади. Из-за тебя у Луиса болит спина.

Так. Значит, спина у него из-за меня болит. Это была, пожалуй, плохая шутка. Из-за меня, когда я тут изнываю от страха. Но Колин уже снова привёл Луиса в движение, и я попыталась забыть про страх. Левая рука Колина удерживала меня, правой он ухватился за поводья. Так же, как тогда, во время грозы, тысячу лет назад.

Потом зелёный лес сомкнулся вокруг нас. Луис успокоился, и теперь я могла действительно чувствовать, как грудь Колина постепенно нагревается. Но мне нравилась его кожа и тогда, когда она была холодной. Даже очень. Потому что моя была, как правило, слишком горячей.

Я повернула голову так, что наши щёки прикоснулись друг к другу. Его всё ещё была прохладной.

- Я смогу расслабиться, только если полностью облокочусь на тебя, в противном случае, это не сработает, - призналась я ему. С помощью своей силы я больше не могла держаться прямо. Движения лошади были слишком непривычными для меня.

- Я жду этого с того момента, как мы тронулись в путь, - ответил Колин, и я была уверенна, что на его губах играла насмешливая улыбка. Не говоря ни слова, я уступила. Удивленно я

увидела уголком глаза, как мои волосы немного приподнялись и закрутились вокруг танцующих прядей Колина, когда мы покинули лес и направились на открытое поле. Медово-коричневые на чёрных.

А между ними медные пряди. Это выглядело красиво. И это означало, что я буду скальпирована, если упаду с лошади. Колин обнял меня сильнее за мои бёдра.

- Просто так бег рысью ты не сможешь выдержать. Мы сейчас перейдём на галоп, - сообщил он мне объективно о моей предстоящей смерти.

Могучий толчок прошёл через мощное тело Луиса. Моё беспомощное "нет" затерялось во встречном ветре. Когда Колин выловил меня во время грозы, всё прошло очень быстро. Но теперь перед нами лежало открытое поле. Длинный, длинный отрезок, который Луис пробежит галопом. Ему не нужно будет бороздить стесняющие массы воды. Его копыта могли свободно и беспрепятственно лететь по земле. И они это делали.

- Нет, - простонала я ещё раз, когда Колин устремился к тюку сена, возвышающегося на метр в высоту, который сушился здесь на солнце. Но потом Колин прижался своей щекой вплотную к моей, и вместе мы вознеслись в красное, вечерние небо и смотрели вниз на Луиса, как он нёс нас на своей спине.

Пораженная я смотрела на себя, как будто никогда ещё себя не видела. Я сидела вовсе не так уж неуклюже на лошади, как думала. Нет. А мои брови не были широкими и густыми. Они были в самый раз. Как я только могла так издеваться над ними? Внезапно мне стали нравится так же и мои непокорные волосы, которые всё сильнее переплетались с прядями Колина - или это его переплетались с моими?

Мы опустились немного ниже. Теперь я видела что-то красное в ноздрях Луиса и завороженно наблюдала, как комья грязи вылетают из-под его копыт. Но самое лучшее было то, что рука Колина лежала крепко и надёжно вокруг моей талии. Я могла наблюдать за этой картиной часами, впитывать её в себя.

Если это была смерть, то я хотела умирать всё время. Но потом чары разрушились, и нас рывком затянуло назад в наши тела. Луис элегантно и проворно перепрыгнул через последний тюк сена, но я больше не чувствовала страха. Образ меня и Колина всё ещё заполняли все мои чувства и разум.

В конце поля мы перешли на шаг, и я внезапно устала. Я больше не могла держать глаза открытыми. Мой пульс сильно замедлился. Глухо он отдавался у меня в висках, и я слышала, как медленно и вяло шумит кровь в ушах. Может быть, я всё-таки умираю? Я тяжело откинулась на грудь Колина и тут же вырубилась.

Глава 33. Махинации

- Всё в порядке? - Колин обмакнул тряпочку в заросший мхом фонтан и обтёр ею моё лицо.

- Да, - прошептала я. Я прочистила горло. Я всё ещё чувствовала себя оглушённой, но так же очень довольной. - Я всего лишь ужасно устала.

Осторожно я пошевелила пальцами на ногах, потом на руках. Они сразу же повиновались мне. У меня в памяти всплыли наши образы, Колин и я на Луисе.

- О, Колин, - закричала я тихо. - Это было так прекрасно ...

Я ничего не могла поделать со слезами, которые текли у меня по щекам, как бы я ни пыталась. Колин, раскаиваясь, покачал головой.

- Я не знал, что это заберёт у тебя так много энергии.

Пожалуйста, сделай это снова, пусть это случиться снова, просила я мысленно. Но я уже догадывалась, что он не допустит этого во второй раз. Я упорно боролась против нового потока слёз. Колин не мог оторвать взгляда от моего лица. Он был голоден.

- Их у меня действительно достаточно, - сказала я, пожимая плечами. - Можешь съесть все.

Но он оставался неподвижным, не выпуская меня из виду. Заспано я огляделась. Я сидела, облокотившись на обветшалый резервуар фонтана во дворе, там, где Колин посадил меня, после того как я очнулась от глубокого сна и сразу потеряла сознание.

Колин сидел передо мной на корточках и смотрел на меня с тревогой и с голодом одновременно. Я подняла руку и сняла пару слезинок с подбородка.

- Вот, - улыбнулась я и поднесла свой палец к его рту. Было щекотно, когда он их ел, и я засмеялась. Наконец мрачное выражение исчезло с его лица. Уголки его губ расслабились.

- Почему они тебе так нравятся?

- Ну, - пробормотал он. - Они ведь искренние.

Да, они были искренними. Даже если меня много лет обвиняли в обратном. "Выпрашивает плачем свои хорошие оценки", было один раз написано в школьной газете. Я никогда не смогу этого забыть.

- Ты тоже можешь плакать? - спросила я его.

- Нет, - сказал Колин. - После метаморфозы больше не могу. Я могу грустить. Но слёзы у меня появляются только тогда, когда я скачу на Луисе против холодного ветра. Это напоминает мне о том, как это было.

Последние, уже высыхающие слёзы он взял сам. Потом он наклонил голову вперёд, так что его лоб коснулся моего. Теперь уж поцелуй меня, подумала я лихо. Но он встал и коротко встряхнулся, как будто у него самого была опасность уснуть.

- Теперь тебе надо что-нибудь поесть. Подожди здесь или сядь на скамейку, если сможешь.

Я смогла. Мои колени на короткий момент подогнулись, когда я поднималась. И я шла, так же качаясь, как Мистер Икс, но энергия постепенно возвращалась в моё изнурённое тело. Пару минут спустя вернулся Колин с большой дощечкой, стаканом и бутылкой красного вина из дома. На дощечке у него находились круг сыра, виноград и несколько толстых кусков хлеба.

Хлеб пах соблазнительно. Жадно я отломила кусок и засунула его в рот. Он был ещё лучше, чем оленина, которую жарил мне Колин. Я покачала, уминая, головой, когда Колин хотел предложить мне вина. Но он настаивал. К моему удивлению, на вкус оно было мягким и солнечным и мгновенно согрело мой живот.

- Что это за язык, на котором ты иногда говоришь? - спросила я, когда наелась досыта. В моём рту смешались изысканная сладость винограда с мягким ореховым привкусом хлеба. Я закрыла от наслаждения глаза.

- Гельский, - сказал Колин тоскливо. - Мой первый и самый любимый язык. Язык северной Шотландии.

- На скольких языках ты говоришь?

- Я думаю, на десяти. - Колин казался немного рассеянным, да, почти нетерпеливым. Столько много времени мы никогда ещё не проводили вместе. Он что, снова устал от меня? Получил то, что хотел - мои слёзы?

Я ведь ясно дала ему понять, что не люблю игры.

Что случилось? - спросила я его прямо.

- Если ты хочешь ещё раз поговорить о своём отце, тогда мы должны сделать это сейчас. Я не могу долго оставаться седеть здесь.

Мой отец. Про него я совершенно забыла. Конечно, я хотела поговорить о нём. Но я бы предпочла сделать это не торопясь. С зачарованным взглядом, Колин уставился на край леса. Его глаза находились в тени. Где-то в кустах зашуршало. Рокот в его теле усилился, а его кончики ушей дёрнулись, так что верхнее широкое колечко снова наклонилось в сторону.

- Хорошо, - сказала я спокойно. - Что он делает? Какова его роль в вашем мире?

Колин повернулся ко мне. Его взгляд вспыхнул. Ему было трудно сосредоточиться на моём вопросе.

- Как ты? Всё в порядке? - спросила я, готовая в любой момент убежать.

- Да. Не волнуйся. - Он попытался улыбнуться, но его улыбка выглядела вымученной. - Это не первый раз, когда я голодаю. Не обижайся, если буду краток. Я ничего не ел после той ночи с быком Хека.

Мои слёзы, видимо, не считались главным блюдом. Наверное, они были лишь низкокалорийной закуской для возбуждения аппетита. Вроде как брускетты у итальянцев. Колин провёл ладонью по своему лицу.

- Твой отец оптимист. Неисправимый оптимист. То, что он собирается сделать, на самом деле просто безумие. - Колин коротко усмехнулся и продолжил. Взгляд, как и прежде, глубоко-чёрный, направлен на тёмную полосу леса. - Он видит себя в качестве посредника между мирами - между Демонами Мара и людьми. Потому что несёт в себе что-то от обоих. Он хочет, чтобы мы приносили друг другу пользу.

- Пользу? - переспросила я в недоумение.

Колин кивнул.

- Некоторые из нас очень древние. Тесса не единственная. Я знаю о Демонах Мара, которые были созданы в период раннего средневековья. Ходят слухи, что существуют один или два Мара, происходящих из античного мира. Но дело в том, что старые Мары имеют огромные знания и рассматривают людей уже веками, в совершенно другой перспективе. Они могут заглядывать в их души. А это то, в чём психологи часто терпят неудачу. Твой отец надеется, что Мары, с их опытом, могут помочь и просветить в некоторых вопросах. Возможно не только в психологических вещах. В конце концов, они свидетели того времени.

Да, это было типично для папы. Из плохого сделать что-то хорошее. Теперь я поняла, что он имел в виду. Он хотел улучшить мир.

- У него есть в этом хоть один шанс? - спросила я скептически. Конечно, мысли обо всём том, что Древние Мары видели и пережили, а тем более об их способностях просвечивать души людей, сразу очаровали меня. Но как он хотел это осуществить?

Колин вздохнул.

- Это всё не так просто. Я знаком только с немногими из древних. Тессы с меня уже хватило. Но в определённый момент ты хочешь знать, откуда ты происходишь. Пожалуй, навряд ли существуют более трудные участники в переговорах, чем они. Большинство из них остановились в своём развитие. Многие уже после ста, самое позднее, ста пятидесяти лет. Это утомительно, постоянно двигаться в ногу со временем. Нужно очень многому учиться и снова и

снова овладевать новыми навыками. Сегодня, как никогда раньше. Электричество, телефон, автомобиль, телевизор, компьютер - это обременяет их. Некоторые из них всё ещё ждут дилижанса, если хотят отправить письмо. Всё, что они делают - это блуждают голодные, недовольные и алчные и высасывают сны. Но даже и это стало труднее. Люди сегодня имеют слишком много. Они крайне раздражены и пресыщены, полны до отказа образами, информацией и впечатлениями. Они почти больше не двигаются, игнорируют своё тело. Они больше не видят много снов. Ваш мир снов стоит перед крушением.

- Мой нет, - возразила я тихо.- Нет, твой нет, - сказал Колин с меланхолической улыбкой на губах. - Больше нет. Поэтому мы и сидим здесь.

Он пылко посмотрел на меня. Это лишило меня разума.

- Подожди ..., - пробормотала я, поднялась и прежде чем я успела среагировать, он стоял рядом с фонтаном и снимал рубашку через голову. О, пожалуйста, только не это. Восторженно я смотрела на его голый торс.

Колин наклонился, плеснул себе ледяную воду на лицо и шею. Потом он погрузил голову в воду полностью. Я моргнула. Фонтан лежал передо мной покинутым. Растерянно я посмотрела рядом с собой. Колин сидел снова на скамейке. Его волосы уже высыхали. От его кожи исходил нежный, но всё-таки характерный запах, который магически притягивал меня. Моя голова отяжелела.

- Надень, пожалуйста, рубашку, - попросила я его хриплым голосом. - Со мной прямо сейчас что-то происходит.

- Это мой голод, - сказал он расстроено. - Для людей он хорошо пахнет. Это облегчает охоту. Извини.

Он зашёл в дом и вернулся в мягком, флисовом свитере. В сером, флисовом свитере. В том, из моего сна. Он действительно существовал. Но он пах успокаивающе, нормальным порошком для стирки. На некоторое время это поможет. Колин собрал обеими руками свои потрескивающие волосы и связал их на затылке. Это тоже выглядело красиво. Красиво и дерзко.

- Отлично, где мы остановились? - спросил он рассеяно. Неохотно я оторвала взгляд от его голой шеи и попыталась собраться с мыслями.

- Древние Мары. Папа в качестве посредника. Назревающее крушение снов, - помогла я ему вспомнить, после нескольких спокойных вдохов.

- Точно. Ты можешь себе представить, что большинству Демонов Мара не нравится, что затеял твой отец. Они думают, что за ними шпионят и боятся, что их куда-нибудь запрут. Вполне понятно, что нам нужна абсолютная свобода. Это самое главное для нас. Однако есть некоторые, кто готов сотрудничать. Они хотят знать, почему они являются теми, кто они есть. Они уверены, что твой отец это выяснит и исцелит их. Чтобы они, наконец, могли умереть. Так же, как вы, люди.

Мы люди. Мне не понравилось, как Колин вдруг провёл чёткое различие. Хотел ли он тоже умереть? В уголках его губ обозначились горькие складки.

- Если я и нахожу что-то хорошее в его планах, то это. Найти что-то, что позволит нам умереть.

Я почувствовала себя несчастной. Прошло то опьянение, которое я испытывала в мыслях, думая о нашей короткой невесомости на поле. Колин хотел умереть. Его слова легли, как свинцовые гири, мне на живот.

Со своей смертью он пусть, пожалуйста, подождёт. Пару десятилетий больше или меньше, не играет уже больше никакой роли.

- А всё остальное ты считаешь не приемлемым? - спросила я. Почему-то у меня была потребность защитить моего отца.

- Размышления, стоящие за всем этим – да, возможно, - ответил Колин. - Но он спровоцировал войну. Мары борются друг с другом. Древние хотят оставаться и дальше собой и спокойно похищать сны. А ещё есть некоторые, но очень могущественные революционеры, которые сохранили остатки человечности и доверяют твоему отцу. Существуют вполне притягательные, утончённые и очень интеллигентные личности среди Маров. Поэтому они ещё более опасны для людей. Твой отец ..., - Колин, задумавшись, замолчал.

- Что? - спросила я, настаивая. - Что с ним?

Колин посмотрел на меня серьёзно. На мой вкус, слишком серьёзно.

- Я тебе один раз говорил, что он может прожить очень долго. На много дольше, чем другие люди. Да, это верно. Такая возможность существует. Но я не верю, что она сбудется. Он находится между двух огней. И доверять Марам, как это частично делает он, ну, это всё равно, что играть в домино с разблокированными ядерными боеголовками.

У меня кровь отхлынула от лица. Сразу же мне на ум пришёл тот, кто звонил. Был ли это один из древних? Если да, то он, должно быть, принадлежал к революционерам. Ведь он приспособился к современному миру и использовал телефон. Или он притворился и охотился за моим отцом?

- Может ли он доверять своим сторонникам или нет, но у него есть потенциальные враги с обеих сторон. Так же и со стороны людей. Потому что, как ты думаешь, что случится, если он сделает решительный шаг и позволит узнать людям то, что мы существуем ...?

- Они посчитают его сумасшедшим, - закончила я мысли Колина.

- Не только это. Вы предполагаете, что вы одни. Хотя вы и придумали вампиров, эльфов, троллей, магов, ведьм - значительный арсенал. Милые забавы, чтобы хотя бы мысленно можно было обойти смерть стороной. Но если станет известно, что действительно существуют другие, похожие на людей существа, с неизвестной силой, существа, которые не могут умереть - это поколеблет всё ваше мировоззрение. А это заложено в людях, отреагировать на это защитой и агрессией. Просто подумай об инквизиции. Сегодня для этого существуют учреждения, куда запирают.

Медленно я начинала понимать, какие чудовищные последствия мог иметь папин план. Я не знала, что было хуже, стать врагом Маров или людей. Иметь отца, который погибнет в борьбе или окажется в смирительной рубашке. Было заметно, что Колин становиться всё беспокойнее. Его кожа потеряла весь цвет. В глазах лихорадочно блестело. Но в мыслях он всё ещё был со мной.

- Но если твоему отцу удастся сделать то, что он замыслил и при этом его не объявят сумасшедшим, то вы сможете использовать силу своих снов. А мы сможем, наконец, умереть или питаться чем-то другим. Например, у него есть план, найти Маров, которые были бы готовы у сильно травмированных людей высосать их воспоминания и их кошмары. Но если ему это не удастся ...

Я не хотела представлять себе это. Почему папа не мог выбрать себе нормальное хобби? Может быть, рыбалку? Или собирание марок? Но внезапно я подумала о его записях в дневнике и обо всех отказах в работе, которые он получил, несмотря на его отличные свидетельства об окончание. То, что его атаковали, повлияло на его карьеру. Скорее всего, за его планами скрывалась не только его страсть к исследованию, а так же желание всё изменить. И я могла понять это.

- Эта конференция моего отца в Цугшпитце, о которой ты знал, как это связано? - спросила я.

- Скорее это была не конференция, а встреча. Несколько лет назад я слышал, что там, наверху, живёт один из нас. Один из древних.

- В Цугшпитце? - спросила я, не веря.

- Демоны Мара с удовольствием живут в экстремальных местах, с хорошими туристическими ресурсами. Свежая добыча подвозиться туда сама по себе. И, как правило, вкус снов отдыхающих лучше, чем у работающего населения. В то же время есть хорошие возможности уединиться на природе. Простой, легкомысленный мир, в котором никто не подсматривает за другими, - объяснил Колин с почти не скрываемым отвращением в голосе

- А откуда ты узнал о встрече? - расспрашивала я дальше.

- Я этого не знал, - признался он с улыбкой. Его глаза горели. - Ты только что рассказала мне об этом. Я только почувствовал, что твой отец уехал, после того как я настроился на его энергетические поля. Это всё.

Снова при мысли о способностях Колина мне стало немного не по себе. Настроился на энергетические поля. Уф.

- Энергетические поля. Точно. Почему, собственно, ты заметил моего отца так поздно? Ты ведь должен был его учуять.

Колин фыркнул, наполовину восхищенно, наполовину уничижительно.

- Он прикрывается. Ваш дом находится в долине и весь зарос виноградом и паслёновыми растениями. И у него имеются орхидеи, не так ли?

- Да, - воскликнула я в изумлении. - Но как это связано между собой?

- В некоторых пасленовых растениях находятся вещества, которые могут влиять на сны людей. Они становятся нечистыми и искусственными. И поэтому люди с множеством таких растений вокруг себя выпадают с нашего радара. Иногда я вроде бы думал, что что-то чуял, хоть и сомневался в этом, но мне бы и в голову не пришло, что он здесь. Кроме того, его никогда не было, когда я привозил тебя домой, правда?

Я задумчиво кивнула.

- Ну да, и еще орхидеи - это же не нормальные орхидеи. Это сорт с сильным запахом, так ведь? Он, кажется, ничего не делает наполовину. Но даже мягкие, едва уловимые для вас запахи разрушают сновидения и делают сон поверхностным и беспокойным. Мы ненавидим орхидеи.

Я вздохнула.

- Мне они тоже не нравятся. Вообще, мне это кажется каким-то гомосексуальным - папа и его орхидеи в кабинете. И даже в спальне. Но почему же ты не заметил его в Риддофе?

- Клиника - слишком много больных, душ, невидящих сны. Они мешают нашим инстинктам. Он там действительно в полной безопасности и может беспрепятственно заниматься своими исследованиями.

- И как ты меня ... Нашел? Ведь нашел, правда?

Взгляд Колина на мгновение смягчился.

- Ты облегчила поиск. Чердачная комната высоко над садом, никаких цветов, почти нет винограда. Твою душу я различил сразу. Только ты приехала, как я ее узнал. А вот твои родители... Мало спят, почти не видят снов, защищены растениями. У них всё было спутано. И не интересно.

На одно гнетущее мгновение промелькнула мысль о маме. Мало спит, почти не видит снов. Наверное, она спит крепко и спокойно только когда папа бывает на своих конференциях.

- Тот, кто звонил нам, - торопливо сказала я, потому что Колин становился все бледнее. Тени под его глазами пролегли уже до висков. - Кто это мог быть? Что ему было нужно?

- Могу себе представить, что твой отец наводил обо мне справки. Может, это его информатор. У нас сообщения частенько блуждают неделями. Но, в конце концов, они находят адресата.

- Давай ещё раз вернёмся к разговору о смерти. - Это не давало мне покоя. - Вы что, вообще не можете умереть?

Колин поджал губы. Может быть, он думал о том же, о чём и я. Если Мары не могли умереть, тогда Тесса была ещё жива.

- Можем, - сказал он холодно. - Один способ есть. Но этот способ не для меня.

А для Тессы? Он не подходил и для Тессы?

- В чем он заключается? - допытывалась я.

Он резко встал. Рокот в его теле становился всё мощнее. Ещё немного, и ситуация выйдет из-под контроля. В кустах опять зашуршало.

- Эли ..., - сказал он, замечтавшись. - Там олени. Я должен что-то поесть. Тебе надо ...

- Да, мне надо уходить, я знаю.

Как всегда. Я встала. Моя ночь ещё не закончилась. Я должна была устроить засаду.

- Я сама найду дорогу домой.

Разговаривать дальше с Колином не имело смысла. Его мысли были уже не здесь. Не говоря больше не слова, я отправилась в путь. Но когда я оставила ворота позади себя, он вдруг оказался возле меня.

Его глаза блестели. Он шагнул в слабый свет, который посылали тысячи звёзд через верхушки деревьев над нами. А пьянящий аромат его кожи превратился в запах, в который я хотела окунуться с головой и купаться в нём всю свою жизнь. Лишь с трудом я удерживала своё равновесие.

- Ещё одну вещь я хотел сказать тебе, Эли. - Он снова говорил на Гельском, и всё-таки я понимала каждое слово. Теперь его лицо было совсем близко. Как нежный ветерок его шёпот коснулся моего уха. - Ты для меня необыкновенная человеческая женщина.

Я хотела обнять его за шею, но там была пустота. Вдалеке я услышала гортанный, низкий крик - крик животного. Ветки ломались, и что-то тяжёлое грохнулось глухо на землю.

Колин пил. Торопливыми шагами, быстро и пружинисто, я бежала домой. Никто не умрёт. Ни я, ни Колин, ни Тильман, и папа тоже нет.

Глава 34. Любовники

Равнодушно я налила себе четвертую чашку чёрного кофе. Мой желудок урчал из-за такого количества кофеина, а мои пальцы дрожали, но мне ещё несколько часов нельзя засыпать.

Поездка верхом на Луисе отдавалась болью в мускулах, когда я снова залезла на свой письменный стол. Отсюда у меня был самый лучший обзор вниз, а папин театральный бинокль помогал мне наблюдать. Мне нужно было преодолеть себя, чтобы сосредоточить мысли на моём замысле и сфокусировать чешущиеся глаза.

Меня всё ещё сильно преследовало то, что Колин рассказал мне о моём отце. То, что папа был дипломатом между людьми и похитителями снов - было с одной стороны, очень захватывающим, а так же немного романтично. С другой стороны, он подвергал себя огромному риску. Он мог попасть в свою же клинику, или, что ещё хуже, быть убитым.

Я посмотрела на часы. Двадцать минут пятого. Ещё немного и наступит рассвет. Я горячо надеялась, что таинственный курьер, приносящий карты Таро, скоро покажется. Я чувствовала себя настолько разбитой, что мне даже не хотелось есть, хотя голод свирепствовал в моём желудке. Но жевать и глотать казалось мне утомительным, а о походе на кухню я даже не хотела думать.

Но внезапно вся боль в одно мгновение была забыта. Я быстро схватила бинокль и сфокусировала его. Действительно кто-то направлялся к нашему дому. Одинокий силуэт, не выше одного метра шестьдесят.

- Так я и думала! - прошептала я торжествующе.

Не включая свет, я спрыгнула с письменного стола и сбежала по лестницы. Я пробралась вслепую к двери зимнего сада, скользнула быстро через двор к улице. Он шёл с верхней стороны участка, я подкрадывалась с нижней.

Теперь он достиг переднего двора, остановился и огляделся - вполне очевидно ища интересный способ забросить третью и последнюю карту.

Я плотно прижалась к стене, повернула за угол и бросилась одним скользящим движением в узкий проход между густым рододендроном и передней стены дома. Я бы сама похлопала себя по спине от удовлетворения, когда увидела, что мой курьер карт направляется к веранде. Ведь в его репертуаре ужасов не хватало того, чтобы положить карту перед дверью, позвонить и убежать.

На четвереньках я проползла по мягкой земле и встала, как бегун на сто метров, в исходное положение. Как только его тень появилась возле меня, я оттолкнулась и прыгнула вперёд.

«Ха!» хотела я закричать.

Но мой крик победы застрял в горле. Прежде чем я смогла вырвать у него карту, он схватил меня за горло и жестоко швырнул в сторону железных перил крыльца. Не промахнувшись, его кулак попал мне прямо в глаз. Я больше не могла дышать, а перед глазами вспыхивали вспышки света.

Тем не менее, я подняла колено и пнула с размаха ему между ног. Рывком он отпрянул, что заставило его ослабить хватку на моём горле. Я вырвала свою шею из его сильных рук и начала кричать.

- Прекрати сейчас же, ты, долбанный идиот, это я!

Я закашлялась. У меня всё ещё было такое впечатление, будто его пальцы давят мне на горло. Мой рот наполнился слюной. Неженственно я её сплюнула, всё ещё задыхаясь. Мои глаза слезились, а в скуле было такое чувство, будто её сломали. Тильман остановился.

- Эли? - раздался из полутьмы передо мной его вопрошающий взрослый голос.

Ничего не ответив, я прошла, шатаясь, через двор в зимний сад. Несколько мгновений спустя я изнутри распахнула входную дверь. Тильман стоял передо мной с опущенными руками на веранде. Нерешительно он наклонился и поднял конверт, который при нашей борьбе упал на пол. Я вырвала его у него.

- Можно я угадаю? - прошипела я сердито. - Любовники? Смерть? Повешенный?

Когда наверху я сидела в засаде, я ещё раз пролистала мамину книжку о картах Таро и запомнила те карты, которые казались мне зловещими. А это, безусловно, должно быть что-то зловещее. Тильман с удивлением посмотрел на меня.

- Любовники. Это Любовники, - сказал он спокойно. Ничего в его лице не указывало на то, что он только что, как вышедший из-под контроля дебошир, набросился на меня. Вспышки света перед моими глазами побледнели, но теперь опухал мой глаз.

- Для меня это становится немного зловещим, - пробормотал Тильман и посмотрел на меня вопросительно. - О чём ты только думала?

Возмущённо я покачала головой.

- О чём я думала? - закричала я. – Для тебя это становится зловещим? А кто бросает мне камни с жуткими картами в дом ночью, в то время как снаружи рушиться мир?

- Это просто камень, - поправил меня Тильман привередливо.

- Закрой рот и дай мне сначала сказать, - прервала я его раздраженно. В соседнем доме зажёгся свет. Я схватила Тильмана за руку и втащила в коридор. Не хватало ещё, чтобы наш спор посреди ночи стал всеобщим достоянием.

Достаточно было того, что мне последующие дни придётся ходить с подбитым глазом. Как только мы оказались в гостиной, я снова закричала. Тильман неподвижно слушал.

- Если кто-то здесь и должен задаваться вопросом, что всё это значит, то это, скорее всего, я! - кричала я ему. - Скажи мне в лицо, если хочешь что-то мне сообщить. А не разыгрывай здесь этот маскарад!

Возбуждённо я ходила туда-сюда, в то время как Тильман, как само собой разумеющееся, уселся на наш диван.

- Маскарад. Это довольно красивое слово, - отметил он не по годам мудро. - И нет причины, что бы так волноваться.

- Нет? - наехала я на него и указала осуждающе на свой опухший глаз.

- Я имею в виду карты. Остальное было чистой самообороной. Я же не знал, что ты ночуешь в рододендроне.

Застонав, я опустилась в мамино кресло для чтения. Оно, заскрипев, просело, и, треща, разблокировалась подставка для ног. Мои ноги грубо взлетели вверх. Я посмотрела в сторону Тильмана. Конечно же, он усмехался. Но я больше не была в состоянии подняться и дать ему пощёчину, так, как бы мне хотелось это сделать. Поэтому я ограничилась тем, что показала ему средний палец.

- Таро карты работают не так, - сказал он учительским тоном. - Не имеет смысла, если карты буду толковать тебе я. Это ты должна сделать сама. Я их только вытащил. Любовники, кстати, не хорошая карта.

- Ах, - ответила я сухо. Кто бы мог подумать. - И почему вообще ты раскладываешь для меня карты?

- Потому что я думаю, что ты в опасности. У меня был странный сон. Почти что видение. И я подумал, что лучше сообщить тебе об этом. - Он коротко прокашлялся. - Тебе надо положить лёд на твой глаз.

Ну, тогда он превосходно притворил своё видение в жизнь. Колин, по крайней мере, пока меня ещё не избивал. Я закрыла устало глаза и стала всё обдумывать. Ладно, у Тильмана не было злых намерений. Максимум догадки. Я его так и оценила: хотя он и был очарован

сверхъестественным, при этом рассуждал трезво, чтобы полностью поверить в это. Он только экспериментировал. Он был в поисках истины.

И если я не ошибаюсь, за всем этим пряталось сильное одиночество. Тем труднее мне было говорить с ним на чистоту. Но это было необходимо.

- Перестань меня преследовать, - сказала я строго. - Но прежде всего, перестань преследовать Колина. Это не хорошо.

- Ты не имеешь права мне приказывать, Эли.

- Тильман, это уже больше не чаепитие. Я это говорю не потому, что хочу избавиться от тебя. А потому, что так и должно быть! - закричала я и встала с маминого кресла. На мгновение у меня перед глазами зарябило. Или это было солнце, которое только что взошло и погрузило зимний сад в яркий красный свет?

- Нет, - ответил он. - Почему я должен тебя слушать?

- Я не могу тебе этого сказать.

- Нет, - повторил он упрямо. – Знаешь, это не справедливо. Я доверял тебе и взял с собой в лес. Я послушался своего сна и вытянул карты. А теперь появляешься ты и запрещаешь мне что-то, не обосновывая этого. Я нахожу это дерьмовым.

Он поднялся, взял карту Таро с гостиного стола и разорвал её пополам.

- Вот! - фыркнул он и бросил её мне под ноги, прежде чем быстро покинуть комнату. Три секунды спустя хлопнула входная дверь. Музыкальная подвеска в зимнем саду тихо зазвенела.

- О Боже, - причитала я и села на пол. - Как мне надоел весь этот театр.

Любовники ... Я взяла обе половинки от карты и соединила их снова вместе. Он хотел меня предупредить. А я выгнала его из своей жизни, в то время как Колин высасывал из мозга олений сны о периоде спаривания.

Я достала папин гипотермический пакет, который он использовал, когда у него была мигрень, из морозилки и кое-как дотащилась наверх. Не раздеваясь, я легла в свою кровать и приложила гипотермический пакет к глазу. Мне срочно была нужна пауза. Нужно что-то поесть, позаботится о своих ранах, помыться. Но прежде всего мне нужно поспать.

Одной рукой я натянула на ноющие плечи тонкое летнее одеяло. Птица на краю леса - кричала ли она вообще ещё? Прежде чем я смогла услышать её крики, я глубоко и крепко заснула.

Глава 35. Голые факты

- Мне он нравился.

Мой голос прозвучал укоризненно. Но это было правдой. Мне нравился Тильман, и теперь я была вынуждена нашу начинающуюся дружбу пресечь на корню. Я хотела написать ему письмо, но должна была, к моему стыду, признаться, что даже не знала его фамилии. Но даже если бы и знала - я ведь не могла ему объяснить, почему я должна была это сделать.

И еще потому, что Колин был единственным человеком - по крайней мере, кем-то, похожим на человека - с кем я могла ещё поговорить, поэтому ближе к вечеру я просто пошла к нему. Я плохо выглядела. С синяками на шее, с ушибами на спине и рёбрах и с фиолетовым опухшим глазом.

Но Колин продолжал и дальше сидеть на коленях на полу, повернувшись ко мне спиной, и сортировал стопки бумаг и документов. Он пока ещё ни разу не взглянула на меня.

- Для меня дьявольски трудно находить друзей, - продолжила я говорить. - А он, в любом случае, больше мне не друг.

- К сожалению, такое случается, - сказал только Колин и продолжил сортировать дальше.

- Так, значит, случается, - ответила я ехидно.

Колин кинул стопку бумаг в угол так сильно, что листья в беспорядке рассыпались, и тяжело вздохнул. Боже мой, вот у него было настроение. Такое же плохое, как у меня.

Сегодня утром по радио что-то говорили о самом жарком дне года и уже пригрозили, что затем жара спадет. Осень наступит рано в этом году. Снаружи было уже больше 30 градусов, а они говорили об осени. Я это ненавидела. И теперь я стояла здесь, в доме Колина, а он ещё больше ухудшил моё настроение тем, что бросался бумагами и не обращал на меня внимания.

- Эли, - вздохнул он угрюмо. Его спокойствие казалось вынужденным. - Я не просил тебя связываться со мной. Это включает в себя и потерю друзей. Но ты сама всё время возвращалась.

Он попытался пробить дырки в одной из многочисленных стопок бумаг, но механизм заклинило. Раздраженно он швырнул дырокол об стенку камина. Он открылся, и белые конфетти закружились, как заблудившийся снег в душном воздухе.

- Что, было не вкусно сегодня ночью? - спросила я язвительно. Может быть, я играла с огнём. Но это всё же было лучше, чем сделать то, что я действительно хотела: упасть на пол и рыдать.

Наконец Колин повернулся, и его мрачный взгляд превратился в чистое изумление, когда он увидел моё лицо. Ну, наконец-то. Он сразу же встал и подошел с хмурым взглядом ко мне. Инстинктивно я отпрянула, когда он поднял руку.

- Эй, я тебе ничего не сделаю, - прошептал он и потянул меня к лестнице.

- То же самое я думала и о Тильмане, - проворчала я.

- Пошли наверх. Мне нужно все тщательно осмотреть.

В ванной комнате я села на закрытую туалетную крышку, в то время как Колин ощупывал мой глаз своими прохладными, утешающими пальцами. Было больно, но я старалась дышать неглубоко и не жаловалась.

- А это что такое? Засос?- спросил он насмешливо и коснулся моей шеи. Я предпочла не отвечать. Для шуток у меня не было настроения. - Это всё заживёт. Нужно только немного времени.

Он внимательно посмотрел на меня. Из его глаз исчезли последние ледяные голубые крапинки. Я попыталась уклониться, но он взял мой подбородок в свои руки, так что я должна была смотреть на него.

- Зачем ты вообще надеваешь рубашки, если не застёгиваешь их? - спросила я жалко. - И что это за бумаги там внизу?

- Материал из университета. В скором времени я пишу экзаменационные работы, - сказал он и сделал пренебрежительный жест. Что касается вопроса о рубашке, его он совершенно не принял во внимание. Тем не менее, я потянула за мягкую, тонкую ткань, которая снова больше открывала, чем скрывала.

- Она старая, не так ли? - Теперь мой голос звучал уже намного спокойнее. Колин кивнул.

- Ей немного больше ста лет. Я не знаю, как часто я её уже зашивал и чинил. Попробуй сделать это с вашими дешёвыми тряпками, сделанными в Китае. Они не переживут и двух лет.

- А твои сапоги? - допытывалась я. Хотя он и был снова босиком, но гниющие сапоги и Колин - в моей голове это было связано друг с другом. - Сапожник ещё жив?

- Я мог бы в них танцевать на его могиле, - подразнил он с кривой усмешкой. - Это типичная причуда Демонов Мара. Хранить старые вещи. Я не единственный, кто так делает.

Мы некоторое время молчали. Я почти не удивлялась, почему он не спрашивал, как я заработала свои травмы. Либо он это знал, либо представлял, что случилось. Наш короткий разговор успокоил меня. Здесь, в ванной комнате, было приятно прохладно. Тем не менее, я приподняла свои густые волосы, чтобы воздух мог достичь моей вспотевшей шеи.

- Я знаю, он младше, но мы как-то понимали друг друга, - снова заговорила я о Тильмане и благоразумно умолчала, что он отказался прекратить свои преследования. На сегодняшний день с меня хватило взбучки. Возможно, это было просто чистое упрямство, и он передумает.

- Ты беспокоишься о разнице в возрасте? - засмеялся Колин. - Нас разделяет 140 лет. И это, кажется, тебя не волнует.

Он сел, скрестив ноги, на пушистый коврик и смотрел на меня снизу вверх, забавляясь. Странное это было свидание. Но это меня не беспокоило. Оно было таким чудно личным.

- Ну, всё зависит от того, как воспринимаешь этот возраст. А так, ты очень хорошо сохранился. Очень хорошо.

И это мягко сказано. Тени под его глазами исчезли, как будто их никогда и не было. Его кожа, как всегда, безупречно светилась. А потом эти волосы - я просто должна была прикоснуться к ним. Робко я вытянула руку и взяла прядь пальцами. Она сразу же зашевелилась, нежно и эластично, но я почувствовала покалывание на ладони, как будто меня не сильно ударило током.

Колин ждал с полузакрытыми веками, пока я не закончила своё исследование.

- Вероятно, я чувствую свой возраст как двадцати летний, - сказал он, наконец, задумчиво. – Конечно, столько лет не проходит бесследно. Душа меняется. Тем не менее, возраст - это только число. Тебе ведь тоже не семнадцать.

- Нет? - спросила я наполовину удивленно, наполовину польщено.

- Нет, - ответил он, улыбаясь. - У тебя упрямство, как у пятилетней девочки, тело пятнадцатилетней девушки и душа, по крайней мере, тридцатилетней женщины. А твои глаза не имеют возраста. В них есть что- то вечное.

Итак, были ли это комплименты или нет? Эта вещь, насчёт глаз, прозвучала прекрасно, и я заметила, что мне стало ещё немного теплее. Душа тридцатилетней. Это, напротив, казалось не особенно сексуальным, но хорошо объясняло, почему я никогда не могла поговорить с Дженни и Николь о важных вещах.

Колин встал и прошёл без комментариев в спальню. Застенчиво я побрела за ним.

- Что теперь? - Я облокотилась на дверной проём, вопросительно глядя на него.

- Ты почти не спала, - сказал Колин и прогнал кошек с кровати. - Отдыхай.

Приглашение прозвучало заманчиво. В комнате было полутемно, и мягкий воздух задувал в настежь открытые окна.

- А потом? - спросила я сонно.

- Потом мы пойдём гулять с Луисом, - ответил Колин спокойно и подвёл меня к кровати. Я едва могла стоять на ногах.

- Нет, не пойдём, - запротестовала я слабо, сопротивляясь против давления его рук, которые мягко толкали меня вперёд. Без дальнейших церемоний он схватил меня и бросил на кровать. Скрепя, она подо мной просела.

- Ой, - воскликнула я.

Я упала на свои ушибы. Застонав, я схватилась за бок. Может быть, всё-таки было хорошо, что Тильман больше не был моим другом. Качая головой, Колин сел ко мне на кровать и вытащил мою футболку из штанов, прежде чем я могла что-то против этого предпринять. Уверенно он задрал её наверх.

- Скажи мне, чем вы оба занимались? - спросил он в недоумение и положил свою прохладную руку на отеки.

- Я думаю, у Тильмана куриная слепота. Он не узнал меня, когда я, не предупредив, бросилась на него из кустов и хотела вырвать карту из его руки. И тогда он просто защищался.

Колин ощупал второй ушиб. Я должна была сдерживаться, чтобы не засмеяться. Его холодные кончики пальцев посылали мелкую дрожь по моей коже. Может, Тильман даже хотел, чтобы я его поймала? Колин, казалось, был для него важен. Но мысли последнего были заняты моими травмами.

- Я же говорил тебе, что временами пара боевых приёмов не повредит, - напомнил он мне о том вечере, когда я ненамеренно стала пленницей в спортивном зале.

- Почему ты вообще занимаешься каратэ? - спросила я его. - Я имею в виду, являясь Демоном Мара, ты ведь в этом не нуждаешься, правильно?

Колин посмотрел на шёлковое чёрное кимоно, которое свободно свисало со спинки стула.

- Я занимаюсь этим не для того, чтобы защищаться, хотя это, конечно же, полезный побочный эффект. Нет. Для этого у меня есть другие причины. Знаешь, что означает уровень моего пояса?

Я покачала головой.

- Майке сказала, что чтобы получить его, ты кого-то обманул или кого-то подкупил ...

- Да, конечно, - усмехнулся Колин и покачал ошарашено головой. - Это срабатывает невероятно хорошо, когда сдаёшь экзамены в китайском монастыре на высоте 2000 метров. Монахов можно ведь так прекрасно одурачить. Поверь, занятия там были даже для меня тяжёлыми. Большинство участников сдались уже после первого дня.

Он взял верхнюю часть кимоно, разложил её на коленях и провёл почти благоговейно рукой по красному дракону, который с распростёртыми крыльями покрывал зданию часть.

- Мастер спокойствия. Это значение высокого мастерства дана. Я ещё и далеко не достиг его.

Мастер спокойствия. Это звучало, как название фильма. «Крадущийся тигр» или «Затаившийся дракон».

- Я занимаюсь боевым искусствам, потому что это помогает мне мечтать. Ночные сновидения, после того как Тесса меня обратила, я больше не вижу. Боевые искусства основаны на медитации и концентрации. Иногда мне удаётся, если я долго медитирую, снова самому углубиться в мир грёз или посмотреть их у других душ, не причиняя им вреда.

Он осторожно улыбнулся мне. Так как со мной, стало быть, подумала я и увидела в его глазах, что так и есть. Вреда мне это не причинило. Но то, что я стала лучше слышать и видеть, и эти мои своенравные волосы - произошло всё это из-за того, что Колин тайком посещал мою душу?

- Между прочим, верховая езда и боевое искусство у самураев неразрывно связаны между собой. И если занимаешься и тем и другим, то знаешь почему, - сказал Колин задумчиво. - Нужно снова и снова перебарывать себя, и ты никогда не прекращаешь учиться.

Он бросил кимоно назад на стул и снова положил свои охлаждающей ладони на мои кровоподтеки.

- Я знаю, что тебе поможет. Лекарств и мази у меня здесь нет, потому что они мне не нужны. Но я знаю хорошую альтернативу. После того, как ты поспишь пару часов.

Я увидела в мыслях перед собой своего отца, как он отчаянно машет руками, а его губы сформировали огромное «нет». Но я отмахнулась от этой мысли. Колин казался сытым, а я была сильно уставшей. Пальцы Колина оставались лежать на моём ушибе, в то время как я, застонав, повернулась на неповреждённую сторону и прижала голову к подушке. Я почувствовала, как он вытянулся рядом со мной.

- Позиция лежа на боку, - прошептал он насмешливо. Я покраснела. - Опасные ключевые возбудители, - добавил он с улыбкой и хлопнул мне ладонью по заду. Может быть, мне всё-таки не придётся умирать эмоциональной девственницей. Тем не менее, я больше не шевелилась, а просто наслаждалась знанием того, что он лежит прямо рядом со мной.

Его дыхание охлаждало мой затылок. Оно становилось всё медленнее, пока, наконец, не прекратилось, и я только прислушивалась к энергетическому рокоту его тела. Испытывая боль, я повернулась. Глаза Колина были закрыты. Но я знала, что он был здесь. Со мной. Дремлющий и бодрствующий одновременно. Возможно, мечтающий.

Как Мистер Икс днём раньше, я прижалась к его плечу, к мягкому, древнему материалу его расстегнутой рубашки и забыла про все страхи. Мгновенно я заснула.

Фруктовая сладость сначала достигла моего носа, потом проснулось и всё остальное моё тело.

Я открыла глаза и увидела поднос с графином прозрачной негазированной воды, чашечкой малины, жаркое и несколькими кусками этого вкусного, орехового хлеба. Колина уже здесь больше не было. Сонно я засунула пару ягодок малины в рот и отогнала мысли о мучительном отказе работы печени, вызванной яйцами лисьего солитёра, которые, по словам господина Шютц, тысячами сидят на кустах дикой малины.

С закрытыми глазами я наслаждалась сладкими ягодами. Похоже, Колин сохранил определённое понимание достоинств человеческой пищи. И он всегда точно знал, когда она мне будет крайне необходима нужна.

Я коротко задумалась над тем, видела ли я во время моего послеобеденного сна на кровати Колина какое-то сновидение. Нет. Я не могла припомнить ни одного, но я так же не чувствовала ни усталости, ни депрессии. И я не была ни унылой, ни опустошённой. А так, как нужно себя чувствовать, когда первый раз спишь рядом с мужчиной, в руках которого хочешь всем сердцем погрузиться в сон: почти бессмертной.

Приглушённый грохот и треск снаружи внезапно оборвали моё томное блаженство. Я взяла кусок хлеба и немного жаркое, встала и подошла к открытому окну. К моему удивлению, я увидела, что позади дома Колин увеличил загон Луиса - деревья и кустарник были срублены и выкорчеваны, и уступили место небольшому огороженному манежу. Но Луису это совсем не нравилось.

Жуя, я смотрела на обоих сверху - Колин, который как будто прирос к лошади, сидел на ней и неумолимо держал вожжи в руке, и Луис, который пытался всё больше проверить свои границы действий. На каждом углу он бросался в сторону, как будто на заборе сидели монстры и вскидывал голову так, что я могла видеть белки его глаз.

В ужасающей перемене, он то вставал на дыбы, то выгибал спину, пытался идти назад, прыгать, бежать на одном месте. Колин не потел. Но со шкуры Луиса стекали ручьи, и он хрипел, как будто Колин хотел отвести его к мяснику. Я сглотнула, взяла ещё кусок хлеба на дорогу, и сбежала вниз по лестнице на улицу, чтобы, если понадобится, можно было вовремя организовать скорую помощь для всадника или для лошади.

Как только я остановилась возле забора, Луис полностью вышел из-под контроля. С бешено стучащим сердцем я попятилась и прижалась, ища защиты, к стройной берёзе, когда

Луис как раз прямо передо мной врезался своим тяжёлым телом в забор, при этом разбрасывая хлопья пены.

- Мне уйти? - спросила я писклявым голосом. Я ни в коем случае не хотела быть виноватой в том, что Луис убьёт Колина.

- Не надо! - крикнул Колин язвительно и уселся ещё более твёрже в седле, чтобы потом начать ругаться с Луисом на Гельском языке. Он снова и снова заставлял жеребца бежать медленным, контролируемым галопом, объезжая четырёхугольный манеж или делая круги.

А Луис пытался снова и снова от него избавиться. Но Колин оставался непреклонно сидеть на верху. Лишь только когда стало темно и сверчки в траве начали стрекотать, Колин ослабил вожжи. Луис вытянул шею и возбуждённо фыркнул.

- Хорошо, - сказал Колин с удовлетворением и слез с седла. - Ведь можешь.

Остаток я хлеба в руке смяла в потный шарик, который прилип к моим пальцам. Нервно я встряхнула их.

- Что это было? - спросила я хрипло.

- Всё как всегда, - ответил Колин лаконично и хлопнул Луиса по заднице. - Пытается показать, кто здесь главный.

Я сдержала саркастический комментарий. Колин выглядел так, как будто вылез только что из источника молодости. Бодрый и в согласии с самим собой. Он снял с Луиса седло и уздечку, надел повод и ободряюще махнул мне рукой. О нет. Он ведь не хотел, в самом деле, пойти гулять со мной и с этой Годзиллой.

- Значит, нет. Завтра твой глаз будет зелёным, а при каждом вздохе ты будешь испытывать резкую боль, - сказал он, пожимая плечами, в то время как Луис послушно, как ягнёнок, брёл рядом с ним.

Лишь когда в наступающей темноте я почти больше не могла обеих отличить от леса, я преодолела свой страх и побежала за ними.

- А вот и я, - сообщила я, тяжело дыша.

- Хорошо, - сказал коротко Колин. Я вытерла пот со лба и постаралась занять более безопасное место с левой стороны Колина - подальше от Луиса, который каждые пару метров останавливался, чтобы пощипать траву на обочине дороги.

Теперь Колин оставил дорогу и прокладывал путь, как лунатик, через густой лес. Время от времени нам нужно было останавливаться и ждать Луиса, который следовал за нами, пережёвывая траву, на длинной верёвке. Я не знала, пережила ли я когда-нибудь до этого такую прекрасную летнюю ночь. Нет, скорее всего, нет, потому что с тех пор, как я себя помню, мы сбегали в июле или августе в холодные страны и уезжали в самые негостеприимные места, которые только существуют на Земле.

Вокруг нас всё время кто-то шептался, шуршал и стрекотал, и все эти звуки сливались в один. А влажный воздух пах смолой, нагретой солнцем хвоей, листьями и цветами. Луна была лишь тонким серпом, но всё-таки давала достаточно серебристо-голубого света, чтобы кожа Колина расцвела. Когда бы я на него не смотрела, я видела, что в его глазах сияют искры света.

Постоянный ветер играл с моими волосами и высушил пот на моём лбу. Снова и снова от кустов отделялся целый рой светлячков и опускался на прохладную кожу Колина. Я даже не боялась предупреждающих криков сов, которые проносились, как нежный плачь из царства мёртвых, через тёмные верхушки деревьев.

Теперь ко всему этому присоединился уединенный всплеск лениво текущей воды. Мы достигли ручья. Молча Колин начал раздеваться. Я вежливо отвернулась, но потом всё-таки снова посмотрела в его сторону.

- Что ты там делаешь? - спросила я, хотя это было излишне, когда он расстегнул пряжку ремня.

- А на что это похоже? - ответил он, подмигивая мне. К его рубашке, которую он небрежно бросил на землю, заросшую травой, присоединились его сапоги.

А потом и штаны. А потом? Робко я подняла глаза. О. Колин, по-видимому, вообще отказывался от любого нижнего белья. Теперь на нём был надет лишь только широкий кожаный браслет вокруг его правого запястья. Смущённо я перевела свой взгляд снова на землю.

У меня было ровно три варианта: сбежать, наблюдать за его забавами нагишом или сделать, как он.

- Ах, теперь это всё равно не имеет значения, - пробормотала я про себя и выскользнула из джинсов. Если я поспешу, то точно не успею передумать.

Для этого на мне было слишком мало надето. Быстро я избавилась от своей футболки и трусиков и сложила свёрток с одеждой на пеньке. Колин уже стоял по бёдра в ручье, спиной ко мне, вытянув руки в стороны.

Так бесшумно, как только возможно, я спустилась по откосу берега вниз. Только бы он не смотрел на меня. Стебли тростника щекотали меня под коленками, и я услышала, как лягушка, прыгая, сбежала от меня. Колин тоже услышал. Медленно он обернулся и основательно осмотрел меня. Я сделала вид, что не заметила его взгляд, и осторожно погрузила правую ногу в воду.

- Ну, давай, Медуза, - сказал он тихо.

Вода была ледяной. Как только она могла быть при такой жаре такой ледяной, успела я ещё подумать и при следующем шаге потеряла опору. Грунт под водой оборвался. Отплёвываясь, я погрузилась в тёмно-зелёные сумерки ручья, почувствовала, как колышутся под пальцами ног водоросли и гладкое, извивающееся тело рыбы на икрах.

Летняя ночь окутала меня теплом и соблазном, когда я после того, как пробыла какое-то время под водой, снова вынырнула. Я совсем забыла, как хорошо я себя чувствовала в воде. Мои ушибы и синяк на глазе больше не болели. Теперь я почти добралась до Колина. Я снова могла стоять. Мои пальцы ног утопали в мягком, скользком русле ручья.

Светлячки уселись на влажные волосы Колина, которые извивались, как мокрые, отливающие чёрным змеи в голубоватом лунном свете. Течение бурлило вокруг нас, и я чуть не упала. Как само собой разумеющееся, как будто по-другому никогда и не было, я схватилась за руку Колина и подплыла, не отталкиваясь о дно, к нему.

Капельки воды испарялись с его кожи за секунду. Я же, напротив, была насквозь мокрой. Мои впитавшие в себя воду волосы тяжело свисали, обвивая шею. Колин посмотрел на берег и приложил руки, сложенные воронкой, ко рту.

- Давай, не прикидывайся, ты, глупая лошадь, - закричал он. Тень Луиса остановилась, почти как изваяние, на склоне ручья.

- Он боится воды, - поясняя, Колин повернулся ко мне. Я засмеялась и игриво вращала руками, чтобы течение не унесло меня. Колин отпустил меня и прошёл вперёд до более мелкого места в середине ручья.

Как призрак, его стройный, мускулистый стан поднимался из переливающейся черноты потока. Обеими руками он брызгал водой в строну Луиса.

- Решайся же! - засмеялся он. Его тело было усыпано капельками воды, которые сверкали, как бриллианты. Луис хотел к нему, но не мог перебороть свой страх. Возбуждённо он бегал туда-сюда по берегу.

Остановить бы сейчас время, подумала я. Навсегда. Этот момент на всю жизнь. Здесь, в ледяной воде, вместе с Колином и его придурковатым жеребцом. Казалось, я слилась с ручьём, небом и лесом, когда я смотрела на Колина, как он стоял по бёдра в воде, и забыв про всё на свете, пытался заманить к себе своё упрямое животное.

Его не большой, подтянутый зад бледно выделялся при свете луны, а расправленные лопатки вырисовывались тёмными изгибами на его спине. Сделав два энергичных гребка руками, я доплыла до него и обняла сзади за шею.

- Не повезло тебе! - сказал он ревниво фыркающему Луису, который всё-таки отважился зайти в мелководье возле берега. Колин схватил меня за бёдра. Подожди, подумала я, хотя было трудно вообще разумно размышлять. Колин ведь с Луисом скакал галопом по руслу ручья, чтобы спасти меня. И Луис боялся воды?

- Теперь ты знаешь, что и я могу быть очень упрямым, - прошептал Колин мне в ухо и пошёл, неся меня на спине, навстречу к Луису. Решительно он схватил болтающуюся в потоке верёвку, привязанную к нему, и потянул его к нам вниз. - Не бойся, - успокоил он меня, осторожно отрывая мои руки от своей шеи. - Только посмотри!

Как будто Луис вдруг понял, что вода может быть и чем-то хорошим, он скользнул в поток и поплыл, гребя ногами, к Колену. Его громкое фырканье вспугнуло несколько птиц, которые спали в зарослях, рядом с берегом.

Колин крепко держал меня возле себя, когда Луис, как неловкое морское чудовище, как раз перед нами развернулся и удрал. Смеясь, Колин смотрел ему вслед. Затем он повернулся ко мне.

- А теперь ты, - сказал он тихо, взял моё лицо в свои руки и долго смотрел на меня. Сначала соприкоснулись друг с другом наши лбы, потом его прохладные губы коснулись моих.

Мир перевернулся. Я почувствовала вкус сладкой землистой воды ручья, которая омывала всё моё тело и увидела мечты Колина. На долю секунды я увидела их: моё улыбающееся лицо, моя голая кожа, мои рассыпавшиеся волосы на покрытой листвой земле. И мои слёзы, которые, переливаясь всеми оттенками серого и благоухая, скатываются по моим щёкам.

- Колин, - пробормотала я, когда наши губы оторвались друг от друга. Неужели я увидела страх в его глазах? Он замер, как будто сделал ошибку. Но ведь это не было ошибкой. Это было единственным правильным из всего, что я когда-либо делала. Но прежде всего он больше не прогонял меня.

Сегодня в первый раз он позволил мне остаться. Я посчитала. Восемь часов. Он обнимал меня, когда я спала. Я проснулась и была всё ещё невредима. И поэтому он имеет право на меня. Вместе со всеми моими чувствами, воспоминаниями и мечтами. Это всё равно уже случилось, без всяких усилий с его стороны.

- Восемь часов. - Я улыбнулась. - Восемь часов, и я люблю тебя.

Едва я произнесла эти слова, как он сильно ударил меня ладонью по рту и оттолкнул меня.

- Эли, нет! - закричал он грубо и его лицо, только что такое расслабленное, превратилось в искажённую гримасу. - Ради Бога, нет!

Он отвернулся и зашагал быстрыми шагами к берегу. Словно окаменев, я осталась стоять. Стыд, горячо пульсируя, поднялся к моему лицу. Внезапно я стала мёрзнуть и начала дрожать всем телом. Мне потребовалось несколько попыток, прежде чем я смогла снова двигаться и тоже направиться к берегу.

Мои губы, к которым он до этого так нежно прикасался, болели от его сильного удара. Колин уже оделся. Я стояла перед ним голышом, замерзая и дрожа. И плача.

- Перестань реветь, - накричал он на меня. Луис тревожно заржал. Я беспомощно всхлипывала. Это была не только грусть. Это был стыд, гнев, разочарование и тоска одновременно. Всего несколько мгновений назад я была так счастлива.

- Одевайся, - приказал он резко и вручил мне мою одежду, не глядя на меня. Ослеплённая слезами, я натягивала джинсы на свои мокрые ноги. Я запуталась и чуть не упала.

- Боже мой, Эли, - ругался Колин. Он взял мою футболку и надел мне её небрежно на голову. На мгновение он посмотрел мне в глаза. Грубо он схватил меня и выпил мои слёзы. Потом он отвернулся, как будто бы согрешил.

- Уходи! - закричал он и вскочил на мокрую спину Луиса. - Уходи и никогда больше не возвращайся. Пообещай мне это. Никогда больше! Эли, пожалуйста.

- Да пошёл ты, Колин Иеремия Блекбёрн, - сказала я спокойно, развернулась и пошла босиком в тёмный лес. Теперь случилось то, что предсказал мне мой отец.

Нет, Колин не похищал мои сны. Он украл мою душу.

Спотыкаясь, я выбирала дорогу всё время вдоль ручья, пока, наконец, передо мной не появились мост и деревня.

Я не знаю, как мне удалось открыть входную дверь, избавиться от моей влажной одежды и лечь в кровать. Вдали прозвучали первые раскаты грома. Осень наступила. А птица на краю леса больше не кричала.

Глава 36. Нет никаких новостей

Когда на следующее утро, с раскалывающимся черепом и заплаканными глазами, я вошла в зимний сад, за столом сидела мама. Измученная, она опиралась лбом на ладони, а её всё ещё упакованная сумка лежала, как безжизненная собака, рядом с её загорелыми ногами.

- Здравствуй, Эли, моё сокровище, - сказала она бесцветным голосом, не поднимая головы. Казалось, её не удивило то, что я была здесь.

- Почему ты уже вернулась? И почему ...?

Она подняла голову и устало улыбнулась мне. Она выглядела хорошо, и в то же время казалось несчастной. В её светло-коричневых локонах появились светлые пряди, игривое приветствие южного солнца. А её кожа светилась тёплым бронзовым загаром. Но вокруг её глаз залегли тёмные тени. На её лице отпечатались беспокойство и печаль. Теперь нас было уже двое, кто испытывал подобные чувства.

- Я уже с трёх часов ночи здесь. Я сразу же заглянула к тебе, но ты так крепко спала, что я не захотела тебя будить.

С трёх часов она сидела здесь, в зимнем саду, одна. А я её даже не заметила.

Но это была правдой. Я провела ночь в бессознательном сне, без сновидений, не просыпаясь или переворачиваясь на другой бок. Когда солнце стало так безжалостно светить мне на закрытые веки, что для сна больше не было никаких шансов, я коротко увидела улыбающееся лицо Колина перед собой, блеск в глазах и светлячки в его извивающихся волосах, пока вдруг не вспомнила, что случилось.

И потом я уже больше не могла спокойно лежать в кровати. Теперь замерла мама и посмотрела на меня более внимательно.

- О Боже, Эли. Что с тобой?

- Всё не так уж плохо, - сказала я уклончиво. Вероятно, это был мой глаз.

Теперь я снова чувствовала так же и ушибы. Ещё одно болезненное напоминание о том, что случилось. Даже оптимист должен был бы признать, что итог моих первых летних каникул, проведённых дома одной, был отрезвляющим. Меня избили, я обманула своих родителей, прогнала подруг и в течение двух дней потеряла двух новых друзей. Одного из которых я любила.

- Кто это был? - спросила мама осторожно. Я горько рассмеялась. Ну, косвенно в этом был виноват он. Косвенно это он мне всё испортил. Действительно всё.

- Нет, - всё-таки ответила я коротко. Я не хотела говорить о себе, а тем более о Колине. - Это всё слишком сложно, мама, - сказала я и не могла предотвратить то, что мой голос сломался. Я не хотела и не могла ни с кем говорить об этом.

Не сейчас. Может быть, когда пройдёт немного времени.

- Где папа? И почему вы уже вернулись? - Я налила себе стакан воды. У меня пересохло горло.

- Папа ... Папа находится ещё в Италии.

Я поставила стакан на стол, прежде чем поднесла его ко рту. Папа был ещё в Италии. Это прозвучало не очень хорошо. Я вспомнила всё то, что рассказал мне Колин о папиной таинственной дополнительной работе. Я плюхнулась, затаив дыхание, на стул. На один момент у меня закружилась голова, так что мне пришлось закрыть глаза, чтобы не упасть вперёд.

- Это имеет что-то общее со всем... со всем этим? - спросила я с тревогой, после того как немного пришла в себя.

Мама только кивнула. Потом она попыталась храбро улыбнуться.

- Он отправил меня домой, после того как узнал, что ты не поехала на Ибицу, а осталась здесь. Он был вне себя от беспокойства.

Я застонала и потёрла горящий глаза. Мой повреждённый глаз был всё ещё опухшим. А может быть из-за того, что я снова долго плакала? У меня не было сил вести эту изнурительную игру вопросов и ответов дальше. Я могла легко сделать вывод. Тот, кто позвонил мне, должно быть, связался с папой в Италии.

И так папа узнал, что я была дома. А не в отпуске на Ибице. Хотя я не имела понятия, как звонящий нашёл папу при такой скудно информации, что он в Италии, но звонящий ведь был Маром.

Их нельзя было постичь человеческими мерками. Тем более меня расстраивало то, как унизительно по-человечески Колин отверг меня вчера. Женщина говорит мужчине, что она его любит, а он сбегает. Посылает её подальше. Страх перед обязательствами.

Это было ужасно банально. На самом деле, слишком банально для Колина. Но это случилось. И в принципе логическое продолжение того, что уже началось ранее. Что означали эти восемь часов ... Они показались мне триумфом. Какая ошибка.

- Он оставил мне лишь сообщение, - продолжила мама задумчиво. - Он должен срочно что-то сделать. Это важно. И он не мог определить, сколько ему для этого понадобиться времени. Я должна вернуться домой и позаботится о тебе. В клинике об этом знают. И это всё. Я не знаю, когда он вернётся, на мобильный я не могу дозвониться. Как всегда, старая песня.

- Старая песня? - спросила я подозрительно.

- Такое случается уже не в первый раз, Эли, - сказала мама, сдавшись, и подавила зевок. - В последние годы это происходит часто. И я справляюсь с этим всё хуже. Но до сих пор он всегда возвращался, в целости и сохранности. Так что давай будем надеяться, что и в этот раз будет так же.

Она расправила скатерть и смела руками несколько крошек.

- И что теперь? - спросила я, и меня настигло горькое воспоминание того, что я как раз этот вопрос задала Колину, прежде чем он разрешил мне прижаться к нему в кровати. С того времени не прошло даже одного дня. Я закусила нижнюю губу, чтобы не расплакаться.

- Теперь мы будем ждать, - вздохнула мама, взяла свой чемодан и пошла медленным шагом в свою спальню.

Как в тумане каникулы проходили мимо меня. От папы не было никаких новостей. От Колина не было никаких новостей. А так же от Тильмана тоже не было никаких новостей.

В раздумье я проводила день за днём и наблюдала пустым взглядом, как осень сменяет лето. Каждое утро сообщали по радио, что будет хороший, приятный день, но самое позднее в обед сгущались тёмные тучи и шёл дождь.

Везде в стране, казалось, преобладает лето - только не у нас. Ночи стали довольно холодными, и мама даже иногда включала отопление. Это был самый непредсказуемый август, который я когда-либо переживала. Постоянная смена то гнетущей духоты, то холодных дождей.

Даже на Фьорде и то было более приятно. Тем не менее, я каждый день после полудня, как кем-то подгоняемая, шла в лес, позволяя дождю промочить себя до нитки, и иногда надеялась, что ручей снова разольётся в бушующий поток и поглотит меня.

Но вечер за вечером я возвращалась благополучно домой, чтобы вместе с мамой в молчании и надежде поужинать. Я ела, потому что должна была, но ничего больше не имело вкуса.

В этот раз гордость больше не позволяла мне снова навестить Колина и потребовать ответов. Он унизил меня. Всякий раз, когда я думала о том, как плакала, стоя перед ним голой на траве, на меня обрушивался такой ужасный гнев и такой разрушительный стыд, что я проклинала тот день, когда встретила его впервые.

И в то же время я жаждала его увидеть и всё отдала бы за то, чтобы пережить это лето снова. До того момента, когда я не смогла удержать свой рот на замке и призналась Колину в

своих чувствах. Никогда больше я так не поступлю. Никогда. Ни с ним, ни с каким-либо другим мужчиной.

Глава 37. Бабье лето. Террор чёрной вдовы

Когда занятия в школе снова начались, папа всё ещё не вернулся. На мобильный мы не могли ему дозвониться. Даже голосовой почтовый ящик не включался. Всё время звучало одно и то же предложение: «Абонент временно недоступен, пожалуйста, перезвоните позже».

Теперь я уже знала особенности похитителей снов - недоступная мобильная связь. Поэтому догадывалась, что это означало и почему мы не могли дозвониться до папы. Он был окружён Демонами Мара. Он был с ними в контакте.

Мама пыталась забыть свои тревоги, работая в саду, где она пыталась спасти то, что можно. С тех пор как она столько времени тратила на растения, её цветы, травы и кустарники росли так, как будто бы речь шла об их жизни. В то же время постоянный дождь принёс болезни. Каждое утро новые дряблые грибы просовывали свои тучные головы сквозь траву, а листья роз были покрыты жёлто-коричневыми пятнами. Кусты малины гнили. Первые яблоки падали с глухим звуком на мокрую траву, маленькие и неспелые, но уже испорченные, поеденные червями и клещами. Если солнце и пробивалось на несколько часов, то во всей деревне синхронно заводили газонокосилки, и каждый пытался совладать с безудержными сорняками. Даже мама, вспотев, вырывала сорняки на тёмно-зелёном лугу.

При каждом шаге трава оседала, как пропитанная насквозь губка.

Вечером, перед первым днём школы я сидела у окна и надеялась, что появится Мистер Икс. Но он не появился. Мне пришлось засыпать одной. Несколько раз он был здесь, как правило, после обеда, без ошейника, без сообщений, но с существенно повышенной потребностью в любви. Я по этому поводу ничего не воображала.

В конце концов, это считалось нормальным у недавно кастрированных котов. Вероятно, одна из форм компенсации. Тем не менее, когда он был рядом, меня это чрезмерно утешало. Я тогда ложилась на кровать, вдоль, а он устраивал себе уютное гнёздышко, мурлыча и пинаясь, между моих икр ног, сворачивался в клубок и спал сном праведника. Это были минуты, когда мир был более или менее терпимым.

Абсолютно непереносимыми стали мои сны. Сбивчивые, запутанные и абсолютно нереальные. Никакой Демон Мара не захочет добровольно похищать такие сумасшедшие сны. Последней ночью я вышла замуж; за кого, я не знала, но это было безразлично. Семья собралась и уже весело праздновала, в то время как я бегала по дому босиком и искала свои свадебные туфли. И не находила. Вместо этого я нашла сотни сандалий, балеток и сапог, которые я когда-то купила себе и всего лишь один раз надела. Даже милые башмачки из моего детства попали мне внезапно в руки. Но свадебных туфель не было. Этот сон перешёл сразу в другой, где действия проходили в закрытом бассейне, где иранский государственный министр давал уроки группе девушек. Конечно же, я была одна из них. Мы должны были плавать кролем и на спине до изнеможения, и так как ему этого было мало, то потом мне пришлось голой исполнять прыжки с метровой вышки. Если я не сделаю всё так, как хочет он, то он - так он постоянно угрожал - бросит на остальной мир ядерные бомбы.

И потом снова и снова мне снились сны, в которых я блуждала по чужим квартирам и домам и часами искала местечко, где я могла бы наконец-то лечь спать. Там, где бы мне не мешали и не наблюдали за мной. Но таких местечек не было. В один из таких снов я как раз попала в утренние часы, перед первым днём школы, которого я боялась даже больше, чем дня после нашего переезда. Так как сейчас все мои надежды рухнули, что я когда-нибудь стану одной из них. Но самое плохое было то, что мне придётся это сделать. Потому что другой мир, мир Колина, был закрыт для меня.

Так я снова бродила по закоулкам хаотичной квартиры, одна комната беспорядочнее другой. Везде был сложен хлам и старая посуда. Некоторые комнаты были огромными; сразу

несколько диванов стояли рядом друг с другом, но потолок был такими низким, что я боялась лечь под ним.

Наконец я нашла одну комнату со свободной кроватью. Даже нашлось шерстяное одеяло, которое я могла накинуть на моё дрожащее от холода тело. И эта комната беспокоила меня, но я была такой уставшей, что просто нуждалась во сне. Я легла на эту старомодную, мягкую постель, которая была втиснута между переполненной книжной полкой и бесконечного ряда заржавевших раковин с капающими кранами, опустила голову на подушку и увидела, как сверху падает паук, с растопыренными чёрными ногами, тело выровненное, щупальца наготове.

Я вскочила с кровати и уже по дороге к выключателю начала проклинать себя за собственную глупость.

- Должна бы уже знать это, - прорычала я самой себе. Тем не менее, я нажала на кнопку выключателя. Мне в любом случае нужно было в туалет.

Не глядя на кровать, я пошла в туалет и потом пошаркала сонно, хотя и с сильно бьющимся сердцем, назад в комнату. Я выключила свет и только хотела броситься на кровать, как меня в последнюю секунду удержало от этого лёгкое движение на простыне. Зашатавшись, я схватилась за прикроватную тумбочку, чтобы не потерять равновесие. Слишком поздно.

Я упала назад и ударилась головой о поперечную стойку ширмы. Я не стала обращать внимание на боль. Быстро я нашла кабель моей прикроватной лампы. Это был не сон. Там что-то шевелилось. На моей простыне.

- Вот дерьмо, - ахнула я, когда наконец нашла выключатель и лампа осветила моё постельное бельё. Я побежала в ванную комнату, вырвала стакан для чистки зубов из крепления, прибежала назад в комнату и накрыла им паука одним точным движением.

Он как раз помещался туда и агрессивно прыгал на тонкое стекло. Его щупальца вибрировали. Дрожа, я удерживала стакан. Это был не волосатый домовой паук. И не крестовик. Крестовики не ползали по потолку и не бросались потом вниз. Они оставались в своей паутине и терпеливо ожидали добычу.

Я знала это, потому что между тем терпела крестовиков почти в каждом своём окне, с их паутиной и добычей. Этот паук выглядел по-другому. Такого паука я ещё никогда не видела, и всё-таки он показался мне смутно знакомым. У него было сильное удлинённое тело, которое он теперь угрожающе передвигал вверх и вниз. И красный узор на спине. Его сильно выраженные щупальца были направлены характерно вперёд. Но больше всего меня встревожил их цвет - тёмно-коричневый, скорее чёрный, который ядовито блестел. Я потянулась за рекламным буклетом на прикроватной тумбочке (при закрытых дверях от Сартре - как подходит) и осторожно просунула его под стакан. Желание бросить и то и другое и сбежать было почти непреодолимо. Паук сопротивлялся. Упорно он пытался протиснуть своё тело под край стакана. Но я была быстрее. Он должен был признать своё поражение.

Я сделала глубокий вдох. В стакане он не мог оставаться. Скорее всего, он попытается его перевернуть. Я накрыла пойманного паука коробкой от обуви и поспешила вниз в подвал, чтобы взять одну из бабушкиных банок из старого кухонного шкафа, где они теперь хранились. Сундук всё ещё был пуст.

Папа с сейфом был в Италии. С Демонами Мара. Меня охватила отупляющая слабость, так что мне пришлось коротко облокотиться о стену. О, папа, вернись хотя бы ты, подумала я, пожалуйста.

Потом я взяла себя в руки и снова поднялась наверх. Кончиками пальцев я подняла коробку из-под обуви. Я просунула ладонь под буклет, прижала его к стакану и перевернула всё устройство одним махом. Хорошо. Теперь настала очередь для опасной части. Быстро, как молния, я убрала буклет и прежде чем паук смог выпрыгнуть на свободу, я приставила

открытую банку к краю стакана. Снова быстро всё перевернув, я стряхнула дёргающегося паука в банку и закрутила дрожащими руками крышку, пока она не щёлкнула.

- Фу, - воскликнула я с отвращением и затряслась.

Всю мою кожу покалывало, и мне хотелось громко закричать. Но я не хотела будить маму. В конце концов, теперь она могла спокойно спать, пока папы не было, если отнять то время, которое она от беспокойства ходила туда-сюда по зимнему саду.

Но нас обеих поддерживала мысль о том, что отсутствие новостей - это уже хорошие новости. Правда, теперь у меня не было времени горевать об отце.

- Что мне с тобой делать? - спросила я вполголоса. Паук был красивым и страшным одновременно. Волосатые домовые пауки были определённо намного страшнее.

Этот экземпляр выглядел почти аристократически. Теперь я снова знала, где я его уже один раз видела. У меня появились холодные мурашки на спине, когда я выдвинула ящик прикроватной тумбочки и вытащила карты Таро. Лунная карта. Лунная карта с длинноногим пауком в нижней третей части карты. Действительно, они были очень похожи. И я была почти уверенна, что паук, который притворился мёртвым в своей стеклянной тюрьме, был ядовитым. Поэтому я и поймала его, а не убила. Попытка убийства могла бы закончиться для меня плохо. Многие ядовитые животные использовали свои приспособления для укуса именно тогда, когда чувствовали себя в опасности. И ещё я его не убила потому, что моя интуиция подсказала мне, что я должна наблюдать за ним. Я удивлялась самой себе. Но такие фазы у меня уже были. После того, как я перешла в гимназию и одиночество всё больше усиливалось, я в своём отчаяние пожелала от родителей микроскоп к Рождеству. И в свободное время разводила туфельки и других микробов, чтобы положить их под тонкое стекло и посмотреть под микроскопом, увеличив их в сто раз. Годы спустя, я ходила с Николь и Дженни по магазинам вместо того, чтобы в пузатых банках оставлять гнить листву с водой, но страсть к такого рода делам осталась. Поэтому-то я и выбрала курс усиленной биологии. Один момент. Мой учитель биологии, господин Щютц, был славным. И я ему нравилась. Это я заметила уже на экскурсии в начале лета. Мне нужно спросить его. Может, он мог сказать мне, что упало с моего потолка.

Как бы в мыслях я его не распинала, не кастрировала, не превращала в камень и ещё много чего другого, я была относительно уверенна в том, что этот паук не был послан Колином. Для чего ему было бы нужно делать нечто подобное? Он добился своего. Я оставила его в покое. То, чего он, по-видимому, так страстно желал. Кто его знает почему.

Я поставила банку на письменный стол и сделала в крышке несколько дырок, чтобы проходил воздух. За живым пауком наблюдать интереснее, чем за мёртвым. Кислород он получит.

Я лежала на кровати и ждала, пока рассветёт. Первый день в школе я вынесла только потому, что моё сознание было раздвоено.

Часть меня неполноценно шутила с Бенни, дала ему номера мобильных телефонов Николь и Дженни и слушала интересные истории Майке об отпуске на кемпинге в Голландии. Очевидно, она забыла, что мы поругались. Другая часть меня тихо мучилась или боялась паука в банке, которая иногда гремела в рюкзаке.

Моё расписание для нового учебного года было дерзостью. Прямо сегодня, в этот длинный понедельник, мне нужно было осилить десять уроков, из которых последнее два были биологией. Это в свою очередь мне подходило. Так как когда уроки закончатся, я могла спокойно попросить у своего учителя совета. До тех пор паук и я должны продержаться.

Во время обеденного перерыва я позвонила маме и сказала, что приду домой поздно. Сама она записалась на курс йоги в соседнем центре. Поэтому она попросила меня поужинать в Риддорфе. И это тоже подходило мне. Потому что молчаливые грустные приёмы пищи с мамой изматывали меня. Почему-то мы не могли поговорить друг с другом. И всё же мы находились с ней в одной лодке. Мы не могли справиться с нашими своенравными мужчинами.

Я не могла дождаться, когда же, наконец, зазвенит звонок и десятый урок закончиться. В то время как мои одноклассники облегчённо спешили на улицу, где ливень снова хлестал с серого неба, я застенчиво тянула время, стоя возле парты. Из лаборатории я слышала, как мой учитель возился с пробирками и чашками Петри, которые мы во время занятий препарировали.

- Господин Шютц? - позвала я застенчиво.

- Можешь зайти сюда, Елизавета, - ответил он приветливо. Да, ещё и поэтому он мне нравился. Потому что он отказался от этого глупого "вы", с которым обращались ко мне многие учителя.

Мне пришлось отодвинуть в сторону скелет и обойти чучело медведя, прежде чем я нашла его. С очками для чтения на носу он подписывал этикетки.

- Что случилось? - спросил он, не поднимая головы.

Без слов я вытащила банку из рюкзака и поставила её на его крошечный стол. Он оторопел и сразу же сдвинул чашки Петри и этикетки в сторону. Потом он присвистнул - удивленно и воодушевленно одновременно.

- Откуда он у тебя? Он тебя случайно не укусил? - Озабоченно он посмотрел на меня, чтобы потом сразу снова перевести взгляд на паука.

- Нет. Он спрыгнул в моей комнате с потолка. Вы можете мне сказать, что это за паук?

Он молча крутил банку туда-сюда. Паук раздражённо расставил ноги в стороны и упёрся телом в крышку. Нахмурившись, господин Шютц посмотрел на меня.

- Говоришь, с потолка?

Я кивнула. В конце концов, всё так и было. Он недоверчиво покачал головой. Потом он снова посмотрел на меня, со страстным духом исследователя в своих светло-серых глазах. Я, видимо, спасла его вечер.

- Это вдова. Самка. Может быть, даже Чёрная вдова. Но скорее всего Степная вдова, потому что не чисто чёрного цвета. Но это никак не меняет её ядовитость. Её яд довольно сильный.

Чёрная вдова. Один из самых ядовитых пауков на Земле. Я облокотилась на лабораторный шкаф, не обращая внимания на мерзости, которые там находились. Белые, как снег, бескровные лягушки в спирте, эмбрион обезьяны и внутренности различной структуры.

- А где живут Вдовы? Ведь не здесь у нас, правда?

- Чёрных можно встретить только на американском континенте. Степных - на юге Италии и в Истрии. Может быть, вы покупали тропические фрукты? Что-то импортированное?

Я подумала. Да, мама иногда покупала экзотические фрукты и апельсины, даже летом. Этот её тик с витамином С. И всё-таки я не могла сказать это с уверенностью. Всё же я кивнула.

- Мы должны сообщить об этом. И отправить её в тропический институт, - пробормотал господин Шютц задумчиво.

- Нет! Нет, пожалуйста, не надо! - воскликнула я быстро. Удивлённо он посмотрел на меня. - Я, э-э, я хочу оставить её себе, чтобы наблюдать за ней, - заикаясь, сказала я и не могла поверить в то, что только что сказала. - Может быть, я смогу написать о ней реферат.

Что же, неплохое начало. Первый день в школе, а я уже вызвалась писать реферат. А может, это выход? Один добровольный труд за другим. У меня вообще не будет времени думать о Колине. Господин Шютц благодарно улыбнулся.

- Да, это неплохая идея. Но в этой банке ей оставаться нельзя. Мы должны найти для неё более подходящий дом.

Я была основательно против ухаживания за пауком, но что-то во мне принудило меня к этому. Объединив усилия и не спеша, мы пересадили её в небольшой террариум. Мы положили к ней корявый корень и насыпали мелкий песок. В конце господин Шютц дал ей сверчка, который барахтался между металлическими кончиками пинцета. Паук жадно набросился на насекомое и начал оплетать его паутиной. Я едва могла смотреть на это.

Полчаса спустя - стало уже темно - я сидела с тяжёлой коробкой, наполненной очень ядовитым пауком и горсткой, пока что, живых цикад и своим школьным рюкзаком в пиццерии, и равнодушно ковырялась в ригатони.

Невозможно было нормально есть, если твоё горло сдавила въедливая любовная тоска, а единственную компанию составлял средиземноморский, ядовитый паук, которого мама, благодаря своему пристрастию к экзотическим фруктовым салатам, притащила в дом. И, самое позднее, у меня бы основательно пропал аппетит, когда я узнала машину Колина на противоположной стороне улицы.

Уже весь одинокий приём пищи я тупо смотрела на машину, не понимая, на что я на самом деле смотрела. Ну конечно, школа началась. Машина Колина. Спортивный зал. Он снова давал специальные тренировки - только для парней? Да, это подходило. Ещё одно свидетельство его явной фобии в отношении женщин.

Теперь я специально продлевала окончание еды, хотя и была единственным посетителем и больше ничего не могла проглотить. Но я хотела подождать, чтобы увидеть, покинут ли зал какие-нибудь каратисты. А Колин последует за ними. Но улица продолжала оставаться пустынной.

Хорошо, почему бы и нет, подумала я, встала и заплатила. Он там, а я здесь. Дурацкая случайность. И я была бы ещё большей дурой, если не использовала бы ею. Конечно же, я не буду о чём-то его просить или плакать. Но у меня было право знать, почему он так себя вёл. Это он был обязан мне объяснить.

С рюкзаком в одной руке и коробкой с пауком в другой - цикады стрекочут, ни о чём не подозревая - я открыла дверь спортивного зала. Было тихо. Никакого гула голосов из раздевалок. Никакого шума из душа. Только неоновая лампа мигала и трещала.

Я даже не потрудилась заглянуть в окно галереи. Я оставила рюкзак и паука наверху - признаюсь со слабой надеждой, что кто-то украдёт вдову - и спустилась по лестнице вниз. Мне пришлось надавить на дверь всем телом, чтобы она открылась. Когда у меня это получилось, я стала придерживать её правой ногой и сделала преувеличенный поклон.

Колин повернулся ко мне спиной. Я ничего другого и не ожидала. И всё-таки моя кровь вскипела, когда я его увидела. Я скучала по нему. От сильного волнения у меня начал болеть лоб.

Колин был занят тем, что из-за всей силы избивал боксёрскую грушу. Краем ладони, кулаками, потом ногами. Он подвешивал её всё выше, пока ему не пришлось подпрыгивать, чтобы попасть по ней. Можно было испугаться, наблюдая за ним, как он бесшумно крутился в воздухе, а когда ударял, то окна галереи звенели. Но я всё ещё была слишком зла, чтобы почувствовать страх. Я почти желала, чтобы он что-то со мной сделал, так, чтобы мой гнев окончательно перешёл в ненависть.

- Ну? Забавляешься? - нарушила я тишину, когда он передвинул боксёрскую грушу снова немного выше.

Он так быстро оказался возле меня, что у меня не было никакого шанса отреагировать. И уже он без слов вытолкал меня за дверь. Его хватка была однозначной. Он не хотел, чтобы я здесь находилась.

Я притворилась, что подчинилась ему. Он отпустил меня, и так быстро, как могла, я нагнулась и проскользнула мимо него назад в зал. Ему бы это ничего не стоило, схватить меня и удержать. Почему же тогда он этого не сделал? Теперь я всё-таки испугалась. Я сама себя загнала в ловушку. Дверь с глухим ударом захлопнулась, а Колин стоял перед ней и мрачно смотрел на меня. Его глаза так угрожающе сверкали, что мне пришлось ненадолго отвернуться. Но потом я всё-таки устояла.

- Почему? - закричала я. - Боишься женщин? Эдипов комплекс*?

(прим. переводчика:*понятие, введенное в психоанализ Зигмундом Фрейдом, обозначающее бессознательное сексуальное влечение к родителю противоположного пола и амбивалентные (двойственные) чувства к родителю того же пола. В общем же смысле эдипов комплекс обозначает имманентное, соответствующее биполярному расположению, универсальное бессознательное эротическое влечение ребёнка к родителю. Данное понятие является одним из ключевых в психоаналитической теории.)

Я наслаждалась, сделав намёк на Тессу. Он был подлым, но принёс мне мимолётное удовлетворение.

- Ты не знаешь, о чём говоришь.

Его голос был ледяным. Он всё ещё опирался на дверь и скрестил руки на груди. Он был босиком, и на нём было надето только это нелепое, старое кимоно; даже пояс развязался. И всё-таки он излучал неукротимую силу.

Было адски трудно оставаться стоять перед ним отважно.

- Чёрт возьми, тогда объясни мне! - призвала я его яростно и сделала несколько шагов в его сторону.

Он не сдвинулся с места, а только смотрел на меня. Как будто не хотел признавать, что я стояла перед ним. Как будто надеялся, что я в течение следующих нескольких секунд растворюсь в воздухе. Но этого не случилось.

- Колин, этого не может быть! Почему ты сделал это? Мы ведь как раз были так счастливы!

- Да, именно - счастливы, - крикнул он. - Именно это. Уходи.

Он отошёл в сторону и указал на дверь. Это что, была особая непонятная форма цинизма? Я его не понимала.

И я думала, что сойду с ума, если сейчас не разрешу эту ситуацию. С поднятыми руками я набросилась на него, вне себя от боли и гнева. Я пинала и била его, стучала кулаками по его холодной груди. Он оставался неподвижно стоять и просто ждал, пока я не успокоилась. Ни один из моих ударов или пинков, казалось, не вызвал у него даже чуточку боли. Колин даже не шелохнулся.

В этом не было никакого смысла.

- Почему? - спросила я ещё один раз, скорее саму себя, чем его, и как раз хотела опустить кулаки вниз, как он внезапно схватил меня за предплечья и притянул к себе, и держал меня так несколько секунд, голова прижата к его шеи, так что я могла слышать рокот в его тела.

Потом через его грудь прошла судорога, почти как болезненный стон, и он оттолкнул меня от себя. Его неожиданное объятье так меня потрясло, что я не могла больше стоять самостоятельно. Но он ещё придерживал меня.

- Эли, - сказал он тихо, и теперь я увидела, что его глаза были не только мрачными. Но так же такими измученными и усталыми, что это разрывало мне сердце. - Как раз это. Именно этот пункт. Мы были счастливы. Но прежде всего, мы были счастливы слишком долго. А это... это мне не предназначено судьбой.

Я не знаю, что он сделал, но когда я пришла в себя и смогла ясно мыслить, я увидела, как залезла в последний автобус до дома, рюкзак и паук с собой, послушно показала шоферу свой билет и села на последнее сиденье. Что происходило до этого - полный пробел. Я совсем ничего не помнила. Что-то он со мной сделал. Добровольно я сама никогда бы не покинула зал. Всё долгую поездку до дома я всё время вспоминала об объятьях Колина. Он обнял меня. Он имел в виду меня. Я его не заставляла делать это. А потом он говорил какое-то фуфло. Слишком долго! Восемь коротких часов. Это было недолго. Эта была просто насмешка. И это пугало меня.

Либо у него действительно были массивные психологические проблемы, во что я почти больше не верила, либо здесь правили силы, о которых я до сих пор не подозревала. Тем не менее, он не мог ожидать от меня, что я удовлетворюсь этим. Не с его намёками и приказами.

- Мне очень жаль, Колин. Так не выйдет, - прошептала я себе под нос и розовощёкий мальчик передо мной, который только что был занят тем, что размазывал свою жевательную резинку под сиденьем, повернулся и посмотрел на меня в недоумение.

В коридоре я споткнулась о массивный кожаный чемодан, который стоял посреди дороги.

Я почти выронила коробку с террариумом. В последний момент я поймала её и поставила паука вместе с его жилищем на ступеньку, прежде чем броситься в зимний сад.

- Папа!

- Как твои дела, Элиза? - спросил он. Даже не сказав "привет" или "как приятно тебя видеть". Его волосы буйно вились, а его ярко-голубые глаза смотрели на меня, как будто он не спал неделями и постоянно размышлял. Они как всегда интенсивно сияли, но не ярко, а были скорее тусклыми и пылающими.

- Спасибо, так хреново я чувствовала себя редко, - ответила я честно.

Прежде чем он сделает выговор, он должен знать, что я не всё время только забавлялась и валяла дурака, в то время как на самом деле должна была быть на Ибице.

- Что делает здесь эта кошка? - расспрашивал он дальше. Только теперь я заметила Мистера Икс, который почти не выделялся на папином чёрном свитере. Он уселся своим задом папе на колени, а телом прижался к его груди. Передними лапами он обнимал папу за шею. Видимо, ему нравился запах моего отца.

- Приблудный, - сказала я коротко. Я оторвала его без слов от папиной груди. Я не могла показать отцу, как я была рада видеть его здесь. Между нами существовал стена, которую я не могла преодолеть. Поэтому я взяла кота и паука и мои школьные вещи и пошла наверх. Раньше я бы бурно обняла его. А теперь? Теперь мы испытывали друг друга. Как два незнакомца.

С покалыванием в руках я вытащила террариум из коробки и поставила его на прикроватную тумбочку. Паук полностью сожрал сверчка. Даже экзоскелета не осталось. Лениво он сидел в углу террариума и не двигался. Цикад я поставила в ванной комнате, так как не могла переносить их стрекот. Это напоминало мне о ночах с Колином.

Я не могла поверить, как я вообще способна на такое, но я оставила террариум стоять рядом с собой на прикроватной тумбочке и наблюдала за пауком, пока мои глаза не стали закрываться.

Ночью мне приснился сон, что я лежу, больная, на своей кровати, а вокруг меня запах плесени и тления. Позади меня что-то болталось, тяжёлое, обмякшее тело, которое будто без костей висело над спинкой кровати. Это был мой собственный труп, и мне нужно было убрать его. Это было моё задание. Я должна была убрать его. Но когда я хваталась за холодные, мягкие руки, которые были покрыты слизью и касались моей шеи, то они всегда выскальзывали у меня из рук.

Глава 38. Предупреждения

Три ночи спустя к моим мрачным сновидениям присоединился высокий, но сильный звон. Я открыла глаза и посмотрела рядом с собой. Паук бодрствовал. Агрессивно он прыгал на стекло террариума, падал назад на взбудораженный песок и снова прыгал. Я выпрямилась. Почему он это делал?

Я дала ему, перед тем как лечь спать, последнюю цикаду, как всегда с болью в сердце. Но паучиха была искусной охотницей. Цикады умирали быстро, и я настоятельно надеялась, что при этом они не чувствовали боли. Вообще-то паук должен быть сытым. Но теперь он снова прыгнул и стекло тихо зазвенело. Он хотел выбраться из террариума.

Мне нужно раздобыть для него что-то пожрать. Всё равно что. Муху или мотылька. Я боялась, что у него получится разбить террариум, хотя это было практически невозможно.

Между тем у меня уже был опыт тайком красться по дому. Я точно знала, какие ступеньки скрипели и на какие доски лучше не наступать, если не хотела привлечь внимание. И только потому, что я могла двигаться, как индеец на охоте, я заметила, что была не одна. Тут кто-то ещё не спал. Приглушённые голоса доносились из папиного кабинета - мужские голоса. Я забыла о прожорливости моей соседки и, осторожно ступая, зашла в коридор.

Слабый мерцающий свет пробивался из-под двери кабинета. Я медленно наклонилась вперёд и прижала ухо к замочной скважине.

- И что вы можете мне сказать?

Я подавила свой удивлённый вздох, прежде чем его мог услышать кто-то другой. Для меня, правда, это было уже даже слишком громко. Я замерла, не двигаясь, пока не удостоверилась в том, что меня никто не услышал. Но зато я заметила его. Это был голос Колина. Колин был здесь! Этот низкий, мужской оттенок в голосе и к нему певучий акцент, остатки Гельского – да, тот, кто говорил, был Колином. Что, к чёрту, отец хотел ему сказать? Снова заведёт свою шарманку "Держитесь подальше от моей дочери"?

Но папа молчал. Одну минуту, две минуты. Может, эти двое в тишине задушили друг друга? Почему папа так долго думал? Видимо, он сам пригласил Колина сюда. Но потом он внезапно заговорил - и трудно было не услышать, что для этого ему пришлось пересилить себя.

- Вам нужно бежать.

Бежать? Он что, совсем потерял рассудок? От него что ли, или что? Колин был намного сильнее моего отца. От него ему точно убегать не надо. Я живо могла себе представить, как Колин стоит напротив моего отца - с таким же мрачным выражением в глазах, как в понедельник в спортивном зале. С уничтожающим взглядом.

- Почему? - наконец спросил Колин, со слегка раздражённым оттенком в голосе, как будто бы всё равно уже знал ответ.

- Она на пути сюда, - ответил мой отец тихо, но твёрдо. Я заметила движение, почти неслышное перемещение воздушных масс, но я знала, что разговор был окончен и Колин направлялся к двери. Быстро, как молния, я выбежала, пятясь назад, из коридора, искусно открыла дверь зимнего сада и спряталась между маминими разросшимися кустарниками.

Я подождала, пока наверху на просёлочной дороге не завёлся, безошибочно звучно гремя, американский мотор и свет в спальне на короткое время включился, а потом снова выключился. Папа лёг спать.

Я поспешила наверх к себе в комнату, оделась и бросила быстрый взгляд на паука. Он покорился своей судьбе и сидел с дрожащими щупальцами под корнем. От голода он не умрёт, а если и умрёт, то я не пролью по нему ни одной слезинки. На всякий случай я положила тяжёлую книгу на крышку террариума.

Мне больше не надо было думать, чтобы пройти к дому Колина. Этот путь я в своей жизни больше никогда не забуду. Даже во сне я могла бы пройти по нему. Снова и снова я

погружалась в грязь, а с деревьев падали тяжёлые капли, когда ветер тряс ветки. Замёрзнув, я добралась до усадьбы Колина. Не заботясь о вежливости или предосторожности, я распахнула дверь.

И оказалась в чистилище. Посередине этого чистилища бушевал Колин, с тёмным, адским пламенем в глазах и сильно растрёпанными волосами. В припадке бешенства, он выдёргивал стопками пластинки с полочек, бросал их на пол и пинал в сторону камина. Фотографии падали вниз и разбивались, даже та, где он был с Алишей. Я осторожно подняла её и спасла старую фотографию из осколков стекла.

Потом я продолжала смотреть на Колина, как он пытался всеми силами уничтожить одну памятную вещь за другой. При этом так же и изношенный килт с широким рисунком в сине-коричневую клеточку. Он бросил его в камин, но мне удалось вытащить его из огня, прежде чем он загорится. Лихорадочно я трясла тяжёлый материал до тех пор, пока он не перестал тлеть.

- Ты закончил? - спросила я, когда на полу почти больше не осталось места, чтобы стоять на двух ногах.

Колин жестоко ударил рукой о каменную стену. Подушечка на ладони лопнула. Голубоватая кровь потекла по руке и за несколько секунд исчезла. Не осталось даже царапины.

- Может быть, ты и меня хочешь сжечь? - предложила я ему. Я находила, что ему нужно было потихонечку начать немного сдерживать себя и объяснить мне, какой смысл был во всём этом.

- Да, это действительно бы всё решило, - ответил он, и я вздрогнула, когда поняла, что это была не шутка.

Расспрашивай его дальше, Эли, бранила я саму себя. Только не разрешай ему напугать себя. Ты ведь пока всегда выживала.

- Кто это она? Кто на пути сюда?

Колин опустил руки, облокотился на стену и посмотрел наверх на тяжёлые балки крыши. Ни единого вздоха не шевелило его грудь. Она полностью застыла. Ещё никогда я не видела его таким не похожим на человека. Я находила это интересным, но так же сильно внушающим страх. Но больше всего я боялась того, что он сейчас скажет, хотя уже давно догадывалась об этом.

- Моя мать. Тесса.

Я больше не могла держаться на ногах. Медленно я опустилась на пол и прижала пахнущий дымом килт к своим горящим щекам. Нет. Пожалуйста, не надо. Только не Тесса.

- Она не твоя мать, - осадила я его, с трудом сдерживаясь.

- О да. Она моя мать. Даже больше, чем мать. И она придёт. Я не думаю, что твой отец лжёт. Или он обманывает, чтобы разлучить нас?

Удивлённо я подняла голову. Проблеск надежды в глазах Колина причинил мне боль. Как бы ревниво папа себя не вёл, с такими серьёзными вещами он не шутил. Нет. Колин прочитал ответ в моих глазах и покачал головой. Но он навёл меня на другую мысль. Чудовищное подозрение пронеслось у меня в голове.

- Он тебя предал? Неужели он рассказал ей, где тебя искать? И завлёк её сюда? Если так, то я клянусь Богом, что завтра упакую свой чемодан и никогда больше не встречусь с ним ...

- Нет, Эли. - Тон голоса Колина заставил меня вздрогнуть. Его слова прозвучали так окончательно и бесповоротно. - Это была ты. Она придёт из-за тебя.

- Что - я? Но я... я ведь ничего не делала.

Колин горько улыбнулся.

- Ты сделала что-то со мной. Неужели не понимаешь, Эли? Я был счастлив. Я ... - Он искал подходящие слова. Потом он твёрдо посмотрел на меня, без какой-либо надежды, но в его взгляде было что-то мягкое и тоскливое. - Она это чует. Она чувствует, когда я счастлив. Когда я

начинаю с кем-нибудь дружить или влюбляюсь. Тогда она знает, где меня можно найти. Мне нельзя проводить время с людьми, которые мне нравятся. Потому что это привлекает её.

Он медленно подошёл ко мне и подтянул с холодного пола к себе наверх. Настойчиво он посмотрел на меня.

- Я сделал ошибку. Я забыл о ней. На несколько мгновений я забыл о ней, в этот вечер, в этот чертовски жаркий день. Боже, Эли ты свела меня с ума. Ты заполнила всё моё сознание. Ты вызвала во мне такие сильные чувства. - Он провёл тыльной стороной ладони по моей щеке.

По моей спине прошла дрожь.

- Когда я это заметил, то подумал, если я вовремя прогоню тебя и заставлю ненавидеть меня, то, может быть, она заблудиться. Эли, моя яростная реакция относилась к восьми часам. А не к тебе. Нам нельзя было проводить друг с другом время. Тебе больше нельзя приходить сюда снова и видеться со мной. У нас нет другого выбора.

Онемев, я повисла у него в руках, внутренне раздираемая ревностью и нечистой совестью. Колин должен был держать меня. Я всё ещё не могла стоять самостоятельно.

- Поэтому ты выгонял меня всё время?

- Не только выгонял ... - Его рот был так близко к моему уху, что его дыхание охладило биение моего пульса, а я поглощала каждое его слово. - Сначала усталость, обморок возле установки бассейна Княйппа, пауки, болезнь, чтобы ты даже не узнала, кто я такой, и лучше всего думала бы, что я сумасшедший. А когда выяснялось, кто твой отец и ты не сдалась, я подумал, что, признавшись тебе откровенно, кто я на самом деле, ты испугаешься и уйдёшь. Но ты только сказала, что доверяешь мне. Поэтому я попросил тебя, чтобы ты рассказала всё своему отцу, чтобы он образумил тебя. Боже мой, я даже забрал Луиса из конюшни, потому что думал, что ты не придёшь больше добровольно в мой дом, после того случая с кабанами.

Я, рыдая, вздохнула, но Колин крепко прижимал меня к себе.

- Я оставил тебя у себя, когда тебе было плохо, показал тебе свой голод, чтобы ты боялась, провоцировал тебя, чтобы ты обиделась. Потому что всё это несчастье. И я выгонял тебя, когда начинало становиться прекрасно - но в определённый момент было уже слишком поздно, и я хотел, чтобы ты пришла и осталась. Когда ты сказала, что любишь меня ... - Он ещё сильнее прижал меня к себе, так что я могла чувствовать каждую деталь его тела на своём. - Я знал, что ты не примешь удары просто так. Мне пришлось очень быстро решать, чтобы спасти нас. Это была моя последняя попытка, и она что-то во мне уничтожила ... Эли, я боюсь, она отомстит. Ты её соперница и ты уже давно победила.

Колин ослабил объятья, так что я смогла посмотреть на него.

- Когда она будет здесь? Сегодня? - спросила я глухо.

Колин смёл с дивана несколько пластинок, сел и посадил меня к себе на колени. Дрожа, я прижалась к нему. Наконец-то мы снова говорили друг с другом. Наконец между нами больше не было войны.

- Нет, я не думаю, - сказал он пренебрежительно. - Тесса одна из древних. Она не сядет в самолёт. Я даже не верю в то, что она приедет на поезде. Скорее всего, она пойдёт пешком. А от Неаполя досюда - ну, даже Демону Мара для этого понадобиться три-четыре недели. В зависимости от того, как хорошо она сможет в пути питаться.

Пешком! Пешком через Альпы. Я не могла в это поверить.

- Какие у неё намерения?

Я отодвинула край его рубашки в сторону, так что смогла прижать своё горящее от лихорадки лицо к его прохладной коже. Это меня немного успокоило. Но ужас окружал нас, и, казалось, он был неизбежным.

- Такая, как Тесса, не признаёт бегства. У неё есть время. Бесконечно много времени. Она хочет, чтобы я стал её спутником жизни. Поэтому она и создала меня. Сын и возлюбленный одновременно. Я ей нужен так же и потому, что она почти больше не может ориентироваться в

современном мире, а она любит наслаждаться своей властью. Если она найдёт меня, то закончит метаморфозу и заберёт последнюю частичку человека во мне. Она хочет мою душу. - Он холодно засмеялся. - Мысль об этом всегда казалась мне невыносимой. Но сейчас ... Если бы я смог тебя защитить, то пошёл бы ей на встречу.

Он долго смотрел на меня.

- Эли, теперь уже слишком поздно. Это настигнет нас обоих. Либо она закончит то, что я прервал, и я буду представлять для тебя и для твоей семьи огромную опасность, либо она уничтожит тебя сама. Но скорее всего, она хочет нас обоих. Я не могу никого любить, не приводя его и себя в опасность.

Моя дрожь усилилась. Колин взял килт и укутал им мои плечи и спину. Потом он прижал меня к себе ещё немного ближе. Наши волосы начали ласково цепляться друг за друга. Я почувствовала это, как нежное покалывание на коже головы.

- И что ты собираешься теперь делать? - спросила я со страхом.

- Я не знаю, - признался он. - Я только что узнал, что она на пути сюда. У меня ещё нет никакого плана.

- Это не первый раз, не так ли?

Колин покачал головой. Наклонившись, отклонив меня в сторону, он поднял пачку пластинок с пола, и взял их так в руку, чтобы я могла рассмотреть. У меня пронеслись в голове те странные видения, которые я увидела в зале, на вечеринке в стиле 80-х. Быстрое, короткое чередование образов из другого времени. Даже теперь обложки пластинок казались мне как своего рода дежавю - они были мне знакомы, хотя я точно знала, что я никогда их ещё не видела. Я знала почти все группы и музыкантов.

- Да, и это тоже случилось, - сказал Колин тихо. - Ты окунулась в мои воспоминания. Я думал об этом времени, о времени перед последним посещением Тессы. Это была моя музыка, которая играла. Новая волна. Как ты это делаешь? - спросил он меня, гадая.

- Я не имею не малейшего представления, - призналась я. - Это просто случилось.

Я действительно не знала этого. До сих пор я думала, что быстро проносящиеся сцены - это бред моей фантазии. В конце концов, ведь в этом не было ничего нового.

Колин разглядывал пластинку от Энн Кларк. Она смотрела на нас в чрезвычайно плохом настроении. Но Колин улыбался.

- Я видел её на концерте, - объяснил он. - В Лондоне, в начале восьмидесятых. Это было прекрасное время. Только я слишком поздно понял, что оно было таким. Я жил как беспризорник с парой парней и девушек в шахтах метро. Я несильно отличался от других. Все были бледны, а сумасшедшие причёски были хорошим тоном. В какой-то момент из коллективных вечеринок и бездельничества развилась дружба. Я даже играл в группе. Ударники. - Он тоскливо улыбнулся. - Остерегайся тех, кто играет на ударниках. Они самые скверные. Но тогда был первый и единственный раз в моей жизни, когда у меня были друзья.

Я тщетно пыталась выкинуть из головы воспоминания об улыбающейся девушке с мягкими, полными губами, которую я увидела на долю секунды на дискотеке. Это не я хотела поцеловать её. Колин хотел поцеловать её. Да, он действительно был счастлив.

- Тесса тогда нашла тебя? Что случилось? - спросила я.

- Почти. Мне удалось ускользнуть от неё. Я снова убежал водным путём. Целые недели я был в море, пока не отважился вернуться на землю. В Азии, Океании, Карибском бассейне, всегда только на островах. Между тем, я снова был так одинок, что ей вряд ли удалось бы найти меня. И так долго, как здесь в лесу, мне ещё никогда не удавалось держать её на расстоянии. Но и таким одиноким я тоже ещё никогда не был. Пока не появилась ты.

Даже тёплый килт не мог прогнать холод, который пробрался до самых костей. Свою дрожь я уже почти больше не замечала.

Колин отнёс меня наверх, в свою ванную комнату, налил в ванну горячую воду и осторожно раздел меня. Я не сопротивлялась. Тихо я наблюдала за тем, как он снимает через голову рубашку и вылезает из своих штанов. Только широкий кожаный браслет остался на его запястье.

Отпечаток копыта под его пупком отсвечивал красноватым цветом в полу сумерках ванной комнаты. Я знала, это не было началом длинных счастливых отношений. Колин останется твёрдым в своём решении. Его жизнь меня не предусматривала. Но эта ночь больше уже ничего не меняла. Тесса была в пути не зависимо от того, останемся мы вместе или нет. В эти часы она ничего не могла нам сделать.

Я оперлась спиной на его грудь, прохлада и жар одновременно, и смотрела на мыльные пузырьки, которые поднимались на поверхность воды, когда мы двигались. Мистер Икс сидел на краю ванной и смотрел на нас недоброжелательно. Я ни о чём не хотела больше думать. Ни о школе, ни о дурацком пауке в моей комнате, ни даже о моём отце. А особенно о Тессе.

Мы больше не разговаривали. В какой-то момент мы покинули наше тёплое мокрое гнёздышко, и легли вместе на кровать Колина. Я хотела плакать, но слёзы только затрудняли мне дыхания, без того, чтобы течь из моих глаз. Никаких мечтаний у меня больше не было. Переплетённые друг с другом, так что я больше не могла сказать, где кончалось моё тело и начиналась его, мы дремали, приближаясь навстречу холодному, туманному дню.

Глава 39. Испытание

Мне казалось нереальным, почти абсурдным, когда Колин следующим утром настаивал на том, чтобы отвести меня в школу. Да, школа ещё существовала. Домашнее задание и рефераты. И классные работы. На одно мгновение мне захотелось всё бросить. Просто от всего отказаться. Но к этому моменту мы уже добрались до просёлочной дороги, и я должна была предстать перед родителями, которые сегодня утром обнаружили, что комната пуста. Для меня это было уже почти нормальным - покидать тайком дом и возвращаться только следующим утром, но для моих родителей это было в новинку. И, конечно же, не в радость.

Смущённо я поприветствовала маму, которая сидела одна, с заплаканными глазами в зимнем саду, перед ней полная чашка кофе, которую она видимо даже не пригубила.

- Чем я всё это заслужила? - вскочила она и посмотрела на меня так укоризненно, что я на короткое время забыла свою скорбь о Колине. - Родилась для того, чтобы всю жизнь беспокоиться? Беспокоиться о муже, беспокоиться о Пауле, а теперь ещё и о тебе. Я так больше не могу. И не хочу!

- Я только быстро возьму свои школьные принадлежности, - сказала я виновато и побежала наверх. Я была не в настроении, чтобы обсуждать правила. Если Колин не изменит своё решение, то в будущем у меня будет бесконечное количество времени, что ы спорить с родителями.

Но сейчас я не хотела пропустить с ним ни одной секунды. В своей комнате я быстро проверила паука. Он сидел, как и вчера, в углу под корнем и шевелил лишь иногда своими щупальцами. Он ждал. И он должен продержаться ещё немного, пока мой учитель биологии не обеспечит меня новыми жертвами.

Речушка была скрыта под тяжёлым одеялом тумана, когда мы проезжали мимо неё в сторону Риддорфа. Мы молчали, но Колин положил свою правую руку мне на ногу и оставил её там лежать, в то время как вёл машину одной рукой и как всегда непринужденно. Если бы только случилась авария. Ничего серьёзного, но так, чтобы нам пришлось остановиться, не доехав до школы. Но нам даже не пришлось останавливаться на перекрёстке.

Я взяла руку Колина и прижала её к своей щеке, вложила в неё своё лицо. Но даже прохлада его кожи не могла успокоить мои неистовые мысли.

Мы приехали. Он выключил двигатель и посмотрел мимо меня. Я не хотела выходить. Уже прозвенел звонок, и большинство учеников были уже в здании. Время не ждало. Это ведь не могло быть сейчас наше прощание навсегда. В машине. Перед моей школой. Это было как-то убого. Колин протянул через меня руку к двери и открыл её. Он должен был сделать это, потому что я никогда не открыла бы её сама. Холодный, яркий, утренний воздух наполнил машину. На горизонте уже образовались следующие дождевые тучи. Колин отвернулся от меня. Я оставалось сидеть.

- У тебя была жизнь до меня и после меня тоже будет. Пройдёт пару недель, и всё снова будет так, как будто мы никогда не встречались, - сказал он.

- Не говори всякую ерунду, Колин. Я это ненавижу, понятно? - ответила я резко. - Я не дура. Я знаю, что никогда не смогу тебя забыть. Ты мой мужчина. Баста.

Но что я могла ещё сделать? Тесса была на пути сюда. А я не имела представления, что Колин задумал сделать. Я с трудом верила в то, что он сам ещё этого не знает. Я чувствовала, что его мысли мчались ещё быстрее, чем мои. Но он мне не расскажет о них, потому что они могут привести меня в опасность.

Это он дал мне ясно понять сегодня утром. Тесса была опасна. И если у неё получится сделать то, что она собиралась, тогда и Колин станет опасным. Намного более опасным, чем сейчас.

- Эли, мне что, отнести тебя в твой класс?

Со слезами на глазах я посмотрела на него, но он продолжать смотреть на улицу. В последний раз я изучила его необыкновенный гордый профиль. Его выдающиеся скулы, отточенный нос. Эти почти девичьи, длинные, изогнутые ресницы. Я наклонилась и поцеловала его дрожащие кончики ушей. Я не знала, что сказать. Любая пустая прощальная фраза была бы насмешкой. Колин переживёт меня. Даже если я случайно встречу его через двадцать лет, на каком-нибудь острове, он по-прежнему будет молодым и стройным, выглядеть как двадцатилетний, а у меня будут целлюлит и висячая грудь.

Он не повернулся в мою сторону. Он казался холодным и недоступным, но рокот в его теле горячо пульсировал. Из последних сил я выскользнула в открытую дверь машины и, спотыкаясь, поднялась по лестнице школы.

На первой перемене я закрылась в туалете, чтобы спокойно поплакать и подумать. Делать одновременно то и другое хорошо не получалось. Поэтому я подавила слёзы и попыталась ясно размышлять.

Что сделает Колин? Убежит? Чтобы потом бродить по миру, пока не станет снова одиноким и несчастным, так что Тесса потеряет его след? Был ли у него вообще выбор?

Да, был. Я не знала, как выглядела Тесса. Но она должна быть необычайной красавицей. То, что я от неё видела, было не только не красивым, но даже отвратительным. Поэтому её лицо должно было быть шедевром природы. Этим лицом она соблазнила Колина. Демоны Мара не стареют. И ей это удастся снова. И может быть - может быть в Колине была какая-то часть, которая всё ещё с удовольствием хотела отдать себя ей. Его ненависть была заслуживающей доверия. Но устоит ли Колин, если увидит Тессу воочию? Я должна ожидать то, что она овладеет им во второй раз. Возможно, он даже хотел этого. Если это было так, то я не могла ничего против этого предпринять.

И именно я во всём виновата. Потому что не оставила Колина в покое, снова и снова разыскивала его. И не хотела понимать, что как раз это и приводило его в опасность.

Это было безнадёжно. Даже до горького конца я не могла остаться с ним. Во-первых, это приведёт Тессу к нему ещё быстрее. А во-вторых, месть Демонов Мара нельзя было недооценивать. Это Колин ясно внушил мне. Тем не менее, в данный момент я не возражала бы, чтобы умереть. По крайней мере, на некоторое время. Так, чтобы меня не было, и чтобы я не могла ничего чувствовать. И лишь тогда опять пробудиться, когда снова смогу вынести реальность.

После школы я позволила господину Шютц дать мне ещё несколько приговорённых к смерти сверчков и поехала домой.

Мама успокоилась. Она не задавала вопросов. Папа наказывал меня тем, что не обращал на меня внимания. В остальном оба вели себя так, как будто всё было как всегда и как будто отказа от отпуска на Ибицу никогда не было, и Колина не существовало. Я подыгрывала им. Я просто хотела покоя.

Папы почти никогда не было с нами. Он проводил все дни и ночи в клинике, чтобы наверстать ту работу, что накопилась. Мама бушевала в саду и потерпела поражение, проиграв осени. Всё, что перед её отпуском ещё так красиво и в изобилие цвело, теперь гнило у неё под руками. Земля на грядках пахла разложением. Везде тянулись слизистые следы от улиток на покрытой пятнами зелени. Розы увяли. Мои запутанные сны превратились в кошмары, от которых я просыпалась вся в поту и с болью в груди. Теперь я уже больше не искала в чужих беспорядочных квартирах кровать, в которой я, наконец, могла бы лечь спать. Нет, это были короткие, беспощадные сценарии ужасов.

В основном они переходили в парализующие сны наяву, которые я могла развеять только при помощи яркого света моей прикроватной лампы. Один раз возле моей кровати стояла смерть, в длинном, чёрном одеянии и с кассой за спиной. И снова и снова мне приходилось

уносить мои гниющие конечности или мёртвую голову, к которой прилипли измазанные кровью волосы. Куда, я не знала. Но я должна была это делать.

Через неделю после нашего с Колином прощания поведение паука изменилось. Мой реферат превратился в сизифов труд. Во всех книгах о пауках, которые господин Шютц мне одолжил, я ничего не нашла, что подходило бы к моему пауку. Уже то, что он упал с потолка, было нетипично для вдовы. Только в одной вещи я не сомневалась: это была самка. Самцы были незаметными и маленькими. Господин Шютц развил неясную теорию, что у паука из-за непреднамеренного путешествия в коробке с тропическими фруктами было нарушено естественное поведение. Но он сам не вполне в это верил.

Но теперь я сидела с гусиной кожей на шее перед террариумом и не знала, что делать дальше. Паук снова прыгнул несколько раз на стекло. Рано утром он разбудил меня, проделывая это. Голод, как причину, можно было исключить. За день до этого он обернул в кокон три взрослых сверчка и поглотил их. Странно было только то, что он почти не рос. Хотя мне это подходило, потому что, по-моему мнению, он был достаточно большой. Но на самом деле он должен был прибавить в весе.

В какой-то момент он перестал прыгать. Пару минут он сидел, как окаменевший, на крышке террариума, как будто размышлял о новом методе, как взломать свою тюрьму.

Потом он внезапно начал дрожать всем телом. В ушах у меня зажужжало, когда я, содрогаясь, наблюдала за ним. Жужжание не становилось громче, но стало более интенсивным. Даже если я находилась в самом удалённом углу комнаты, я всё ещё могла его слышать, как будто это было в моей голове. Паук продолжал постоянно дрожать, а моё отвращение неизмеримо возросло.

Нет. Хватит. Это животное я не хотела больше держать здесь. По расписанию у меня сегодня не было биологии, но я возьму его с собой в школу и вручу господину Шютц. Пусть сам разбирается с ним. Я не могла его больше выносить.

Жужжание не прекращалось. Казалось, никто этого не слышал, кроме меня. Но у меня от этого заболела голова, сильная, острая, пульсирующая боль в виске, которая постоянно разрасталась и по затылку дошла до правого плеча. Когда я смотрела на доску, то буквы и формулы вибрировали перед глазами. Солнечный свет казался мне таким ярким, что я жаждала, чтобы начался сильный ливень, и была рада, если небо иногда затягивало тучами.

После восьмого урока я сразу же пошла в биологическую лабораторию. Господин Шютц снова сидел позади медведя за своим маленьким, шатким столиком и прикалывал иглой сине-серого мотылька, чтобы потом положить его под стекло. Я поставила сумку с террариумом на стол, так, будто она содержала очень заразных болезнетворных микробов.

- Он ведёт себя странно, - сказала я и не могла предотвратить то, что в моём голосе послышался страх. - Я не знаю, что с ним.

Господин Шютц положил проткнутого мотылька в выдвижной ящик и посмотрел на меня испытывающе.

- С тобой всё в порядке, Елизавета? Ты кажешься мне бледной. Ты и вчера была молчаливой на уроке.

- Нет, - ответила я тихо. - Не в порядке. - Я не хотела и не могла обманывать его. Так же я не могла рассказать ему, что меня угнетало. - Но я справлюсь.

- Могу я тебе чем-то помочь?

Он снял свои очки для чтения. Он тоже выглядел усталым. Интересно, сколько ему лет? Во всяком случае, он больше не принадлежал к молодым среди учителей. Пятьдесят он точно уже превысил.

Я покачала головой и попыталась улыбнуться.

- Спасибо, но нет, вы ничего не можете сделать. Скажите мне просто, что происходит с пауком.

- Ну, тогда давай посмотрим на наше сокровище, - проворчал он деловито и открыл крышку.

Паук всё ещё дрожал. Он не выглядел больным или слабым, а скорее готовым к насилию. Жужжание в моей голове усилилось настолько, что я на короткое время закрыла уши руками. Господин Шютц не заметил этого. Его глаза были удивлённо направлены в сторону паука.

- Это необычно, - прошептал он. - Половое поведение. Она хочет спариваться. Хотя она живёт в неволе, и поблизости нет самца. Вот это да!

У меня было такое чувство, будто в моей голове что-то передвинулось, и освободилась новая сфера. Потом у меня перед глазами всплыла карта Таро с любовниками.

Когда я снова просыпалась из одного из этих ночных кошмаров и при включенном свете ждала, пока сердцебиение успокоится, я часто разглядывала эти карты. Это всё, что мне осталось от Тильмана и нашей короткой дружбы. Лунная карта была всё ещё для меня загадкой.

Башня - без сомнений, в промежутках моя жизнь была настоящим хаосом. Хаос, который становится всё более и более угрожающим. Но любовники? Эта карта призывала к решению, было написано в книжки моей мамы. К тяжёлому решению, которое не всегда можно было принять только головой.

Господин Шютц взял небольшую веточку в свои тонкие пальцы и осторожно сдвинул крышку террариума в сторону. Как сквозь туман я наблюдала за ним, карты Таро стояли перед глазами, которые как прозрачные наклейки перекрывали террариум и дрожащего паука.

- Опля! - закричал господин Шютц, когда паук агрессивным прыжком набросился на веточку и вырвал её у него из пальцев. Быстро он закрыл крышку и отступил на шаг. Паук, казалось, понял, что веточка была не самцом, а всего лишь дешёвым трюком. Неистово он бросился на стекло и задрожал ещё сильнее.

- Она поёт. Она хочет песней призвать самца. Она производит звуки, которые могут слышать только пауки.

Нет, подумала я, я их тоже слышу. Но я больше не могла говорить. Я видела любовников в удушливой хватке паучихи. Её длинные, дрожащие ноги обхватили их. Она готова уничтожить их. Угрожая, её щупальце касаются глаз мужчины.

Не говоря ни слова, я промчалась мимо господина Шютц и вонючего медведя из лаборатории и побежала вниз по лестнице. Образ перед глазами меркнул лишь раз. Тесса была здесь. Я чувствовала её всем телом.

И я не буду стоять, сложа руки, и смотреть, как она забирает у меня Колина. Я бы скорее умерла. В то время как я, тяжело дыша, бежала по грязному лесу, мои мысли перегоняли одна другую. Что мне делать? Был ли Колин вообще ещё дома? Но если я почувствовала её - тогда он почувствовал её и подавно. Жужжание в моей голове продолжалось. Я громко запела, чтобы заглушить его и чтобы оно не свело меня с ума. Потому что как раз мой разум мне ещё был нужен.

Проблема была в том, что я не знала, как Тесса себя ведёт. Маскировалась она под людей, как Колин? Или, как правило, не показывалась на людях, а только подстригала их ночью, чтобы похитить их сны? Можно было ли с ней вообще поговорить? Понимала ли она мой язык?

Когда я бежала по двору Колина, у меня появилась всего лишь одна не слишком убедительная идея. Я должна выдать себя за владелицу дома. Претвориться, что живу здесь. А если она спросит о нём, то я должна буду послать её по ложному следу - подальше отсюда. Это был глупый план, но лучше чем ничего.

С горящими лёгкими и запыхавшись, я устремилась в дом Колина, обыскала каждую комнату и даже подвал, ища его - напрасно. Его больше здесь не было. Беспорядок в гостиной

был убран. Пластинки снова стояли на полочке, даже фотографии Колин засунул в рамки, а килт повесил на стену.

Но дом казался мёртвым и безжизненным без него. Даже кошки исчезли. Только Мистер Икс своенравно сидел на каминной полке и грозно зарычал, когда я приблизилась к нему.

- Это я, мой зайчик, - сказала я тихо, и он позволил, наклонив голову, почесать ему за ухом, не прекращая гортанное рычание. Его мех потрескивал под моими холодными пальцами.

Когда я обошла дом и обнаружила Луиса, который стоял возле кормушки с навострёнными ушами, размахивая хвостом, я опустилась удручённо на пенёк рядом с поленницей. Был ли Колин уже в бегах, по дороге к какому-нибудь порту, где он наймётся на работу на какой-нибудь корабль, чтобы много лет больше не ступать на континент?

Боль в моём виске так сильно пульсировала, что мне стало почти плохо. Я склонила голову между колен и стала ждать, пока моё кровообращение до некоторой степени стабилизировалось.

Послеполуденное солнце проглянуло сквозь низко весящие тучи. Я зажмурила глаза и вспомнила с тоской сумеречную спальню Колина, его большую кровать с бархатным, красным покрывалом, под которым мы провели ночь, когда Тесса была ещё далеко-далеко. Может быть, оно пахло им. Я никогда точно не могла сказать, чем на самом деле пах Колин.

Это был по-настоящему смешанный запах, от которого можно было стать зависимым. Иногда я думала, что так должны пахнуть прекрасные воспоминания. Парфюм из всего того, что я пережила хорошего до сегодняшнего дня. Я вернулась в дом и поднялась с онемевшими ногами наверх. Если бы только, наконец, прекратилось это жужжание.

В спальне я упала на кровать, как будто это спасающая доска в бушующем море. Я сильно прижалась лицом к серой подушке. Тихий шелест смешался с настойчивым жужжанием - шелест бумаги. С усилием я приподняла голову и просунула руку под подушку.

Это был конверт, без обратного адресата. Я открыла его и вытащила тяжёлый, сложенный лист бумаги Верже. На глазах у меня выступили слёзы, когда я узнала почерк Колина.

"Моя дорогая, упрямая Эли. Если моя догадка сбудется и эти слова станут явью, потому что ты читаешь их, тогда ты снова не послушалась меня. Ты самая упрямая женщина, которую я когда-либо встречал. И сейчас я прошу тебя в самый последний раз: Уходи отсюда. Нет, я приказываю тебе это. Засунь письмо в карман своих штанов и беги, так быстро, как только можешь. Оставайся со своими родителями, лучше всего рядом с твоим отцом, и не выходи из дома одну-две недели. Я чувствую её. Она приближается. Придумай что-нибудь, почему Ты пропускаешь школу. Ты умная, ты быстро всё снова наверстаешь. Но, пожалуйста, пожалуйста, спаси свою жизнь.

Хорошо. Значит, ты здесь. И всё ещё не слушаешься меня."

- Ах, Колин, - прошептала я, и одна слезинка капнула на листок бумаги. Сразу же чернила образовали маленькое голубое озеро, а первые несколько строчек стали неразборчивыми. Я поспешно вытерла своё лицо, сглотнула и стала читать дальше.

"Тогда, хочу я это или нет, мне придётся рассказать тебе, что теперь случится или может случиться. Тогда ты, наконец, поймёшь, что тебе здесь больше нечего делать. Я не хочу больше убегать. Мне надоело убегать от Тессы, подчиняться её жадности или даже бояться её. Я предстану перед ней. Ты один раз спросила, можем ли мы вообще умереть. Да, мы можем. Во всяком случае, я об этом слышал. Существуют два способа, о которых рассказывают. Один из них, в моём случае можно, исключить; поэтому не хочу тратить время, рассказывая о нём. Другой состоит в схватке Демона Мара против Демона Мара. Люди не могут убить нас. Но говорят, что в схватке мы можем убить друг друга. Неравная схватка, так как у Тессы со мной разница в возрасте примерно 500 лет. Чем старше, тем сильнее. Говорю тебе как есть. Что касается магии, она превосходит меня. В человеческих же навыках превосхожу её я. Я нахожусь в хорошей форме. Волк позволил мне выпить его мечты несколько раз. Я собрал столько

энергии, сколько смог. И я ушёл вглубь леса. Я не далеко от тебя, Эли. И всё же ты не найдёшь меня, потому что я нахожусь наверху, на верхушках деревьев. Тесса глуповата. Сначала она последует по самому яркому следу, туда, где я чувствовал счастье. К ручью, там, где мы купались. (У Тебя очень милая попка, Лесси – нет, ты не ненавидь это имя. Лесси - это по-шотландски и девушка. А ты моя девушка.) Потом Тесса доберётся до дома. Там везде мой запах. И запах прекрасных грёз, в которые я погружался, когда въедался в твою душу. Но меня там не будет. Она начнёт искать дальше и, в конце концов, найдёт. В этом я не сомневаюсь. Она найдёт меня. Я не думаю, что это произойдёт, но, может быть, у меня есть крошечный шанс, что я смогу противостоять ей, по крайней мере, несколько дней, если буду подстерегать её сверху. Так, что она не сразу меня получит. Я знаю лес как свои пять пальцев, и я знаю, где можно будет в промежутках выпить, чтобы зарядиться энергией. Но вероятно - весьма вероятно - я проиграю. Самое позднее, после трёх-четырёх дней. Она или убьёт меня от чистой ярости и гнева, потому что я нападаю на неё. Или она сразу же завершит метаморфозу, даже не захотев принять участия в схватке. И тогда во мне не останется ничего человеческого. Если ты к этому времени будешь ещё здесь - если вообще сможешь скрыться от Тессы и убежать от неё - тогда ты будешь первой, кого мы атакуем. Тесса любит общие праздничные трапезы. Поэтому: беги сейчас. Пока ещё светло. Но светло ли ещё? О, Эли, я не могу вынести мысль о том, что она что-то тебе сделает. Я не знаю, как Тесса ведёт себя по отношению к человеческим женщинам. Я этого никогда не видел. Но я с трудом могу себе представить, что она отпустит тебя. Её не интересуют твои сны. Они нет. Женские сны она ест только при крайней необходимости. Но ты её соперница. И какой бы глупой она не была - это не ускользнёт от неё. Тесса безжалостна. Она долго не мешкает, если кто-то стоит у неё на пути. Может быть, Ты видела Луиса. Я специально оставил его здесь. Чтобы быть сильным в схватке, мне нельзя иметь человеческие чувства. Прекрасные чувства подрывают мои силы, если они исходят от меня. Каждое честное, прекрасное чувство отнимает у меня энергию. Поэтому мне приходилось часто отдыхать, перед тем как ты посещала меня или после того, как уходила. И у меня снова быстрее появлялся голод, чем тогда, когда я был один. У Луиса достаточно пищи в его кормушке и ворота я закрыл так, что он сможет убежать, если я больше не вернусь. Луис сможет некоторое время продержаться. Он находит в лесу пищу и воду. Но если ты в ближайшее время услышишь или прочитаешь о беглой лошади, тогда, пожалуйста, позаботься о том, чтобы он получил хорошее место, а не попал к мяснику, как бы гадко он себя не вёл. Навещай его иногда и рассказывай ему обо мне."

Мне пришлось убрать письмо на некоторое время в сторону, потому что ещё больше слёз угрожали уничтожить его. Это, должно быть, разбило ему сердце. Он бросил Луиса здесь. Своего Луиса.

"Тебе не понравилось, когда я сказал, что хочу умереть. Но это желание облегчило мне моё решение. Я только надеюсь, что Тесса меня убьёт, а не превратит. То, что я смогу её так разозлить, что она забудет о своих настоящих намерениях. Я прожил столько много жизней, носил столько разных имён. И снова и снова мне приходилось бросать всё и бежать. Когда я приехал сюда, в лес, то взял снова своё старое имя. Колин Иеремия Блекбёрн. Шотландское обыкновенное, везде распространенное имя, но я привязан к нему. Может быть потому, что я никогда не был обыкновенным мужчиной. Оно должно быть моим первым и моим последним именем. Луис должен быть моей последней лошадью. А ты не моя первая любовь, но ты будешь последней. И та, с кем у меня всегда были чувства. Несмотря на все, что я говорил или делал, ты всегда была рядом. Ты искала во мне не человека. Я даже думаю, что ты любила во мне Мара. А во мне совсем мало осталось от человека, Эли, как бы я не старался изменить это. Но прежде всего ты первая, которая сумела заставить меня забыть Тессу. За это я люблю тебя и за это же проклинаю. Но это отразилось на мне благотворно, забыть о ней. Я чувствовал себя почти счастливым. И лучше я умру, прожив жизнь, в которой Тесса на несколько мгновений не

имела надо мной власти, чем влачить безопасное и вечное существование в её тени. Кроме того, что за будущее было бы у нас? Я буду оставаться двадцатилетнем, хочу я этого или нет. И я не могу иметь детей. Когда-нибудь ты захочешь иметь ребёнка и вести нормальную жизнь. Я, правда, не знаю, как это у тебя получится, но это придёт. Тогда у тебя не будет потребности в таком, как я. Мне нужно ещё немного отдохнуть, прежде чем она приблизится настолько, что мне нужно будет уходить.

Даже если это погубит нас: мне с Тобой было хорошо. Я ни о чём не жалею. Мне любопытно, каково это - умереть. Колин."

- О, Колин. Ты гигантская задница с ушами, - рыдала я и смяла письмо, чтобы потом сразу же снова разгладить его и прочитать во второй раз. Ладно. Господин захотел, значит, умереть.

Но мне не нравились мелодрамы. Мне ещё не было восемнадцати, и я хотела жить. И по возможности, вместе с гигантской задницей. По крайней мере, время от времени. Он любил меня, и я любила его. Должна же быть возможность что-то из этого сделать.

Нормальная жизнь. Уф. Когда было вообще что-то нормально в моей жизни? И если он умрёт, то и я могла умереть. В любом случае, я всё равно не хотела больше другого мужчину. Мне будет всё время казаться, как будто я изменяю Колину. И я буду тщетно искать заострённые кончики ушей или ждать, что наши волосы начнут играть друг с другом в парикмахера. Так что у меня не было другого выбора, как ожидать здесь в доме Колина прибытие Тессы и надеяться, что мой нелепый план поможет нам хотя бы выиграть время. Когда же Тесса для начала отвлечётся, тогда я, может быть, смогу поискать Колина и вместе с ним окунуться в смерть.

Колин неоднократно подчёркивал, что Тесса была глупой. Я, же в любом случае, не была ею. Небольшое утешение, когда имеешь дело со сверхъестественными силами. Но я должна была как-то поддержать саму себя, потому что от страха мне было настолько плохо, что у меня было такое чувство, будто моё сердце в следующий момент выпрыгнет из груди.

Но ещё сложнее было выносить высокое жужжание в голове, не теряя при этом рассудок. Снова и снова я должна была удерживать себя от того, чтобы не биться головой о стену.

Сумерки наступили быстро. Ещё раз лето пыталось изо всей силы противостоять, хотя уже давно проиграло. Мерцающий рой тысячи светлячков вился вокруг, от небольшого ветерка шепчущихся кустарников, а деревья сильно пахли влажными листьями и полевыми цветами. Пение цикад жаловалось и страдало. Оно вернуло меня назад в лето. Я чувствовала тёплый, вечерний бриз в моих волосах и прохладную руку Колина на животе. Но по земле распространялся сине-серый туман, как зверь, который постоянно рос и раздувался, чтобы всё вокруг себя поглотить с ужасной медлительностью. Между качающихся верхушек елей поднялась кроваво-красная луна и величественно позволяла чёрным угловатым дождевым тучам проноситься мимо себя. Там, наверху, должно быть, бушует буря.

Я всё ещё была в спальне Колина и пела самой себе, чтобы блокировать жужжание и успокоиться. Постепенно я больше не могла вспомнить ни одной песни. Нет, одна ещё была. Я улыбнулась, когда подумала о ней, как раньше мама всегда мне пела её. Маленькие цветочки, они спят.

Я подошла к окну и смотрела на клубы тумана, которые извивались вокруг деревьев и покрыли всю паутину, находящуюся между папоротником и травой, бесчисленным количеством капелек. Светлячки пропали. Ни одной цикады больше не пело. Стало тихо, как в гробу. Только вибрирующее жужжание в моих ушах становилось всё сильнее.

- Маленькие цветочки, они уже давно спали под лунным светом, - пела я надтреснутым голосом, борясь с ним. - Они опустили головки на своих стебельках ...

Фигура выступила из тумана, небольшого роста и худенькая. Она тут же засеменила в сторону дома, как будто бы её вела не видимая линия. Её длинные рыжие волосы разметались до самых бёдер.

Её одежда слегка поднималась вверх, хотя ветер прекратился. Листья на деревьях вокруг неё изменили цвет и потихоньку падали на землю. Было чувство, словно природа внезапно и навсегда умерла. Ничего больше не двигалось.

Но это не был один из моих апокалиптических кошмаров, из которых я в какой-то момент просыпалась. Я не спала. Это происходило на самом деле.

- Дерево в цветах качается, оно шепчет как во сне, - продолжала я петь шёпотом и отошла, пятясь назад от окна.

Я должна спуститься вниз. Встретить её. Я уже слышала, как её ногти царапали по тяжёлому железному кольцу на входной двери.

- Засыпай, засыпай, засыпай, мой малыш.

Я открыла дверь.

Глава 40. Сладких снов

Ещё когда я нажимала на ручку, я твёрдо решила не смотреть ей в лицо. Ревность и зависть мне были сейчас не нужны. Я должна была оставаться в здравом уме.

Я смотрела только на её ноги; смехотворно маленькие ноги, которые были зашнурованы мягкой кожей, и чьи носки выглядывали из-под рваного подола её юбок и накидок. Удушливая смесь затхлости плесени и мускуса достигла моего носа. Мне пришлось сглотнуть, чтобы подавить тошноту.

Но прежде всего я должна была состроить по возможности дружелюбное, ни к чему не обязывающее лицо. Я заставила уголки рта приподняться вверх и понадеялась, что она меня поймёт.

- Добрый вечер. Могу я вам чем-нибудь помочь?

Она не ответила. Я подождала одно мгновение, два, пока не поняла, что я была единственной, кто дышал. Это существо передо мной было живым, я чувствовала его запах и самого его. Но оно не дышало. Оно было голодным. Её фалды юбок снова стали передвигаться и нарисовали полосы в мягком песке перед входом дома Колина.

- Вы меня понимаете? - спросила я немного громче. Мышцы моего лица свела судорога. Жужжание в голове безжалостно тянуло мой висок и заставляло вену на лбу горячо пульсировать. От боли я чуть не упала на колени. Левой, спрятанной от Тессы рукой, я вцепилась в дверную раму, чтобы не упасть в обморок.

Она всё ещё никак не реагировала. А я была в не выгодном положении, если буду продолжать смотреть вниз, на эти девичьи ноги в их зашнурованных, кукольных башмачках. Медленно мои глаза скользили вверх, вдоль рваного, поеденного молью бархата её тяжёлой накидке, пожелтевшего кружева на её рукавах, из которых выглядывали её маленькие, запакованные в кожаные перчатки руки. Она сложила их перед животом, как в молитве. По её уже почти непристойному потоку рыжих извивающихся как змеи волос и вверх до завешенной цепями шеи и её лица. Пауки, тараканы и клещи роились сотнями в её волосах.

Она смотрел сквозь меня. Сбитая с толку, я подняла руку, чтобы обратить её внимание на себя, и пыталась поймать её взгляд. Но она стояла как слепая передо мной, взгляд направлен на то, что находилось у меня за спиной, или куда-то в своё воображение. Ошеломлённо и с отвращением я разглядывала её лицо. Круглое лицо с заострённым подбородком и высоким лбом принцессы, увенчанный стреловидной линией волос.

Её кожа была одутловатой и бледной, как смерть. Тонкие губы она намазала тёмно-красной помадой. Нет, это скорее выглядело как землистая паста, которую она сама смешала. И которая крошками прилипла к уголкам её рта. Её вздёрнутый нос заканчивался двумя абсурдно большими ноздрями, которые, когда она принюхивалась, расширялись, и в которых шевелились тонкие рыжие волоски. Может, это были её глаза, сделавшие Колина безвольным? Большие, скользкие, водянисто-зелёные глаза со зрачками размером только с булавочную головку, и красными, как ржавчина, ресницами, над которыми возвышались выгнутые брови, которые казались одновременно демоническими и невинными. В целом фатальная смесь из девочки и бестии. Но точно не голливудская красавица.

Но Тесса всё ещё не воспринимала меня. Теперь она сложила свои измазанные губы в трубочку, и восторженное выражение появилось на её кукольном лице. С тихим воркованием она резко повернула голову в сторону. Испугавшись, я отступила, когда она внезапно направилась в мою сторону.

Я не могла предотвратить то, что её накидка коснулась меня. Быстро я схватилась за воротник своего джемпера и прижала его к носу, чтобы не вдыхать запах Тессы.

Мимо меня она просеменила в кухню Колина, а затем дальше, в гостиную. Снова она проворковала и подняла голову, принюхиваясь. Потом быстро, как молния, стянула перчатки и

бросила их на пол. Бархатистая шерсть на тыльной стороне её ладоней мгновенно встал дыбом. С хриплым стоном удовольствия она расправила руки и повернулась вокруг себя, как балерина.

Я хотела заговорить с ней ещё раз, чтобы, наконец, обратить её внимание на себя, но чёрная тень рядом со мной отвлекла меня. Мистер Икс спрыгнул с каминной полки и стал двигаться в сторону Тессы, распушив при этом хвост в гигантский ёршик и ощетинившись. Медленно, как в замедленной съёмке, он приближался к ней, приглушённо рыча. Рычание, которое быстро перешло в агрессивное шипение.

Но Тесса проигнорировала его. Мистер Икс, сбитый с толку, остановился и спрятался под кухонным столом.

- Вы ищите что-то конкретное?- спросила я громко и поняла, что мои комментарии становятся всё более глупыми. Кроме того, мой вопрос был излишним. Я знала, что она искала.

Растопыренными пальцами Тесса провела по фотографиям на каминной полке. В уголках её губ крошки помады смешались с водянистой слюной, и, как красноватая кашица, она капала на пол.

Теперь она обнаружила килт. Гортанный крик вырвался из её бледного горла. Она бросилась, дрожа, на стену и похотливо тёрлась низом живота о материал в клеточку. Жадно она вцепилась пальцами в ткань. Её острые ногти оставили длинные разрывы. В том килте, которым Колин меня согревал. Я у него на коленях. Моя голова у него на груди. Как будто бы она почувствовала мои мысли, она упала глухо на пол, вскочила в считанные секунды на четвереньки и развернулась, вздрагивая. Снова её ноздри зашевелились. Мои нервы, во всяком случае, больше не выдерживали, а моё терпение подошло к концу.

- Эй! - воскликнула я раздражённо, размахивая в стороны руками. - Вы меня видите? Слышите? Есть кто дома?

Тесса направилась к комоду рядом с окном, распахнула двери и начала, размахивая руками, копаться в вещах Колина. Снова и снова она тёрла низ живота его рубашками и штанами, прижимала их к своей мягкой груди или облизывала их, причмокивая.

Постепенно я стала понимать, что тут происходит. Тесса меня действительно не видела и не слышала. Наверное, я могла бы скакать голой вокруг камина или повеситься на люстре перед её глазами - она не обратит на меня никакого внимания. Я была для неё неинтересна. Я была слабым маленьким человечком, которого она могла уничтожить одним движением руки, если бы захотела. Я ничего не могла против неё предпринять. Вообще ничего.

Она подстёгивала аппетит личными вещами Колина, всем тем, что я любила. Его застиранными рубашками, которые всё время были слишком широко открыты, его килтом, который согревал меня, его узкими брюками, которые так сильно ему шли, фотографиями из того времени, когда он был больше человеком, чем Демоном Мара. И Алиша была ещё жива.

Для Тессы я была даже ещё меньше, чем воздух. Я должна была смотреть на то, как она практиковала здесь свою извращённую прелюдию, а затем отправляется искать Колина.

Она уже была на пути на верхний этаж. Нет. Нет, только не в спальню, только не в кровать Колина. Что угодно, только не это. Я бросилась вслед за ней и хотела потянуть за затхлый подол её длинных одежд, чтобы она споткнулась, когда она резко остановилась и медленно повернула голову.

Я твёрдо смотрела на неё. Если придётся, то я хотела умереть с ней лицом к лицу. Но она всё ещё не смотрела на меня. Её взгляд был полон жадности. Её гортанное воркование перешло в рычание, которое забрало всю мою силу. Снова я вцепилась в перила лестницы, чтобы не упасть.

Быстрая, как хорёк, она пронеслась на своих крошечных ногах по ступенькам вниз и бросилась к двери. От доносящегося запаха от её развевающейся одежды я задохнулась, и меня затошнило. На языке у меня появился вкус желчи. Но у меня сейчас не было времени. Она учуяла какой-то запах. О Боже. Неужели она обнаружила Колина? Могла ли она сделать это так

быстро? Или он вернулся, потому что боялся, что я всё ещё была здесь? Уходи Колин, умоляла я в мыслях и запретила себе в тот же момент ещё раз называть его по имени в своих мыслях. Возможно, это даже ускорит охоту Тессы.

Я бежала за ней и смогла ещё как раз протиснуться через захлопывающуюся дверь. Идя, качаясь, руки всё ещё расправлены, а голова откинута назад, так что её развевающиеся, как змеи, волосы почти доставали до земли, Тесса двигалась по кругу на матово-мерцающем гравии. Уже стало почти темно. Только на западе кроваво-красный отблеск напоминал о дне.

В кустах, позади въезда, вспыхнул огонь. Ветки отклонили в сторону, а листва, умирая, упала на землю. Осенняя листва в сентябре. Тесса начала пронзительно, но тихо распевать, что вместе с жужжанием у меня в голове слилось в безумную симфонию. Её палец двигался, маня, а её маленький кадык подпрыгивал.

Теперь он отклонил последние ветки в сторону и показал себя ей, выпрямившись в ожидании. Вспыхивающее пламя обрамляло его сзади. В то время как он лёгкой, упругой походкой, как хищник, приближался к Тессе, он разорвал руками свою футболку. Его волосы встали дыбом, чтобы, как пламя, извиваться в небе. Теперь и он расправил руки и выпятил свою мальчишескую грудь в сторону Тессы. Это был не Колин. Это был Тильман. Тесса манила Тильмана.

- О, нет ... - прошептала я. - Ты тупой, тупой идиот. Ты не должен был больше следить за мной.

Чем он был для неё - закуской между делом - или тем, чего я боялась: новым спутником жизни?

Оставалось всего только несколько метров между нелепо танцующей и поющей Тессой и Тильманом, чьи сузившиеся глаза смотрели на неё с тоской. Казалось, в них играют искры. Да, было так, будто всё его тело горело. Теперь он разорвал остатки своей футболки, так, что его верхняя часть тела была полностью обнажённой.

Как я только могла подумать, что он послушает меня? В конце концов, я ведь тоже не послушалась Колина. Только поэтому я и была здесь. Если бы только я всё рассказала Тильману и нарушила клятву, данную отцу, тогда он знал бы, с кем имеет дело. Но так - так он станет одержимым ею. Почему я не видела, как он был одинок? Разве ничего не было, что смогло бы удержать его в этом мире? Нет, было. Это была я.

- Тильман, нет! - закричала я и встала между ним и Тессой. Её запах я теперь была вынуждена переносить. Стошнить меня могло и позже. Если это позже будет.

Тильман не замечал меня. Это кошмар, думала я отчаянно. Тесса меня не видит, а теперь и Тильман не видит меня тоже. Я схватила его за его узкие плечи и посмотрела ему прямо в глаза. Они горели для Тессы. Недовольно он попытался вырваться.

- Тильман, нет! Она злая. Она хочет твою душу, твои мечты, твои желания - всё. Не ходи к ней. Оставайся здесь, со мной. - Я затрясла его так сильно, как только могла. - Посмотри на меня! - заорала я и ударила его справа и слева в лицо. Быстрым взглядом назад я убедилась, что Тесса всё ещё не обращала на меня внимания.

Едва заметная дрожь прошла через тело Тильмана.

- Нет, Эли. Разве ты не видишь, как она прекрасна? Что она меня любит? - сказал он мягким голосом. Он с нежностью улыбнулся. Я ещё никогда не видела, чтобы он так улыбался. Где была его нахальная ухмылка? Я ненавидела эту улыбку. Она не принадлежала ему. Она была произведением Тессы.

- О нет, я этого не вижу, - ответила я сердито. - Потому что это не так.

Я облокотилась на него, чтобы он не мог пойти дальше. Раздражённо он оттолкнул меня в сторону. Теперь и пение Тессы на короткое время оборвалось. Она хрюкнула, хрюканье как у свиньи, которая хочет избавиться от надоедливой мухи. Я замерла. Но вот она уже снова

повысила свой голос. Я сильно размахнулась и въехала кулаком ему в грудь. С болезненным вздохом Тильман осел на землю.

- Так, а теперь ты выслушаешь меня, - прошипела я и схватила его за горло. - Она злая. Мы должны убраться отсюда. Тильман, я всё расскажу тебе, после того как мы убежим. Доверься мне. Пожалуйста.

Его взгляд стал более внимательным. Но так же и очень сердитым.

- Не вмешивайся в мою жизнь, Эли. Она всё то, что я когда-либо хотел. Здесь меня ничего не держит. Это моё решение. Что ты вообще хочешь от меня? Ты запретила мне видеть тебя и...

- Тссс, - сказала я и закрыла ему рот. Ему нельзя было ни в коем случае произносить имя Колина. Тесса снова зарычала и прервала своё брачное пение, и в этот раз её пауза длилась мучительно долгие секунды. Она начала воспринимать меня. Я слышала, как шуршит её одежда. Она приближалась.

- Тильман, - попыталась я в последний раз, в то время как я потянула его за волосы, ударила в лицо, сдавила ему плечи, чтобы он продолжал бодрствовать. Мне было самой больно делать это, но так должно было быть. - Ты мне нравишься. Ты мой единственный друг здесь и ты важен для меня. Твои карты были важны для меня. Я благодарна тебе за это. Пожалуйста, останься здесь. Ты мне нужен. Чёрт побери, останься здесь. Ты мне на самом деле нужен.

Я не обманывала. Я чувствовала, что это было правдой. Может быть, я не нуждалась в нём именно сейчас, но когда-то он мне будет нужен. Тень упала на лицо Тильмана, и искры в его глазах потухли. Тесса стояла позади нас. Её острые пальцы дёргали, теряясь в догадках, мои волосы. Её пение прекратилось.

- Отвлеки её, и жди меня здесь, - прошептала я Тильману настойчиво. Я должна была верить в то, что чары спали, и он будет сопротивляться. Прежде чем Тесса поняла, что она с Тильманом была не одна - Колин был прав, она была действительно довольно глупой, - я протиснулась мимо неё и побежала вокруг дома. Луис панически скакал возле ограды туда-сюда и бросался всем телом на забор.

Когда он меня увидел, он на мгновение приостановился.

- Луис это я, - прошептала я, и в первый раз у меня было такое чувство, что он узнал мой голос. Узда с длинным поводом лежала рядом с деревянной кладкой на контейнере для ухода за лошадьми. Удила и седло были бы лучше, но я, в любом случае, не могла ездить верхом, так что не имело значения, с каким оборудованием я сломаю себе шею.

Ограждение мне нельзя открывать. Луис тут же сбежит. Неловко я перелезла через ограду. Мягкий взгляд, напомнила я себе, так как я научилась этому у Колина. Только не смотреть в глаза. Я смотрела вниз на танцующие копыта Луиса, пока не встала как раз перед ним. Узда была уже открыта, мне нужно было только надеть её ему. Мне пришлось подняться на носочки, но всё прошло проще, чем я думала. Быстро я просунула язычок замка через дырочку.

- Луис, прошептала я так успокаивающе, как только было возможно в этой ситуации. – Пожалуйста, пойдём сейчас вместе.

Я открыла заграждение. Луис проскочил мимо меня. У меня почти выскользнула верёвка из рук. Как ковбой, я упёрлась каблуками в землю и потянула на себя. Луис остановился, тяжело дыша. Верёвку я всё ещё держала в своих кровоточащих руках.

Бойко я шагала вокруг дома и тянула огромную, фыркающую от страха лошадь за собой. Хотя я от облегчения могла бы поцеловать землю, когда увидела, что Тильман смог сопротивляться ей. Но этим он раздразнил её до смерти. Снова и снова он бросался на гравий и откатывался в сторону, чтобы она не могла поймать его между своих когтей. Он вспотел, а его щёки горели. Его движения стали неуклюжими. Я удивлялась, что у него всё ещё не начался приступ астмы, и ускорила шаг. Тильман споткнулся, когда хотел ускользнуть от Тессы в

очередной раз. Быстро она воспользовалась возможностью и набросилась на него. Сразу же она сдвинула свои бёдра к его животу, и раздался её холодный хриплый смех. Тильман опустил руки по сторонам. Было слишком поздно. Она возьмёт его себе. Но внезапно он вскинул голову резко вверх и твёрдо посмотрел ей в глаза.

- Колин, - сказал он только, и уже по изящному девичьему телу Тессы прошла животная дрожь. - Он где-то там. - Тильман показал в сторону леса.

Нет, простонала я в мыслях. Почему ты предаёшь его? Зачем ты это делаешь? Тесса отпустила Тильмана и развернулась, принюхиваясь.

- Ну же, ищи собачка, ищи, - потребовал Тильман саркастически. Я встала между ним и Тессой, держа верёвку крепко в правой руке.

- Ты не получишь Колина. Никогда, - сказала я холодно, глядя прямо на Тессу. Наконец она обратила на меня внимание и посмотрела мне в глаза. Немного удивлённо, немного насмешливо и бесконечно злобно.

Она ещё раз пронзительно рассмеялась, подняла вверх свои когти и направилась, покачиваясь, ко мне. Ладно. Хватит болтать. Луис позади меня стал вставать на дыбы, и я едва могла удерживать верёвку. Я отступила, оттолкнулась энергично от земли и подтянулась на спину Луиса. Я почти снова соскользнула вниз, но вовремя ухватилась за его длинную гриву и удерживалась за неё, пока не восстановила равновесие.

- А теперь ты! - крикнула я Тильману. Как маленький чертёнок он бросился на нас и одним прыжком забрался наверх. Со спины Луиса Тесса казалась крошечной. Но это не приуменьшало её злобу. - Прикончи её, - прошептала я Луису. Но Луис был не в настроении бороться.

Как только я намотала верёвку себе на руку, он перешёл в дикий, неравномерный галоп. Он промчался вплотную возле Тессы и я услышала, что одно из его копыт ударило её. Но она только хрюкнула.

Вот, значит, как это, когда лошадь, на которой ты сидишь, понесло, подумала я через некоторое время, продолжая упорно держаться за гриву Луиса.

Верёвку я уже давно выронила. Ветки хлестали меня в лицо, когда Луис прорывался через кусты, и иногда он начинал скользить и спотыкаться. Но всегда он был в состоянии снова восстановить равновесие. Нам ничего другого не оставалось, как только позволить ему бежать дальше. Самое главное подальше от Тессы. От Тессы, которая теперь идёт по следу Колина. Я смогла спасти только Тильмана. Не Колина.

- Если ты немного расслабишь ноги, тогда он, может быть, и остановиться, - прокричал Тильман мне в ухо, после, казалось бы, бесконечной верховой езды через лес и поле. Я даже не заметила, как сильно я надавливала своими пятками в бока Луиса - от чистого страха и напряжения. Я расслабила их, в тот же миг он перешёл из галопа в неприятную рысь, а потом на шаг.

Я оторвала одну руку от его гривы. Она кровоточила, свои пальцы я больше не чувствовала. Тем не менее, я протянула руку вперёд и выловила повод. После того, как я осторожно потянула за него, Луис остановился. Со слезящимися глазами я огляделась. В долине я смогла увидеть нашу деревню. До дома оставалось совсем недалеко.

Мы сползли с вспотевшей спины Луиса на землю и лежали на траве, задыхаясь, в течение нескольких минут. Над нами между двумя облаками проглянула луна. Я могла видеть узкий кусочек чёрного неба и мерцающие звёзды. Я выскользнула из своего кардигана и отдала его Тильману, чтобы он смог хоть что-то надеть на себя.

- Почему ты предал Колина? - спросила я наконец. - Я имею в виду - откуда ты мог знать, что она ищет его?

Тильман подпёр голову локтями и посмотрел на меня. Я испугалась. Что-то в нём осталось от неё. Он выглядел по-другому. Это было в его глазах. Немного её яд подействовал на него.

- Скорее всего, ты посчитаешь меня сейчас совсем сумасшедшим, - сказал он нерешительно. - Но там был голос. Я слышал голос. И он приказал мне, что я должен назвать его имя и сказать ей, что он находиться там в лесу. Поэтому я это сделал.

- Добро пожаловать в клуб, - простонала я и слизнула солёную кровь с руки.

- Ты действительно должна мне всё рассказать, Эли, - попросил меня Тильман. В его глазах вспыхнул чистый страх. - У меня такое чувство, что я схожу с ума.

Да, это чувство было мне знакомо.

- Потом, - сказала я из последних сил и отогнала мысль о том, что, возможно, Тесса уже достигла Колина. Что сейчас всё начнётся. В этой влажной, пасмурной ночи.

Тильман встал и вытащил пару маленьких предметов из кармана штанов.

- Что это? - спросила я устало, когда он снова сел рядом со мной и положил их на траву.

- Они выпали из её одежды, когда она - когда она пыталась ... - Он беспомощно замолчал. Я посмотрела на них. Серебреное колечко - серёжка Колина? - амулет с кельтскими символами, пара потемневших старых монет и его ключ от машины. Это были вещи Колина. Эта жадная тварь.

- Это его, не так ли? - спросил Тильман тихо. Я только кивнула. Слёзы почти душили меня. Тесса, должно быть, украла их, когда она рылась в доме Колина. - Я даже не знаю, почему я потратил впустую время, подбирая их, - сказал Тильман задумчиво. - Из-за этого она меня почти поймала. Может, это была уловка с её стороны. Я не знаю. Во всяком случае, я смог их подобрать, прежде чем ты вернулась с Луисом. Хочешь взять их?

Он подобрал их и сунул мне в мои кровоточащие руки. Вместе мы потащились вниз в деревню и к нашему дому, где я привязала Луиса за столб от забора в саду и налила ему ведро воды. Он пил длинными, глубокими глотками.

Я села на скамейку под крышей гаража и ревела. Тильман присел на корточки рядом со мной и ждал, пока я закончу. Потом я сделала глубокий вздох, вытерла слёзы и всё ему рассказала. Кем был Колин, как он «этим» стал и какую роль играл мой отец во всём этом. Парень побледнел.

- Теперь меня действительно мутит, - сказал он наконец. Его руки дрожали. - Но она была так прекрасна, - бормотал он перед собой. - И я был выше неё. Для неё я был великаном.

- Мужчины! - закричала я раздражённо. - Господи. Что с вами такое? Она самая отвратительная баба, которую я только когда-либо видела. Она даже не может правильно краситься! И от неё воняет, как от чумы.

Тильман в недоумении покачал головой.

- У меня было такое чувство, что она может дать мне всё, о чём я только мечтал. И даже больше. Что она сделает меня счастливым. Я так был в этом уверен. Кроме того, я мог дышать. На грудь больше не давило. Это чувство от астмы - оно исчезло! Полностью улетучилось. Она меня исцелила.

- Исцелила, - фыркнула я. - Колин как раз борется против неё. И скорее всего, проиграет, - подавила я его незадачливые, любовные размышления.

- А если он проиграет? - спросил Тильман.

- Тогда помоги нам Бог.

Это звучало эмоционально. Но я так чувствовала. Если Колин объединится с Тессой и обрушится на нас, то мы были потерянны. В противном случае, он умрёт. Молча, мы слушали, как Луис щипал траву и иногда фыркал, как будто сам хотел себя успокоить, пока папа не вышел из зимнего сада и не подошёл к нам. Я уже видела, как он за нами следит, когда привязывала Луиса.

- Приютить бездомную кошку - это ещё пойдёт, Эли. Но чужую лошадь ...

- Всего на одну ночь, - сказала я недружелюбно. - Завтра я найду для него другой приют.

Я подняла взгляд и посмотрела на папу. Он ведь точно знал, что эта лошадь принадлежит Колину. И конечно, он подозревал или даже слышал, что я только что рассказала Тильману. Тем лучше, что я не упомянула ни одним словом то, что случилось перед домом Колина, а тем более письмо Колина.

Я прижала колено к ноге Тильмана, чтобы предупредить его.

- Колин убежал, - сказала я, не отводя глаз от папы. Короткая судорога прошла по телу Тильмана, но он промолчал.

- Хорошо, - ответил папа спокойно, не сдвинувшись с места. - Очень хорошо.

Он оставался стоять и смотрел на меня, сверля глазами. Я выдержала его взгляд. Его выражение лица оставалось замкнутым. Я не знала, что он планировал и раздумывал, какие тяжёлые мысли крутились у него в голове. Но прошло какое-то время, пока он, наконец, не развернулся и не зашёл назад в дом.

Глава 41. Бойня

Потрясение настигло меня поздно ночью. Внезапно моё сердце забилось так быстро, что я на одно мгновение подумала, что мне нужно сейчас же вызвать скорую помощь. На коже выступил пот, и у меня закружилась голова. Я отодвинула одеяло в сторону, скатилась с кровати и распахнула окно, потом ещё одно и ещё одно, пока все шесть окон не были открыты нараспашку и приятный ночной воздух не охладил моё разгорячённое лицо.

Уже сейчас я не верила, что смогу вынести хотя бы ещё одну единственную секунду не зная о том, что случилось с Колином в лесу. Напряжённо я прислушивалась к тому, что происходило снаружи. Сможет ли ночь рассказать мне что-нибудь о ходе битвы в лесу?

Но всё казалось мирным. Где-то далеко проехала машина, а потом в тишине раздался приглушённый гул самолёта. Луис, стоя, дремал внизу, в саду, левое заднее копыто подогнулось. Но свои уши он направил вперёд, готовый сразу же убежать в темноту, как только услышит зов Колина.

Тильман и я ещё совсем недолго посидели вечером под крышей гаража. Уже было поздно и ему пришлось вернуться домой. Сначала мне хотелось спросить у него, что у него вообще был за дом. Не беспокоилась ли его мать, если он так долго бродил один по лесу. Что делал его отец, если отец вообще был. Но мы уже так долго разговаривали, и я видела, что его мысли всё ещё были заняты Тессой. Всё случившееся отразилось на нём.

Наверное, я пыталась успокоить себя мыслью, что битва, вероятно, как раз только началась. Если у Колина нет никаких шансов, то всё закончится очень быстро. Если же есть, то это продлится минимум до завтра. И хотела я этого или нет - я нуждалась во сне. От усталости я едва могла сделать шаг. Я до того устала, что даже не могла что-нибудь попить. Но сон продлился не долго.

Теперь же я стояла больная и несчастная перед окном и ждала, пока моё сердце снова более-менее успокоится. И только иногда оно ускоряло темп, как будто сам дьявол охотился за мной. И примерно так оно, в конце концов, и было. Тесса была дьяволицей. Как только Колин и Тильман могли поддаться её чарам? Она была не только неряшливой и вульгарной. В моих глазах она была также жадной, отвратительной сучкой.

Я не хотела даже представлять, что именно она сделала с Колином – тогда, во время его крещения кровью. Можно ли было это сравнить с тем, что делали друг с другом человек-мужчина и человек-женщина? При этой мысли мне стало плохо. Или физической близости не было?

Хотя в моей комнате стало довольно прохладно, я оставила все окна открытыми, замоталась в одеяло и села в изголовье своей кровати. Там я ждала, прислушиваясь, и размышляла с пульсирующими висками, пока мой будильник не напомнил мне, что мне нужно идти в школу. Почему-то школа больше не вписывалась в мою жизнь. Она забирала время и отвлекала от того, что стало действительно важным для меня.

Сегодня было важно организовать приют для Луиса. На нашем газоне он не мог оставаться. Ему нужен выгул и приличная еда. Отвести его назад к дому Колина было немыслимо. Значит, оставалась только конюшня дедушки Майке – там, где Колин иногда с ним тренировался. Но кто позаботится о Луисе? Кто будет за ним присматривать?

Тильман появился ещё до завтрака.

- Луис? - спросил он только.

- Я знаю, куда мы отведём его. Можешь его, пожалуйста, вести?

Он кивнул, прошёл в сад и спокойно отвязал Луиса от забора. Мама и папа промолчали, когда я им сказала, что мы намеревались сделать. Мама посмотрела на Тильмана испытывающие. Папин же взгляд погрузился в мир, которого я не могла достичь.

Когда мы прибыли в конюшню, первый урок уже давно начался, и мы были оба уставшие и обессиленные. Тильман выглядел очень бледным. Снова и снова он хватался за живот, как будто его тошнило. Мои пальцы проявились в виде кровоподтёков на его щеке, а справа в углу рта запеклась кровь. Я выглядела не намного лучше.

Жужжание в голове ночью немного ослабело, и я уже начала к нему привыкать, но пульсирующая боль в виске, затылке и плечах не проходила. Что нам было нужно, так это горячая ванна, аспирин и обильный завтрак. То, что я хотела, было совсем другое.

Пони паслись мирно на пастбище, но из людей здесь никого не было, кроме нас. Луис фыркнул, когда Тильман, как само собой разумеющееся, отвёл его в его стойло в конце прохода конюшни. Я сунула несколько купюр за латунную табличку и понадеялась, что слепой дедушка Майке найдёт их.

Тильман похлопал Луиса на прощание по шее, как будто никогда ничего другого и не делал. Я должна была заставить себя пройти в стойло. Потом я всё-таки сделала это и даже набралась смелости, и дала Луису морковку, которую он нежно взял у меня из руки и с хрустом раскусил.

- Можешь иногда присматривать за ним? - спросила я Тильмана. - До того как...

Да, как долго? Пока я как-нибудь не узнаю, что Колин не выжил? А потом?

- Конечно, - сказал Тильман спокойно.

- А теперь нам нужно идти в школу, - вздохнула я, хотя мне и казалось это совершенно неуместно. Я ведь не могла идти в школу, в то время как Колин сражается там с Тессой. Тильман посмотрел на меня с сомнением. На его бледном лице появилась дерзкая усмешка. Слава Богу, Тесса не смогла её у него отнять.

- Гм, сегодня суббота. Уроков нет.

Значит, дошло уже до такого. Я даже не знала, какой день недели у нас был.

- Хорошо, - сказала я, вышла из конюшни и прислонилась к каменной арке.

Тильман последовал за мной, зевая. Тоскливо я прикоснулась к тёмно-зелёному безудержно растущему плющу и попыталась привести свои мысли в порядок. Это было трудно, потому что воспоминания парализовали меня. Здесь, как раз на этом месте, я в первый раз взглянула Колину в лицо, после того как он спас мотылька из ловушки паука. Внезапно я забыла про свои пульсирующие виски и отодвинула воспоминания в сторону.

Паук. Конечно! Мне нужно посмотреть, что делает паук. Я нуждалась в нём. Чёрная вдова показала мне, что Тесса прибыла. А в волосах и одежде Тессы кишели отвратительные ползающие насекомые. Каким-то образом она была с ними связана. Каким образом я не знала, но, может быть, Чёрная вдова подскажет мне так же, как обстоят дела в битве. Была ли Тесса ещё жива. Или... Я повернулась в сторону Тильмана, который рассеянно смотрел на пастбище.

- Мне нужно ещё кое-что сделать. Я была бы признательна, если бы ты не слонялся здесь один. Иди домой и хорошо выспись.

Тильман раздражённо скривил рот. Точно, он не любил приказы так же сильно, как и я.

- Прости, - добавила я и попыталась улыбнуться. Я потерпела в этом полную неудачу.

- Ты собираешься что-то предпринять, не так ли? Ты что-то планируешь...

- Тильман, я... я понятия не имею. Да, возможно я что-нибудь предприму. А возможно, и нет. Мне надо подумать. Но, несмотря на то, что из этого выйдет, нам сначала нужно отдохнуть. И притом основательно.

Слова "нам" сотворило чудеса. Не говоря ни слова и со скоростью обезьяны, он побежал впереди меня в сторону Риддорфа. Я спешила за ним, потому что всё равно собиралась идти по этой дороге. Когда мы достигли центра городка, он решил с покорным вздохом снова обратить на меня внимание. Он обернулся ко мне и сдержанно посмотрел на меня.

- Ну, хорошо, - проворчал он. - Мне действительно нужно срочно выспаться. Я всю ночь обдумывал всё это дерьмо.

И, не попрощавшись, он развернулся и перешёл на другую сторону улицы. Странная это была дружба.

- Тебе тоже хорошего дня, - прорычала я.

Потом я прошла к почте и спешно пролистала телефонную книгу. В школе я вряд ли встречу своего учителя по биологии. Я попыталась сначала найти его в Риддорфе. Шютц. Существовало только три записи. В Кёльне их было бы несчётное количество. Манфред. Это был он. По крайней мере, что-то, что сработало без проблем. Я записала адрес и спросила, как туда добраться на автозаправочной станции напротив.

Десять минут позже я стояла перед серо-отштукатуренном домиком, который срочно нуждался в ремонте. Табличка звонка пожелтела, а рядом с входом гнили дикорастущие кусты вьющихся роз. Мне пришлось позвонить три раза, прежде чем дверь, наконец, открылась. Господин Шютц встретил меня в халате в чёрно-синюю полоску и с лохматыми волосами, которые торчали во все стороны. А между ними просвечивала его маленькая, круглая лысина.

Заспано он смотрел на меня и не смог подавить зевок.

- Елизавета, что ты тут делаешь? Что-то случилось?

Он устало отошёл в сторону, так что я смогла войти. Пахло табаком, кремом для бритья и поджаренной яичницей, очень человеческий убаюкивающий запах.

Обстановка казалась практичной и запущенной. Никаких ковров на потёртом паркете, никаких украшений, никаких растений. Господин Шютц прошлёпал передо мной в старомодную кухню с гудящим бойлером на стене. Зевая, он поднял стопку газет с угловой скамейки, чтобы я могла сесть.

- Кофе? - спросил он.

- О, да, - вздохнула я.

Когда кофемашина начала булькать, у меня глаза закрывались от усталости. На мгновение я откинула голову на стенку, наслаждаясь обыденностью вокруг себя - даже если она казалось одинокой и непривлекательной. Между тем я была почти уверенна, что господин Шютц жил один. Я не могла обнаружить никаких следов женского существа. Ничего по-домашнему уютного.

Я ущипнула себя за щёки, чтобы в моё лицо опять вернулась жизнь. В конце концов, я пришла сюда не для того, чтобы пить кофе. Битва между Демонами Мара могла длиться многие дни, даже между двумя такими неравными противниками, как Колин и Тесса.

Всё-таки я не хотела терять время. Я должна была разрабатывать свой план дальше, который по дороге от конюшни сюда потихоньку начал принимать очертания. План был мне нужен, в противном случае Тесса разорвёт меня на куски. И план нужен был лучше, более обдуманный, чем вчера вечером.

- Итак, паук, - начала я медленно. - Мне очень жаль, что вчера я взяла и просто так сбежала. Но у меня были неотложные дела. Что-то очень срочное. И это не могло подождать.

Господин Шютц слушал меня молча и попивал своё кофе. Казалось, он постепенно становится более бодрым. Его волосы были всё ещё непокорными и не разгладились, когда он провёл задумчиво рукой по голове.

- Как бы там ни было, - продолжала я. - Я хотела бы знать, что с ней случилось. Как она себя сейчас ведёт. Дрожит ли ещё?

Я старалась говорить объективно и заинтересованно, но в моём голосе слышался страдальческий оттенок. Господин Шютц встал, пошёл в соседнюю комнату и вернулся с террариумом в руках назад.

Паук больше не дрожал. Он выглядел даже так, как будто в его теле вообще нет искры жизни. Цвет его панциря утратил ядовитое мерцание, а ноги были странно деформированы.

- Она мертва? - вырвалось у меня с удивлением.

Даже идиот мог почувствовать, что я жаждала смерти паука. А это был не очень научный образ мышления, потому что мёртвый объект наблюдения означал необратимый конец серии экспериментов. Но если паук был мёртв, то может быть ...

- Нет, - заглушил усталый голос господина Шютц мою зарождающуюся надежду. - Нет, она жива. Когда это случилось, в первый раз я тоже думал, что она мертва. Но она просто отдыхает. А потом снова начинает дрожать. Она всё ещё ждёт своего самца.

Значит, самец тоже всё ещё был жив? А Тесса отдыхала? Я снова откинула голову на стенку.

Моё ухо наткнулось на что-то жёсткое, угловатое, что у меня за спиной зашаталось. Сбитая с толку я обернулась. Вся стена была завешана детскими фотографиями в рамках. На всех них был изображён один и тот же мальчик - рыжеволосый, маленький, щупленький и со смышлёными золотисто-коричневыми миндалевидными глазами.

- О. Это ...? - Я посмотрела на господина Шютц вопрошающе.

- Мой сын, - сказал он тихо. Его взгляд потемнел. - Это мой сын.

Тильман был сыном господина Шютц? Один раз Тильман говорил о своей маме. И никогда о своём отце. Может, я ошиблась, и этот ребёнок был только каким-то мальчиком, который случайно выглядел, как он? Но теперь я вспомнила, что Майке сказала, что только отец Тильмана избавил его от того, чтобы тот вылетел из школы.

- Но он не живёт здесь с вами, не так ли? - осторожно расспрашивала я.

Господин Шютц медленно покачал головой.

- Нет, - сказал он, как будто разговаривая сам с собой. - Она забрала его у меня, после того как он на одной экскурсии в горах перенёс приступ астмы и упал. Право опеки не стало.

И теперь он в одиночку лазил по зарослям и подстерегал посреди ночи Маров.

- Мы наблюдали за медведями, - объяснил, задумавшись, господин Шютц.

Он не имел не малейшего представления, какими медведи были безобидными по сравнению с Демонами Мара. Я бы с удовольствием сказала ему что-нибудь утешительное, но он уже не воспринимал меня.

Кроме того, я не хотела больше медлить. Но с одной частью моего плана он всё-таки мог мне помочь. Я выпила последний глоток кофе, который был таким крепким, что меня почти передёрнуло, и осторожно постучала костяшками пальцев по террариуму, чтобы вернуть господина Шютц в настоящее время. Устало он посмотрел на меня.

- Я заберу её снова к себе, хорошо?

Он кивнул.

- И по поводу экскурсии - может быть, у вас есть энциклопедия для идентификации растений, которую вы смогли бы мне одолжить? Всего на несколько дней. Я хотела бы - э-э - немного осмотреться. Здесь в окрестностях. Лекарственные травы и всё такое, - объяснила я расплывчато.

Его морщинистое лицо озарила улыбка.

- Ну конечно, конечно, - воскликнул он, встал и вышел из комнаты. Какое-то время что-то грохотало и громыхало, а потом он вернулся с тремя книгами под мышкой назад. - Путеводитель природы от издательства Kosmos - классический экземпляр, ты знаешь его со школы. Большая книга лекарственных растений от Палова и вот, прекрасная энциклопедия психоактивных растений от Рэтш. Великолепные иллюстрации!

- Вы просто сокровище! - воскликнула я немного пылко и покраснела.

Я вскочила и поспешила натянуть кофту. Он смотрел на меня вопрошающе, но я избегала его взгляда. Представление о том, как я сижу с ним в этой задымлённой, убогой кухне и обсуждаю чисто с научной точки зрения всё дело, да может даже свой план, в котором обученный биолог, возможно, был бы хорошим консультантом, казалось заманчивым.

Но на это ушло бы слишком много времени. И была опасность, что господин Шютц затем тут же отправит меня в психиатрию для подростков.

- Спасибо за всё и хороших вам выходных, - пролепетала я и поспешила на улицу.

Размышляя, я позволила довезти себя на автобусе до Кауленфельда, не выпуская паука из виду. Теперь нужно было притвориться, чтобы зарядиться энергией. И точно обдумать, как мне действовать. Но уже сейчас мне было ясно, что нужно дождаться ночи, потому что только таким образом всё сработает так, как я это себе предоставляла - гротескный, почти безумный сценарий, но, в конце концов, я ведь имела дело с сумасшедшей.

Дома царила ледяная атмосфера. Я не могла избавиться от мысли, что мама и папа поссорились, хотя я не услышала ни одного громкого слова. Нет, они вообще не разговаривали. Папа ближе к вечеру поехал в клинику, а мама дёргала с мрачным лицом сорняки, как будто она имела дело с необыкновенно злыми демонами.

Я помогала ей, а если я между делом исчезала - я сказала ей, что простудила свой мочевой пузырь - то сравнивала, что видела, с иллюстрациями из книг господина Шютц. Моя нервозность стала невыносимой, и я прикусывала себе внутренние стороны обеих щёк, при попытках оставаться спокойной.

- Так будет лучше, Эли, - сказала мама нерешительно, когда мы сидели в зимнем саду и молча ужинали. - То, что он ушёл. Убежал.

- Да. Скорее всего, - согласилась я с ней уныло и всхлипнула.

Она поверила мне. Я заставила себя проглотить два бутерброда с ветчиной и выпить побольше воды и два крепких эспрессо.

Мне хотелось обнять маму, потому что, может быть, это было в последний раз, когда у меня для этого была возможность. Но всё, что вызывало подозрения, я должна была запретить себе.

Как будто догадываясь, что я что-то планирую, мама никак не могла сегодня успокоиться. Потребовалось вечность, пока внизу погасли свечи, и она легла спать. Часами я неподвижно оставалась сидеть на лестнице, только этого и ожидая. Представление могло начинаться. Я встала, зашла тихо в свою комнату и оделась.

Черная майка, черные джинсы, черные ботинки без каблуков. Мои волосы я зачесала назад, так туго, как только смогла, и заплела их в толстую косу. Потом я подняла из подвала пустую упаковочную коробку и прокралась в сад. Я заполнила небольшой горшок черной торфяной землёй и огляделась. Я быстро нашла то, что искала, после того как мои глаза привыкли к темноте. В саду их было много. Уже в то время как я дёргала сорняки, я наметила свой маршрут вдоль грядок в уме. Мама не только с удовольствием работала в саду. Она прикрывала нас. За всем этим скрывалась система, даже если казалось, что её ряды растений посажены хаотично. Я обрезала ветки, цветки и побеги пучками и бросала их в коробку. В конце я бесшумно проникла в папин кабинет и вырвала орхидеи из своих кадок.

С помощью двух экспандеров я закрепила переполненную коробку на велосипеде моей мамы. Мой собственный всё ещё лежал в подлеске. Сейчас пришло время самой неприятной части. После того как паук во время дороги домой снова и снова дрожал, теперь он съёжился вяло и нерешительно на дне. Он был слишком далеко, чтобы получать чёткие сигналы. Возможно ли это вообще, чтобы он привёл меня к нужному месту в лесу? Или я полностью ошибалась? И это был просто особо ненормальный паук?

С замиранием сердца я сдвинула крышку террариума в сторону.

- Умри, наконец, - прорычала я, когда накрыла его банкой, перевернула и закрыла банку крышкой. Раздражённо он поднял свои щупальце, чтобы потом прижаться ко дну банки. Нет, он не признавал смерть.

Но и я тоже. Я обернула банку несколькими длинными чёрными кусками ткани, которые похитила из маминой комнаты для шитья, и упаковала её вместе с книгами и моим

портативным CD-плеером в оливкового цвета рюкзак. Много хип-хопа не нашлось на моей полке для дисков, но несколько классических композиций должно хватить. Кипарисовый Холм, Снуп Дог, Эверласт. Я была почти уверенна, что Тильман слушал хип-хоп. После короткого колебания я взяла так же диск «Большие хиты Красных Острых Перцев Чили» с полки и положила его сверху.

Я должна была ещё перебороть себя и позвонить ему, чтобы принять в команду. Да, у него была астма. Но у него также был спрей, и он помогал. Тильман любил опасность. Он хотел быть там, в этом я была уверена. И он был единственный, кто обо всём этом знал. Только он мог рассказать моим родителем, что произошло, если мой замысел окажется безумием, и я там навсегда затеряюсь. Да. Мне нужен Тильман. Но я не должна пускать его в центр сражения. Он будет только моим шофёром и посыльным. В этот раз мне нужно будет настоять на этом. Я высунулась из окна и набрала его номер, который, к счастью, был сохранён в моём мобильном.

- Ты поспал? Ты в форме? - спросила я его тихо и пожелала маме глубокого, крепкого сна. Вероятность была большой, потому что папы не было дома.

- Э-э... Эли? Это ты?

- Да, кто же ещё? У меня есть план. Ты можешь водить машину? Вы, ребята, можете это всегда раньше, чем разрешено.

- Хм. Один раз я проехал на папином старом тягаче.

- Ладно. Этого должно хватить. Мы встречаемся через полчаса перед домом Колина. Я не думаю, что она там. Возьми с собой спрей.

- Ясно, - сказал он внезапно бодро и положил трубку. С опасно качающейся туда-сюда коробкой на багажнике и тяжёлым рюкзаком за спиной, содержащим ядовитого паука, я добралась до дома Колина. Тильман уже был там.

Мятежное поместье казалось покинутым и заброшенным, как будто уже десятилетия тут никто не жил. Холодный ветер начал сгибать верхушки елей, а тяжёлые капли дождя смешивались с порывами ветра.

Автомобиль Колина стоял, как спящий угловатый монстр на подъездной дороге. Я слезла с велосипеда и копалась, ища ключ от машины в кармане своих штанов. Тильман посвятил на машину своим фонарикам. Чёрная краска была покрыта глубокими царапинами. Пять, близкорасположенные друг к другу. Даже автомобиль она не пощадила со своей слепой алчностью, эта старая сучка.

- Вот! - Я бросила Тильманну ключ. Тот ловко поймал его и за пару секунд отпер двери. Я поставила коробку в кузов. Среди веток и побегов подозрительно шелестело.

- Что ты собираешься делать, Эли? - спросил меня Тильман скептически и отпрянул, чувствуя отвращение, когда мы сели, а я вытащила из рюкзака банку с пауком. - И вообще, как ты выглядишь?

Я изучила его обстоятельно. Его глаза были внимательными и ясными, но так же и очень требовательными. Я медленно выдохнула.

- Ты должен мне сейчас слепо доверять. Я знаю, это трудно. Но по-другому не получится. Сначала мы едем в лес. Где он самый непроходимый, а деревья самые высокие?

Тильман один момент размышлял.

- Ниже руины. Там также больше нет троп или что-то в этом роде. Однако...

- Тогда вези нас туда, - прервала я его. - Ты сможешь?

- Увидим, - пробормотал он и сунул ключ в замок зажигания. Он повернул его и мотор начал громко реветь.

- Ого, классно, V8, - заулыбался Тильман. Но когда он надавил на педаль газа, монстр ни на дюйм не сдвинулся с места.

- Что случилось? - прошипела я. - Почему мы не едем? Нет бензина?

- Если бы не было бензина, она бы не завилась, - дерзко осадил меня Тильман и стал возиться с переключением передач. Зафиксированный рычаг не двигался с места. - А теперь не мешай мне, я должен сосредоточиться. Это автоматическая коробка передач. Она для меня в новинку.

- Здорово, - простонала я и положила ладонь на сердце, чтобы успокоиться. Паук всё ещё оставался, казалось бы, безжизненный, на дне банки. Тильман возился с приборной панелью. Люк на крыше с гудением открылся, и тут же дождь промочил наши волосы. Наугад нажимая на рычаги и кнопки, Тильман снова закрыл его. По крайней мере, таким способом он нашёл дворники. Дождь усиливался.

- Я думаю, теперь я знаю, что делать, - сказал Тильман удовлетворённо, опустил сиденье ниже и надавил на педаль. Теперь коробку передач можно было переключить. - D, - прошептал он. Серебряный рычаг вошёл в паз. Тильман убрал ногу с педали тормозов, дошло до меня, и, как по волшебству, машина поехала вперёд.

- Стоп! - закричала я и прикрыла лицо руками. Банка с пауком упала с грохотом в пространство для ног. Машина остановилась с пронзительным металлическим скрежетом.

- Уф, это будет дорого стоить, - предположил он невозмутимо. Я заглянула вперёд. Он действительно насадил машину Колина на ель. Капот в середине был слегка выгнут вперёд.

- Ах, не имеет значения. Езжай! - приказала я ему. Тильман пожал плечами и провёл машину через узкую подъездную дорогу, что, скорее всего, удвоило стоимость ремонта. Но он быстро учился. Когда руина стала проглядывать между низко проплывающих туч, колёса уже почти больше не скрипели, если машина поворачивала. А когда он тормозил, нас больше не швыряло вперёд вместе с рюкзаком и коробкой.

Страха у меня не было. По сравнению с тем, что ожидало меня в лесу, это путешествие в ад, вероятно, было весёлой прогулочной поездкой.

Тильман свернул, не мигая, с шоссе на грунтовую дорогу и резко остановился. Быстро он выключил фары.

- Что случилось? - спросила я и оторвала свой взгляд от паука, который нерешительно начал подниматься на ноги. Внезапная дрожь пробежала по его панцирю. Мы были на правильном пути.

- Облавная охота, - сказал Тильман коротко и показал вперёд. - Они готовят облавную охоту.

В конце дороги на ветру трепетали флажки на ограждении. Я увидела группу охотников, проверяющих свое оружие, в морозном воздухе их дыхание превращалось в пар. До нас долетал яростный лай собак. Паук угрожающе поднял передние ноги.

- Нам нужно проехать. Иначе не получится. Они, наверное, подумают, что мы из их компании. Может, они даже узнают машину Колина, в конце концов, Колин - охотник. Просто поезжай. Только никого не задави.

- Эли, вон тот впереди - это отец Бенни!

- Ну и что? Он же не знает, что в машине сидим мы. Все произойдет так быстро, что они ничего не поймут.

Тильман смотрел на меня, качая головой. Его нос побелел, но он не казался потрясенным или испуганным.

- Ты совсем сдурела, Эли, - сказал он, ухмыляясь.

- Да, а теперь езжай, но не включай свет!

Он нажал на газ. Проревев, мы пролетели мимо охотников. На секунду я смотрела в изумлённые открытые глаза и рты. Потом автомобиль беспощадно порвал оградительные ленты. Одна осталась, как заблудшее свадебное украшение, висеть на внешнем зеркале, пока её не сорвала одна из веток, мимо которых мы проезжали. Я быстро обернулась. Нас никто не преследовал.

- Продолжай ехать прямо, - давала я направление Тильману. После нескольких метров паук опустил свои щупальца. - Нет, на право, попробуй на право.

С дороги мы всё равно уже давно съехали. Лес становился всё гуще, и иногда машина клонилась опасно в сторону, когда колёсам ещё раз приходилось преодолевать валуны или поперёк лежащие ветки.

- Эли, я почти больше ничего не вижу, - пожаловался Тильман и прищурился, пытаясь что-то рассмотреть.

- Зато я вижу. Я скажу тебе, куда надо ехать дальше, хорошо? На право! - закричала я.

Он быстро повиновался, прежде чем машина смогла свалиться по склону вниз в пропасть. Грохоча, она удержалась. Задыхаясь, Тильман продолжал ехать. Время от времени он механически хватался за свой спрей и делал ингаляции.

- Да, - сказала я удовлетворённо, когда паук едва заметно, но потом всё сильнее начал дрожать и, в конце концов, возбуждённо стал допрыгивать до крышки.

Машина со всего маху наехала на яму, и наши головы сильно ударились друг о друга. Быстро Тильман снова поймал руль, чтобы объехать два дерева. Потом ему пришлось остановиться. Тяжёлый, толстый ствол дерева лежал поперёк, а вокруг росли ели, слишком близко друг к другу, чтобы можно было проехать мимо. Теперь мы могли только или остановиться или вернуться назад.

- Здесь предел, - прокомментировал Тильман лаконично и облокотился, застонав, назад на спинку сиденья. Он бросил полный отвращения взгляд на паука, который снова и снова прыгал на стекло банки и дрожал всем телом. Между тем дождь шёл связанными нитями. Но небо окрасилось в мокрый тёмно-серый цвет. Утро приближалось.

- Я думаю, этого хватит, - решила я.

Тильман выключил мотор. Я приоткрыла дверь и прислушалась. Ни одна птица не пела. Я только слышала постоянный, давящий шум и барабанящие звуки дождя. Мы попали в глухой лес, похожий на лес Гензель и Гретель. Одна высокая ель вытягивалась за другой. Стволы в нижней части были совершено голые. Мягкая почва под ними усеяна иголками. Здесь даже при дневном свете не станет по-настоящему светло.

Я закрыла дверь, развернулась и перебралась в кузов. При помощи полосок ткани из рюкзака я привязала все эти ветки, которые нарезала, к телу. Белену чёрную, ночной жасмин, побеги дурмана, бругмансию, паслён сладко-горький и корень мандрагоры. Мама посадила их сотнями. Solanaceae. Семейство паслёновых. Потом я быстро схватила орхидеи и засунула стебли цветов в косу, под головную повязку и между полосок ткани, пока мою кожу и одежду под ними почти не было видно. Горшок с землёй я подставила ненадолго под дождь, чтобы увлажнить землю, перемешала чёрные комочки с большой долей отложенных в сторону цветков и намазала этой смесью лицо и шею. Под конец я взяла бутылку с водой, перемешала содержимое с месивом цветков и земли и сделала пару пробных глотков. На вкус оно было мерзким, но безопасность прежде всего.

- Грязь очищает желудок, не так ли? - сказала я решительно и выпила всё до дна.

Тильман смотрел на меня при этом в ужасе, как будто я уже давно сошла с ума.

- Эли, - сказал он наконец неловко.

- Тихо! - осадила я его и перебралась снова на переднее сиденье. - Что бы сейчас не случилось, ты должен ждать здесь и тебе нельзя думать обо мне. Ни обо мне, ни о нём. А так же о том, что я, возможно, в этот момент делаю. Но прежде всего о ней. Пообещай мне это! Это важно для нашего выживания. Они могут читать мысли. По крайней мере, некоторые из них.

Тильман сглотнул и кивнул. Я достала книги, портативный CD-плеер и компакт-диски из рюкзака.

- Это все книги об индейцах, какие я смогла найти. «Последний из могикан», несколько иллюстрированных книг, документальная книга и «Мудрость шамана». А еще вот музыка. - Я

протянула ему компакт-диски и портативный CD-плеер. - Сосредоточься только на книге и музыке. И ни в коем случае не засыпай, слышишь?

- Разве я не могу пойти с тобой? - спросил он с горящими глазами.

- Нет. Ты мне нужен здесь. Ты сразу же привлечёшь её к себе. Это слишком рискованно для всех нас. - Я понизила голос. - Вообще я уже слишком много об этом сказала.

- Но что мне делать, если ты не вернёшься?

Если я не вернусь ... Из-за сладкого запаха орхидей во мне волнами стала подниматься тошнота. Я впилась ногтями в ладони и стала поверхностно дышать.

- Я вернусь. Если всё-таки нет, тогда иди к моим родителям и расскажи им всё, что ты знаешь. - Одну вещь я должна была ещё всё же сказать ему. В конце концов, это могло произойти. - Но если я покажусь тебе странной, с другими глазами, другими движениями, более могущественной, тогда уезжай, не оглядываясь, хорошо? Вернёмся мы втроём, тогда так же убегай отсюда. Если они оба появятся здесь без меня, то тебе тем более нужно сматываться. А если она придёт одна, так как вчера, то уезжай так быстро, как только можешь. Тильман, пообещай мне это. Я знаю, что это возможно. От них можно оторваться. С таким автомобилем тем более. Моему отцу это удалось. Но я вернусь.

Я протянула ему банку с пауком. Я бы с удовольствием взяла его как радар, но мне нужна была Чёрная вдова, чтобы Тильман мог вернуть меня.

- Если этот паук вдруг больше не будет шевелиться, а именно дольше, чем только пару секунд, тогда думай обо мне и о нём, так сильно, как только возможно. Но только в этом случае! Иначе нет. Тебе нужно спровоцировать её, чтобы быть уверенным. Сможешь ли ты это сделать?

Он пожал плечами.

- Я ведь должен, - сказал он с несомненным отвращением. - И куда ты теперь пойдёшь?

Я посмотрела наружу, на проливной дождь. Чернота ночи смягчилась, и я могла видеть на несколько метров вперёд. Тем не менее, я не имела понятия, что ждало меня там, снаружи. Они были не далеко, это показало мне поведение паука. Но смогу ли я их найти?

- Я верну его, - сказала я и испугалась своего собственного голоса. Он звучал холодно и беспощадно. Я посмотрела на Тильмана. Он ответил на мой взгляд напряжённо, но спокойно. - Чао, - прошептала я и вылезла из машины.

Уже после нескольких метров я вся промокла. У меня был привкус земли на языке. Я открыла рот. Дождевая вода смочила моё сухое горло. Где ты Колин? - спросила я в мыслях и представила себе его лицо. Его заострённые уши, выступающий нос, его раскосый, угольно-чёрный взгляд. Где ты?

Я остановилась. Передо мной на земле что-то блестело, а к барабанящему звуку дождя присоединился этот безошибочный звук, который вызывают капли воды, падающие на металл. Я присела на колени и вытащила пряжку из-под промокших хвойных иголок. Пряжка Колина. Что бы это могло означать? Может, Тесса сорвала её с его тела? Была ли она одна из её трофеев? Или, может быть, Колин оставил для неё след?

Я пошла дальше, не размышляя, а полагаясь исключительно на своё чутьё. Вот. Вон там, в подлеске, что-то прилипло к стволу покосившейся ели, чему было не место в лесу. Я подошла ближе. Это был толстый пучок рыжих волос. Они сражались здесь. Хотя ветер шелестел только на самых верхушках деревьев, слипшиеся пряди ритмично двигались туда и сюда.

Я опустилась на землю и поползла от одного ствола дерева к другому, пока не услышала отдалённое журчание ручья. Почему я их не слышала? Может, они как раз просто остановились, чтобы снова собраться с силами? "Я буду высоко наверху, написал Колин, устрою ей засаду сверху". Бесшумно я перевернулась на спину и уставилась на призрачно качающиеся верхушки елей. Ничего.

Но потом вдруг подо мной задрожала земля. Я развернулась и крепко прижалась к стволу, находящемуся от меня с левой стороны. Раздался нечеловеческий крик, пронзительный и низкий одновременно, из-за которого меня охватил леденящий ужас. Тесса. Она атаковала.

Колин, позвала я в мыслях. Я здесь. Иди ко мне. Я заберу тебя отсюда. Иди сюда. Пожалуйста. Но как он сможет меня услышать? В конце концов, я ведь замаскировалась. Тут не было добра и зла. Было только два Мара. И одного из них мне нужно было перехитрить. К крику присоединилось хриплое, приглушённое рычание, которое казалось, никогда, не закончиться и которое отдавалось эхом.

Что-то разбивалось и трещало, но это звучало не как ломающееся дерево. Я ползла навстречу грохоту, пока не ткнулась лбом в валун. Хотя сразу из виска потекла кровь, я была благодарна за прохладный камень возле моего лба. Он скрывал меня. Медленно, миллиметр за миллиметром, я поднимала обвешанную орхидеями голову, пока мои глаза не смогли заглянуть за край утёса.

Теперь я знала, что только что было сломано. Кости Тессы. В странно искривлённом положении она лежала между двумя пнями, ноги неестественно раскорячены, шея сильно вытянута. Он сломал ей позвоночник. Где же он был? Я посмотрела наверх.

На четвереньках, как тигр перед прыжком, Колин на головокружительной высоте сидел на узкой ветке. Она прогнулась под его весом скрепя, но Колин ни на один момент не потерял равновесие. Он замер, как статуя, и смотрел вниз на Тессу, как будто знал, что теперь случится. Тесса хрюкнула, а её волосы сдвинулись, извиваясь, в сторону, пока дождь не залил её одутловатое лицо. Как она вообще могла быть ещё живой? Колин глухо застонал. Теперь и я тоже это слышала. С тихим органическим потрескиванием её кости снова срастались. Её ноги расслабились, а шейные позвонки с хрустом встали на место. Потрясающе быстро, она присела на свои волосатые ноги, торжествующе рассмеялась и, принюхиваясь, огляделась. Бесшумно Колин спрыгнул перед ней на землю и, прежде чем Тесса обнаружила его, края его ног обрушились на её лицо. Чёрно-коричневая кровь брызнула фонтанам на её накидку и испарилась с ядовитым шипением во влажном воздухе. Колин развернулся и ударил своими перевязанными руками по её хребту и шеи. Снова раздался треск, прежде чем он пнул ей поднятым коленом в живот. Тесса покачнулась и упала на землю, но его прикосновения, казалось, не доставляли ей никакой боли и даже не отвлекали её. Наоборот. С полными похоти глазами, с вытекающей слюной из сильно накрашенного рта, она смотрела на то, как Колин ломал ей кости, пока она не лежала на земле, как изуродованный, кровоточащий свёрток. И потом ей нужно было только подождать, чтобы снова восстановить свои силы.

Пятясь назад, Колин отступил в тень ели. Почему он её не схватит? Почему он не сожмёт её горло до тех пор, пока всё её силы не иссякнут? Не отрывая глаз от искривлённого тела Тессы, он яростно вытер руки о мокрый ствол ели, словно пытаясь этим очистить себя. Он всё ещё чувствовал к ней отвращение. Он не хотел прикасаться к ней. Несмотря на мой ужас, во мне вспыхнула маленькая искра радости. Колин остановился и втянул в себя, принюхиваясь, воздух. Сделав огромный прыжок, он набросился на меня и прижал так сильно к земле, что мой позвоночник затрещал.

Неистовый страх охватил меня, когда он схватил меня за горло и зарычал на меня с дико сверкающими глазами. За нами тихо потрескивало и похрустывало. Тесса оправлялась.

- Уходи, - прорычал Колин. Он свирепо оскалился. Был ли это тот Колин, которого я знала? Я начала дрожать.

- Нет, - сказала я беззвучно, чтобы Тесса не обратила на меня внимания. - У меня есть план. Пойдём со мной.

Колин прижал меня ещё крепче к земле. Я попыталась приподнять коленки, чтобы оттолкнуть его, но я потеряла контроль над своим телом. Я даже не могла больше моргать или использовать свой голос.

Но думать я всё ещё могла. "Отвлеки её, и я вытащу тебя отсюда".

Колин сердито смотрел на меня. Теперь я уже не могла дышать. Его вес слишком сильно давил на мои сжатые лёгкие. Пропитанный дождём, холодный ветер принёс к нам воркующий смех Тессы. Она снова пришла в себя.

- Нет, - ответил он, рыча. На один момент он закрыл глаза, потом поцеловал меня, крепко и долго и, как паук, быстро взобрался на ближайшее дерево. Я снова могла дышать. Но моё тело всё ещё оставалось парализованным.

Колин, ты сволочь, проклинала я его про себя. Что он намеревался теперь сделать, снова сломать ей все кости, чтобы на несколько минут обездвижить её, а меня в это время куда-нибудь унести? Я пыталась всеми силами, сконцентрировавшись, перевернуться на бок. Но даже мой мизинец не пошевелился. Так же и мои глаза оставались застывшими и открытыми. Только моя грудь опускалась и поднималась при дыхании, без того, чтобы я могла это контролировать. Поэтому у меня не было никакой возможности задержать воздух, чтобы притвориться мёртвой, когда внезапно на моё лицо упала тёмная тень и я смотрела в злые глаза громадного кабана. Пена капала из его отливающего чёрным носа, а его острые бивни были орошены кровью. Так же и по его взъерошенным бокам текли струйки крови. Наверное, его подстрелил один из охотников. Разъярённо он начал взрыхлять влажную землю. Потом, пуская слюни, он переместился пару метров в сторону. Угрожая, покачиваясь туда-сюда, он, ревя, опустил свою голову, пока бивни не стали касаться земли. Он хотел убить меня.

В следующий момент кабан помчался на меня. Его налитые кровью глаза были пристально направлены в мои. О, пожалуйста, Колин, позволь мне хотя бы закрыть глаза, когда он наброситься на меня и разорвёт на части. Я хочу думать о тебе, видеть твоё лицо перед собой, в то время как умру. Пожалуйста.

С леденящим кровь визгом щетинистое туловище кабана ударилось о мой живот. Он вспорол мне ногу, и я почувствовала, как кровь замочила мои штаны. Сейчас. Время пришло. Я умру. Но внезапно массивное тело оторвалось от меня.

Я была свободна и могла двигаться. Кабан снова завизжал, но в этот раз визг был наполнен страхом. Я бросилась в сторону. Тёплая, красная кровь брызнула мне в лицо и в мой от испуга широко открытый рот. Задыхаясь, я отплёвывалась.

Колин схватил кабана за спину. Он взвалил панически размахивающее копытами животное себе на плечи, как будто оно весело столько же, сколько кулёк муки и бросил его на скалу. Глаза кабана закатились. По щетинистой шкуре пробежала судорога. Потом он упал с последним повизгиванием на бок и с тяжестью налетел на меня. Его нос, хрюкая, затрясся, пока и он не стал неподвижным, а пена из его пасти, казалась, превратилась в прозрачный лёд.

Но уже приближалась Тесса, с зовущими протянутыми руками, её пронзительным тихим пением, непристойными глазами, полными похоти и жадности. Испепеляющий взгляд Колина скользнул ко мне, и я снова впала в состояние, похожее на смерть, как ранее. Я дышала, но не могла владеть своими мускулами. Ловко Колин уклонился от Тессы, но, как и вчера с Тильманом, постепенно его движения становились всё более неповоротливыми. Как долго они уже сражались? Внешне Колин выглядел нетронутым, и я едва могла себе представить, что она до сих пор вообще коснулась его. Но если ей удастся опрокинуть его на землю и лечь на него сверху, то всё было кончено. Только это он и пытался предотвратить всеми силами. Её близость была ядом.

Колин и Тесса исчезли из моего поля зрения. Новый грохот потряс землю. Чьё тело вызвало его? Тессы или Колина? Но внезапно прикосновение к моей ноге в одно мгновение заставило оцепенеть все мои мысли. Прохладная морда прижалась к моей кровоточащей икры ноги, и голодное рычание третьего существа смешалось с ужасным грохотом битвы из ломающихся костей и гипнотического пения Тессы.

Мне не нужно было видеть животное, чтобы узнать его. Я знала его мечты, и они касались меня. Это был волк. Он учуял мою кровь. Значит, в лесу есть довольно много способов, чтобы умереть, поняла я. Пение Тессы оборвалось отвратительным бульканьем.

Ещё раз сломал ей шею. Я лежала неподвижно и ждала, что острые зубы волка вопьются мне в кожу. Пока он ещё не порвал её. Кожа человека такая же прочная, как кожа животного. Но к моему безграничному удивлению я вдруг почувствовала, как тёплый язык волка утешающе и очень тщательно стал облизывать мою рану. Прежде чем я успела понять, что со мной происходит, передо мной появились чёрные глаза Колина. Грубо он оттащил меня от мёртвого тела кабана, на которое я всё это время облокачиваться и чья кровь смешалась с моей, пока не оставил меня возле дерева. Мои глаза начали болеть и слезиться. Колин перевернул кабана на спину, разорвал одним движением его живот и воткнул свои ногти в сонную артерию, в то время как дымящиеся внутренности выскользнули на землю. Не моргнув глазом, он подставил сначала свой торс под струю крови, а потом и лицо.

Если бы я не была парализована, я бы отвернулась. Но так я должна была наблюдать за ним, без возможности закрыть глаза. Колин засунул руку в зияющее чрево кабана и вытащил всё ещё слегка трепещущее сердце; другой рукой он хватал без разбора ткани и кишки.

Волк оставался мирно сидеть рядом с мёртвым кабаном, а его жёлтые глаза, не отрываясь, смотрели, почти мечтательно, в безучастное лицо Колина. Колин выпрямился и ждал, когда Тесса снова придёт в себя. Долго ждать не пришлось, когда изнуряющий хруст её костей смешался с барабанным стуком дождя.

Она закашляла и захрипела, выплюнула чёрно-коричневые сгустки крови на свою одежду. Медленно она вытягивала член за членом. Потом она вскочила, как будто бы ничего не было, и стала раскачиваться взад и вперёд и при этом пела. Колин вытянулся во весь рост, голова гордо поднята, грудь выпячена, живот втянут. Теперь и он расправил руки и элегантно и проворно зашагал в сторону Тессы. Кишки в его руке тянулись по земле и оставляли слизистый след крови, который не мог смыть даже дождь. Довольная, полная надежды улыбка появилась на бледном лице Тессы. Колин тоже улыбался.

Нет, подумала я в отчаяние. Что ты делаешь? Что же ты творишь? Нет! Пожалуйста, не сдавайся! Но Колин продолжал держать свои руки поднятыми, пока его вымазанный кровью торс не коснулся одежды Тессы. Застонав, Тесса стала тереться о его грудь и прижалась лицом к его разорванной рубашке.

Колин крепко обнял её. И вот он уже начал шататься. Ещё несколько секунд и Тесса придавит его спиной к земле. Но прежде чем Колин потерял равновесие, волк резко вскочил и стал часто дышать. Его тело было настолько напряжённо, что его мышцы дрожали.

Содрогаясь, Колин прижал свои губы ко рту Тессы. Она села на колени. Не отрывая от неё губ, Колин намотал кишки вокруг её шеи, а сердце кабана он засунул ей в вырез её грязной одежды. Волк грозно зарычал. Колин завопил от напряжения, когда с помощью сильного удара кулака оторвался от Тессы.

В недоумении она попыталась схватить его за руку, чтобы притянуть его снова к себе. Но волк уже был там. Завыв, он набросился на спину Тессы и опрокинул её. Прежде чем я поняла, что Колин освободил меня от оцепенения, он уже был возле меня и поднимал с сильно оттопыренной рукой вверх.

- Мне нужно тебя отшлёпать, - ругался он. Я невольно отшатнулась от него, и он тут же отпустил меня. От него воняло внутренностями кабана и затхлой одеждой Тессы, мускусом её одутловатой кожи. Его щёки были настолько бледны, что я думала, что могла видеть сквозь кожу кости.

Крик Тессы пронёсся через тусклый лес, когда волк разорвал одежду и набросился на её упругое, мягкое тело. Колин согнулся пополам, как будто ему нужно было вырвать.

- Я касался её, везде, - задыхаясь, сказал он и прижал руку к горлу. - Её яд ... он у меня на коже.

- Дождь смоет его, - попыталась я его успокоить, хотя почти больше не могла выносить его близость и запах. - Сначала мы должны выбраться отсюда. Ты можешь идти?

Я не стала ждать ответа. Он был Маром, он должен был быть в состоянии сделать это. Хромая, я изо всех сил старалась идти вперёд, только бы подальше от этого ужасного крика, раздающегося позади.

- Отыщи Тильмана. Он должен теперь знать, что мы идём, - дала я указания Колину. Но теперь это была я, кто сбавил темп. Моя раненая нога почти больше не повиновалась мне, а потеря крови ослабила меня. Всё вокруг меня кружилось. Но скорее я бы умерла здесь на месте, чем позволила прикоснуться ко мне Колину. Он обнимал Тессу. Он поцеловал её, и он был весь в крови и слизи.

- Не смей! - зашипела я, когда он хотел взять меня за руку. Он остановился, кивнул и повернул в другую сторону. На четвереньках я ползла за ним. Недалеко перед нами журчало в подлеске. Мы достигли один из многих ручьёв. Колин поспешил к берегу и погрузил свой торс в воду, пока течение не унесло основную кровь и ткани.

Он так яростно тёр свою кожу ладонями, что это выглядело так, будто он хотел оторвать её от костей. Но он до сих пор выглядел так, словно не мог выносить сам себя. Нервно он посмотрел на меня. Я сделала один шаг в его сторону и втянула в себя воздух. Я снова почувствовала его запах. Его, а не Тессы. И его соблазнительный аромат вытеснил всё остальное.

- Всё хорошо, - сказала я тихо. - Теперь ты должен мне помочь.

Я так близко подошла к нему, что могла наблюдать за тем, как капли воды на его бледных щеках испаряются за считанные секунды. Колин поднял меня одним быстрым движением, положил себе на плечи и побежал лёгкой поступью прямо к машине. Тильман сидел, будто окаменев, на сиденье водителя.

Бесцеремонно Колин распахнул дверь, толкнул его в сторону, а меня подтолкнул назад к кузову. Он повернул ключ. Машина тут же завелась.

- Так, моя дорогая Эли, - прошипел Колин и повернулся угрожающе ко мне.

Тильман испуганно вздрогнул.

- Он в порядке, - успокоила я его быстро.

- После того, как ты угробила мою машину и чуть не убила себя, я был бы тебе очень благодарен, если ты мне сообщишь о своём плане.

Я посмотрела на него исчерпывающе. В физическом отношении, казалось, он был в порядке. О его душе сейчас не было времени беспокоиться. Но внезапно он снова согнулся пополам. Дрожь прошла по его телу.

- Эта бестия, - произнёс он измученно. Его руки соскользнули с руля. Колин опустил своё туловище, застонав, на пассажирское сиденье.

- Это последствия от её яда. Но они должны пройти, - сказала я оптимистично. Тесса не опрокинула его. Я это точно видела. И это было решающим фактором: не упасть. А остаться стоять. Это просто должно было пройти.

- Что делает паук? - спросила я, не отрывая взгляда от Колина. Тильман виновато от меня отвернулся.

- Эли, я действительно думал, что он мёртв. Я даже потряс банку. Но ... когда вы только что подходили - он вздрогнул. Или мне это только показалось?

Я позволила своему лицу опуститься на дно кузова и подавила панику. Ладно, план Б. В конце концов, я ожидала, что такое случится, хотя не думала, что это произойдёт так быстро. Значит, это просто ещё не закончилось. С трудом я подняла голову и посмотрела на Тильмана. Он кусал свои губы. Видимо, его действительно мучила совесть.

- Поезжай ты! - крикнула я. - И поторопись! В клинику моего отца. Мы должны выбраться отсюда, немедленно.

Тильман перелез через безвольное тело Колина назад на сиденье водителя и направил машину, хрипло дыша, через лес. На востоке небо окрасилось в красновато-коричневый цвет.

Я перелезла на переднее сиденье и приложила своё ухо к груди Колина. Я услышала рокот, слабый и тихий, но услышала. И потому что я надеялась, что смогу помочь побороть его отвращение к себе, отныне и навсегда, я осталась там лежать, рядом с ним. С болью во всём теле и кровоточащей ногой, но возле Колина. Я прижала свои тёплые кулаки ему подмышки, пока его грудь, наконец, не расслабилась.

Глава 42. Отсрочка

- Эли!

Кто-то грубо потряс меня за плечо. Но я не шевелилась. Я не хотела просыпаться. Было так приятно лежать здесь и дремать.

- Эли, чёрт, сейчас же просыпайся. Мы приехали!

Я попыталась сбросить руку со своего плеча, но она ухватилась за него ещё сильнее. Ногти впились глубоко в мою кожу. Потом внезапно стало так светло, что мои глаза открылись сами. Тильман светил мне фонарикам прямо в лицо. Тильман? Внезапно я осознала, где была.

- Мы приехали, - сказал Тильман ещё раз и показал раздражённо вперёд. Как зловещий монстр перед нами возвышалась клиника. - Что теперь?

- Чёрт, чёрт, - причитала я. Я не могла больше пошевелить ногой. Она свисала, как будто не принадлежала больше моему телу. Я облокотилась на грудь Колина, в которой всё ещё тихо, но успокаивающе клокотало, и протянула свои ноги, застонав и ругаясь, вперёд, пока не оказалась на краю кожаного сиденья в сидячем положении.

Колин лежал холодный и неподвижный позади меня, всё ещё съёжившись, но его черты лица разгладились.

- Ты уверенна, что он жив? - спросил Тильман скептически.

- Да, - ответила я, тяжело дыша, и осмотрела мельком свою ногу. Она была покрыта чёрной коркой, но из раны теперь сочился только сок.

От кровопотери я, во всяком случае, не умру. А если умру, то скорее от инфекции. Но она убьёт меня лишь через несколько дней. Гной, высокая температура, сепсис. Похороны.

- Почему ты хочешь завести его туда?

- Мёртвые души, - объяснила я кратко, потому что каждое слово приносило боль. - Работают как защитная броня, потому что им больше не снятся сны.

Я подождала несколько секунд, прежде чем снова смогла говорить без того, чтобы мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание. Потом я взяла паука и отдала его Тильману.

- Пожалуйста, возьми его, может быть, он мне ещё понадобиться.

Неохотно он подчинился и засунул банку в карман своей куртки с капюшоном.

- Мы должны отвести его поближе к закрытому отделению, - продолжила я приглушённо. - Там будет для него самое безопасное место. В какую-нибудь пустую комнату.

Закрытое отделение. То отделение, где лечат самые сложные случаи психических заболеваний. Люди, которые пытались убить себя или других, у которых была сильная зависимость от наркотиков. Или вообще больше не знали, кем они были, и следовали за какими-то воображаемыми голосами, которые приказывали им невероятные вещи. Всегда, когда папа рассказывал об этом, у меня пробегали по спине ледяные мурашки. И в то же время меня одолевало безудержное любопытство. Именно поэтому я теперь об этом так много знала, чтобы бояться этого.

- Значит, нам нужен план сражения, - предположил Тильман задумчиво и нахмурился. - У тебя он есть?

Я только покачала головой. Мне это уже надоело - составлять планы. А слово «план» я больше не могла слышать. Но то, как мы выглядели... Мы были более чем подозрительными. Я всё ещё была покрыта землёй, ветками и цветами. Колин - да, что было с Колином или что он делал, я точно не знала. Но так как Демоны Мара не могли спать, он, скорее всего, был в сознании. Тем не менее, и его тоже никто не должен видеть. Его брюки и рубашка были порванными, а к его белой коже всё ещё прилипали остатки крови. Тильман выглядел более-менее нормально, но это нас не спасёт. Я посмотрела на часы в машине. Около шести утра. Потом мой взгляд последовал по тёмному недружелюбному фасаду здания клиники.

Закрытые отделения почти никогда не находились на первом этаже. Обычно их устраивали на третьем или четвёртом этажах. Да, в верхней части здания я смогла увидеть решётки на окнах. А с этажа выше, как раз под самой крышей, спускался пожарный шланг до самого мощёного двора. Многие грязные непрозрачные стёкла окон имели трещины, и не было никаких жалюзи или ставень.

- Хорошо. Теперь у меня появилась идея, - сказала я собрано. - Я думаю, медицинский персонал делает в это время обход пациентов, разносят завтрак и выдают таблетки. Мы дождёмся благоприятного момента, когда мы его незаметно сможем поднять на верхний этаж. Потому что выглядит так, будто там идет ремонт. И сегодня воскресенье. Строителей там не будет.

Я вытерла, как смогла, землю с лица, но она прилипла, как цемент, к моей коже. Запах орхидей становился всё интенсивнее. Но моей самой большой проблемой была моя нога.

- Тебе придётся поддерживать меня.

- Без проблем, - ответил Тильман. - А что же с ним?

Я обернулась к безжизненному телу позади себя.

- Колин? - спросила я тихо и провела по его бледной щеке. Медленно его длинные, изогнутые ресницы поднялись, и он посмотрел на меня - испытывая отвращение к себе и всё ещё злясь, но в себе. Он ничего не сказал.

- Я думаю, он не разговаривает, чтобы сэкономить силу, - предположила я беспомощно. Потом я посмотрела Колину глубоко в апатично блестящие от лихорадки глаза. - Но нести мы тебя не сможем. А теперь, пожалуйста, никаких больше игр наподобие того, кто над кем возьмёт верх. Я не Луис.

Я протиснулась мимо Колина и вылезла из машины. Как в замедленной съёмке и всё-таки удивительно плавно, он выпрямился, вышел из машины и подошёл к нам. Его веки ни разу не моргнули.

- Как мы пройдём мимо вахтёра? - спросил Тильман объективно.

- Ты её можешь как-нибудь отвлечь? Парализовать или что-то ещё? - попросила я Колина и бросила взгляд на худую женщину в домике для вахтёров, которая уже удивлённо смотрела на нас.

Колин повернулся призрачно медленно в её сторону и уставился своими глазами в её. Её голова упала безвольно в сторону. Она уснула. Колин незаметно кивнул. Его ледяное дыхание погнало нас вперёд.

С жатой челюстью и кулаками я подавила крик, когда моя нога наткнулась на дверь лифта. Колин облокотился неподвижно о стену и опустил веки. Может, он медитировал, чтобы подавить своё отвращение?

Я изучала панель с кнопками. 1, 2, 3, 4. Пятого этажа нет. Разве папа не рассказывал недавно о невыносимых условиях? То, что строители каждое утро, в полдень и вечером, шумя, проходят мимо его самых тяжёлых и больных пациентов, чтобы попасть к лестнице, ведущей наверх, на чердак? Я нажала на кнопку с 4. Лифт начал двигаться. Даже из-за этого небольшого рывка я зашаталась от боли. Тильман перехватил меня. Короткий подъём отдался тревогой в животе.

- Можешь, пожалуйста, ещё раз? - спросила я Колина нежно. В конце концов, нам нужно было как-то войти. А закрытые отделения вели к неизбежно закрытым дверям. Он не ответил. Его молчание поколебало моё терпение.

Двери лифта открылись, скрепя. Я встала спиной к холодной стене, рядом с трёхкратно запертой дверью и попыталась с помощью глубоких вдохов уменьшить пульсирующую боль в ноге. Тильман оглядывался с любопытством. Колин встал как раз напротив двери, взгляд непоколебимо направлен на замок. Мучительные минуты проходили, пока не послышалось приближение шагов, и не загремел замок. Рука Колина беззвучно вытянулась вперёд. Он

поймал безвольное тело медбрата, прежде чем он смог упасть, и положил его небрежно на пол. Мужчина громко захрапел. Колин ненадолго обвис, потом его мускулы и сухожилия снова превратились в сталь. Несмотря на мою раненую ногу, через несколько мгновений мы достигли конца коридора. Позади нас раздался рыдающий крик, который просто не хотел становиться тише.

- Ещё раз я не смогу это сделать, не становясь при этом для вас опасным, - проникнул голос Колина в моё сознание.

- Поняла, отправила я, молча, послание в ответ.

Осталось-то всего несколько метров. Мы не прошли ещё и трёх шагов, когда из двери с левой стороны в конце коридора высунулся зад, покрытой белым, одного из медбратьев.

- Давайте сюда, - прошептал Тильман и подтолкнул нас в комнату с правой стороны.

Колин последовал за нами, закрыл дверь и на четвереньках пополз по стене вверх. Потом он прилип спиной к потолку.

- Классно, - пробормотал Тильман и забыл на одно мгновение поддерживать меня.

Застонав, я упала.

- Привет, - сказал девичий, но пугающе изнурённый голос возле меня. - А вот и снова вы.

Озадачено я развернулась, в то время как Тильман поднимал меня снова на ноги. Мы почти оба упали. Маленькая толстая женщина стояла возле нас, с отсутствующим взглядом и строго разделёнными жидкими волосами. На ней была надета махровая пижама с вышитыми розовыми медвежатами.

- Э... да, - сказала я дружелюбно и села на свободную кровать.

- А почему вы здесь? - спросила она. Это звучало так, как будто она задавала этот вопрос уже бесчисленное количество раз и вовсе не была заинтересована в ответе.

Спонтанно я не могла придумать болезнь, которая бы мне подошла.

- Мания величия, - прорычало надо мной. Я посмотрела наверх: Колин всё ещё свисал неподвижно с потолка. Старуха последовала за моим взглядом.

- Только что покрасили, - сказала она с гордостью и направила свои бледные глаза снова на меня. Она не увидела и не услышала Колина.

- Ну? Скажите уже, почему вы здесь? - прошептала она заговорщицки.

- Я не знаю, - сказала я. - Вероятно по ошибке.

Женщина улыбнулась по-детски, но её глаза оставались пустыми.

- Да, да, так говорят все. Но они уже находятся тут долго. По крайней мере, три недели. Я всегда видела их за завтраком.

Я сглотнула. Женщина показала своим пухлым пальцем на саму себя и сказала шёпотом:

- Шизофрения. Но я скоро выйду. Мне можно будет выйти на свободу. Вам нужно будет ещё остаться. А мне можно будет выйти. Мне можно выйти.

Она повторяла это как мантру, как будто благодаря этому всё станет правдой.

Потом она прервала сама себя высоким "о" и уставилась на свою пустою таблетницу. Её улыбка внезапно исчезла.

- Вы сегодня ещё не принимали таблеток. Вам нужно принять таблетки. Подождите, я позову медбрата ...

Колин бесшумно упал вниз и вытолкал нас с холодным дыханием из комнаты. И действительно, дверь в конце коридора была открыта. Слишком хорошо знакомая рука сомкнулась вокруг ручки.

- Нет! - закричала я, испугавшись, когда Колин стал двигаться в ту сторону, и я хотела остановить его. Но ледяной ветер погнал Тильмана и меня за ним мимо папы, на лестничную площадку.

- Елизавета! - Папа смотрел на меня, не веря своим глазам, потом он последовал за нами. Дверь с грохотом закрылась. Ещё раз за нами раздался хриплый стон женщины, которая только

что безумно кричала. Где-то капала сточная труба, и пахло дезинфицирующим средством и строительными отходами.

- Ничего ему не делай, - умоляла я, но Колин снова вернулся в свою медитативную неподвижность, глаза закрыты, тело как из камня.

- Елизавета, - сказал папа ещё раз и смотрел на меня озадаченно, прежде чем его взгляд обратился к Колину и потемнел.

- Ладно, хорошо, - сказала я невнятно. - Он не убежал. Он с ней сражался. А я... я его оттуда вытащила, и если ты нам сейчас не поможешь, тогда я перееду завтра к Паулю и никогда больше не вернусь. Никогда!

- Ты становишься всё тяжелее, - пожаловался Тильман и присел на колени. Я скользнула к стене. С нескрываемым очарованием я наблюдала за тем, как свежая ярко-красная кровь вытекла из моей раны на пол.

- Я не позволю шантажировать себя, Елизавета, - сказал папа. Это прозвучало не очень убедительно.

Испуганно он смотрел на мою рану. Храбро я дотронулась до крови и нарисовала ей лицо на полу.

- Хорошо, - захихикала я. - Тогда завтра я поеду к Паулю и умру там. Ха-ха.

К лицу на полу я добавила два огромных уха, шею и большую грудь. Тщательно я выбрала место для сосков.

- Боже мой, да ребёнок полон галлюциногенов, - застонал папа и начал срывать с моего тела лишайники. - Ты думаешь, что очень умная, - проворчал он и убрал ветку белладонны из моего пояса. - Но то, что она, в их присутствие - он бросил сердитый взгляд в сторону Колина, - становиться во много раз сильнее, если носить её непосредственно на теле, а тем более при потери крови, наверное, ускользнуло от тебя при твоей экскурсии в ботанике.

- Я даже выпила, - объявила я гордо.

- О Боже, - застонал папа и похлопал меня по щекам, чтобы я не заснула. Я укусила его за палец.

- Ах, значит, в этом был смысл с этими растениями, - позабавился Тильман. - Господи, Эли, я уже подумал, что ты совсем сошла с ума.

- Так тоже можно сказать, - проворчал папа, который как раз запутался в мамином чёрном куске материи. - Что ты вообще тут делаешь?

- Ладно, я думаю мне пора исчезнуть, - пробормотал Тильман подчёркнуто безучастно и направился к лестнице.

- Ключи от машины, - прозвучало сердито от стены, возле которой присел Колин.

Он протянул руку, раскрыв ладонь. Я снова захихикала и начала задумчиво заплетать папины волосы в маленькие косички, в то время как он упрямо боролся с корнем мандрагоры, который застрял у меня в воротнике.

- Ну, хорошо, - недовольно пробормотал Тильман и уронил ключ в руку Колина. - Можно мне тогда брать у тебя уроки каратэ?

- Убирайся сейчас же! - закричал папа, разозлившись.

- Я уже ушёл, - сказал Тильман примирительно. - Я позвоню тебе, Эли.

- Если буду ещё жива, то возьму трубку, - усмехнулась я довольно. Папа вытянул последнюю ветку из моих волос и пошёл вверх по лестнице на верхний этаж. Я могла слышать, как он между всего ремонтного оборудования распахнул дверь.

- Давай сюда! - приказал он.

Колин сбросил с себя своё неподвижное, как камень, состояние и метнулся напоминающими кошачьи движения шагами вверх по лестнице и в комнату, из которой затхлый воздух дошёл до меня. На одно мгновение моё сознание прояснилось, и я хотела

последовать за Колином. Но папа уже снова был возле меня. Предупреждающе он обхватил меня за запястье.

- Так, моя девочка, а теперь мы позаботимся о тебе.

- Это, наконец, то всё? - спросила я. Меня вырвало два раза на папины штаны, потому что он не посмел дать мне обезболивающего, в то время как промывал и зашивал рану. Потому что я всё ещё находилась не в таком уж и не неприятном кайфовом состоянии, о котором никто не знал, как долго оно продлиться.

Как принцесса, я восседала на операционном столе и смотрела, как спокойно работали папины руки. Умело он протянул чёрную нитку через края раны и завязал узел.

- И это был действительно ...?

- Дикий кабан, - успокоила я его, растягивая слова. Я приставила пальцы к своим ушам, чтобы имитировать острые бивни кабана, наклонилась вперёд и закричала: - Бу!

Папа взял, качая головой, бинт.

Когда остались видны только мои пальцы под белыми повязками, облака за молочными стёклами продвинулись в сторону, и показалось утреннее солнце. Яркие лучи упали на скальпели, и они заблестели серебром. Папа и я зажмурили глаза и отвернулись. Мой дурман так же быстро улетучился, как и появился, и боль жестоко захватила весь мой разум и чувства.

- Отвези меня домой, папа, - попросила я прежде чем ослабела, и, потеряв сознание, опустилась на прохладные, зелёные простыни операционного стола. Только в воскресенье вечером мама пришла в себя от шока, пошла на кухню и поджарила пару сочных стейков. Сначала их запах завлёк папу, в то время как я сидела на кровати и массировала свои ноющие от боли виски.

Нога постоянно пульсировала, но температуры у меня не было. Когда я услышала, как стучат столовые приборы, я схватила свои костыли и заковыляла вниз. Мама и папа сидели молча друг против друга, не смотря друг на друга и не говоря друг с другом. Я взяла себе стейк и посмотрела сначала на маму, потом на папу. Они смотрели мимо меня.

- Я хочу к нему, - прервала я напряжённую тишину. - Сейчас.

Мама уронила нож. В уголках её глаз блестели слёзы. Папа глубоко вздохнул и посмотрел на меня. У меня застрял кусок мяса, который я как раз жевала, в глотке. Поспешно я схватила стоящий на другом конце стола стакан маминого вина и выпила его одним гладком. Кислота жгла в моём горле.

Папа встал.

- Тогда пойдём со мной, Елизавета.

- Нет, - прошептала мама.

- Почему нет? Ты ведь хотела, чтобы она узнала правду, - сказал папа с суровостью в голосе.

«Какую правду?» спрашивала я себя, и чувство угнетения невыносимо возросло.

Мама вздрогнула и посмотрела не него сердито.

- Я хочу этого, и в то же время не хочу. Так же как я хочу быть с тобой, а иногда вот не хочу.

- Не могли бы вы обсудить свои проблемы в отношениях позже? - упрекнула я их. - Вы ведёте себя весьма по-детски.

Не двусмысленным движением руки папа показал мне следовать за ним. Двадцать молчаливых минут позже мы стояли в пустом тёмном крыле клиники, над закрытым отделением, друг против друга.

- Он там, - сказал папа и показал на тяжёлую, железную дверь. - Пять минут, - добавил он. - Я буду ждать здесь.

Хотя мне это не нравилось, но мой инстинкт подсказал мне, что я правильно сделаю, если позволю ему остаться поблизости. Почему только он так быстро согласился с моей просьбой?

Это было на него не похоже. Я проковыляла к двери, нажала на заржавевшую ручку и распахнула её.

- Колин! - Я хотела броситься к нему, но его взгляд остановил меня.

- Нет, Эли, оставайся там, где стоишь, - закричал он предупреждающе.

Я остановилась.

- Почему? - начала я, но ему не нужно было ничего объяснять.

Колин сидел в углу этой пустой комнаты на шатком стуле, руки связаны за спиной. На нём всё ещё были его изодранные брюки и рваная рубашка, но очевидно, он смог помыться. Его глаза сияли лихорадочным блеском и были окружены тёмно-синими тенями. Везде на лице просвечивали вены фиолетового цвета. Жёстко выступали скулы под натянутой кожей. Он выглядел больным. И очень голодным. И потом было что-то ещё, что я не хотела признавать, но и не могла игнорировать. Это меня пугало. Колин пугал меня. Теперь его грудь затряслась, и рычание вырвалось у него из горла.

Резко он отвернулся и стал смотреть на луну, которая проглядывала через маленькое зарешеченное окно. Снаружи, где-то вдалеке, я услышала волчий вой. Руки Колина потянули за верёвки. Но они были так туго перевязаны, а также прицеплены к трубе батареи, что он не мог от них избавиться. Ни в этом состоянии.

Я даже не пыталась остановить слёзы. Боль в горле была невыносима и доходила до самого сердца.

- Почему он связал тебя? - рыдала я.

- Я хотел так, - сказал Колин хрипло. Он не смотрел на меня. - Так будет лучше.

Мои слёзы капали на грязный пол и оставляли тёмные круглые пятна. Они были попросту растрачены. Чисто бесполезная трата. Несмотря на предупреждение Колина, я подошла к нему, наклонилась и подставила щёку к его холодному рту. Мои костыли с грохотом упали на пол. Опять его грудь задрожала, а его язык жадно облизывал мою кожу. Я опустилась на свои дрожащие колени. Это было не так, как обычно. С каждой слезой, которую он съедал, из моего тела выходила сила. Но я стиснула зубы, вытеснила безумную боль в ноге и выдержала всё до конца.

Я должна была плакать, потому что в противном случае задохнулась бы, а он был голоден. Всё было просто. Мы помогали друг другу. В конце концов, я могла потом пойти домой и съесть остатки маминого стейка. Когда мне стало немного легче на душе и я могла держаться на ногах только прилагая огромные усилия, Колин, застонав, оторвался от меня.

Я протянула руки вверх, поднялась, опираясь на его плечи, к нему на колени и опустилась на его грудь. Я поцеловала его голую кожу. На ощупь она была как замороженная. Я позволила моим губам подняться вверх - да, здесь на его горле мои слёзы оставили тёплый след. Рокот в его теле, который только что был не регулярным и принуждённым, стал более спокойным и ритмичным. Какое-то время мы молча ждали, пока у меня снова не появилось немного энергии, а тёплый участок на горле Колина достиг его груди.

- Она не умерла, не так ли? - спросила я то, что уже давно знала. Тильман позвонил мне после обеда. Паук иногда шевелил своими ногами, как будто хотел попробовать, может ли он их использовать. Колин засмеялся, фыркая. Это прозвучало как шипение раненого зверя.

- Она просто не умирает. Я бы пытался и дальше, но ... Эли, посмотри, пожалуйста, на меня. Я тебе ничего не сделаю, я клянусь. Посмотри на меня.

Я подняла голову. В его глазах всё ещё была лихорадка и голод, но мои слёзы подействовали. Бледное отражение прошлого блеска возвратилось назад.

Он устало улыбнулся.

- Я бы продолжил бороться против неё дальше, если бы ты не появилась - скорее всего, зря. Но когда я учуял тебя, во всех этих цветах и ветках, как ты так смело и упрямо шагала ей навстречу ... Это вытянуло из меня силу, но так же сделало меня счастливым.

- Тогда у тебя очень странный способ показывать это, - вставила я. - При том, что моя маскировка сработала. Она меня не заметила.

- В конце концов, это бы случилось, поверь мне. И представь себе, галлюциногены начали бы действовать уже в лесу ... То, что она получит нас обоих - нет, я бы ей этого не позволил. - Он серьёзно посмотрел на меня. - Только вот это не решение.

Я отодвинула это высказывание подальше от себя. Я не желала признавать этого.

- Что же. Значит, ты всё-таки не умер. Вот так.

Колин слабо улыбнулся и покачал головой. Неожиданно мной овладела башенная ревность. Я оторвалась от него, встала, качаясь, и стала сердито на него смотреть. Колин невозмутимо смотрел в ответ.

- Чёрт, Колин, как ты только мог подпустить к себе такую женщину. Ты был молод и красив, а она - она просто отвратительна! Я всё время думала у неё лицо, как у модели, но ... - Беспомощно я замолчала. Я всё ещё не понимала этого.

- Если она делает то, что делает - вгрызается в душу и заставляет поверить, что она твоё спасение - тогда она прекрасна. Она как обещание. Но в тот момент, когда я понял, что со мной должно случиться, то увидел её истинное лицо. И ты права. Она отвратительная ведьма.

Я больше не могла стоять. Я снова опустилась Колину на колени и прикоснулась щекой к его прохладной груди, чтобы сохранить ясную голову. Но уже мои слёзы начали терять свою силу. Рокот в его теле стал более пронзительным и нервным. Его голод вернулся. А с ним и ужас, который снова и снова поднимался во мне, если я прижималась слишком близко к телу Колина. Он начинал становиться опасным.

- Крысы здесь не очень-то питательны, Эли, - сказал он с горечью. - Недалёкие, жадные сны - размножение и жратва, больше ничего. Я не знаю, как долго я смогу это ещё вынести. Мне нужно открытое небо надо мной, свобода. Мне нужна ночь. И мне нужна моя лошадь.

Снова ветер принёс к нам далёкий вой волка. Невольно Колин потянул за верёвки, опутывавшие его запястья. Я увидела, как они глубоко впились в его кожу. Голубая кровь потекла вдоль его пальцев и капала с заострённых, острых, как бритва, ногтей. Голос Колина стал ниже и более гневным, когда он продолжил говорить.

- Если Луиса нет рядом со мной и я чувствую сильный голод, Демон Мара проявляется во мне всё сильнее. Это демоническое зло. И всё это страдание вокруг меня – да, это защищает меня от Тессы, но это не может меня насытить. Здесь почти никому больше не сняться сны. А если и сняться, то это чистый ужас. Чем больше я это пью, тем слабее становятся мои хорошие чувства.

- Возьми мои мечты, Колин. У меня хватает. Ты можешь взять воспоминания о моём детстве - они красивые, правда. Я пережила интересные вещи, когда посещала бабушку. Или, может быть, ты хочешь взять воспоминания об отпусках? Мы хотя никогда не были на юге, но ты, скорее всего, всё равно понимаешь больше в холодных Фьёрдах, - уговаривала я его.

- Как ты думаешь, против чего я борюсь с того времени, как ты зашла в комнату, моё сердце? - спросил он тихо.

Его руки дрогнули, и на короткое мгновение его ногти проскребли по древесине стула. Мелкие опилки посыпались на пол.

Он покачал головой, хотя это явно стоило ему силы.

- Нет. Куда это приведёт? Ты хочешь приходить сюда каждый день и разрешать пить от тебя? Это уничтожит тебя. Я не могу этого сделать.

Теперь мне стало ясно, почему папа без уговоров и спора привёз меня сюда. У меня и Колина не было будущего. Печально он улыбнулся мне, без того, чтобы рычание, вырывающееся из его горла, прекратилось.

- Я думал, это может получиться. Как-нибудь. И я должен был знать, что ты снова выздоровеешь и что твой отец защитит тебя. - Его нос провёл нежно по моей щеке. - Боже, я не

мог на тебя наглядеться. Ты была великолепна в своём дурмане. - Его слабая улыбка исчезла. - Я пытался, Эли. Но это не получается. Это делает меня больным.

Он опустил голову, чтобы сразу же снова её поднять. Так он снова мог смотреть на луну. Его глаза впились в неё, как будто её слабое сияние могло облегчить его ноющий дикий голод. Я не могла ожидать от него, чтобы он оставался здесь. Он страдал.

- Где-то я читала, что любовь означает отпустить другого. Я думала это безвкусица. Но это правда, не так ли? - сказала я, от боли в горле чуть ли не задыхаясь.

Я взяла его холодное лицо в руки и поцеловала сначала его глаза, потом губы. Нерешительно он ответил на поцелуй. Он напрягся всем телом, чтобы противостоять моему предложению, но всё-таки остался непреклонным. Моей души он не коснулся.

- Луис стоит в конюшне деда Майке. Но, Колин, пообещай мне одно: не уходи, не попрощавшись со мной. Этого я просто не переживу.

Я чувствовала чёрную пожирающую силу притяжения взгляда Колина, хотя и опустила свои глаза. Его дыхание одновременно ледяное и горячее коснулось моего затылка. Опьяняющий аромат коснулся моего обоняния. Мои веки отяжелели.

- Эли, если я сделаю с тобой сейчас то, чего требует во мне всё - тогда ты должна будешь полностью меня связать, только чтобы спасти кусочек своей души. Я хочу тебя.

- Колин ...

Только ещё один раз его поцеловать ... только один раз ... Но что-то сотрясало и забирало мою силу, а мои мысли расплывались. Я сползла вслепую вниз.

- Уходи! - закричал Колин. - Поспеши!

Мне ещё удалось приказать своим мускулам двинуться в сторону двери, хотя из-за боли в ноге у меня на глазах выступили слёзы. Папа легко поднял меня на руки и бросился со мной по лестнице вниз на улицу.

Прежде чем я смогла найти окно Колина, чтобы посмотреть наверх, папа уже затащил меня в машину. Лишь когда мы оставили клинику далеко позади себя, напряжение оставило мою сведённую судорогой спину, а мои зубы перестали стучать.

- Ещё чуть-чуть и было бы поздно, - прорычал папа и похлопал меня коротко по здоровой коленке. Я только кивнула. Да, чуть-чуть и было бы чертовски поздно. И всё же, я снова хотела вернуться к нему обратно. Дома мама всё ещё сидела перед её остывшими стейками. Листья салата вяло утонули в соусе.

- Так. Это было в последний раз, то, что я сижу здесь в тихом доме, жду без дела и беспокоюсь, - сказала она с упрямым взглядом. Когда папа погладил её по спине, а она улыбнулась ему, я вдруг осознала, что было со мной и Колином. Он снова убежит.

И как только Тесса обретёт силу, она последует за ним, или вернётся в Италию и будет подстригать его. В течение многих лет. В течение многих десятилетий, если это будет необходимо. Она будет подстригать, пока Колин снова не почувствует что-то прекрасное и при этом подвергнется риску забыть её. Его судьба была думать о Тессе - какого бы сильного он не испытывал к ней отвращения. Не мне должны принадлежать его мысли.

Уютное единение моих родителей обжигало, как разъедающая кислота в сердце. Мне нужно было побыть одной. Ослеплённая слезами я проковыляла по лестницы наверх, в свою комнату, и закрыла за собой дверь. Я взяла серую куртку с капюшоном Колина, которую я ему никогда не возвращала, надела её и свернулась на своей кровати в калачик.

Мягкая, выцветшая материя всё ещё слабо пахла Колином - лошадью, каминным дымом, летним лесом и его чистой, шёлковой кожей. Хотя для этого не было никакого основания, я вдруг почувствовала себя защищённой и утешенной. Тепло ласкало меня и мои обеспокоенные мысли умиротворились. Не над чем было больше раздумывать, не о чем сожалеть или чего-то бояться, оставалось только одно: глубоко и крепко спать.

Улыбка проявилась на моем лице, когда я закрыла глаза, а моё тело постепенно забыло оставаться собой и погрузилось туда, куда зло и страх не могли проникнуть.

Глава 43. Рассвет

- Открой глаза. Сейчас, - раздался шёпот в моём разуме. Я сразу же подчинилась. Моя комната была залита мягким бархатно-серым лунным светом. Как покрывало, он ложился на мою кожу. Я села и с удивлением стала смотреть на свои руки. Каждый из тонких волосков переливался и блестел. Моя нога была цела.

- Выходи на улицу. Иди ко мне, - снова прозвучал шёпот.

Мне нужно было только своими голыми пальцами совсем немного оттолкнуться от пола, чтобы преодолеть гравитацию. Мистер Икс, который сидел посередине комнаты с жёлтыми блестящими глазами и с переливающимся, трещащим мехом, вскочил беззвучно на подоконник. Я последовала за ним. Мягко он пробалонсировал по коньку крыши, прыгнул на фронт гаража и оттуда вниз на забор и просёлочную дорогу.

Я смогла легко последовать за ним. Мне даже не нужно было ступать на ноги. Я всё-таки делала это, потому что наслаждалась тем, как мою подошву щекотала заросшая мхом черепица, выветрившаяся древесина и мокрая от росы трава. Чёрное, чистое небо нависло над горизонтом. Луна была в самом зените. Я могла видеть кратеры на её круглом лице и протянула к ней руки. Я бы хотела до неё дотянуться.

Кот быстро помчался по серебристо-освещённой просёлочной дороге вверх, мимо шелестящего дуба до яблонь, которые вытянули свои древние ветви, как в мольбе в сторону звёзд. Пахло дикой сладостью переспелых фруктов. Я могла слышать насекомых и извивающихся червей, которые объедали сочную мякоть яблок.

Грива Луиса падала волнами на его изогнутую шею. Я провела пальцами по его эбенового цвета шерсти, в то время как он смотрел на меня своими большими глазами и тихо фыркал. Его раздувающиеся ноздри чувствовали свободу.

Колин повернул голову в мою сторону и соскользнул бесшумно с Луиса. Лесные животные позволили ему выпить свои сны. Его глаза сверкали и блестели, как будто в них горел огонь. Мотыльки трепетали вокруг его лба. Я вытащила одного мотылька из его извивающихся волос и посадила себе на тыльную сторону ладони. Его покрытые пыльцой лапки прицепились к моей коже, ища защиты. Я подула ему на крылья, чтобы он улетел. С глубоким жужжанием он взлетел с моей тёплой кожи.

- Разбуди меня! - попросила я Колина. Ещё никогда мой голос не звучал так красиво. Я находила в себе всё красивым. Удивлённо я разглядывала свои босые ноги и свои узкие, изящные лодыжки. Я чувствовала свою силу и свой ясный ум в каждом миллиметре своей кожи. И всё же это не было реальностью. - Пожалуйста, разбуди меня! Я хочу помнить это.

Колин не отреагировал. Он взял меня за руки, поцеловал кончики моих пальцев и притянул меня к себе. Было так, будто мимо нас пронеслись годы, в одно и то же время весна, лето, осень и зима. Я чувствовала горячее солнце на своей спине, бурю в своих волосах и ледяные снежинки на своём затылке.

- Прощай, Эли, - сказал Колин, прежде чем поцеловал меня, и его острые ногти слегка впились мне в спину. Я любила эту боль. Мне нравилось даже печаль, которая уже сейчас начала охватывать меня. Но Колин был ещё здесь. Поэтому пока она не причиняла мне вреда.

- Почему ты не разбудишь меня? - спросила я, положив руки на его щёки. Я должна была запомнить его лицо, всеми своими органами чувств. Навсегда.

- Потому что прощание было бы очень болезненным, - сказал он и в последний раз улыбнулся мне, прежде чем он вспрыгнул на спину Луиса и ускакал в темноту. Утешение и чувство защищённости осталось.

Они отнесли меня через холодную ночь назад, в мою пустую, одинокую комнату. Расслабленно я примостилась в кровати и всё ещё чувствовала руки Колина, обнимающие моё

тело. Они держали меня возле себя, пока сновидение не начало растворяться и сон не поглотил моё сознание.

Когда я снова пришла в себя, подбежала к окну и посмотрела на улицу, все поля, деревья и дороги были покрыты серебристо-серым инеем. Лес выделялся, неподвижный и белый на невзрачно голубом, утреннем небе. От самой высокой ели на заднем краю леса оторвалась чёрная тень, полетела в сторону нашего дома и жалобно закричала. Я долго смотрела ей вслед, как она поднимала и опускала свои крылья, равномерно и сильно, приближаясь к восходящему солнцу. И я знала, что Колин ушёл.

С укоризненным «мяу» Мистер Икс вылез из-под моего одеяла, прыгнул рядом со мной на подоконник и стал на меня требовательно смотреть. Мне сразу же бросился в глаза красный ошейник с металлическим футляром. Я открыла его и вытащила свёрнутый клочок бумаги.

"Позаботься о нём, пока мы не встретимся вновь - в этой или в другой жизни. Ты ведь знаешь, он любит рыбу. А я люблю тебя. Колин."

Я прижала письмецо к сердцу, подошла к прикроватной тумбочке и выдвинула ящик. Я взяла список с перечислением потерянного. Качая головой, я прочитала его. Потом я взяла толстый карандаш, перечеркнула все записи и написала большими, чёткими буквами ниже:

"Последняя и единственная потеря: мой страх."